Marah - A[illegible]

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XCVIII.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1818.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Марта 11 дня 1818 года. *Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 5.

МАРТЪ 1818.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Прекрасная Полина.

(Изъ новыхъ повѣстей Графини Жанлисъ.)

Реймондъ VII, послѣдній изъ Тулузскихъ Графовъ, славенъ въ Исторіи своими волокитствами, своими добродѣтелями, своею храбростію и войнами, которыя надлежало ему выдержать для покоренія собственныхъ областей, утраченныхъ злополучнымъ отцомъ его. Мужествомъ и постоянствомъ онъ наконецъ возвратилъ наслѣдіе свое, и миръ былъ счастливымъ плодомъ долговременныхъ трудовъ его. Графъ съ молодыхъ лѣтъ любилъ науки; Дворъ его былъ мѣстомъ собранія всѣхъ славнѣйшихъ Провенскихъ поетовъ. Сей Принцъ отличался оригинальностію мыслей, иногда слишкомъ уже необыкновенною; сочинялъ стихи по-

добно какъ и всѣ Принцы того времени, и употреблялъ въ разговорахъ метафоры болѣе странныя, нежели блестящія, а особливо сравненія, приличныя одной только Поэзіи; ни одинъ критикъ не сказывалъ Принцу, что онѣ должны быть правильны и новы. Поетъ-Государь рѣдко находитъ строгихъ судей въ областяхъ своихъ. Реймондъ однакожъ ненавидѣлъ лести, и желалъ, чтобы всѣ его окружающіе, ненарушая уставовъ предписанныхъ етикетомъ, обращались съ нимъ такъ точно, какъ обращались въ свѣтѣ, и сохраняли бы свой характеръ; Принцъ не препятствовалъ ни благопристойной веселости, ни своенравнымъ мыслямъ мизантропіи, ни острымъ словамъ Прованской пылкости. При Дворѣ его видимы были не обманчивыя личины, но физіономіи прелестныя, разнообразныя; наконецъ люди, которыхъ онъ зналъ, и которые составляли приятное общество; ихъ разговоры занимали его и доставляли ему даже полезныя свѣдѣнія: ибо при свободѣ шутокъ, епиграммъ и живыхъ споровъ истина является гораздо лучше; она менѣе прикрыта, нежели въ разговорахъ обдуманныхъ и важныхъ. Между молодыми витязями, которые въ то время находились при Дворѣ Реймонда, и которые наиболѣе отличились въ послѣднихъ походахъ, былъ одинъ, превосходившій всѣхъ другихъ неустрашимостію и чрезвычайною силою, проворствомъ въ сраженіи и благо-

родствомъ характера, именно Блакассъ, потомокъ знаменитаго дома, владѣлецъ Мутьерскій. Графъ Тулузскій оказалъ ему честь особеннаго дружества. Блакассъ соединялъ съ мужествомъ, самымъ неустрашимымъ, сердце человѣколюбивое и сострадательное, отважное въ сраженіяхъ, откровенное при Дворѣ, не только чуждое всякой суровости, но еще исполненное снисхожденія и кротости. Онъ былъ любимъ даже своими соперниками невзирая на его превосходство передъ ними, потому что никогда не давалъ чувствовать его ни высокомѣріемъ, ни пренебреженіемъ, а еще болѣе потому что презиралъ богатство и что никогда непользовался случаемъ своимъ для испрошенія милостей. Между тѣмъ Блакассъ имѣлъ честолюбіе, но честолюбіе благородное, столь же высокое, какъ и душа его. Не добиваясь и нелюбя ничего инаго, кромѣ славы, онъ не думалъ о томъ, чтобы разсудокъ когда нибудь долженствовалъ удерживать его желанія. Блакассъ не зналъ такого жребія, который былъ бы выше чувствъ его и мужества; онъ не помышлялъ еще о состояніи своемъ и знатности; но мысль о завоеваніи трона не болѣе стоила бы ему, какъ и мысль о пріобрѣтеніи въ арміи новыхъ чиновъ своею храбростію. Графу Тулузскому нравились въ Блакасѣ смѣлость, откровенность, оригинальность мыслей, придаваемыя уму его гордостью чув-

ства и веселостію характера. Графъ нѣсколько разъ принималъ на себя стараніе найти для него невѣсту, и предлагалъ ему богатыхъ наслѣдницъ; но тщетно. Блакассъ, равнодушный къ богатству, былъ также равнодушенъ и къ любви; не смотря на то, имѣлъ все расположеніе къ сильнѣйшей страсти; но чрезвычайная осторожность заставляла его откладывать выборъ невѣсты.

У Реймонда была единственная дочь, шестнадцати лѣтъ, воспитанная далеко отъ военнаго позорища въ одномъ старомъ замкѣ, за двадцать миль отъ Тулузы. Никто еще при Дворѣ невидалъ юной Принцессы, которую звали Оразіей, и красоту которой очень много хвалили. Графъ поручилъ Блакассу отвезти ей письмо, которымъ предварялъ ее, что въ концѣ лѣта она будетъ взята ко Двору. Сверхъ того Блакассъ долженъ былъ сказать Принцессѣ изустно, что Графъ занимался переговорами о ея супружествѣ съ Графомъ Пуатьерскимъ, братомъ Короля Французскаго (*), и что онъ собирался ѣхать въ Парижъ единственно для сего предмета. Блакассъ на другой день отправился въ путь, принявши повелѣніе соединиться съ Графомъ при Дворѣ Лудовика, какъ скоро исполнитъ свое препорученіе.

(*) Св. Лудовика.

По прошествіи сутокъ въ дорогѣ, Блакассъ, сопровождаемый однимъ конюшимъ и однимъ пажемъ, въѣхалъ около полудня въ дубраву, которая была только въ полумили отъ за́мка Принцессы Оразіи. Вдругъ услышалъ онъ вдали пронзительные крики женщинъ; далъ шпоры коню и поскакалъ въ ту сторону, откуда неслись вопли. Конюшій и пажъ слѣдовали за нимъ; нашли плачущую женщину на носилкахъ, остановленныхъ разбойниками, которые, увидѣвъ храбраго всадника, бросились бѣжать. Женщина, освобожденная Блакассомъ, была лѣтъ сорока, величественнаго лица. Она изъявила избавителю своему живѣйшую благодарность. Блакассъ, узнавши, что она предпринимала путь въ Тулузу, пожелалъ выпроводить ее изъ лѣса, отдалъ Графское письмо пажу, приказалъ ему вручить оное Принцессѣ, и увѣдомить ее, что самъ пріѣдетъ непозже какъ черезъ часъ. Выпроводивши Доралису (такъ звали даму) на большую дорогу, онъ воротился въ лѣсъ и прибылъ въ за́мокъ Принцессы. На первомъ дворѣ встрѣтился Блакассъ съ пажемъ своимъ, и спросилъ о Принцессѣ. Пажъ сталъ говорить ему о красотѣ ея съ такимъ восторгомъ, что возбудилъ любопытство въ Блакассѣ, который удвоилъ вопросы. Пажъ сказалъ ему, что нашелъ Принцессу въ звѣринцѣ посреди сиренговой рощицы поющую и играющую

на лютнѣ; что на Принцессѣ было голубое платье, поясъ и ожерелье янтарные, и цвѣтокъ сиренги въ прекрасныхъ бѣлокурыхъ волосахъ ея; что правильныя черты и блескъ лица ея были несравненны. Пажъ еще говорилъ, когда молодой витязь въѣхалъ чрезъ подъемный мостъ на широкой дворъ замка. Тамъ неожидали, чтобы Блакассъ прибылъ такъ скоро; престарѣлый конюшій, глухой и почти слѣпой, встрѣтилъ его; сказалъ ему, что Принцесса была въ звѣринцѣ, и что онъ его туда проводитъ. Блакассъ встаетъ съ лошади и слѣдуетъ за нимъ. Витязь усмотрѣлъ вдали сиренговую рощицу, которая была вся въ цвѣтахъ; скучая тяжелыми шагами проводника своего, онъ сказалъ ему, что видитъ рощицу и что пойдетъ туда одинъ, и недожидаясь отвѣта, бросилъ конюшаго и продолжалъ путь свой. Подошедши къ рощицѣ, онъ услышалъ лютню и сладостные звуки восхитительной духовной пѣсни въ честь Бовезерской Пресвятой Дѣвы (*). Онъ поспѣшаетъ, входитъ въ рощицу и при взглядѣ на очаровательный предметъ, явившійся глазамъ его, сталъ неподвиженъ отъ удивленія.... Блакассъ находитъ, что пажъ его неумѣлъ описать ничего кромѣ одежды и головнаго

(*) На поклоненіе которой ходили преимущественно въ сіи древнія времена жители Прованса.

убора несравненной Оразіи, и что не далъ даже и понятія о рѣдкой красотѣ ея. . . Разсматривавши ее въ безмолвіи нѣсколько минутъ, Блакассъ твердо вознамѣрился не говорить ей о женихѣ, для нее назначаемомъ; становится колѣномъ на землю, кладетъ руку на сердце и въ то же мгновеніе вставши, поспѣшно удаляется и исчезаетъ. Онъ пробѣгаетъ садъ, встрѣчается подлѣ замка съ пажемъ, который проситъ его войти въ большую залу чертоговъ, куда Принцесса, сопровождаемая дамами, долженствовала прибыть немедленно. Блакассъ ничего неотвѣчаетъ, идетъ на широкой дворъ, бросается на коня своего и уѣзжаетъ съ быстротою молніи. Нигдѣ неостанавливаясь, Блакассъ очень скоро пріѣхалъ въ Парижъ. Тамъ нашелъ онъ Графа Тулузскаго и со всею искренностію своего характера признался ему во всемъ, что ни происходило въ душѣ его. Онъ сказалъ, что одна минута рѣшила судьбу его, и что онъ боготворитъ Оразію. Удивленіе Графа было чрезвычайно. — „Но, любезный Блакассъ!" сказалъ онъ витязю: „какія же твои надежды?" — Свершить самыя необыкновенныя дѣла, чтобы быть ее достойнымъ. — „Какъ! ты безъ шутокъ думаешь, что можешь склонить меня отказаться отъ союза съ Графомъ Пуатьерскимъ, съ великимъ Принцемъ?" — Вы хотите короны? Скажите, Государь, и я

найду способѣ приобрѣсть ее. — „Какія же будутѣ права твои на полученіе короны?“ — Первыя изо всѣхѣ правѣ: мужество и добродѣтель. Развѣ простой Нормандской дворянинѣ, Танкредѣ Готвилль, не утвердилѣ Сицилійскаго трона за дѣтьми своими? . . Говорятѣ о Крестовыхѣ походахѣ; я вступлю вѣ службу, послѣдую за Лудовикомѣ, и столько прославлю имя свое геройскими подвигами, что содѣлаюсь достойнымѣ счастія, котораго осмѣливаюсь желать. — „Ты говоришь вздорѣ сѣ такимѣ чистосердечіемѣ, что невозможно отвѣчать на слова твои со строгостію; все, что могу сказать тебѣ, есть слѣдующее: во первыхѣ, ничего нѣтѣ страннѣе мысли твоей жениться на моей дочери; во вторыхѣ, подобный союзѣ столь же не возможенѣ, какѣ было бы невозможно совокупить двѣ горы.“ Сіе чудное сравненіе неимѣло никакой новости вѣ устахѣ Графа, ибо онѣ весьма часто употреблялѣ гиперболы етаго рода. Блакассѣ, вмѣсто того чтобы придти вѣ отчаяніе, улыбнулся. — Государь! — сказалѣ онѣ: — ежели мы легко отказываемся отѣ дерзкой надежды, то заслуживаемѣ посмѣяніе; но твердостію вѣ предприятіи возвышается честолюбіе: она придаетѣ великій характерѣ самому дурачеству. Судите же, расположенѣ ли я лишиться бодрости отѣ перваго препятствія? — „Но ето препятствіе непобѣдимо.“ — Совсѣмѣ нѣтѣ,

Государь! я восторжествую надъ нимъ. — При сихъ словахъ Графъ началъ смѣяться; между тѣмъ онъ запретилъ Блакассу искать способовъ видѣться съ Принцессой. Блакассъ увѣрялъ его, что не только не имѣлъ сего намѣренія, но еще всячески будетъ стараться убѣгать Оразіи до тѣхъ поръ, пока Графъ не одобритъ любви его. Реймондъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ онъ никогда не увидитъ Оразіи, — отвѣтъ, который нимало невстревожилъ Блакасса. Принцъ совѣтовалъ ему также ни съ кѣмъ не говорить о своемъ дурачествѣ, и Блакассъ сказалъ на ето, что имѣя такого повѣреннаго какъ онъ, не льзя желать другаго.

Почти тотчасъ же послѣ сего разговора Блакассъ уѣхалъ изъ Парижа, но имѣлъ напередъ утѣшеніе слышать съ достовѣрностію, что въ переговорахъ о супружествѣ Принцессы и Графа Пуатьерскаго встрѣчались большія затрудненія, и что если оно и воспослѣдуетъ, то непрежде какъ черезъ два года.

Блакассъ прибылъ въ свое Мутьерское помѣстье, находившееся недалѣе десяти миль отъ замка Принцессы. Близь маленькаго города Мутьера были двѣ превеликія горы, чрезвычайно крутыя и раздѣленныя пространствомъ на 250 шаговъ. По удивительному случаю одна изъ сихъ горъ находилась

во владѣніи Блакасса, а другая на землѣ, принадлежащей къ замку Принцессы Оразіи. Блакассъ, вспомнивши о сравненіи Графа Тулузскаго, возымѣлъ съ двоякимъ удовольствіемъ намѣреніе соединить прочною связью сіи двѣ границы. Это было для него въ одно время рыцарскимъ предпріятіемъ, сладостнымъ предзнаменованіемъ и самою счастливою емблемой. На обѣихъ вершинахъ горъ Блакассъ велѣлъ укрѣпить желѣзную цѣпь концами, вытянуть ее по воздуху и украсить на срединѣ бронзовой звѣздою. Блакассъ имѣлъ девизомъ своимъ звѣзду съ сими словами: *Выше всего.* Девизъ не очень скромный; но таковъ былъ духъ тѣхъ временъ. Девизами объявляли и о намѣреніяхъ и о чувствованіяхъ, а особливо хотѣли, чтобы они означали совершенство или величіе. Впрочемъ Блакассъ подразумѣвалъ одинъ только моральный смыслъ въ своемъ девизѣ. „Онъ значитъ единственно," говорилъ витязь „что, благодаря моему характеру, я *выше* всякаго приключенія." Но желая принять такой девизъ, которой бы относился къ любви его, онъ велѣлъ нарисовать на щитѣ своемъ большое бѣлое покрывало, съ сими словами: *Слава сниметъ его* (*).

(*) Соединеніе двухъ горъ такою цѣпью, какая здѣсь описана, было дѣйствительно въ древнія времена произведено однимъ витяземъ изъ дому Блакасовъ. Посреди этой

Блакассъ обнародовалъ во всемъ Провансѣ рыцарямъ, тамъ находившимся, вызовъ на поединокъ, утверждая, что *дама помышленій его была самая юная, самая прекрасная и совершеннѣйшая изо всѣхъ дамъ Франціи и вселенной.* Мѣсто сраженій было имъ назначено между двумя горами, которыя соединилъ онъ желѣзною цѣпью. Вскорѣ увидѣли въ Мутьерѣ множество молодыхъ и блестящихъ рыцарей, столь же ревностныхъ къ славѣ дамъ своихъ, сколько и къ успѣхамъ своей любви. Сраженія продолжались пятнадцать дней. Блакассъ былъ всегда побѣдителемъ; онъ показалъ при етомъ случаѣ силу, равную своей неустрашимости, и вознесъ на высочайшую степень имя свое, имя храбраго и вѣрнаго витязя. Побѣдивши противниковъ, онъ угощалъ ихъ въ замкѣ своемъ, пекся о раненыхъ и давалъ великолѣпныя пиршества. Сіи мужественныя забавы прославили и разорили его. Послѣ неслыханныхъ дѣяній храбрости Блакассъ принужденъ былъ продать часть земель своихъ, а остальныя заложить. Но онъ пріобрѣлъ великую славу, а для витязя тѣхъ временъ ето значило пріобрѣсть фортуну.

цѣпи блистала большая серебряная звѣзда, которая находится донынѣ въ гербѣ Блакассовой фамиліи. Въ южныхъ провинціяхъ видѣли еще во время революціи етотъ необыкновенный памятникъ.

Блакассъ не забылъ пѣсни въ честь Бовезерской Пресвятой Дѣвѣ, слышанной имъ въ сиренговой рощицѣ. Особенно чтимый образъ Богоматери, грубо изваянный изъ раскрашеннаго гипса, находился въ древнемъ каменномъ нишѣ на холмѣ близъ воротъ города Мутьера. Блакассъ построилъ между двумя горами, подъ желѣзною цѣпью, маленькую красивую часовню, въ которую перенесъ изваяніе Бовезерской Богоматери, и симъ освятилъ мѣсто, прославленное его храбростію (*). Совершивши всѣ сіи дѣла, которыя занимали его въ продолженіе четырехъ мѣсяцовъ, онъ возвратился ко Двору Тулузскаго Графа. Бывши наединѣ съ симъ Принцомъ, Блакассъ сказалъ ему: „Государь! я *совокупилъ двѣ горы*, а вы сами объявить изволили, что союзъ, котораго осмѣливаюсь желать, не былъ бы труднѣе такого совокупленія.“ — Это нечто иное было, какъ необдуманный образъ выраженія. — „Пріѣхавши сюда, я узналъ, что переговоры о бракѣ съ Графомъ Пуатьерскимъ прерваны!“ — Я возобновлю ихъ. — „Нѣтъ, нѣтъ, Государь! Свѣдавши, что я совокупилъ двѣ горы, вы отказались отъ союза съ Графомъ — признайтесь, Государь?“ — Любезный Блакассъ! ты самый безумный, равно какъ и самый храбрый изъ рыцарей. — „Самый храбрый — этаго не думаю, Государь! не

(*) Сія маленькая часовня была въ самомъ дѣлѣ между двумя горами.

когда уста ваши произносятъ подобный судъ, то они объявляютъ меня вашимъ зятемъ. *Самый храбрый* долженъ быть имъ."

Сей разговоръ кончился какъ и другіе; Графъ забавлялся нѣсколько минутъ смѣлостью Блакасса, а потомъ велѣлъ замолчать ему.

Блакассъ провелъ зиму при Дворѣ. Оразіи не было тамъ; она жила по прежнему въ старомъ замкѣ своемъ, ибо Графъ рѣшился не привозить въ Тулузу Принцессы до того времени, пока распоряженія, относительно брака ея, не будутъ приведены къ концу однажды навсегда. Первые прекрасные дни весны принесли вмѣстѣ съ собою Блакассу сладостныя воспоминанія и нѣкоторыя надежды; онъ немедленно возвратился въ Мутьеръ, и тотчасъ посѣтилъ Бовезерскую часовню, которую нашелъ украшенною внутри множествомъ благочестивыхъ приношеній, большею частію отъ дамъ и отъ Принцессъ. Между сими дарами онъ замѣтилъ, съ душевнымъ волненіемъ, поясъ и ожерелье изъ янтарей, и спросилъ: отъ кого они? Ему сказали, что двѣ женщины, одна немолодыхъ лѣтъ, а другая подъ покрываломъ, сопровождаемыя престарѣлымъ конюшимъ, пріѣзжали въ часовню, молились и оставили етотъ даръ, но что именъ ихъ ни кто не знаетъ.

Блакассъ по сему извѣстію узналъ Оразію и ея престарѣлаго конюшаго, и догадывался, что женщина немолодыхъ лѣтъ была надзирательница Принцессы. Размышленія его объ етомъ случаѣ подавали ему сладостныя надежды. Принцесса знала, что рыцарь, видѣнный ею въ сиренговой рощицѣ, назывался Блакассомъ: ибо пажъ, объявлявшій о пріѣздѣ его, объявилъ и объ имени. Оразія знала еще, что Блакассъ построилъ маленькую часовню между двумя горами, и предприняла въ сію часовню тайное путешествіе. Воздавая благоговѣйное почтеніе святому мѣсту, не почтила ли она также и строителя? . . .

. . . .

Блакассъ недолго наслаждался прелестію надежды; на другой же день своего пріѣзда узналъ онъ, что Принцесса наконецъ оставила свой древній зáмокъ и отправилась въ Тулузу. Сіе извѣстіе привело въ смущеніе молодаго витязя, ибо не оставалось никакого сомнѣнія, что бракъ Оразіи воспослѣдуетъ и что Графъ для етаго взялъ ее ко Двору своему. Блакассъ желалъ посѣтить тотъ зáмокъ, въ которомъ видѣлъ обожаемую красавицу. Пріѣхавши туда, онъ прежде всего побѣжалъ въ сиренговую рощицу, которую снова нашелъ всю въ цвѣтахъ; ибо ето было опять весною. Вошедши съ неизъяснимымъ смятеніемъ въ сію рощицу, Блакассъ вообра-

наль, что еще видитъ тамъ юную, плѣнительную красавицу, предметъ страсти столь же сильной, сколь и романической. Послѣ долгаго, горестнаго мечтанія онъ печально осматривается вокругъ себя, и узнаетъ померанцовое дерево, къ которому онъ прислонился, когда глядѣлъ въ безмолвіи на прелестную Оразію; но онъ видитъ у подошвы этаго дерева еще вазу, наполненную цвѣтами, извѣстными подъ именемъ: *ночная краса*, которыхъ тогда не было; приближается, и читаетъ на вазѣ слѣдующую надпись: *Сокрытая отъ всѣхъ очей*. Онъ заключаетъ, что этотъ девизъ относится къ тайному путешествію въ Вовезеръ, гдѣ Принцесса была подъ покрываломъ. Ночь застигла Блакасса въ етой, милой сердцу его, рощицѣ; наконецъ онъ вышелъ изъ нее, взялъ одинъ цвѣтокъ, и вздыхая, прикололъ его къ груди своей. Желая узнать о своемъ жребіи, онъ оставилъ Мутьеръ и возвратился въ Тулузу. Тамъ ожидала Блакасса жестокая новость. Вмѣсто того чтобы пріѣхать прямо ко Двору, онъ остановился въ одной гостинницѣ, гдѣ узнаетъ, что за два дни передъ тѣмъ возвѣщено было о конскомъ ристалищѣ, которому надлежало воспослѣдовать черезъ двенадцать дней, по радостному случаю бракосочетанія Принцессы съ Графомъ Пуатьерскимъ; и что свадьба будетъ на другой же день послѣ ристалища. Блакассъ, въ отчаяніи, далъ себѣ слово не воз-

вращаться ко Двору; однакожъ хотѣлъ явиться на ристалищѣ, въ надеждѣ побѣдить своего соперника. Въ послѣдовавшіе дни онъ видѣлъ многихъ пріѣхавшихъ въ гостинницу рыцарей; изъ которыхъ почти каждый сражался съ нимъ при горахъ Бовезерскихъ; но пріѣзжаетъ одинъ витязь, который, не могши въ то время принять вызова его на поединокъ, предлагаетъ ему сраженіе прежде нежели начнется ристалище. Блакассъ согласился; ибо, не взирая на потерянную надежду, онъ хранилъ любовь свою и все еще утверждалъ съ тѣмъ же жаромъ, что *дама его помышленій* была прекраснѣйшею и совершеннѣйшею въ мірѣ. Противникъ Блакассовъ назывался Рыцаремъ *Лиліи*; потому что имѣлъ въ девизѣ своемъ Лилію, съ сими словами: *Менѣе блистательна и менѣе невинна, чѣмъ она!* Етотъ рыцарь не скрывалъ имени той, которую любилъ, не взирая на ея неблагосклонность. Ето была прекрасная Полина, возвратившаяся за шесть мѣсяцовъ передъ тѣмъ въ Тулузу, мѣсто своего рожденія; но которая, будучи столь же скромна какъ и прекрасна, никогда не снимала покрывала, висѣвшаго до самыхъ ногъ ея. Годъ назадъ, она произнесла обѣтъ не прежде снять его, какъ вышедши замужъ; между тѣмъ изъявляла чрезвычайное отвращеніе къ замужству, и отказывала всѣмъ женихамъ, которыхъ привлекала къ ней слава о рѣдкой

красотѣ ея. Сверхъ того хвалили равномѣрно ея кротость, добродѣтели, поступки и таланты. Рыцарь Лиліи видѣлъ ее нѣсколько разъ до ея обѣта; и былъ влюбленъ въ нее безъ памяти; Полина, ко всѣмъ равнодушная, тщетно старалась отнять у него надежду, которую онъ питалъ упорно. Было положено, съ согласія Государя, чтобы Блакассъ и Рыцарь Лиліи сразились на большой Тулузской площади въ присутствіи большей части Двора, всѣхъ городскихъ дамъ и безчисленнаго народа. Блакассъ желалъ бы имѣть свидѣтелемъ сего сраженія ту, которая была тайнымъ его предметомъ; но Принцесса Оразія оставалась во дворцѣ. Всѣ знали, что прекрасная Полина была дамою Рыцаря Лиліи, и надѣялись, что она почтитъ присутствіемъ своимъ сраженіе своего рыцаря; но Полина не являлась.

Когда оба рыцаря показались на поприщѣ, то зрители плѣнились ихъ привлекательною наружностію, а особливо величественнымъ станомъ и ловкостію Блакасса. Рыцарь Лиліи сидѣлъ на гордомъ бѣломъ конѣ, котораго по несчастію неизвѣдалъ довольно; лишь только проѣхалъ нѣсколько шаговъ по площади, какъ вдругъ, при воинственныхъ звукахъ кларнетовъ и бранныхъ трубъ, конь взбѣсился и уже не повиновался всаднику. Тщетно Рыцарь употреблялъ,

къ укрощенію коня своего, всѣ средства смѣлости и искусства. Дивились усиліямъ Рыцаря; но всѣ онѣ остались безполезными. Бѣшеный конь, стремясь перескочить чрезъ ограду, становился на дыбы; испуганный народъ загремѣлъ пронзительными криками. Блакассъ спрыгиваетъ съ своей лошади, которую оставляетъ конюшему, и кидается къ Рыцарю Лиліи; одною рукою схватываетъ коня за узду, другою помогаетъ Рыцарю сойти; потомъ, взявши сего разъяреннаго коня за длинную волнистую гриву, взваливаетъ на плеча къ себѣ, и тащитъ его, вопреки сопротивленію, подъ громомъ рукоплесканій зрителей, изумленныхъ отважностію и силою, столь необыкновенными . . которыя однакожъ были менѣе необыкновенны въ то время, нежели нынѣ; ибо сила древнихъ рыцарей доводима была тѣлесными упражненіями до такой степени, что можно найти многіе примѣры, въ етомъ родѣ, гораздо удивительнѣйшіе (*).

Блакассъ, обремененный конемъ своего соперника, вышелъ изъ ограды и отдалъ лошадь двумъ человѣкамъ, которые взяли ее

(*) Исторія говоритъ объ одномъ Буфлерѣ, прозванномъ: *Мощный*. Онъ часто показывалъ сей самый опытъ силы; съ неукротимымъ конемъ на плечахъ онъ проходилъ *болѣе пяти сотъ шаговъ*.

безъ всякаго труда, ибо она потеряла всю бодрость и силу свою. Рыцарь Лиліи бросается обнять Блакасса, который, ставши его избавителемъ, одержалъ побѣду безъ сраженія. Блакасса повели съ торжествомъ въ его гостинницу; изо всѣхъ оконъ бросали ему цвѣты и вѣнки. Онъ жилъ въ нижнемъ етажѣ, на улицу. Ввечеру, печально затворившись въ своей комнатѣ, онъ услышалъ, что кладутъ нѣчто на край окна его, и находитъ горшокъ съ цвѣтами, обвитый лавровымъ вѣнкомъ. Подошедши къ свѣту, онъ увидѣлъ, что сіи цвѣты были — ночная красота! . . . Съ живѣйшимъ внутреннимъ движеніемъ Блакассъ тотчасъ вспоминаетъ о тѣхъ, которые видѣлъ въ сиреневой рощицѣ и о девизѣ: *Сокрытая отъ всѣхъ очей.* Случай ли это былъ, или даръ отъ Принцессы? Но она выходитъ замужъ! . . . . Для чего же сія тайна, и для чего столь поздній даръ? Онъ конечно былъ не отъ особы, находившейся въ числѣ зрителей происшедшаго! . . . . Можетъ быть Оразія, по одному движенію простаго удивленія, прислала любимые цвѣты свои. . . Сіи мысли занимали его во всю ночь; не могши сомкнуть глазъ, онъ всталъ съ первыми лучами дня, и пошелъ гулять пѣшкомъ за городъ на лугъ, по которому струился ручей. Приближаясь къ ручью, Блакассъ увидѣлъ молодую женщину подъ покрываломъ,

которая ступивши уже несколько шаговъ на ломкую дощечку, располагалась пройти по ней. За женщиною подъ покрываломъ слѣдовала другая и, казалось, была подчиненною. Блакассъ догадывался, что видитъ прекрасную Полину, и неошибался. На шумъ, имъ произведенный, она оглянулась; увидѣвши его, содрогается, теряетъ равновѣсіе и падаетъ въ ручей; женщина, за нею слѣдовавшая, вскрикнула страшнымъ образомъ; Блакассъ кидается въ ручей, схватываетъ Полину за руки и выноситъ ее на лугъ. Она была въ водѣ одно только мгновеніе, и потому нелишилась ни чувствъ, ни памяти. Полина выражаетъ благодарность свою такимъ голосомъ, котораго очаровательная приятность проникнула въ глубину души молодаго рыцаря. Незнакомка приглашаетъ его отдохнуть въ сельскомъ домѣ своей матери, который былъ въ пятидесяти шагахъ оттуда. Блакассъ согласился, подалъ руку Полинѣ, и шелъ, куда она вела его. Полина не снимала мокраго своего покрывала; она даже старалась собрать его въ густыя складки, чтобы никакъ не льзя было разсмотрѣть лица ея. Когда они пришли въ домъ, Блакассъ узналъ, къ чрезвычайному своему удивленію, въ Полининой матери ту даму, которой онъ спасъ жизнь въ лѣсу, ѣдучи къ Принцессѣ Оравіи. Въ самомъ дѣлѣ это была Доралиса, которая заплакала отъ радости, увидѣвши своего храб-

раго избавителя, ставшаго избавителемъ и ея дочери.

Полина скрылась, чтобы снять съ себя мокрое платье. Рыцаря повели въ другую комнату, гдѣ тотчасъ подали ему бѣлье и одежду. Въ сіи древнія времена къ долгу гостепріимства принадлежало и то, чтобы всегда имѣть въ готовности одежду для странниковъ. Возвратившись въ залу, гдѣ ожидала Доралиса, Блакассъ нашелъ тамъ и Полину, но все подъ покрываломъ. Она подошла къ рыцарю и поднесла ему золотой кубокъ съ медомъ, приготовленнымъ ея руками. Блакассъ съ пріятностію извинялся, что принялъ вызовъ на поединокъ отъ рыцаря, за нее сражавшагося, и присовокупилъ къ тому: „Я еще не видалъ васъ въ то время....“ У меня нѣтъ рыцаря; — отвѣчала Полина: — если онъ сражался за меня, то по крайней мѣрѣ безъ моего согласія, и я никакимъ образомъ не расположена давать подобнаго права. — Доралиса спросила у Блакасса, явится ли онъ на конскомъ ристалищѣ. — „Явлюсь, сударыня!“ отвѣчалъ онъ: „и буду сражаться.“ — Въ такомъ случаѣ — сказала она — мы обязаны предложить своему избавителю на выборъ нашу одежду; дама, которой вы служите, не можетъ етаго опорочить: ваше великодушіе и наша благодарность на то даютъ намъ право. — „Я буду гордиться,“ отвѣчалъ Блакассъ „имѣя

на себѣ въ день сраженія такіе почетные знаки." Сказавъ сіи слова, и послѣ минутнаго размышленія, онъ попросилъ у Доралисы браслету изъ свѣтлорусыхъ волосъ, которая была на рукѣ у нее. Доралиса тотчасъ отдала ему браслету, сказавъ: „Это волосы моей дочери." — Я угадывалъ — отвѣчалъ рыцарь, принимая съ живѣйшимъ чувствомъ драгоцѣнный подарокъ, напомнившій ему прелестные бѣлокурые волосы Оразіи. Потомъ, обратясь къ прекрасной Полинѣ, онъ сталъ просить у нее покрывала, ибо умиралъ отъ любопытства видѣть ее. Полина въ ту же минуту снимаетъ покрывало, но показываетъ одну только стройную талію; на лицѣ осталось другое маленькое покрывало. Блакассъ вздыхаетъ, и ставши колѣномъ на землю для принятія покрывала, говоритъ: „Клянусь честію, что въ день сраженія это покрывало послужитъ мнѣ латами и щитомъ; другихъ небуду имѣть...." — О Небо! — вскричала встревоженная Полина: — что вы говорите! Вы станете сражаться безъ латъ и безъ щита, и я буду тому причиною!... — „Я поклялся;" отвѣчалъ Блакассъ: „а вы знаете, что рыцарю нельзя отступиться отъ клятвы своей. Но успокойтесь, прекрасная Полина; это неоцѣненное покрывало есть для меня залогъ побѣды." — Ахъ! не выѣзжайте на ристалище! — „Я обѣщался сражаться тамъ, и ничто неможетъ мнѣ вос-

препятствовать.“ Полина перестала говорить, печально опустила взоры, и тихо вздохнула. „Посмотрите“ продолжалЪ Блакассъ „какЪ ето случилось кстати: я принялЪ вЪ девизЪ себѣ покрывало, сЪ надписью: *Слава сниметЪ его.* Я выѣду на ристалище вЪ етомЪ покрывалѣ, останусь побѣдителемЪ и по крайней мѣрѣ тогда приобрѣту право снять его; но не воспользуюсь правомЪ своимЪ . . . для меня довольно будетЪ, что вы узнаете о торжествѣ моемЪ. . . .“ БезЪ сомнѣнія узнаетЪ также и ваша дама — сказала Полина тихимЪ, дрожащимЪ голосомЪ. — „Увы!“ отвѣчалЪ Блакассъ: „я любилЪ безЪ надежды! . . . Правда, я заключилЪ особенный смыслЪ вЪ моемЪ девизѣ! Я ласкался, что слава дастЪ мнѣ со временемЪ право открыть страсть мою, еще неизвѣстную . . . а теперь ужасный жребій осуждаетЪ меня на вѣчное молчаніе! . . . И такЪ, сударыня, я стану сражаться не за любовь, но за честь и дружбу; ето покрывало невинности и добродѣтели будетЪ моимЪ егидомЪ, а ваше одобреніе — одною только наградою, которой домогаюсь.“ — АхЪ, милостивый государь! — отвѣчала Полина — какЪ бы вы ни закутались вЪ покрывало, но кто не узнаетЪ васЪ! . . . Ваши подвиги скажутЪ о вашемЪ имени. —

ВЪ продолженіе сего разговора Блакассъ не могЪ насытиться разсматриваніемЪ талід

и рукѣ прекрасной Полины; онъ думалъ, что видитъ Принцессу Оразію. Ето была ея бѣлизна, ея стройность, ея ростъ, ея прелести. . . . Блакассъ воображалъ, что и лице незнакомки долженствовало также походить на лице Оразіи; и можно ли быть совершенно прекрасною, неимѣя никакого сходства съ нею? Сія мысль до того овладѣла имъ, что когда онъ желалъ представить себѣ лице Полины, воображеніе тотчасъ приводило ему на память лице Оразіи. И такъ необоримая прелесть удерживала Блакасса въ етомъ домѣ; онъ пробылъ въ немъ до самаго вечера; образъ Полины столь тѣсно соединился въ мысляхъ его съ образомъ Оразіи, что Блакассъ не могъ думать порознь объ одномъ изъ двухъ. Онъ пріѣзжалъ каждый день къ Доралисѣ, и отчасу болѣе привязываясь къ ней и къ ея любезной дочери, отвѣчалъ на ихъ вопросы съ большею довѣренностію. На канунѣ ристалища Полина казалась чрезвычайно печальною; она еще разъ просила Блакасса не выѣзжать на ристалище, потому что онъ долженъ былъ сражаться безъ латъ и безъ щита. Блакассъ повторилъ все то, что уже онъ сказалъ ей. Полина удостовѣрилась наконецъ, что всѣ ея усилія вразсужденіи етаго были безполезны. Доралиса спросила у Блакасса, какъ давно пылаетъ онъ страстію, которая сдѣлала его столь несчастнымъ. Онъ

признался, что любовь его родилась въ тотъ самый день, когда онъ имѣлъ счастіе избавить Доралису. . . „И такъ" сказала сія послѣдняя „что было въ замкѣ Принцессы?" — Я видѣлъ Оразію! . . . Вотъ мой отвѣтъ. — „Оразію! . . гдѣ вы ее видѣли?" — Въ сиреневой рощицѣ звѣринца. Изъ почтенія къ Принцу, который посылалъ меня къ ней, я ничего не говорилъ съ нею; но оставляя ее, я поклялся посвятить ей жизнь мою. . . — „О великодушный и добродѣтельный рыцарь!" воскликнула Доралиса, обнявши Блакасса съ глубокимъ умиленіемъ. Въ сію минуту Полина схватила у матери руку, поцѣловала ее и долго держала въ своей. . . .

Когда Блакассъ всталъ, чтобы ѣхать, Полина хотѣла сказать ему: простите; но слова замерли на устахъ ея. Роза, которую она имѣла на груди своей, упала; Блакассъ поднялъ ее и увидѣлъ, что она была омочена слезами. Онъ приколодъ ее у своего сердца, и скрылся. Блакассъ, исполненный безпокойства, возвратился домой. Прежде нежели онъ легъ, сталъ поливать, по обыкновенію своему, *ночную красоту*; но какое удивленіе! Онъ видитъ около вазы бумажную перевязку, на который была слѣдующая надпись: „*Сокрытая отъ всѣхъ очей* . . . . но могу ли быть отъ твоихъ?"

„Великій Боже!" воскликнулъ изумленный Блакассъ: „это девизъ Оразіи! . . . Теперь

нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что цвѣты присланы отъ нее, и, кажется, она жалѣетъ что я сомнѣвался!... Я любимъ!... но какая минута для подобнаго признанія! Праведное Небо! черезъ два дни она выдетъ за Графа Пуатьерскаго! По крайней мѣрѣ до того времени онъ будетъ побѣжденъ мною!..."

Влакассъ, волнуемый безпокойствомъ болѣе нежели когда-нибудь, совсѣмъ не спалъ, думалъ во всю ночь объ одной только прелестной Оразіи и о таинственной, трогательной Полинѣ. Рано поутру онъ накинулъ на плеча легкую одежду, закутался въ покрывало свое, которое подобралъ на драгоцѣнную петлицу у правой руки, оставленной голою и украшенной браслетою Доралисы. Онъ прикрѣпилъ къ страшному копью своему букетъ изъ ночной красоты, въ такомъ уборѣ сѣлъ на лошадь, великолѣпно осѣдланную, и явился на поприщѣ. Тамъ узналъ онъ о двухъ вещахъ, которыя привели его въ чрезвычайное смятеніе: во первыхъ, что Оразія не будетъ публично раздавать наградъ и присутствовать на ристалищѣ; во вторыхъ, что Графъ Пуатьерской не выѣдетъ на сраженіе, потому что, удержанный противъ воли своей дѣлами въ Парижѣ, онъ не можетъ быть въ Тулузѣ прежде, какъ черезъ семь или восемь дней. Тщетно Блакассъ искалъ взорами прекрасную Полину на скамейкахъ, покрытыхъ

иными придворными, городскими и приезжими дамами; ее не было . . . .

Когда Блакассъ явился на поприщѣ, то всѣ взоры устремились на него, болѣе изъ любопытства нежели изъ удивленія; ибо привыкли уже видѣть между рыцарями поступки, въ отношеніи къ ихъ красавицамъ, самые странные. Блакассъ на семъ ристаніи подвергался великимъ опасностямъ; но за то, не имѣя на себѣ ничего тяжелаго, онъ одерживалъ большія выгоды надъ всѣми рыцарями чудесною своею силою, своимъ искусствомъ и легкостію. Едва увидѣли его управляющимъ лошадь свою на ристательномъ поприщѣ, какъ всѣ зрители, по предсказанію Полины, произнесли имя его. Одушевленный всеобщимъ восторгомъ и повторяемыми рукоплесканіями, онъ дѣлалъ чудеса. Казалось, что подъ нимъ была крылатая лошадь; и что онъ забавлялся тщетными усиліями своихъ тяжелыхъ противниковъ, которые немогли ни достичь его, ни отъ него уклониться. Конь Блакассовъ, исполненный огня подъ легкимъ всадникомъ, казалось, леталъ какъ Пегасъ, а страшное копье всадника имѣло всю силу Геркулесовой палицы. Онъ обезоружилъ, опрокинулъ и побѣдилъ всѣхъ своихъ соперниковъ, не получивши ни одной раны; только при концѣ уже сраженія покрывало Блакассово раздралось пополамъ, обнажило голову

его съ прекрасными бѣлокурыми волосами и явило глазамъ восхищенныхъ зрителей лицо его. Блакасса торжественно повели во дворецъ для полученія награды. Уже это былъ не тотъ воинъ, неустрашимости и гордой осанкѣ котораго удивлялись; онъ долженствовалъ видѣть Оразію, и смущался, робѣлъ! . . . Его вели черезъ длинный рядъ комнатъ; въ концѣ одной галлереи Блакассъ вдругъ остановился: онъ слышитъ, что въ ближней комнатѣ поютъ духовную пѣснь Бовезерской Пресвятой Дѣвѣ: это былъ приятной голосъ Оразіи, это была ея лютня! . . . Голосъ умолкъ, отворяютъ дверь и Блакассъ входитъ въ небольшую гостинную. Тамъ сказали ему, чтобы онъ подождалъ, и оставили одного. Блакассъ въ удивленіи, въ замѣшательствѣ не зналъ что думать. Не уже ли Оразія приметъ его тайно? Какимъ же образомъ она поступитъ въ сей торжественный день? какъ укроется отъ Двора, ее окружающаго, отъ отца, который бодрствуетъ надъ нею? Но за чѣмъ же не соблюденъ ни одинъ изъ употребительныхъ обрядовъ? для чего не провели его въ большую приемную залу? къ чему это таинство, это уединеніе? . . . . Блакассъ терялся въ своихъ размышленіяхъ, какъ вдругъ слышитъ шумъ позади себя, оборачивается и видитъ Доралису и дочь ея. . . Прекрасная Полина держала въ рукахъ длинную, блестящую цѣпь изъ каменьевъ. „Принцесса поручила

мнѣ" сказала она „поднести вамъ отъ нее ету награду за храбрость вашу..." — Какъ! — прервалъ слова ея Блакассъ — я не увижу ее? .... „Нѣтъ; милостивый государь!" — *Вопреки* всѣмъ законамъ рыцарства она отказывается лично вручить награду, которую сама назначила для побѣдителя?... — „Милостивый государь!" отвѣчала Доралиса со вздохомъ: „она думала, что вамъ приятнѣе будетъ получить награду изъ рукъ моей дочери." Вѣжливость, свойственная всѣмъ рыцарямъ, воспрепятствовала Блакассу противорѣчить. Онъ бросился на кресла, закрывъ обѣими руками лице свое. — „Милостивый государь!" продолжала Доралиса: „послѣ той чести, которую вы оказали моей дочери, сражаясь въ ея покрывалѣ, она должна для васъ снять свое. ...." Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! — сухо возразилъ Блакассъ — я не достоинъ етой благосклонности, и ничѣмъ не заслуживаю, чтобы дочь ваша нарушила для меня обѣтъ свой. — „Правда, что она клялась не снимать покрывала ни для кого, кромѣ своего супруга!" — Итакъ я могу сбросить ето роковое покрывало; сказала Полина. — Милостивый Государь! — продолжала она — вѣдайте наконецъ, что вы никогда невидали Оразіи, и узнайте Полину... — При сихъ словахъ покрывало спадываетъ, и счастливый Блакассъ узнаетъ въ прекрасной Полинѣ ту, которую цѣлый годъ

вбожалъ подъ именемъ Оразіи. Невозможно описать его удивленія и радости; онъ бросился къ ногамъ Полины и предался всѣмъ восторгамъ любви, таимой до сего времени съ особеннымъ тщаніемъ. Напослѣдокъ онъ потребовалъ изъясненія, и Полина увѣдомила его, что будучи воспитана съ Оразіей въ древнемъ замкѣ, она всегда одѣвалась, по особенной волѣ Принцессы, такъ точно, какъ и Оразія. „Пажъ вами посыланный" продолжала она „видѣлъ дѣйствительно Принцессу, которая была одна и играла на лютнѣ въ сиренговой рощицѣ, когда привели его къ Принцессѣ; когда же онъ ушелъ; то она возвратилась въ замокъ; чтобы принять васъ, а я пошла въ рощицу, гдѣ вы и увидѣли меня; старикъ же конюшій, васъ провожавшій, будучи глухъ и почти слѣпъ, незналъ, или недогадался, что Оразіи небыло уже въ саду. Вышедши изъ звѣринца, вы не хотѣли видѣть Принцессы въ замкѣ, — что показалось всѣмъ очень странно; и что подало невыгодную мысль о вашей вѣжливости: Наконецъ, у меня такіе же бѣлокурые волосы какъ и у Принцессы; на мнѣ было такое же платье; я сидѣла въ той самой рощицѣ, гдѣ оставилъ ее пажъ, отъ васъ посланный: и такъ его донесеніе и всѣ обстоятельства нашего свиданія были причиною вашей ошибки, которая такъ долго оставляла васъ въ заблужденіи."

— Я должна — сказала Доралиса — прибавить нѣкоторыя подробности къ сему повѣствованію: вы сдѣлали столь сильное впечатлѣніе въ сердцѣ Полины, что, не смотря на привязанность свою къ Принцессѣ; она никогда не осмѣливалась сказать ей, что видѣла васъ. Разсудокъ ея и скромность находили одну только странность въ вашемъ поступкѣ; но Полина не могла истребить образа вашего изъ своей памяти: съ етой минуты она поклялась въ душѣ своей не выходить замужъ и скрываться отъ всѣхъ взоровъ; надѣла покрывало, и чтобы носить его вѣчно, произнесла обѣтъ не снимать покрывала ни для кого, кромѣ супруга. Когда она услышала о часовнѣ, которую вы построили Бовезерской Богоматери, то предприняла туда благочестивое путешествіе для принесенія даровъ своихъ. Увидѣвши васъ совсѣмъ нечаянно подлѣ ручья, протекающаго по лугу, Полина такъ испугалась, что не могла держаться на дрожащихъ ногахъ своихъ и упала въ ручей. Теперь вамъ не трудно удостовѣриться, что она поставила на ваше окно, пользуясь сумерками; горшокъ съ ночной красотою, которую приняла въ девизъ себѣ . . . Послѣ вторичнаго вашего посѣщенія она открыла мнѣ сердце свое, и я нѣсколько предугадывала истину. Полина, слѣдуя моему совѣту, имѣла такую же довѣренность и къ Принцессѣ, которая

потребовала, чтобы она дала знать о себѣ не прежде, какъ уже по окончаніи ристалища. Вотъ для чего мы хранили молчаніе, когда, на канунѣ ристалища, вы разсказывали намъ свою исторію, и когда уже мы не имѣли никакихъ сомнѣній. Оразія, — чтобы оставить васъ въ заблужденіи до самой развязки, — не хотѣла показаться въ публикѣ. Ета любезная Принцесса сама приготовила все для вашего брака, котораго обрядъ совершится завтра въ придворной церкви. —

Блакассъ слушалъ сіе повѣствованіе съ глубокимъ умиленіемъ живѣйшей благодарности, съ восторгомъ счастія самаго чистаго.

На другой день храбрый Блакасъ получилъ руку прекрасной Полины, и оба были осыпаны благодѣяніями Графа Тулузскаго и Принцессы Оразіи; свадьба праздновалась съ царскимъ великолѣпіемъ, и всѣ соглашались въ томъ, что никогда невидывали лучшей пары; ибо справедливость требовала, чтобы храбрѣйшій и вѣрнѣйшій изо всѣхъ рыцарей получилъ предпочтеніе отъ красавицы самой скромной и самой любезной.

К. Ш — въ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Расинова молитва Богу.

Величье, пышность, блескъ меня не обольщаютъ,
Тщеславьемъ, гордостью души не возмущаютъ;
Я сынъ Твой — симъ горжусь; а прочее — все сонъ;
Мое блаженство — Ты, богатство — Твой законъ.
Незнаемъ смертными, ихъ славу презираю,
Всю славу и себя въ Тебѣ я заключаю.
Свидѣтель дѣлъ моихъ — мой Богъ! Наставникъ мой!
Не тыль даруешь мнѣ отраду и покой,
И мрачный жизни путь предъ нами озаряешь?
Не тыль пустыню мнѣ Собою населяешь?
Пусть люди предо мной всѣ блага расточатъ;
Они отъ благъ Твоихъ меня не отвратятъ.
Нелюбящимъ Тебя гласитъ законъ священный,
Что дни безбожника страданью обреченны;
Но казни ли однѣ должны меня страшить?
Ужаснѣе всѣхъ золъ — Тебя невозлюбить;
И адъ, самъ адъ въ душѣ, изгнавшей упованье.

Да возмогу, мой Богъ! — вотъ все мое желанье: —
Въ послѣдній жизни часъ свой взоръ къ Тебѣ простерть,
И крестъ объемля Твой, безстрашно встрѣтить смерть!

Николай Иванчинъ-Писаревъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Первые опыты Философовъ.

Вѣкъ юности Философіи не имѣетъ отличныхъ памятниковъ мудрости; но приводя насъ къ источнику всѣхъ системъ, показываетъ онъ первые опыты ума человѣческаго.

О *Өалесѣ* говаривалъ Аристотель, что онъ извѣстенъ только по слуху; и потому можно ли со всею достовѣрностію приписывать ему тѣ мнѣнія, какія обыкновенно приписываютъ, и не должно ли предположить, что мы многаго о немъ не знаемъ? По крайней мѣрѣ, говоритъ преданіе, онъ первый привелъ въ систему познанія Природы, заступившія мѣсто старинныхъ Космо-

логій и Миѳологій, началъ объяснять Природу явленіями, соединять всѣ свѣдѣнія и изслѣдывать ихъ начало, котораго искалъ онъ въ порядкѣ физическихъ и нравственныхъ предметовъ. Воду почиталъ онъ главнымъ существомъ, отъ котораго произошли и всѣ другія посредствомъ безчисленныхъ перемѣнъ и измѣненій.

Первое смѣлое отвлеченіе сдѣлано *Анаксимандромъ*: онъ почиталъ безконечное началомъ вселенной. Впрочемъ сіе начало, среднее между водою, воздухомъ и огнемъ, имѣло свойство не совсѣмъ отвлеченное. *Анаксименъ* придалъ ему болѣе вещественности и принялъ за безконечное воздухъ; самую душу называлъ онъ существомъ воздушнымъ. *Гермотимъ* Клазоменскій первый обратилъ вниманіе на начало мыслящаго существа. Онъ замѣтилъ въ душѣ свойство возвышаться надъ предметами физическими, и кажется проложилъ дорогу *Анаксагору*, котораго можно назвать основателемъ новой Іонической секты. Сей Философъ въ точности наблюдалъ Природу и явленія ея. Изслѣдованія его удивительны; имъ замѣчена тяжесть воздуха. Предшественники его искали начала вещей въ существѣ, изъ котораго онѣ состоятъ; Анаксагоръ почелъ за необходимость признать первую причину движенія. Порядокъ Природы родилъ въ немъ мысль о

Виновникѣ всѣхъ существъ, и сія высокая мысль обратила на него ненависть современниковъ. И кто изъ великихъ людей не былъ гонимъ, подобно Анаксагору? Имъ, кажется, самая судьба завидуетъ, и за славу, какую они получаютъ по смерти, обременяетъ жизнь ихъ несчастіями. Анаксагоръ изслѣдовалъ способности души, законы языка и вліяніе его на образованіе способностей душевныхъ. Чувства, по его мнѣнію, доставляютъ начальныя свѣдѣнія; разумъ ихъ располагаетъ. Другіе Іонійскіе ученые, *Діогенъ* Аполлонійскій и *Архелай* Милезскій, не оставили ничего достойнаго вниманія: первый смѣшивалъ мнѣнія Анаксагора и Анаксимена, второй послѣдовалъ во всемъ Анаксагору, но не имѣлъ его талантовъ.

Ученіе *Пиѳагорово* представляетъ двѣ величайшія трудности: какія мнѣнія собственно ему принадлежатъ, и какъ проникнуть таинственный ихъ смыслъ? Кто не знаетъ, что сей Философъ полагалъ *ариѳмосъ* началомъ вещей; но что разумѣлъ онъ подъ числами? простыя ли числъ отношенія, или вообще количество и величину? не есть ли это способъ отвлеченнаго выраженія, или показаніе различныхъ отношеній? Можетъ быть таинственный Пиѳагоровъ *ариѳмосъ* заключалъ въ себѣ всѣ сіи значенія. Разсматривая міръ чувственный, вамѣтилъ онъ, что всѣ пред-

меты имѣютъ два условія — число и протяженіе; что пространство и время, заключающія въ себѣ всѣ тѣла и всѣ ихъ измѣненія, подвержены также изчисленію. Но всѣ великіе изобрѣтатели бывали очарованы открытіями своими, и Пиѳагоръ, очарованный системой ариѳмоса, смѣшалъ числа съ самыми предметами. Здѣсь является Метафизика. Пиѳагоръ различаетъ два рода способностей — чувственныя и умственныя; последователи его *Алкмеонъ*, *Филолай*, *Архитасъ*, *Евдоксъ*, *Тимей* Локрійскій не измѣняли ученія Пиѳагорова и смѣло ему во всемъ подражали.

О *Гераклитѣ*, основателѣ новой Италійской секты, изъ преданія извѣстно множество сказаній. Поводомъ къ тому служила его уединенная жизнь и способъ выраженія аллегорическій. Всѣ мнѣнія его носятъ на себѣ отпечатокъ таланта. Тотъ, о которомъ съ уваженіемъ говоритъ Сократъ, не могъ быть человѣкомъ обыкновеннымъ. Философія его начинается сомнѣніемъ — онъ отрекается отъ мнѣній своихъ, желая ихъ исправить: смѣлое предпріятіе, показывающее силу генія. Среди волненій, какія случаются въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, онъ признаётъ гармонію вселенной; среди непостоянства дѣлъ человѣческихъ и предметовъ скоро преходящихъ онъ усматриваетъ не-

измѣняемые законы Природы. Вселенную почиталъ онъ произведеніемъ Существа неизмѣняемаго. Принявши огонь за начало измѣненій, едва ли подъ симъ не разумѣлъ онъ силу, все оживляющую. Посредствомъ чувствъ, думалъ онъ, разумъ получаетъ свѣдѣнія. Разумъ, по его мнѣнію, есть изображеніе вселенной. Не примѣтны ли здѣсь слѣды Опытной Философіи?

Одною изъ лучшихъ похвалъ Гераклиту служитъ и то, что онъ былъ учителемъ *Гиппократа*, того Философа, который болѣе всѣхъ Древнихъ раскрылъ опытныя методы, правильнѣе другихъ наблюдалъ Природу, — который всѣ естественныя науки обогатилъ новыми изслѣдованіями, и отъ котораго такъ много заимствовалъ Аристотель. Гиппократъ наблюдалъ также и сердце человѣка, наблюдалъ страсти. Вотъ положеніе его Философіи: „Должно всѣ правила извлекать не изъ умствованій, а изъ опытности, подъ руководствомъ разума. Сужденіе только соединяетъ и приводитъ въ порядокъ впечатлѣнія, получаемыя чувствами; потому что онѣ доставляютъ душѣ свѣдѣнія."

Ѳалесъ и всѣ Іонійскіе ученые занимались болѣе Природой, нежели отвлеченными размышленіями; Пиѳагорейцы смѣшивали начало вещей съ началомъ познаній? *Ксенофанъ,* глава Елеатиковъ, сталъ изслѣдывать

существованіе вещей, начало существованія и перемѣны. „Что существуетъ,“ говорилъ онъ „то вѣчно, единственно, неизмѣнно. Но чувства увѣряются въ измѣненіи Природы.“ Это несогласіе чувствъ съ разумомъ сдѣлало его Скептикомъ.

Парменидъ, ученикъ и другъ Ксенофана, основатель Елеатической секты, довершилъ различіе между опытностью чувствъ и теоріей разума. „Все, что понимаетъ разумъ, по его мнѣнію, должно быть что-нибудь; все, что есть, то дѣйствительно; ничтожество можетъ быть предметомъ понятій разума.“ *Мелиссъ* еще болѣе возставалъ противъ чувствъ. Наконецъ *Зенонъ* доказывалъ, что вселенная не имѣла ничего существеннаго; что она, какъ дымъ, исчезала передъ лучами умозрѣній. И сего-то смѣлаго въ сужденіяхъ Философа почитаютъ основателемъ Логики. Всѣ Елеатики, совершенно не довѣряя чувствамъ, опирались на размышленіяхъ отвлеченныхъ: для етаго выдуманы формулы, которыми болѣе запутывали они понятія, нежели сколько руководствовали разумъ въ сужденіяхъ. Тутъ появились Софисты, тѣ риторы, которые, желая соединить съ искусствомъ краснорѣчія искусство разсуждать, обезобразили Философію. Зенонъ вооружилъ разсудокъ противъ чувствъ; въ слѣдъ за нимъ *Горгій* вооружилъ разумъ противъ самаго ра-

зума; онъ доказывалъ, что нѣтъ ничего существеннаго; что если бы и было что нибудь существенное, то мы не могли бы познать етаго, и если бы узнали, то немогли бы сообщать сего другимъ по причинѣ не опредѣленности словъ. *Протагоръ*, который названіе софиста, наставника мудрости, снова перемѣнилъ на скромное Пиѳагорово титло философа, полагалъ разумъ въ способности чувствовать; но заключенія дѣлалъ подобныя Горгію. Каждый человѣкъ, думалъ онъ, есть мѣра и судія всѣхъ вещей; что онъ представляетъ себѣ, то только и дѣйствительно. *Критіасъ*, по свидѣтельству Аристотелеву, подтвердилъ положеніе вразсужденіи чувствъ. *Продикъ*, *Калліасъ*, *Евтадемъ* и *Діонисидоръ* болѣе занимались правилами языка. Вообще все искусство Софистовъ состояло въ злоупотребленіи словъ, или софизмахъ. Они не заботились объ истинѣ, имѣя въ виду однѣ собственныя выгоды. *Поллюсъ*, *Калликлессъ* и *Тразимахъ* не стыдились говорить, что нравственность есть дѣйствіе страха; что настоящая польза состоитъ въ потребностяхъ физическихъ; что тотъ и уменъ, кто умѣетъ удовлетворять своимъ склонностямъ. Не мелькаютъ ли здѣсь искры новѣйшаго матеріализма?

Нѣкоторые изъ Елеатиковъ составляютъ особенный рядъ философовъ, которые, защи-

щая дѣйствіе чувствъ, могутъ по сему называться Елеатиками-физиками: таковъ *Левзиппъ*. Онъ принималъ опытность за орудіе разума, требующаго единства во множествѣ опытовъ. Замѣчательна странная его система Космогоніи, основывающейся на круглыхъ огненныхъ атомахъ. Съ нимъ сходенъ во мнѣніяхъ послѣдователь его *Демокритъ*. Но и онъ, убѣждая въ дѣйствіи чувствъ, обращался къ раціонализму Елеатиковъ-метафизиковъ. „Тѣла" говорилъ онъ „сообщаютъ душѣ различныя впечатлѣнія; но понятія въ умѣ зависятъ не отъ сихъ впечатлѣній, а отъ атомовъ, дѣйствующихъ прямо на разумъ; сіи-то атомы оставляютъ въ душѣ свои изображенія, idola. Ему послѣдовали *Метродоръ* Хійскій и *Діагоръ*. Наконецъ *Емпедоклъ* соединилъ въ своемъ ученіи всѣ различныя мнѣнія своихъ предшественниковъ. Къ тремъ стихіямъ Іонійскихъ ученыхъ — воздуху, водѣ и огню, прибавилъ онъ землю; по примѣру Елеатиковъ-физиковъ почиталъ сіи стихіи веществами сложными, и вмѣстѣ съ Пиѳагоромъ принималъ монады за начала вещей; сверхъ того наполнилъ онъ воздухъ геніями. По мнѣнію Аристотеля, Емпедоклъ заключалъ всѣ познанія въ чувственности. Секстъ приписываетъ ему раціонализмъ; Цицеронъ, кажется, справедливѣе относитъ разность мнѣній къ его пламенному воображенію, которое иногда смѣшиваетъ предметы.

Таковъ первый возрастъ Философіи. Ученыхъ сего періода останавливало видимое непостоянство чувственныхъ предметовъ. Познаніемъ называли они все прочное, определенное, единое для всѣхъ и каждаго; и по тому иные изъ нихъ непочитали познаніемъ явленій чувственныхъ, другіе представляли ихъ произведеніемъ началъ невидимыхъ. Начало вещей полагали въ монадѣ и смѣшивали съ нимъ начало познаній. Оставляя предметы нужнѣйшіе для человѣка, какими послѣ занимался Сократъ, они безъ всякихъ пособій и съ невѣрными наблюденіями покушались объяснить то, что геніемъ мудрости предоставлено было вѣкамъ грядущимъ.

Такимъ образомъ человѣкъ, въ первый разъ наблюдавшій Природу, позволялъ воображенію всѣ рѣзвые и смѣлые его порывы. Онъ не заботился о мудрости, необходимой для общежитія, почитая согражданъ своихъ слишкомъ счастливыми; стремился къ наслажденіямъ души, которая въ упражненіи способностей своихъ почерпаетъ сладкія свои удовольствія.

Дедо.

Блистательные успѣхи ума.

Уже необходима была перемѣна въ ученіи мудрости. Философія, лишенная точности въ правилахъ своихъ, пользы въ изслѣдованіяхъ и всѣхъ достоинствъ, требовала помощи генія своего, и среди мрачныхъ софистовъ, споривших о словахъ, является *Сократъ*. Сей твердый умъ, предпріимчивый, наблюдательный, возвышенный, пламенѣя рвеніемъ ко благу общему, страстно любившій истину, составлявшую характеръ его — сей чудесный феноменъ древности даетъ Философіи новое основаніе, прочное, превосходное.

Прежде всего должно было опредѣлить цѣль Философіи, обращенной въ надменность и честолюбіе. Сократъ назначилъ ей предметомъ совершенствованіе человѣка, соединилъ теорію съ практикой, мысли съ поступками — и тогда умъ, получившій чрезъ него всю силу свою, устремился къ истинному, доброму и прекрасному. — Прежде основывали Философію на пустыхъ аксіомахъ и произвольныхъ доводахъ; Сократъ предпринялъ соорудить новое зданіе сей науки. Благоразумное сомнѣніе, подъ руководствомъ опытности, почиталъ онъ приготовленіемъ къ мудрости, а познаніе самаго себя первымъ источникомъ науки.

Прежде заблуждался умъ въ невѣрныхъ системахъ и предположеніяхъ, созданныхъ воображеніемъ; Сократъ далъ новыя права опытности, сдѣлалъ ее руководительницею разума, вооружился анализисомъ: потому что Сократической способъ разсуждать есть анализисъ въ видѣ разговора. Начиная съ положеній, различными вопросами онъ заставляетъ отдавать отчетъ въ доказательствахъ и условіяхъ.

Прежніе мудрецы не знали, что собственно относится къ познанію человѣка; отъ того произошло множество задачъ безъ всякаго рѣшенія. Сократъ показалъ невозможность отвѣчать на нѣкоторыя предположенія, касающіяся до природы вещей и вселенной; онъ ограничилъ сію науку и сдѣлалъ ее точнѣе — и Философія, извлеченная изъ мрачныхъ областей воображенія, получила опредѣленный долгъ — изслѣдовать Природу и человѣка.

Вразсужденіи способностей нашихъ Сократъ имѣлъ понятія уже болѣе очищенныя, нежели его предшественники. Онъ показалъ отличіе и превосходство человѣка, возвратилъ чувствамъ права, которыхъ онѣ лишены были у Пиѳагорейцевъ; подтвердилъ преимущества разума — управлять чувствами и пользоваться пособіями ихъ. Созерцаніе Природы возвысило его къ познанію Прови-

денія. И за сію высокую мысль великій Философъ испилъ чашу смерти. Вотъ первое ужасное гоненіе за истину. Но что можетъ поколебать мудраго? Сократъ, увѣрившись въ безсмертіи души, встрѣчаетъ смерть какъ спасительницу отъ неправосудія человѣческаго; утѣшаетъ друзей своихъ, и радуется, что тамъ, въ другой жизни, узритъ Еака, Миноса, Радаманта и другихъ мужей доблестныхъ. Къ славѣ Сократовой, какую пріобрѣлъ онъ ученіемъ своимъ, недоставало только сей величественной смерти за мудрость — и сія-то смерть даровала ему безсмертіе въ памяти потомства.

Такимъ образомъ Сократъ даровалъ Философіи основаніе и методу, но не составилъ системы; онъ болѣе желалъ заставить мыслить, нежели сколько училъ. Онъ старался воспитать способности учениковъ своихъ и безпрерывнымъ упражненіемъ укрѣпить ихъ. Отъ того кромѣ Ксенофонта, предлагавшаго одно ученіе Сократа, другіе проложили путь къ новымъ, обширнымъ познаніямъ.

Блистательный умъ, возлелѣянный Сократомъ, есть *Платонъ*. — Пламенное и живое воображеніе, все одушевляющее, смѣлый и сильный разсудокъ, тонкій и правильный вкусъ красоты, глубокая проницательность, богатство опытовъ — все сіе соеди-

жено было въ достойномъ ученикѣ Сократа, служившемъ образцомъ Цицерону, и въ позднѣйшія времена Декарту, Лейбницу, Канту.

„Утомленный наблюденіями предметовъ,“ говоритъ Платонъ „опасаюсь, чтобъ со мною не случилось того, что случилось съ тѣми, которые, устремивъ взоръ свой на солнце, дабы наблюдать затмѣніе, были ослѣплены имъ; не лучше ли бы имъ наблюдать его на водѣ, или въ другомъ какомъ отраженіи. И потому думаю, что для изслѣдованія вещей должно обратиться къ понятіямъ, какія мы имѣемъ о нихъ, и замѣчать отношенія вещей къ предметамъ. Прежде всего должно разсмотрѣть свойства мыслящаго существа, способности его и дѣйствія.“

Платонъ различаетъ какъ бы двѣ души: одна есть физическое начало жизни, общее всѣмъ органическимъ существамъ; другая, которою одаренъ одинъ человѣкъ, чувствуетъ, познаетъ, судитъ, размышляетъ; она проистекла отъ Провидѣнія, невещественна, непостижима для чувствъ, неподвержена перемѣнамъ. Способности души — чувствовать и мыслить; послѣдняя способность состоитъ изъ понятія и разума. Мыслящее существо соединяетъ двѣ разныя способности; память сохраняетъ ихъ, воображеніе оживляетъ.

Чувства представляютъ понятія частныя и смѣшанныя; умъ — общія и отвлеченныя. Платонъ различаетъ чувственныя ощущенія *отъ* идей умственныхъ, каковы правосудіе, мудрость и другія; онъ почитаетъ ихъ независимыми отъ опытности, *врожденными*. Онѣ имѣютъ начало въ вышнемъ Существѣ; по нимъ устроена вселенная. Вышнее Существо въ отношеніи къ разуму и міру умственному то же, что солнце въ отношеніи къ зрѣнію и міру физическому. Чувственое ощущеніе возбуждаетъ идею; одна идея ведетъ съ собою всѣ другія, имѣющія съ нею связь. И такъ познаній два рода: однѣ показываютъ что *есть* (à posteriori), другія что *должно быть* (a priori). Познанія идей, получаемыхъ душею отъ Свѣта свѣтовъ, помрачаются соединеніемъ души съ тѣломъ; Философія озаряетъ ее. Учиться значитъ находить то, что душа знала въ первомъ состояніи своемъ; наука есть воспоминаніе. Какъ идеи могутъ соединиться между собою, правила такого соединенія предлагаетъ Діалектика. Она основана на наблюденіи сходства или несходства предметовъ и служитъ Философіи орудіемъ. Разумъ имѣетъ два способа дѣйствовать: или отъ общихъ началъ идетъ къ частнымъ (синтетически), или отъ частныхъ началъ доходитъ до перваго и общаго начала (аналитически).

Таковъ ходъ ученія Платона въ разсужденіи способностей и познаній. Почитая Философію наукою, опредѣляющею другимъ наукамъ цѣль и предметъ, доставляющею имъ основанія и начала, онъ положилъ ей самой занятіемъ, какъ самъ говоритъ, міръ умственный. — Сей способъ объясненія посредствомъ началъ отвлеченныхъ препятствовалъ успѣхамъ наукъ физическихъ; отъ того Космологія Платонова есть одна гипотеза, украшенная пышнымъ и громкимъ названіемъ метафизики. Напротивъ мораль его, по образцу Сократа, занимавшагося особенно сею наукой, получила новый блескъ отъ его общихъ идеальныхъ правилъ, которыя представлялъ онъ цѣлью дѣяній нашихъ.

Въ одной морали, по настоящему ходу вещей, можно судить о томъ, какъ все должно быть. Нравственность составляетъ душу Платоновой Философіи. Это отпечатокъ Философіи Сократовой.

Первые послѣдователи Платона ограничивались объясненіемъ ученія его. *Спевзиппъ* болѣе раскрылъ анализисъ и предположилъ два основанія истины (criterium) — одно для истинъ разума, другое для истинъ опытности. Первое полагалъ онъ въ началахъ, второе въ ощущеніяхъ. *Ксенократъ* ввелъ въ ученіе Академіи языкъ Пиѳагорейцевъ. *Кранторъ* особенно замѣчателенъ тѣмъ, что первый

началъ возставать противъ злоупотребленій умозрѣнія и тонкостей Діалектики.

Въ слѣдъ за сими учеными явились *Арцезилай* и *Карнеадъ*, основатели новой Академіи. Отличіе ихъ отъ старой Академіи состоитъ въ томъ, что Арцезилай, совершенно отвергнувъ точность и дѣйствительность чувствъ, ограничился понятіями отвлеченными. Карнеадъ представилъ его ученіе въ новомъ видѣ. Ощущенія, говоритъ онъ, суть различные образы существованія нашего; сіи образы перемѣнчивы и непостоянны, однако они служатъ орудіями разуму. Отъ нихъ разумъ все заимствуетъ, — отъ нихъ онъ зависитъ.

Пирронъ, образовавшій себя по ученію Демокритову, основалъ новое ученіе. Онъ сравнивалъ различныя системы, и вмѣстѣ съ Федономъ, основателемъ Еректрической секты, и послѣдователемъ ея *Тимономъ*, заключилъ послѣ, что впечатлѣнія, производимыя предметами на чувства, составляютъ отношеніе между ими и нами; не смотря на то, онѣ не иное что какъ представленія. Такъ думали: *Енезидемъ* и *Секстъ* Емпирикъ.

Такимъ образомъ умъ человѣческій сдѣлалъ опыты во всѣхъ частяхъ Философіи. Потребно было родиться генію, чтобъ из-

слѣдовать всѣ опыты, сообразить, установить и привести въ порядокъ разсѣянныя и смѣшенныя знанія. Платону, уму пламенному, геніемъ мудрости предоставлено было распространить предѣлы Философіи; но довершить зданіе, начатое Сократомъ, возвеличенное Платономъ — сей подвигъ совершенъ *Аристотелемъ*.

Быть судіею всѣхъ предшественниковъ, взвѣсить и повѣрить мнѣнія ихъ могъ только сей спокойный и твердый умъ, наблюдательный, правильный, острый, всеобъемлющій; сего основателя настоящей Логики можно назвать законодателемъ и всѣхъ наукъ.

Уму столько точному могли ли удовлетворить идеальныя предположенія Платоновы? И это было причиною раздѣленія Академіи и Лицея. „Нѣтъ врожденныхъ идей, и умъ человѣческой при рожденіи своемъ можно сравнить съ воскомъ, на которомъ напечатлѣваются изображенія предметовъ посредствомъ чувствъ.“ Вотъ основаніе Аристотелевой Философіи, въ послѣдствіи претерпѣвшей столько измѣненій, въ средніе вѣки обезображенной схоластиками и наконецъ объясненной Локкомъ; на сихъ-то развалинахъ основано зданіе новой *Опытной Философіи*.

На способности чувствовать основываетъ Аристотель память, состоящую въ

привычкѣ и связи идей — и воображеніе, посредствомъ котораго умъ творитъ и составляетъ идеи свои. Познавать есть дѣйствіе ума (ratio passiva et activa). Чувство, *память*, воображеніе приготовляютъ познанія; умъ приводитъ ихъ въ порядокъ и образуетъ. Душа сначала замѣчаетъ предметы порознь (individua). Сравнивая каждый предметъ въ разныхъ случаяхъ, примѣчаемъ въ немъ различныя перемѣны, отличаемъ настоящія свойства отъ постороннихъ. Разсматривая разные предметы и сравнивая одинъ съ другимъ, находимъ между ими извѣстное сходство; такіе предметы соединяемъ въ одинъ общій порядокъ — и это составляетъ идею *вида*. Далѣе, сравнивая виды, замѣчаемъ и въ нихъ сходство и несходство; тогда составляется въ умѣ новое отдѣленіе идей — идеи *рода*. — Сходство и разность примѣчаемъ мы въ разныхъ отношеніяхъ; таковы: количество, качество, пространство, время. Отсюда происходятъ *категоріи*, сіи общія и главныя формы, къ которымъ относятся всѣ предметы со всѣми измѣненіями. Соединять категоріи есть дѣйствіе сужденія; изъ связи сужденій составляются умозаключенія. Для сего необходимы правила и начала; однимъ занимается Логика, другимъ Философія.

Кондильякова мысль, что языкъ различаетъ понятія, получила начало свое отъ Аристотеля. — Сколько ясенъ онъ въ ис-

слѣдованіяхъ способностей, столько запутанъ въ разсматриваніи познаній, гдѣ онъ беретъ на себя опасное титло Метафизика. — Морали, по примѣру Сократа, учился онъ изъ наблюденія человѣческаго сердца.

Путешествія, свѣтское обращеніе болѣе открыли ему тайныя пружины дѣйствій человѣческихъ. Отъ того произведенія его, основанныя на опытности, во всякое время составляли единственное чтеніе Царей.

Изъ секты Сократовой произошли многіе другіе философы, которые, при различныхъ системахъ, держались или главной цѣли Сократова ученія — пользы; или благоразумныхъ правилъ, на которыхъ основывалъ онъ ученіе мудрости. *Антисѳенъ* и другіе *Циники* оставили Метафизику и предались одной морали. *Діогенъ* повторялъ, что всѣ способности наши происходятъ отъ упражненія. *Аристиппъ*, основатель Циренаической секты, былъ другъ нѣги, покоя и наслажденій. Удаляясь Скептиковъ, которые слишкомъ мало пріятностей оставляютъ для человѣка, и Догматиковъ, которые слишкомъ много требуютъ, онъ вкушалъ плоды Философіи Сократовой. Чувствамъ приписывалъ онъ и начало и точность познаній. Нелюбя усилій умственныхъ, онъ остановился но етомъ предположеніи. „Мы только знаемъ," говорилъ онъ „что ощущаемъ, напр. цвѣты, звуки; но что етому причиною, и

тѣ же ли свойства въ предметѣ, какія мы чувствуемъ — это неизвѣстно." Съ симъ-то Философомъ любила бесѣдовать Аспазія, и онъ первый составилъ изъ Философіи любезнѣйшее провожденіе времени. Отъ сей секты Мегарическая Евклидова отличается только распространеніемъ тонкостей діалектическихъ. *Стильпонъ*, послѣдователь ея, извѣстенъ изобрѣтеніемъ софизмовъ.

За симъ спокойствіемъ во мнѣніяхъ Философическихъ слѣдуютъ двѣ совершенно противныя секты, громкія по преніямъ своимъ — *Стоики* и *Епикурейцы*. *Епикуръ* соединилъ Физику Елеатика Демокрита съ Логикою Циренаиковъ. Въ способности чувствовать полагалъ онъ и начало идей и начало познаній. Чувства, говоритъ Епикуръ, по видимому обманываютъ, потому что мы смѣшиваемъ ощущенія съ сужденіями; но самыя ихъ представленія вѣрны, причина ихъ заключается въ самихъ предметахъ. Разность ощущеній объясняетъ онъ разностью формъ тѣлъ, плавающихъ въ воздухѣ. Истины отвлеченныя называлъ онъ сравненіемъ ощущеній, основывая ихъ также на опытности. Въ его предположеніяхъ встрѣчаются сѣмена системы всеобщаго тяготѣнія и нервной системы въ устроеніи человѣческаго тѣла. Мораль его болѣе свойственна наблюдателю, видѣвшему свѣтъ и людей, нежели Философу, глубоко изслѣдывающему человѣческую природу.

Зенонъ Стоикъ, основатель Портика, образовался въ сектѣ Мегарической, но потомъ слѣдовалъ ученію Сократову. Придерживаясь строгой методы Стильпона, онъ проникнулъ, онъ тронутъ былъ высокими чувствами образователя нравственности, котораго наслѣдовалъ болѣе по сердцу, нежели сколько по мыслямъ. Онъ возсталъ противъ Скептицизма и той ложной морали, которая „мертвитъ всѣ общественныя добродѣтели" „Нѣтъ ничего въ умѣ, что бы не было въ чувствахъ" — это положеніе служило основаніемъ и Стоикамъ. Всякое познаніе начинается наблюденіемъ; все то истинно, что существуетъ; признаки этаго состоятъ въ сходствѣ ощущеній съ предметами. Руководствуясь такою Логикой, Стоики не могли принимать Метафизики. Дѣйствовать сообразно съ Природою есть основаніе Стоической нравственности. Она согласна была съ тѣмъ вѣкомъ и нравами, когда частныя выгоды составляли единственную цѣль, а удовольствіе главный предметъ каждаго: тогда-то Стоики употребили всѣ старанія свои, чтобъ согрѣть души, оцѣпенѣвшія отъ мертвенной холодности, и окрилить ихъ къ подражанію добродѣтелямъ Солона, Ликурга и Сократа.

Деде.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Журналъ похода 1815 года.

(Продолженіе къ Статьѣ, напечатанной въ 10 номерѣ Сына Отечества 1817 года.)

***Мая** 28.* По прибытіи въ *Гейдельбергъ*, ГОСУДАРЬ изволилъ переѣхать за городъ; въ одномъ домѣ съ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ стоитъ *Князь П. М. Волконской*, а мнѣ отвели тутъ же для работы маленькую комнату: такимъ образомъ я одинъ изъ всей свиты нахожуся здѣсь съ утра до вечера. Домъ сей на большой дорогѣ, на берегу *Некара*; онъ принадлежитъ богатому Англичанину *Пикфорду*, которому столько полюбилися здѣшнія окрестности, что онъ оставилъ для нихъ отечество. Подлѣ дома небольшой садъ, а позади цѣпь крутыхъ горъ, защищающихъ его отъ холодныхъ вѣтровъ. Садъ сей останется для меня любопытенъ по многимъ отношеніямъ, о которыхъ говорить еще не время. *Въ Гейдельбергѣ* будутъ составлять планъ военныхъ

дѣйствій, и ожидать прибытія *Россійской* арміи. Каждый занимается предположеніями о походѣ; я посвящаю день службѣ. Рано по утру, когда всѣ погружены во снѣ, сажусь на лодку, плаваю по *Некару*, пристаю къ берегамъ его, наслаждаюсь цѣлительнымъ запахомъ травъ, и съ сожалѣніемъ смотрю на крестьянъ, которые спокойно отправляютъ сельскія работы, не подозрѣвая, что грозныя ополченія стекаются отвсюду и скоро покроютъ плодоносныя поля ихъ.

Мая 29. Нѣсколько дней сряду собирался военный Совѣтъ; съ нашей стороны присутствовали: *Князь Волконской* и *Баронъ Толь*; съ Австрійской *Князь Шварценбергъ*, *Графъ Радецкій* и *Лангенау*; съ Пруской *Кнезебекъ*, съ Баварской *Князь Вреде*. Они не соглашалися сначала въ своихъ мнѣніяхъ, но сего дня условились въ важнѣйшихъ статьяхъ, и положили: 1) *Россійской* арміи идти на *Триръ* чрезъ горы *Гундерюкенъ*, не занимая *Кейзерслаутерна*, съ тѣмъ что она, будучи въ готовности подкрѣпить армію *Блюхера*, направится на *Сенъ-Дизье*, а чрезъ то облегчитъ соединеніе свое съ *Австрійцами*, которые, перейдя *Рейнъ* въ *Базелѣ*, пойдутъ чрезъ *Бефоръ* на *Лангръ* и *Шомонъ* для сближенія съ *Россіянами*. 2) *Баварцамъ* не начинать наступательныхъ движеній до

прибытія нашихъ войскъ, назначенныхъ для надзора за крѣпостями лѣваго берега *Рейна*. 3) Сорока одной тысячѣ *Австрійцевъ* обложить *Безансонъ*, *Оксонъ*, *Шлетштадъ*, *Бефоръ*, *Гюнингенъ*, *Бризакъ*, *Форъ-Жу*, *Салинсъ* и *Леплюзъ*. Изъ числа сихъ войскъ восьмнадцати тысячамъ войти въ составъ гарнизона *Майнца* и блокадныхъ корпусовъ около *Страсбурга* и *Ландау*. 4) Тридцати пяти тысячамъ *Рускихъ* обложить *Мецъ*, *Тіонвиль*, *Сарлуи*, *Бичъ* и *Фальсбургъ*, и одиннадцати тысячамъ изъ оныхъ поступить въ блокадные корпусы около *Страсбурга* и *Ландау*. *Люксенбургскому* гарнизону подкрѣплять войска, опредѣленныя для блокады *Меца* и *Тіонвиля*, и дѣйствовать съ ними совокупно, если нужда того востребуетъ.

Въ слѣдствіе сего плана *Россійская* армія, соединясь около 20 го Мая между *Кобургомъ*, *Бамбергомъ* и *Нюренбергомъ*, пойдетъ къ *Рейну* въ трехъ колоннахъ по дивизіямъ, разстояніемъ въ одномъ переходѣ одна отъ другой. Чрезъ шесть дней прибудетъ къ *Мангейму* авангардъ нашъ подъ начальствомъ *Графа Деламберта*, а послѣднія войска наши приспѣютъ къ *Рейну* 17 го Іюня. Какъ по сему плану вся армія наша имѣетъ находиться въ первой линіи, то нужно *Графу Витгенштейну*, расположен-

кому на *Курляндской* и *Литовской* границахъ и въ Царствѣ *Польскомъ*, выступить въ походъ, такъ чтобы часть его войскъ направилась на *Триръ*, а другая расположилась около *Бамберга* и составляла запасъ для дѣйствующей арміи. *Графу же Милорадовичу* приказано съ корпусами гвардейскимъ и первымъ кавалерійскимъ и первою гренадерскою дивизіею выступить изъ С. *Петербурга* и слѣдовать къ *Ковно*.

Съ сими предположеніями отправили *Генерала Толя* къ Фельдмаршаламъ *Веллингтону* и *Блюхеру*.

Іюня 7го войска наши начали проходить чрезъ *Гейдельбергъ*. Авангардъ стоитъ уже на лѣвомъ берегу *Рейна* между *Мангейма* и *Кейзерслаутерна*; ему предписано имѣть сообщеніе влѣво съ *Фельдмаршаломъ Вреде*, а вправо съ *Блюхеромъ*. Полки наши приводятъ всѣхъ въ удивленіе мужественнымъ видомъ солдатъ, опрятностію ихъ, исправностію оружія и хорошимъ состояніемъ лошадей. Иностранцы не понимаютъ, какъ *Руские* могли пройти неостанавливаяся отъ *Немана* до *Неккара* съ такою поспѣшностію, сохранивъ во всѣхъ частяхъ отмѣнный порядокъ. Восхитительно смотрѣть на воиновъ, выслуживших узаконенной срокъ двадцатипятилѣтній. Имъ предлагали отставку въ нача-

лѣ настоящаго года; но они, извѣстясь о походѣ, просили позволенія участвовать въ ономъ. Галунъ на лѣвой рукѣ отличаетъ сихъ ветерановъ. *Іоаннъ Мюллеръ* сказалъ: „Природа показала, что она одарила *Россію* „необыкновенною силой. Нужно только при-„коснуться до нее, чтобъ увидѣть, какъ Дер-„жава сія развиваетъ всеобъемлющее свое „могущество. Она едва познакомилась при „*Владимірѣ* съ просвѣщеніемъ *Грековъ*, и „при *Петрѣ* съ образованіемъ *Европейцевъ*, „какъ уже сношенія ея обняли всѣ великія „Державы." Если бы дѣеписатель сей дожилъ до нашего времени, то онъ присовокупилъ бы: „лишь только двадцать народовъ „покусилися нарушить благоденствіе ве-„ликой Имперіи, какъ въ теченіи полу-„тора года по нашествіи ихъ *Руские* уже въ „другой разъ на *Рейнѣ*."

Іюня 8. *Генералъ Толь* возвратился изъ сѣверной арміи; онъ увѣдомилъ о началѣ дѣйствій въ арміи *Блюхера* и о разбитіи сего Полководца. Хотя успѣхи *Наполеона* сами по себѣ не такъ значительны, ибо *Прусская* армія вѣроятно скоро соединится съ *Англійскою*; но послѣдствія ихъ могутъ быть важны въ политическомъ отношеніи: ибо общее мнѣніе, бывшее до сего раздѣленнымъ въ разсужденіи предпріятія *Наполеона*, можетъ вновь соединиться въ его пользу. Не-

медленно собранъ былъ военный Совѣтъ, въ которомъ рѣшено оставить прежде принятой планъ идти нашимъ войскамъ на *Триръ*, а назначено двумъ арміямъ, нашей и *Князя Шварценберга*, сосредоточиться на пространствѣ между *Майнца* и *Базеля* и слѣдовать къ *Нанси*, куда предположено достигнуть *29 го Іюня*. *Фельдмаршалу Вреде* поручено прикрывать наше правое крыло, а *Графу Лнжерону*, командующему шестымъ корпусомъ, обложить *Стразбургъ* и *Ландау*. Движеніе всей арміи въ случаѣ отступленія прикрыто будетъ тремя мостами, которые построются на *Рейнѣ*.

Іюня 18. Третьяго дня мы узнали о побѣдѣ при *Ватерлоо*. Радость была неописанная, тѣмъ болѣе что послѣ пораженія *Прусаковъ при Сентъ-Аманѣ*, не только не ожидали успѣховъ, но опасались услышать о новыхъ подвигахъ *Наполеона*. Неприятельскіе отряды, находившіеся противу насъ, поспѣшно удалились. Въ слѣдъ за симъ извѣстіемъ переѣхали мы изъ *Гейдельберга* въ *Мангеймъ*. Арміи нашей и *Австрійской*, подъ названіемъ арміи *Верхняго Рейна*, приказано немедленно переправиться чрезъ сію рѣку и устремиться на *Парижъ*; а дабы онымъ быть какъ можно ближе одна отъ другой, то мы, перейдя завтра *Рейнъ*, сдѣлаемъ нѣсколько маршей

влѣво вверхъ по сей рѣкѣ, оставя прямую *Парижскую* дорогу вправо. Наши войска будутъ слѣдовать во *Франціи* тремя колоннами; *ФельдМаршалъ Вреде* пойдетъ впереди насъ въ одномъ или въ двухъ маршахъ. Война не можетъ быть продолжительна, потому что *Наполеонъ* отрекся отъ престола, а безъ него *Французы* съ нами воевать не могутъ: превосходство наше въ числѣ слишкомъ велико. Начальники передовыхъ непріятельскихъ войскъ объявляли неоднократно желаніе вступить въ переговоры о перемиріи; нѣсколько разъ носилися ложные слухи, будто во *Французской* арміи отдано въ приказѣ, que le grand homme a passé.

Іюня 15 по утру отправились мы изъ *Мангейма* въ *Спейеръ*. Войска проходили по мосту черезъ *Рейнъ*; я принужденъ былъ ѣхать по оному тихо, и безмолвно смотрѣлъ на прелестные берега рѣки. Многіе изъ товарищей моихъ радуются войнѣ и желаютъ продолженія оной, находя въ томъ пищу любопытству своему и честолюбію . . . Военные переходятъ безпрестанно изъ края въ край, знакомятся съ людьми всѣхъ состояній, видятъ достопамятные предметы въ *Европѣ*, а по сему, степень ихъ образованія возвышаясь ежедневно, становится несоразмѣрною съ просвѣщеніемъ народа, которой остается въ первобытномъ своемъ положеніи.

Послѣ царствованія *Петра Великаго* ничто столько не можетъ имѣть вліянія на образъ мыслей *Рускихъ*, какъ послѣдніе три похода.

Спейеръ принадлежитъ къ самымъ стариннымъ городамъ. Въ немъ любопытенъ Соборъ, гдѣ погребали долгое время *Германскихъ* Императоровъ. Здѣсь покоится *Рудольфъ Габсбургскій*, котораго памятникъ разломанъ; на развалинахъ его хранится овесъ и сѣно, приготовленные для проходящихъ войскъ. Близь него лежитъ прахъ Императора *Генриха IV*, которой ходилъ пѣшкомъ въ *Римъ* просить у Папы отпущенія грѣховъ. Гробница его въ цѣлости.

Іюня 16. Я ѣхалъ сего дня одинъ изъ *Спейера* въ *Рейнсабернъ*, имѣя вправо цѣпь *Вогезскихъ* горъ, коихъ подошва усѣяна богатѣйшими селеніями; по лѣвую сторону протекалъ *Рейнъ*, омывающій плодоносную долину, а позади его синѣются горы благословенной *Германіи*. Вершины ихъ покрыты развалинами рыцарскихъ замковъ, едва мелькавшими изъ за тумана, сквозь которой проходили первые лучи солнца. На половинѣ дороги видѣлъ я крѣпость *Ландау*; тамъ неприятели, а здѣсь *Руские* шли въ густомъ строѣ. *Парижскія* новости составляютъ теперь предметъ общихъ разговоровъ; всѣ читаютъ съ жадностію *Французскія* вѣ-

домости, въ которыхъ изображается борьба различныхъ партій, господствующихъ во *Франціи*. Никогда для журналистовъ не представлялось обильнѣйшаго поля. Пользуясь правомъ свободнаго книгопечатанія, они описываютъ тѣ минуты, въ которыя отечество ихъ гибнетъ: одни оплакиваютъ народную честь и славу, потерянныя безвозвратно; другіе питаются упованіемъ счастливаго переворота: но всѣ думаютъ найти обезпеченіе независимости своей въ политическихъ формахъ, и весьма немногіе полагаютъ свою надежду въ династіяхъ, бывшихъ прежде на *Французскомъ* престолѣ. Странно, что почти никто не обращаетъ вниманія на диктаторскую власть, которая одна спасала Державы, бывшія въ такомъ положеніи, въ какомъ видимъ нынѣ *Францію*. Духъ журналистовъ упадаетъ ежедневно болѣе, по мѣрѣ какъ узнаютъ они о повсемѣстномъ отступленіи ихъ арміи, и объ увеличивающихся успѣхахъ Союзниковъ. Сколько занимательно содержаніе *Парижскихъ* вѣдомостей, столько же примѣчательно краснорѣчіе ихъ издателей.

Іюня 16 го. Вчера ночевали мы въ *Вейсенбургѣ*, а сегодня въ *Гагенау*, куда я пріѣхалъ въ прекраснѣйшее утро, имѣя безпрестанно въ виду очаровательныя местоположенія. Проѣзжая *Гагенауской* лѣсъ, я наслаждался благоуханіемъ деревьевъ и прохла-

дою вѣтерка лѣтняго. Еесли всегда приятно быть посреди Природы; то сколь безцѣнны тѣ минуты, которыя проводимъ въ нѣдрахъ ея во время военное, когда малѣйшая изъ красотъ ея заставляетъ забывать и страсти насъ обуревающія, и бѣдствія человѣчества, которыя видимъ безпрестанно предъ собою! Открылся *Стразбургъ* и множество городовъ и деревень, лежащихъ вдоль *Рейна*.

Мы известились сегодня, что въ *Парижѣ* учреждено временное правительство, которое отправило чиновниковъ въ нашу главную квартиру. Союзные Государи послали къ нимъ на встрѣчу *Графа Шувалова*, съ препорученіемъ сказать, что Монархи не намѣрены принять ихъ, что чиновники должны объявить предложенія своего правительства и ожидать въ *Реймсѣ* отвѣта. *Графъ Шуваловъ* съ ними разъѣхался, и депутаты, къ нашему удивленію, прибыли въ главную нашу квартиру. Ихъ было пять, а именно: *Лафаетъ*, *Себастіани*, *Понтекуланъ*, *Аржансонъ* и *Бенжаменъ-Констанъ*. Они привезли письма къ союзнымъ Министрамъ иностранныхъ дѣлъ, съ полномочіемъ вступить въ переговоры. Между тѣмъ какъ Статсъ-Секретарю *Графу Каподистріа* велѣно было съ ними объясниться *Лафаетъ*, пришедшій къ *Князю Волконскому*, не былъ имъ принятъ. Когда онъ

юшелъ въ переднюю комнату къ *Князю Петру Михайловичу*, то дежурный адъютантъ спросилъ его, кто онъ таковъ. „Не бывъ коронованною главою, я пользуюсь уваженіемъ Монарховъ," отвѣчалъ онъ. *Графъ Каподистріа* пробылъ у депутатовъ весь вечеръ, и выходя отъ нихъ въ двѣнадцатомъ часу, сказалъ мнѣ: „Они говорятъ, что Палаты признали Императоромъ сына *Наполеонова;* но изъ словъ ихъ видно, что „это одна маска. *Себастіани* объясняется „лучше и умнѣе, нежели прочіе; *Бенжамен-Констанъ* слишкомъ *горячится*."

Наслѣдный *Принцъ Виртембергскій* разбилъ непріятельскаго Генерала *Раппа*, и принудилъ его отступить къ стѣнамъ *Страсбурга*, для обложенія коего составляется особый корпусъ, а *Принцъ Виртембергскій* примыкаетъ съ своими войсками къ нашему лѣвому крылу. Будучи такимъ образомъ обезпечены со стороны *Страсбурга*, мы не пойдемъ на *Кенигсфельдъ* и на *Муцигъ*, какъ полагали прежде, а прямо на *СаверНъ*, чѣмъ сократимъ путь къ *Нанси*, куда прибудемъ чрезъ четыре дня.

Іюня 21. Зной необыкновенный; но мы неостанавливаясь, дѣлаемъ самые большіе переходы, истинно *Суворовскіе;* мы не имѣли еще ни одной дневки съ самой переправы черезъ *Рейнъ*. Наши войска однако же не унываютъ, и походъ не можетъ быть для насъ

благопріятнѣе, потому что получаемъ почти ежедневно извѣстія объ успѣхахъ нашихъ Союзниковъ: на югѣ *Австрійцы* тѣснятъ *Лекурба*, а *Англичане* и *Пруссаки* находятся близь *Парижа*. Въ нашей главной квартирѣ почти непримѣтно, что существуетъ война; мы выступаемъ въ походъ обыкновенно очень рано, ѣдемъ прекрасною дорогою, всѣ довольны, веселы; по вечерамъ бываетъ у насъ музыка, и мы гуляемъ по окрестностямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ останавливаемся для ночлеговъ. Сего дня прибыли мы въ *Сарбургъ*, а утромъ проходили *Вогезскія* горы. Поелику крѣпость *Фальцбургъ* намъ не сдалась, и она стоитъ на большой дорогѣ, по которой намъ надлежало слѣдовать; то мы принуждены были ее обходить проселками, по лѣвую сторону отъ крѣпости. Маршъ былъ весьма затруднителенъ, по причинѣ высокихъ и крутыхъ горъ; но мѣстоположенія столь красивы, что я забывалъ усталость. *Австрійскіе* обозы тянулись съ трудомъ по горамъ. Не говоря о полковыхъ тяжестяхъ у одного Императора *Франца* сто семьдесятъ пять екипажей, а весь обозъ нашего ГОСУДАРЯ состоитъ изъ тридцати четырехъ повозокъ. *Графъ Ожаровскій* былъ посланъ требовать сдачи *Фальсбурга*, но получилъ отказъ; Коммендаnты *Французскихъ* крѣпостей отвѣчаютъ обыкновенно съ отмѣннымъ благо-

родствомъ на дѣлаемыя имъ предложенія о сдачѣ; будучи образованы въ побѣдоносныхъ станахъ, они не могутъ привыкнуть къ той мысли, что они побѣжденные.

Въ городахъ и деревняхъ жители, стоя у дверей, на насъ смотрятъ; они столько пострадали отъ безпрестанныхъ переворотовъ, что предалися совершенному равнодушію. Я видѣлъ *Нѣмцовъ* во время ихъ униженія: духъ такъ сильно не упадалъ у нихъ, какъ у *Французовъ*, которые не только не говорятъ о политическихъ происшествіяхъ, но даже отказываются отъ чтенія вѣдомостей. *Франція* заключается въ *Парижѣ*, и обыватели провинцій ожидаютъ, что изъ столицы прикажутъ провозглашать *республику*, или *Генриха Четвертаго*.

Іюня 22. Неуспѣли мы пройти *Вогезскія* горы, какъ *Французы* образовали въ оныхъ партизанскую войну; отряды ихъ находятся подъ начальствомъ двухъ отставныхъ офицеровъ *Вольфа* и *Бриса*. Вчера одинъ адъютантъ *Князя Волконскаго* былъ посланъ изъ *Сарбурга* въ *Нанси*; проѣхавъ нѣсколько верстъ, увидѣлъ онъ показавшихся изъ лѣсу *Французскихъ* крестьянъ, числомъ около ста, которые начали по немъ стрѣлять, невзирая что съ нимъ было восемь козаковъ прикрытія; они ранили адъютанта и двухъ ко-

заковъ. Извѣстіе сіе произвело небольшое безпокойство въ нашей главной квартирѣ, потому что предположено было пустить впередъ съ вечера сопутствующія намъ одиннадцатую и семнадцатую дивизіи, а ГОСУДАРЬ намѣренъ былъ ѣхать въ слѣдъ за ними сегодня поутру. Въ конвоѣ же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА находится только двѣнадцать лейбъ-козаковъ. Нынѣ велѣно опушку лѣсовъ на дорогахъ занимать пѣхотою.

Іюня 23 пріѣхали мы въ *Нанси*, одинъ изъ любопытныхъ городовъ по красотѣ своей. Чернь возставала вчера и третьяго дня противъ *Бурбоновъ*. Трудно знать, кого Французы желаютъ: они называютъ *Буонапарта* жестокимъ, *Бурбоновъ* слабыми, а республиканцами быть не хотятъ; но всѣ соглашаются, что конституціонное правленіе необходимо. Бунты бывшіе на сихъ дняхъ происходили отъ того, что нѣкоторые изъ жителей надѣвали трехъ-цвѣтные банты, а другіе бѣлые и орденъ *Лиліи*; партизаны и жандармы приходили изъ близь лежащихъ крѣпостей и возбуждали народъ къ сопротивленію союзнымъ войскамъ, увѣряя, что *Наполеонъ* приближается съ сильною арміею. Чернь ходила толпами по улицамъ, грозя ограбить домъ преданныхъ Королевской партіи. Она собралась передъ окнами дома, гдѣ живетъ тяжело раненый рот-

мистръ *Берверцъ*, бывшій адъютантъ *Князя Багратіона.* „Смерть Рускому! мы требуемъ его крови!“ кричала народная сволочь. Для отвращенія подобныхъ явленій приказано отобрать оружіе отъ жителей; они сами приносили оное въ домы, назначенные для складки. Я видѣлъ однаго *Француза*, которой, отдавая шпагу свою, поцѣловалъ ее со слезами. *Французы* всѣхъ состояній обращаютъ особенное вниманіе на ГОСУДАРЯ. Лѣстница, сѣни и переднія комнаты дома, гдѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволитъ останавливаться, бываютъ наполнены народомъ съ утра до вечера; лучшіе люди города ожидаютъ по нѣскольку часовъ минуты, чтобы взглянуть на ИМПЕРАТОРА; не такъ бываетъ на улицахъ, гдѣ живутъ прочіе союзные Монархи.

Іюня 26. *Французскіе* партизаны становятся безпрестанно предпріимчивѣе. Увѣряютъ, что начальникъ ихъ *Брисъ* ночевалъ въ *Нанси* въ день нашего отъѣзда. Сего дня они показывались въ виду ГОСУДАРЯ въ лѣса по обѣимъ сторонамъ дороги на возвышеніяхъ, съ которыхъ они подаютъ сигналы другъ другу. Они ранили одного гусара, и ГОСУДАРЬ, услыша выстрѣлъ сей, изволилъ ѣхать съ *Австрійскимъ* Императоромъ на ту самую гору, откуда онъ раздался. Нѣкто сказалъ при семъ случаѣ,

что впервый разъ въ свѣтѣ разбойники нападаютъ на двухъ Императоровъ.

Вчера былъ день радости; между *Нанси* и *Линьи* мы получили извѣстіе о занятіи *Парижа*.

А. М. Данилевскій.

(Продолженіе сего Отрывка помѣщено въ 4мъ номерѣ Сына Отечества 1817 года подъ заглавіемъ: *О вторичномъ шествіи Россіянъ въ Парижъ.*)

IV. СМѢСЬ.

Политическія происшествія.

Франція.

Множество толковъ о покушеніи на жизнь Веллингтона, равно какъ и несходство ихъ между собою, могутъ служить на первой случай доказательствомъ двухъ истинъ: 1е, что приключеніе съ Герцогомъ составляетъ теперь *важнѣйшую новость*; 2е, что побудительная причина сего гнуснаго поступка доныне остается неизвѣстною. Исчисленіе всѣхъ слуховъ, догадокъ, заключеній по сему предмету заняло бы довольно мѣста. Не лучше ли же дождаться вѣрныхъ извѣстій? — Другой предметъ любопытства есть безумецъ *Матюренъ Брюно*, выдающій себя за Лудовика XVII. Судъ надъ

нимъ уже кончился въ Руанѣ, и мнимый Дофинъ, обличенный въ бродяжничествѣ, въ *присвоеніи себѣ имени и титла Королевскихъ*, въ обманахъ, въ оскорбленіи бранью судей своихъ, приговоренъ къ денежному штрафу и къ семилѣтнему заключенію въ тюрьму. Едва вѣроятная несоразмѣрность между преступленіями и наказаніемъ! Но здѣсь-то и открывается благоразуміе кроткаго правительства. Брюно ни для кого неопасенъ сумазброднымъ своимъ самозванствомъ, а суровыя мѣры произвели бы новыхъ, упорнѣйшихъ фанатиковъ, какъ гоненіе на еретиковъ размножаетъ сихъ несчастныхъ и ожесточаетъ сердца ихъ. Несмотря на то, появленіе самозванца всегда заразительно. Нѣкто *Дюфрень*, сынъ банкира, также вздумалъ было объявить себя Дофиномъ въ самомъ дворцѣ Королевскомъ. Онъ оказался съумасшедшимъ — въ прямомъ смыслѣ.

Турція.

Минувшаго Января мѣсяца Глава Турецкаго духовенства, Муфти, лишенъ своего достоинства (происшествіе чрезвычайно рѣдкое); мѣсто его заступилъ одинъ изъ Улемовъ, Мекки Саде Гассанъ Еффенди.

Африка.

Варварійскія правительства, кажется, весьма ясно видятъ, что готовится для нихъ въ Европѣ. Они стараются теперь отвратить угрожающую опасность и составляютъ между собою твердый союзъ взаимной обороны.

Америка.

Не въ Европѣ только дорожатъ свободою изъявлять свои мысли посредствомъ тисненія; въ *Буеносъ-Айресѣ* она утверждена за-

кономъ. На островѣ Сенъ - Доминго въ публичныхъ вѣдомостяхъ столицы Христофа повторена 26 статья Конституціи, которою „всякому дозволяется писать и предавать тисненію свои мысли,“ и потомъ прибавлено, что Король Гаитскій желаетъ исполненія оной статьи во всемъ ея пространствѣ; ибо увѣренъ, что единственно свободное книгопечатаніе ведетъ къ высшей степени просвѣщенія.

Краткія выписки, извѣстія, замѣчанія.

По новѣйшимъ извѣстіямъ, доставленнымъ въ Копенгагенъ, къ миссіонерской Коллегіи, число всѣхъ жителей Гренландіи въ концѣ 1816 года простиралось до 5,836 душъ, обитающихъ въ семнадцати селеніяхъ на западномъ берегѣ, начиная отъ южнаго предѣла до отдаленнѣйшаго сѣвера. Селенія находятся только на берегахъ, ибо внутренняя часть сей хладной страны покрыта вѣчными льдами. Не смотря на то, съ 1789 года, слѣдственно въ продолженіи *двадцати* семи лѣтъ, въ числѣ жителей оказалось 714 человѣкъ болѣе противъ прежняго. Бѣдная страна! обитатели ея невидятъ солнца съ 30 Ноября по 12 число Января мѣсяца; за то уже они могутъ похвалиться однимъ весьма важнымъ преимуществомъ: имъ неизвѣ-

стины деньги, а слѣдственно и дурачества и злодѣйства, неразлучные опутники употребленія оныхъ.

— Одинъ башмачникъ въ Парижѣ поставилъ надъ дверьми своей квартиры слѣдующую надпись: Restaurateur de la chaussure humaine. (Возстановитель обуви человѣческой.) N . . . Cordonier se charge de toutes les entreprises, qui concernent son état (N . . . Башмачникъ занимается всѣми предпріятіями, касающимися до его состоянія.)

— Когда офицеры Сѣверо-Американской республики, на память освобожденія отечества, установили орденъ *Цинцинната* и велѣли выбить медаль съ орломъ, Франклинъ написалъ къ дочери своей слѣдующее. „Нѣкоторые говорятъ, что орелъ походитъ на индѣйку. Я недосадую; ибо индѣйка есть птица почтенная, и притомъ первобытная, коренная обитательница Америки. Орловъ находили вездѣ; напротивъ того индѣйка была собственная наша птица. Езуиты вывезли ее изъ Канады во Францію, гдѣ въ первой разъ подали индѣекъ на столъ по случаю брачнаго пиршества Короля Карла IX. Хотя индѣйской пѣтухъ нѣсколько глуповатъ и забавенъ своею надутостію, однакожъ онъ довольно отваженъ, и конечно не усумнился бы броситься на какого-нибудь Британскаго гвар-

дейца, которой, въ аломъ мундирѣ своемъ, вздумалъ бы напасть на индѣйскую его подругу.

— Дирекція Парижскаго театра Фейдо (Feydeau) приняла было намѣреніе благое и полезное — прославиться новой системою декорацій и машинъ, изобрѣтенныхъ для Жоконда, извѣстной оперы. Уже возвѣщено было печатными листками о чудесномъ дѣйствіи солнечнаго восхода, разсвѣта, луннаго сіянія, свѣтлыхъ и сребрящихся водъ, которыя въ тихомъ, правильномъ своемъ колебаніи должны были отражать лучи ночнаго свѣтила. Но луна сія, *упрямая* спутница нашей планеты — sidus pertinax, такъ нѣкогда назвалъ ее Кеплеръ — воспротивилась волѣ чудесника, точно какъ прежде выкладкамъ Астронома. Надѣялись, что въ другое представленіе она будетъ сговорчивѣе.

— Между новѣйшими произведеніями Французской музы упоминяется объ одной маленькой оперѣ *Братецъ Филиппъ*, взятой изъ повѣсти г-на Дартиньи, извѣстной подъ тѣмъ же титуломъ. Вотъ содержаніе: „Жилъ былъ Король, имѣвшій одного сына, котораго до двѣнадцати лѣтъ возраста воспитывали въ мрачной темницѣ. Бѣдной Принцъ никогда не видывалъ луча солнечнаго и никакого свѣтила; ибо врачи предсказывали, что дитя будетъ слѣпымъ, если иначе проведетъ время нѣжнаго младенчества. Прошли назначенные годы мрач-

наго заключенія; юный Принцъ выведенъ на свѣтъ Божій; ему представляютъ разные предметы, и сказываютъ имена ихъ. Между прочимъ онъ видитъ и женщинъ, и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ спрашиваетъ, какъ называются сіи предметы. Пожилой наставникъ отвѣчалъ, наморщивъ старое чело свое: это маленькіе черти, ведущіе ко всякому злу человѣка. — Несмотря однакожъ ни на страшное имя, ни на поучительное замѣчаніе, когда Король спросилъ своего сына, что полюбилось ему болѣе всего изъ тѣхъ предметовъ, которые онъ видѣлъ, Принцъ отвѣчалъ съ милымъ простодушіемъ: „больше всего мнѣ полюбились *маленькіе черти, ведущіе ко всякому злу человѣка*, и я ничего невидалъ ихъ прекраснѣе.“

— Вотъ одно извѣстіе, любопытное для металлурговъ. Г. *Фестъ*, Профессоръ Химіи и Ботаники въ Грецѣ, открылъ въ верхней Стиріи, въ рудникахъ называемыхъ Sohladning, новый металлъ, очевиднымъ образомъ отличающійся отъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ, и назвалъ его: *Юноніумъ*. А вотъ и другое. *Вольфъ*, золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Дрезденѣ, изобрѣлъ металлической составъ, которой не только внѣшностію походитъ на серебро, но и съ такою же какъ оно удобностію можетъ быть употребленъ на разныя издѣлія. Изобрѣтатель

назвалъ составъ свой *аргирофаномъ* (мнимымъ серебромъ). Изъ него съ великою выгодою можно бы дѣлать столовую посуду.

— Подъ статьей изъ Стокгольма, послѣ краткаго показанія главныхъ епохъ жизни Карла XIII, о преемникѣ его упомянуто слѣдующимъ образомъ: „Нынѣ царствующій Король родился 26 Января 1764 года въ По, въ отечествѣ Короля *Генриха IV*. Перенеи, Рейнъ, Тальяменто, Изонцо, Дунай, Иннъ знали его *Бернадоттомъ*; Галле, Любекъ, Морунгенъ, Ейлау, Ваграмъ — *Княземъ Понтекорво*; Гроссъ Беерень, Денневицъ, Лейпцигъ, Голстинія, Норвегія — *Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ*.

— Записки о публичной и домашней жизни *Шеридана*, недавно изданныя въ *Лондонѣ*, содержатъ въ себѣ множество анекдотовъ, относящихся къ сему славному Британцу, блиставшему на поприщѣ витійства и драматической поезіи. Слѣдующій помѣщенъ во многихъ заграничныхъ журналахъ: „Однажды *Шериданъ* ѣхалъ въ почтовой коляскѣ въ Лондонъ съ намѣреніемъ поспѣть къ выборамъ въ Вестминстеръ и приготовить голоса въ свою пользу; ибо тамъ былъ уже его соперникъ *Паулъ*. Съ нимъ вмѣстѣ ѣхали два избирателя, *или* депутата. Между разговоромъ одинъ спраши-

ваетъ другаго, за кого намѣренъ онъ подать свой голосъ. — „Разумѣется за *Паула*;" отвѣчаетъ товарищъ: „знаю, что онъ простякъ; но я готовъ подать голосъ за всякаго, кто бы ни былъ, только не за бездѣльника *Шеридана*." — Вы знаете *Шеридана*? — „Нѣтъ, да и знать нехочу его." Симъ кончилось. Когда коляска остановилась у гостинницы и наши путешественники вышли завтракать, *Шериданъ* беретъ за руку одного спутника и спрашиваетъ объ учтивомъ его пріятелѣ. Онъ прелюбезной весельчакъ, (говоритъ *Шериданъ*), и я очень любопытенъ знать его имя. — „Его зовутъ Т." отвѣчаетъ спутникъ: „онъ искусный адвокатъ, а живетъ въ Линкольнскомъ трактирѣ." Позавтракавъ, опять сѣли въ коляску, и *Шериданъ* непримѣтно заводитъ рѣчь о Юриспрудентахъ. „Да," продолжаетъ онъ „прекрасное званіе! Юристу открыта дорога къ первымъ должностямъ государства; онъ вездѣ имѣетъ случай показать свое искусство. Самые ученѣйшіе, благороднѣйшіе мужи, коихъ именами украшается наша Исторія, были адвокаты; за то уже, признаться должно, въ ихъ же сословіи бываютъ и великіе бездѣльники. Но изъ всѣхъ бездѣльниковъ - адвокатовъ величайшій есть конечно Т., живущій въ Линкольнскомъ трактирѣ." — Это я самъ — сказалъ незнакомецъ. „А я *Шериданъ*!" подхватилъ Ораторъ. Оба

тотчасъ поняли шутку, ударили по рукамъ, и адвокатъ не только подалъ голосъ, но стоялъ горою за *бездѣльника Шеридана*.

— *Жители Островов Дружества*, на Южномъ морѣ, держатся такого мнѣнія, что одни только старѣйшины народные имѣютъ безсмертную душу и что душа прочихъ людей умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Странная учтивость!

ОШИБКИ

Въ предыдущей книжкѣ *Вѣстника Европы* на страницѣ 271 й въ строкѣ 11 й снизу вмѣсто eh'rer чит. eh'rnr. На стран. 272 й въ 15 й строкѣ снизу вмѣсто zur Schacht gebendet, читай: zur Schacht gewendet. Въ 7 й строкѣ вмѣсто sehe sich чит. seh'n sich. Стран. 294 строк. 1. вмѣсто странныя, читай старинныя.

искатедь безвременнаго спокойствія, котораго впрочемъ нигдѣ мы ненаходимъ, если не носимъ его въ самихъ себѣ, въ собственной совѣсти нашей.

Хотя я весьма далекъ отъ желанія посвятить себя дѣламъ публичнымъ; чувствую однакожъ отвращеніе отъ праздности и совершеннаго бездѣйствія. Трудолюбіе сопутствовало мнѣ всегда, въ счастливыя и несчастныя минуты жизни, въ отправленіи должностей публичныхъ и въ тишинѣ уединенія, въ темницѣ и въ изгнаніи; никогда незналъ я скуки, никогда не устранялся отъ полезныхъ, или необходимыхъ занятій. Только теперь, развлекаемый сторонними дѣлами, немогу дорваться до литтературныхъ забавъ своихъ, которыя вамъ кажутся основанными единственно на предположеніяхъ, и которыя наполняли пустоту пятьнадцати лѣтъ, протекшихъ въ неволѣ и заточеніи; ибо, согласно понятіямъ моимъ о любви къ отечеству, не могу отказывать однимъ въ совѣтахъ, другимъ въ помощи. Въ числѣ сихъ постороннихъ занятій ближайшими къ сердцу моему казались мнѣ клонившіяся къ народному просвѣщенію, а особливо нынѣшнее и будущее состояніе Краковскаго Университета. Въ сихъ и подобныхъ упражненіяхъ мой образъ мыслей совершенно соотвѣтствуетъ вашему совѣту. Я трудился для дру-

гихъ, для блага другихъ, не побуждаемый ни видами собственной корысти, ни даже самолюбіемъ. Non mihi laboravi, sed omnibus inquirentibus veritatem (*). Отъ трудовъ сего рода не отрекуся никогда, и никому неоткажу въ нихъ; слѣдственно успокоюсь только въ могилѣ.

Мнѣ пріятенъ, милостивый государь, столь благосклонный судъ вашъ о моихъ упражненіяхъ и объ авторской (какую бы впрочемъ я ни имѣлъ) способности . . . Совѣтъ вашъ совершенно отвѣтствуетъ моей склонности, и предметъ, къ которому заохочиваете меня, непревосходитъ силъ моихъ. Въ другой уже разъ получаю вашъ вызовъ писать о событіяхъ отечественныхъ, и всегда нахожу важныя препятства. Тадеушъ Чацкій предпринялъ уже трудъ сей, какъ то объявлено въ Актахъ Варшавскаго Ученаго Общества; въ самомъ дѣлѣ онъ имѣетъ въ библіотекѣ своей драгоцѣннѣйшее сокровище матеріаловъ, какого я никакъ немогу имѣть въ рукахъ своихъ. Теперь и Варшавское Общество приняло на себя трудъ важный: пригласило къ участію всѣхъ писателей; назначило редакторовъ, которые собирали бы сочиненія по сему предмету, выправляли бы ихъ и предавали тисненію. При такихъ обстоятельствахъ

(*) Я трудился не для себя, но для всѣхъ ищущихъ истины.

жу, что ежели прежде въ семъ великомъ предпріятіи не могъ я идти въ соперничество съ Тадеушемъ Чацкимъ, по недостатку тѣхъ пособій, которыя онъ имѣетъ; то тѣмъ болѣе недерзну быть совмѣстникомъ въ подвигѣ писателей цѣлаго отечества: а особливо однажды уже испытавцій непріятность совокупной работы въ словесности, я далъ себѣ обѣтъ не начинать такого труда, котораго самъ не могъ бы кончить. Всего же болѣе преклонность лѣтъ удостовѣряетъ меня въ невозможности написать полную Исторію нашего отечества. Сей подвигъ превосходитъ силы какъ мои, такъ и всѣхъ прочихъ, если вздумаютъ приступить къ нему такъ точно, какъ прежде у насъ дѣлалось. Ни одинъ народъ неможетъ имѣть въ совершенствѣ написанной своей Исторіи, и авторъ принимающій на себя столь трудную работу обманетъ ожиданіе публики, если прежде не будутъ собраны и тщательно изданы въ свѣтъ *всѣ историческія сочиненія и полное собраніе граматъ и государственныхъ актовъ нашего отечества* (*).

(*) Подъ историческими сочиненіями разумѣются здѣсь матеріялы, то есть всѣ лѣтописи, всѣ исторія края, частныя и общія. Авторъ говоритъ какъ человѣкъ истинно ученый, совершенно знающій дѣло и, можемъ еще прибавить, уважающій самолюбіе просвѣщенныхъ читателей. Историкъ тогда только имѣетъ

Неодинъ уже разъ принимались у насъ за сей единственный способъ, необходимо долженствующій предшествовать составленію хорошей Исторіи: нетерпѣливость наша и суетность препятствовали доброму дѣлу сему прежде; онѣ же и теперь ему воспрепятствуютъ. При такомъ безпорядкѣ въ занятіяхъ литтературныхъ трудно работать общими силами (а силы одного писателя никакъ недостаточны для такой работы), пока матеріялы будутъ въ одной, или двухъ библіотекахъ служить памятниками тщеславія, и пока Scriptores rerum Polonicarum и Corpus diplomaticum (лѣтописи, акты, грамaты) не будутъ всѣмъ извѣстны посредствомъ написанія.

Но вразсужденіи частныхъ замѣчаній о Польской Исторіи я думаю, что ихъ можно сообщать публикѣ: такія сочиненія тѣмъ болѣе нужны для насъ, чѣмъ чаще видимъ примѣры, что чужестранные писатели хотятъ учить насъ отечественной нашей Исторіи. По сему поводу я вознамѣрился писать противъ Рульеровыхъ замѣчаній о по-

---

право на довѣренность мужей здраво мыслящихъ, когда сказанія свои подкрѣпляетъ свидѣтельствами, извѣстными ученой публикѣ. А. Шлецеръ имѣлъ справедливыя, важныя причины сказать, что Исторію должно писать *при открытыхъ дверяхъ*. К.

антическомъ состоянiи Польскаго правительства отъ древнѣйшихъ временъ до 1791 года; ибо вижу, что сей авторъ сбиваетъ съ пути не только чужестранцевъ, но и просвѣщеннѣйшихъ Поляковъ. При теперешнихъ обстоятельствахъ ни чѣмъ не занялся бы я съ такимъ удовольствiемъ, какъ исторiей наукъ въ нашемъ отечествѣ. Имѣлъ я и служащiе къ тому тщательно собранные матерiялы въ актахъ моего обозрѣнiя и преобразованiя Краковскаго Университета; но сiи акты, помѣщеныые въ четырехъ огромныхъ томахъ, во время моего плѣна погибли вмѣстѣ съ другимъ запасомъ ученой словесности: труды одиннадцати лѣтъ съ подлинными бумагами, съ исторiею занятiй Воспитательной Коммиссiи. Неправедно завладѣвшiй симъ собранiемъ обидѣлъ меня, но еще болѣе обидѣлъ отечество; ибо безъ помощи моихъ рукописей и документовъ я не могу написать совершенно удовлетворительной исторiи наукъ въ нашемъ краѣ, а завладѣвшiй моимъ собранiемъ не можетъ написать ее такъ, какъ я самъ, бывшiй очевиднымъ свидѣтелемъ и сотрудникомъ въ упражненiяхъ Воспитательной Коммиссiи. Но къ чему распространяться о потерѣ, за которую никто вознаградить меня не можетъ? Жизнь моя тѣмъ особливо замѣчательна, что умыслившiе погубить меня не только посягали на мое имущество, но даже старались

загладить слѣды и признаки заслугъ моихъ: злобныя, но тщетныя усилія.

Изъ сего пространнаго моего объясненія можете, милостивый государь, удостовѣриться, *во первыхъ*, что на прочее время моей жизни я отказался отъ всѣхъ публичныхъ занятій; *во вторыхъ*, что несмотря на то, не предамъ себя лѣнивому бездѣйствію, и по мѣрѣ силъ своихъ буду непрестанно трудиться; *въ третьихъ*, что въ трудахъ буду согласоваться не столько съ моими способностями, сколько съ положеніемъ, въ которомъ нахожусь еще донынѣ; ибо важное, предложенное вами условіе, еще неисполнилось: я не получилъ обратно моей собственности, необезпечилъ себѣ выгоднаго и приличнаго состоянія на достальное время своей жизни, и еще неимѣю счастія сравнивать себя съ Тацитомъ, или съ Барономъ. Нахожусь теперь и, кажется, до смерти своей буду находиться въ состояніи Клуверія. Остаюсь, и проч (*).

(*) Янъ Снядецкій, біографъ сего знаменитаго Ксендза, на страницѣ 107 пишетъ слѣдующее: „Къ страннымъ случаямъ жизни *Коллонтая* должно причислить, что Австрійское правительство, котораго не оскорбилъ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ

изъ II пѣсни поемы: Искусства и Науки.

Самъ Богъ, Котораго величіе и сила
Премудростью себя въ твореніяхъ явила,
Въ насъ искру первую къ изящному возжогъ:
Сафирами убралъ небесный свой чертогъ,
Въ день солнцемъ, въ темну ночь звѣздами
освѣщенный;
Развѣсилъ въ немъ зарю какъ занавѣсъ червленный;
Изъ солнечныхъ лучей Онъ радугу соткалъ;
Рифей и Ельборусъ и Альпы изваялъ;
Далъ разноцвѣтную игру лучей кристалламъ,
И благородный блескъ алмазу и металламъ;
Усѣялъ жемчугомъ блестящимъ дно пучинъ,
Кремень преобратилъ въ пылающій рубинъ;
Горъ огнедышущихъ затеплилъ онъ кадила.
Десница мудрая его разстановила
Картины скалъ, долинъ, овраговъ, рѣкъ, лѣсовъ

онъ ни сочиненіями, ни поступками своими, девять лѣтъ держало его въ неволѣ, и что свобода возвращена ему великодушнымъ заступленіемъ Двора Петербургскаго, которому онъ наиболѣе досаждать старался."

И зеркала морей и рамы береговъ ;
Въ лугахъ ковры цвѣтовъ и зелени постлала,
И бархатъ бабочекъ и пчелъ разрисовала.
Богъ рѣзвыхъ рыбъ одѣлъ чешуйчатымъ сре-
бромъ,
Колибри сотворилъ летающимъ цвѣткомъ ;
Онъ соловью далъ свистъ, раскаты, трели,
грохотъ ;
Далъ водопаду громъ, ручью въ лужайкѣ шо-
потъ ;
Далъ лѣсу сладкій шумъ, далъ морю грозный
ревъ.
Его творенія — и величавый левъ,
И серебристый бобръ, и леопардъ узорный,
И легкій конь и слонъ въ движеньяхъ непро-
ворный.
Но въ человѣкѣ намъ хотѣлъ явить Творецъ
Всѣ роды красоты, всѣхъ прелестей вѣнецъ,
Величье съ нѣжностью и гордость съ добротою.
Онъ подарилъ его улыбкой и слезою,
И далъ единому сіе чело, сей взглядъ,
Которые безъ словъ понятно говорятъ.
Въ восторгѣ человѣкъ сначала бросилъ взоры
На солнце, на луну, на алый блескъ Авроры ;
Но родилась жена — и свѣтлая краса
Подруги передъ нимъ затмила небеса.

Желая межъ добромъ и зломъ поставить
разность,
Богъ прелесть далъ добру, пороку безобразность;

Онъ заклеймилъ развратъ, коварство, гордость, лесть.
Опасность показавъ, хотѣлъ отъ ней отвесть.
Древа, которыя свирѣпый ядъ скрываютъ,
Тяжелымъ запахомъ вкругъ травы убиваютъ,
И въ одиночествѣ осуждены стоять:
И кошка мимо ихъ боится пробѣжать,
И звѣри лютые съ боязнью мимо рыщутъ,
И птицы гнѣзда вить на ихъ вѣтвяхъ не ищутъ.
Ужасенъ тигръ, когда пронзительно реветъ,
Ужасенъ крокодилъ, когда онъ слезы льетъ,
Ужасно змій шипитъ, сверкая острымъ жаломъ.
Мазепа въ ласковомъ лицѣ грозитъ кинжаломъ,
И подлы подъ вѣнцомъ Лжедмитрія черты.
Но добродѣтели души и красоты
Въ осанкѣ и лицѣ написаны блистаютъ,
И въ странникѣ Петрѣ Монарха обличаютъ.
Вотще на хижину Онъ промѣнялъ чертогъ:
Петръ-плотникъ въ рубищѣ — осанкой полубогъ.
Въ Кагульской день, когда ударивъ янычары,
Въ Россійскіе ряды какъ вихрь вломились ярый,
Румянцовъ въ красотѣ величія предсталъ,
И взглядомъ воинство отъ бѣгства удержалъ,
И бросилъ страхъ въ враговъ, не громомъ побѣжденныхъ,
Но взглядомъ нашего Готфреда пораженныхъ.
Платонъ, благовѣстя побѣду подъ Чесмой,
Сіялъ небесною въ лицѣ своемъ красой,
Тогда какъ, бросившись съ каѳедры на колѣни

Предъ гробомъ нашего Петра, онъ къ славной тѣни
Воскликнулъ: „разорви оковы естества!
„Возстанія нашего Виновникъ торжества!
„Взгляни на бунчуки, на флаги, на знамены,
„Которыми твои украшены здѣсь стѣны:
„Все это Ты! Твоя приносимъ отъ Твоихъ!"
И Брапкинъ въ жару намѣреній благихъ,
Схватя бразды, изъ рукъ безсильныхъ опущенны,
Во власть рѣшимостью единой облеченный,
Средь черни яростной въ Москвѣ на стогнахъ зримъ;
Въ божественныхъ лучахъ, какъ горній Серафимъ,
Фіалъ спасенія съ небесъ принесшій граду,
И видомъ, словомъ устъ вливающій отраду.
Державинъ, посланный противъ бунтовщиковъ,
Когда чудовищный возникнулъ Пугачовъ,
Безъ войска и одинъ — къ отчизнѣ полный страстью
И добродѣтели сражающею властью,
Которою во всѣхъ чертахъ лица сіялъ,
Взволнованный народъ средь буйства оковалъ.
Бардъ Невскій былъ въ сей мигъ прекрасенъ, какъ въ Столицѣ
Безъ страха истину вѣщающій Царицѣ!
Нашъ молодой Тиртей — пришедшій съ лирой въ станъ,
Вліявшій мужество въ унылыхъ Россіянъ,

Паденіемъ Москвы убитыхъ и пожаромъ,
Намъ предсказавшій дни побѣдъ и мщенья —
съ жаромъ,
Въ защитѣ Промысла увѣренной души,
Прекрасенъ у костра въ ночь лунную, въ тиши
Передъ спасителемъ Отечества поющій,
И указующій на предковъ рядъ текущій
По свѣтлымъ облакамъ: всѣхъ очи въ небесахъ,
Всѣхъ чувство честь, всѣ жизнь готовы бро-
сить въ прахъ;
Мечи до полножен въ восторгѣ обнаженны,
И старца ликъ лучемъ величья озаренный.
Враги изящнаго! ужели васъ сей видъ
Съ добромъ и красотой еще не примиритъ?

Воейковъ.

1817 го Декабря 2 го дня.
С. Муратово.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О новомъ сочиненіи Графа Сегюра.

Galerie morale et politique; par M. le Comte de Segur, de l'Academie française. (Нравственная и политическая галлерея; соч. Графа Сегюра, Члена Французской Академіи.)

Вотъ наконецъ вышла книга, въ которой нравственность является въ одеждѣ очаровательной пріятности, изящнаго слога, рѣдкой точности въ словахъ и мысляхъ, учености со вкусомъ и богатаго воображенія. Сочинитель, подробно разсматривая хорошія и худыя качества сердца человѣческаго, прикрасами тонкаго, прелестнаго остроумія закрываетъ суровость справедливыхъ своихъ замѣчаній. Онъ говоритъ языкомъ человѣка, всегда жившаго въ отборнѣйшемъ обществѣ, среди людей высокаго класса, а между тѣмъ употребляетъ слова и цѣлыя мысли самыхъ строгихъ писателей и философовъ древности, и сія смѣсь не только не тяготитъ читателя противуположностями, но имѣетъ еще выгоды привлекательнѣйшаго разнообразія.

Чтобы увѣрить читателей въ достоинствѣ книги, всего лучше предложить имъ небольшія изъ нее выписки. Вотъ нѣкоторыя, взятыя на удачу, безъ выбора.

Вопросы. „Для чего честь бываетъ не „одно и то же въ разныя времена, въ разныхъ „странахъ, въ разныхъ образахъ правленія? Не „лучше ли называть ее чувствомъ, нежели прави„ломъ? Въ одной извѣстной странѣ тотъ нару„шаетъ честь свою, кто въ двадцать четыре „часа не заплатитъ денегъ, проигранныхъ како„му нибудь плуту, между тѣмъ какъ, неоскор„бляя чести ни на волосъ, можетъ неплатить „долговъ своихъ честнымъ заимодавцамъ.

„Позволитъ ли духъ партіи согласиться „объ истинной чести?

„Другъ свободы держится того мнѣнія, „что честь велитъ ему жертвовать всѣмъ, „имуществомъ, спокойствіемъ и жизнію, для „независимости своего отечества, для оборо„ны его отъ вліянія и отъ оружія чуждаго. „Противникъ его думаетъ, что честь доз„воляетъ ему сражаться, даже и совокупно „съ чуждымъ народомъ; за священное дѣло, „которое онъ защищаетъ, и которое почи„таетъ неразлучнымъ отъ своего отече„ства.“

Глава о модѣ изобилуетъ историческими воспоминаніями. Предложимъ изъ нее одно замѣча-

ніе, служащее, можетъ быть, не въ похвалу Французамъ, но которое по крайней мѣрѣ употребить имѣемъ право вмѣсто оборонительнаго оружія противу порицателей нашихъ нравовъ.

„Всегдашнее непостоянство нашихъ обы„чаевъ причиною, что слишкомъ уже часто „называютъ насъ вѣтренными; но чуже„странцы, порицающіе насъ за вѣтренность, „забываютъ, что и они подлежатъ тому же „обвиненію: мы часто перемѣняли средства „нравиться, а они всегда намъ подражали; „мы изобрѣтали моды, конечно пустыя и „вздорныя, а они рабски и неловко ихъ пе„ренимали. Неприлично медвѣдю насмѣхать„ся надъ тѣмъ, кто заставляетъ его пля„сать подъ свою дудку (*).“

О дружбѣ. „Однажды, въ Пале-Роялѣ, „Шевалье С., выигравшій тысячу пятьсотъ „луидоровъ, держалъ ихъ въ своей шляпѣ. „Нѣкто подходитъ къ нему и говоритъ: *Лю„безной другъ! сдѣлайте милость, одол„жите меня сотнею луидоровъ.* — *Охо„тно, любезный другъ,* отвѣчаетъ Шевалье, „*если вы скажете мнѣ мое имя.* — Про„сившій денегъ молчитъ. *Вотъ видите, лю„безной другъ,* прибавилъ Шевалье, *что вы „были бы въ страшномъ затрудненіи*,

(*) И дѣльно! Что сказать противъ етаго?
Рдръ.

„искпати способовъ отдать мнѣ сто „луидоровъ, еслибъ теперь отъ меня „ихъ получили."

О призракахъ. „И такъ доказано, что „мы раждаемся, живемъ и умираемъ подъ „господствомъ призраковъ, и что нѣтъ воз„можности избавиться намъ отъ ихъ вла„сти. Достовѣрность сія не должна впрочемъ „лишать насъ бодрости; ибо, еслибъ возмож„но было намъ совершенно освободиться отъ „призраковъ, то можетъ быть надлежало бы „разставаться и съ самой жизнію: міръ сдѣ„лался бы для насъ мраченъ; любовь утра„тила бы всѣ свои прелести, красота свой „поясъ, а слава свои лавры; поэты разбили „бы свою лиру; молодость оставила бы свое „оружіе и свои химеры; печальная старость „лишилась бы утѣшеній; прошедшее, на„стоящее и будущее, смѣшавшись вмѣстѣ, „не имѣли бы ни надежды, ни воспоминаній, „и пустота ничтожества была бы неужаснѣе „здѣшняго міра, лишеннаго своихъ очарованій. „Воображенію предназначено украшать его; „будемъ же чтить могущество его, и не„станемъ разрушать сладостной его магіи."

Если и мы необольщаемся *призракомъ*, то намъ кажется, что сей отрывокъ долженъ понравиться всѣмъ людямъ хорошаго вкуса, и даже самымъ строгимъ нравоучи-

телямъ; ибо хотя призраки принадлежатъ къ обманамъ, но мы находимъ ихъ и въ самой Натурѣ. „Если башня четыреугольная „издали кажется намъ круглою, если солнце „и луна глазамъ нашимъ представляются „такими, что онѣ весьма удобно помѣстились бы въ нашей комнатѣ, если сводъ небесный кажется намъ сопредѣльнымъ съ землею при концѣ горизонта; то всмотрѣвшись пристально, вы увидите, что Натура также участвуетъ въ призракахъ страстей нашихъ и чувствованій, какъ то любви, дружбы, и проч. и проч.“

О любви, о времени, о привычкѣ, о старости — пройдемъ мимо: надлежало бы все выписывать. Въ главѣ о *заблужденіяхъ* видна та снисходительная философія, которая особливымъ образомъ обнаруживаетъ духъ и характеръ сочинителя. „Оставимъ „при себѣ тѣ заблужденія, которыя ласкaя „насъ обманываютъ, которыя не вредя намъ „нравятся, и которыя заставляютъ насъ „мечтать о счастіи, невозмущая счастія „ближнихъ нашихъ. Станемъ вѣрить постоянству всѣхъ друзей нашихъ, утѣшаться „неизмѣняемымъ усердіемъ нашей подруги; „одолжая, станемъ питать себя надеждою „признательности; не будемъ сомнѣваться „въ справедливости общественнаго мнѣнія, „стараясь снискать его благоволеніе; будемъ

„надѣяться, что Природа сохранитъ наше „здоровье, или что врачь возстановитъ его; „не будемъ отказываться отъ умѣренныхъ „удовольствій; особенно же съ полною довѣ„ренностію предадимся наукамъ, художест„вамъ, словесности. Знаю, что Музы су„лятъ намъ славу, а даютъ часто одну на„дежду; но вспомнимъ слова Делилля: Espe„rer c'est jouir — *надежда есть насла„жденіе*. Вотъ заблужденія сладостныя, съ ко„торыми никакъ недолжно разставаться: безъ „нихъ бытіе тяготило бы человѣка; съ ни„ми жизнь длится, какъ пріятное мечтаніе.“

О несчастіи. „Три суть главныя при„чины всѣхъ несчастій человѣческихъ: забвеніе „настоящаго, безпокойство о будущемъ и за„вость, дѣлающая насъ равнодушными къ „тому что имѣемъ, когда видимъ, что дру„гіе люди имѣютъ больше.“ Сочинитель мало жалуется на несчастія; онъ предлагаетъ противъ нихъ средства, которыя всѣ заключаются въ слѣдующемъ правилѣ: „не смотри вверхъ, смотри внизъ.“

О скукѣ. „Не станемъ слишкомъ пори„цать скуку. Желаніе душевныхъ движеній, „потребность удовольствій, боязнь ослабле„нія духомъ и тѣломъ, производятъ все, „чему удивляются въ мірѣ, что оживляетъ „его и украшаетъ; работа, бесѣда, чтеніе, „танцы, стихотворство, музыка, все что

„составляетъ прелесть общежитія, все то „получило бытіе свое отъ спасительной бо„язни скуки. Человѣкъ побуждается къ дѣ„ятельности двумя главными нуждами: по„требностію пищи для тѣла, и забавы для „разума; все что ни дѣлается въ жизни „единственно имѣетъ цѣлію удовлетвореніе „того и другаго. Двумя очень простыми „средствами можно лишить землю очарова„тельной ея прелести: дайте человѣческому „роду возможность питаться травою, и „отнимите у него потребность забавляться; „работа остановится, искусства исчезнутъ, „и мало будетъ разницы между обществомъ „людей и стадомъ барановъ. Нахожу весьма „страннымъ, что весь свѣтъ жалуется на „скуку, и при всемъ томъ весь свѣтъ же„лаетъ себѣ участи людей наиболѣе подвер„женныхъ сему роду несчастія — участи лю„дей богатыхъ, могущественныхъ, незаня„тыхъ дѣлами."

О страхѣ. „Въ Австерлицкую кампа„нію одинъ изъ нашихъ врачей, сбившись съ „прямой дороги, забрелъ въ нѣкоторой городъ, „которой почиталъ онъ принадлежавшимъ на„шему войску, но которой въ самомъ дѣлѣ „былъ занятъ четырьмя стами Австрій„цевъ. Врачь увидѣлъ опасность неизбѣжную; „но ему пришло на мысль оказать, что въ „слѣдъ за нимъ идетъ Французская армія и

„что онъ пришелъ для учрежденія лазарета:
„Испугались Австрійцы; бросились бѣжать
„во всей силы; и врачь; одинъ человѣкъ;
„овладѣлъ городомъ. Всѣмъ извѣстно; что
„отважность; чаще нежели страхъ; избѣ-
„гаетъ опасностей; и что между бѣгущими
„болѣе раненыхъ, нежели между храбрыми: за
„то уже храбрость сдѣлалась столь общею;
„что одна только безразсудная отвага
„можетъ отличиться и быть замѣченною.
„Но мужество; нравственное мужество; есть
„рѣдкое явленіе; оно — первое изъ добро-
„дѣтелей; ибо даетъ возможность испол-
„нять всѣ прочія."

Предѣлы статьи сей лишаютъ насъ удовольствія выписывать болѣе. Окончимъ ее однимъ отрывкомъ; которой можетъ служить зеркаломъ философіи и нравственной политики нашего автора. „Кто несообразается съ духомъ своего времени; тотъ подвергаетъ себя всѣмъ его несчастіямъ. Я желаю „свободы безъ своевольства; религіи безъ фанатизма; вѣры безъ суевѣрія; философіи „безъ атеизма, политическаго равенства безъ „неистовыхъ сатурналій, монархіи безъ деспотизма, повиновенія безъ рабства, тишины безъ слабости и спокойствія безъ „притворной нечувствительности."

(Изъ Minerve Française. Н.)

Затѣи Англійскихъ путешественниковъ.

(Извлеченіе изъ Путевыхъ записокъ Принцессы Каролины, для ея дочери.)

Я была приглашена въ одинъ домъ къ чаю; тутъ же находилось нѣсколько Англичанъ. Господа сіи, едва успѣвши представиться мнѣ, тотчасъ меня окружили, и мы среди многолюднаго собранія составили особое маленькое общество. Разговоръ становился отчасу живѣе; каждой ловилъ слова мои съ жадностію.

Рѣчь была о путешествіяхъ, и объ усилившейся въ Англичанахъ привычкѣ скитаться по странамъ, далекимъ отъ отечества.

Говоритъ старая пословица (сказала я): глупа та птица, которой гнѣздо свое немило. Прошу васъ, господинъ Монтегъ, изъяснить мнѣ: отъ чего Англичане нелюбятъ жить въ своемъ отечествѣ, стараются отъ него удалиться и предпочитаютъ ему всякой другой уголокъ свѣта, неисключая даже печальнѣйшихъ, самыхъ дикихъ странъ земнаго шара? Меня увѣряли, что нѣтъ ни одной деревни, нѣтъ колоніи въ Азіи, въ Африкѣ, въ Крыму и проч., гдѣ не было бы нѣсколько Англичанъ, вознамѣрившихся, какъ видно, провести тамъ остатокъ своей жизни. —

„Ваше Высочество! отвѣчалъ Монтегъ: „есть причины, заставляющія насъ скитаться „по бѣлому свѣту; онѣ хотя не всякому „ясны, однакожъ тѣмъ неменѣе значительны. „Позвольте объяснить ихъ Вашему Высоче„ству.

„Путешествуя по Египту, случилось „мнѣ повстрѣчаться съ Лордомъ Валенціей, „которой поливалъ въ то время кустъ жас„мина. Милордъ! воскликнулъ я: какъ вы „заѣхали сюда въ Египетъ? Дивлюся, на васъ „смотря! Что заставило васъ тутъ посе„литься?

„Что заставило? отвѣчалъ Валенція: „желаніе лакомиться фруктами несравненна„го вкуса. Всѣмъ помѣстьямъ моимъ Ан„гліи, Ирландіи предпочитаю маленькой „етотъ садикъ, который украсить стараюсь „всѣми возможными средствами! Взгляни на „ету кисть винограда, увѣрься въ его запахѣ, „отвѣдай его сладости и вкуса. Видала ли „что нибудь подобное Персія, или Индія? „Вотъ тебѣ причины, которыя заставили „меня поселиться въ Египтѣ.

„И навсегда намѣрены вы здѣсь ос„таться?

„Ахъ, нѣтъ, не навсегда! отвѣчалъ Лордъ „Валенція: я вознамѣрился побывать на ос„тровахъ Архипелага, на берегахъ Малой

„Азіи и возвратиться въ северной край нашъ
„послѣ десяти лѣтъ, предназначенныхъ мною
„на путешествіе.

„Въ другое время (продолжалъ г. Монтегъ) случилось мнѣ переѣзжать пограничныя горы между Испаніей и Франціей; тутъ нашелъ я своего пріятеля Виндгама, сидящаго на вершинѣ одной изъ горъ Пиренейскихъ въ такомъ мѣстѣ, которое вовсе неказалось мнѣ пріятнымъ; напротивъ, я невидывалъ ничего печальнѣе голыхъ скалъ, которыя насъ окружали. Ради самаго Бога! воскликнулъ я: господинъ Виндгамъ, что вы тутъ дѣлаете? Васъ ли я вижу? — Точно меня; отвѣчалъ онъ: я здѣсь живу, чтобы дышать чистымъ воздухомъ.

„А развѣ не могли бы вы дышать чистымъ воздухомъ на высотѣ холмовъ Ричмондскихъ?

„Сохрани Боже! отвѣчалъ онъ: Ричмондъ есть не что иное какъ садъ; тамъ на каждомъ шагу встрѣчаешь слѣды рукъ человѣческихъ. Натура сотворила тамъ только землю и рядъ пригорковъ; но трудъ нашъ изгладилъ первобытный планъ ея и тѣмъ испортилъ всю пріятность. Я люблю Натуру въ ея собственныхъ твореніяхъ, каковы на примѣръ видимыя вами скалы, коихъ наготы ничто не заслоняетъ и не закрываетъ. —

„Спустя нѣсколько лѣтъ (продолжалъ „Г. Монтегъ), путешествуя по сѣверу, на„шелъ я тамъ Лорда Сентъ-Геленса, кото„рой самъ теперь здѣсь, и можетъ подтвер„дить слова мои. Въ такую пору, когда у „насъ въ Англіи бываетъ прекрасное время, „я увидѣлъ его съ ногъ до головы закутанна„го въ Крымскія овчины, лежащаго передъ „большимъ огнемъ на буйволовой кожѣ. По„звольте, Милордъ, спросилъ я, узнать при„чину, что васъ завлекло сюда, и что до„вело васъ до такого непріятнаго положенія?

„Какъ что? отвѣчалъ Лордъ: я здѣсь „пользуюсь климатомъ.

„Вкусъ вашъ немного страненъ; сказалъ „я: вамъ угодно пользоваться несносною „стужей, и въ такой странѣ, гдѣ зима про„должается сряду девять мѣсяцовъ.

„Нѣтъ нужды; отвѣчалъ Лордъ: въ Ан„гліи всегда замученъ я дѣлами, и для того „рѣшился лучше взять должность посла „въ здѣшней столицѣ. Съ тѣхъ поръ какъ „я здѣсь, мое здоровье очевидно поправилось. „Въ нашемъ краю въ одинъ день бываетъ „три перемѣны; напротивъ здѣсь отъ на„чала до конца продолжается погода посто„янная.

„Однакожъ, Милордъ, прервалъ я: нару„жность ваша заставляетъ думать, что

„сѣверъ принимаетъ васъ неслишкомъ ласково.
„Что ето за пятна вижу я на лицѣ вашемъ?

„Симъ пятнамъ, отвѣчалъ Лордъ, увѣ-
„ряю васъ, не климатъ причиною; виноватъ
„нерасторопной слуга, которой забылъ на
„ночь обвернуть голову мою въ медвѣжью
„кожу (??).

„Проѣзжая Италію, во Флоренціи по-
„встрѣчался я съ господиномъ Торнтономъ,
„которой жилъ тамъ уже нѣсколько лѣтъ
„сряду. Ваше Высочество спросите меня:
„что онъ тамъ дѣлалъ? Отвѣтъ мой будетъ
„коротокъ, и если я что нибудь прибавлю,
„то онъ можетъ уличить меня теперь же,
„въ присутствіи Вашего Высочества.

„Утромъ обыкновенно просыпался онъ
„при звукѣ тридцати инструментовъ, ибо
„музыканты заблаговременно собирались въ
„его прихожей комнатѣ и начинали свое дѣ-
„ло. Въ два часа онъ обѣдывалъ; выпивши
„кофе, ложился на софу и засыпалъ, ибо ис-
„тинной Италіянецъ непремѣнно долженъ по-
„слѣ обѣда предаться *сіестѣ* (*). Въ пятомъ
„часу вставалъ, одѣвался и спѣшилъ въ опе-
„ру; потомъ наступало время ужина. Въ
„два часа послѣ полуночи возвращался домой,
„и ложился спать. Такимъ образомъ провож-

(*) Siesta, отдыхъ послѣ обѣда.

„далъ онъ все время бытности своей во Фло„ренціи.

„Лорда Грея въ Медіоланѣ удерживало „пѣніе соловья Римскаго, котораго голосъ „такъ ему полюбился, что Милордъ прися„гнулъ неразлучаться съ нимъ до самой „смерти. Я совѣтовалъ ему перевезти лю„безнаго соловья въ Англію, гдѣ можно най„ти такія же клѣтки, какъ и въ самой Ита„ліи. Онъ послушался. Послѣ однакожъ не „разъ говаривалъ мнѣ, что небо наше туманно, „воздухъ тяжелъ, что талантъ пѣвца его убитъ „климатомъ, и что, ступивши на отече„ственную землю, онъ, Лордъ Грей, соловь„емъ своимъ, нѣкогда любезнымъ, столь же „мало занимается, какъ и всѣми прочими пти„цами, обитателями неблагодарнаго острова.

„Еще (прибавилъ Монтегъ) забылъ я упо„мянуть о г-нѣ Валасѣ. Почтенный мужъ сей „истратилъ болѣе тридцати тысячь гиней на „покупку мѣдныхъ медалей самой грубой рабо„ты, стоющихъ, можетъ быть, не болѣе де„сяти фунтовъ стерлинговъ, также улитокъ „и камешковъ разнаго вида и цвѣта, пауковъ, „мухъ и тому подобнаго гада; всю эту дрянь „наслѣдникъ его, безъ всякаго сомнѣнія, тотъ„часъ выброситъ за окно, чтобы не тра„тить денегъ на составленіе списка такимъ „вещамъ, которыя никакой цѣны неимѣютъ, „и вовсе незаслуживаютъ вниманія.“ *Н.*

~~~~~~~~
~~~~~~~~

О Банкахъ.

Предпринимая писать о *Банкахъ*, тщетно стали бы вы искать такого руководства, такого сочиненія, въ которомъ былъ бы показанъ ходъ ихъ отъ самаго начала; надобно перечитывать разныя книги по части государственнаго хозяйства, извлекать разныя извѣстія, дабы получить достаточное свѣдѣніе о всѣхъ измѣненіяхъ банковой системы даже до нашего времени.

Банкъ есть такое слово, которое, точно какъ и многія другія, мы употребляемъ по привычкѣ, не входя въ етимологическое значеніе онаго, не углубляясь въ его внутреннюю природу. Звукъ его намъ знакомъ; вещь, имъ называемая, также извѣстна; — и довольно.

Невозможно дать общаго опредѣленія Банку; ибо, какъ ниже увидимъ, не всѣ Банки одинаковы: они различны, слѣдственно для нихъ потребны и различныя опредѣленія.

Восходя къ самымъ началамъ, удостовѣряемся, что Банки, какого бы впрочемъ ни были они свойства, равно какъ и многія другія вещи, одолжены бытіемъ своимъ нуждѣ, которая свое бытіе получила отъ торговли, по крайней мѣрѣ въ то время, когда *деньги* сдѣлались ея пружиною и душею.

Первобытной народъ, находился ли онъ въ состояніи пастырей или земледѣльцовъ, не могъ обойтись безъ взаимной мѣны, слѣдственно, что все одно и тоже, не могъ оставаться безъ торговли; но сія торговля была не иное что, какъ взаимный обмѣнъ вещей потребныхъ. При начальномъ составленіи самыхъ малыхъ обществъ человѣкъ долженъ былъ говорить другому человѣку: *дай мнѣ то, съ чемъ я имѣю нужду; а ты взаимно отъ меня получишь, что тебѣ надобно.*

Здѣсь особенно видимъ премудрость и благость Создателя, Который, восхотѣвъ отдѣлить всѣхъ прочихъ животныхъ отъ человѣка, озарилъ его свѣтомъ разума и даровалъ ему силу разсудка, дабы самъ онъ могъ удовлетворять своимъ нуждамъ. Всѣ другія животныя находятъ себѣ пищу, уготованную рукою самой Натуры; въ ея же рабочей храминѣ приготовляется для нихъ одежда; для убѣжища каждому изъ нихъ вѣчная Премудрость начертала планъ, къ которому ничего уже прибавить не могутъ ни дикій звѣрь, ни червь, ни птица.

Не то дѣлается съ человѣкомъ: его пища, одежда, обиталище должны быть плодомъ трудовъ его и промышлености. Вотъ какъ глубоко кроется сѣмя взаимной мѣны,

взаимной между людьми помощи. Просто, но разительно, объяснилъ намъ сію истину знаменитый Смитъ, глубокомысленный наставникъ въ наукѣ государственнаго хозяйства. „Отъ вѣка" говоритъ онъ „невидано, чтобы псы съ намѣреніемъ мѣнялись между собою костями; отъ вѣка не видано, чтобы одно животное, звуками или тѣлодвиженіемъ, соглашалося съ другимъ: *ето мое, то твое; тебѣ дамъ одно, себѣ возьму другое.*"

Здѣсь въ короткихъ, простыхъ и ясныхъ словахъ заключается истина, замѣняющая собою огромные, часто запутанные трактаты о происхожденіи и необходимости торговли. Человѣкъ имѣетъ врожденную къ ней склонность; ибо съ нею вышелъ онъ изъ рукъ Творческихъ.

Когда же съ успѣхами общежитія умножились и нужды человѣка; когда трудъ, а слѣдственно и промышленость, раздѣлились на разныя вѣтви: тогда и торговля въ разныя времена должна была являться въ разныхъ видахъ. Торговля, при началѣ обществъ состоявшая въ одной лишь мѣнѣ товара на товаръ, вещи на вещь, въ продолженіе вѣковъ должна была измѣняться.

Написаны большія книги въ доказательство, сколь велики были неудобства въ тѣ первыя времена, когда одинъ человѣкъ остающіеся отъ употребленія избытки трудовъ своихъ искалъ обмѣнять на избытки другаго,

также оставшіеся отъ употребленія. Но вмѣсто подобныхъ доказательствъ, впрочемъ весьма остроумныхъ, довольно было бы одного только здраваго смысла. У одного есть мѣра ржи, а ему нужна мѣрка соли, которую хочетъ онъ получить отъ своего сосѣда; какимъ образомъ могли они согласиться въ равной цѣнности того и другаго? какимъ образомъ могла кончиться сдѣлка между ними, когда хозяину соли не нужна полная мѣра ржи, а другой неимѣлъ надобности въ цѣломъ запасѣ соли? Исторія свидѣтельствуетъ, что въ оныхъ первобытныхъ обществахъ весьма часто были орудіемъ торговли волъ, овца и такъ далѣе. Такимъ образомъ находимъ у Гомера, что оружіе Діомедово стоило неболѣе девяти воловъ, и что оружіе Главково сотнѣ воловъ равнялось своею цѣнностію; такимъ же образомъ и у Римлянъ домашній скотъ былъ мѣрою для цѣнъ торговыхъ: доказательствомъ сему служитъ самое названіе денегъ *pecunia*, которое происходитъ отъ слова *pecus* (скотина).

Но такой способъ продажи и покупки оказался чрезвычайно неудобнымъ же; почему, еще въ отдаленнѣйшія времена, изобрѣтены посредствующія вещи, которыми вѣрно была бы опредѣляема цѣна товара, и которыя давали бы возможность дѣлить его на части. Извѣстно, что въ разныхъ странахъ непросвѣщенныхъ разные товары служили обыкно-

веннымъ орудіемъ торговли и обмѣна: для сего употребляемы были въ Абиссиніи *соль*; въ нѣкоторыхъ приморскихъ странахъ Индіи *раковины*; у Финновъ; сѣверныхъ Славянъ и Латышей звѣриныя кожи и проч. Сіи и подобныя свидѣтельства Исторіи очевидно доказываютъ; что люди первобытныхъ, еще близкихъ къ дикому состоянію, обществъ искали уже посредствующихъ знаковъ для опредѣленія цѣнности при торговомъ обмѣнѣ товаровъ.

Долго человѣкъ блуждалъ во мракѣ, того невѣдая; что попечительная мудрость Создателя въ нѣдрахъ земли сокрыла металлъ, которому предназначено удовлетворить сей важной въ торговлѣ потребности. Случай; обыкновенный при всѣхъ открытіяхъ руководитель, безъ сомнѣнія и съ металломъ познакомилъ человѣка; но сколько вѣковъ прошло прежде нежели человѣкъ научился доставать его изъ земли, потомъ плавить его; потомъ давать ему цѣнность, а наконецъ уже приспособить его къ выгодамъ торговли!

Не углубляясь въ оную бездну вѣковъ минувшихъ, остановимся на томъ единственно, что вмѣстѣ съ открытіемъ металла *первая эпоха* простаго обмѣна вещей минула, и что настала *другая эпоха* торговли посредствомъ металла.

Сперва немогло быть монеты битой, а просто переходилъ изъ рукъ въ руки металлъ, или, какъ говоритъ Страбонъ, aes inelaboratum, мѣдь не въ дѣлѣ. Сколько же времени еще пройти надлежало до усовершенствованія искусства монетнаго; для котораго нужно было изобрѣсти множество машинъ, дѣланіе штемпелей, и проч. Славянская *гривна* есть не что иное какъ вѣсъ серебра не въ дѣлѣ; старинный *рубль* былъ не что иное, какъ продолговатый кусокъ металла, неимѣвшій никакого клейма, никакого знака, кромѣ простыхъ насѣчекъ. Въ Китаѣ донынѣ куски металловъ ходятъ вмѣсто денегъ. Такъ было и вездѣ во времена ближайшія къ епохѣ открытія металла, которой отдаваемъ былъ на вѣсъ за купленныя вещи; ето напоминаютъ намъ нынѣшніе *ливры*, или фунты. — Металлъ, употребленный такимъ образомъ при обмѣнахъ торговли, принесъ съ собою множество неудобствъ и затрудненій. Надлежало каждой разъ взвѣшивать; надлежало большіе, тяжелые куски переносить съ одного мѣста на другое; наконецъ надлежало еще остерегаться обмана, именно въ подмѣси. По такимъ причинамъ торговля въ сіе время не могла еще имѣть знаительныхъ успѣховъ; для расширенія своего она ждала учрежденія монетныхъ дворовъ или фабрикъ и выхода денегъ, которыя, имѣя на себѣ свидѣтельство о вѣсѣ и пробѣ, государ-

ственный гербЪ, или образЪ владѣтеля, носили бы на себѣ несомнительные знаки внутренняго достоинства.

И такЪ наступила *третья епоха* торговли со времени учрежденія монетныхЪ фабрикЪ. — Какой народЪ прежде всѣхЪ началЪ бить монету, подобную нынѣ употребляемой нами? Это покрыто завѣсою времени. Извѣстныя намЪ древнія монеты Греческія и Римскія ничего не объясняютЪ касательно перваго учрежденія монетныхЪ фабрикЪ; онѣ были не иное что какЪ плодЪ подражанія другимЪ, еще древнѣйшимЪ народамЪ. КакЪ бы то ни было, но монета, со знакомЪ штемпеля выпущенная вЪ общество, сдѣлалась не только надежнымЪ средствомЪ для обмѣна вещей, но вмѣстѣ еще и товаромЪ: сЪ того времени торговля сдѣлалась числительною наукою; моремЪ и сухимЪ путемЪ распространилась она по всѣмЪ частямЪ свѣта до такой уже степени, что ходячая монета, при всей удобности своей вразсужденіи соразмѣрной величины, и легкости, дѣлала затрудненіе торговцамЪ: ибо надлежало перевозить деньги изЪ одного мѣста вЪ другое, надлежало подвергаться разнымЪ опасностямЪ.

(Окончаніе вЪ слѣд. княж.)

Нещастная судьба Философіи и возрожденіе наукъ у Арабовъ.

Въ етомъ вѣкѣ представляется упадокъ духа, наблюдавшаго Природу и человѣка. Стеченіе ужасныхъ обстоятельствъ — роскошь, нѣга, алчность къ частнымъ выгодамъ — все ето подавило умъ человѣческій и тѣ смѣлые и творческіе таланты, которые украшали цвѣтущій вѣкъ Перикловъ. Уже нестало того благороднаго побужденія къ совершенствованію силъ своихъ, которое одно только въ состояніи возвысить душу къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ. Люди терялись во множествѣ системъ, думая, что не оставалось болѣе новыхъ познаній. Философія въ ето время походила на роскошнаго сына, которой думаетъ прожить при всѣхъ прихотяхъ отцовскимъ наслѣдствомъ.

И здѣсь родился *Еклектицизмъ* (*): умъ не хотѣлъ творить; онъ оставался доволенъ прежними открытіями. Побѣды Римлянъ, путешествія, связи, всеобщая страсть къ Греческому языку — все сіе болѣе и болѣе знакомило съ Греческимъ просвѣщеніемъ; казалось, вмѣстѣ съ могуществомъ и силою оружія соединилися въ Римѣ и всѣ познанія. Тогда ѳеоріи Платоновы смѣшаны съ моралью Стоиковъ; Епикурейцы присоединились къ Стоикамъ. Таковы Римскіе писатели Августова вѣка. Послѣ

(*) Смѣсь разныхъ сектъ.

Плутархъ, *Аполлоній Тіанскій* измѣняютъ ученіе Пиѳагорово; *Тразилъ*, *Теонъ*, *Люцій-Апулей*, *Аттикъ* также измѣнили ученіе Платоново. Перипатетицизмъ скоро принялъ иной видъ при Неронѣ: етому поводъ подали *Аммоній*, *Евдемъ*, *Ѳемистій*, *Олимпіодоръ* и *Симплицій*. Всѣхъ продолжительнѣе оставался Портикъ съ знаменитыми послѣдователями: *Атенодоромъ*, *Епиктетомъ*, *Сенекой* и *Антонинами*; но и Портикъ со временемъ разрушился, и его развалины смѣшались съ остатками Цинизма и Платонизма.

Между тѣмъ Александрія при Птоломеяхъ привлекала всѣхъ геніевъ, сдѣлавшись средоточіемъ Римлянъ, Грековъ и всѣхъ восточныхъ народовъ. Тутъ явились системы, составленныя изъ *преданій Халдеевъ*, *Зороастра*, *Гимнософистовъ Азійскихъ*, *Египтянъ*, *разныхъ Греческихъ Софовъ*, *Евреевъ*, *Христіанъ*. Умы наблюдательные прилѣплялись къ Пиѳагору; умы пылкіе болѣе любили Платона; Аристотелю слѣдовали въ одной Метафизикѣ; но вся опытность Зенона и Циренаиковъ была въ совершенномъ забвеніи. Въ етомъ странномъ, безобразномъ смѣшеніи мнѣній болѣе занимали ученыхъ Зороастръ и Платонъ — таинственность, украшенная вымыслами воображенія.

Ученіе Зороастрово и сочиненія приписываемыя Гермесу Трисмегисту произвели секту *Гностиковъ* (Знающихъ), которые изъ Азіи распространились въ Египтѣ, Палестинѣ и другихъ Римскихъ провинціяхъ; она-то была колыбелью тѣхъ разрушительныхъ споровъ, которые раздѣляли Ѳеософистовъ. Они много заимствовали отъ ученія Орфея и Греческихъ Догматиковъ. Начало познаній полагали они въ духовномъ созерцаніи: это древняя система еманацій. *Порфирій*, *Ямблихій*, *Проклъ* — важнѣйшіе защитники сихъ мнѣній. Отъ Пиѳагора заимствовали они предположеніе монады; слѣдуя Платону, вѣрили врожденнымъ идеямъ; вмѣстѣ съ Елеатиками изслѣдывали начала Космологіи; у Аристотеля научились категоріямъ. Сія смѣсь Поезіи съ Метафизикой есть изображеніе тогдашней Философіи. Особенно достойны вниманія изъ Еклектиковъ: *Альцинойъ* и *Максимъ* Тирскій.

Между тѣмъ какъ всѣ ученые блуждали въ мрачныхъ системахъ, среди сего невѣжества являются умы наблюдательные, таковы: *Плиній* — испытатели Природы, *Галіенъ* Философъ и врачь, *Птоломей* — Астрономъ, *Лонгинъ* — критикъ, *Діогенъ Лаерцкій*, собравшій всѣ Философическія мнѣнія.

Ученіе *Кабалистиковъ* есть также не неважное. Еврейскіе мудрецы, находясь

въ плѣну Вавилонскомъ, познакомилися съ Греческою Философiей, и распространясь въ Египтѣ, они переводили системы Пиѳагора и Платона. Источникомъ всѣхъ познанiй почитали они свои книги. Раввины обратились къ толкованiямъ, а Талмудъ доставилъ имъ случай поддерживать народное суевѣрiе. — *Филонъ* и *Аристовулъ* основали новыя системы; они облекли ихъ таинственностью, чтобъ придать болѣе важности, и назвали ее *Кабалою* или *тайнымъ преданiемъ*. Вся сущность Кабалы заключалась въ двухъ книгахъ — *Йезираеѣ*, сочиненiи *Раввина Акибга*, и *Согарѣ*, сочиненiи *Шамира Бень-Йогаи*. Сiи двѣ книги послѣ соединены въ одно сочиненiе Раввиномъ Ирирою, извѣстное подъ названiемъ Porta coelorum. Въ Кабалѣ безпрестанно встрѣчаются обезображенный Зороастръ и Пиѳагоръ, или Платонъ и Аристотель. Всѣ мнѣнiя Греческихъ Философовъ одушевлены. Такъ Разумъ Платоновъ или Логосъ называется Кадмономъ, душею мiра, началомъ всего. Здѣсь смѣшаны Демонологiя, Магiя и Гаданiя.

Ѳеософисты заимствовали ученiе гораздо осторожнѣе мудрецовъ прежнихъ, но придерживались также ученiя Зороастра, Пиѳагора и Платона. *Оригенъ* и *Тертуллiянъ* особенно отличаются Синкретизмомъ. *Манихеизмъ* есть система Зороастрова въ новой

щіе. Вообще Философію Ѳеософисты брали въ помощь только для морали и Ѳеологіи; но Логика и Физика были ими совершенно оставлены.

Въ четвертомъ столѣтіи, вмѣстѣ съ раздѣленіемъ двухъ столицъ, Рима и Константинополя, раздѣляются и ученые. Изъ числа первыхъ *Арнобій* сравнилъ мнѣнія разныхъ философическихъ сектъ, но безъ всякаго тонкаго разбора; ему послѣдовали *Лактанцій*, ученикъ его, и *Евзевій*. Послѣ нихъ особенно достоинъ вниманія Св. *Августинъ*. Онъ вмѣстѣ съ Платономъ возставалъ противъ чувствъ и держался методы a priori; положеніе его — „я сомнѣваюсь, слѣдовательно существую" проложило дорогу Декарту.

Въ пятомъ вѣкѣ извѣстны были *Синезій*, *Капелла*, *Кассіодоръ*, *Клавдіанъ*, и знаменитый своего времени Философъ *Боецій*, единственный блестящій феноменъ сего мрачнаго вѣка. Онъ старался согласить Платона съ Аристотелемъ, и первый возобновилъ древнюю созерцательную Философію: здѣсь уже проясняется туманъ заблужденій. Если наблюдатель не находитъ въ етомъ вѣкѣ свѣтъ глубокаго ума; по крайней мѣрѣ и мрачность для него поучительна: она должна напоминать, сколь пагубно ложное изощреніе способностей, которое болѣе ослабляетъ ихъ, нежели сколько возвышаетъ и укрѣпляетъ.

Въ тоже время на Востокѣ замѣчательны: *Хризанѳъ*, *Евстаѳій* и ученикъ ихъ Императоръ *Юліанъ*. Въ Аѳинахъ тогда прославились: *Плутархъ* Несторіевъ, *Маринъ*, *Изидоръ*. Въ Александріи удивлялись ученой *Гипатіи*. Между христіанами отличились: *Гіороклъ* и *Немезій*.

Въ послѣдствіи времени ученые занимались преданіями Греческихъ мудрецовъ, повторяли мысли ихъ, и часто не разумѣли. Наконецъ въ царствованіе Юстиніана закрылись секты, и съ тѣхъ поръ въ той странѣ, которая произвела Сократа, Платона и Аристотеля, только слышны были теологическіе споры въ однихъ монастыряхъ.

Таковъ сей періодъ Философіи. Главное положеніе вразсужденіи начала познаній не приобрѣло новыхъ открытій; оно еще болѣе помрачено. Еклектики измѣняли каждой сектѣ и можно ли было ожидать новаго отъ тѣхъ, которые все смѣшивали и обезображивали! Гностики возобновили ветхое зданіе Зороастрова ученія; но чего должно было ожидать отъ ентузіастовъ? Кабалистики болѣе имѣли въ виду частныя выгоды; но может ли истина терпѣть самолюбіе и алчность къ стяжанію? Ѳеософисты болѣе занимались спорами словъ; но въ етомъ ли Философія? Предъ симъ-то Раціонализмомъ повержен былъ и великій основатель Лицея.

Среди мрака, когда Философія не только не приобрѣла новыхъ свѣдѣній, но и прежнихъ не сохранила — среди сего мрака пробуждается умъ и оживляется страсть къ познаніямъ. Калифъ *Аль-Манзоръ* и сынъ его *Альмоди* между Арабами, *Константинъ Порфирогенитъ* и *Левъ Мудрый* между Греками, наконецъ *Карломанъ*, *Альфредъ* Великій на Западѣ — вотъ первые благодѣтельные геніи, разсѣявшіе мракъ невѣжества и пробудившіе умъ человѣческой.

Философія при Дворѣ *Калифовъ* началась искусствомъ врачеванія. Прежде призваны были Греческіе врачи, а за ними въ слѣдъ и другіе иностранные ученые. Альмоди позволилъ имъ основать училище; Альрашидъ самъ пользовался ихъ наставленіями. Тогда начали переводить сочиненія древнихъ Греческихъ Философовъ подъ руководствомъ знаменитаго Іоанна Месуевъ — и такимъ образомъ въ Багдадѣ занялась заря наукъ, сіявшихъ въ полномъ свѣтѣ въ Аѳинахъ.

Аристотель и Платонъ особливо обратили на себя вниманіе Арабовъ. Первый представлялъ въ сочиненіяхъ своихъ полную систему; второй льстилъ пламенными изображеніями, свойственными Восточнымъ народамъ. *Іоаннъ Дамасскій*, называемый у Арабовъ *Альманзоромъ*, перевелъ Аристотеля, сдѣлалъ на

него замѣчанія, занимался особенно *Метафизикой* его и привелъ въ систему часть ея Онтологію — науку о внутреннемъ существѣ, и составѣ предметовъ. „Человѣкъ" говорилъ онъ „находится въ сношеніи съ цѣлою вселен-„ной, съ предметами чувственными — посред-„ствомъ чувствъ; съ существами духов-„ными — посредствомъ разума. Онъ пред-„ставляетъ собою вселенную." Философію Арабовъ можно сравнить съ картиной, которой рамы составлены были Перипатетизмомъ, а всѣ краски заимствованы отъ Платонизма. Потомъ *Алкенди* объяснялъ Аристотеля, также *Аль-Фараби*. Глубокомысленный изъ ученыхъ Арабовъ есть *Авиценна*. Удивительный по рѣзкимъ мыслямъ *Абубенеръ*. Послѣ нихъ *Аверроесъ* снова принялся за Аристотеля и во многомъ его обезобразилъ.

Такимъ образомъ возраждались науки на Востокѣ; а на Западѣ извѣстна стала *Философія Схоластическая*, когда открылись учебныя заведенія. Распространенію наукъ особенно способствовали Греческіе ученые, пришедшие изъ Константинополя. Славнѣйшие Схоластики раздѣлялись на *Реалистовъ* и *Номиналовъ*; они основывали ученіе свое на трехъ знаменитыхъ мудрецахъ древности: Платонѣ, Аристотелѣ и Зенонѣ. Первый, какъ извѣстно, почиталъ идеи пред-

вѣчнымъ; второй думалъ, что отъ предметовъ отдѣляются нѣкоторыя изображенія и начертываются въ умѣ — отсюда у Критическихъ Философовъ связь матеріи и формы; третій говорилъ: нѣтъ ничего въ умѣ, чего бы прежде не было въ чувствахъ. По симъ тремъ актамъ спрашивали Схоластики: понятія общія имѣютъ ли существованіе *метафизическое*, какъ думалъ Платонъ? или *физическое*, по мнѣнію Аристотеля? или наконецъ существованіе *логическое*, какъ говорилъ Зенонъ, что умъ составляетъ ихъ изъ ощущеній? Первому мнѣнію слѣдовали Реалисты, послѣднему Номинаты, каковъ *Русселинъ* и *Абелардъ*; а нѣкоторые ученые держали средину, полагаясь на мнѣніе Аристотеля. — Изъ Схоластиковъ извѣстнѣйшіе въ послѣдствіи времени: *Албертъ* Великій, *Ричардъ Мидлетонъ*, *Гильомъ Оккамъ*, *Рожеръ Баконъ*.

Греческіе ученые, пришедшіе изъ Константинополя, принесли съ собою древнихъ классиковъ и оживили здравый вкусъ. Изъ сихъ благодѣтельныхъ ученыхъ достойнѣйшіе: *Хрисолорасъ*, *Плетонъ*, *Ѳеодоръ* Газа, *Георгій* Трапезунтской, *Вессаріонъ*, *Константинъ* Ласкарисъ; въ скоромъ времени возобновлены древнія системы Философіи — Стоическая — *Юстомъ Липсіемъ*, Іоническая — *Бернгардомъ*, Левзиппова — *Брунымъ*, Со-

кратова — *Петраркой.* Тогда начали ученые очищать новѣйшіе языки, а вмѣстѣ и мысли приводить съ порядокъ — и явились: *Бокаччіо, Дантъ, Махіавель, Тассъ, Аріостъ.* Въ то время Философія, послѣ долгаго странствованія, устремилась къ настоящей цѣли своей — *просвѣщать умъ человѣка и образовать его сердце.* Умы замѣчательные сего времени: *Іеронимъ Карданъ, Рудольфъ Агрикола, Кампанелла, Лараме.*

Деде.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Сравненіе Англіи съ Сѣверною Америкой (*).

Произведенія земли, ремеслъ и рукодѣлій въ скорѣйшей прогрессіи возрастаютъ въ Сѣверной Америкѣ, нежели народонаселеніе: въ двадцать или тридцать лѣтъ нѣкоторыя округи столько перемѣнили видъ свой, что даже трудно и узнать ихъ. Гдѣ за нѣсколько

(*) Взято изъ новой Англійской книги: *Seve lettres too lore Scheffield by William Cobbet.*

годовъ прежде были непроходимые лѣса и болота; тамъ видны теперь плодородныя, тщательно обработанныя нивы; возвышаются города, проводятся публичныя дороги и каналы для удобности внутренняго сообщенія. Однимъ словомъ: Соединенныя Области такъ быстро приходятъ въ цвѣтущее состояніе, что, судя по времени, не видимъ подобнаго примѣра въ бытописаніяхъ. — Сахаръ и индиго въ изобиліи растутъ на берегахъ Миссисипи. Каролина и Георгія имѣютъ большіе запасы хлопчатой бумаги. Виргинія есть отечество табаку; конопля и ленъ нетолько сѣются тамъ въ большомъ количествѣ, но даже въ самомъ краю дѣлаются изъ нихъ холсты и полотна. Турецкая пшеница, требующая благосклоннаго климата и земли плодородной, растетъ весьма изобильно почти во всѣхъ Соединенныхъ Областяхъ, а строеваго лѣса вездѣ находится такое множество, что нѣтъ никакой причины когда-либо опасаться недостатка въ ономъ. Соль, желѣзо, олово, мѣдь, уголья, дикой камень, мраморъ суть естественныя произведенія, повсюду находимыя въ большомъ количествѣ.

На разныхъ фабрикахъ по провинціямъ работаютъ машинами всякаго рода; хотя большею частію онѣ изобрѣтены въ старомъ свѣтѣ, однакожъ и въ Америкѣ видны уже великіе успѣхи въ механическихъ искусствахъ. Мерино-

совъ находятся уже цѣлыя стада въ Соединенныхъ Областяхъ; даже Пенсильванія, въ которой за нѣсколько передъ симъ лѣтъ небыло ни одной овцы, теперь изобилуетъ прекрасными, тонкошерстными стадами; въ сѣверныхъ однакожъ провинціяхъ разводится большее число овецъ всякаго рода. Изъ того натурально слѣдуетъ, что домашняя шерсть составляетъ значительную отрасль торговли, ибо ее уже отпускаютъ и въ самую Англію. Несмотря на все сіе, такъ называемые друзья Англіи смѣютъ утверждать, что Америка *отъ нее зависитъ*, и что Америка безъ нее не умѣетъ ни воздѣлывать земли своей, ни одѣвать своихъ жителей, ни оборонятся отъ неприятелей своего отечества.

Сравнивши Англію съ Америкой, увидимъ состояніе послѣдней столь приманчивымъ, что каждой Англичанинъ, имѣющій нѣкоторыя свѣдѣнія и способности, легко захочетъ переселиться въ Соединенныя Области. А что сіе мнѣніе основано на истинныхъ началахъ, что оно отнюдь не есть вымыселъ сидящаго въ кабинетѣ своемъ литтератора; въ етомъ убѣждаютъ насъ послѣдніе годы, въ которые тысячи Англійскихъ фамилій украдкой переселились въ ту счастливую землю, гдѣ подати, въ сравненіи съ Англійскими, очень легки, а способы пропитанія весьма многочисленны.

При сравненіи финансовъ той и другой страны здѣсь приняты будутъ въ уваженіе издержки единственно по поводу государственнаго долгу. Надобно взять такіе годы, въ которые ни одна изъ сравниваемыхъ Державъ не находилась въ военномъ состояніи.

Великобританнія. Въ 1789 году проценты государственнаго долгу простирались до 9,000,300 фунтовъ стерлинговъ. — Количество вывоза Англійскихъ издѣлій и товаровъ небыло достовѣрно извѣстно. — То же можно сказать и о количествѣ товаровъ, привезенныхъ въ Англію. — Число особъ, употребляемыхъ по торговлѣ во всѣхъ владѣніяхъ Англіи, было 108,962.

Въ 1800 году процентовъ государственнаго долга уплачено 2,100,000 ф. с. — Вывезено произведеній, издѣлій и товаровъ на 39,471,208. — Ввезено товаровъ на 25,641,053. — Людей, употребляемыхъ по торговлѣ во всѣхъ Англійскихъ владѣніяхъ, было 143,661.

Въ 1814 году проценты долговые простирались до 43,000,000 ф. с. — Произведеній, издѣлій и товаровъ вывезено на 56,092,167. — Ввезено товаровъ на 30,091,861. — Людей, употребляемыхъ по торговлѣ, было 172,786.

Примѣчаніе. Въ счетъ вывезенныхъ вещей 1800 года входятъ выпущенныя изъ одной только Великобританніи; напро-

тивъ того въ вывозѣ 1814 го должно разумѣть и Ирландію. Привозъ изъ Восточной Индіи и Китая не принадлежитъ ни къ одному изъ годовъ, выше упомянутыхъ.

Соединенныя Области Сѣверной Америки. Въ 1790 году проценты государственнаго долгу простирались до 3,611,865 долларовъ. — Количество вывезенныхъ произведеній, издѣлій и товаровъ, равно какъ и ввезенныхъ изъ чужихъ краевъ, достовѣрно неизвѣстно. Жителей всѣхъ было 3,929,326 человѣкъ.

Въ 1800 году процентовъ долговыхъ уплачено 4,100,083 доллара. О ввозѣ и вывозѣ товаровъ неизвѣстно. Жителей всѣхъ было 5,303,666 душъ.

Въ 1810 году проценты долга простирались до 2,689,110 долларовъ. Отпущено за границу внутреннихъ произведеній, издѣлій и товаровъ на 36,521,000 долларовъ. Ввезено произведеній, издѣлій и товаровъ чужестранныхъ на 24,116,000 долларовъ. Слѣдственно весь оборотъ простирался до 60,437,000 долларовъ. Жителей было уже 7,239,303 души.

Въ 1812 году процентовъ государственнаго долгу уплачено 5,431,030 долларовъ. О количествѣ привоза и отпуска не извѣстно. Жителей было 8,208,921 душа.

Изъ сего сравненія очевиднымъ образомъ открывается, что въ Сѣверной Америкѣ возможность уплаты податей государственныхъ болѣе увеличилась нежели уменьшилась. Въ Великобританніи совсѣмъ противное. Вывозъ внутреннихъ произведеній, издѣлій и товаровъ въ Соединенныхъ Областяхъ, по извѣстіямъ самымъ достовѣрнымъ, простирается теперь почти до 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; а изъ предложеннаго выше показанія видно, что проценты государственнаго долгу не превосходятъ 1,357,982 ф. с. — Если сравнимъ это съ обстоятельствами Англіи, и положимъ, что Англійскія владѣнія въ Европѣ имѣютъ нынѣ до 17 милліоновъ жителей; то выдетъ слѣдующее:

Въ Великобританніи и Ирландіи жителей находится 17,000,000; товаровъ вывозится на 36,092,167 ф. с.; процентовъ государственнаго долгу платится 43,000,000 ф. с. Слѣдственно на каждую душу выходитъ: относительно вывоза товаровъ по 2 ф. с. и 2½ шиллинга, а вразсужденіи податей для погашенія государственнаго долгу по 2 ф. с. и 10½ шиллинговъ.

Въ Соединенныхъ Областяхъ Сѣверной Америки жителей находится 8,208,921 душа. Количество вывозимыхъ внутреннихъ товаровъ простирается до 15,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Процентовъ государствен-

наго долгу уплачивается 1,357,962 ф. с.; слѣдственно, касательно вывоза товаровъ, на каждую душу выходитъ по 1 фунту ст. 16½ шиллинговъ, а вразсужденіи податей для погашенія государственнаго долгу на каждую душу падаетъ только по 3¼ шиллинга.

Такимъ образомъ, при равномъ почти вывозѣ товаровъ, подать для погашенія государственнаго долгу въ обѣихъ Державахъ содержится какъ 1 къ 15½, то есть каждая душа въ Великобританніи должна платить *слишкомъ въ десять разъ* болѣе для погашенія государственнаго долгу, нежели въ Сѣверной Америкѣ.

Коббетъ, одинъ изъ отважнѣйшихъ и самыхъ искреннихъ друзей отечества, извлекъ выше предложенное сравненіе изъ оффиціальныхъ отчетовъ, которые въ Англій Парламенту, а въ Сѣверной Америкѣ Конгрессу представлены были для обыкновенныхъ по нимъ сужденій. *М.*

Достовѣрныя статистическія извѣстія о Китайской Имперіи.

По достовѣрнымъ статистическимъ извѣстіямъ, которыя собраны послѣднимъ Англійскимъ посольствомъ въ Китаѣ, пространство сей Имперіи заключаетъ въ себѣ 1,297,999 миль квадратныхъ. Число жителей простирается въ немъ до 333,000,000, а государственныя

доходы, считая на Англійскія деньги, до 12,140,625 фунтовъ стерлинговъ; слѣдственно на каждую квадратную милю полагать должно 256 душъ, то есть половиною больше нежели въ Англіи.

Поголовная подать не превышаетъ 8½ шиллинговъ; слѣдственно въ Англіи одинъ платитъ въ казну столько, сколько въ Китаѣ платятъ *сто восемдесять* человѣкъ, если считать по налогамъ 1815 года, до уничтоженія податей съ имуществъ (Property-Tax).

Несмотря на то, промышленность въ Китаѣ находится въ безпрестанномъ, сильномъ движеніи. Невидно ни праздныхъ людей, ни нищихъ. Каждой уголокъ земли обработанъ и производитъ что нибудь полезное. Тамъ всякой хлѣбъ не сѣютъ, а сажаютъ въ землю, отъ чего ежегодно сберегается столько зерна, что можно было бы прокормить всѣхъ жителей Великобританніи и Ирландіи. Въ сей странѣ каждой работаетъ. Голыя скалы покрыты землею и сдѣланы плодородными. Самыя крутизны горъ вспаханы; каналы съ водою для орошенія нивъ вездѣ проведены съ великимъ искусствомъ и стараніемъ. Холстъ и бумага дѣлаются изъ разныхъ растѣній, которыя въ Европѣ ни во что вмѣ-

няются, какъ безполезныя. Слѣдственно жителямъ нѣтъ недостатка ни во времени, ни въ землѣ, ни въ матеріялахъ, и они удобно взносятъ умѣренныя свои подати. При всемъ томъ Китайцы бѣдны; то есть: они вовсе неизобилуютъ жизненными потребностями, ибо самой законъ дозволяетъ бросать новорожденныхъ младенцевъ, если родители не имѣютъ возможности покормить ихъ. Сіе странное слѣдствіе столь чрезвычайнаго населенія и промышленности поддерживается еще и тѣмъ, что Китайцы питаютъ презрѣніе ко всѣмъ прочимъ народамъ, особливо же занимающимся торговлею, и что они во всѣ времена старались наиболѣе получать серебро и золото за свои произведенія, отпускаемыя чужестранцамъ.

(Гамб. Пол. Журн.)

IV. СМѢСЬ.

Слухи изъ Ллойдсова кофейнаго дома.

Въ извѣстномъ Ллойдосовомъ кофейномъ домѣ, въ Лондонѣ, получено изъ Кантона извѣстіе достовѣрное, или по крайней мѣрѣ любопытное, что Богды-Ханъ Китайскій, неутомимо пекущійся объ успѣхахъ просвѣщенія, издалъ касательно стихотворцевъ Имперіи своей декретъ слѣдующаго содержанія:

„Коллегіи наши, имѣющія надзоръ надъ просвѣщеніемъ народнымъ, изо всѣхъ областей Имперіи единогласно доносятъ намъ, что — съ тѣхъ поръ какъ подданные наши вошли въ ближайшія связи съ Европейцами — оказывается весьма вредное вліяніе стихотвореній на обычаи и характеръ народа. Того ради, принявъ во уваженіе, что сумазбродство стихописанія овладѣло всѣми классами людей, и съ отеческою попечительностію желая истинныхъ благъ нашимъ подданнымъ, опредѣлили мы повелѣть и строжайше повелѣваемъ: всѣхъ поетовъ нашихъ, не только придворныхъ или пользующихся привилегіями свободнаго, безотвѣтственнаго и неприкосновеннаго стихописанія, но даже и тѣхъ, которые въ безвѣ-

стныхъ уголкахъ чердаковъ приносятъ жертвы своему идолу, взять подъ бдительный присмотръ полиціи. Вѣдая, что насильственныя средства, принятыя противу столь многочисленнаго и со дня на день болѣе размножающагося класса людей, не могущихъ обойтися безъ писанья, произвели бы недугъ, которой уврачевать было бы ещё труднѣе, мы дозволяемъ писать стихи въ нашей Имперіи подъ слѣдующими условіями:

1. Отнынѣ впредь запрещается хвалить или порицать кого-либо въ стихахъ безъ причинъ справедливыхъ и достаточныхъ; если же будетъ къ тому дозволенный поводъ, то повелѣваемъ каждой разъ дѣйствовать благородно, скромно, и держаться строгой истины.

2. Піита, хотя бы ходилъ въ рубищѣ, или три дни сряду терпѣлъ голодъ, отнюдь не долженъ за подаренную одежду или за кусокъ жаркаго прибѣгать къ вымысламъ піитическимъ для восхваленія своего мецената; а тѣмъ болѣе похвалы свои печатать при его жизни; ибо такія похвалы много цѣны своей теряютъ отъ ласкательства, питаютъ тщеславіе и унижаютъ стихотворца.

3. Если бы кто дерзнулъ скупаго хвалить за бережливость, расточителя за щедрость, лихоимца за услужливость и проч.; то таковый піита, какъ зараженный ду-

хомъ Европейскимъ, будетъ одѣтъ въ короткой Англійскій фракъ и выпровожень за границу.

4. Съ нѣкотораго времени примѣтивши подлый характеръ въ Европейцахъ, которые всякаго выходящаго въ знать привѣтствуютъ одами, родъ его производятъ отъ Богды-Хановъ, а самаго ставятъ почти на ровнѣ съ Конфуціемъ, мы подъ опасеніемъ строжайшей казни, запрещаемъ поэтамъ нашимъ имѣть сообщеніе съ оными народами, которые, какъ менѣе просвѣщенные, привыкшіе къ подлому ласкательству, могли бы исказить благородство духа въ вѣрныхъ и добрыхъ подданныхъ нашихъ. Ибо опыты научили насъ, что разумъ оныхъ Европейскихъ народовъ гораздо короче и легче самой ихъ одежды, и что ихъ остроуміе приноситъ болѣе вреда нежели пользы роду человѣческому.

Всѣмъ Коллегіямъ нашимъ строжайше повелѣваемъ исполнять по сему декрету въ точности."

Увѣряютъ, что къ сему ограниченію привилегій, Аполлономъ дарованныхъ поэтамъ, были поводомъ напечатанныя въ Кантонѣ оды въ похвалу Мандариновъ и другихъ особъ чиновныхъ, и что въ одну недѣлю такихъ одъ вышло въ свѣтъ до *десяти тысячь*. Непомѣрное въ стихахъ сихъ униженіе, увеличенныя похвалы и самое подлое ласкательство

тотчасъ обнаружили подражаніе обычаямъ Европейскимъ и возбудили сильное безпокойство въ благомыслящихъ, правдолюбивыхъ Китайцахъ. Теперь носится молва въ Пекинѣ, что воспослѣдовавшее ограниченіе, столь несогласное съ пылкимъ, неугомоннымъ воображеніемъ, встревожило всѣхъ поетовъ Китайскихъ, и что сіи господа, числомъ болѣе милліона, рѣшились оставить неблагодарное свое отечество и пуститься въ Европу. Если молва сія справедлива, то Европѣ угрожаетъ новое нашествіе варваровъ, какого невидала она со временъ Чингисъ-Хана. Счастье наше, что сіи странники суть не грозные воины, но миролюбивые чада Аполлоновы, рыцари добрые и учтивые; слѣдственно весь нашъ убытокъ состоять будетъ развѣ только въ бумагѣ, перьяхъ и чернилахъ, которыми они возмутъ съ насъ контрибуцію.

(*Изъ иностр. Газет.*)

Древности Сибири.

(Помѣщаемъ слѣдующій отрывокъ изъ вступленія къ любопытному описанію Сибирскихъ древностей, единственно чтобы

заохотить публику къ чтенію новаго хорошаго изданія, *Сибирскаго Вѣстника* (*).)

Народы исчезли, скрылись отъ наблюдательнаго ока Исторіи, и существованіе ихъ осталось почти въ однихъ только оныхъ памятникахъ, досель сохранившихся отъ истребительной косы времени. Они находятся въ разныхъ мѣстахъ Сибири, наиболѣе же въ полуденной ея части, и состоятъ изъ *начертаній* и *надписей*; изъ *кургановъ*, или могилъ; изъ *развалинъ* разнородныхъ зданій и военныхъ крѣпостей; изъ остатковъ *горныхъ работъ*, или такъ называемыхъ *Чудскихъ копей*, произведенныхъ для добычи рудъ, и изъ другихъ предметовъ. — Но изъ всѣхъ оныхъ достопамятностей высѣченныя *начертанія* и изображенныя краскою *надписи* на каменныхъ утесахъ, составляющихъ берега нѣкоторыхъ рѣкъ, на могильныхъ камняхъ и въ подобныхъ симъ мѣстахъ, показывая предъ прочими нѣкоторую высшую степень образованія и искусства народнаго, заслуживаютъ быть первыми и въ предлагаемыхъ мною запискахъ.

Г. Спасскій.

(*) Подписка принимается въ Москвѣ и въ С. Петербургѣ у Ивана Глазунова. Четыре части, съ четырьмя тетрадями рисунковъ стоятъ 35 рублей, съ пересылкою.

Политическія происшествія.

Франція.

Пренія въ Палатѣ Перовъ о способахъ укомплектованія арміи были столько важны по своему предмету, что публика принимала въ нихъ большое участіе. Разсуждали долго и жарко. Даже больной Шатобріанъ захотѣлъ быть участникомъ въ спорахъ, и его *принесли* въ Палату. Наконецъ дѣло рѣшено большинствомъ голосовъ, и законъ о принужденномъ наборѣ возъимѣлъ свою силу. Въ пользу сего закона между прочимъ сказано было военнымъ Министромъ, что и въ другихъ Государствахъ Европы въ военную службу вступаютъ не по доброй волѣ.

— Хотя въ Палатахъ перестали говорить о Конкордатѣ, онъ однакожъ все еще служитъ предметомъ жаркихъ преній для политическихъ и богословскихъ писателей. Мнѣнія столь многоразличны, что мудрено судить о безпристрастіи и основательности оныхъ. Желательно знать, какія мѣры будутъ приняты со стороны правительства?

— Маршалъ Мармонтъ, которой отправленъ былъ для прекращенія безпокойствъ въ Ліонѣ, нашелъ, что тамъ вовсе небыло заговора, и что всѣ возмутительныя движенія про-

исходили единственно по коварнымъ, тайнымъ дѣйствіямъ такъ называемыхъ Ультра или фанатическихъ роялистовъ. Чего же они хотѣли?

— Наконецъ во Франціи предложенъ проектъ закона, коимъ запрещается всѣмъ Французамъ принимать участіе въ торгѣ невольниками. За преступленіе противъ сего постановленія подвергаются суда конфискованію со всѣмъ грузомъ, а начальники оныхъ удаленію отъ службы.

Англія.

Въ минувшемъ Февралѣ въ Нижнемъ Парламентѣ большинствомъ голосовъ принятъ законъ, которымъ Министры освобождены отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности за сдѣланныя ими постановленія во время прекращенія акта о личной неприкосновенности Главною защитою ихъ было то, что возставшіе противъ нихъ доносщики и свидѣтели суть люди, которымъ нельзя вѣрить.

Испанія.

Королевскимъ указомъ подтверждено опредѣленное прежними постановленіями изгнаніе изъ Испаніи всѣхъ, служившихъ похитителю престола въ званіи совѣтниковъ, министровъ и въ другихъ чинахъ до капитана включительно; прочіе же могутъ возвратиться и жить въ назначенныхъ мѣстахъ внѣ столицы. Имущество свое они получатъ въ нынѣшнемъ его

состоянія; но чиновъ своихъ, наслѣдственныхъ титуловъ и проч. они будутъ лишены.

Іонійская республика.

Соединенныя Области острововъ Іонійскихъ могутъ теперь справедливо назваться Греческимъ отечествомъ. Возраждающіеся духомъ и умомъ сыны древней Еллады со всѣхъ странъ Европы и Азіи должны обращать взоры свои къ островамъ Іоніи, къ сей новой колыбели свободы Грековъ. Декабря 29 (н. с.) въ Корфу торжественно провозглашена Конституція Республики, утвержденная Принцемъ Регентомъ отъ имени Короля Великобританіи. Соединенныя Іонійскія Области составлены изъ слѣдующихъ острововъ: *Корфу*, *Цефалоніи*, *Занта*, *Св. Мавры*, *Итаки*, *Черито*, *Пюско* и другихъ меньшихъ. Господствующая вѣра есть Православная Греческая. Жители говорятъ языкомъ Греческимъ. Гражданское правительство состоитъ изъ Законодательнаго Сословія, Сената, Департамента Юстиціи. Исполнительная власть и право предлагать законы ввѣрены Сенату, изъ шести Особъ составленному, и именно: изъ одного Президента и пяти Совѣтниковъ. Выборъ Президента, имѣющаго титулъ *Высочества*, зависитъ отъ Короля Англійскаго, Покровителя Соединенныхъ Іонійскихъ Областей. Нынѣ избранъ въ Президенты Баронъ *Еммануилъ Ѳеотоки*.

Турція.

Прибывшій въ Константинополь чрезвычайный Персидскій Посолъ Мюхибъ-Али-Хэнъ имѣлъ, 7 Февраля (н. с.), аудіенцію у Султана, и былъ принятъ имъ весьма благосклонно.

Краткія выписки, извѣстія, замѣчанія.

Графъ Сегюръ пишетъ *Сокращенную Всеобщую Исторію.* Всѣхъ томовъ выдетъ 44, въ 18 долю, изъ которыхъ многіе уже напечатаны. Ролленя мы имѣемъ въ Русскомъ переводѣ; вѣроятно будемъ имѣть и Сегюра. Вотъ что замѣчаютъ о сихъ обоихъ Историкахъ: „Ролленъ, жившій съ одними только древними, вообще наблюдалъ происшествія съ той самой точки зрѣнія, съ которой они смотрѣли: отсюда оный недостатокъ критики, въ которомъ упрекали его люди, впрочемъ всегда готовые хвалить его за все хорошее въ сочиненіи, за тотъ пріятный жаръ, который сообщаетъ оно читателю, за тотъ блескъ, которымъ оно мѣстами озаряется, особливо же за постоянную изящность слога, напитанную чистѣйшимъ сокомъ ученой древности. Сегюръ, въ юныхъ еще лѣтахъ брошенный на блестящее, разнообразное поприще воина, диплома-

та, государственнаго чиновника, прилѣжно наблюдалъ людей, и учился по живой книгѣ происшествій своего времени; вотъ почему легко примѣтно, что событія минувшихъ вѣковъ представлялись взорамъ его обогащенныя сравненіями съ происшествіями настоящаго времени. Вразсужденіи же слога, которой у него также достоинъ примѣчанія, сказать надобно, что авторъ учился у древнихъ болѣе движенію, нежели механизму. Сегюра называютъ копистомъ Ролленя; совсѣмъ несправедливо! Не уже ли и въ Исторіи Іудейской писалъ онъ по Ролленю, которой неоставилъ намъ никакой Іудейской Исторіи? У насъ есть Сократитель Ролленевъ, г-нъ Рою, творецъ. Достойныхъ похвалы извлеченій, но неимѣющихъ никакой отличительной физіономіи; между тѣмъ какъ Всеобщая Исторія г-на Сегюра имѣетъ ее, имѣетъ свою собственную, опредѣленную, несходную съ прочими.“

— Редакторы бывшаго *Французскаго Меркурія* (прекращеннаго по волѣ правительства) работаютъ по тому же плану и издаютъ въ свѣтъ труды свои въ книжкахъ подъ именемъ *Французской Минервы*. Чтобъ избѣжать ценсуры, которой подлежатъ одни только журналы и газеты, а не книги, хитрые редакторы *Минервы* вздумали объявить, что они издаютъ продол-

ніе Меркурія въ книжкахъ безсрочныхъ, слѣдственно не журналъ: и имъ удалось! При концѣ каждой книжки ставятся имена авторовъ, принимающихъ на себя отвѣтственность за помѣщенныя піесы. Надъ политическими сужденіями стоитъ надпись: *Историческіе опыты*, которые раздѣляются на главы, какъ водится въ книгахъ; новости столицы предлагаются въ *письмахъ*, и такъ далѣе. Газетныя извѣстія о покушеніи на жизнь Веллингтона и объ окончаніи суда надъ самозванцемъ Брюно предложены подъ заглавіемъ — *анекдотовъ*. Издавая *Минерву* подъ присмотромъ ценсуры, не льзя было бы сказать, на примѣръ, что ложный Дофинъ прежде суда и послѣ суда былъ *не одинъ человѣкъ*. Странно въ самомъ дѣлѣ, что и Нидерландскіе журналисты дозволяли себѣ (да и теперь еще не перестаютъ) удивляться несходству въ одномъ и томъ же *Матюринѣ Брюно*, которой, прежде нежели взятъ былъ въ Каенѣ подъ стражу, казался умнымъ и благороднымъ человѣкомъ; а въ Руанѣ, куда перевезли его, вдругъ сдѣлался глупцемъ, грубіяномъ и пьяницей. Однимъ словомъ, Нидерландскіе листки явно говорятъ, что *Брюно*, судьи и свидѣтели согласились обмануть публику. Это уже слишкомъ дерзко!

2.

Полученныя изъ Воронежа при письмѣ отъ благотворительной Особы, подписавшейся буквами А. В., въ ассигнаціяхъ 20 рублей, будутъ немедленно доставлены по назначенію, а именно: живущей въ Рязани вдовѣ Титулярной Совѣтницѣ *Аннѣ Чупровой* (Вѣстн. Евр. 1817) и ко вдовѣ же бывшаго Аптекаря здѣшней Екатерининской больницы Настасьи Гавр. Чудновской (Вѣстн. Евр. 1187), обѣимъ по равной части.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 7.

АПРѢЛЬ 1818.

1. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Духъ покровитель.

(Повѣсть.)

Близъ тѣнистаго берега свѣтлотекущей рѣки на мягкой муравѣ отдыхалъ *Омаръ*. Незадолго передъ тѣмъ онъ лишился единственнаго дяди, прослывшаго мудрымъ, оставившаго по себѣ небольшое имѣніе, которое могло содѣлать жизнь племянника если не роскошною, то по крайней мѣрѣ спокойною, слѣдственно счастливою.

Теплый весенній вѣтерокъ навѣвалъ нѣгу; душистые цвѣты и травы наполняли воздухъ благоуханіемъ; *Омаръ*, тихо вздремавши, предался мечтаніямъ. — Окриленный юноша красоты небесной предсталъ ему въ восхитительномъ розовомъ сіяніи зари утренней — это былъ Духъ, его покровитель.

„Научи меня быть счастливымъ!“ воскликнулъ *Омаръ* къ божественному пришельцу, устремляя съ благоговѣйнымъ трепетомъ взоры свои на его лучезарный образъ; „научи меня наслаждаться такимъ же блаженствомъ, какое вкушалъ въ сей жизни достославный мой дядя!“

— Владѣй самимъ собою, подобно ему; побѣждай свои страсти: и ты будешь счастливъ! — отвѣтствовалъ Духъ сладостнымъ голосомъ флейты.

„Готовъ, готовъ!“ воскликнулъ *Омаръ*; „если только ты, добрый Духъ мой, неоткажешь мнѣ въ своей помощи!“

— Съ радостію берусь тебѣ покровительствовать; — сказалъ Геній: — но, ты знаешь, воля человѣческая *свободна!* —

Онъ воспарилъ и исчезъ въ пространствахъ ееира. *Омаръ* проснулся; исполненный благородной рѣшимости слѣдовать наяву тѣмъ божественнымъ правиламъ, которыя внушило ему таинственное сновидѣніе, онъ встаетъ, чтобъ идти въ городъ и дѣйствовать по своему намѣренію.

Скоро увидѣлъ онъ идущую навстрѣчу *Ситу*, прелестнѣйшую дѣвицу, но вмѣстѣ и самую строгую въ правилахъ добродѣтели. Взглядъ красавицы, которую

Омаръ давно уже зналъ и любилъ тайно, произвелъ сильное движеніе въ его сердцѣ. Она приближилась, съ улыбкою начала говорить къ нему, и *Омаръ* запылалъ при воззрѣніи на очаровательную красоту юной *Ситы*: глаза его дико засверкали; онъ обнялъ красавицу рукою, и въ жару изступленія шепталъ ей: „будь моею!"

— Твоей супругою буду, когда благословеніе Пророка соединитъ насъ: — тихо отвѣчала ему невинная *Сита*, вырвалась отъ него, и помчалась съ быстротою молодой серны.

„Простодушная! для чегожъ не теперь?" кричалъ ей въ слѣдъ огорченный *Омаръ*, — но тщетно; *Сита* сокрылась уже отъ глазъ пламеннаго юноши, которой, пришедъ въ себя, устыдился слабости, столь неприличной особенно тому, кто рѣшился всегда владѣть собою.

И *Омаръ* въ другой разъ изрекъ обѣтъ противиться всякому искушенію. „Женщины водятъ насъ въ соблазнъ;" думалъ онъ: „стану убѣгать ихъ. Когда же повстрѣчаюся съ прекрасною, то буду воображать себѣ, что вижу дряхлую чародѣйку, и съ трепетомъ удалюсь отъ сѣтей опасныхъ."

— Но для чего не соединиться тебѣ узами супружества съ Ситою, для чего не насла-

ждаться тихимъ счастіемъ въ ея объятіяхъ? — отозвался невѣдомый голосъ въ волнуемой груди *Омара*. „Нѣтъ!“ воскликнулъ онъ: „сердце ея жестоко и холодно какъ ледъ; иначе могла ли бы она противиться моей любви, страстной, пламенной? Нѣтъ, прочь отъ меня *Сита*, прочь всѣ женщины! Съ сей поры начну вести жизнь воздержную, буду умѣренъ въ пищѣ, питіи, всего же болѣе въ игрѣ; и отнюдь нестану предаваться гнѣву; имѣніе мое, которое чрезъ торговые обороты Алія отъ часу болѣе приумножается, дѣлаетъ судьбу мою совершенно спокойною и независимою. Я буду счастливъ, ибо я хочу того; а для человѣка все то возможно, чего онъ рѣшительно желаетъ.“

На другой день поутру *Омаръ* гулялъ въ кокосовой рощѣ. Тамъ на дерновой скамьѣ сидѣли двѣ женщины: одна была пожилыхъ лѣтъ и имѣла наружность непривлекательную; другая блистала молодостію и красотою. Онѣ съ жаромъ разговаривали между собою. *Омаръ* почувствовалъ усталость, истинную или мнимую, подошелъ къ ближней скамейкѣ, и избралъ ее мѣстомъ своего отдыха. Онъ слышалъ вздохи молодой незнакомки, видѣлъ ея слезы, и былъ тронутъ — не красотою (противъ обольщеній красоты онъ вооружился уже своею рѣшительностію, а для человѣка все то возможно, чего онъ ни

хочетъ), но — печалію доброй дѣвушки — былъ тронутъ единственно по чувству человѣколюбія и состраданія. *Омаръ* вмѣшался въ разговоръ, разспрашивалъ несчастную о причинахъ ея сѣтованія, предлагалъ ей свою помощь и покровительство.

Любезная дѣвушка въ словахъ неизъяснимо сладостныхъ изъявляла жалобу на своего опекуна, грубаго полковника, которой притѣснялъ ее и обманывалъ. „Вы, милостивый государь, кажется, имѣете сердце человѣколюбивое, душу благородную!“ воскликнула она въ слезахъ; „о, дайте мнѣ совѣтъ, помогите мнѣ!“ *Омаръ* сталъ было входить въ подробныя обстоятельства дѣла, желая придумать средства къ оказанію великодушной своей помощи. „Охотно“ сказала она „желала бы теперь же сдѣлать вамъ искреннее во всемъ довѣріе; но я въ сію минуту должна возвратиться домой къ своему опекуну. Если вамъ угодно пожаловать въ нашъ садъ нынѣшнимъ же вечеромъ, когда мучитель мой будетъ въ отсутствіи; то узнаете отъ меня все, и даже самыя средства облегчить тягостную судьбу мою.“

Омаръ далъ слово непремѣнно явиться въ назначенномъ мѣстѣ; дѣвушка весьма протательно поблагодарила его за такое благородное участіе въ горестяхъ, и потомъ вмѣстѣ съ подругою своей удалилась.

Вечеромъ, въ опредѣленный часъ, великодушный помощникъ стоялъ уже у калитки сада, которую и отворила ему старая женщина. Дѣвушка встрѣтила его; но имъ ни какъ нельзя было оставаться въ саду, ибо сосѣди могли бы ихъ подстеречь, могли бы все подслушать.

Тихо, со всею осторожностію, умильная красавица провела дорогаго гостя въ свою комнату. Оба расположились на пышномъ диванѣ, и при тускломъ свѣтѣ лампады начали бесѣдовать между собою. *Омаръ* смотрѣлъ и слушалъ; теплое дыханіе красавицы касалось ланитъ его; нѣжная рука ея была уже въ рукахъ *Омара*; пульсы его прыгали, сердце билось и едва дозволяло переводить духъ, когда онъ смотрѣлъ на полусокрытыя прелести своей собесѣдницы. Скоро ихъ разговоръ перемѣнился на любовныя ласки.

Вдругъ отворилась дверь: яростный, несущій ругательства и проклятія, исполинскаго росту воинъ является предъ бесѣдующими, съ бѣшенствомъ бросается на *Омара*, выхватываетъ изъ ноженъ ужасной мечь свой, и грозится въ мѣлкіе куски изрубить обольстителя.

„Злодѣй!" воскликнулъ онъ: „я неимѣю ничего кромѣ чести; а ты хочешь и ее у меня похитить. Эта дѣвушка мнѣ невѣста; ея честь и моя — одно и то же."

— Прошу извиненія! — отвѣчалъ испуганный *Омаръ*, запинаясь: — до вашей чести я вовсе неимѣлъ намѣренія касаться, и не касался. —

— Ахъ! милой злодѣй обольстилъ меня! — сказала красавица, и свирѣпый воинъ снова замахнулся сверкающимъ мечемъ своимъ, снова угрожалъ неизбѣжною смертію преступнику.

Трепещущій *Омаръ* вынимаетъ изъ кармана полный кошелекъ. „Смѣю ли предложить вознагражденіе, если вы не такъ богаты;" сказалъ онъ, а великанъ, схвативъ кошелекъ, тотчасъ же вытолкнулъ гостя за двери.

Юноша почиталъ себя весьма счатливымъ, что съ такимъ маловажнымъ урономъ удалось ему избавиться отъ опасности; онъ оправился отъ страху и пошелъ домой скорыми шагами.

Тутъ стыдъ и раскаяніе овладѣли имъ. *Омаръ* осыпалъ себя укоризнами; чувство собственнаго униженія несказанно его тяготило; онъ называлъ себя слабымъ, безразсуднымъ ребенкомъ, и былъ дѣйствительно несчастенъ въ душѣ своей.

Таково было положеніе *Омара*, когда пришелъ къ нему одинъ пріятель съ при-

глашеніемъ провести вечеръ въ веселомъ обществѣ. Воспоминаніе о слабости характера, доказанной смѣшнымъ, постыднымъ приключеніемъ съ молодою незнакомкой и со звѣронравнымъ опекуномъ ея, терзало сердце *Омара.* Чувствуя нужду въ разсѣяніи мрачныхъ мыслей, въ разогнаніи снѣдающей тоски, онъ рѣшился идти за веселымъ своимъ пріятелемъ. *Берегись!* говоритъ тайный голосъ въ душѣ его. „О, я непремѣнно буду воздерженъ" — подумалъ *Омаръ* съ гордою на себя надеждою: „въ обществѣ веселыхъ друзей хочу только забыть свой прежній глупый поступокъ и подкрѣпить духъ свой для будущихъ подвиговъ добродѣтели!" И вотъ *Омаръ* уже за пиршественною трапезой; начинаетъ ѣсть и пить, разумѣется, по самымъ строгимъ правиламъ умѣренности. Пряныя яства возбуждаютъ въ немъ жажду, а между тѣмъ при восклицаніяхъ всеобщей радости и дружбы круговая чаша быстро переходитъ изъ рукъ въ руки. Вѣщее сердце предостерегаетъ неопытнаго юношу; но *Омаръ,* не смотря ни на что, осушалъ стаканъ за стаканомъ, и опьянѣлъ. Предложили игру.

„Играть!" сказалъ онъ самъ себѣ: „играть не въ большую, въ кругу добрыхъ, веселыхъ пріятелей не грѣшно и не стыдно; большая игра иное дѣло!" А внутрен-

рій голосъ тотчасъ: *мудрый никогда не играетъ.* — „Ну къ чорту съ твоею мудростію,“ сердито проворчалъ *Омаръ* „которая разрушаетъ всякую радость и возбраняетъ намъ самыя невинныя удовольствія!“ и въ доказательство неустрашимости своей ставитъ нѣсколько монетъ, проигрываетъ ихъ, ставитъ болѣе, и опять проигрываетъ. Кровь его волнуется. Запутавшись въ игру, скоро находитъ онъ кошелекъ свой совершенно опустѣвшимъ; беретъ въ займы извѣстную сумму у сосѣда, проигрываетъ ее, входитъ въ новые долги. По несчастію, *Омаръ* примѣтилъ, что правовѣрный другъ его плутуетъ. Лице юноши зардѣлось, глаза заблистали; онъ вспыхнулъ, и въ ярости, подхвативъ стаканъ съ костями, бросилъ въ голову подлаго обманщика. Соперникъ оправдывается, въ доказательство своей честности со всего размаху устремляетъ подсвѣчникъ на *Омара*, и повреждаетъ правый глазъ его. Послѣдній, пылая мщеніемъ, съ окровавленнымъ лицемъ бросился было на сопостата, и безъ сомнѣнія отплатилъ бы ему тою же монетою, если бы присутствовавшіе не удержали его и непрекратили непріятельскихъ дѣйствій. Несмотря на то, трагедія была не совсѣмъ еще окончана для нашего героя: пока шумъ и смятеніе продолжались, подоспѣла призванная на помощь полицейская команда, и отвела безпокойныхъ въ темницу. *Омаръ*

видитъ себя между четырмя толстыми закоптѣлыми стѣнами, и въ безпамятствѣ бросается на черствое ложе. Друзья за него ручаются, и Кади, помня дружбу покойнаго дяди, возвращаетъ свободу юношѣ, который въ изнеможеніи, безъ денегъ и безъ глаза приходитъ домой съ разтерзаннымъ сердцемъ.

Утро пробуждаетъ *Омара* отъ мертваго сна, которой небылъ для него сладкимъ успокоеніемъ. Онъ чувствуетъ, что голова его тяжела, взоръ мутенъ, душа печальна; воображеніе представляетъ ему картину протекшаго дня со всѣми разительными оттѣнками его слабостей. Охотно желалъ бы онъ почитать все прошедшее за страшный, безпокойный сонъ; но распухнувшій больной глазъ не позволяетъ ему надолго предаться сему утѣшительному очарованію. Стыдъ и раскаяніе терзаютъ его душу.

„Глупецъ, гордый глупецъ!" такъ съ сердечнымъ прискорбіемъ укорялъ себя *Омаръ*: „какъ могъ ты дойти до такой крайности, рѣшась всегда быть побѣдителемъ своихъ страстей, властелиномъ самаго себя? Кто, кромѣ тебя, въ состояніи отважиться на подобныя дурачества? Ты хотѣлъ убѣгать женщинъ, — и неболѣе какъ въ два дни вожделѣніе приводило тебя сперва къ цѣломудренной, гордой красавицѣ, потомъ къ развратной

твари: одна презрѣла тебя, другая ограбила. Ты хотѣлъ быть умѣреннымъ, и жажда, природное побужденіе, вовлекла тебя въ пьянство. Омраченный винными парами, единственно для забавы, ты принимаешься за игру и даешься въ обманъ; это разгорячаетъ твое воображеніе, и ты, который никогда не хотѣлъ предаваться гнѣву, распаляешься яростію отъ дурнаго поступка своего товарища. Поврежденіе глаза было первымъ слѣдствіемъ твоей безразсудной вспыльчивости; другое покрыло несравненно большимъ стыдомъ того, кто хотѣлъ быть всегда независимымъ: тебя бросили въ темницу! Это удивительная цѣпь происшествій, которой первое и послѣднее звѣно крѣпко прикованы къ сердцу человѣческому: сіе угодно было предвѣчной, всемощной судьбинѣ. Признайся же, что ты сказалъ ужасную нелѣпость; ибо кому изъ смертныхъ *возможно* все то, чего онъ *желаетъ*?"

— *Всякому*, слѣдственно и *тебѣ!* — произнесъ тихій, но суровый, строгій голосъ, поразившій *Омара*: — Духъ, его хранитель, стоялъ передъ нимъ въ лучезарномъ сіяніи.

„А! ты опять здѣсь!" воскликнулъ *Омаръ* насмѣшливо: „мнѣ кажется, ты гораздо лучше умѣешь проповѣдывать людямъ

нравоученіе, нежели защищать ихъ отъ бѣдъ. Ты обѣщался помогать мнѣ въ благомъ намѣреніи; прекрасно же сдержалъ ты свое слово!“

— Я обѣщался — съ негодованіемъ отвѣчалъ Геній — ревностно подкрѣплять тебя во всякомъ добромъ дѣлѣ, и исполнилъ въ точности; но ты самъ не сдержалъ слова. —

„Ты меня подкрѣплялъ?...“ возразилъ юноша: „я тебя невидалъ и въ глаза.“

— Однакожъ, какъ Духъ, твой хранитель, я всегда былъ съ тобою; — отвѣчалъ небожитель. Я прикасался къ твоему сердцу, и оно съ робкимъ предчувствіемъ билось въ груди твоей; но ты не хотѣлъ слѣдовать доброму. Я возжигалъ на щекахъ твоихъ пламень стыда; но ты не хотѣлъ слѣдовать доброму. Изъ глубины души твоей я вѣщалъ къ тебѣ гласомъ праведнаго судіи, увѣщевалъ тебя быть добродѣтельнымъ; но ты не хотѣлъ слѣдовать доброму. Познай, ослѣпленный! Духъ хранитель всегда невидимъ для очей смертнаго, коему онъ благодѣтельствуетъ; онъ обитаетъ въ его душѣ, и оттуда только разливаетъ свой божественный свѣтъ на пути, ведущемъ человѣка къ блаженству: онъ называется *самозананіемъ* или *совѣстію*. Онъ-то есть вѣрнѣйшій Ангелъ хранитель всѣхъ людей. Но люди имѣютъ

волю *свободную*, а ты нехотѣлъ слѣдовать доброму! —

Кроткое, плѣнительное вѣщаніе Духа подобно грому поразило слухъ и сердце *Омара*, и озарило небеснымъ свѣтомъ мрачную его душу. Онъ восчувствовалъ истину божественныхъ словъ наставника, и терзаемый раскаяніемъ, съ трепетомъ упалъ предъ нимъ на землю.

„Прости дерзновеніе безумца!" рыдая воскликнулъ *Омаръ*: „молю тебя, о благодѣтель мой! неотрекись подать мудрый совѣтъ несчастному, какимъ образомъ возмогу утлый, ломкій сосудъ укрѣпить невѣдомою мнѣ силою?"

— Одна лишь твердая, рѣшительная воля свободна отъ всѣхъ узъ, какими часто оковываютъ человѣка его собственныя страсти и заблужденія; — отвѣчалъ Геній: — но достигнуть до сего совершенства воли есть дѣло не весьма легкое. —

„О, подкрѣпи меня, добрый Духъ мой!" говоритъ *Омаръ*: „подкрѣпи, да возмогу достигнуть моего высокаго назначенія!"

— Со всею охотою берусь исполнить прозьбу твою; — сказалъ Геній: — я предложу тебѣ и другой совѣтъ. Ты знаешь *Ситу* и уважаешь. Милая дѣвушка въ молчаніи любитъ те-

бя. Сдѣлавшись твоей супругою, она покажетъ тебѣ истинный путь ко счастію. Я испыталъ ея сердце; оно бьется для тебя, для непорочной любви и святой добродѣтели. Рѣшась на сей выборъ, ты будешь благословлять Небо за свой жребій. — И Геній исчезъ.

Омаръ немедленно потребовалъ руки прекрасной, доброй *Ситы*. Съ милою стыдливостію предалась она своему возлюбленному, и великій Пророкъ благословилъ чрезъ служителя своего сердечный союзъ ихъ.

Новобрачный, вмѣсто минутныхъ восторговъ шумной радости, ощутилъ сладость истиннаго счастія жизни семейственной; буря страстей утихла въ его сердцѣ съ той минуты, когда, исполненный супружеской любви и взаимно любимый, онъ сталъ жить для нѣжной подруги. И *Сита* содѣлалась кроткой руководительницею его въ добродѣтели, въ искусствѣ управлять собою. Умѣренно, спокойно вкушалъ онъ тихія радости жизни, и нежелалъ болѣе ничего кромѣ всегдашняго обладанія тѣми благами, коими онъ уже наслаждался.

Спустя нѣсколько времени послѣ женитьбы счастливца, явился ему Геній. „Прости, мой *Омаръ*!“ такъ онъ изрекъ ему: „я долженъ съ тобою разлучиться; верховный

Повелитель отзываетъ меня къ другому назначенію: я ввѣрилъ тебя въ самыя надежныя руки."

— О! пребудь еще со мною, небесный посланникъ! — воскликнулъ въ слезахъ юноша.

„Для чего же?" отвѣчалъ Геній: „ты теперь счастливъ и безопасенъ! Кого Небо одарило доброю и любезною женою, тому ненужна болѣе помощь Генія: *добродѣтельная супруга есть наилучшій Ангелъ-хранитель человѣка*; само Провидѣніе къ тому ее назначило."

И небожитель воспарилъ въ свѣтлыя высоты эѳира. *Омаръ* увѣрился совершенно въ истинѣ божественнаго его изреченія: Геній земный заступалъ для него мѣсто небеснаго; ему единому былъ онъ обязанъ тѣмъ, что оставался властелиномъ своихъ страстей и вѣрнымъ другомъ добродѣтели до самой минуты, въ которую Ангелъ смерти переселилъ его въ страну вожделѣнной отчизны, гдѣ изъ слабости возникаетъ крѣпость, изъ тмы свѣтъ немерцающій.

(Изъ Zeitung f. d. e. Welt. *Y.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Гимнъ Богу.

Готово сердце славить Бога,
Готово сердце; я пою:
Мои всѣ мысли — удивленье,
Мои всѣ чувства — благодарность,
Все пѣснопѣніе — хвала.

*

Единый, сый, всесовершенный!
Безчисленность — Твое число,
Неограниченность — пространство.
Ни времени, ни разстояній
Не существуешь для Тебя.

*

Незаходимое Свѣтило,
Грядущей вѣчности восходъ
И западъ вѣчности минувшей
Ты зришь, какъ зримъ мы западъ солнца
И восхожденіе луны.

*

Огромность, малость, легкость, трудность,
Всесильный Боже! для Тебя
Слова безъ всякаго значенья:
Речешь — родятся Херувимы
И пульсъ забьется муравьй.

*

Воззритъ — зажгутся звѣзды въ небѣ,
Заблещетъ подъ кустомъ свѣтлякъ,
Невтонъ чертежъ освѣтитъ міра,
Петръ возсіяетъ на престолѣ,
И роза вспыхнетъ на лугу.

*

Ты слышишь, какъ отживши тухнетъ
Звѣзда, минутный неба цвѣтъ,
Какъ сходитъ Римъ во мракъ могилы,
Какъ упадаетъ власъ на землю,
Какъ шевелится ефемеръ.

*

Тебя, Владыко! славословятъ
Міры теченьемъ стройнымъ сферъ;
Цвѣты чистѣйшимъ ароматомъ,
Умы довѣренностью дѣтской,
Слезами чистыми сердца.

*

Ты совершенствами безмѣрно,
Творецъ, отъ твари отдаленъ;
Но благостью къ сынамъ Ты близокъ.
Какъ Богъ вселенны — весь Ты сила;
Какъ нашъ Отецъ — Ты весь любовь.

*

Желать и ждать въ сей міръ на время
Мы брошены Твоей рукой,
И духъ нашъ — чистый лучъ небесный —
Томится въ прахѣ заключенный,
Какъ искра ясная въ кремнѣ.

*

Судьбы Твои непостижимы!
По тернамъ жизни труденъ путь,
Тяжка година испытанья;
Но Ты къ намъ въ пѣстуны приставилъ
Надежду, Вѣру и Любовь.

*

Съ вождями сими руку въ руку
Мы не заблудимся нигдѣ;
Достойны будемъ — и безсмертье,
И домъ радительскій раздѣлитъ
Съ сынами добрыми Отецъ.

Воейковъ.

1817, Авг. 10.

Старой Котъ и молодой Мышенокъ.

(*Басня.*)

Одинъ неопытной Мышенокъ
Подъ лапой у Кота о милости просилъ:
„Пусти, пожалуста!“ бѣдняжка говорилъ:
„Смотри, вѣдь я еще ребенокъ!
Могу ли въ тягость быть кому нибудь собой?
Оголодаюль я дневнымъ моимъ расходомъ
Хозяина, жену со всѣмъ ихъ честнымъ домомъ?
Я сытъ и крошечкой одной!
Орѣшкомъ маленькимъ, божуся, объѣдаюсь!
Теперь я худъ; пожди, покуда отгуляюсь!

Бышь можешь пригожусь я дѣшушкамъ швоимъ!“
— Разсказывай другимъ,
А мнѣ шы говоришь какъ будшо бы глухому —
Кошъ Васька ошвѣчалъ: — повѣрь, все по пу-
стому,
И всѣ доводы не въ попадъ:
Я Кошъ, къ шомужъ и сшаръ — шакъ можно
ли смягчишься?
И чѣмъ же намъ Кошамъ безъ васъ Мышей кор-
мишься?
Да что шушъ шолковашь! Сшупай скорѣе въ адъ
Привѣшсшвовашь Плушона!
По силѣжъ общаго нашуры всей закона
И для дѣшей моихъ довольно будешъ васъ. —
И скушалъ въ разъ!

*

Сказашь ли вамъ, друзья, сей басни изъ-
ясненье?
Кшо силенъ, шошъ и правъ; шомужъ кшо
слабъ, — мученье!

Волковъ.

Быки.

(Басня.)

Въ одной странѣ Быки примѣромъ дружбы слыли;
Они въ такомъ согласьи жили,
Что другъ отъ друга ни на шагъ,
И знать не знали, что есть страхъ.
Случитсяль звѣря имъ примѣтить,
Тотчасъ въ кружокъ, впередъ рога,
И сильнаго врага
Безъ трепета готовы встрѣтить.
И звѣри всѣ боялися Быковъ,
Особенножъ роговъ!
Да какъ же ихъ и небояться,
Скажите мнѣ?
Нехудо бы и въ нашей сторонѣ
Поболѣе роговъ остерегаться! . . .
Дослушайтежъ разсказъ:
Быки поссорились и врозь тотчасъ;
Вотъ о раздорѣ ихъ пошли повсюду толки:
Стекаются медвѣди, тигры, волки,
И сами львы къ Быкамъ пришли,
И какъ уже они кружка несоставляли,
Роговъ невыставляли,
А врозь гуляли,
То другъ за другомъ всѣхъ Быковъ перевели.

Симбирскъ.

А. Маздорфъ.

Пламя и Искра.

(Басня.)

„И Пламя, Пламя!“ Искра говорила:
„Какъ ты безжалостно! какихъ ты бѣдъ виной!
Трепещетъ все передъ тобой!
Ты многихъ разорило.
Ну, чтобъ умѣренно пылать?
Куда! средины ты никакъ не хочешь знать;
Что ни объемлешь — истребляешь,
И часто бѣдняка, лиша всего, съ сумой
Пускаешь!
Я не сходна съ тобой,
И этой мыслью восхищаюсь.
Смотри, какъ съ уголька, на уголекъ другой
Скромнехонько переливаюсь,
И никому, скажу безъ всякаго стыда,
Ни малаго не дѣлаю вреда.“
— Неспорю, — Пламя отвѣчаетъ:
Но вѣрно скажетъ цѣлый свѣтъ,
Что ты, не я, виною бѣдъ:
Вѣдь Пламя Искра же раждаетъ.

А. Маздорфъ.

Симбирскъ.

Судья и Сосѣдъ его.

(Быль.)

Сосѣда своего
Судья обѣдомъ угощая
И передъ нимъ похвастаться желая,
Спросилъ его:
„Ты въ изумленіи, пріятель, безъ сомнѣнья,
Отъ угощенья?
Признаться надобно, я нужды не терплю,
И угощать пріятелей люблю!
Неправдаль: сыто мы поѣли?“
А тотъ ему въ отвѣтъ: — Да сытилъ тѣ,
Которые въ Судѣ
У васъ дѣла имѣли?

А. Маздорфъ.

Симбирскъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Новое образованіе и совершенствованіе познаній философическихъ.

Академія, Лицей и Портикъ — вотъ славнѣйшіе въ древности храмы мудрости; но и тутъ сколько заблужденій, сколько предразсудковъ! — *Платонъ* очарователенъ, когда въ мирномъ уединеніи Музъ переливаетъ въ сердце мысли и чувства безсмертнаго Сократа о нравственности, о высокомъ назначеніи души, о Провидѣніи; или, какъ царедворецъ, утверждаетъ основу зданія общественнаго благоденствія. Но переселяясь въ міръ воображаемый, забываетъ людей, для которыхъ разсуждаетъ, людей со слабостями. — Обширныя свѣдѣнія Академіи еще болѣе распространились и возвысились въ Лицеѣ. *Аристотель* привелъ въ порядокъ всѣ сокровища долговременной опытности; но и великій образователь наукъ, обольщенный собственными успѣхами, почиталъ ученіе свое магическимъ жезломъ для всѣхъ случаевъ и обстоятельствъ жизни; онъ забылъ, что сіе

орудіе въ рукахъ простаго ума есть жалкая оборона. Произведенія сего Философа, который обнималъ всѣ части просвѣщенія, могутъ служить сокращенною енциклопедіей древнихъ; но не могутъ руководствовать умъ въ сужденіяхъ. — Ученіе Портика есть ученіе высокое, но вмѣстѣ и суровое. Для добродѣтели быть нечувствительнымъ ко всѣмъ красотамъ вселенной, которыми наслаждаемся посредствомъ чувствъ, значитъ ли быть добродѣтельнымъ? и можетъ ли человѣкъ бороться съ сими вожделѣнными ощущеніями, которыми Природа наградила его для блаженства въ жизни? Строгая *Философія Зенонова* заставляла человѣка забывать, что онъ человѣкъ, и налагала на него оковы; но много ли охотниковъ носить и золотое бремя? Гдѣ же та философія, которую Цицеронъ называетъ строительницею городовъ, изобрѣтательницею искусствъ и наукъ, спутницею къ истинѣ и добродѣтели?

Наконецъ умъ человѣческій, послѣ многихъ усилій, взошелъ на вершину горы трудной опытности: семнадцатый вѣкъ произвелъ трехъ преобразителей Философіи: *Бакона* въ Англіи, *Декарта* во Франціи, *Лейбница* въ Германіи. Сіи три генія, одаренные высокими умами, образованные обширными свѣдѣніями, какъ великіе герои, оставили соотечественникамъ немерцаемую славу

мудрости. Они прежде всего ищутъ Аріадниной нити въ началѣ познаній; но раздѣляясь въ самомъ началѣ, шествуютъ по разнымъ путямъ. Баконъ изслѣдываетъ Природу и все относитъ къ опытности; Декартъ предается глубокимъ размышленіямъ и все извлекаетъ изъ своихъ сужденій; Лейбницъ занимаетъ между ими средину. Первой научаетъ познавать, второй мыслить, третій мысли приводитъ въ порядокъ.

Ученіе Лейбницево имѣло одинакую участь съ новѣйшимъ критицизмомъ Кантовымъ; *Декартово* торжествовало не долго; но *Баконово* разлилось повсюду и какъ плодоносное древо распространилось на многія отрасли: это благотворный свѣтильникъ, озарившій новѣйшія времена. Сей вѣкъ есть вѣкъ торжественнаго возобновленія Философіи. Геній, преобразившій всѣ науки, направившій умъ на путь истины — сей геній, какъ чудесное явленіе, предвозвѣщенъ былъ важными изобрѣтеніями и открытіями: уже компасъ руководствовалъ мореплавателей; уже зрительная труба открыла тайны небесъ Копернику, Галилею, Тихобрагу; уже опредѣлялись законы Механики и Оптики. Баконъ, свидѣтель сихъ первыхъ успѣховъ наблюдательнаго ума, предсказываетъ новые, быстрые успѣхи. Изъ частныхъ наблюденій выводитъ общія заключенія, замѣчаетъ,

сравниваетъ, разсуждаетъ; какъ завоеватель, на поприщѣ наукъ даетъ имъ законы, распространяетъ ихъ предѣлы и всѣ части приводитъ въ порядокъ: онъ становится основателемъ новаго Лицея, Аристотелемъ новѣйшихъ временъ.

Великой начинатель новаго просвѣщенія, увидѣвъ, что Философія предшественниковъ его не служила къ счастію народному — увидѣвъ съ одной стороны дерзской емпиризмъ, съ другой слѣпой догматизмъ, объяснилъ всѣ заблужденія, раздѣлилъ искусства и науки и открылъ прямой путь къ изобрѣтеніямъ. Основаніе величественнаго зданія Философіи его есть *наблюденіе*; предметъ ея: *изслѣдовать способности и показать употребленіе ихъ.* „Прежде всего должно разсмо„трѣть вещи, сравнить ихъ, расположить; „и тогда можно достигнуть до начальныхъ „истинъ; тогда только возвышаются науки, „которыхъ основаніе опытность, а верши„на — сіи общія истины: Философія долж„на быть объясненіемъ Природы.“ Такъ разсуждаетъ Баконъ. *Опытная Философія* дополняетъ недостатокъ идеализма и матеріализма, заимствуя отъ каждой системы положенія, служащія основаніемъ. Раціонализмъ и Емпиризмъ были въ то время равно неполныя ученія: первое ограничивалось сужденіями идеальными, второе не могло по дѣйствіямъ видимымъ дѣлать за-

ключеній о причинѣ невидимой: Опытная Философія соединила и сіи двѣ системы. Скептицизмъ и догматизмъ — двѣ крайности — слабость и дерзость; одна система все разрушаетъ, другая все сооружаетъ: Опытная Философія поставляетъ сомнѣніе стражемъ при сужденіяхъ и соглашаетъ силу съ благоразуміемъ.

Ни одна секта, можетъ быть, кромѣ Сократовой, не произвела столько великихъ талантовъ, сколько Бэконова, секта Опытной Философіи. Въ ней Философы научились наблюдать Природу человѣка, изслѣдывать начало познаній въ его способностяхъ. Въ ней Математики и Физики получили свѣтъ для наблюденій своихъ. И сколь блистательны успѣхи ума! *Гассенди*, удивляясь, по словамъ его, героическому предпріятію Бэкона, первый раскрываетъ его ученіе и первый излагаетъ образцовую *Логику*. *Локкъ*, *Кондильякъ*, *Даламберъ* и *Боннетъ* оказываютъ важныя услуги Метафизикѣ, озаряютъ сію мрачную часть Философіи изслѣдованіемъ способностей души. *Нравственная Философія* получаетъ прочное основаніе трудами *Гаррингтона*, *Готчесона*. — Ученію новаго Лицея слѣдуютъ въ Германіи: *Тширнгаузенъ*, *Томазій*, *Гравесанде*; во Франціи: *Дюмарсе*, *Вовенаргъ*, *Бюффонъ*, *Фонтенель*, *Томасъ*; въ Англіи: *Шефтсбюри*, *Рейдъ*, *Беати*, *Фергюссонъ*,

Смитъ, *Стюертъ* и самъ великій *Нютонъ*.

Подъ руководствомъ сей Философіи *Галилей* изслѣдываетъ движеніе маятника и ускоренное паденіе тѣлъ; *Торичелли* показываетъ тяжесть воздуха; *Гарвей* убѣждаетъ въ кругообращеніи крови; *Гюгенсъ* совершенствуетъ телескопъ; *Левенгекъ* помощію микроскопа узнаетъ послѣднія тайны Природы; *Рюшъ* дѣлаетъ новыя открытія въ Анатоміи; *Боиле* творитъ Опытную Физику; *Мальпиги* разсматриваетъ строеніе растѣній; *Галлей* утверждаетъ теорію кометъ; *Кассини* опредѣляетъ теченіе Меркурія; *Брадлей* подчиняетъ законамъ склоненіе звѣздъ; великій *Нютонъ* разлагаетъ лучь свѣта, показываетъ взаимное тяготѣніе міровъ и вмѣстѣ съ *Кеплеромъ*, кажется, застаютъ Природу въ обращеніи свѣтилъ небесныхъ. Вотъ торжественная похвала Образователю новой *Опытной Философіи!*

Постепеннымъ наблюденіямъ сей Философіи одолжены всѣ науки великими открытіями. Она, согласуя всѣ системы, окрыляетъ и возвышаетъ умъ, удовлетворяетъ всѣмъ его потребностямъ, безпрерывно возрастающей дѣятельности, жадному любопытству и величію; утверждаетъ нравственность, даруя истинѣ незыблемую, твердую основу на нрав-

ственномъ чувствѣ; совершенствуетъ всѣ искусства и науки, занимая умъ изученіемъ Природы и размышленіемъ, и соединяя воображеніе съ разсудкомъ; поставляя себя среди всѣхъ наукъ, опредѣляетъ ихъ взаимное отношеніе и назначаетъ предѣлы теоріи и практикѣ. Невыгода Опытной Философіи, какъ и вообще мудрости и добродѣтели, состоитъ только въ ея скромности: въ ней нѣтъ ничего таинственнаго, ничего такого что обыкновенно возбуждаетъ страсть въ послѣдователяхъ и воспламеняетъ воображеніе; правила ея просты и согласны съ разсудкомъ: она-то есть богиня мудрости, прославленная Цицерономъ; она-то истина, которую Діогенъ искалъ со свѣтильникомъ; а Демокритъ, не нашедши ее, говорилъ, что она сокрыта на днѣ колодезя.

Такимъ образомъ, обозрѣвая судьбу Философіи въ продолженіи многихъ вѣковъ и въ различныхъ странахъ, не льзя не сказать вмѣстѣ съ Фонтенелемъ: „Сколько странностей должны бы мы повторить, если бы древніе не предупредили насъ!“ Логика не можетъ ввести человѣка въ храмъ истины, не показавъ пути, исполненнаго предразсудковъ и заблужденій, по которому прежніе мудрецы шествовали. Не удивительно, что иные, не находя въ сектахъ согласія, и утомившись въ изслѣдованіи истины, говорили сло-

вами Еклезіаста: Вся наша мудрость суета. Но самыя заблужденія ума служатъ ему лучшею наукой, предостерегая его въ сужденіяхъ, раскрывая человѣческія страсти и объясняя всѣ пружины дѣйствій. Притомъ, чтобъ познать истину, должно самому избѣгать заблужденій; ея свѣтъ для многихъ ослѣпителенъ. Отъ того, думаю, столько несогласія даже въ одномъ понятіи о цѣли и предметѣ Философіи. Одни разумѣютъ подъ названіемъ Философовъ странныхъ Діогеновъ, убѣгающихъ общежитія; другіе указываютъ на гордыхъ Схоластиковъ, презирающихъ все, кромѣ философскаго жезла своего; есть и Философы самозванцы, которые, вооружась именемъ Люкреція, Дидерота, мечтаютъ о правѣ на завидное титло *любителя мудрости.* Такъ все прекрасное, все превосходное измѣняется самолюбіемъ; такъ мудрость иногда облекается въ тайное обольщеніе, становится орудіемъ соблазна, и сладостное здравіе ея превращается въ горькую отраву жизни.

Изъ сего обозрѣнія различныхъ мнѣній, слѣдуя великимъ испытателямъ человѣка, можно сказать, что *предметъ Философіи есть просвѣщеніе ума истиной и образованіе сердца добродѣтелію.* Философъ изслѣдываетъ Природу и пользуется сокровищами ея для блаженства жизни. Онъ наблюдаетъ чело-

вѣка въ разныхъ странахъ, вѣкахъ и обстоятельствахъ, и все лучшее въ нравахъ и обычаяхъ обращаетъ въ собственную пользу и въ пользу ближнихъ. Въ семъ-то смыслѣ Цицеронъ называетъ Философію *строительницею городовъ, изобрѣтательницею искусствъ и наукъ, спутницею къ истинѣ и добродѣтели.*

Какая польза отъ Философіи? еще въ старину спрашивалъ у мудреца одинъ добродушный простолюдинъ. *Она учитъ,* сказалъ Философъ, *добровольно дѣлать то, что другіе дѣлаютъ изъ принужденія.* — Прекрасный отвѣтъ! Кто можетъ благоговѣть предъ Провидѣніемъ болѣе Философа, постигающаго премудрость и благость Его? кто можетъ уважать законы верховной власти болѣе Философа, вѣдающаго спасительную пользу ихъ и посвящающаго благу человѣчества всю жизнь свою? кто можетъ быть сострадательнѣе и добрѣе Философа, знакомаго съ человѣческимъ сердцемъ, знающаго слабости его и добродѣтели? А надежный свѣтильникъ на мрачномъ пути жизни — а твердая опора въ дѣйствіяхъ? — Это также дѣло Философіи. Она вездѣ вѣрная подруга. Человѣкъ мыслящій никогда не можетъ быть несчастливъ. И уже этаго недовольно ли за труды, какіе понести должно, достигая храма мудрости?

Деде.

О обязанностяхъ Ізраелита къ Государству и Отечеству (*).

Обязанности Ізраелита вразсужденіи Государства и Отечества заключаются въ слѣдующихъ трехъ главныхъ пунктахъ:

a) Въ уваженіи къ начальству,
b) въ исполненіи государственныхъ законовъ,
c) въ вѣрности къ Отечеству.

Начальство уважать значитъ: верховнаго Владѣтеля Государства, пекущагося подобно чадолюбивому отцу о благѣ и счастіи своихъ подданныхъ, любить, оказывать ему истинное высокопочитаніе, и во

(*) Почитаемъ статью сію любопытною по двумъ отношеніямъ: во первыхъ какъ памятникъ Еврейской, едва по слуху извѣстной намъ словесности; во вторыхъ какъ важное историческое свидѣтельство. Вотъ что пишетъ о ней почтенный Переводчикъ: „Отрывокъ сей взятъ изъ второй Главы превосходной учебной Еврейской книги, изданной въ пользу Еврейскаго юношества обоего пола извѣстнымъ господиномъ *Бенъ-Зевомъ* подъ заглавіемъ: *Iесуде Гадасъ.* Онъ содержитъ въ себѣ обязанности Еврея, какъ человѣка вообще и какъ Ізраелита въ особенности, и переведенъ по поводу предложеннаго мнѣ вопроса: *Преподаются ли Еврейскому юношеству понятія о обязанностяхъ къ Государству и Отечеству?*"
Рдръ.

кіхъ отношеніяхъ воли его слѣдовать и повиноваться. Сіе самое разумѣется также и о всѣхъ другихъ властяхъ въ Государствѣ, какъ то: Министрахъ, Судіяхъ, Военачальникахъ, словомъ о всѣхъ прочихъ начальствующихъ особахъ и чиновникахъ, избранныхъ для содѣйствія Верховной Власти въ подвигѣ правленія, и посредствомъ коихъ миръ, покой и безопасность всѣхъ и каждаго водворяются и хранятся. Всѣмъ симъ особамъ долженъ Ізраелитъ не только повиноваться, но душевно уважать ихъ, и молиться объ ихъ благополучіи. *Молись* (сказано въ Масехтъ-Авосъ глав. 2) *о благоденствіи начальства; ибо, еслибъ не было страха, многіе изъ людей готовы были бы другъ друга поглощать живыми* (*).

(*) Для любопытныхъ сообщаю здѣсь отрывокъ молитвы, читаемой нынѣшними Евреями, съ приличною церемоніей, всякую субботу во всѣхъ Синагогахъ о благоденствіи Царя и Начальства, подъ покровительствомъ коихъ они живутъ.

„Дающій Князямъ области и помощь Царямъ дарующій, Царство Коего есть Царство всѣхъ вѣковъ, пролагающій пути „на океанѣ и стези на водахъ непостоянныхъ, „спасшій раба своего Давида отъ меча злодѣйскаго, да благословитъ, сохранитъ, защититъ, оборонитъ, возвыситъ и возвеличитъ *Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ нашего АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, Самодерж-*

Второй долгъ Ізраелита, какъ человѣка, есть существующіе государственные законы знать и исполнять ихъ во всей точности; не только явно, но и втайнѣ даже не нарушать оныхъ; поелику государственные законы суть вѣрнѣйшія правила гражданскаго общежитія: они опредѣляютъ и заключаютъ въ себѣ права каждаго члена общества; ими охраняется собственность всѣхъ и каждаго отъ насильства и похищенія зломыслящихъ; они опредѣляютъ должныя подати и необходимые налоги, посредствомъ коихъ каждой членъ государства способствуетъ къ общеполезнымъ

„*ца Всероссійскаго!* Да будетъ правленіе ЕГО „знаменито и достохвально во вѣки!

„Царю Царей! защити и обороня ЕГО „Твоею мощною десницею; сохрани ЕГО отъ „всѣхъ бѣдъ, золъ и печалей; покори подъ ЕГО „Скипетръ народы; да падутъ сопостаты „въ болѣзни и страхѣ ницъ предъ лицемъ „ЕГО; и куда ни обратится ОНЪ, да обрящетъ благоденствіе!

„Царю Царей! всели неограниченнымъ милосердіемъ Твоимъ въ сердце ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, всѣхъ Министровъ и Судей состраданіе къ намъ и ко всему Дому Ізраиля! да „поступаютъ великодушно съ нами; да обрящетъ Іудея помощь въ ЕГО времена и наши, а Ізраиль да пребудетъ подъ Скипетромъ ЕГО безопасенъ; да пріидетъ Искупитель нашъ во славѣ! О, да будетъ на сіе „воля Твоя, Господи! Аминь."

устройствамъ и заведеніямъ, Верховною Властію предпринимаемымъ.

При точномъ соблюденіи государственныхъ постановленій и законовъ, долженъ еще каждой Ізраелитъ особенное вниманіе свое обращать на то, чтобы

I. Опредѣленныя законами подати и налоги въ свое время, добровольно, безъ справедливаго понужденія, вносимы были; ибо, какъ уже выше упомянуто, цѣль ихъ есть общеполезныя устройства и заведенія въ Государствѣ.

II. Пошлину на ввозъ и вывозъ чрезъ границу товаровъ ни подъ какимъ предлогомъ неутаивать, и наконецъ

III. Не торговать запрещенными товарами. Законъ, возбраняющій ввозъ въ Государство иностранныхъ издѣлій, споспѣшествуетъ отечественной промышленности и лучшему обороту денегъ внутри онаго; а потому никто изъ Евреевъ не долженъ общественными выгодами жертвовать частной. Вообще возбраняется предпринимать втайнѣ все то, что явно законами запрещено, и что влечетъ за собою наказаніе; ибо если кто втайнѣ какой-либо изъ законовъ государственныхъ нарушаетъ, хотя бы и успѣлъ избѣгнуть явнаго наказанія, никакъ неизбѣгнетъ онъ за проступокъ свой гнѣва Господа Бога, святая воля Коего есть та, чтобы законы

государственные, подобно святымъ Его законамъ, были исполняемы ненарушимо.

Быть вѣрнымъ Отечеству есть одна изъ священнѣйшихъ обязанностей каждаго человѣка, слѣдственно и каждаго Ізраелита. Ізраелитъ долженъ любить тотъ край, гдѣ онъ родился и воспитанъ; долженъ высоко чтить его, гордиться могуществомъ его и славою, всѣми силами своими жертвовать его благу. Государство подобно тѣлу, изъ многоразличныхъ членовъ составленному, изъ коихъ каждой имѣетъ свое особенное предназначеніе, свою должность. Какъ члены сіи различными дѣйствіями своими служатъ къ сохраненію цѣлаго, такъ точно должны всѣ жители Государства соединенными силами содѣйствовать къ сохраненію и пользѣ онаго. Угрожаетъ ли непріятель нападеніемъ, мужественные и бодрые Ізраелиты должны на гласъ призывающаго ихъ Владѣтеля немедленно явиться, должны стать въ ряды прочихъ соотчичей своихъ, должны мечемъ и грудью защитить Отечество и Отца онаго, изливающаго на нихъ свои благости. Всякой Ізраелитъ долженъ идти и карать дерзкаго непріятеля, грозящаго возмутить покой и благоденствіе возлюбленнаго Отечества. Неспособные остаются дома, охраняютъ внутренность, приношеніями и пожертвованіями своими дополняютъ издержки, необходи-

мыя въ таковыхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ духовенство да молитъ Царя Царей о благополучіи ратующихъ.

И такъ, то Государство, въ предѣлахъ коего Израелитъ получилъ бытіе свое и воспитаніе, — Государство, гдѣ исповѣданіе древней вѣры его терпимо, гдѣ различные промыслы и торговля наровнѣ съ прочими гражданами ему невозбраняются и защищаются законами, словомъ, то Государство, гдѣ онъ пользуется совершеннымъ правомъ человѣка и гражданина, есть истинное Отечество его.

Что каждой Ізраелитъ, невзирая на ожиданіе *Мессіи*, доколѣ еще непришелъ сей Искупитель, край рожденія и воспитанія своего долженъ признавать истиннымъ Отечествомъ и во всѣхъ гражданскихъ обязанностяхъ принимать участіе, тому научаетъ его Священное Писаніе изъ слѣдующаго происшествія. Когда Ізраелиты лишились древняго отечества своего, Земли Обѣтованной, когда были въ первой разъ покорены и отведены въ плѣнъ Вавилонскій; то хотя Богъ чрезъ Пророка своего (*) и обѣщалъ имъ по[illegible] семидесятилѣтняго существованія Вавилонскаго Царства паки воспомянуть о народѣ Ізраильскомъ и возвратить его

(*) Іеремій XXIX, 11.

въ отчизну; при всемъ томъ была святая воля Его (какъ видно изъ посланія Пророка Іереміи къ Старѣйшинамъ плѣнныхъ Іудеевъ отведенныхъ Навуходоносоромъ въ Вавилонъ), чтобы Ізраелиты, не взирая на таковое обѣщаніе, во все время плѣна своего почитали себя какъ бы природными гражданами Вавилона и во всѣхъ отношеніяхъ благоустройства гражданскаго брали участіе. „Стройте домы," глаголетъ Господь Цебаатъ (*) „и живите въ нихъ; насаждайте сады и „вкушайте плоды ихъ; рождайте дѣтей, давайте сыновьямъ вашимъ женъ, а дочерямъ „мужей, дабы и они сыновей и дочерей раждали, умножались, и тѣмъ способствовали бы ко благу того государства, гдѣ „теперь обрѣтаетесь. Молитесь о благополучіи его, поелику счастіе ваше отъ „благоденствія его зависитъ." — И такъ, каждой Израелитъ изъ сего легко заключить можетъ, что когда воля Господа Бога была, чтобы возлюбленный народъ Его, даже имѣвъ надежду на прекращеніе плѣна послѣ семидесяти лѣтъ, почиталъ Вавилонъ природнымъ своимъ отечествомъ; то еще болѣе нынѣшніе Ізраелиты, лишившіеся уже тому осмнадцать вѣковъ своего отечества и невидящіе луча надежды къ возвращенію въ оное когда-либо, — еще болѣе должны почитать истин-

(*) Іереміи XXIX, 5 и слѣд.

ымъ своимъ Отечествомъ то Государство, въ которомъ они не какъ плѣнные живутъ въ Вавилонѣ, но уважаются наровнѣ съ прочими гражданами.

Ни религія Израелитовъ, ни самые обряды ихъ, умножившіеся отъ обстоятельствъ и претерпѣнныхъ гоненій, не могутъ ни въ какомъ отношеніи препятствовать имъ точно исполнять, подобно прочимъ народамъ, обязанности гражданскія. Мирное время, званіе, родъ жизни нѣкоторыхъ Евреевъ не препятствуютъ имъ въ точности исполнять свои обряды; но гдѣ Отечество, польза ближняго, оборона своей и общей собственности требуютъ: тамъ всякой Израелитъ можетъ съ доброю совѣстію уступить необходимости и слѣдовать примѣру своихъ соотчичей древнихъ, примѣру предковъ, которые подвигами благочестія имена святыхъ отцевъ заслужили. Повѣствуютъ Талмудисты (*), что Израелиты во время походовъ своихъ въ Палестинѣ и завоеванія земли Ханаанской по необходимости употребляли пищу, строго возбраняемую религіею, неисключая даже и свинаго мяса. *Маккавеи* — сія храбрая, истинно набожная фамилія, прославившаяся любовію къ отечеству во всѣхъ народахъ, когда надлежало защищать край свой и низвергнуть иго Царя Антіоха Епифана, осквернившаго храмъ Бо-

(*) Смотр. въ *Талм.* Трактатъ *Хилинъ* гл. 1 стран. 17.

жій—Маккавеи сражались въ самые субботные дни (*), несмотря, что день субботы есть одинъ изъ древнѣйшихъ и священнѣйшихъ праздниковъ Еврейскихъ, въ которой возбраняется не только упражняться въ промыслахъ и работѣ, но даже употреблять огонь для варенія пищи, даже удаляться отъ жилища своего разстояніемъ болѣе двухъ сотъ локтей. Таковые поступки древнихъ Ізраелитовъ, впрочемъ весьма точныхъ въ исповѣданіи вѣры праотеческой, научаютъ всякаго благомыслящаго Ізраелита, что онъ можетъ и долженъ съ доброю совѣстію, безъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ строгихъ Раввиновъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ общая польза Государства требуетъ, по необходимости уволить себя на время отъ исполненія не только теперешнихъ обрядовъ, но даже древнихъ догматовъ религіи, съ тѣмъ чтобы при обстоятельствахъ благопріятныхъ онымъ обрядамъ снова отданы были первыя права ихъ.

Съ Еврейск. Мгзнръ.

Въ началѣ Февраля 1818 года.

Кіевъ.

(*) 1 Книги Макав. IX, 45, 47.

О Банкахъ.

(Окончаніе.)

Такимъ образомъ слѣдовало наступить *четвертой* епохѣ, доставившей всѣ удобства купеческимъ оборотамъ. Торговля, уже твердая на своемъ подножіи изъ битой монеты, получила еще прочность отъ вновь явившагося *кредита*. Чѣмъ былъ *кредитъ* съ самаго начала? Онъ былъ не что иное какъ взаимное между торгующими народами довѣріе, соединявшее многихъ людей, раздѣленныхъ великимъ пространствомъ. Посредствомъ кредита люди различныхъ климатовъ, исповѣданій, нарѣчій сдѣлались, такъ сказать, членами одного семейства, которые, будучи соединены союзомъ общей пользы, охотно вѣрятъ одинъ другому, и въ случаѣ нужды взаимно помогаютъ другъ другу.

Дошло наконецъ до того, что одна подпись купеческаго дома замѣняла собою огромные капиталы и почиталась за наличную монету. Въ слѣдствіе того открылись въ разныхъ странахъ домы банкировъ, во всякое время готовые платить наличныя деньги за бумаги съ упомянутою выше подписью, или лучше сказать за ассигнаціи, присылаемыя изъ городовъ самыхъ отдаленныхъ. Появились общественные Банки, которые подъ защитою

кредита сдѣлались надежнымъ хранилищемъ достоянія частныхъ людей, источникомъ пособій какъ для правительства, такъ и для граждань, а для торговли — стихіею.

При такихъ обстоятельствахъ деньги сдѣлались уже почти излишними въ оборотахъ торговли. Бумага заступила ихъ мѣсто подъ разными названіями; ибо оказалось, что въ торговыхъ дѣлахъ она имѣетъ передъ ними важныя преимущества. Напослѣдокъ бумага превратилась въ самыя деньги, то есть бумажныя деньги начали представлять собою звонкую монету. Что же сему ничтожному листку могло сообщить достоинство серебра и золота? Кредитъ, общественное довѣріе. Но еще спрашивается отъ чего могло родиться во всѣхъ такое довѣріе? Отъ увѣренности, что за оный листокъ надежнымъ поручительствомъ служатъ наличныя деньги, хранимыя въ общественной казнѣ, или въ желѣзномъ сундукѣ какого нибудь Банка.

Такого поручительства ничто замѣнить не можетъ, ни государственныя богатства, ни слово Владѣтеля, а еще болѣе постановленія; ибо гдѣ являются малѣйшіе признаки насилія, тамъ *кредитъ* исчезаетъ, бумага уносится вѣтромъ, а капиталы выходятъ изъ государства, или же внутри его скрываются; тамъ внутреннее обращеніе теряетъ свои пружины, и политическое тѣло, обманутое

въ своихъ надеждахъ, начинаетъ страдать и чахнуть.

Такова сила *кредита*; при немъ все возносится, безъ него все клонится къ упадку. Ничто не оживитъ его, кромѣ наличной монеты, хранимой для его безопасности и зависящей отъ его повелѣній.

По сей-то причинѣ никакія бумаги, подъ благовиднѣйшими названіями выходящія изъ казны общественной, никакія торжественныя между частными людьми записи (les papiers promesses), наконецъ никакіе залоги не могутъ быть душею Банка; ибо не могутъ они замѣнить банковаго билета, не могутъ быть одного свойства съ бумажными деньгами. Банковой билетъ и бумажныя деньги имѣютъ то отличительное свойство, что какъ бы нѣкоторою волшебной силою, по волѣ своего хозяина, тотчасъ превращаются въ звонкую монету; напротивъ того закладная всякаго рода запись есть не что иное какъ только *срочная* бумага; по ней въ извѣстный срокъ уплачиваютъ деньги; она не можетъ быть превращена въ деньги во всякое время, когда бы ни захотѣлъ того ея предъявитель.

Разные писатели утверждаютъ, что обмѣнныя (вексельныя) бумаги (*) извѣстны

(*) Слово *бумага* здѣсь употреблено въ смыслѣ *письменнаго документа*.

уже были въ Аѳинахъ; что онѣ были въ употребленіи у Аравитянъ, въ Китаѣ и проч. Дѣло очень возможное: мысль существенное достоинство металла замѣнить вещію мнимаго достоинства легко могла родиться въ головѣ, занятой торговыми расчетами. Находимъ въ економическихъ сочиненіяхъ Аристотеля, что Азійскіе Аристократы при недостаткѣ настоящихъ денегъ выпускали въ обращеніе монету, неимѣющую никакого внутренняго достоинства (monnoies de confiance), увѣривши напередъ публику, что мнимыя сіи деньги какъ въ обществѣ, такъ и въ самой казнѣ принимаемы будутъ за настоящія.

Сей способъ помогать своей нуждѣ весьма ненадеженъ. Минутныя пособія сего рода надолго истощаютъ силы политическаго тѣла. По тому-то оные старинные примѣры никакъ не могутъ равняться нынѣшней кредитной системѣ, или правиламъ, на которыхъ учреждаются нынѣшніе Банки. Если же гдѣ нибудь заведенія сіи ослабѣли въ своихъ дѣйствіяхъ, или и совсѣмъ пришли въ упадокъ; виною тому были плачевныя слѣдствія войны, ужаснѣйшаго бича, которымъ Небо во гнѣвѣ своемъ караетъ міръ нравственный.

Въ которое время и какъ первоначально изобрѣтены обмѣнныя бумаги, и гдѣ именно сперва были онѣ въ употребленіи, въ етомъ ученые несогласны между собою. Одни при-

писываютъ изобрѣтеніе ихъ временамъ непамятной древности; другіе изгнанію Жидовъ изъ какого-то государства. По видимому, должно согласиться со мнѣніемъ г-на *Макферсона*, полагающаго, что векселя появились въ первой разъ 1255 года по поводу взятыхъ у Папы взаймы денегъ Едмундомъ, вторымъ сыномъ Короля Англійскаго, Генриха III, которой обязался уплатить должную сумму; а чтобы она вѣрно дошла до рукъ Папы, для сего придумано Сіеннскимъ и Флорентинскимъ купцамъ дать векселя на Англію. Такимъ образомъ переведены были въ Римъ деньги, выплаченныя тамъ Англійскими Прелатами. — Заподлинно также неизвѣстно, въ какой странѣ въ первой разъ были учреждены Банки; большею частію думаютъ, что начало свое получили они въ Венеціи. О семъ повѣствуютъ слѣдующее: Въ 1171 году Венеціанская республика, изнемогши подъ бременемъ войны, которую вела противу Имперіи Восточной, должна была прибѣгнуть къ принужденному займу, столь обыкновенному въ наше время. Правительство обѣщало выдавать по четыре процента вкладчикамъ, которые для полученія своего дохода обыкновенно собирались въ извѣстное время въ особо назначенномъ для того зданіи. Сіе-то зданіе послѣ сдѣлалось вмѣстилищемъ Венеціанскаго Банка, который, обогатившись доходами акцій, не переставъ быть въ прежнихъ

отношеніяхъ съ правительствомъ, и напослѣдокъ превратился въ казну, уплачивающую всякіе векселя и условія купеческія. Надобно думать, что сей-то именно Венеціанской Банкъ, при недостаткѣ наличныхъ денегъ, началъ пускать въ обращеніе *билеты*, которые, будучи оживлены кредитомъ, сдѣлались главною пружиною торговли, рукодѣлій, промышленности, и обогатили Венецію.

Равнымъ образомъ нужды правительства были поводомъ къ учрежденію величайшаго Банка въ Европѣ, именно Англійскаго. Издавна распространившаяся въ землѣ сей торговля уже обогатила многихъ частныхъ людей, которые и захотѣли составить особливое товарищество или сословіе (corporatio). Правительство исполнило ихъ желаніе: постановленіемъ Парламента въ 1694 году утверждено товарищество банковое, которому тогда же присвоены разныя преимущества. Сіе было поводомъ, что богачи, по разнымъ обстоятельствамъ не хотѣвшіе держать при себѣ капиталовъ своихъ, клали ихъ въ новоучрежденномъ Банкѣ. По сей причинѣ Банкъ началъ называться *сохраннымъ* (Banque de Depot). Скоро послѣ учрежденія своего онъ далъ въ займы правительству 1,200,000 фунтовъ стерлинговъ; послѣ не одинъ разъ въ случаѣ нужды не отказывалъ ему въ своей помощи, и потому справедливо почитал-

ея весьма полезнымъ и весьма важнымъ орудіемъ государства. Кромѣ того еще Банкъ сей былъ сильною пружиною въ торговыхъ дѣлахъ для людей частныхъ, уплачивая по векселямъ извѣстныхъ домовъ купеческихъ. Наконецъ кругъ дѣйствія его распространился и на чужіе краи, на Голландію, Гамбургъ, гдѣ для выгодъ общей торговли оказывалъ помощь домамъ купеческимъ, клонившимся къ упадку. Внутренніе же купцы, положившіе капиталы свои въ Банкъ, довольствуются одними его билетами, которые въ обращеніи имѣютъ достоинство металла.

О Банкѣ семъ пространно въ первый разъ писалъ г-нъ Смитъ во 2 Томѣ извѣстнаго своего творенія. Подобный ему еще въ 1609 году былъ учрежденъ въ Амстердамѣ, единственно для выгодъ торговли, а отнюдь не для ссуды правительству въ случаѣ надобности, какъ то дѣлалось въ Англіи. Каждой капиталистъ отдавалъ въ Банкъ сей весьма значительныя денежныя суммы, будучи въ совершенной увѣренности, что при первомъ востребованіи получитъ ихъ обратно въ звонкой монетѣ; ибо въ священную обязанность Банку поставлено было никому и ни подъ какимъ предлогомъ недавать въ займы наличными деньгами. Вѣрность сему правилу засвидѣтельствована была во время войны Голландіи противъ Лудовика XIV: въ 1672

году, когда Монархъ сей находился уже въ Утрехтѣ, Банкъ, по требованію капиталистовъ, безъ малѣйшаго замѣшательства, каждому изъ нихъ выдалъ обратно положенную сумму. — По примѣру Амстердамскаго на такомъ же основаніи и городъ Гамбургъ учредилъ у себя подобный Банкъ 1619 года.

Вообще всѣ государства заводили у себя Банки какъ частные, такъ и общественные. Генуа подала примѣръ всей Италіи. Франція, обманутая системою извѣстнаго *Лава*, въ продолженіе 60 лѣтъ не хотѣла слышать о банковыхъ билетахъ; уже въ 1776 году компанія капиталистовъ, съ дозволенія правительства, открыла *Банкъ обращенія* (Banque de circulation), ссужавшій деньгами на векселя. Билеты сего Банка имѣли весьма хорошій кредитъ, были охотно принимаемы и долгое время поддерживали внутреннюю торговлю.

Подобные *Банки обращенія* и такъ называемые *билеты довѣрія* (billets de confiances) размножались въ другихъ государствахъ. Не обошлась безъ нихъ и сама Испанія, богатѣйшая всѣхъ рудокопнями. — Марія Терезія въ семилѣтнюю войну выпустила *билетовъ довѣрія* на 12,000,000 рейхсъ-талеровъ. — Къ такой же операціи прибѣгала и Пруссія въ разныя времена, а особливо въ 1765 году, когда учрежденъ Банкъ Берлинскій.

Не упоминая о прочихъ, почитаемъ достойнымъ примѣчанія Банкъ Стокгольмскій, учрежденный правительствомъ 1657 года. Составивъ изъ взятыхъ заимообразно денегъ капиталъ въ 300,000 талеровъ, онъ выдалъ кредиторамъ своимъ не акціи, но росписки на четыре процента съ обязательствомъ уплачивать суммы предъявителямъ тотчасъ по востребованія. Главнѣйшимъ основаніемъ прибытковъ сего Банка было то, что онъ давалъ въ ссуду за шесть процентовъ не только подъ залогъ недвижимаго имѣнія, но и подъ ручные заклады. Такимъ образомъ по существу своему онъ былъ въ одно и то же время *Банкомъ обращенія*, *Банкомъ ссудъ ньымъ* и *Ломбардомъ*. Онъ управляемъ былъ въ такомъ порядкѣ и съ такою точностію, что не смотря на множество претерпѣнныхъ Государствомъ бѣдствій, по смерти Карла XII весь капиталъ Банка простирался до 5,000,000 талеровъ.

Наконецъ еще есть Банки *размѣнные*. Въ нихъ касса выплачиваетъ предъявителю бумажныхъ денегъ звонкою монетою; ибо деньги бумажныя, имѣющія равное достоинство съ металломъ, равныя доставляютъ и выгоды оборотамъ торговымъ, разумѣется, если есть за нихъ упомянутое выше поручительство, а именно выкупная касса въ звонкой монетѣ.

ванія, существующіе подъ другими названіями, сколь ни были бы различны въ своихъ измѣненіяхъ, обыкновенно въ главныхъ основаніяхъ бываютъ сходны съ выше упомянутыми, будучи одного съ ними свойства.

(Сокращ. изъ P. W.)

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Прежнее состояніе Польскаго Царства (*).

Княжество Варшавское, послѣ того какъ Правительство должно было изъ него удалиться, осталось въ сиротствѣ и нуждѣ, которыя тѣмъ еще болѣе были ощутительны, что приближеніе войскъ Россіи возбуждало въ жителяхъ боязнь, весьма естественную по причинѣ войны, какая ведена была противъ сей Имперіи. Тогда попечительность Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ, желая

(*) Сія и слѣдующая статьи взяты изъ Отчета, Министромъ внутреннихъ дѣлъ и полиціи, господиномъ Мостовскимъ, читаннаго въ первомъ Сеймовомъ общемъ засѣданіи Сената и Палаты депутатовъ 27 Марта 1818.

успокоить умы встревоженные, повелѣла Фельдмаршалу Князю Кутузову издать прокламацію отъ 6 Января 1813 года, которою обѣщана безопасность лицамъ и имуществу какъ жителей, такъ и чиновниковъ Княжества; послѣдніе приглашены безостановочно отправлять свои должности; предводителямъ войскъ Россійскихъ предписано не только уважать гражданскія начальства, но и давать имъ помощь въ случаѣ нужды. Такимъ образомъ возстановленъ порядокъ въ департаментахъ, и жители могли уже безопасно замѣчать ласковость въ обращеніи какъ съ собою, такъ и съ чиновниками своими, кротость и снисхожденіе касательно своихъ обстоятельствъ и отношеній къ Его Величеству Королю Саксонскому, — заботливость, чтобы войска Россійскія долго въ землѣ сей неоставались, и чтобы они какъ можно въ меньшемъ количествѣ переходили черезъ столицу, которая наиболѣе потерпѣла при послѣднихъ происшествіяхъ, — наконецъ могли замѣчать примѣрный порядокъ и строгую дисциплину при первомъ ихъ вшествіи въ Варшаву.

Начальства департаментовъ, хотя возвращенныя уже къ прежнимъ занятіямъ своимъ, немогли однакожъ дѣйствовать однообразно, за недостаткомъ главнаго правительства. Учрежденъ Верховный временный Совѣтъ, и Поляки, извѣстные гражданскими добродѣте-

лями, непоколебимою привязанностію къ землѣ отечественной, приглашены были принять участіе въ его составѣ. Правила, оному Совѣту предписанныя, явили уже первое поручительство въ намѣреніяхъ своего Виновника. Прокламаціи Его отъ 3 и 5 Апрѣля удостовѣряли жителей Княжества, что новоучрежденное Правительство вовсе не желаетъ нарушать введенныхъ уставовъ и распоряженій, нежелаетъ отдалять чиновниковъ природныхъ для замѣщенія ихъ чужеземцами; что вознамѣрилось хранить все прежде бывшее; удержать при должностяхъ не только тѣхъ особъ, которыхъ застало на мѣстѣ, но и призвать обратно тѣхъ, которыя удалились; увѣряли, что никакое преслѣдованіе, никакое насиліе, никакое самовольное дѣйствіе, ниже взятіе кого-либо подъ стражу небудутъ имѣть мѣста. И всѣ обѣщанія сіи исполнены въ точности.

Излишне и прискорбно было бы нынѣ возобновлять въ памяти совершенное изнеможеніе, нужды, малолюдство, оное плачевное состояніе нашего края, до какого былъ онъ доведенъ тогда безпрестанными пожертвованіями, которыми принужденнымъ находился участвовать въ войнахъ отдаленныхъ и разорительныхъ, — удовлетворять нуждамъ безчисленнаго войска, коимъ былъ наводняемъ, — удерживать себя на военной степе-

ія, превосходящей всѣ его силы; доведенъ былъ продолжительнымъ моромъ, въ городахъ и селахъ начавшимся въ слѣдствіе заразы и болѣзней, которыя распространились отъ неосторожнаго учрежденія и перемѣщенія гошпиталей. Для облегченія толикихъ бѣдствій, Верховный Совѣтъ, руководствуясь правилами своими, учредилъ при себѣ центральный Комитетъ, составленный изъ Членовъ Совѣта каждаго департамента, которые должны были изъяснять нужды и желанія народныя. По ихъ представленію весь край снабженъ солью; дозволено ввозить заграничные товары и оживлена торговля внутренняя; прекращена дача мясной и винной порціи солдату; предписано довольствовать резервное войско съѣстными припасами, привозимыми изъ Россіи; главнымъ Интендантамъ запрещено дѣлать въ департаментахъ всякаго рода поборы какъ плодами земли, такъ и деньгами; взысканіе недоимочныхъ податей остановлено до 1 Іюня 1813 года; скоро потомъ изданнымъ въ Труа Указомъ Императорскимъ отъ 1 Февраля 1814 го уничтожены подати съ продажи въ деревняхъ напитковъ, съ патентовъ, съ душъ, что все, по объявленію Верховнаго Совѣта, простиралось до 8 милліоновъ злотыхъ. Въ скоромъ времени ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, въ бытность Свою въ Пулавахъ, соблаговолилъ освободить жителей Княжества

отъ двойной подымной подати; желая сверхъ того возстановить землепашество, истощенное доставленіемъ скота на разныя потребности и провозы военные, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ Высочайше повелѣть изволилъ роздать земледѣльцамъ около 5000 лошадей, оставшихся въ арміи ЕГО послѣ распущеннаго Ополченія.

Войско Варшавскаго Княжества томилось въ столь же несчастномъ состояніи. Храбрые ратники его большею частію находились въ плѣну военномъ. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ явилъ имъ особое покровительство: всѣмъ дарована свобода и способы возвратиться подъ кровъ отечественный. Такъ, въ самое то время, когда Польское войско увидѣло совершенную перемѣну своего счастія, являемое остаткамъ его снисхожденіе служило доказательствомъ того уваженія, которое имѣли къ несчастной его храбрости. Еще за долго до окончательнаго рѣшенія судьбы Варшавскаго Княжества войску сему предоставлена была его организація, денежные оклады, степени, знаки отличія; оно содѣлалось предметомъ особенныхъ попеченій Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ и ЕГО достойнаго Брата, въ Особѣ котораго имѣло честь получить себѣ Главнаго Начальника.

Во все продолженіе переговоровъ на Вѣнскомъ Конгрессѣ, медленныхъ, трудныхъ

по причинѣ множества и важности дѣлъ, которыя надлежало согласить и привести въ порядокъ, жребій Польши не былъ выпускаемъ изъ виду. Единственно неутомимости и доброхотнымъ вразсужденіи насъ намѣреніямъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА мы обязаны всѣмъ тѣмъ, что получили, и что по многимъ отношеніямъ превосходитъ надежды, какія могли мы питать въ себѣ съ самаго начала.

Когда Европа снова подняла оружіе для войны, которой окончанія предвидѣть было никакъ не можно, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, будучи уже законнымъ Государемъ Польскаго Царства, простеръ внимательное свое снисхожденіе столь далеко, что край нашъ и войско освободилъ отъ всякаго участія въ новомъ походѣ. Содѣлавшись ЦАРЕМЪ Польскимъ, первое свое попеченіе направилъ къ учрежденію Временнаго Правительства, составленнаго изъ его Намѣстниковъ. Та же милосердая попечительность, которая руководствовала при выборѣ Членовъ Верховнаго Совѣта, располагала и назначеніемъ Членовъ Временнаго Правительства. Почти всѣ прежніе чиновники приглашены были къ служенію, даже и тѣ которые не воспользовались опредѣленнымъ для возвращенія срокомъ. Всѣ прежнія постановленія остались въ своей силѣ. И еще до появленія новой Конституціи, долженствовавшей распространить

привилегіи народа, предварительно опредѣлены главныя ея основанія, свидѣтельствовавшія о законной свободѣ, предвѣщавшей прочную безопасность будущей судьбѣ нашей, тогда же объявленной Правительству, въ тѣхъ правилахъ, съ которыми оно должно было сообразаться въ отправленіи дѣлъ по власти, ему ввѣренной.

Нынѣшнее состояніе Царства Польскаго (*).

Исцѣливъ такимъ образомъ многія раны и дозволивъ намъ питаться новыми надеждами, Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ соизволилъ явить себя благодарному народу въ своей Столицѣ, и въ 15 день Ноября 1815 г. даровать ему ту Хартію Конституціи Польскаго Царства, которой съ сего времени надлежало располагать нашимъ жребіемъ, и преимущества коея передъ Статутомъ Конституціи Варшавскаго Княжества равно очевидны — преимущества въ разсужденіи правъ народныхъ, общаго обезпеченія неприкосновенности личной, свободы совѣсти и мнѣній, безопасности имущества, особеннаго покровительства Католическому исповѣданію безъ нарушенія правъ,

(*) Оттуда же.

другимъ исповѣданіямъ присвоенныхъ, — преимущества въразсужденіи привилегій народнаго представительства, принадлежностей Сейма и судебной власти,, члены коея, одни безсмѣнные, другіе отъ выбора зависящіе, въ мнѣніяхъ своихъ и дѣйствіяхъ не подлежатъ никакому вліянію Правительства.

Нѣкоторые пункты оной Конституціи, кратко здѣсь предлагаемые, покажутъ, сколько ею дополнено того, что не внесено было въ Статутъ Варшавскаго Княжества, или же умышленно въ немъ пропущено. Она возвращаетъ Польскому Царству бытіе безопаснѣйшее, спокойнѣйшее, присоединяя его къ судьбѣ могущественной Имперіи. Она показываетъ, а слѣдственно и опредѣляетъ, способъ и правила дѣйствій Верховной Власти. Она ручается за свободу книгопечатанія и прочно обезпечиваетъ личную неприкосновенность. Она дозволяетъ каждому Поляку свободно переселяться съ своимъ имуществомъ. Всякая собственность, какого бы ни было рода и названія, признана священною и неприкосновенною; ни чья власть ни подъ какимъ предлогомъ нарушать ее не можетъ, и посягающій на чужую собственность будетъ почтенъ за нарушителя общественной безопасности. Должности Предсѣдателей Судилищъ первой инстанціи, Воеводскихъ Коммиссій, Трибуналовъ Апелляціонныхъ, должности Членовъ Воеводскихъ

Совѣтовъ, Представителей на Сеймѣ, также Сенаторовъ должны быть поручаемы единственно владѣльцамъ недвижимыхъ имѣній. Каждой чужестранецъ, предъявивъ права на гражданство, тотчасъ начнетъ пользоваться покровительствомъ законовъ и всѣми выгодами, наравнѣ съ прочими жителями; можетъ, подобно имъ, приобрѣтать недвижимое имѣніе въ Царствѣ, жить въ немъ, выѣхать, опять возвратиться. Преемники ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на престолѣ Польскомъ имѣютъ, яко Цари, вѣнчаться въ Столицѣ и давать присягу въ храненіи Конституціи. Всѣ указы и постановленія Царскія будутъ засвидѣтельствованы Министромъ, Начальникомъ своего департамента, отвѣтствующимъ за все, что могло бы въ нихъ находиться противнаго Конституціи и законамъ. Правила касательно регентства допускаютъ Поляковъ къ выбору Членовъ, изъ которыхъ оное состоять долженствуетъ; отъ сихъ послѣднихъ требуется присяги, и на нихъ же возлагается отвѣтственность за нарушеніе Хартіи. Опредѣленія Государственнаго Совѣта, коими предаются суду чиновники, или опредѣляется принадлежность дѣлъ судебныхъ, немедленно должны быть исполняемы, неподлежа утвержденію Монарха, или Намѣстника. Засѣданія Сейма продолжаются 30 дней, между тѣмъ какъ прежнимъ Статутомъ для нихъ только 15 дней было назначено. Не-

прикосновенность Членовъ Сейма обезпечена на все время, пока отправляютъ они свою должность. Его принадлежности нынѣ гораздо обширнѣе, нежели какими были по силѣ Статута: Сеймъ можетъ разсуждать о проектахъ законовъ внутренняго управленія, о проектахъ законовъ касательно перемѣнъ въ принадлежностяхъ къ должностямъ и ко властямъ установленнымъ Конституціею; онъ можетъ принимать представленія, донесенія, отзывы земскихъ пословъ и депутатовъ, можетъ доводить ихъ до Монарха чрезъ посредство Государственнаго Совѣта, и потомъ разсуждать о проектахъ законовъ, по поводу всѣхъ выше упомянутыхъ представленій. При Сеймѣ находится Коммиссія законовъ коренныхъ, и измѣняемыхъ, которой неимѣлъ онъ подъ прежнимъ Правительствомъ. Нынѣ Члены Сейма могутъ свободно говорить о нуждахъ народа. Члены Государственнаго Совѣта неимѣютъ права подавать голоса на Сеймѣ, если неимѣютъ они званія Сенатора, Земскаго посла, или Депутата. Посольская Палата имѣетъ право обвинять Министровъ, Государственныхъ Совѣтниковъ, Референдаріевъ за ихъ злоупотребленія, а Сенатъ дѣлаетъ опредѣленіе о преданіи ихъ суду. Постановленіе о доходахъ и расходахъ Государства лишается своей силы по прошествіи четырехъ лѣтъ, если бы Сеймъ не былъ созванъ въ сіе время. Сенатъ на каж-

дое упразднившееся мѣсто своего Члена; чрезъ посредство Намѣстника, представляетъ Царю двухъ Кандидатовъ. Ни кто не можетъ быть представленъ Кандидатомъ къ званію Сенатора или Посла, не достигшій опредѣленнаго закономъ возраста и неплатящій извѣстной подати. Царь, распустивши Сеймъ, въ теченіе двухъ мѣсяцовъ даетъ повелѣніе о выборѣ новыхъ Пословъ и Депутатовъ. Малые Сеймы и приходскія собранія назначаютъ Членовъ въ Совѣты Воеводскіе, не прибѣгая къ утвержденію Монаршему; они же составляютъ и спискѣ Кандидатовъ для должностей по части администраціи. Принадлежности Совѣтовъ Воеводскихъ также распространены именно тѣмъ, что они избираютъ судей для двухъ первыхъ инстанцій, и что составляютъ и пересматриваютъ общіе списки Кандидатовъ для мѣстъ администраціи. Увеличено число Трибуналовъ первой инстанціи и апелляціонныхъ. Верховный Трибуналъ состоитъ частію изъ Сенаторовъ. Сеймовое судилище составлено изъ всѣхъ Членовъ Сената: оно разсматриваетъ государственныя преступленія и вины первостепенныхъ чиновниковъ. Монархъ назначаетъ военную силу соотвѣтственно доходамъ, показаннымъ въ реестрѣ о финансахъ. Доходы Царя получаются единственно съ Коронныхъ имѣній, съ дворцовъ Царскаго и Саксонскаго въ Варшавѣ. Прежній Статутъ Княжества предо-

ставлялъ еще въ пользу Государя наличными деньгами три съ половиною милліона злотыхъ, ежегодно отпускаемыхъ изъ Государственнаго Казначейства. Конфискація навсегда уничтожена. Коренные статуты, также законы гражданскіе и уголовные могутъ быть измѣняемы, или вовсе отмѣняемы, неиначе какъ самимъ Государемъ вмѣстѣ съ обѣими Палатами Сейма.

Такимъ образомъ, когда побѣдоносные въ послѣдней войнѣ народы Европейскіе донынѣ еще съ верховными властями своими ищутъ, какія бы принять основанія правительства, наиболѣе соотвѣтствующія ихъ выгодамъ, Провидѣніе восхотѣло, чтобы мы, слабые и побѣжденные, почти прежде всѣхъ уже два года пользовались благодѣяніями Конституціи, заключающей въ себѣ соразмѣрныя нашему положенію, самыя благоразумнѣйшія правила, соединенныя съ важными уроками столѣтій. Ежели сія Хартія, всегда охраняемая нашею любовію и уваженіемъ, будетъ исполняться съ такою вѣрностію, какой желаетъ Августѣйшій Творецъ ея; если мы передадимъ ее потомству цѣлою, ненарушенною: то никакое общество человѣческое не будетъ лучше обезпечено отъ безначалія и самовольства, никакой народъ не будетъ имѣть болѣе правъ на счастіе. Таково желаніе, такова есть воля Того, Кто даровалъ намъ коренные законы.

Великій примѣрЪ сей, данный однимЪ изЪ могущественнѣйшихЪ Монарховъ, неоспоримо доказываетЪ, что побѣда не освободила, но существенно низвергла тираннію, и что Власть просвѣщенная сама вводитЪ вновь, или возстановляетЪ господство разума, законовЪ и свободы, свободы, коея имя толикократЪ раздавалось подЪ сводами сея храмины; свободы, которая весьма часто бывЪ смѣшиваема сЪ развратомЪ своевольства, потомЪ издыхавшая подЪ ударами безначалія и подЪ бременемЪ крамолЪ, возвращается нынѣ кЪ намЪ, сопутствуемая опытомЪ и несчастіемЪ; она оживлена и воздвигнута на непоколебимомЪ основаніи справедливости и порядка десницею того великодушнаго Побѣдителя, противу Котораго, по чуждымЪ навѣтамЪ, ратовало безсильное мужество наше. БудемЪ достойны даровЪ Его, будемЪ знать имЪ цѣну; и первыя совѣщанія возрожденнаго отечества нашего убѣдятЪ Царей вЪ той истинѣ, что правила представительнаго правленія суть вѣрнѣйшіе поручители ихЪ могущества; а народы узнаютЪ, что слѣдствіями оныхЪ правилЪ, предписываемыхЪ нашею Хартіей и Статутами, которыя служатЪ дополнительными кЪ ней объясненіями, будутЪ общественное спокойствіе безЪ изнеможенія, повиновеніе безЪ подлости, законная свобода безЪ употребленія во зло оной.

IV. СМѢСЬ.

Маленкій споръ (*).

Ф. Помилуйте, государь мой: что вы такъ пристрастны къ Нѣмцамъ? Не уже ли никто написалъ ихъ лучше и не былъ ихъ умнѣе?

Н. Да, сударь; люблю Нѣмецкую Поезію и предпочитаю ее Французской.

Ф. Французской? возможно ли? — Вольтеръ! Расинъ!

Н. Вольтеру я противупоставлю Гете, и Расину Шиллера; другихъ невужно и сравнивать.

Ф. Кто былъ етотъ Гете? кто такой Шиллеръ? я и неслыхалъ объ нихъ.

Н. Помилуйте! Первый еще живетъ въ семъ свѣтѣ и наслаждается плодами своей славы; а другой. . . Какъ незнать ничего о писателѣ, который былъ украшеніемъ своего вѣка, коего творенія сильно дѣйствовали на

(*) Въ одномъ обществѣ мнѣ случилось подслушать разговоръ г-на Ф. съ г-номъ Н. Пришедши домой, немедленно я записалъ слышанное, и сей маленькій споръ отдаю на судъ читателей. С.

сердца и умы современниковъ, и который проложилъ себѣ новый путь къ славѣ и безсмертію?

Ф. Позвольте: не онъ ли написалъ драму *Сынъ любви?*

Н. Совсѣмъ нѣтъ, государь мой; Шиллеръ писалъ только трагедіи.

Ф. Позвольте: будучи въ Парижѣ, я видѣлъ на театрѣ Нѣмецкую трагедію, кажется, *Разбойничій атаманъ*; изрядная піеса.

Н. Да; Шиллеръ въ молодости своей написалъ трагедію Разбойники; на Французскомъ театрѣ узнать ее не можно: тамъ ее исказили.

Ф. Какое же сравненіе съ Расиномъ?

Н. Ежели судить безпристрастно; то геній Шиллера, можно сказать, есть выше генія Расинова. Расинъ заимствовалъ содержаніе своихъ трагедій отъ древнихъ, Шиллеръ изобрѣталъ самъ; Расинъ есть подражатель, а Шиллеръ творецъ.

Ф. Помилуйте; не уже ли ваша трагедія Разбойники можетъ ровняться съ Расиновой Федрой?

Н. Нимало; я сказалъ вамъ, что Шиллеръ написалъ эту піесу въ первомъ жару молодыхъ лѣтъ. Въ ней много есть поразительныхъ сценъ, удивительныхъ картинъ, и піеса вообще дышетъ пламеннымъ слогомъ: но есть недостатки въ ходѣ и представленіи

дѣйствія. — Между тѣмъ я укажу вамъ на другое произведеніе Шиллерова генія, на Донъ Карлоса, — и необинуясь. . .

Ф. Вы говорите мнѣ о такихъ сочиненіяхъ, которыхъ я не читалъ и незнаю. Повѣрю ли я, чтобы онѣ не уступали Федрѣ?

Н. Я весьма уважаю Расина въ его Федрѣ; на ней утверждена его слава; въ ней видѣнъ писатель превосходный. Но согласитесь сами, что не всѣ трагедіи Расиновы стоятъ Федры, — между тѣмъ какъ Шиллеръ во всѣхъ своихъ піесахъ одинаковъ: тотъ же пламень чувства, та же завязка въ дѣйствіи, тѣ же поразительныя сцены, то же быстрое теченіе слога!

Ф. А какою мѣрою писаны его трагедіи? Я слыхалъ, что Нѣмцы пишутъ мѣрою особливою.

Н. Нѣкоторыя трагедіи писалъ онъ прозою.

Ф. Прозою! Ха! ха! ха! Трагедія въ прозѣ: вотъ забавно! И вы нестыдитесь выставлять его на ряду съ первымъ писателемъ Французскаго театра? Не уже ли можетъ быть хорошая трагедія въ прозѣ?

Н. Когда есть, — то и быть можетъ. Развѣ непремѣнно надобно для трагедіи набирать шестистопные стихи и приставлять къ нимъ рифмы? Достоинство драмматическаго писателя заключается не въ стихахъ, а въ изобрѣтеніи и ходѣ дѣйствія. У Шил-

лера всегда почти сцена въ движеніи; зрителю засыпать нѣтъ времени.

Ф. Но посмотрите на древнихъ: у нихъ нѣтъ трагедій въ прозѣ.

Н. Конечно; у древнихъ былъ вѣкъ, у насъ другой. Не странно ли бы показалось нынѣ выводить на сцену хоръ въ трагедіи, почерпнутой изъ новѣйшихъ временъ? — Притомъ, языкъ древнихъ весьма далекъ отъ новѣйшихъ. Что значитъ однообразіе Французскихъ стиховъ передъ мѣрою древнихъ? — И такъ лучше писать прозою, лишь бы избѣжать скуки и однообразія. — Впрочемъ самая стихотворная проза, которою писаны трагедіи Шиллера и Гете, отлична отъ прозы обыкновенной.

Ф. Вы насказали множество такихъ вещей, кои растолковать трудно. Нѣмцы умничаютъ только, а хорошаго въ нихъ мало. У нихъ видишь на сценѣ всячину: колдовство, рѣзанье, громъ, молнію, бунтъ, сраженіе. —

Н. Милостивый государь! Вникайте въ Природу и жизнь человѣческую; да прочитайте внимательно тѣ сочиненія, о коихъ судите.

Ф. Что вы меня учите? Развѣ Расинъ и Вольтеръ незнали Природы и сердца человѣческаго?

Н. Безъ сомнѣнія знали; но къ чему такое пристрастіе, такое ослѣпленіе? Разсуждайте по собственному чувству.

Ф. Оставайтесь съ вашими Нѣмецкими трагедіями; а мнѣ пора быть въ театрѣ: сегодня даютъ Заиру.

Н. Позвольте; мы еще неговорили о Вольтерѣ.

Ф. Послѣ когда нибудь.

Н. Мы неговорили о другихъ родахъ Поэзіи; на прим. о лирической.

Ф. Послѣ.

Н. О пастушеской и епической.

Ф. Послѣ, послѣ.

Н. Какъ вамъ угодно; прощайте.

С . . . кій.

Анекдоты.

(Изъ Encyclopedie comique.)

Капитанъ Б . . ., представясь къ Генриху IV, просилъ у него отставки слѣдующимъ дерзкимъ образомъ: „Государь! три слова: *денегъ, или отставку!*" Генрихъ отвѣчалъ ему такъ же лаконически: — Капитанъ! четыре слова: *ни того, ни другаго!* — Нѣсколько дней спустя, Король наградилъ его соотвѣтственно ревностной и долговременной его службѣ.

*

Мембургъ, славный Езуитъ 17 го столѣтія, не сочинялъ ничего, прежде неразгорячивши виномъ своего воображенія; особенно же

при описаніи сраженій онъ выпивалъ гораздо болѣе, сказывая пріятелямъ, что беретъ предосторожность, дабы не испугаться ужасовъ баталіи.

❉

„Какая разница между Француженками и Италіянками?" спросили нѣкоторыя дамы извѣстнаго артиста Берненя. — Мнѣ кажется — отвѣчалъ онъ — разница только въ томъ, что въ жилахъ Итальянки течетъ кровь, а Француженки молоко! —

❉

„Вы очень нездоровы;" говорилъ лѣкарь молодому человѣку, проводившему жизнь въ распутствѣ, и наконецъ узнавшему вредныя послѣдствія своихъ шалостей: „но неопасайтесь, не умрете: въ тридцать лѣтъ Натура еще дѣйствуетъ!" — Удвойте, удвойте лѣта — возразилъ больной: я жилъ и ночь и день. —

❉

„Будучи столь искусны въ Анатоміи," сказалъ нѣкто славному оператору *N*: „вы должны знать и вылѣчивать болѣзни безъ затрудненія!" — Казалось бы такъ; — отвѣчалъ послѣдній: — но къ несчастію мы походимъ на разнощиковъ афишекъ, которымъ извѣстны всѣ улицы, но не извѣстно, что въ домахъ дѣлается. —

❉

Нѣкто прислалъ къ Вольтеру свою трагедію и просилъ объявить о ней откровенно

свое мнѣніе. Вольтеръ, прочитавъ піесу, надписалъ на оберткѣ: „Трудность состоитъ не въ сочиненіи подобной трагедіи, но въ отвѣтѣ сочинителю."

*

Новая актриса, игравши въ Лондонѣ Леди Анну въ трагедіи *Ричардъ Третій*, забыла роль, и нѣсколько разъ повторяла слова: *Ахъ! когда я успокоюсь?* — „Никогда, если не заплатишь 30 шиллинговъ, которые должна мнѣ!" закричалъ изъ партера одинъ изъ ея заимодавцевъ.

*

Нѣкоторая дама, прочтя *Мегалантропогенезію* или искусство раждать умныхъ и великихъ людей, сказала: „Несчастливъ сочинитель, что его отецъ незналъ сего секрету!"

*

Скупой сказалъ слугѣ своему, — который скоро и много ѣлъ и напротивъ медлительно исполнялъ свою должность, особливо при посылкахъ: „Если ты хочешь у меня служить, то ѣшь ногами, а ходи на зубахъ."

*

Ремесленникъ низкаго происхожденія страстно влюбился въ дочь славнаго Рубенса, который не хотѣлъ и слышать, чтобъ дочь его была за человѣкомъ вовсе неизвѣстнымъ и безъ отличныхъ дарованій. — Отказъ нелишилъ бодрости ремесленника; онъ началъ

учиться живописи, и на нѣсколько лѣтъ отправился путешествовать для усовершенія себя въ семъ художествѣ. Побывавъ во многихъ городахъ, славящихся изящными искусствами, и занимаясь прилѣжно снятіемъ копій съ оригинальныхъ, образцовыхъ картинъ, онъ возвратился въ свое отечество весьма хорошимъ живописцемъ. Въ одно утро приходитъ онъ къ Рубенсу, и не заставъ его дома, нарисовалъ муху на картинѣ, которую Рубенсъ только что началъ. — Въ тотъ же день славный артистъ сбирается продолжать свою работу и видитъ муху; онъ сгоняетъ ее рукою, муха на мѣстѣ; въ другой разъ — муха не слетаетъ! Удивленный Рубенсъ всматривается и познаетъ свою ошибку. „Кто приходилъ безъ меня?" спрашиваетъ онъ у своихъ служителей, и ему отвѣчаютъ что *такой-то* ремесленникъ, кромѣ же его никто не приходилъ! — „Бѣгите, ищите его!" восклицаетъ Рубенсъ съ восторгомъ: „просите его ко мнѣ. . . Въ немъ дарованія, и дарованія удивительныя!" . . . Ремесленникъ является, и въ тотъ же день получаетъ руку своей возлюбленной.

*

Великій Конде, по неудачной осадѣ Лериды, посѣтилъ театръ. — Въ партерѣ сдѣлался отъ чего-то шумъ. Великій Конде, указывая полицейскому офицеру на одного, болѣе прочихъ шумѣвшаго человѣка, ска-

залъ: „Возьмите его!“ — Я называюсь *Лерида; меня трудно взять!*“ отвѣчалъ неизвѣстный, и скрылся въ толпѣ.

*

Нѣкто Біевръ (Французъ) столько прославился каламбурами, что когда обѣдалъ съ своимъ пріятелемъ и сказалъ ему: сдѣлай одолженіе, подай мнѣ салату, — послѣдній, долго ломавши голову, чтобъ добиться двусмысленности, наконецъ отвѣчалъ: вотъ уже етаго каламбура никакъ немогу понять!

*

У входа нѣкотораго театра было написано: здѣсь можно *видѣть* женщину *невидимку*.

Мысли и замѣчанія.

Любовь подобна жизни: въ началѣ своемъ имѣетъ болѣе удовольствій, нежели въ послѣдствіи.

Всѣмъ нравится простота въ одеждѣ; иные удивляются ей, очень немногіе подражаютъ и никто не завидуетъ.

Ротъ злыхъ людей походитъ на ящичекъ Пандоры; такіе же производитъ безпорядки и неудовольствія въ обществѣ.

Что такое привязываетъ къ жизни? Воспоминаніе ли прошедшаго, всегда съ сожалѣ-

ніемъ сопряженное? Настоящее ли наслажденіе, которое часто есть не что иное какъ отрава, или ожиданіе будущаго? Ахъ, последнее бываетъ более ея страхомъ, нежели надеждой! —

Не можно ли Фортуну уподобить молодой кокеткѣ? Также прелестна, также приманчива, вѣтрена, упряма, неразборчива и столь же многихъ имѣетъ искателей. —

Откровенность не есть ли одна изъ первыхъ добродѣтелей? Но къ несчастію, награда ей всегда худая! —

Жизнь многихъ женщинъ есть комедія въ трехъ дѣйствіяхъ; первое состоитъ въ любви, второе въ игрѣ, а третье въ ханжествѣ.

Смерть злыхъ людей подобна дурной комедіи, въ которой самое лучшее есть конецъ дѣйствія, послѣ коего опускается занавѣсъ.

Въ первой любви мы надѣемся всѣ обѣщанія, любимому предмету дѣлаемыя, въ точности исполнить; но влюбившись въ другой разъ, уже знаемъ, что можно все обѣщать, и ничего неисполнить.

А. Маздорфъ.

Симбирскъ.

Политическія происшествія.

Франція.

Въ слѣдствіе прибавленія къ трактату, 8 Ноября 1815 заключеному между союзными Державами, отъ Французскаго Правительства тогда же разосланы были во всѣ колоніи и гавани самыя строгія запрещенія производить торгъ Неграми; но безъ успѣха. Потомъ, 27 Декабря 1816, Король издалъ постановленіе, по которому всякое судно, привезшее *въ колоціи* Негровъ на продажу, будетъ секвестровано, а Капитанъ онаго отрѣшенъ отъ должности. Но какъ здѣсь неупомянуто уже о *гаваняхъ*, то и произошли многія злоупотребленія. Теперь признано за необходимое распространить силу закона на корабли, приходящіе съ Неграми не въ одни только колоніи, но и въ гавани Франціи. Министръ морскихъ силъ *Графъ Моле*, представляя въ Палатѣ Депутатовъ проектъ сего закона, говорилъ: „Просвѣщенные люди всѣхъ націй требовали въ теченіе истекшаго вѣка уничтоженія варварскаго торга, извѣстнаго подъ именемъ *торга Неграми*; долго не обращали вниманія на ихъ голосъ; тщетно Религія и Философія соединяли свои жалобы и усилія — намъ предоставлено было видѣть возрожденіе сего великодушнаго намѣренія вдругъ во всѣхъ народахъ, во всѣхъ Государяхъ. Намъ предоставлено было видѣть исполненіе сего желанія *Монтескью*, которое онъ изъявилъ въ безсмертной своей книгѣ и которое почиталъ, можетъ быть, тщетнымъ. „Для чего,“ восклицаетъ онъ „для чего *Европейскіе* Государи, заключая между собою столько полезныхъ договоровъ, не составятъ общаго

договора въ пользу милосердія и благочестія?" — *Вѣнскій* Конгрессъ, Господа, внялъ сему воззванію. Исторія и благодарное человѣчество сохранятъ навѣки знаменитое объявленіе отъ 27 Января 1815 года, въ которомъ всѣ *Европейскіе* Государи съ священнымъ и свободнымъ единодушіемъ защищаютъ дѣло нравственности и правосудія съ такимъ жаромъ, съ какимъ мудрецы всегда оныя защищали" и проч.

— Изчисленіе суммъ, которыя должна заплатить Франція по требованіямъ другихъ Державъ, приведено уже къ окончанію. Вся сумма вообще простирается до *тысячи семи сотъ милліоновъ* франковъ.

Англія.

Въ засѣданіи Нижней Палаты Парламента Лордъ Кастельре объявилъ, что для прекращенія торга невольниками и Король Нидерландскіи предоставляетъ Англичанамъ право осматривать Нидерландскія суда, употребляемыя для торговыхъ сношеній съ Африкою.

Испанія.

Въ Испаніи наложенъ былъ арестъ на имущество Французскихъ подданныхъ; теперь онъ будетъ снятъ. Мѣра сія не распространится однакожъ на Государственныя имущества, приобрѣтенныя во время правленія хищника, коихъ самая раздача была противна правамъ Короля законнаго.

— Въ Испаніи знаютъ навѣрное, что Россійская ескадра, прибывшая недавно въ Кадиксъ, отправится въ Америку съ значительнымъ количествомъ войска. Цѣль сей експедиціи есть принятіе во владѣніе Короля Испанскаго областей на Восточномъ берегу Ла-Платы, занятыхъ нынѣ Португальцами.

Мадритская Придворная газета распространяется съ достойнымъ предмета краснорѣчіемъ о томъ великодушіи, съ коимъ Императоръ Россійскій содѣйствуетъ возстановленію общественнаго порядка и законной власти не только въ Европѣ, но и въ южной части Новаго Свѣта. Для сей-то благонамѣренной цѣли прислалъ Онъ изъ дальняго Сѣвера свою ескадру, которая составляетъ столь важное пособіе для Испанцовъ.

Варварійскія области.

Между тѣмъ какъ продолжающіеся между Европейскими Державами переговоры о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ противъ морскихъ разбойниковъ угрожаютъ скорою бѣдою симъ варварамъ, Португальцы приняли уже твердое намѣреніе не пропускать Тунисскихъ каперовъ въ Океанъ изъ Средиземнаго Моря. Если такое предпріятіе увѣнчается желаннымъ успѣхомъ; то сіе уничтожитъ всѣ планы Варварійцовъ и доставитъ Ганзеатическимъ кораблямъ безопасное плаваніе въ западныхъ водахъ. Извѣстно, что Португальцы находятся въ войнѣ съ Варварійцами, и слѣдовательно суда первыхъ будутъ преслѣдовать всѣ каперы послѣднихъ, кои только дерзнутъ появиться при берегахъ ихъ, или въ Океанѣ.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Въ нынѣшнее время Австрія можетъ хвалиться многими женщинами, отличающимися на поприщѣ словесности. Большая часть изъ

нихъ занимается лирическимъ стихотворствомъ и романами. Если бы славная г-жа *Пихлеръ* вздумала испытать силы свои въ драматическомъ родѣ, то вѣроятно и въ сей отрасли словесности оказала бы такіе же успѣхи какъ и въ родѣ романовъ, которыми она столь много нравится публикѣ: въ етомъ служатъ порукой ея обиліе въ мысляхъ, точность въ понятіяхъ, пылкость воображенія, искусство слога. Одинъ изъ прекраснѣйшихъ ея романовъ, *Агаѳоклъ*, любимый Нѣмецкою публикой, переведенъ и на языки Англійскій, Французскій, Италіянскій. Кромѣ Габріели фонъ *Батсангъ*, весьма уважаемой за отличной талантъ ея, и *Терезы фонъ Мартнеръ*, извѣстной въ Австріи подъ именемъ *Твоны*, славятся нынѣ романами: *Марія Нейманнъ фонъ Мейсенталь*, *Фридерика Сусанъ* и знаменитая супруга ученаго историка, г-жа *Волтманнъ*. Къ нимъ можно бы еще причислить *Регину Фрогбергъ*. Она хотя чужестранка, однакожъ съ нѣкотораго времени выбрала Вѣну мѣстомъ всегдашняго своего пребыванія.

(*Biblioteca Italiana.*)

— Извѣстно, что Гренландія непочитается въ числѣ странъ облагодѣтельствованныхъ Натурою, и что жить въ ней не весьма пріятно; со всѣмъ тѣмъ природный обитатель сего отдаленнаго, льдистаго края имѣетъ обычай произносить съ гордостію древняго Римлянина: *Я Гренландецъ!* Не одному изъ нихъ говорено было объ удовольствіяхъ жизни Европейской; не одинъ изъ нихъ былъ принятъ въ Даніи весьма ласково: но Гренландецъ тоскуетъ по своемъ отечествѣ, и почти не хочетъ признать Датчанъ столь же счастливыми, какъ его однородцы. Находясь въ Копенга-

тенѣ, Гренландцы обыкновенно жалуются, что мало видятъ неба, что мало чувствуютъ стужи, что все дѣлается не по ихъ обычаямъ, и что богатые не помогаютъ бѣднымъ. Если кто выбранилъ своего слугу, они говорятъ: *Вы обходитесь съ людьми какъ со псами.* И кто въ Европѣ имѣетъ такое понятіе о правахъ собственности, какъ Гренландцы? Ежели кому нибудь изъ нихъ на отдаленномъ островѣ случится найти кусокъ выброшеннаго на берегъ дерева, годнаго на какое нибудь употребленіе, а Гренландецъ въ то же время взять его съ собою не можетъ; то онъ кладетъ на свою находку пару камней, и остается совершенно увѣренъ, что никто ее не тронетъ. Отъ того Гренландцы имѣютъ о себѣ весьма высокое мнѣніе. Одинъ изъ нихъ смѣло сказалъ Датчанину, которой хотѣлъ было пожурить его: „исправь напередъ своихъ соотечественниковъ, которые гораздо хуже насъ поступаютъ; а тамъ уже и на мнѣ спрашивай.“

— Отъ Царскаго Общества Друзей Наукъ въ Варшавѣ, на основаніи сдѣланнаго въ общемъ собраніи постановленія, объявлено въ тамошнихъ вѣдомостяхъ, что присылаемыя въ Общество сочиненія о *квадратурѣ круга*, о *раздѣленіи угла на три равныя части*, о *безпрестанномъ движеніи* (perpetuum mobile) и о подобныхъ тому матеріяхъ, впредь принимаемы не будутъ, а *будутъ отсылаемы обратно на счетъ сочинителей.* — Есть люди, которые, не зная цѣны времени, не только сами тратятъ его на мозголомныя, а въ самомъ дѣлѣ пустыя занятія, но еще и у другихъ стараются отнимать его безсвязными своими докуками, будучи твердо увѣрены, что все

выходящее изъ ихъ головы для общей пользы должно приводить въ затрудненіе и другія головы. Что иное остается дѣлать съ ними, какъ не объявить торжественно, что пустословіе сихъ господъ небудетъ читано!

— Живущій въ Венеціи ученый Грекъ Мустоксиди обѣщаетъ издать каталогъ весьма важнаго собранія Греческихъ рукописей, хранимыхъ монахами горъ Аѳонскихъ, и — нечитаемыхъ ими. Наша Сѵнодальная библіотека, богатая Аѳонскими рукописями, даетъ уже достаточное понятіе объ ученыхъ сокровищахъ монастырей Святогорскихъ. Остается желать, чтобы Мустоксиди съ такою же исправностію описалъ оныя, съ какою описаны Сѵнодальныя Греческія рукописи покойнымъ Профессоромъ Маттеемъ. Ученому свѣту извѣстна вся важность сего подвига, равно какъ и его польза.

— Ученые монахи Армянскіе Св. Лазаря, что близь Венеціи, печатаютъ Армянскій переводъ Евсевіевой Лѣтописи, сдѣланный *еще въ пятомъ* столѣтіи. До сихъ поръ извѣстны были только немногіе отрывки сего перевода.

— Вотъ еще важнѣйшее пріобрѣтеніе, а особливо для Германскихъ народовъ. Аббатъ *Анжело Маи*, одинъ изъ хранителей Амброзіанской библіотеки въ Медіоланѣ, прославившійся уже открытіемъ разныхъ сочиненій древнихъ авторовъ, вновь отыскалъ Посланія Св. Апостола Павла на *Мезоготскомъ* языкѣ, переведенныя въ *четвертомъ* вѣкѣ Епископомъ *Ульфилою*. Историки свидѣтельствуютъ, что сей Готскій Святитель перевелъ Библію, которой однакожъ въ Европѣ вовсе незнали.

Наконецъ въ семнадцатомъ столѣтіи появилась Упсальская, такъ называемая *серебряная книга* (Codex argenteus), заключающая въ себѣ значительную часть Евангелистовъ; она напечатана 1665 года Францискомъ Юніемъ. Потомъ въ Библіотекѣ Вольфенбиттельской найдены были нѣкоторые отрывки Павлова Посланія къ Римлянамъ, напечатанныя въ 1762 году съ любопытными примѣчаніями ученаго Книттеля. — Нынѣшняя находка важнѣе всѣхъ прежнихъ. — Епископъ *Улфила*, названный Моисеемъ своего времени, переводилъ Священное Писаніе на *Мезоготскій* языкъ по слѣдующимъ причинамъ. Готы, народъ многочисленный, вышедши изъ Скандинавіи, завладѣли сперва Сарматіею, потомъ Дакіей и простерли завоеванія свои даже до береговъ Евксинскаго понта. Большая часть ихъ, тѣснимая Гуннами, по дозволенію Императора Валента въ четвертомъ столѣтіи перешла Дунай и поселилась въ Мезіи (нынѣшней Булгаріи и Сербіи): отсюда названіе *Мезоготовъ*. Многія племена ихъ приняли христіанскую вѣру и имѣли своихъ Епископовъ. Готы въ сіе время начинали выходить изъ варварства, даже занимались ученіемъ, и узрѣли въ своемъ Улфилѣ то, чѣмъ для нашихъ Славянъ, спустя четыре вѣка, были Кириллъ и Меѳодій. — Кромѣ того Аббатъ Маи нашелъ еще нѣсколько отрывковъ древней Готской словесности, изъ которыхъ особенно важны части книгъ *Ездры* и *Нееміи* — *единственные* остатки Улфилина перевода Ветхаго Завѣта, по крайней мѣрѣ донынѣ извѣстные. По симъ открытіямъ вновь будетъ составленъ Мезоготскій словарь, которымъ обогатится языкъ Германскій, и въ которомъ, вѣроятно, найдутся мно-

тіе корни словъ, донынѣ бывшіе во мракѣ. Какая драгоцѣнная руда для Нѣмецкаго трудолюбія! Услуга Аббата Маи тѣмъ еще важнѣе, что Мезоготскія рукописи найдены имъ подъ другимъ новѣйшимъ письмомъ на томъ же пергаментѣ. Въ старину, за недостаткомъ сего вещества, въ случаѣ нужды прежде написанное стирали, чтобъ дать мѣсто новой матеріи (manuscripta palimpsesta). Наконецъ замѣтимъ, что открытыя рукописи принадлежатъ къ весьма отдаленной епохѣ — къ пятому, или шестому вѣку.

— Въ Великомъ Герцогствѣ Гессенскомъ обнародовано, что всякой владѣлецъ отнынѣ впредь *на своей* землѣ можетъ *разводить всякія деревья, какія заблагоразсудитъ*, и можетъ *пользоваться* ими какъ прочими земли своей произведеніями. — Не уже ли и для сего нужно дозволеніе?

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 8.
АПРѢЛЬ 1818.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

О Лютеровой Реформаціи (*).

(Изъ Робертсоновой Исторіи о Карлѣ V.)

Всѣ важныя послѣдствія реформаціи произошли отъ причинъ, по видимому случайныхъ и вовсе незначительныхъ. При вступленіи Льва X на Папскій престолъ церковные финансы были въ худомъ состояніи, — слѣдствіе обширныхъ плановъ, которымъ предавались честолюбивые предшественники его, Александръ VI и Юлій II. Новый Папа, отъ природы расточительный и предпріимчивый, былъ неспособенъ къ той строгой, терпѣли-

(*) *Сей отрывокъ въ переводѣ доставленъ Обществу Любителей Россійской Словесности, учрежденному при Ярославскомъ Демидовскомъ Училищѣ, однимъ изъ прежде бывшихъ жителей города Ярославля, нынѣ имѣющимъ пребываніе свое въ С. П. Бургѣ.*

вой бережливости, какая нужна въ подобныхъ обстоятельствахъ. Напротивъ, его стараніе о возвышеніи своего Дома, его склонность къ блеску и роскоши, его щедрость съ какою награждалъ искусства и науки, каждый день требуя новыхъ издержекъ, приводили финансы часъ отъ часу въ большее разстройство. Левъ X немогъ неупотреблять всѣхъ средствъ, какія въ то время были изобрѣтаемы духовенствомъ для умноженія своихъ доходовъ. Римская церковь учила, что святые угодники имѣютъ великій остатокъ отъ добрыхъ дѣлъ, нужныхъ для собственнаго ихъ спасенія; что сіи добрыя дѣла вмѣстѣ съ безконечными заслугами Іисуса Христа неистощимы; что они находятся въ распоряженіи Св. Петра и его преемниковъ — Папъ; что Папы могутъ раздавать ихъ за нѣкоторую сумму всѣмъ, кто желаетъ или для отпущенія своихъ грѣховъ, или для избавленія чужой имъ любезной души отъ мукъ *чистилища* (purgatorium). Сіи отпущенія, извѣстныя подъ именемъ *индульгенцій*, изобрѣтены въ XI столѣтіи Урбаномъ II для награды воиновъ, предпринимавшихъ богоугодный походъ въ Святую Землю. Потомъ они распространены на всѣхъ, кто нанималъ воина для сего же похода; потомъ на всѣхъ, кто нежалѣлъ денегъ для какого нибудь благочестиваго дѣла, Папою назначеннаго. Юлій II распространилъ ихъ на всѣхъ, кто давалъ деньги на

строеніе церкви Св. Петра въ Римѣ; и Левъ X, продолжая сіе величественное, безчисленныхъ издержекъ требующее сооруженіе, употреблялъ то же средство для той же цѣли.

Право объявлять отпущенія въ Германіи и вмѣстѣ участвовать въ сопряженныхъ съ тѣмъ выгодахъ было дано Майнцкому Курфирсту и Магдебургскому Архіепископу Алберту, который съ своей стороны для мѣлочной продажи ихъ въ Саксоніи избралъ Тетцеля, Доминиканскаго монаха, неимѣвшаго никакой нравственности, но отличнаго дѣятельнымъ умомъ и шумнымъ, для простаго народа пріятнымъ краснорѣчіемъ. При помощи монаховъ своего ордена Тетцель исполнялъ порученіе съ великимъ стараніемъ и успѣхомъ, но безъ умѣренности, безъ благоразумной осторожности. Превознося благодѣтельную силу отпущеній и назначая за нихъ цѣну самую малую, онъ распространилъ торговлю свою далеко среди легковѣрнаго народа; — но безразсудныя обѣщанія и низкіе поступки должны были произвести всеобщее неудовольствіе. Государи и дворянство не могли видѣть безъ негодованія, что ихъ вассалы подвергаются бѣдности для обогащенія расточительнаго Папы. Люди благочестивые сожалѣли о невинномъ заблужденіи народа, который, надѣясь на прощеніе грѣховъ, обѣщанное за деньги, не думалъ, что

ему нужна истинная вѣра и ея святыя добродѣтели. Самыя слабыя души смущались поведеніемъ Тетцеля, который вмѣстѣ съ своими товарищами, раздавателями отпущеній, употреблялъ на пьянство, на игру и на другія безчинства тѣ деньги, за которыя народъ съ добрымъ намѣреніемъ покупалъ у него вѣчное блаженство; — наконецъ всѣ осмѣлились желать, чтобы прекращена была торговля, столь вредная для общества и столь пагубная для самой вѣры. —

Такъ благопріятны были обстоятельства, такъ расположены были умы Германцовъ; они уже готовы были слушать Мартына Лютера, когда онъ явился на сцену съ своими сомнѣніями о силѣ *индульгенцій*, и съ своими строгими примѣчаніями о порочной жизни и ложномъ ученіи монаховъ, раздававшихъ сіи отпущенія. — Лютеръ родился въ Саксонскомъ городѣ Ейслебенѣ, въ состояніи бѣдномъ; но имѣлъ воспитаніе ученое, и еще въ школѣ показалъ необыкновенную твердость и остроту ума. Его душа была настроена къ мрачнымъ впечатлѣніямъ; онъ всегда предавался какой-то священной меланхоліи; любилъ уединеніе и строгую жизнь монашескую. Онъ удалился въ Августинскій монастырь, невнимая прозьбамъ родственниковъ и друзей, хотѣвшихъ остановить его въ предпріятіи, которое

почиталъ угоднымъ Богу, и совершенно посвятилъ себя сему ордену. Тутъ приобрѣлъ онъ отъ всѣхъ монаховъ великое уваженіе и своимъ благочестіемъ и своею любовію къ наукамъ и своимъ неутомимымъ упражненіемъ. Онъ имѣлъ лучшихъ учителей въ Схоластической Философіи и Богословіи, которыя тогда процвѣтали; — ему нестоило никакого труда понять ихъ тонкости и раздѣленія; но его разумъ, отъ природы здравый, презирающій все безполезное, скоро наскучилъ ими. Лютеръ обратился къ Священному Писанію: въ немъ искалъ основательныхъ свѣдѣній и благочестія. Онъ нашелъ въ своемъ монастырѣ рукопись Библіи; оставивъ другія упражненія, предался чтенію сему съ такою охотою и неутомимостію, что привлекъ на себя удивленіе всѣхъ монаховъ, незнавшихъ его источника идей богословскихъ. Его великіе успѣхи отъ сего необыкновеннаго упражненія увеличили славу и его непорочной жизни и его учености, такъ что Фридерикъ, Саксонскій Курфирстъ, основавшій въ Виттенбергѣ, своей столицѣ, Университетъ, сдѣлалъ его Профессоромъ сначала Философіи, потомъ Богословіи, и Лютеръ почитался лучшимъ украшеніемъ сего ученаго общества.

Лютеръ былъ уже на верху своей славы и обладалъ всею народною довѣренностію, когда Тетцель явился съ индульгенціями

въ окрестностяхъ Виттемберга, и началъ проповѣдывать ту же воображаемую ихъ силу, которой слѣпо вѣрилъ непросвѣщенный народъ въ другихъ мѣстахъ. Тетцель имѣлъ успѣхи чудесные; ибо мракъ невѣжества еще покрывалъ Саксонію, подобно другимъ странамъ Германіи. Лютеръ страдалъ при видѣ столь гнуснаго обмана съ одной стороны, и столь слѣпаго заблужденія съ другой; онъ уже не вѣрилъ тому, что̀ объ отпущеніяхъ говорилъ Ѳома Аквинасъ и другіе Схоластическіе ихъ защитники, ибо Священное Писаніе, которое началъ онъ признавать великимъ правиломъ богословскихъ истинъ, неоправдывало ихъ системы, разрушающей и вѣру и нравственность. Лютеръ, съ пылкимъ и стремительнымъ умомъ, немогъ ни скрывать долго сей новой столь важной мысли, ни оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ заблужденія, въ какомъ находились его соотечественники. Въ большой Виттембергской церкви съ каѳедры произнесъ онъ жестокія жалобы на разврать и пороки монаховъ, раздающихъ индульгенціи; дозволилъ себѣ обратить испытательный взоръ на самую ихъ теорію, и доказывалъ, что опасно полагаться на другія средства для своего спасенія, кромѣ тѣхъ, которыя предлагаетъ намъ самъ Богъ въ Св. Писаніи. Столь новая смѣлость его мыслей привлекла все вниманіе и довѣренность къ его ученымъ и нравственнымъ до-

стоинствамъ, а простое, убѣдительное красорѣчіе сообщили имъ такую силу, которая произвела въ слушателяхъ глубокое впечатлѣніе. Ободренный счастливымъ началомъ, онъ описалъ Майнцкому Курфирсту и Магдебургскому Архіепископу Алберту, которому была подвластна сія часть Саксоніи, въ самыхъ живыхъ краскахъ и ложную проповѣдь и развратную жизнь проповѣдниковъ, продающихъ отпущенія; но сей духовный вельможа имѣлъ слишкомъ большія выгоды отъ ихъ успѣха, и нехотѣлъ прекратить злоупотребленія. Второе покушеніе Лютера было привлечь ученыхъ мужей на свою сторону. На сей конецъ издалъ онъ 95 Предложеній, заключающихъ въ себѣ мысли его объ индульгенціяхъ. Не приписывая имъ истины совершенной, никакому сомнѣнію неподверженной, но признавая ихъ только достойными ученыхъ состязаній, онъ назначилъ день и приглашалъ Богослововъ къ тему спору на словахъ, или посредствомъ писемъ. Онъ заключилъ свои листки торжественнымъ увѣреніемъ въ благоговѣніи къ Апостольской церкви и въ совершенной покорности ея верховной власти. Никто не явился для споровъ; но Предложенія разлились съ непонятною быстротою по всей Германіи; каждый читалъ ихъ съ жадностію, и всѣ удивлялись смѣлости человѣка, который хочетъ сомнѣваться въ Папскомъ могуществѣ и да-

же начинать войну противъ Доминикановъ, вооруженныхъ всѣми ужасами инквизиторской власти.

Монахи Св. Августина, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ Лютеръ, нимало не останавливали его въ обнародованіи сихъ необыкновенныхъ мнѣній; ибо во первыхъ велико было уваженіе, которое они имѣли къ его добродѣтелямъ и учености; далѣе, Лютеръ говорилъ о Папѣ съ величайшимъ почтеніемъ, и говорилъ непритворно; наконецъ по причинѣ всегдашней вражды между братіями разныхъ орденовъ, монахи Августинскіе радовались порывамъ Лютера противъ монаховъ Доминиканскихъ, и надѣялись, что Лютеръ унизитъ ихъ и поселитъ въ народѣ ненависть къ нимъ и презрѣніе. Саксонскій Курфирстъ, одинъ изъ благоразумнѣйшихъ Германскихъ Государей, примѣчалъ съ удовольствіемъ, что Лютеръ, его подданный, противится успѣхамъ индульгенцій. Онъ тайно ободрялъ его усилія, будучи въ тѣхъ мысляхъ, что вражда и споры между самымъ духовенствомъ послужатъ для Государей щитомъ отъ корыстолюбивой дерзости Римскаго Двора, съ которымъ всѣ Государи давно боролись безъ успѣха.

Скоро возстали противъ Лютера богословы и защищали съ жаромъ систему, на которой основывалось богатство и могущество Римской

церкви, Тетцель издалъ во Франкфуртѣ на Одерѣ свои предложенія, въ которыхъ оспоривалъ его мнѣнія; Екцій, славный Ѳеологъ Авгсбургскій, также старался опровергать ихъ; а Доминиканъ Пріеріасъ, начальникъ Св. Палаты и Генералъ-Инквизиторъ, писалъ противъ нихъ со всею ядовитостію схоластическихъ спорщиковъ сего времени. Но способъ, принятый ими, послужилъ къ ихъ же вреду. Лютеръ имѣлъ на своей сторонѣ доказательства, основанныя на разумѣ, или почерпнутыя въ Св. Писаніи; а они ничего, т. е. одни мнѣнія схоластическихъ сочинителей, правила церковнаго канона, или опредѣленія Папскія. Рѣшенія судей столь пристрастныхъ, имѣющихъ такія причины къ пристрастію, были неудовлетворительны для народа, который начиналъ сомнѣваться даже въ своихъ почтенныхъ пастыряхъ, видя ихъ совершенное противорѣчіе и здравому разуму и слову Божію.

Между тѣмъ какъ новое Лютерово ученіе волновало всю Германію, Римскій Дворъ не обращалъ на него вниманія и не показывалъ ни малѣйшаго безпокойства. Левъ X, занятый искусствами и науками, преданный роскоши, увлеченный великими планами политики, чуждый богословскихъ споровъ, и способный презирать ихъ, былъ совершенно равнодушенъ къ ничтожному монаху, коте-

рый вЂ глубинѣ Германіи велЂ варварскіе споры на варварскомЂ языкѣ. Ни онЂ не опасался, ни самЂ ЛютерЂ не воображалЂ, чтобы слѣдствія сихЂ споровЂ были столь пагубны для Папскаго могущества. ЛевЂ приписывалЂ весь шумЂ враждѣ и зависти монашеской; онЂ, кажется, не хотѣлЂ принимать участія вЂ немЂ, и оставилЂ обѣимЂ сторонамЂ продолжать между собою войну, ни для кого, какЂ онЂ думалЂ, не опасную.

Домогательства противниковЂ, которые были уже слишкомЂ раздражены смѣлыми и жестокими отвѣтами Лютера на ихЂ сочиненія, также важные успѣхи его мнѣній вЂ разныхЂ странахЂ Германіи, на конецЂ возбудили вниманіе Римскаго Двора и заставили Папу принять мѣры. ОнЂ видѣлЂ, что не льзя уже болѣе презирать столь опаснаго неприятеля церкви, и далЂ повелѣніе, чтобы ЛютерЂ вЂ 60 дней явился вЂ Римѣ кЂ Аудитору Палаты, тому самому Пріеріасу, который писалЂ на него опроверженіе. Пріеріасу поручено было изслѣдовать и произвести судЂ надЂ ученіемЂ Лютера. Папа вЂ то же время просилЂ Саксонскаго Курфирста неоказывать покровительства человѣку, который оскорбляетЂ своими критическими и безобразными правилами души благочестивыя; наконецЂ онЂ предписалЂ Августинскому Провинціалу употребить зависящую отЂ него

власть для укрощенія безразсуднаго, гордаго монаха, который дѣлаетъ безчестіе цѣлому ордену, нарушаетъ покой и оскорбляетъ всю церковь.

По тону сихъ повелѣній и писемъ, также по назначенію судьи столь пристрастнаго, какъ Пріеріасъ, Лютеръ легко могъ видѣть, какой приговоръ ожидалъ его въ Римѣ. Не скрывая своихъ чувствъ, онъ съ твердостію говорилъ о желаніи своемъ, чтобы его дѣло было разсмотрѣно въ Германіи Трибуналомъ, менѣе подозрительнымъ. Виттембергскій Университетъ, съ горестію угадывая, въ какомъ опасномъ положеніи находится человѣкъ, дѣлающій ему столько чести, представилъ Папѣ разныя причины, непозволяющія Лютеру ѣхать въ Римъ, и просилъ поручить судъ надъ нимъ людямъ ученымъ и достойнымъ общей довѣренности въ Германіи. Курфирстъ открылъ тѣ же мысли Папскому Легату на Аугсбургскомъ Сеймѣ. Лютерово письмо къ Папѣ было исполнено покорности и увѣреній въ неограниченномъ повиновеніи его волѣ; ибо онъ въ сіе время совсѣмъ еще не помышлялъ спорить о верховной Папской власти, и даже ни мало несомнѣвался въ ея небесномъ происхожденіи. Все сіе склонило Папу къ снисхожденію. Онъ приказалъ своему Легату въ Германіи выслушать Лютера и рѣшить его дѣло. Кто

былъ Кардиналъ Каіетанъ, изъ Доминиканскаго ордена, сильный схоластическою ученостію и совершенно преданный Папскому престолу.

Если Лютеръ имѣлъ основательную причину не принимать судьи, который принадлежалъ къ открытымъ врагамъ его; то онъ нимало неколебался, когда вмѣсто Пріеріаса былъ назначенъ Каіетанъ. Получивъ Императорскую опасную грамату, незамедлилъ онъ явиться въ Аугсбургѣ. Кардиналъ принялъ его съ должнымъ уваженіемъ, и прежде всего старался обольстить его кротостію; но почитая униженіемъ для себя открывать споръ по формѣ съ человѣкомъ столь неважнымъ, онъ прямо потребовалъ, именемъ верховной Апостольской власти, чтобы Лютеръ призналъ торжественно свое заблужденіе касательно индульгенцій и сущности исповѣданія, и чтобы нераспространялъ никакихъ новыхъ опасныхъ мнѣній. Будучи совершенно увѣренъ въ ихъ истинѣ, притомъ имѣя на ихъ сторонѣ людей, извѣстныхъ своею ученостію и благочестіемъ, Лютеръ удивился, что Кардиналъ предлагаетъ столь рѣшительныя требованія, не сдѣлавъ еще никакого шага къ опроверженію его мнѣній и доказательствъ. Лютеръ ласкался надеждою, что бесѣдуя объ истинахъ еще не рѣшенныхъ съ духовнымъ, столь знаменитымъ по своимъ свѣ-

собностямъ вельможею, успѣетъ уничтожить клевету, которою въ злобѣ или невѣжествѣ очерняли его противники; но высокій, повелительный тонъ Кардинала вдругъ разрушилъ всѣ его надежды и всѣ выгоды, какія онъ обѣщалъ себѣ отъ сего свиданія. Природная неустрашимость неоставила Лютера въ сію минуту. Онъ отвѣчалъ съ твердостію, что безъ оскорбленія совѣсти не можетъ отказаться отъ того, что̀ почитаетъ истиною, и никакая сила непринудитъ его къ тому, что̀ столь низко само по себѣ и столь противно Богу. Однако Лютеръ не измѣнялъ прежняго почтительнаго тона, съ какимъ говорилъ о верховной Апостольской власти; онъ изъявилъ готовность отдать всѣ свои сомнѣнія на судъ нѣкоторыхъ, имъ названныхъ Университетовъ; и обѣщался неписать и непроповѣдывать ничего объ отпущеніяхъ, если также молчаніе объ нихъ будетъ предписано и его противникамъ. Но Каіетанъ или непонялъ, или отвергъ всѣ сіи предложенія; онъ упорно требовалъ, чтобы Лютеръ отрекся, безъ всякаго условія, отъ своихъ мнѣній; грозилъ ему проклятіемъ церкви и запретилъ къ себѣ являться, если не подпишетъ извѣстнаго уже ему требованія. Такая гордость, насиліе и другія причины показывали ясно друзьямъ Лютера, что и самая даже Императорская опасная грамата не защититъ его отъ сильнаго, раз-

драженнаго Легата. Прозьбы ихъ склонили Лютера къ тайному побѣгу изъ Аугсбурга въ свое отечество. Но предъ отъѣздомъ онъ сдѣлалъ то, что дѣлали другіе прежде, т. е. написалъ торжественную жалобу на Папу, которому дано невѣрное понятіе о его дѣлѣ, къ самому же Папѣ, который долженъ знать оное дѣло въ настоящемъ положеніи.

Каіетанъ принялъ неожиданный побѣгъ и сію прозьбу Лютера съ жестокимъ негодованіемъ; онъ жаловался Курфирсту на то и другое, заклиналъ его покоемъ церкви и властію главы ея, чтобы мятежный монахъ (такъ онъ называлъ его) былъ за стражею присланъ въ Римъ, или выгнанъ изъ его владѣній. Фридерикъ, ободряя Лютера, имѣлъ въ виду совсѣмъ не Богословскія причины; по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ устранялся подобныхъ споровъ и ненаходилъ въ нихъ никакой для себя выгоды. Все его покровительство происходило отъ причинъ политическихъ, и онъ дотолѣ поступалъ въ семъ случаѣ весьма скрытно и осторожно. Фридерикъ не слушалъ ни одной бесѣды Лютера, нечиталъ ни одного изъ его сочиненій, даже никогда неприглашалъ его ко Двору, несмотря на то, что слава гремѣла объ немъ въ Германіи. Но сдѣланное Кардиналомъ требованіе уже непозволяло ему наблюдать прежней скромности. Университетъ былъ важнымъ предметомъ для

всякаго Государя Германіи ; а Фридерику онъ стоилъ многихъ трудовъ и издержекъ. Предвидя, чего лишится Университетъ, потерявъ Лютера, онъ подъ разными предлогами, при увѣреніяхъ въ уваженіи къ Кардиналу и покорности къ Папѣ, осмѣлился отвѣчать, что не можетъ удовлетворить подобному требованію ; онъ даже объявилъ, что беретъ въ Лютерѣ великое участіе.

Непреодолимое упорство Каіетана въ требованіи, чтобы Лютеръ отрекся отъ своихъ мнѣній, тогда оскорбило учениковъ его, а въ послѣдствіи времени было признано неблагоразумнымъ даже и Католическими писателями. Но Легатъ не могъ дѣйствовать иначе. Римскіе судьи, слишкомъ нетерпѣливые въ своемъ гнѣвѣ на Лютеровы заблужденія, объявили его еретикомъ, недожидаясь назначеннаго шестидесяти - дневнаго срока. Папа въ разныхъ граматахъ и письмахъ называлъ его сыномъ нечестія и человѣкомъ безбожнымъ. — Послѣ сего отъ принятой твердости уже зависѣла честь Римской церкви, которая неизмѣняла своему главному правилу, т. е. никогда не отступила отъ своихъ мѣръ, какія бы онѣ ни были ; она даже почитала сіе невозможнымъ — по своимъ нравамъ *непогрѣшительности*.

Положеніе, въ какомъ находился Лютеръ, привело бы всякаго въ страхъ и замѣшательство. Онъ не могъ ожидать, чтобы Госу-

дарь благоразумный и осторожный, подобно Фридерику, отважился презирать перуны церкви, или противиться могуществу Папскому, которое было гибельно для самыхъ сильныхъ Императоровъ Германіи. Онъ зналъ, съ какимъ благоговѣніемъ въ то время были принимаемы всѣ рѣшенія духовной власти, съ какимъ ужасомъ дѣйствовали ея проклятія, и какъ легко могутъ они поколебать Курфирста, который болѣе походилъ на покровителя политическаго, нежели на ученика, увѣреннаго въ его истинахъ; онъ зналъ, что если будетъ принужденъ оставить Саксонію, то не найдетъ нигдѣ убѣжища: — тогда наказаніе зависѣло бы отъ неистовства или суевѣрной набожности его непріятелей, и было бы неизбѣжно. Онъ чувствовалъ подобную опасность; но не показывалъ ни малѣйшаго страха, ни слабости; напротивъ продолжалъ защищать свои поступки и свои мнѣнія, велъ войну съ своими противниками еще упорнѣе, нежели прежде.

Всѣ шаги Римскаго Двора и въ особенности его неправедный приговоръ, которымъ столь поспѣшно признавъ еретикомъ Лютеръ, не позволяли сему послѣднему сомнѣваться, что Папа скоро приступитъ къ самымъ насильственнымъ противъ него мѣрамъ. Въ семъ положеніи Лютеру оставалось

едно средство предупредить Папское проклятіе, и онъ употребилъ его. Лютеръ требовалъ церковнаго собора, который, говорилъ онъ, представляетъ Каѳолическую, т. е. всеобщую, церковь, и имѣетъ власть выше Папской. Отдавая себя и свое дѣло на судъ сему собору, онъ осмѣлился сказать, что Папа есть человѣкъ, подверженный заблужденію; ибо самъ Св. Петръ, совершеннѣйшій изъ его предшественниковъ, неизбѣгъ заблужденія.

Скоро открылось, что Лютеръ имѣлъ справедливыя догадки о намѣреніяхъ Двора Римскаго. Еще прежде его листовъ о соборѣ Папа издалъ буллу, въ которой превозносилъ благодѣтельныя свойства и силу индульгенцій такимъ дерзкимъ, безразсуднымъ тономъ, какой едва ли позволяли себѣ его предшественники, несмотря на варварское невѣжество ихъ времени; — безъ всякаго объясненія, безъ малѣйшаго вниманія къ обстоятельствамъ, онъ требовалъ, чтобы всѣ христіане повиновались его увѣренію объ индульгенціяхъ, какъ догмату Каѳолической церкви; грозилъ проклятіемъ всякому, кто отважится писать, или распространять мнѣнія противныя.

Сія булла произвела слабое дѣйствіе въ кругу друзей и учениковъ Лютеровыхъ; ибо они приписывали ее безразсудному усилію

Папы сохранить тѣ доходы, для которыхъ отпущенія служили богатымъ источникомъ. Что касается вообще до соотечественниковъ Лютера, то подобный рѣшительный приговоръ церковной, деспотической власти, притомъ сопровождаемый столь ужаснымъ наказаніемъ, грозилъ самыми пагубными слѣдствіями для новыхъ истинъ; но большая часть сихъ слѣдствій предотвращена смертію Императора Максимиліана (1519 г.), который оказывалъ все почтеніе къ Папскому престолу и по своимъ правиламъ и по своимъ политическимъ видамъ.

По сему случаю временная власть надъ тою частію Германіи, которая повиновалась законамъ Саксонскимъ, перешла къ Саксонскому Курфирсту. Лютеръ подъ егидою столь благодѣтельнаго правленія наслаждался покоемъ; а его ученіе, во время междуцарствія, т. е. до избранія Карла V, въ разныхъ мѣстахъ свободно распространялось, возвышалось и утверждалось. Между тѣмъ избраніе новаго Императора для Папы Льва X было важнѣе богословскихъ споровъ, которыхъ онъ непонималъ и отъ которыхъ неожидалъ слѣдствій столь опасныхъ. Избѣгая съ тонкимъ стараніемъ всякаго поступка, могущаго раздражить Государя, каковъ былъ Фридерикъ, весьма сильнаго въ избирательной Коллегіи, онъ противился

неутомимымъ, громкимъ домогательствамъ Лютеровыхъ неприятелей, которые склоняли его произнести последнее проклятіе.

Сіи политическіе виды Папы и вообще его отвращеніе отъ мѣръ слишкомъ жестокихъ остановили перунъ Римской церкви. Осмнадцать мѣсяцовъ продолжались переговоры, направляемые къ миролюбному окончанію дѣла. Тутъ Лютеръ имѣлъ случай узнать развращенность Двора Римскаго, его упорство въ явныхъ заблужденіяхъ, его равнодушіе къ истинѣ, какъ ясно небыла бы она представлена и какъ сильно небыла бы доказана. Послѣ сего уже началъ онъ говорить съ сомнѣніемъ о небесномъ происхожденіи Папской власти. Онъ имѣлъ въ Лейпцигѣ открытый споръ о сей важной матеріи съ Екціемъ, однимъ изъ ученѣйшихъ и самыхъ страшныхъ своихъ противниковъ; но борьба была безполезна: обѣ стороны приписывали себѣ побѣду; ни одна непокинула своихъ мнѣній, и несдѣлала ниодного шага къ рѣшенію вопроса, для котораго вышли было на сцену.

Не въ одной Саксоніи открылся духъ непокорности противъ ученія и корыстолюбія Римской церкви; почти въ то же время въ Швейцаріи началась война противъ нихъ, немнѣе жестокая, отъ тѣхъ же причинъ возникшая. Въ сей странѣ Францисканы про-

новѣдывали отпущенія, исполняя свою должность съ тѣмъ же неблагоразуміемъ, съ тѣмъ же безстыднымъ хищничествомъ, которыя сдѣлали Доминиканов столь ненавистными въ Германіи; но нигдѣ не встрѣчали себѣ сопротивленія, пока не явилися въ Цирихѣ. Тамъ нашли они неприятеля въ Цвингліѣ: ето былъ человѣкъ способный къ ентузіазму и неустрашимости неменѣе самаго Лютера; одушевленный республиканскою смѣлостію, незнающій тѣхъ препонъ, которыми для Германскаго преобразователя могла служить покорность его Государю, Цвинглій устремился къ разрушенію всей Римской системы еще съ большимъ порывомъ, съ большею быстротою. Появленіе столь сильнаго поборника и его успѣхи обрадовали Лютера; но съ другой стороны опредѣленія двухъ Университетовъ, Кельнскаго и Лувенскаго, объявившихъ мнѣнія его противными истинѣ, служили великимъ торжествомъ для его ненавистниковъ.

Неукротимый духъ Лютера при каждомъ новомъ сопротивленіи приобрѣталъ новыя силы: простирая свои сомнѣнія отъ одного догмата къ другому, онъ началъ колебать самыя твердыя основанія Римской церкви, на которыхъ возвышались ея богатство и могущество. Тогда Папа увѣрился, что мѣры кротости не обѣщаютъ никакого успѣха. Между тѣмъ самые благоразумные изъ

вельможъ духовныхъ, не менѣе личныхъ враговъ Лютера, роптали на неслыханное снисхожденіе, съ какимъ Папа терпитъ въ нѣдрахъ церкви непреклоннаго еретика, сряду нѣсколько лѣтъ опровергающаго все, что ни имѣетъ она священнаго, или почтеннаго; они представляли, что достоинство его престола требуетъ послѣдней строгости; что новый Императоръ безъ сомнѣнія будетъ его защитникомъ; что Саксонскій Курфирстъ по всѣмъ вѣроятностямъ не забудетъ своей обыкновенной осторожности до такой степени, чтобы сталъ противиться соединенной силѣ. Кардиналы не одинъ разъ собирались для изготовленія приговора съ должнымъ вниманіемъ; самые искусные канонисты были приглашены для совѣщаній, чтобы сочинить его выраженія въ возможной, совершенной точности формы. Наконецъ Іюня 15го 1520 года подписана булла, столь пагубная для Римской церкви. Сорокъ одно предложеніе, почерпнутыя изъ сочиненій Лютера, осуждены какъ еретическія, соблазнительныя, оскорбительныя для душъ благочестивыхъ; запрещено всѣмъ чтеніе книгъ его, подъ угрозами проклятія; повелѣно сожечь тѣмъ, кто имѣетъ ихъ; самъ Лютеръ провозглашенъ упорнымъ еретикомъ; онъ отлучается отъ церкви и тѣло его предается сатанѣ для поруганія, если въ теченіе 60 дней не отречется торжественно отъ своихъ заблужденій и не сожжетъ книгъ сво-

ихъ; наконецъ предложено всѣмъ Государямъ, съ угрозами того же проклятія, схватить его и представить для кары, какой достойны его преступленія.

Булла произвела разныя чувства въ разныхъ странахъ Германіи. Лютеровы непріятели торжествовали съ нескромною радостію, какъ будто столь рѣшительный ударъ совершенно поразилъ его партію и разрушилъ его ученіе. Но его друзья, каждый день болѣе и болѣе терявшіе уваженіе къ Папѣ, читали буллу не съ ужасомъ, а съ негодованіемъ; въ нѣкоторыхъ городахъ народъ насильственно противился торжественному исполненію Папской воли; въ другихъ онъ даже ругался надъ ея священными исполнителями, а самая бумага была изорвана и попираема ногами.

Сей приговоръ, уже съ нѣкотораго времени предусмотрѣнный Лютеромъ, ни устрашилъ его, ни привелъ въ замѣшательство. Возобновивъ свое требованіе, чтобы его судилъ общій соборъ, онъ въ то же время издалъ свои примѣчанія на буллу. Увѣренный въ нечестіи и несправедливости поступковъ Папы Льва X, онъ торжественно называлъ его сыномъ грѣха, или Антихрістомъ, предсказаннымъ въ Новомъ Завѣтѣ; напалъ на тиранство и на похищенныя права Римской церкви съ большимъ ожесточеніемъ, нежели

прежде; убѣждалъ всѣхъ христіанскихъ Госу-дарей свергнуть иго столь постыдное; гордился тѣмъ, что подвергъ себя гнѣву церковному и почиталъ его своимъ счастіемъ, потому что заслужилъ его, защищая свободу рода человѣческаго. Онъ не удовольствовался симъ простымъ изъявленіемъ своего презрѣнія къ Папской власти; Левъ по силѣ буллы приказалъ сожечь книги его въ Римѣ; а Лютеръ въ свою очередь, въ присутствіи всѣхъ Профессоровъ и студентовъ Виттембергскаго Университета, при безчисленномъ стеченіи зрителей, торжественно предалъ огню церковный канонъ и буллу проклятія: сему примѣру послѣдовали разные города въ Германіи. Его оправданіе въ семъ поступкѣ было оскорбительнѣе самаго поступка. Выбравъ изъ каноническаго Кодекса мѣста самыя противныя разсудку, служившія основаніемъ какъ обширности и могущества Папской власти, такъ и подчиненности свѣтскихъ властей Папскому престолу, онъ издалъ ихъ съ своими замѣчаніями, изъясняющими все нечестіе правилъ и очевидную ихъ цѣль — ниспроверженіе всѣхъ гражданскихъ правительствъ.

(Продолж. въ слѣд. книж.)

Послѣдніе дни Іоанны Грей (*).

(Изъ соч. г-жи Сталь.)

Іоанна Грей (Gray), внучка Генриха VIII по бабкѣ своей Маріи, сестрѣ Англійскаго Монарха, вдовѣ Людовика XII, выдана была за Лорда Гильфорда, сына Герцога Нортумберландскаго. Сей послѣдній убѣдилъ Едуарда VI назначить ее въ завѣщаніи своемъ (1553 года) преемницею трона, минувши Марію и Елисавету. Первая была дочь Екатерины Аррагонской, и протестанты Англійскіе опасались Католическаго ея исповѣданія; вторая, родившейся отъ Анны Болейнъ, могло быть препятствомъ ея происхожденіе. Герцогъ Нортумберландскій умѣлъ весьма хорошо показать сіи причины Едуарду VI.

Іоанна Грей, не будучи сама увѣрена въ справедливости правъ своихъ на корону, отрекалась исполнить завѣщаніе Едуарда. На

(*) Осмѣливаясь подозрѣвать знаменитую Сочинительницу въ *піитическомъ изобрѣтеніи*, отдаемъ справедливость ея таланту. Происшествіе, *лица*, отличительные признаки ихъ, все взято изъ Исторіи. Чтобъ увѣриться въ томъ, стоитъ только раскрыть шестой Томъ Англійской Исторіи несравненнаго *Гюма* (Basil. 1789, 8). Переводившій статью сію долженъ еще прибавить, для нѣкоторыхъ читателей, что онъ, вовсе не думая идти въ соперничество съ кѣмъ-либо, имѣлъ въ виду особенныя причины. *М.*

конецъ просьбы страстно любимаго супруга, управляемаго Герцогомъ Нортумберландскимъ, исторгли изъ устъ Іоанны несчастное согласіе. Только девять дней она царствовала, или лучше сказать царствовалъ ея свекоръ, Герцогъ Нортумберландскій, управляя именемъ новой Королевы.

Марія, старшая дочь Генриха VIII, одержала верхъ, не смотря на сопротивленіе протестантовъ. Жестокій, мстительный нравъ ея оказался во всей гнусности своей умерщвленіемъ Герцога Нортумберландскаго, сына его Гильфорда и невинной Іоанны. Злосчастная жертва судьбы имѣла тогда неболѣе осмнадцати лѣтъ отъ рожденія, а уже славилась основательнымъ знаніемъ мертвыхъ и живыхъ языковъ. До насъ дошли письма ея на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ: доказательство рѣдкихъ, чудесныхъ способностей въ столь юномъ возрастѣ. Іоанна сверхъ того имѣла душу благочестивую, характеръ благородный и любезный. Родители ея также требовали, ни на что не взирая, чтобы она непремѣнно вступила на престолъ Англіи. Отецъ ея, Герцогъ Суффолкскій, покушался воспламенить духъ мятежа въ приверженцахъ Іоанны Грей, когда нѣсколько уже мѣсяцовъ сидѣла она въ темницѣ, обремененная оковами, и когда уже былъ рѣшенъ ея жребій. Сіе послужило поводомъ къ немедленному исполне-

нію приговора. Герцогъ Суффолкскій погибъ скоро послѣ своей дочери.

Слѣдующее письмо, по видимому, написано въ Февралѣ 1554 года. Преданіе говоритъ, что Іоанна Грей во все время неволи свободно переписывалась съ друзьями своими и родственниками, и что до послѣдней минуты не ослабѣвали въ ней духъ философіи и внушенное религіею мужество.

„Іоанна Грей Доктору Елмерсу.

„Тебѣ, почтенный другъ мой, обязана я за правила религіи, за ту жизнь вѣры, которая одна только можетъ вѣчно продолжаться; къ тебѣ обращаю и послѣднія мысли при семъ торжественномъ испытаніи, къ которому я предназначена. Прошло уже три мѣсяца, какъ произнесенъ Королевою смертный приговоръ мужу моему и мнѣ, — приговоръ, опредѣляющій казнь за несчастное девятидневное господство, за терновый вѣнецъ, которой возложенъ былъ на мою голову для того, чтобы сдѣлать ее жертвою смерти. Мнѣ казалось, искренно признаюсь тебѣ, что Марія хотѣла только устранить меня столь безчеловѣчнымъ приговоромъ; но ни какъ не могла я помыслить, чтобы она вознамѣрилась пролить мою кровь, которая течетъ и въ ея жилахъ. Я думала, что молодость моя послужитъ къ извиненію,

гда бы осталось недоказаннымъ, что я долго несоглашалась принять пагубное для меня достоинство, и что единственно угожденіе Герцогу Нортумберландскому, моему свекру, могло вовлечь меня въ сіе заблужденіе. Но я пишу къ тебѣ не для того, чтобы хотѣла жаловаться на враговъ своихъ: они суть орудіе воли Божіей, равно какъ и всѣ происшествія здѣшняго міра; слѣдственно я должна говорить о томъ только, что во мнѣ самой происходитъ. Заключенная въ темницѣ нахожу пищу себѣ въ чувствахъ собственнаго сердца, наблюдая борьбу душевныхъ движеній; въ семъ состоятъ нынѣшнія мои занятія.

„Вчера посѣтилъ меня Ашамъ, другъ нашъ, и присутствіе его принесло мнѣ живѣйшую радость. Въ душѣ моей возобновилось воспоминаніе о тѣхъ сладостныхъ, полезныхъ минутахъ, которыя провела съ нимъ въ чтеніи древнихъ писателей. Единственно желала я бесѣдовать съ нимъ о мужахъ знаменитыхъ, давно уже несуществующихъ въ мірѣ, мужахъ, коихъ творенія открыли мнѣ неисчерпаемые источники размышленій. Ашамъ, ты вѣдаешь, спокоенъ и важенъ; старость помогаетъ ему сносить непріятности жизни. Въ самомъ дѣлѣ, старость человѣка, умѣющаго мыслить, не можетъ быть слабою; ее подкрѣпляютъ опытность, вѣра, а для малаго

остатка дней немного надобно силы. Конецъ жизни еще ближе ко мнѣ нежели къ старцу; но послѣднія минуты мои будутъ исполнены горечи.

„Аптамъ пришелъ съ извѣстіемъ, что Королева дозволяетъ мнѣ освѣжаться воздухомъ въ саду, примыкающемъ къ темницѣ. Радость моя была неизъяснима, и простиралась до такой степени, что добрый другъ вашъ не посмѣлъ ее тотчасъ разрушить. Мы пошли вмѣстѣ. Онъ дозволилъ мнѣ пользоваться нѣсколько времени тѣми приятностями Натуры, которыхъ давно уже я невидала. День былъ одинъ изъ ближайшихъ къ веснѣ, возвѣщающихъ ея пришествіе. Незнаю, прекраснѣйшая пора года сдѣлала ли бы во мнѣ столь сильное впечатлѣніе, какъ сіе предчувствіе ея возврата: дерева обращали къ солнцу вѣтви еще не одѣтыя листьями; луга зеленѣли; ранніе цвѣтки благоуханіемъ своимъ упреждали мелодическіе звуки, которые раздадутся въ то время, когда Природа явится во всемъ своемъ убранствѣ. Тишина господствовала въ воздухѣ. Мнѣ казалось, будто слышу неизвѣстный въ душѣ моей голосъ, обѣщавающій мнѣ продолженіе жизни. Жизни — ахъ, какое произнесла я слово! До сихъ поръ я привыкала почитать ее моею собственностью; а теперь наслаждаюсь послѣдними ея благами, точно какъ

ласками друга въ послѣднія минуты прощанья навѣки.

„Атамъ и я пошли далѣе по берегу Темзы; мы сѣли между деревами, еще не дающими тѣни, но уже готовыми украситься весеннею зеленью; движущіяся волны сверкали, отражая лучи солнца. Предо мною былъ видъ прекраснѣйшій; несмотря на то, въ тихомъ теченіи водъ всегда есть нѣчто меланхолическое, и никто, мнѣ кажется, не можетъ долго смотрѣть на нихъ, непредаваясь тѣмъ мечтамъ воображенія, которыхъ пріятность состоитъ для насъ въ нѣкоторомъ забвеніи самихъ себя. Атамъ примѣтилъ расположеніе души моей, тотчасъ взялъ меня за руку и сказалъ, омочивъ ее слезами: О ты, которую и теперь признаю своею Королевой! Какую вѣсть должна ты услышать о жребіи, тебѣ опредѣленномъ! Родитель твой собралъ приверженцовъ твоихъ для сопротивленія Маріи, и сія Королева, справедливо для всѣхъ ненавистная, тобой удовлетворяетъ мщенію своему за ту любовь, которую ипыя [illegible] возбуждаетъ въ народѣ. — Рыданіе прервало рѣчь его. — Продолжай, другъ мой! сказала я Атаму: вспомни о размышленіяхъ тѣхъ мужей, которые бодро взирали на смерть особъ, любезнѣйшихъ сердцу; они знали, откуда мы происходимъ, и куда возвратимся. Успокойся и продолжай.

„Хорошо; отвѣчалъ онъ: я продолжаю. Безчеловѣчный приговоръ будетъ скоро исполненъ; но я несу къ тебѣ помощь, которая многихъ знаменитыхъ мужей предохранила отъ насилія тирановъ. — И сей старецъ, другъ юности моей, дрожащею рукою подавалъ мнѣ ядъ, отъ котораго при другихъ обстоятельствахъ онъ предохранилъ бы меня даже съ опасностію собственной жизни. Мнѣ пришло на память, какъ часто хвалили мы нѣкоторыхъ мужей древнихъ, добровольно пожертвовавшихъ своею жизнію; я предалась глубокому размышленію, и была въ состояніи такого человѣка, въ которомъ свѣтильникъ Хрістіанства мгновенно погасъ, — человѣка находящагося въ той нерѣшительности, отъ которой въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ бываетъ трудно освободиться. Атамъ палъ на колѣна предо мною, преклонилъ бѣлую свою голову, и закрывъ одной рукою глаза свои, другою подавалъ несчастное избавленіе, которое для меня приготовилъ. Тихо отвела я руку старца, и пришедъ въ себя съ помощію молитвы, имѣла возможность сказать ему слѣдующее:

„Тебѣ извѣстно, Атамъ, съ какимъ удовольствіемъ вмѣстѣ съ тобою читала я философовъ и поэтовъ, Греческихъ и Римскихъ. Благородная красоты ихъ языка, сила души ихъ, простотою ознаменованная, навѣкъ пребудутъ

несравненны. Нынѣшній составъ общества поражаетъ многіе умы пустотою и легкомысліемъ; теперь уже не стыдно жить, неразмышляя, нестараясь познавать чудесъ Природы, на тотъ единственно конецъ и созданныхъ, чтобы научать человѣка своими внятными знаменіями, своимъ краснорѣчивымъ безмолвіемъ. Древніе по многимъ отношеніямъ несходны съ нами; они сами собою сдѣлались тѣмъ, чѣмъ были: мы хрістіяне за все должны благодарить Откровеніе, водворяющее небесныя добродѣтели въ душахъ нашихъ; слѣдственно все у насъ, отъ идеала изящности до нравственныхъ законовъ, должно быть направлено къ святой религіи, и блаженная вѣчность должна быть единственною цѣлію жизни. Избѣжавъ предназначенной мнѣ безчестной казни, я немогла бы уже примѣромъ своимъ утвердить надежду тѣхъ, которые сжалятся надъ моей судьбою. Древніе предоставлены были самимъ себѣ, полагались на свои силы; хрістіяне имѣютъ Свидѣтеля, въ присутствіи Коего жить и умереть должно. Древніе хотѣли хвалить природу человѣка; хрістіяне имѣютъ все свое достоинство единственно по воплощенію Спасителя Господа. Древніе полагали въ числѣ первыхъ доблестей избавленіе себя произвольною смертію отъ власти мучителей; хрістіяне болѣе дорожатъ безропотною покорностію волѣ Промысла. Для дѣятельности,

для терпѣнія есть свое, приличное время: надобно употреблять собственную волю, пока имѣемъ возможность быть полезны другимъ, и себя самихъ болѣе совершенствовать; но какъ скоро видимъ ударъ судьбы надъ головою своею; тогда все наше мужество должно состоять въ спокойномъ ожиданіи. Гораздо похвальнѣе безтрепетно смотрѣть на свой жребій, нежели отвращать отъ него робкіе взоры. Всякое другое дѣйствіе въ подобномъ случаѣ было бы слѣдствіемъ умствованія земнаго, а не упованія на Промыслъ.

„Не желаю, отвѣчалъ Ашамъ, подробно разбирать тѣхъ мнѣній, въ которыхъ увѣренность можетъ быть для тебя полезною; безпокоюсь только объ ожидающихъ тебя страданіяхъ. Будешь ли въ силахъ вытерпѣть ихъ? а мучительное ожиданіе смертнаго въ назначенный часъ удара? не уже ли и оно не поколеблетъ твоей бодрости? Не гораздо ли будетъ легче, когда сама прекратишь бѣдствія жизни? — Нѣтъ; отвѣчала я: пусть Высочайшее существо само возметъ обратно отъ меня то, что я отъ Него получила. Безсмертіе начинается по сю сторону гроба; когда мы непротивимся расторженію тѣхъ узъ, которыя соединяютъ насъ съ жизнію; ни съ чѣмъ не льзя сравнить блаженства, которымъ наслаждается душа наша, находясь въ семъ положеніи. Источникъ неизъ-

ясннмаго восторга ея не принадлежитъ ко внѣшнимъ, окружающимъ насъ предметамъ, и самъ Богъ обитаетъ тогда въ таинственномъ святилищѣ нашего сердца. — Но для чего, возразилъ Ашамъ, выставлять себя на позорище твоимъ непріятелямъ, жестокой Королевѣ, развращенному народу? .. И немогъ докончить.

„Произвольная смерть, отвѣчала я, избавивъ меня отъ жестокости Королевы, раздражила бы только ея гордыню, но непослужила бы средствомъ къ ея раскаянію. Почему знать? Можетъ быть примѣръ мой когда нибудь принесетъ пользу существамъ, мнѣ подобнымъ! Могу ли сама опредѣлить мѣсто, которое займетъ память моя въ ряду историческихъ происшествій? Лишивъ себя жизни, что иное покажу людямъ, какъ не страхъ постыдной казни, и какъ не гордость, заставляющую прибѣгать къ насильственной смерти? Напротивъ, покаряясь жестокой судьбѣ своей съ тою твердостію, которую вдыхаетъ въ меня религія, я подаю кораблямъ, подобно мнѣ, носимымъ по морю бѣдствій, спасительное утѣшеніе и ревность къ якорю святой вѣры, избавляющему отъ вѣчной гибели.

„Простой народъ, сказалъ Ашамъ, обыкновенно почитаетъ преступниками всѣхъ

тѣхъ, которые предъ его глазами погибаютъ смертію злодѣевъ. — Клевета, отвѣчала я, можетъ обмануть нѣкоторыхъ на короткое время; но вѣки и народы всегда признаютъ торжество истины. Вѣчность есть во всемъ, что относится къ добродѣтели; все что бы мы для нее ни сдѣлали дольется до моря, сколь ни былъ бы малъ ручей жизни нашей. Нѣтъ! неустыжусь понести казнь безчестную; самая невинность меня къ ней призываетъ, и я лишилась бы сего чувства невинности, когда бы подняла на себя убійственную руку. Не можно рѣшиться на смерть, невозмутивъ того яснаго спокойствія, которымъ наполняется душа, приближаясь къ селеніямъ небеснымъ. — Ахъ! воскликнулъ другъ нашъ: что можетъ быть насильственнѣе сей кровавой смерти! . . — А кровь мучениковъ, возразила я, развѣ не есть цѣлебный бальзамъ, излитый на язвы страждущихъ?

„Что насильственнѣе смерти, продолжалъ Ашамъ, совершаемой убійственной сѣкирой, которую варваръ дерзнетъ поднять надъ Царскою твоей главою! — Другъ мой! отвѣчала я: хотя бы послѣднія минуты мои сопровождались знаками почтенія, и тогда не менѣе была бы я томима безпокойствомъ. Развѣ блѣдная смерть украшаетъ вѣнцемъ свою голову? Не всегда ли она дѣйствуетъ тою же

косою? Еслибъ она влекла насъ въ бездну ничтожества; не нужно было бы тогда бороться съ сею тѣнью? Но ежели за оною завѣсою мрака зоветъ насъ Богъ; то безъ всякаго сомнѣнія за предѣлами сей ночи сіяетъ вѣчный день, и единственно пустые призраки заслоняютъ намъ входъ въ небу. — Какъ! еще воскликнулъ дрожащимъ голосомъ другъ нашъ, котораго привыкла я видѣть спокойнымъ: знаешь ли, что казнь можетъ быть мучительна, что она можетъ продлиться, что ненадежная рука исполнителя.... — Перестань, отвѣчала я: все знаю; но сего не случится. — Откуда такая увѣренность? — Отъ моей слабости. Я всегда страшилась физической боли, и всѣ мои усилія сопротивляться ей были тщетны. И такъ мнѣ кажется, что буду отъ нее свободна. При томъ же христіанинъ въ самомъ себѣ находитъ тайное подкрѣпленіе въ мучительнѣйшія минуты; еще прибавлю: съ нами почти никогда неслучается ничего такого, что превосходитъ наши силы. Мы знаемъ только поверхность характера человѣческаго; а что въ самомъ человѣкѣ происходитъ, то еще на многія столѣтія остается сокровеннымъ. Невѣріе содѣлало разумъ легкомысленнымъ; онъ обращаетъ вниманіе на все неиначе какъ только въ отношеніи наружности, обстоятельствъ, счастія, между тѣмъ какъ истинное сокровище мыслей

и воображенія находится въ отношеніяхъ человѣческаго сердца къ Творцу его: тамъ предчувствія, тамъ приговоры, тамъ чудеса. Все что древніе думали находить въ Природѣ было только отблескомъ того, что въ нихъ самихъ находилось, но о чемъ они однакожъ не вѣдали.

„Послѣ сей бесѣды мы замолчали. Меня мучило какое-то тайное безпокойство, котораго никакъ не смѣла я обнаружить. — Видѣлъ ли ты моего супруга? спросила я. — Видѣлъ. — И совѣтовался съ нимъ о томъ предложеніи, которое мнѣ сдѣлалъ? — Совѣтовался. — Ради самаго Бога доконч и! Если Гильфордъ и совѣсть моя не согласны, то кому изъ двухъ должна я послѣдовать? — Лордъ Гилфордъ,„ отвѣчалъ Ашамъ, не объявилъ мнѣнія своего вразсужденіи тебя; чтожъ до него касается, онъ твердо рѣшился понести казнь на ешафотѣ. — О другъ мой! воскликнула я въ душевномъ восторгѣ: благодарю, чувствительно благодарю тебя, что предоставилъ мнѣ достоинство выбора. Еслибъ напередъ знала я о намѣреніи Гильфорда; то и разсуждать бы нестала: тогда одна любовь склонила бы меня рѣшиться на подвигъ, повелѣваемый святою Вѣрой. Могу ли не дѣлить участи съ такимъ супругомъ? могу ли освободить себя отъ страданій, которымъ онъ предаетъ себя? Каждый шагъ его къ смерти не указываетъ ли и мнѣ пути

къ ней? — Тутъ Ашамъ удостовѣрился въ непоколебимости моего намѣренія; печальный и задумчивый онъ удалился, обѣщавшись еще увидѣться со мною.

„Нѣсколько часовъ спустя послѣ того пришелъ ко мнѣ Докторъ Феккенгамъ, придворный Священникъ Королевы, съ извѣстіемъ, что днемъ казни моей назначена слѣдующая пятница, до которой осталось только пять дней. Признаюсь, что я ни къ чему еще не приготовилась: такъ назначеніе дня поразило меня страхомъ. Я старалась скрыть его; но Феккенгамъ примѣтилъ это, захотѣлъ воспользоваться моимъ смятеніемъ, и предложилъ мнѣ помилованіе, если соглашусь перемѣнить религію. Узнай, почтенный другъ мой, что самъ Богъ подалъ мнѣ помощь свою въ сію минуту: необходимость отклонить ненавистное предложеніе возвратила мнѣ мои силы.

„Феккенгамъ хотѣлъ было начать споръ богословскій; но я сказала ему, что нынѣшнее положеніе мое весьма тому неблагопріятствуетъ, и что передъ смертію своею никакъ не могу входить въ изслѣдованіе истинъ, въ которыхъ совершенно увѣрилась въ то время, когда мой разумъ имѣлъ всю свою крѣпость. Онъ пытался дѣйствовать на меня страхомъ, говоря, что уже болѣе не

увидитъ меня ни въ здѣшнемъ мірѣ, ни въ небѣ, котораго лишаетъ меня мое исповѣданіе. — Ты поразилъ бы меня бо́льшимъ страхомъ нежели мои убійцы, сказала я, еслибъ могла я повѣрить словамъ твоимъ; но сего быть не можетъ: вѣра, для которой нещадимъ своей жизни, есть всегда вѣра истинная для нашего сердца. Слабый разумъ не въ силахъ рѣшить столь высокихъ вопросовъ: я исповѣдую таинство великой жертвы, вѣрю ему несомнѣнно — сего довольно.

„Сей разговоръ съ Феккенгамомъ подкрѣпилъ во мнѣ ослабѣвшую душу. Само Провидѣніе даровало мнѣ то, чего желалъ почтенный Ашамъ, а именно смерть добровольную. Я не рѣшалась поднять на себя убійственную руку, но и не хотѣла оставаться въ здѣшнемъ свѣтѣ; ешафотъ, на которой восхожу по доброй волѣ, казался мнѣ олтаремъ, украшеннымъ для жертвоприношенія. Отказаться отъ жизни, которой не льзя сохранить безъ оскорбленія своей совѣсти — вотъ единственное самоубійство, дозволенное добродѣтельному человѣку.

„Исполнивъ долгъ свой, я осмѣлилась положиться на свою твердость; но скоро привязанность къ жизни, которою иногда упрекала себя во дни счастія, возобновилась въ слабомъ моемъ сердцѣ. На другой день

по утру Ашамъ посѣтилъ меня, и мы опять пошли по берегу Темзы, которою славится край нашъ. Снова хотѣла я завести разговоръ о любимой своей матеріи, и прочитала наизусть нѣкоторыя мѣста изъ прекрасныхъ пѣсней Гомера и Виргилія, которыя мы вмѣстѣ учили; но Поезія вдыхаетъ благородную любовь къ жизни; очаровательное разнообразіе картинъ и мыслей, души и Природы, гармоніи языка и движеній сердца распаляетъ чувственность и возбуждаетъ восторгъ удивленія! Такая роскошь уже не для меня существуетъ, и я обратила рѣчь къ важнымъ твореніямъ философовъ. Ашамъ почиталъ Платона человѣкомъ, рожденнымъ для хрістіанства; но сей мудрецъ и большая часть древнихъ слишкомъ превозносятъ способности человѣческаго разума: они такъ употребляли способность мыслить, что ихъ желанія совсѣмъ не устремлялись къ будущей жизни; они думали, что могутъ найти ее въ самихъ себѣ посредствомъ напряженныхъ, глубокихъ размышленій. И я, предаваясь нѣкогда подобнымъ размышленіямъ о небѣ, о свойствахъ Природы, вкушала чистѣйшія радости. При сей мысли привязанность къ жизни вдругъ овладѣла мною; мнѣ представилась она въ лучезарномъ свѣтѣ, въ сравненіи съ которымъ будущій міръ казался мнѣ существомъ отвлеченнымъ, чуждымъ всякихъ пріятностей. Какъ! сказала я сама къ себѣ:

можетъ ли вѣчное продолженіе однихъ чувствъ и мыслей сравниться съ перемѣннымъ ощущеніемъ страха и надежды, возобновляющихъ такъ живо пріятнѣйшія впечатлѣнія? Познаніе таинствъ міра сравнится ли съ тою прелестною завѣсой, которая ихъ закрываетъ? Достовѣрная извѣстность можетъ ли имѣть заманчивость сомнѣнія? Сіяніе истины доставитъ ли душѣ тѣ удовольствія, каками сопровождаются ея исканіе, ея открытіе? Чѣмъ будутъ юность, надежда, память, привычка, когда ходъ времени остановится? На конецъ, высочайшее Существо даруетъ ли твари благо бо́льшее, восхитительнѣйшее любви?

„Сомнѣнія сіи были безбожны, смиренно признаюсь предъ тобою, почтенный другъ мой! Ашамъ, которой при вчерашней бесѣдѣ казался менѣе нежели я набожнымъ, скоро одержалъ верхъ надъ мятежною моей любовію къ жизни. Какъ можешь, сказалъ онъ мнѣ, отъ самыхъ благодѣяній обращаться къ сомнѣніямъ о всемогуществѣ Благодѣтеля? Кто сотворилъ ту жизнь, о которой теперь жалѣешь? Ежели несовершенныя блага ея кажутся тебѣ велики, то для чего почитать ихъ невозвратными? Даже воображеніе наше можетъ представить себѣ нѣчто высшее земныхъ удовольствій; но хотя бы ему это было и не возможно, мы ли дерзнемъ

ограничивать силу Божества, и помышлять о Немъ какъ о Піитѣ, которой послѣ первой своей поемы не можетъ уже произвести другаго, лучшаго творенія? — Простая мысль сія возвратила меня самой себѣ, и я устыдилась заблужденія, въ которое вовлекъ меня страхъ смерти. О другъ мой! сказала я: какъ тягостно предаваться мысли о разлукѣ съ жизнію! Недосягаемыя бездны разверзаются предъ нею!

„Пройдутъ четыре дни, и меня не будетъ уже на свѣтѣ! Сія птица, летящая теперь по воздушному пространству, переживетъ меня; и она имѣетъ болѣе, нежели я, будущаго времени. Даже бездушные окружающіе меня предметы сохранятъ видъ свой, когда отъ меня останется на земли только имя въ памяти друзей моихъ! Непостижимая тайна для разума, которой въ дольнемъ мірѣ семъ предвидитъ конецъ свой, и не можетъ избѣжать его! Рука остановляетъ везущихъ насъ коней, а мысль не можетъ ни на минуту остановить времени, приближающаго насъ къ часу смерти. Прости слабости моей, о мой отецъ по духу христіанства! о ты искренно меня любившій! Мы опять соединимся въ небѣ; но услышу ли тотъ убѣдительный голосъ, возвѣщавшій мнѣ Бога благости? Опять ли будутъ очи мои взирать на почтенное лице твое? О Гильфордъ!

о супругъ мой! ты, коего благородный образъ всегда присутствуетъ въ моемъ сердцѣ! найду ли тебя между Ангелами, которымъ ты на земли былъ подобенъ? Но что говорю я? Слабая душа моя умѣетъ только желать себѣ возврата здѣшней жизни за предѣлами гроба."

(*Четвергъ.*)

„Супругъ мой хотѣлъ сегодня въ послѣдній разъ видѣться со мною. Я отреклась отъ минуты прощанія, отъ минуты соединенія радости съ отчаяніемъ: я боялась лишиться твердости. Ты видѣлъ, какъ сердце мое привязано къ счастію; для чегожъ было къ нему возвращаться? Отецъ мой! одобришь ли мой поступокъ? Жертва сія не очистила ли меня отъ всѣхъ слабостей? Теперь уже не опасаюсь, чтобы временная жизнь сія была мнѣ еще любезна."

(*По утру въ день казни.*)

„О мой отецъ! я видѣла его! Онъ шелъ на смерть такъ бодро, какъ будто въ ту минуту былъ начальникомъ сопровождавшихъ его до мѣста казни. Гильфордъ обратилъ взоры на мою темницу, потомъ возвелъ ихъ выше; я поняла его. На поворотѣ дороги, ведущей къ ешафоту, приуготованному для насъ обоихъ, онъ остановился, чтобъ взглянуть на меня еще однажды, и по-

слѣдніе взоры его благословили ту, которая была подругой его на тронѣ и на мѣстѣ казни.“

(*Спустя часъ.*)

„Пронесли тѣло Гильфорда мимо оконъ темницы. Ужасное зрѣлище! . . . Еслибъ подобный ударъ небылъ и для меня предназначенъ, то какая земля могла бы сдержать бремя моихъ страданій! О мой отецъ! и я имѣла такую привязанность къ жизни! Смерть священная! даръ небесъ, неменѣе самой жизни драгоцѣнный! ты Ангелъ хранитель мой въ сіи минуты! одна ты возвращаешь мнѣ спокойствіе! Богъ мой, Господь Вседержитель, повелѣваетъ мнѣ оставить свѣтъ сей; но соединяя меня съ супругомъ моимъ, Его благость не требуетъ отъ меня ничего превосходящаго мои силы, и я безъ страха предаю духъ мой въ руки Отца небеснаго.“

(*Перев. М.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Голубка.

(*Басня.*)

Голубка голубкà лишилась,
И въ темной лѣсъ бѣдняжка удалилась
Оплакивать смерть друга своего.
Навѣки потерявъ его,
Ужь въ рощицѣ она красотъ не находила;
Ей все казалось тамъ печально и уныло!
Сраженному судьбой уединенье мило!
Сорока, Галка, Воробей,
Явились съ утѣшеньемъ къ ней.
„Простительноль тебѣ" Сорока говорила:
„Себя печалью убивàть?
Что друга схоронила,
И надобно вѣкъ цѣлый горевать!
Ну право мнѣ смѣшно! и всякой скажетъ то же!
На что это похоже,
Съ твоею красотой о мужѣ тосковать?
И то еще сказать,
(По правдѣ, откровенно):
Покойникъ твой былъ мужъ весьма обыкновен-
ной!
Отличныхъ онъ достоинствъ не имѣлъ. . . ."

— Но онъ любить умѣлъ,
И сердце нѣжное ему всю цѣну знаетъ: —
Голубка отвѣчаетъ.

А. Маздорфъ.

Симбирскъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О мѣдныхъ дверяхъ Софійскаго Собора въ Новѣгородѣ.

Слѣдующая статья переведена изъ новой, весьма любопытной книги, изданной посредствомъ патріотическаго содѣйствія и на иждивеніи знаменитаго распространителя какъ историческихъ, такъ и вообще всѣхъ полезныхъ свѣдѣній, Господина Государственнаго Канцлера, *Графа Николая Петровича Румянцова*: „Siegmund Freiherr von Herberstein. Mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland ge„schildert von Friedrich Adelung. . . .“ т. е. *Жизнь Барона Сигизмунда Герберштейна, особенно въ отношеніи путешествій его въ Россію, описанная Статскимъ Совѣтникомъ и Кавале-*

ромъ, Фридрихомъ Аделунгомъ. С. Петербургъ. 1818 г. въ 8. Память Герберштейна, отличнаго писателя и дипломата, жившаго въ достопамятное время вообще Европы и особенно Россіи, два раза посѣщавшаго наше Отечество и оставившаго такія объ немъ извѣстія, которыя уже три столѣтія повторяются иностранными писателями, а для нашихъ историковъ служатъ отчасти единственнымъ источникомъ тогдашнихъ нравовъ и обычаевъ, — память такого мужа драгоцѣнна потомкамъ описанныхъ имъ сыновъ Россіи. Осмѣливаясь думать, что Г. Аделунгъ симъ трудомъ своимъ угодилъ и ученымъ и просто любопытнымъ читателямъ, желаемъ, чтобы наша Публика увидѣла книгу его на Русскомъ языкѣ въ непродолжительномъ времени. Между тѣмъ переводимъ одно изъ приложеній, къ которому рѣшаемся приобщить и свои примѣчанія. Ѣхавши въ первой разъ (1517 г.) въ Москву, Герберштейнъ прожилъ недѣлю въ Новгородѣ, гдѣ осматривалъ онъ *мѣдныя двери*, привезенныя, какъ говорили ему, передъ тѣмъ за многія столѣтія изъ Греціи, послѣ осады города Корсуня. Къ сему-то мѣсту относится слѣдующее Приложеніе.

Даже до сего дня большія, наружныя, металлическія, церковныя двери въ Новѣгородѣ называются *Корсунскими*. Его Сіятельство, господинъ Государственный Канцлеръ *Графъ Румянцовъ*, въ прошломъ году путешествуя для ученой цѣли по разнымъ губерніямъ, приказалъ сдѣлать оттиски сего достопримѣчательнаго, донынѣ очень мало извѣстнаго памятника, которой теперь конечно уже недолго будетъ оставаться безъ объясненія и безъ опредѣленія историческаго; то и другое вѣроятно будетъ находиться въ Россійской Исторіи славнаго *Карамзина*, имѣющей выдти въ непродолжительномъ времени (А). Между тѣмъ я сообщаю взятое изъ письма г-на Надворнаго Совѣтника и Кавалера *Фонъ Буссе* слѣдующее описаніе оныхъ дверей, служащее драгоцѣннымъ матеріяломъ для ближайшаго познанія сего, покрытаго неизвѣстностію, художественнаго произведенія.

„Въ Новѣгородѣ, въ Софійской церкви, „я видѣлъ также и мѣдныя церковныя двери, „которыя преданіе называетъ Херсонскими. „Какъ скоро спросилъ я объ нихъ церковнослу„жителя, онъ тотчасъ повелъ меня къ „западному входу церкви и показалъ сію „мнимую достопамятность древняго военна„го похода. И прежде уже я слышалъ, что „нѣкоторые сомнѣваются въ справедливости

„упомянутаго преданія; но взглянувъ на две-
„ри, я въ тужъ минуту долженъ былъ увѣ-
„риться, что онѣ совсѣмъ не Греческой
„работы, и что ихъ сдѣлалъ какой нибудь
„Нѣмецкой художникъ. Сіе показываютъ изо-
„браженныя лица и надписи всѣ вообще на
„Латинскомъ языкѣ. Я списалъ нѣкоторыя.
„Внизу надъ мущиною, въ старинной Нѣмец-
„кой одеждѣ, находятся слова: RIQUIN (*)
„ME FEC. Нѣсколько выше, надъ головою
„другой фигуры (Б): *WICHMANUS ME-*
„*GIDEBURGESIS EPC.* (**). Въ другомъ мѣ-
„стѣ: S. PETRUS † JUDASTRADIDTIXP.
„M. и т. д. На второй четыреугольной дос-
„кѣ сверху, на правой половинѣ дверей замѣ-
„тилъ я буквы MDL (***). Къ симъ дово-
„дамъ противъ того, будто бы двери сіи
„въ 988 году привезены были изъ Херсона,
„прибавить еще должно, что Несторъ, во
„многомъ достовѣрный, именно ни о какихъ
„взятыхъ изъ Херсона *церковныхъ дверяхъ*

(*) Вѣроятно имя художника *Рихвинъ* или *Рейхвейнъ*; я однакожъ не нашелъ объ немъ никакого извѣстія. *Ад.*

(**) *Вихманнъ*, Архіепископъ Магдебургскій, умеръ 1194 года. Онъ управлялъ своей паствою 42 года, гражданамъ Магдебурга далъ многія привилегіи, и остался въ благодарной ихъ памяти. *Ад.*

(***) Буквы сіи здѣсь не могутъ означать числа годовъ. *Ад.*

„упоминаетъ (*). Напротивъ того „Татищевъ, не показывая однакожъ своихъ „источниковъ, пишетъ, что въ 1536 го„ду Новгородскій Архіепископъ Василій ку„пилъ въ Германіи за великую цѣну мѣдныя „позлащенныя двери для церкви Св. Софіи (**). „Быть можетъ, это самыя тѣ двери, ко„торыя теперь извѣстны намъ подъ именемъ „Херсонскихъ, хотя одно обстоятельство, „по видимому, говоритъ противъ сей покупки. „Даже при поверхностномъ разсматриваніи „легко примѣтить можно, что двери сіи „сдѣланы были для большей церкви, или „по крайней мѣрѣ для большаго въ каменной „стѣнѣ отверстія. Четвероугольныя доски, „изъ которыхъ составлены двери, запущены „одна за другую; и положенными вдоль по „краямъ ихъ украшеніями закрыты многія „надписи и фигуры, иныя совсѣмъ, другія „только до половины. Такое расположеніе „досокъ было нужнымъ для того, чтобы „умѣстить двери въ меньшемъ отверстіи.

(*) Впрочемъ трудно понять слова Нестора. Онъ говоритъ (по Кенигсбергскому списку стран. 82): „Взя же два капища мѣдяны, и четыре кони мѣдяны." *Капище* значитъ теперь храмъ идольскій, и непринадлежитъ къ такимъ вещамъ, которыя удобно перевозить было бы можно. *Ад.* (В.)

(**) *Татищ.* Истор. Российск. С. П. Б. 1814, Ч. IV, стран. 134.

„Слѣдственно, можетъ быть, онѣ пріобрѣтены завоеваніемъ, хотя не въ 988 году и „не въ Херсонѣ. Дѣло также возможное, что „Новогородцы привезли ихъ изъ Ливоніи, „хотя торговыя сношенія ихъ съ Германіей „непрепятствуютъ предполагать возможность „вразсужденіи покупки оныхъ. Впрочемъ было бы желательно, чтобы кто нибудь постарался, будучи въ Новѣгородѣ, снять всѣ надписи и съ возможною точностію описать всѣ „фигуры; тогда, можетъ статься, открылась „бы подлинная древность сего художественнаго произведенія. Далѣе 1152 года, въ которомъ *Вихманнъ* получилъ санъ Архіепископа, она не можетъ простираться."

Слѣдующее мѣсто изъ *Шведской Исторіи Далина* (T. II, S. 120), кажется, не должно остаться безъ замѣчанія. Подъ 1188 годомъ сказано тамъ, что Карелы разорили Сигтуну, что язычники получили въ семъ городѣ богатую добычу, и что между прочимъ изъ одной церкви увезли двойныя врата серебряныя, *которыя и теперь въ большой церкви въ Новѣгородѣ предъ главнымъ олтаремъ видимы, и называются Сартунскія ворота, или Сигтунскія* (Sartunski Worota, oder Sigtuna's Pforten). Тамъ же Сочинитель говоритъ, въ примѣчаніи: „*Сигтунъ* можетъ быть по Русскому нарѣчію „перемѣнилось въ *Сартунъ*; впрочемъ Сартунъ значитъ *на языкѣ* (?) главной го-

„родъ или Дворъ Королевской." Последнее толкованіе очевидно произошло отъ недоразуменія. Не легче ли было бы найти сходство между *Сартунскія* и *Карсунскія?* Правда, что отсюда вышла бы еще новая историческая задача. Можетъ быть гораздо естественнее должно разуметь подъ сими *Сартунскими воротами* другія двери, находящіяся въ той же Софійской церкви, называемыя донынѣ *Шведскими*.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(А).

Разумеется, что сіе написано было прежде нежели вышла въ светъ *Исторія Государства Россійскаго*.

(Б).

О сихъ дверяхъ, объ изображенныхъ фигурахъ и надписяхъ Г. *Карамзинъ* сообщаетъ археологическое известіе въ Примечаніяхъ къ своей Исторіи Россійск. Государства (Томъ I. С. Петербургъ, безъ означенія года, Примеч. 458): „Западныя резныя врата Софійска„го Новогородскаго Собора действитель„но называются *Херсонскими*, но сдѣланы „Нѣмецкими художниками, которые внизу „изобразили самихъ себя въ Германской ста„ринной одеждѣ, и написали имена: *Ма„стеръ Авремъ* (Авраамъ) Ismut, *мастеръ* „*Иикенъ Менеги*; но сіе последнее имя

„лучше вырѣзано въ другомъ мѣстѣ (надъ „главою благословляющаго Епископа) Латин-„скими буквами: Wikmannus Megidepurgis: „слѣдственно *Викманъ Магдебургскій уро-„женецъ.* Въ срединѣ представленъ иной „Епископъ съ надписью: *Александръ.* Мы „знаемъ только перваго Митрополита Ново-„городскаго *Александра*, посвященнаго въ „1577 году.“ И мы никогда не умѣли бы со-гласить ученаго, критическаго показанія Г-на *Буссе* съ показаніемъ Исторіографа, если бы не увидѣли на послѣдней страницѣ Исторіи I Тома прибавленіе, которымъ *отчасти* поправлена сдѣланная ошибка. Не-вѣрность слѣпка съ дверей, которымъ Г. К. пользовался, еще и по тому очевидна, что на немъ Нѣмецкіе художники представлены въ *Германской* старинной одеждѣ. Когда Нѣмцы, или предки ихъ, ходили въ Герман-ской старинной одеждѣ; въ то время еще и Магдебурга не было на свѣтѣ.

(В.)

Безъ сомнѣнія, подъ словомъ *капище* должно разумѣть здѣсь не *божницу* языче-скую. Едва ли гдѣ можно найти слово капище въ значеніи *истукана*; но Лѣтописецъ дѣй-ствительно могъ употребить его въ семъ смыслѣ. Вотъ поводъ къ нашей догадкѣ: послѣдній слогъ *ще* есть приращеніе, а не корень (какъ и въ словахъ *требище* ру-*бище* и проч.); у Босніяцевъ же и Рагузанъ

кумиръ называется *Kip*, *Kip* (*). Здѣсь тѣ же коренныя буквы, и отсюда-то произведено *капище*, столь часто употребляемое и перелагателями нашей Библіи. Но важность не въ словѣ, а въ истинѣ происшествія. Выпишемъ прежде всего изъ Лѣтописи мѣсто, о которомъ разсуждать предполагаемъ: *взя же (Владимiръ изъ Корсуня) и два капища мѣдяны, и четыре кони мѣдяны, еже и нынѣ стоятъ за Святою Богородицею, якоже невѣдущiи глаголютъ* (по другимъ спискамъ: *мнятъ) мраморяны суща* (**). Полагая, что у каждаго изъ читателей нашихъ есть екземпляръ *Исторiи Государства Россiйскаго*, мы просимъ ихъ положить передъ собою первой Томъ, раскрыть его на 216 страницѣ и не забыть о принадлежащемъ къ ней 458 Примѣчанiи. Великiй Владимiръ, уже помирившись съ Императорами, сочетавшись съ родною сестрою ихъ, воспріявши вѣру православную, участiемъ своимъ въ покоренiи мятежника Фоки оказавшiй важную услугу порфироноснымъ Союзникамъ, имѣющiй въ нихъ нужду по случаю введенiя обрядовъ новой вѣры, увозитъ изъ Корсуня два истукана и четырехъ коней

(*) *Линде* подъ словомъ: Posąg.

(**) Печатная Лѣтопись по Кенигсб. списку стран. 82.

мѣдныхъ „въ доказательство любви своей къ художествамъ," какъ будто кто нибудь хотѣлъ сомнѣваться или даже знать о сей мнимой любви его! Возвращаясь въ престольный градъ свой, чтобы немедленно обратить подданныхъ къ истинной вѣрѣ, чтобы распространить новые обряды, чтобы изрубить, сжечь и потопить Кіевскіе кумиры, Владиміръ везетъ съ собою кумиры Корсунскіе и ставитъ ихъ „на площади стараго Кіева, близь нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви!" Невозможно! — Какъ невозможно! скажутъ мнѣ: а Преподобный Несторъ, а лѣтописи? — Милостивые государи! безсмертный нашъ Лѣтописатель скончался въ началѣ *двенадцатаго* столѣтія, а древность самыхъ старинныхъ списковъ, по крайней мѣрѣ извѣстныхъ, простирается не далѣе *четырнадцатаго* вѣка. Сколько же можно было приписать въ двѣсти лѣтъ слишкомъ, а особливо въ такое время когда любили одно приписывать, другое недописывать! Притомъ же и подлинной Лѣтописи, еслибъ она уцѣлѣла, необходимо надлежало бы пройти сквозь чистилище *высшей* критики исторической. Первый сочинитель ея, говоритъ знаменитый А. *Шлецеръ*, могъ быть увлеченъ духомъ своего времени, могъ ошибаться. Мы, люди девятьнадцатаго вѣка, многое должны знать лучше, нежели грамотные Кіевляне вѣка одиннадцатаго, знавшіе то единствен-

ю, чему могли научиться у Византійцевъ: предъ нами лежитъ сокровище историческихъ свѣдѣній, плодъ многихъ тысящелѣтій... — Герберштейнъ, человѣкъ отличный по характеру, уму и учености, невыдумывалъ ничего, когда дѣлалъ выписки изъ Русской лѣтописи (*), а мы не знаемъ ни одного списка, въ которомъ упоминалось бы объ увезенныхъ изъ Корсуня *мѣдныхъ вратахъ церковныхъ* и *большомъ колоколѣ*, которыя онъ *самъ видѣлъ*, бывши въ Новгородѣ (**). Сочинитель Никоновской лѣтописи заставляетъ Владиміра везти изъ Корсуня не только два болвана мѣдяны, и четыре кони мѣдяны, но еще и „*три львы мѣдяны*;" помня однакожъ, что надобно говорить о сокрушеніи кумировъ, онъ не разсудилъ заблаго ставить болваны на площади Кіевской. Не уже ли и сей компиляторъ отъ себя прибавилъ *трехъ львовъ мѣдяныхъ*? Какъ и для чего? Къ подобнымъ выдумкамъ всегда бываетъ какой нибудь поводъ. Зная, откуда взяты нѣкоторыя очевидныя сказки, прежде находившіяся и нынѣ находящіяся въ нашихъ лѣтописяхъ, посмотримъ, не можемъ ли найти источника сказанію о вывезенныхъ изъ Корсуня *мѣд-*

(*) Ut Annales eorum referunt. *Rer. Moscov, Francof.* 1600. *Fol. pag.* 55. —

(**) Aereas portas superatae urbis ac magnam quamdam campanam, quam ipsi . . . vidimus. *Тамъ же.*

ныхъ *вратахъ*, *коняхъ*, *львахъ* и проч.
Ежели Скиѳскіе рабы Геродотовы (*) могли превратиться въ рабовъ Новогородскихъ для наполненія празднаго мѣста въ Лѣтописи, скудной происшествіями; ежели Бѣлгородъ освобожденъ отъ Печенѣжской осады *тѣстомъ* и *сытою* (сказка, достойная занимать мѣсто въ Примѣчаніяхъ, а не въ самой Исторіи), потому только что у Геродота (**) Милетъ похожею хитростію избавляется отъ осады Лидійской; ежели Олегъ умираетъ отъ укушенія выскочившей изъ лошадинаго черепа зміи по примѣру какого-то Скандинавскаго витязя; однимъ словомъ, ежели лѣтописатели, за недостаткомъ дара изобрѣтательнаго, принуждены были весьма не рѣдко обновлять старыя происшествія свѣжими именами: то поневолѣ впадаешь въ соблазнъ сказаніе о *вратахъ*, *коняхъ*, и тому подобномъ отнести къ возобновленнымъ происшествіямъ, описаніе коихъ почерпнуто изъ чужестранныхъ преданій, письменныхъ или словесныхъ. Въ 1204 году Константинополь, взятый приступомъ и разграбленный Крестоносцами, лишился всей лѣпоты своей, всего богатства. Изящнѣйшія, драгоцѣнныя произведенія древняго искусства ваятельнаго, которыя Константинъ Великій собралъ изъ многихъ мѣстъ

(*) Melpom. Cap. I.
(**) Melpom. Cap. I.

для украшенія новой, любезной ему столицы, — утвари церковныя, общественная и частная собственность, все досталось въ добычу корыстолюбивымъ Латинамъ, уже болѣе ста лѣтъ съ жадною завистію взиравшимъ на пышность Царяграда. Побѣдители, Венеціане и Франки, поругавшись надъ святынею вѣры и нравовъ, нанесши смертельный ударъ Восточной Имперіи, раздѣлили между собою сокровища несмѣтныя. Изумляемся, читая у Бандурія (*), какими чудесами искусства былъ украшенъ Константинополь: все погибло отъ рукъ варварства и корыстолюбія. Бронзовыя статуи изломаны и перетоплены; трудъ, иждивеніе исчезли въ одну минуту; духъ творческаго Генія поднялся съ дымомъ на воздухъ — говоритъ краснорѣчивый Гиббонъ — а остатокъ подлаго металла передитъ въ деньги, на жалованье войску. Такъ гибли бронзовыя, *прочныя* статуи, между тѣмъ какъ мраморныя, можетъ быть образованныя рѣзцомъ Фидія и Праксителя, безопасно стояли на своихъ подножіяхъ: варвары съ глупымъ презрѣніемъ смотрѣли на *безполезный* камень (**). Венеціане однакожъ

(*) Imperium Orientale.
(**) Это описано современнымъ свидѣтелемъ *Никитою Хоніатомъ*. Въ подражаніе сему надлежало что нибудь сказать и о Кіевлянахъ, которымъ мѣдныя Корсунскія диковинки казались *мраморными*.

кожъ сберегли *четырехъ коней*, привезенныхъ нѣкогда съ острова Хіо въ царствованіе Ѳеодосія младшаго (*); они украсили ими площадь Св. Марка въ столицѣ Дожей.— Есть книга, называемая *Хронографъ*; она написана на простомъ Греческомъ языкѣ и напечатана въ Венеціи 1685 года. *Дороѳей*, Митрополитъ Монемвасійскій, составилъ ее изъ разныхъ *Греческихъ Исторій*. Въ сей книгѣ (стран. 385 — 386) обыкновеннымъ слогомъ Хроникъ упоминается, что Венеціане, покорившіе вмѣстѣ съ Франками Константинополь, взяли святыя мощи, иконы малыя и большія, олтарныя двери, драгоцѣнную утварь Св. Софіи, всѣхъ монастырей и церквей, одежды, книги, *мѣдныхъ коней* (*τα χαλκινα ἄλογα*), и все, что находится у Св. Марка, принадлежало Св. Софіи, и *врата* Св. Софіи (*ταῖς πορταις τῆς Ἁγιας Σοφιας*) увезли къ Св. Марку. — Митрополитъ Дорофей, почерпнувшій сказаніе свое изъ одного источника съ нашимъ Лѣтописцемъ, или его переписчикомъ, умалчиваетъ объ истуканахъ, какъ о вещахъ нестоющихъ вниманія. — Херсонскія *мнимыя* врата привезены къ Св. Софіи (Константинопольскихъ) въ Новгородъ; но подлинныхъ надобно искать не въ женскомъ Александровскомъ монастырѣ (Владим. губ.), куда будто бы привезъ ихъ Іоаннъ

(*) Imp. Or. T. II, стр. 665.

Василіевичъ изъ Новгорода, а развѣ въ Венеція. —... Почемужъ (спросятъ) въ лѣтописи сказано, что истуканы и кони, вывезенныя вмѣстѣ съ вратами, и *нынѣ стоятъ* за Св. Богородицею? Безъ сомнѣнія по той же причинѣ, для которой сани великой Княгини Ольги стоятъ во Псковѣ *и до сего дне*.

К.

IV. СМѢСЬ.

Письмо къ Редактору.

Стараясь привести столь возможно ближе къ совершенству составленный мною *Словарь древнія и новыя Поэзіи*, я немедленно выписываю всякую вновь выходящую книгу, касающуюся до Словесности вообще, или особенно до Поэзіи, и съ большимъ вниманіемъ ее прочитываю. Такимъ образомъ разсматривалъ я нынѣ сочиненіе Г. Востокова *о Русскомъ стихосложеніи*, столь скромно *Опытомъ* названное. Уваженіе, издавна чувствуемое мною къ сему отличному Литтератору - Поэту, усугубилось при чтеніи сего истинно классическаго творенія: оно обогатило Словарь мой многими прекраснѣйшими разсужденіями, что ви-

дно будетъ, когда обстоятельства позволятъ мнѣ приступить къ изданію онаго. Не могу однакожъ при семъ случаѣ скрыть сомнѣнія моего, произведеннаго одною статьею упомянутаго сочиненія Г. Востокова — именно слѣдующею: Во 2 отдѣленіи 1 й главы (стр. 56 — 57) сказано между прочимъ, что Княжнинъ въ *пятистопныхъ ямбическихъ* стихахъ употребляль иногда *пресѣченіе* на 5 мъ и на 3 мъ слогѣ, и приведены въ примѣръ сіи стихи изъ его мелодрамы *Орфей*.

На пятомъ:

Какія муки| долженъ я терпѣть. —
Всесильны стражи| пропастей подземныхъ.

На третьемъ:

Но сердца| нѣжной страстью распаленна.

Я никакъ не думаю, чтобы Княжнинъ съ умысломъ сдѣлалъ на сихъ слогахъ пресѣченіе, когда за ними слѣдуетъ *хорей*, и чтобы хотѣлъ выдать за правило такое пресѣченіе. Онъ, безъ сомнѣнія, зналъ, что послѣ всякаго пресѣченія должна быть стопа того же размѣра, или по крайней мѣрѣ входящая въ составъ того размѣра, какъ-то послѣ Дактиля Хорей, или послѣ Анапеста Ямбъ, и на оборотъ, или наконецъ входящій во всѣ размѣры Пиррихій, и то въ однихъ только Сафическихъ

стихахъ, въ которыхъ третья стопа, составляющая Дактиль, дѣлаетъ первымъ своимъ слогомъ пресѣченіе, за которымъ и слѣдуетъ Пиррихій, напр.

Scandit |aera|tas|| viti|osa naves

Майска тиха ночь|| разли|вала сумракъ.

Но такое раздѣленіе, чувствительное болѣе для глазъ, нежели для слуха, не уничтожаетъ Дактиля, слѣдовательно не отмѣняетъ и общаго правила. И потому не уже ли Княжнинъ хотѣлъ соединить въ одномъ стихѣ двѣ противоположныя одна другой стопы, хотѣлъ написать, вопреки всѣмъ піитикамъ, стихи *Хореямбическіе*? Сомнѣваюсь. Мнѣ кажется, что въ приведенныхъ Г. Востоковымъ стихахъ совсѣмъ нѣтъ пресѣченія, также какъ и въ слѣдующихъ, написанныхъ Княжнинымъ въ трагедіи *Титово милосердіе*:

Какъ только человѣчествомъ гнушаться....
Твою небесну благость обожаетъ...

Объяснивъ такимъ образомъ сомнѣніе мое, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, напечатать письмо сіе въ вашемъ Вѣстникѣ. Мо[illegible] быть можетъ, что я ошибаюсь; но пока[illegible] увѣрять меня въ этомъ, до того вре[illegible] въ Словарѣ моемъ не будетъ написано, [illegible] *пятистопные ямбическіе* стихи могутъ

имѣть пресѣченіе *на пятомъ* и *на третьемъ* слогѣ. Имѣю честь и проч.

Н. Остолоповъ.

16 Апр. 1818.

Вологда.

О новой книгѣ.

Профессоръ Дерптскаго Университета, Г. Парротъ, поручилъ мнѣ приятную обязанность распространить между Русскими и въ особенности между Московскими читателями извѣстіе о сочиненной имъ книгѣ, Entretiens sur la Physique, Разговоры о Физикѣ. Лучшимъ для сего средствомъ почитаю напечатать увѣдомленіе объ ней въ вашемъ Журналѣ: онъ у всѣхъ въ рукахъ, и Публика имѣетъ довѣренность къ его Издателю. Выписываю то, что говоритъ самъ Авторъ въ своемъ объявленіи, напечатанномъ особенно на Французскомъ языкѣ.

„Наука есть принадлежность человѣка; „но не одинъ ученый долженъ пользоваться „плодами ея: всѣ классы человѣческаго обще„ства, по мѣрѣ своихъ потребностей, имѣютъ „на нихъ право; въ особенности Физикъ, ко„тораго наука должна возбуждать вниманіе „всеобщее, обязанъ знакомить свѣтскаго чело„вѣка съ ея успѣхами, обязанъ истребить „ложное мнѣніе, утверждающее, что знанія „Физическія неприступны по причинѣ глубо„кихъ умствованій и трудныхъ исчисленій,

„съ ними неразлучныхъ. Правда, что *истина* „*физическая* должна предварительно пройти „сквозь сумракъ гипотезъ и сомнѣній, сквозь „длинный рядъ опытовъ, сквозь лабиринтъ „исчисленій; но изъ сей лабораторіи ума „человѣческаго она должна наконецъ появляться „облеченная въ простоту, ясность, величіе, „привлекательныя для разсудка, легко пора- „жающія воображеніе.

„Такова цѣль Сочинителя книги: *Разгово-* „*ры о Физикѣ*. Онъ выбралъ форму разговора, „дабы избѣжать сухости и однообразія въ „слогѣ, дабы владѣть вниманіемъ, неутомляя „его, дабы имѣть способъ украшать цвѣтами „предметъ свой, столь богатый и разнообраз- „ный, что вся трудность состоитъ только „въ выборѣ лучшаго и нужнѣйшаго.

„Книга сія не есть систематическій „трактатъ о Физикѣ, въ коемъ обыкновенно „представляется каждая теорема отдѣльно, „но ясное и точное изображеніе Физическихъ „и Химическихъ законовъ Природы, и главнѣй- „шаго ихъ примѣненія.

„Она будетъ состоять изъ двухъ Частей. „Въ *первой* изъясненіе извѣстныхъ законовъ „Природы, разсматриваемыхъ въ общихъ свой- „ствахъ матеріи, въ феноменахъ движенія „жидкихъ и твердыхъ тѣлъ, въ феноменахъ „теплоты, свѣта, состава и раздробленія „тѣлъ, електрической силы, магнита. *Во* „*второй*, примѣненіе сихъ законовъ ко глав- „нымъ явленіямъ Природы; въ сей послѣд- „ней части заключается: 1е *физика земли*, „которая разсматриваетъ нашу планету, сна- „чала въ отношеніи къ ея формѣ, величинѣ и

„къ дѣйствіямъ тяжести; потомъ въ отно-
„шеніи къ ея поверхности, составленной изъ
„горъ, пещеръ, волкановъ, рѣкъ, озеръ и мо-
„рей, наконецъ въ отношеніи къ безчислен-
„нымъ и важнымъ явленіямъ нашей атмосферы;
„2 е главныя системы *Геологіи*, которая изо-
„бражаетъ великими чертами Исторію измѣ-
„неній земнаго шара и старается разрѣшить,
„какимъ образомъ сіи измѣненія произвели на-
„последокъ видимую нами ея поверхность; —
„на конецъ 3 е *Астрономія*. Подъ именемъ ея
„Физика перелетаетъ отъ скромной обители
„человѣка къ небу, разсматриваетъ безчислен-
„ныя звѣзды его, изъясняетъ чудесныя дви-
„женія нашей земли и планетъ, ей сопутст-
„вующихъ въ постоянномъ ея теченіи вокругъ
„нашего солнца.

„Картина Природы, объемлющая безконеч-
„но великое и безконечно малое, являющая чу-
„десную связь между явленіями и неизмѣнными
„законами, коимъ они все вообще покорствну-
„ютъ, изображающая передъ глазами человѣка
„все его величіе, но въ то же время и ограни-
„ченность его силъ и слабость его зрѣнія —
„такая картина необходимо оживляетъ въ насъ
„чувство Божества, открывающагося человѣ-
„ку въ такомъ величіи, чувство высокое, ис-
„точникъ чистѣйшихъ, блаженнѣйшихъ на-
„слажденій.“

Прибавлю несколько словъ: когда я нахо-
дился въ Дерптѣ, то почтенный Авторъ, у-
достоивающій меня дружбы своей, самъ читалъ
мнѣ первый Томъ своей книги. Цѣль ея: сдѣ-
лать Физику пріятною, *для незнающихъ* пред-
ложить ея истины простымъ, привлекатель-

нымъ, для всякаго равно понятнымъ языкомъ — имѣю нѣкоторое право сказать, что Авторъ совершенно достигъ етой цѣли. Будучи совершенно *незнающимъ* въ его наукѣ, я слушалъ его съ наслажденіемъ. Онъ умѣлъ оживить пріятностію слога сухость своей матеріи — и первая Часть особенно представляла ему почти непобѣдимыя трудности: надлежало говорить о главныхъ, общихъ свойствахъ тѣлъ, о тяжести, равновѣсіи, дѣлимости, плотности и проч. — предметы отвлеченные, привлекательные для немногихъ — и всѣ сіи трудности побѣждены счастливо. Особенный характеръ слога его есть ясность. Съ благоразумною умѣренностію выбралъ онъ занимательнѣйшіе между безчисленнымъ множествомъ предметовъ своей науки, и выбралъ такъ, что читатель его получаетъ полное понятіе о томъ, что́ узнать ему необходимо: онъ слѣдуетъ безъ труда за мыслями Автора, или лучше сказать невольно вмѣшивается въ разсужденія разговаривающихъ лицъ; умъ его не безъ дѣйствія, но сіе дѣйствіе не тягостное: онъ остается доволенъ и собою и своимъ наставникомъ — и въ награду за легкій трудъ получаетъ полныя и ясныя понятія, знакомится съ окружающими его тайнами Природы, находитъ и жизнь и чудеса тамъ, гдѣ прежде для незнанія его было все мертво и обыкновенно. Могутъ подумать, что Авторъ, выбравъ форму разговора, идетъ по слѣдамъ Фонтенеля; но между ими великая розница, сколько могу судить по одному бѣглому чтенію. Фонтенель хотѣлъ доказать, что обо *всемъ* можно говорить языкомъ острымъ и шутливымъ; его Разговоры о множествѣ міровъ — блестящая игрушка. Нашъ Авторъ неимѣетъ

єстой хвастливости: онъ болѣе думаетъ о наукѣ своей, нежели о самомъ себѣ; не хочетъ ослѣплять остротою ума и красками слога, но употребляетъ ихъ какъ средство *необходимое*, дабы овладѣть вниманіемъ. Въ Разговорахъ Фонтенелевыхъ дивятся Фонтенелю; *Разговоры о Физикѣ* заставятъ полюбить Физику.

Всѣ шесть Томовъ етаго прекраснаго сочиненія готовы. Почтенный Сочинитель, чтобы имѣть средство напечатать книгу свою, ибо ея напечатаніе должно стоить большихъ издержекъ, считаетъ за нужное открыть на нее подписку. Должно надѣяться, что Русская публика для собственнаго удовольствія поддержитъ его полезное предприятіе. Подписка для Московскихъ читателей и для иногородныхъ открывается въ Московскомъ Почтамтѣ, въ Газетной Експедиціи. Подписавшіеся платятъ за шесть Томовъ на *простой* хорошей бумагѣ 40 рублей, а на *пищей* 50 рублей; при подпискѣ получаютъ они билетъ, по которому и будетъ выдана имъ книга, какъ скоро о выходѣ ея напечатается въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

В. Жуковскій.

Московскія записки.

Въ засѣданіи здѣшняго Общества Любителей Россійской Словесности 4 числа Мая, въ присутствіи Господина Министра Духовныхъ дѣлъ и народнаго Просвѣщенія, Князя Александра Николаевича Голицына, Господина Попечителя Университета, Князя Андрея Петровича Оболенскаго, посѣтителей и посѣтительницъ, Члены занимались обыкновенными своими дѣлами, особенно же чтеніемъ предварительно одобренныхъ сочиненій въ стихахъ и въ *прозѣ*.

Мы должны упомянуть во первыхъ о томъ, что Господинъ Предсѣдатель представилъ Обществу недавно отпечатанную *Десятую* Часть Трудовъ, содержащую въ себѣ, смѣло сказать можемъ, много хорошаго.

Послѣ розданы были, въ слѣдствіе прежде сдѣланнаго положенія, пробные листки вновь составляемаго Производнаго Словаря Россійскаго языка. На первой случай собраны Членомъ А. В. Болдыревымъ первообразныя слова, начинающіяся съ буквы И. Члены должны прочесть ихъ внимательно и представить свои замѣчанія. Ежели сіе предприятіе увѣнчается желаемымъ успѣхомъ; то Публика увидитъ весь

языкъ Русскій раздѣленнымъ на тѣ группы, или семейства, изъ которыхъ составила его Натура, просвѣщеніе, обстоятельства мѣста и времени. Еслибъ и другіе народы Славянскіе сдѣлали тоже для своего языка, тогда какому нибудь труженику — облеченному въ броню Нѣмецкаго терпѣнія — предстоялъ бы важный подвигъ: оставалось бы выбрать коренныя слова изъ всѣхъ нарѣчій Славянскихъ. Тогда увидѣли бы мы, гдѣ скрываются тѣ начала многихъ словъ нашихъ, которыя давно уже потеряны. Намъ извѣстны сложныя: *во-нзить, по-коить*; но гдѣ ихъ начала-*нзить, коить*? Во ожиданіи сихъ открытій пожелаемъ напередъ, чтобы начатое дѣло продолжалось благоуспѣшно.

Далѣе, П. С. Яковлевъ прочиталъ стихотвореніе *В. А. Жуковскаго*: Ея Императорскому Высочеству, Государынѣ Великой Княгинѣ АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ. Читатели угадываютъ, по какому поводу. Вотъ окончаніе:

Но Онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля!
Здѣсь возмужалъ Орелъ нашъ двоеглавый!
Кругомъ его и небо и земля,
Питавшія Россію въ колыбели!

Здѣсь жизнь отцовъ великая была!
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли!
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла. . . .
Обманетъ ли сіе знаменованье?
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ Твоемъ младенцѣ отдаетъ!
Тебѣ Его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта,
Пускай Тебѣ во слѣдъ Онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой,
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой!
Наступитъ часъ . . . . подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы;
Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: — *человѣкъ*!
Жить для вѣковъ, въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ Свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ Отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать. . . .
Вотъ правила Царей великихъ Внуку!
Тебѣ открыть Ему сію науку!
Теперь едва проснувшійся душой,

Предъ Матерью, какъ будто предъ судьбой,
Безпечно Онъ играетъ въ колыбели,
И радости младыя прилетѣли
Ея покой прекрасный оживлять!
Житейское отъ ней еще далеко!
Храни ее, заботливая Мать!
Твоя любовь всевидящее око!
Въ Твоей любви святая благодать!

Потомъ читаны были:

А. Ѳ. Мерзляковымъ свой переводъ въ стихахъ, *Описаніе страшнаго зноя* изъ XIII Пѣсни Тассова Освобожденнаго Іерусалима;

Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ *Подражаніе Псалму* XIV Св. Пророка и Царя Давида, стихотвореніе Н. М. Шатрова

И. И. Давыдовымъ *Взглядъ на Греческую и Русскую просодію*, свое разсужденіе;

В. Л. Пушкинымъ *Къ солнцу*, стихотвореніе К. П. И. Шаликова;

Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ свой переводъ въ стихахъ *Отрывокъ изъ Мольерова Филинта*, комедія сочиненія Фарба д' Енглантина

П. С. Яковлевымъ *Нѣчто о Русскихъ пѣсняхъ*, сочиненіе г-на Глаголева;

В. Л. Пушкинымъ Флоріанова басня *Ежъ и Кроликъ*, переводъ въ стихахъ г-на Дмитріева;

Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ *Фіалка и Зефиръ*, басня въ стихахъ г-на Саларева;

В. Л. Пушкинымъ Флоріанова басня *Ученые*, переводъ въ стихахъ г-на Дмитріева.

Политическія происшествія.

Франція.

Законъ о дополненіи арміи принятъ повсюду съ одобреніемъ. Число людей, назначенныхъ охранять отечество, не столь значительно, чтобы отъ того могли произойти вредъ для промышленности, или опасность для спокойствія Европы. — Новый законъ о таможенныхъ сборахъ принятъ въ Палатѣ Депутатовъ; равнымъ образомъ принято и постановленіе, коимъ *запрещается торгъ невольниками*.

— Всѣ сомнѣнія касательно отношеній между Франціей и Швеціей исчезли. Пребывающая въ Парижѣ Графиня Готландская (нынѣшняя Королева Шведская) принята была Его Величествомъ Лудовикомъ XVIII съ отличнымъ уваженіемъ.

— Извѣстно, что во Франціи недовольны заключеннымъ съ Папою конкордатомъ, для разсмотрѣнія котораго даже учреждена особая Коммиссія. Графъ *Марселлюссъ*, жаркій Роялистъ и Членъ сей Коммиссіи, никакъ не хотѣлъ согласиться на нѣкоторыя перемѣны въ конкордатѣ и на предложеніе о томъ закона, не испросивъ предварительно согласія Папы. Онъ писалъ о семъ къ Его Святѣйшеству, и получилъ въ отвѣтъ извѣщеніе, что никакой перемѣны въ конкордатѣ сдѣлать не можно, и что обѣ Палаты должны утвердить его. Графъ сообщилъ сей отзывъ Коммиссіи, и засѣданія оной прекратились. Нельзя не подивиться, что Французскій Народный Представитель просилъ совѣта у иностраннаго Владѣтеля, какое мнѣніе подать ему въ дѣлѣ, касающемся до Французскаго народа! Негодованіе благомыслящихъ людей усугубилось, когда сдѣлался извѣстнымъ заключенный недавно между Неаполитанскимъ Королемъ и Папою конкордатъ, въ которомъ первый сохранилъ права свои (?). Парижане спрашиваютъ одинъ у другаго, пожимая плечами: „Чѣмъ же мы хуже Италіянцевъ? Почему Французы должны уступать въ семъ случаѣ другимъ Католическимъ народамъ?

— Дѣло въ покушеніи на жизнь Веллингтона скоро должно объясниться. Мѣры при-

няты были самыя строгія. Даже въ Нидерландахъ арестовано нѣсколько человѣкъ, знавшихъ объ умыслѣ. Истинный виновникъ, по имени *Катильонъ*, уже схваченъ въ Шарлеруа, на пути къ Антверпену.

Англія.

Недавно распространенный слухъ о мнимой смерти Наполеона Буонапарта былъ не иное что, какъ выдумка нѣкоторыхъ расчетливыхъ удальцовъ, которою надѣялись они ввести въ заблужденіе людей легковѣрныхъ, и продажею объявленій набить карманы свои деньгами.

— Вотъ новой примѣръ встрѣчи съ бѣдою тамъ, гдѣ вовсе ее неожидаешь. Государственный Секретарь военнаго Департамента, Лордъ Пальмерстонъ, получилъ рану, можетъ быть смертельную, отъ руки какого-то офицера Дависа, которому вздумалось дождаться Лорда на лѣстницѣ дома военной Канцелляріи и выстрѣлить въ него изъ пистолета. Оказалось, что Дависъ лишился разсудка.

— Вниманіе всей Европы обращено теперь на експедицію къ Сѣверному полюсу, приготовленную въ Лондонѣ. Приняты всѣ возможныя предосторожности для желаемаго успѣха. У всѣхъ корабельныхъ каютъ сдѣланы

двойныя окна, а отъ очаговъ проведены мѣдныя трубы на палубы для повсемѣстнаго распространенія теплоты, и проч. Удача въ семъ предпріятіи можетъ доставить великія выгоды касательно наукъ, торговли и самой политики. Но многимъ кажется она вовсе невозможною. По мнѣнію нѣкоторыхъ, однѣ плавающія ледяныя громады предполагаютъ уже непреодолимое препятствіе путешественникамъ. Онѣ не только разбиваютъ корабли, но и могутъ сильнымъ треніемъ своимъ зажечь ихъ.

Италія.

Конкордатъ, заключенный между Папою и Королемъ Неаполитанскимъ, состоитъ изъ 35 пунктовъ. Вотъ главнѣйшіе: Римско-Католическое исповѣданіе постановляется *единственнымъ* въ Королевствѣ обѣихъ Сицилій. Его Святѣйшество даетъ Епископамъ право назначать Священниковъ на упразднившіяся мѣста. Монастыри, въ коихъ находились учебныя заведенія, будутъ возстановлены въ наискорѣйшемъ времени. Церковь сохраняетъ полное право пріобрѣтать себѣ новыя имущества. Его Святѣйшество *предоставляетъ себѣ* годовые доходы съ нѣкоторыхъ новоучреждаемыхъ Епископствъ, суммою до 12,000 червонцевъ, коими будетъ онъ располагать *въ пользу жителей Церковной области*. Неаполитанское

духовенство *можетъ подавать* апелляціи Римскому Двору. Епископы назначаются Королемъ, но *должны имѣть* подтвержденіе Папы. При вступленіи въ сіе званіе приносятъ они присягу въ вѣрности Королю. Неаполитанское правительство обязывается строжайше запретить изданіе и распространеніе книгъ соблазнительныхъ.

— Е. В. Король Неаполитанскій въ минувшемъ Мартѣ далъ повелѣніе, которымъ конскрипція въ Королевствѣ обѣихъ Сицилій уничтожается навсегда, а вмѣсто оной учреждается добровольное ополченіе и принужденный наборъ рекрутскій. Изъ сего набора исключаются: Чиновники, получающіе болѣе 15 червонныхъ жалованья на каждой мѣсяцъ; дѣти семействъ, не имѣющія братьевъ; — дѣти вдовъ; Докторы Медицины, Правъ, Физическихъ и Математическихъ наукъ, ежели они дѣйствительно продолжаютъ заниматься учеными упражненіями.

— Г. *Акоуртъ*, Англійскій Посланникъ при Сицилійскомъ Дворѣ, остановясь на нѣсколько времени въ Римѣ, поднесъ Святому Отцу грамату отъ Принца-Регента. Дѣло неслыханное въ наше и дѣдовъ нашихъ время!

Уже нѣсколько протекло столѣтій, какъ Великобританскіе Государи не посылали къ Папѣ никакихъ грамотъ.

Алжирская область.

Варваръ новый Дей умеръ 1 Марта отъ моровой язвы. Смерть его произвела живѣйшую радость между всѣми сословіями народа; ибо иго его было наконецъ нестерпимо для самыхъ даже Африканцовъ, сколь они впрочемъ ни привыкли къ деспотизму.

Восточная Индія.

Началась война между Остъ-Индскою компаніей и начальниками Мараттовъ. Маркизъ *Гастингсъ* заключилъ трактатъ со *Сциндіагомъ*, въ силу коего сей послѣдній даетъ свободный пропускъ чрезъ свои владѣнія Англійскимъ войскамъ, отправляемымъ противъ Пиндарисовъ.

КОНЕЦЪ XCVII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО СЕДМОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стран.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Стран.

IV. СМѢСЬ.

Приложенная картинка представляетъ пораженіе Печенѣжскаго исполина, относящееся ко времени Владиміра Великаго. Она взята изъ перваго Тома Русской Исторіи на Французскомъ языкѣ, напечатанной въ Парижѣ 1797 года. Рисунки къ ней сочинены Монnетомъ, а выгравированы Давидомъ. Вообще искусства въ нихъ очень много; жаль только, что изобрѣтатель не могъ попадать на точность костюма.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XCIX.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1818.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Мая 13 дня 1818 года. *Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 9.
МАЙ 1818.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

О Лютеровой Реформаціи.

(Продолженіе.)

Таковы были успѣхи Лютера и въ такомъ состояніи находилось его ученіе; когда пріѣхалъ въ Германію Карлъ V. Еще ни одинъ Государь не принялъ мнѣній Лютера; еще никакой перемѣны не послѣдовало въ господствующихъ обрядахъ богослуженія; еще владѣнія и власть Римскаго духовенства ничего не потеряли; еще ни одна сторона не простирала своихъ мѣръ до войны рѣшительной; и споръ, съ обѣихъ сторонъ продолжаемый съ великимъ жаромъ, еще не былъ ужасенъ другимъ оружіемъ, кромѣ предложеній, сомнѣній, отвѣтовъ: но въ умахъ народа сдѣлано уже глубокое впечатлѣніе; общее уваженіе къ прежнимъ правиламъ, къ прежнему ученію уже поколебалось въ своемъ ос-

нованіи; пламя уже разлилось и произвело тотъ пожаръ, который обнялъ всю Германію. Изъ всѣхъ областей Имперіи студенты собирались въ Виттемберг толпами; Меланхтонъ, Карлостадій и другіе знаменитые мужи изъ самаго источника почерпали новыя мнѣнія, потомъ удѣляли ихъ своимъ соотечественникамъ, и были свидѣтелями того сладостнаго вниманія, которое привлекаетъ къ себѣ всякая истина, прелестная новостію.

Въ продолженіе всѣхъ сихъ происшествій Римскій Дворъ, хотя имъ управлялъ одинъ изъ Папъ самыхъ искусныхъ, не показалъ ни того глубокаго ума въ своихъ планахъ, ни той непоколебимой твердости въ ихъ исполненіи, которыя уже давно служили совершеннѣйшимъ образцомъ политической мудрости для всей Европы. Когда Лютеръ осмѣлился роптать противъ отпущеній; то Папа имѣлъ два разныя средства укротить его: одно по всѣмъ вѣроятностямъ разрушило бы Лютеровы намѣренія въ самомъ ихъ началѣ; другое дало бы имъ видъ невинности. Если бы при отступленіи Лютера отъ ученія церкви тотчасъ надъ его головою загремѣлъ перунъ проклятія, — то Саксонскій Курфирстъ въ семъ смятеніи отказалъ бы ему въ своемъ покровительствѣ, — народъ, въ семъ ужасѣ, не осмѣлился бы слушать его проповѣдей, — самъ Лютеръ потерялъ бы присут-

ствіе духа, и его имя, подобно именамъ другихъ мужей добродѣтельныхъ, было бы извѣстно потомству по однимъ благороднымъ, но безполезнымъ усиліямъ прекратить злоупотребленія Римской церкви. — Съ другой стороны, если бы Папа съ самаго начала показалъ свое негодованіе къ порокамъ и нескромности монаховъ, проповѣдывавшихъ отпущенія; еслибъ онъ запретилъ говорить въ народныхъ проповѣдяхъ о тѣхъ истинахъ, которыя подвержены сомнѣнію; еслибъ онъ предписалъ молчаніе обѣимъ сторонамъ, начавшимъ споры; еслибъ онъ остерегся говорить опредѣлительно о такихъ пунктахъ, которые до того времени были неопредѣлены: то весьма вѣроятно, что Лютеръ остановился бы на первыхъ своихъ открытіяхъ; онъ не былъ бы принужденъ, для своей защиты, послѣ одного сомнѣнія искать другихъ важнѣйшихъ; и весь споръ, можетъ быть, погасъ бы самъ собою нечувствительно, или, огражденный стѣнами школы, продолжался бы безъ всякихъ вредныхъ слѣдствій для покоя и единства Римской церкви, подобно спорамъ между Францисканами и Доминиканами о безсѣменномъ зачатіи, подобно спорамъ между Янсенистами и Езуитами о дѣйствіяхъ благодати. Но Левъ X, колеблющійся между двумя противными системами, не слѣдовалъ ни той, ни другой постоянно и онѣ обѣ не имѣли никакого успѣха. Неблагоразумная

строгость ожесточила, но не остановила Лютера. Неумѣстная кротость дала время его мнѣніямъ распространиться, но не послужила ни мало къ примиренію его съ Папскимъ престоломъ, и самое проклятіе, которое въ другихъ обстоятельствахъ имѣло бы силу рѣшительную, загремѣло слишкомъ поздно, и уже не могло произвести обыкновеннаго ужаса.

Удивительна такая цѣпь ошибокъ въ мѣрахъ Двора, который рѣдко ошибался въ расчетахъ своихъ выгодъ; но видимое благоразуміе въ поступкахъ Лютера еще болѣе удивительно. Безъ всякой опытности въ дѣлахъ свѣтскихъ, неспособный къ терпѣливой осторожности и расчетамъ, по пылкости своего характера онъ слѣдовалъ необдуманнымъ правиламъ, но единственно своимъ открытіямъ, и сія простая метода имѣла такой успѣхъ, какого онъ не имѣлъ бы въ своемъ ученіи, если бы самая тонкая политика измѣряла и опредѣляла каждый шагъ его. Возставая противъ Тетцеля, онъ совсѣмъ не думалъ о преобразованіи; онъ затрепеталъ бы при одной мысли о тѣхъ перемѣнахъ, которыя въ послѣдствіи вмѣнялъ себѣ въ славу. Его умъ не былъ озаренъ мгновеннымъ открытіемъ истины; онъ искалъ ее трудясь, размышляя; успѣхи его были постепенные. Вся Папская система имѣетъ такую связь внутреннюю, что одна до-

казанная несправедливость ведетъ къ открытію другихъ; и всѣ части сего искусственнаго зданія такъ держатся одна другою, что отъ потрясенія малѣйшаго звѣна колеблется самое основаніе, и на конецъ самый легкій ударъ можетъ ниспровергнуть всю огромную массу. Сомнѣніе въ пред судительныхъ правилахъ касательно Индульгенцій заставило Лютера искать истиннаго источника добродѣтелей, оправдывающихъ насъ предъ Богомъ. Отсюда пошелъ онъ далѣе и далѣе; напослѣдокъ обратилъ взоръ на правила и поведеніе духовенства; увидѣлъ великій источникъ всѣхъ злоупотребленій — въ его чрезмѣрномъ богатствѣ, въ строгомъ запрещеніи вступать ему въ супружество, и въ тѣхъ варварскихъ обязанностяхъ, которыя сопряжены съ безполезными обѣтами. Тутъ оставался одинъ шагъ до сомнѣнія о небесномъ началѣ Папской власти, которая вводила и защищала оную систему заблужденій. Наконецъ среди такого свѣта уже сама собою блеснула мысль, что Папа несправедливо провозглашаетъ себя непогрѣшительнымъ, что богословскія истины зависятъ не отъ рѣшеній школы и не отъ какого либо человѣка, а единственно отъ слова Божія. Сія постепенность увѣнчала Лютера успѣхомъ. Его первыя проповѣди не имѣли ничего противваго для слуха; ибо онѣ не содержали ничего слишкомъ несовмѣстнаго съ прежними предраз-

судками, слишкомъ далекаго отъ господствующихъ мнѣній. Народъ переходилъ нечувствительно отъ одной истины къ другой. Его вѣра и убѣжденіе слѣдовали и возвышались ровнымъ шагомъ съ Лютеровыми открытіями. Та же причина усыпляла вниманіе Левъ X и произвела равнодушіе, съ какимъ взиралъ онъ на первые успѣхи Лютера. Прямая, рѣшительная война противъ Папской власти низвела бы на Лютера всю жестокость ея мщенія; онъ совсѣмъ и не имѣлъ подобной мысли, но продолжалъ увѣрять въ почтительныхъ чувствахъ къ ней, и въ своей покорности къ ея рѣшеніямъ, такъ что небыло повода опасаться отъ него возмущенія столь отчаяннаго. Такимъ образомъ Лютеръ шагъ за шагомъ стремился далѣе, свободно наносилъ Римскому Двору новые удары, и средства были приняты такъ поздно, что уже немогли принести никакой пользы.

Но какъ ни были полезны для Лютера и ошибки его противниковъ и его собственное благоразуміе; одни сіи обстоятельства не дали бы ему столь быстраго успѣха, ни его ученію столь твердаго основанія. Тѣ же самыя злоупотребленія Римской церкви, противъ которыхъ онъ возсталъ, имѣли своихъ неприятелей прежде него; тѣ же самыя мнѣнія, которыя ему приписываемъ, имѣли своихъ проповѣдниковъ и одинакія доказатель-

ства. Валдусъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи, Виклифъ въ четырнадцатомъ, Гуссъ въ пятнадцатомъ вооружались противъ заблужденій Папской церкви съ великою смѣлостію, и вели свою войну съ искусствомъ и свѣдѣніями, превосходящими непросвѣщенный вѣкъ, въ которомъ они процвѣтали. Но всѣ сіи опыты преобразованія были тщетны; слабые лучи, немогши разогнать густаго мрака, скоро угасали; и ежели проповѣди оныхъ ревностныхъ мужей произвели нѣкоторое дѣйствіе, если нѣкоторые слѣды ихъ остались въ тѣхъ странахъ, гдѣ они учили, то вообще польза не была ни обширна, ни важна. Успѣхи для Лютера приготовлены многими сильными причинами, которыя или совсѣмъ несуществовали, или были слишкомъ слабы при его предшественникахъ; онъ явился въ самое критическое и счастливое время, когда всѣ обстоятельства помогали ему, когда лавры для него росли на каждомъ шагѣ.

Продолжительное, постыдное несогласіе, раздѣлявшее Римскую церковь въ концѣ четырнадцатаго и въ началѣ пятьнадцатаго столѣтія, весьма было пагубно для Папъ, на которыхъ народъ привыкъ смотрѣть съ благоговѣніемъ. Два или три Папы, въ одно время блуждающіе по Европѣ, ласкающіе Государей, имъ нужныхъ, угнѣтающіе области, имъ покорныя, проклинающіе своихъ сопер-

никовъ и всѣхъ имъ преданныхъ, посеяли въ умахъ сомнѣніе о своей непогрѣшительности, возбудили презрѣніе къ самимъ себѣ и къ своему достоинству. Между тѣмъ люди, у которыхъ и та и другая сторона просила помощи, ясно увидѣли, что они имѣютъ нѣкоторое право судить о Папахъ, и простерли его такъ далеко, что избирали себѣ того изъ сихъ непогрѣшительныхъ пастырей, кому сами болѣе желали слѣдовать. Соборы Констанскій и Базельскій въ своихъ опредѣленіяхъ еще далѣе распространили презрѣніе къ Римскому престолу, и осмѣлившись низвергать и возводить Папъ, научили свѣтъ, что церковь имѣетъ власть еще выше Папскаго могущества, которое долго почиталось верховнымъ надъ всѣми.

Едва закрылась сія рана, нанесенная Папской власти, какъ правленіе Александра VI и Юлія II, Государей мудрыхъ, но Пастырей самыхъ недостойныхъ, произвело новое презрѣніе къ Римской церкви. Первый, по развращенной жизни своей, по вѣроломству, несправедливости, варварству въ правленіи, долженъ стоять на ряду съ тиранами, дѣлающими человѣческой природѣ величайшее пятно. Второй, хотя чуждъ отвратительныхъ страстей, которыя унизили его предшественника до многихъ противныхъ натурѣ преступленій, предавался по-

рывамъ безпокойнаго, неукротимаго честолюбія, и пренебрегалъ всѣ законы признательности, скромности, справедливости, когда они останавливали его предпріятія. Возможно ли искренно и твердо вѣрить, что въ груди развратнаго Папы Александра, или гордаго Папы Юлія обитаетъ свѣтъ вѣры выше всякаго заблужденія, — той вѣры, которая почитаетъ главнымъ правиломъ жизни непорочность и смиреніе? Мнѣніе, унизившее могущество Папъ предъ властію Собора, распространилось съ удивительною быстротою и силою при ихъ правленіи. Императоръ и Французской Король, одинъ послѣ другаго, вели войну съ сими предпріимчивыми Папами, и въ продолженіи ея позволяли, даже поощряли своихъ подданныхъ, описывать ихъ пороки со всею жестокостію упрековъ и со всею желчію сатиры. Народъ, такимъ образомъ приготовленный, слушалъ Лютера и его учениковъ безъ негодованія, когда они говорили о Папской власти съ презрѣніемъ, или съ насмѣшками.

Подобные пороки гнѣздились не въ одномъ только Папѣ. Многіе изъ лучшаго духовенства, среди общества и въ стѣнахъ монастырскихъ, были младшія дѣти знатныхъ домовъ, и принимали сіе состояніе только потому, что оно открывало имъ путь къ почестямъ и богатству, пренебрегали всѣ

свои обязанности, предавались безъ стыда всѣмъ порокамъ, раждающимся въ изобиліи и праздности. Если низшій классъ, по причинѣ бѣдности, не могъ подражать великолѣпной роскоши высшаго; то онъ награждалъ сей недостатокъ отвратительнымъ невѣжествомъ и грубостію своихъ удовольствій; и если первый былъ ненавистенъ, то сей послѣдній презрителенъ. Распространенный *вообще на все* Римское духовенство строгій противуобщественный законъ, которымъ запрещалось ему супружество, произвелъ пороки столь гнусные, что Папы не только позволили, но даже предписали всѣмъ служителямъ олтаря имѣть наложницъ. Мѣры столь противныя духу христіанской религіи служатъ сильнымъ доказательствомъ, что преступленія, для которыхъ они приняты, были и слишкомъ часты и слишкомъ велики. За долго до XVI столѣтія многіе знаменитые и почтенные авторы описывали развратъ духовенства Римскаго такими красками, что ихъ картины кажутся намъ почти невѣроятными. Роскошная и порочная жизнь духовныхъ оскорбляла народъ, какъ противная ихъ священному состоянію; сверхъ сего многіе изъ нихъ возвысились на степень знатности и богатства изъ низкой доли. Народъ еще менѣе былъ снисходителенъ къ симъ вельможамъ, нежели къ тѣмъ, которыхъ возвышало къ блеску и достоинствамъ

право наслѣдства; смотря на ихъ гордую пышность съ большею завистію, онъ роптал на ихъ преступленія съ большимъ негодованіемъ. И такъ ничто не было для народа пріятнѣе того ожесточенія, съ какимъ Лютеръ напалъ на порочную жизнь духовенства; — каждый слушатель зналъ по своимъ опытамъ, какъ оно справедливо.

Преступленія умножались отъ той удобности, съ какою преступники получали прощеніе. Во всѣхъ Европейскихъ государствахъ гражданскія судилища не имѣли почти никакой силы; въ правленіи непостоянномъ и мятежномъ судьи противъ воли должны были унизить правосудіе до слабости, такъ что самыя ужасныя преступленія наказывались одною пѣней, законами предписанной. Римскій Дворъ, всегда дѣятельный въ распространеніи своихъ доходовъ, послѣдовалъ примѣру, который служилъ къ тому средствомъ; примѣнивъ гражданскій безпорядокъ въ правиламъ церковнымъ, онъ давалъ прощеніе въ грѣхахъ всякому, кто могъ и хотѣлъ платить за нихъ извѣстную сумму. Понятіе о денежной пѣнѣ за преступленія было уже обыкновеннымъ въ сіи времена, и новая торговля, постыднѣйшая прежней, уже не изумляла умовъ народныхъ; напротивъ она скоро сдѣлалась всеобщею. И чтобы въ ней не было какого нибудь обмана, чиновники

Римской канцелярiи издавали книгу, которая служила вмѣсто тарифа и опредѣляла съ точностiю цѣну всякаго грѣха. Дiяконъ, изобличенный въ смертоубiйствѣ, могъ купить прощенiе за 20 ефимковъ. Епископъ или Аббатъ за то же преступленiе платилъ 300 ливровъ. Всѣ служители олтаря могли предаваться сладострастiю, какъ ужасны бы ни были его слѣдствiя, за третью часть сей суммы. Самая небольшая плата была назначена даже за тѣ возмутительныя преступленiя, которыя рѣдко случаются въ человѣческой жизни, и которыя, можетъ быть, существуютъ только въ смрадномъ воображенiи казуиста. Но когда гражданскiя судилища получили наконецъ лучшiй порядокъ и свои права; пагубное обыкновенiе откупаться пѣнею нечувствительно приходило въ упадокъ; народъ прiобрѣталъ справедливое понятiе о вѣрѣ и нравственности; онъ уже не прощалъ Римскому Двору такой нечестивой торговли и почиталъ ее великимъ источникомъ развращенности духовенства.

Можетъ быть народъ смотрѣлъ бы съ меньшимъ негодованiемъ на грубые пороки пастырей своихъ; еслибъ они среди роскоши необращали своего богатства и могущества на угнѣтенiе всѣхъ другихъ классовъ. Таково свойство суевѣрiя, что прельщаясь всѣмъ пышнымъ и блистательнымъ, оно полагаетъ

границѣ щедрости своей къ людямъ, которыхъ почитаетъ священными, и знаки его уваженія кажутся ему недостаточными, когда люди сіи не возвышены на верхъ могущества и изобилія. Изъ сего источника произошли безчисленные доходы и политическое могущество духовенства въ государствахъ Европы; они дали поводъ къ несносному угнѣтенію народа, котораго безразсудное простодушіе было главною всему причиною.

Особенно жители Германіи стенали подъ симъ игомъ, которое тяготѣло надъ ними съ большею силою; и сей народъ, отъ природы постоянный, привязанный къ древнимъ обычаямъ, былъ расположенъ болѣе, нежели другіе народы въ Европѣ, внять голосу, проповѣдующему имъ освобожденіе. Во время продолжительнаго несогласія между Папами и Императорами за право жаловать грамоты на владѣнія, во время продолжительной войны, которую они воспламенили, знатнѣйшее духовенство Германіи, разумѣется, приняло сторону первыхъ, возстало противъ послѣднихъ, завладѣло Императорскими землями, доходами и судебною властію въ своихъ епархіяхъ. По возстановленіи тишины и порядка, они удержали то, что было похищено ими въ смутныя обстоятельства; какъ будто продолженіе несправедливости можетъ получить священную силу законнаго права. Императоры сли-

шкомъ слабые, но въ состояніи будучи отнять свою собственность у похитителей, принужденными находились уступать имъ обширныя области, принадлежащія коронѣ, и духовные вельможи пользовались всею властію и почестями, какъ феодальные Бароны. Такимъ образомъ многіе Епископы и Аббаты, нетеряя своего званія, еще сдѣлались и Государями; скоро ихъ образъ жизни и нравы начали показывать болѣе той роскошной невоздержности, которая царствуетъ при Дворахъ, нежели смиренія, приличнаго ихъ состоянію.

Нетвердое, зыбкое правленіе въ Германіи, частыя брани, пылавшія въ сей странѣ, также служили къ возвышенію духовенства. Въ сіи бурныя времена всеобщаго безпорядка была безопасна, отъ угнѣтенія или опустошенія войны единственно та собственность, которая принадлежала церкви. Ее сохраняло и то великое почтеніе, которое всѣ имѣли тогда ко святынѣ, и суевѣрный страхъ того проклятія, которое было готово грянуть на всякаго дерзнувшаго коснуться къ церковнымъ владѣніямъ. Многіе владѣльцы хотѣли укрыться подъ тѣмъ же щитомъ; они, отдавъ свои помѣстья церкви, сдѣлались ея вассалами — средство, безъ котораго не опасли бы своей собственности. Многіе изъ такихъ вассаловъ возвысили власть духовенства и поставили ее на твердомъ

основанія; — а какъ извѣстно, что собственность вассаловъ, по законамъ того времени, часто доставалась тѣмъ владѣльцамъ, отъ которыхъ они зависѣли, то сіе и было новымъ средствомъ къ распространенію духовныхъ имѣній.

Духовенство еще болѣе старалось о личной своей безопасности, нежели о своей собственности; и его усилія въ семъ случаѣ имѣли успѣхи еще лучшіе. Какъ люди сего званія были посвящаемы олтарю при торжественныхъ обрядахъ, отличались отъ всѣхъ классовъ общества особеннымъ платьемъ и особеннымъ образомъ жизни, присвоили себѣ права̀ большія предъ всѣми христіанами; то и немогли несдѣлаться предметомъ необыкновеннаго уваженія. Духъ суевѣрія столько распространился, что они казались народу существами высшими прочихъ людей непосвященныхъ. Подвергать ихъ тѣмъ же законамъ и тѣмъ же наказаніямъ — это казалось преступленіемъ, оскорбляющимъ самаго Бога. Въ послѣдствіи времени они требовали уже какъ неоспоримаго права, что̀ сначала служило только знакомъ почтенія. Столь драгоцѣнное право имѣло свою подпору не въ однихъ опредѣленіяхъ Папъ или общихъ соборовъ церкви: многіе изъ сильнѣйшихъ Императоровъ утвердили его во всемъ пространствѣ и со всѣми торжественными обрядами. При-

надлежа олтарю, они почитались существами священными; и пока не были признаны его недостойными, дотолѣ грѣшная рука гражданскаго судіи не смѣла къ нимъ прикоснуться; но какъ они теряли свое духовное достоинство только по приговору духовныхъ же Трибуналовъ, трудность и великія издержки, потребныя для сего приговора, почти всегда избавляли виновныхъ отъ справедливаго наказанія. Многіе посвящали себя олтарю единственно для того чтобы укрыться отъ мщенія законовъ, которые ихъ преслѣдовали. Германскіе дворяне громко роптали на то, что сіи привилегированные злодѣи рѣдко подвергаемы были казни за самыя ужасныя преступленія; они въ своихъ представленіяхъ Сейму не одинъ разъ называли такую независимость отъ гражданскихъ законовъ правомъ пагубнымъ для общества и для самыхъ нравовъ духовенства.

Защищая и распространяя съ такою неутомимостію свои выгоды, духовенство въ то же время похищало права одно за другимъ у всѣхъ прочихъ классовъ общества. По его мнѣнію, всѣ дѣла о супружествѣ, завѣщаніяхъ, лихоимствѣ, законности рожденія, также о церковныхъ доходахъ имѣли столь тѣсную связь съ вѣрою, что никакой Трибуналъ немогъ судить объ нихъ кромѣ духовнаго. Недовольное столь обширнымъ удѣ-

ломъ судопроизводства, заключающимъ въ себѣ цѣлую половину случаевъ, раждающихъ между людьми споры, оно употребляло всѣ хитрости, прибѣгало ко всѣмъ обманамъ, чтобы подчинить своему же вѣдомству послѣднія дѣла, остающіяся при судилищахъ гражданскихъ. Оно было единственнымъ хранилищемъ всѣхъ свѣдѣній, еще не померкшихъ въ сіи времена невѣжества, и судіи духовные вообще превосходили гражданскихъ въ способностяхъ и знаніяхъ; почему народъ сначала вмѣнялъ себѣ въ выгоду похищеніе ими судебной власти и охотно прибѣгалъ къ Трибуналу ихъ, на который могъ полагаться съ большею довѣренностію. И польза духовенства и расположеніе народа, ниспровергая власть гражданскихъ судовъ соединенными силами, скоро довели ее до послѣдней слабости. Посредствомъ сего и обширное могущество духовенства еще болѣе распространилось, и знатные доходы церкви еще болѣе увеличились; ибо въ сіи времена было въ обыкновеніи платить судьямъ за трудъ ихъ.

Самыя наказанія, производимыя по приговорамъ духовенства, придавали силу и ужасъ его Трибуналамъ. Сначала проклятіе имѣло цѣль добрую: оно было употребляемо для сохраненія чистоты вѣры; оно удаляло отъ общества вѣрныхъ всякаго виновнаго, который оскорблялъ ее своими еретическими мнѣ

ніями, или порочною жизнію; но духовенство не устыдилось сдѣлать его средствомъ къ возвышенію своего могущества: проклятіе гремѣло при самыхъ маловажныхъ случаяхъ. Кто неуважалъ его рѣшеній, даже въ дѣлахъ непринадлежащихъ къ вѣрѣ, на того тотчасъ падалъ страшный перунъ сей, и тотъ лишался всѣхъ правъ хрістіанина, всѣхъ правъ человѣческихъ и гражданскихъ. Страхъ подобнаго проклятія оковывалъ самые неустрашимые, самые гордые умы, и принуждалъ всѣхъ къ повиновенію сильной духовной власти.

Между тѣмъ духовенство не забывало и непренебрегало ниодного полезнаго средства къ сохраненію богатства и могущества, которыя приобрѣло съ такою предусмотрительною хитростію. Владѣнія церкви, какъ посвященныя Богу, объявлены были принадлежащими ей навѣки, такъ что ея богатство, возрастая каждый день и никогда не уменьшаясь, скоро сдѣлалось необъятнымъ. Духовныя владѣнія въ Германіи составляли болѣе половины народной собственности. Въ другихъ странахъ они были неодинаковы; но вездѣ чрезвычайно велики. Сіи обширныя владѣнія незнали того бремени, которое падало на другія земли. Германское духовенство было избавлено законами отъ всякихъ податей; и если, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, оно принимало участіе въ

общихъ нуждахъ государства; то его помощь походила на произвольный даръ, зависящій отъ его собственнаго великодушія; правительство немогло требовать ее, немогло даже просить объ ней. Слѣдствіемъ сей непонятной слабости было то, что міряне съ прискорбіемъ, съ горестію должны были нести всѣ великіе налоги за себя самихъ и за богатое духовенство, которое не обязано было ни помогать государству, ни защищать его отъ угрожающей опасности.

Чрезвычайное богатство и безчисленныя выгоды духовенства какъ ни угнѣтали всю Германію, но такое зло былобы гораздо сноснѣе, когдабъ оно происходило отъ однихъ владѣльцовъ, жившихъ въ предѣлахъ Германіи; сіи владѣльцы не смѣли бы расточать богатства своего съ такимъ безстыдствомъ, ни владычествовать съ такою жестокостію. Но Епископы Римскіе давно уже начали провозглашать себя судьями церкви, верховными, неподверженными заблужденію; дерзость, къ какой способно величайшее честолюбіе, наконецъ была увѣнчана совершеннымъ успѣхомъ, вопреки и здравому смыслу и общему благу. Такова была глубокая политика и неутомимое постоянство Римскаго Двора; съ такимъ искусствомъ направлялъ онъ къ сей цѣли каждый новый случай; съ такою хитростію искалъ и находилъ свою пользу

въ суевѣріи и нуждахъ Государей и въ слабости непросвѣщенныхъ народовъ. Германія была та несчастная страна, въ которой тиранство его имѣло власть неограниченную. Оно поражало проклятіемъ и низвергало съ престола знаменитѣйшихъ Императоровъ, противъ которыхъ, по мановенію духовенства, возставали съ оружіемъ ихъ подданные, Министры и самыя дѣти. Среди сихъ смятеній Папы болѣе и болѣе распространяли свои выгоды, Государи теряли свои лучшія, необходимыя права, и Германская церковь почувствовала всю тяжесть внѣшнихъ притязаній и внѣшняго господства.

Право давать духовныя мѣста, соединенныя съ доходами, въ сей періодъ безпорядка было похищено Папами, прибавило новый перлъ въ ихъ тіарѣ и возвысило ихъ могущество на развалинахъ гражданской власти. Императоры и другіе Германскіе Государи давно обладали симъ правомъ, которое давало имъ и силу надъ подданными и доходы для короны. Присвоивъ себѣ оное, Папы нашли средство наполнять Имперію своими тварями; приучили мірянъ повиноваться не своему Государю, но Римскому Престолу; давали иностранцамъ богатѣйшія мѣста, и употребляли богатства Германіи для удовлетворенія жадной роскоши Двора иностраннаго. Самое слѣпое терпѣніе суевѣрныхъ вѣковъ

возставало противъ такого угнѣтенія; наконецъ ропотъ и жалобы сдѣлались столь громки и часты, что Папы, опасаясь довести Германцовъ до отчаянія, вопреки обыкновеннымъ правиламъ своей политики согласились уступить нѣкоторыя изъ правъ своихъ, а именно, предоставили себѣ давать только тѣ мѣста, которыя не будутъ заняты цѣлыя шесть месяцовъ; всѣми же другими распоряжать позволили Государямъ и другимъ владѣтелямъ.

Но Римской Дворъ легко нашелъ средства избавиться отъ условій, нѣсколько стѣснявшихъ его могущество. Право давать нѣкоторыя извѣстныя мѣста во всѣхъ государствахъ, похищенное Папами, давно существовало и производило ропотъ; оно распространилось далѣе границъ, древними временами опредѣленныхъ. Всѣ мѣста, Кардиналамъ и другимъ безчисленнымъ чиновникамъ Римскаго Двора принадлежащія, всѣ мѣста послѣ духовныхъ вельможъ, умирающихъ въ Римѣ, или на пути къ сему городу, также на возвратномъ пути отъ него, на пространствѣ 14 миль, всѣ мѣста праздныя отъ перевода сихъ вельможъ на другія, также множество другихъ мѣстъ вошли въ реестръ зависящихъ отъ непосредственной воли Папской; Юлій II и Левъ X отважились давать мѣста, не основываясь уже ни на ка-

жомъ правѣ, а единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что они въ *мысляхъ* считали ихъ зависящими отъ своей власти. Но право на сія зависящія отъ Папъ мѣста, при всемъ его пространствѣ, все еще имѣло свои границы, потому что оно простиралось на одни мѣста праздныя. Папы умѣли переступать и за сію черту: они изобрѣли *предварительное благословеніе*, которымъ назначаемы были мѣста, еще необъявленныя праздными, и назначенная особа получала полномочіе воспользоваться первымъ вакантнымъ мѣстомъ. Такимъ образомъ Германія наполнялась людьми, повинующимися одному Римскому Престолу, привязанными къ нему ожидаемыми выгодами; права Государей неимѣли почти никакого дѣйствія, и права Бароновъ всегда были предупреждаемы и сохраняли почти одинъ звукъ слова.

Безпредѣльное могущество Римскаго Двора было еще ненавистнѣе и возмутительнѣе всегдашнею его дерзостію. Его корыстолюбіе и насилія на конецъ сдѣлались пословицею. Продажа богатыхъ мѣстъ была столь безстыдна, что Папы не принимали труда покрывать ее тайною, ни оправдывать ее какими нибудь предлогами. Общества купцовъ платили деньги Министрамъ Папы за сіи мѣста въ цѣлыхъ Германскихъ провинціяхъ, и потомъ продавали ихъ по частямъ за де-

рогую цѣну. Благочестивые люди смотрѣли съ состраданіемъ на сіи симоническія преступленія, столь недостойныя служителей святаго олтаря; всѣ Государи и всѣ политики жаловались на упадокъ народнаго богатства, которое съ сею беззаконною торговлею лилось отъ нихъ въ чужіе предѣлы, подобно рѣкѣ великой.

(*Окончаніе въ слѣд. книж.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ женѣ.

Ты права; но теперь раскаяваться поздно:
Три года (какъ свинецъ тяжелыхъ) жить намъ розно!
Ужь чернымъ грифелемъ на аспидной доскѣ
Заботливый расчетъ насъ осудилъ къ тоскѣ;
Нолями доказавъ посредствомъ вычитанья,
Что плюсъ долговъ у насъ и минусъ состоянья;
Ужь руку приложилъ къ рѣшенью вмѣсто насъ
Провѣренный въ дѣлахъ разсудокъ здравый смѣло;
А сердце кровью все скрѣпитъ, гдѣ только дѣло
Объ дѣтяхъ. . . . и тоски молящей тщетенъ гласъ!

(

Твой отдаленный другъ, захлопнувъ дверь веселью,
Терпѣнью лишь входить въ свою позволилъ келью;
Животворящимъ онъ цѣлитъ себя трудомъ:
Надъ *ложеапостоломъ* успѣхомъ торжествуетъ;
Червей и муравьевъ смѣтаетъ впрахъ перомъ;
То Енеиду вновь въ гекзаметры межуетъ,
То невзначай кольнетъ Картузова стишкомъ,
То говоритъ съ душой друзей въ своихъ посланьяхъ.
Воспоминанія хранятъ въ немъ сердца жаръ;
Безъ счастія они суть лучшій Неба даръ;
А кто богатѣй насъ съ тобой въ воспоминаньяхъ?
Льзяль запретить, когда существеннаго нѣтъ,
Мечтами населять мое уединенье?
Иль, крылья подвязавъ, летать въ воображенье,
Въ тотъ край, въ свѣтлицу ту, гдѣ другъ души живетъ,
И разбудивъ ее горячимъ поцѣлуемъ,
Шепнуть: встань, милая! взгляни! мы торжествуемъ
Надъ злою нашею разлучницей судьбой!
И время сблизилось и дальность. — я съ тобой!
Качаю колыбель, сидя у изголовья!
Пускай судьба на то посмотритъ изъ подлобья;
Прибавить нечего: нѣтъ пытки никакой,
Нѣтъ наказанія мучительнѣй разлуки!

Недавно, воскресивъ сны жизни золотой,
Усаживалъ я васъ за чайный столъ отъ скуки:
Вотъ нашъ подщипанный вздыхатель **овъ!
Вотъ Ангелъ маленькой, сложивши чинно руки,
Всѣхъ взоромъ ласковымъ привѣтствуетъ безъ словъ,
И въ креслахъ крошечныхъ за крошечною чашкой
Лепечетъ съ важностью и жаркою размашкой!
Вотъ *Женни*-пѣночка съ гитарою своей
Вздыхаетъ горлицей, поетъ какъ соловей!
Вотъ съ чашкою въ рукѣ и съ новыми стихами
Ж** изъ угла пугаетъ мертвецами:
Все въ ужасѣ, никто не смѣетъ и дохнуть;
Боится *Лилія* иглою шевельнуть,
И замерла рука у Женни на гитарѣ,
И чайникъ замолчалъ, стоя на самоварѣ,
И, мнится, слышится желѣзныхъ скрыпъ зубовъ,
И шорохъ савана, и стонъ, и звукъ оковъ;
Но кстати, во время въ стихахъ запѣвшій пѣтелъ
Разсѣялъ блѣдный страхъ — и всякой сталъ вновь свѣтелъ.
О чай вечерній! ты въ мой тѣсный уголокъ
Друзей, родныхъ моихъ бывало собираешь,
И ихъ не по чинамъ, по сердцу размѣщаешь
Вкругъ чистаго стола въ пріятельской кружокъ!

Какъ памятенъ душѣ и краткій мигъ блаженства!
Тутъ всякой, не боясь, что думалъ говорилъ,
Садился и вставалъ, шумѣлъ, молчалъ, ходилъ:
Чай искренности другъ, свободы и равенства!

Недавно . . . . памятна намъ Кіевская жизнь!
Въ глухой полночный часъ безсонницей терзаемъ,
Отъ страха къ ужасу мечтами увлекаемъ,
Встаю и въ темнотѣ затепливъ свѣчку, кисть
Беру, нарисовать — какъ мы съ тобой сходили
Во глубь земли, пещеръ подъ безконечный сводъ,
Вѣками древними въ изрытыя могилы;
Монахи черные предъ нами шли впередъ
Между священными Угодниковъ гробами
Какъ призраки во мглѣ съ зажженными свѣчами.
Величественный мракъ, таинственность сихъ мѣстъ,
Сіи для Господа засѣянныя нивы,
Сей, неприступный дню, градъ смерти молчаливый,
Сія глубокая безжизненность окрестъ,
Сіе возможное лишь вѣрѣ отреченье,
Нетлѣнность Иноковъ, ихъ заживѣ погребенье,
Сей торжествующій надъ смертью вѣчный крестъ,

Стоящій двухъ міровъ столь розныхъ на предѣлѣ,
Всю душу потрясли — и пробѣжалъ, доселѣ
Намъ страхъ невѣдомый; у насъ во всѣхъ костяхъ!
Уже казалось намъ бродящимъ въ сихъ мѣстахъ
По тѣснымъ улицамъ, гробами заселеннымъ,
Что запертъ выходъ намъ, что сводамъ симъ подземнымъ
Съ ихъ перекрестками не будетъ ввѣкъ конца....
Но свѣтъ въ глаза блеснулъ . . . мы ощутили радость,
Какъ будто въ первый разъ вкушали жизни сладость.
Все восхищало насъ: и зелень деревца,
И синій Днѣпръ, и даль, и берегъ величавый,
И древній градъ, и храмъ Печерскій златоглавый.

Недавно . . . . помнишь, какъ забились въ насъ сердца,
Когда, въ Новгородѣ стоя передъ Соборомъ
Софійскимъ, площадь мы окидывали взоромъ?
И намъ представилось въ торжественный тотъ часъ,
Что Рюрикъ, юный Князь, раздоровъ усмиритель,
Въ свободный Новгородъ вступаетъ какъ властитель;

Намъ слышался звукъ трубъ, привѣтствій громкій гласъ,
И граждане предъ нимъ упали на колѣни. . .
Вдругъ старецъ выступилъ, лѣтами оснѣженъ,
И указавъ на нихъ, воскликнулъ въ изступленьи:
Вадимъ! се общество, котораго ты членъ (*)!
Мы отвратили взглядъ. . . . и что же въ отдаленьѣ
Въ мечтѣ представило намъ вновь воображенье!
На той же площади высокій ешафотъ,
Священника съ крестомъ, вкругъ воиновъ народъ:
Смерть въ тускломъ взорѣ ихъ и на лицѣ ихъ впаломъ!
И нѣкая жена подъ бѣлымъ покрываломъ
Ликъ Богородицы скорбящія несетъ. . .
Восходитъ медлѣнно, но твердо — и поклономъ
Привѣтствуетъ народъ; ей отвѣчаютъ стономъ.
Перекрестилася . . . и образъ отдаетъ,
И голову кладетъ на роковую плаху. . .
Казалось, засверкалъ убійственный топоръ. . . .
Мы побрели къ рѣкѣ разсѣять духъ и взоръ,
И сами своему смѣялись долго страху!

Недавно — одному бродить и по садамъ
Невесело — я далъ послушницамъ мечтамъ
Приказъ позвать тебя въ день ясный для гулянья

(*) Славный стихъ Княжнина.

И дать душѣ съ родной душей вкусить свиданья.
Кудажъ? Въ Петровское (*)! По желтенькимъ тропамъ,
Которыя лились какъ ручейки, сливались,
И послѣ, рѣзвыя, по рощамъ разбѣгались,
Пришли мы на берегъ обширнаго пруда:
Отъ солнечныхъ лучей пылала въ немъ вода,
Въ алмазахъ, въ пурпурѣ ея казались сгибы,
И сонны лебеди, клубкомъ свернувшись тамъ,
Какъ пѣна бѣлая носились по волнамъ,
Иль снѣгу чистаго оторванныя глыбы.
Какъ смѣло чрезъ протокъ сей мостъ перешагнулъ!
Съ какимъ величіемъ сей дубъ главу нагнулъ!
Какъ зелень разлилась широко по долинѣ!
Здѣсь полуостровомъ вдалась лужайка въ боръ!
Какъ домикъ сей далъ жизнь и прелесть всей картинѣ!
Съ какою роскошью разостланъ сей коверъ!
Мы сѣли. . . Катенька бѣжитъ въ цвѣтахъ рѣзвиться!
Какъ съ пышной розою младой шипокъ цвѣтя,
Готовъ, но все еще не смѣетъ распуститься:
Такъ робкое всегда льнетъ къ матери дитя!
О еслибъ описать, взявъ краски всѣ у сердца,

(*) Подмосковная дача Графа Льва Кириловича Разумовскаго.

Возмогъ я тайную плѣнительность младенца,
Сей свѣтлый, быстрый умъ безъ вредной
остроты,
Сію безвѣстную большимъ простосердечность,
Сію — порокъ и стыдъ для опытныхъ — без-
печность!
Но, ахъ! сей прелести небесныя черты,
Сіе, *не знаю что*, что лучше красоты,
Которое душѣ и слышимо и зримо —
Лишь можно чувствовать, оно не объяснимо.

Недавно также я... но можноль всѣ мечты,
Все, что затворникъ твой могъ чувствовать
и мыслить,
Во сколькихъ образахъ ему являлась ты,
Подробно описать и съ вѣрностью исчислить?
Твоя любовь меня и грѣетъ и хранитъ;
Подъ бурей и грозой во тмѣ путеводитель,
И за минувшее мой съ Богомъ примиритель,
Ты противъ самаго меня мой вѣрный щитъ!..
И славѣ пламенемъ, которой жизнь питаю,
И славѣ я любовь твою предпочитаю!
Что слава? Лишь на мигъ блистаньемъ льстя-
щій взоръ
И потухающій на гробѣ метеоръ.
Къ землѣ я славою какъ темный червь привя-
занъ!
Безсмертьемъ, небомъ я любви твоей обязанъ!
Къ небесной лѣстницѣ, которая свита

Изъ добродѣтелей и совершенствъ — земною
Дорогой, Ангелъ! ты ведешь меня съ собою.
Завѣса съ глазъ моихъ твоей рукой снята!
Я вижу все въ другомъ и цвѣтѣ, и значеньѣ:
Смиреніе — души признакомъ не земной,
И слабость силою, и мудрость простотой,
Страданье — счастіемъ, печали наслажденьемъ,
И яснымъ — гроба мракъ, и смерть — пре-
образеньемъ.

1817 Года
Октября 10 дня.

В — ъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Обозрѣніе нынѣшняго состоянія Англійской литтературы (*).

Еслибъ одно изученіе древнихъ классиковъ было достаточно къ образованію вкуса, то въ семъ отношеніи Англичане, посвящающіе и много времени и много трудовъ своихъ преимущественно словесности древней, имѣли бы

(*) Извлеч. изъ Bibliotheque universelle, журнала, издаваемаго въ Женевѣ.

верхъ надъ всѣми прочими народами. Но одно только сіе изученіе, конечно прекрасное и необходимое, не можетъ дать ни вкуса истиннаго, ни образованія совершеннаго. Только въ столицѣ, подъ вліяніемъ Двора блестящаго и утонченнаго, — въ собраніяхъ, гдѣ прекрасный полъ произноситъ судъ свой объ изящныхъ искусствахъ, гдѣ знакомъ онъ съ лучшими произведеніями словесности, гдѣ желаніе блистать пріятнымъ остроуміемъ оживляетъ разговоръ о вещахъ самыхъ маловажныхъ, и гдѣ на конецъ говорятъ языкомъ чистымъ, гибкимъ, способнымъ выражать понятія со всѣми ихъ оттѣнками, которыя даютъ часто разумѣть гораздо болѣе нежели сколько сказано — только въ такомъ обществѣ, богатомъ (необходимое условіе!) познаніями основательными, ученые и литтераторы могутъ сдѣлаться свѣтскими людьми, могутъ получить взоръ быстрый и проницательный, чувство нѣжное и вѣрное, посредствомъ коихъ узнается все изящное въ Природѣ и въ произведеніяхъ искусства человѣческаго.

Какая же нація имѣла когда-либо право называться наставницею вкуса въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ народамъ? Посмотримъ на ходъ происшествій. Съ тѣхъ поръ какъ Дворъ Лудовика XIV явилъ примѣръ утонченности въ высочайшей степени, Франція одна сдѣлалась для всѣхъ другихъ земель об-

разцемъ хорошаго вкуса. Часто иностранцы оспоривали у нее сіе первенство; но самое ихъ подражаніе — нѣтъ нужды благоразумное, или предосудительное — Французскому тону и Французскимъ модамъ есть уже неоспоримое доказательство тому, что ее почитали они образцемъ своимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вкусъ въ словесности и подражаніе модамъ, обычаямъ, тону въ обращеніи, суть двѣ вещи совершенно между собою различныя. Первый требуетъ времени для своего образованія, и не иначе можетъ достигнуть совершенства, какъ при содѣйствіи многихъ причинъ благопріятныхъ. Для сего потребна извѣстная масса пріобрѣтенныхъ познаній, которыя бы имѣли при томъ всю надлежащую прочность отъ долговременнаго упражненія въ наукахъ; потребна воспитанная въ нѣдрахъ благотворнаго мира и благоденствія общественнаго любовь публики къ изящнымъ искусствамъ, къ тому благородному способу отдыха и людей должностныхъ, и людей праздныхъ, которой доставляютъ имъ зрѣлища театральныя. Вкусъ сверхъ того не можетъ быть въ человѣкѣ безъ утонченныхъ нравовъ, безъ того заботливаго вниманія къ поступкамъ, того чувства потребности въ просвѣщеніи, того уваженія къ себѣ самому, которымъ научаемся въ кругу обществъ образованныхъ, и которыя суть плоды впечатлѣній, произве-

димыхъ въ насъ твореніями искусствъ изящныхъ.

Всѣми сими счастливыми для наукъ обстоятельствами пользовалась Франція до епохи бѣдственнаго своего переворота. Иностранцы, желавшіе образовать себя для общества и научиться судить о произведеніяхъ вкуса, избирали Парижъ мѣстомъ своего пребыванія. Туда стекались Англичане, которые, несмотря, что спорили въ учености съ Французами и были даже учителями ихъ касательно законодательства, почитали Парижъ единственною школою, гдѣ освобождались они отъ многихъ своихъ странностей; гдѣ смягчали суровость, свойственную ихъ характеру отъ вліянія климата и положенія земли, отъ ихъ свободнаго правленія, отъ ихъ любимыхъ занятій — игры, стола и звѣриной охоты.

Во время послѣдней войны двадцатилѣтней, Англія, кромѣ сношеній по дѣламъ обширной своей торговли и великихъ воинскихъ операцій, не имѣла никакихъ другихъ связей съ образованнымъ міромъ. Неминуемымъ сего послѣдствіемъ было то, что богатѣйшій классъ гражданъ, не имѣя случая дурныя свои привычки исправлять примѣрами жителей просвѣщеннѣйшаго края, сильно заразился господствующими пороками страны своей, и что произведенія изящной словесности, коихъ

главное достоинство состоитъ въ тонахъ, совершенно согласныхъ съ духомъ общества, отчасу болѣе стали отзываться туманнымъ небомъ ихъ отечества.

Англичанамъ почти совсѣмъ неизвѣстна потребность блистать остроуміемъ (esprit), разливающимъ столько пріятностей въ обществахъ Французовъ; Англичане неимѣютъ на своемъ языкѣ даже слова, которое въ точности выражало бы сіе понятіе. Можетъ статься, по той'же причинѣ у нихъ нѣтъ и слова скуки (ennui), сей нравственной болѣзни, которой виною бываетъ излишнее, ненасытное желаніе безпрестанно занимать работою умъ свой и воображеніе.

Изъ сего видно, почему Англичане не знаютъ ни цѣли, ни надлежащей мѣры. Когда они разсуждаютъ о какомъ-либо предметѣ, то никакъ невоображаютъ себѣ, что есть предѣлы разговору сего рода, и что безъ нихъ онъ можетъ сдѣлаться крайне утомительнымъ. Ихъ такъ называемое Wit есть слишкомъ тяжелое оружіе для легкой, благопристойной шутки. Вообще ихъ способъ шутить имѣетъ въ себѣ нѣчто грубое; и если остроумію ихъ удается иногда блеснуть счастливой мыслію, то она вдругъ теряетъ половину своей прелести отъ излишняго распространенія. Имъ вовсе неизвѣстно, сколь часто и сколь много успѣхъ въ такихъ ве-

щахъ зависитъ единственно отъ намека, отъ искусственной неопредѣленности и темноты въ выраженіи.

Въ Англіи женщины мало участвуютъ въ бесѣдахъ мущинъ. Послѣдніе разговариваютъ между собой обыкновенно о политикѣ, о звѣриной охотѣ, и за столомъ тогда только чувствуютъ себя свободными отъ принужденности, когда удалятся женщины. Грубой тонъ, грубые ухватки ихъ вовсе несовмѣстны съ тонкой вѣжливостію обращенія. Женщины занимаются единственно домашнимъ хозяйствомъ и туалетомъ; не смотря на познанія ихъ въ иностранной словесности, онѣ лишены средствъ совершенствовать свой вкусъ обращеніемъ въ хорошемъ обществѣ. Англійскія бесѣды бываютъ обыкновенно или слишкомъ важны, или чрезмѣрно вольны; сверхъ того прекрасной полъ участвуетъ въ нихъ не такъ много, чтобы могъ воспользоваться ими для образованія своего разума. Когда Англичане, окончивъ разговоръ о важныхъ дѣлахъ своихъ, начинаютъ предаваться веселости, шумныя ихъ забавы всегда бываютъ оскорбительны для нѣжнаго вкуса. Такимъ образомъ, разсуждаютъ ли мущины о дѣлахъ важныхъ, или веселятся, — въ томъ и другомъ случаѣ женской полъ исключенъ изъ ихъ сообщества. Слѣдственно женщинамъ остается только проводить время въ своемъ

кругу, гдѣ самыя образованныя и умнѣйшія принуждены бываютъ во всемъ сообразоваться съ тѣми, которыя просвѣщеніемъ гораздо ихъ ниже, если нехотятъ прослыть нелюдимками. И такъ вся дѣятельность ума Англичанокъ ограничивается тѣсными предѣлами хозяйственности, модъ и пустословія. Скажемъ наконецъ, что искусство проводить цѣлые часы въ пріятныхъ разговорахъ о вещахъ по себѣ незанимательныхъ, но которыя заимствуютъ всю прелесть свою отъ разсказа, отъ умѣнья давать и самой сухой матеріи видъ привлекательный, набрасывать на мысли свои одежду легкой шутки, словомъ быть въ одно время и важнымъ, и веселымъ, и любезнымъ — это искусство неизвѣстно Англичанамъ.

До начала тягостной двадцатилѣтней войны, прекратившей всякое сообщеніе между Британскимъ островомъ и твердою землею, многіе Англичане любили путешествовать, и даже принято было правиломъ, чтобы всякой благовоспитывающійся юноша непремѣнно прожилъ нѣсколько времени въ Парижѣ: отъ того оказалась благодѣтельная перемѣна во вкусѣ цѣлой націи. Чтобы удостовѣриться въ семъ, стоитъ только сравнить литтературныя произведенія Англичанъ, вышедшія въ свѣтъ до упомянутой войны двадцатилѣтней, съ тѣми которыя появились въ послѣдніе годы.

Англичанки особенно занимаются сочиненіемъ романовъ, которые въ каждой мѣсяцъ выходятъ почти сотнями и занимаютъ критикою Англійскіе ученые журналы. Хорошій романъ долженъ быть живою картиною чувствованій, страстей и обычаевъ. Что заключено самою Природою въ нашемъ сердцѣ, то принадлежитъ равно всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ; разумъ угадываетъ, а талантъ изображаетъ. Все же напротивъ того относящееся до обычаевъ, до дѣйствій условныхъ, до обращенія — узнать весьма трудно. Для сего надобно имѣть передъ глазами образцы, тщательно изучать оные и подражать имъ, если хотимъ въ вѣрныхъ и разительныхъ чертахъ представить смѣшное, странное и вообще всѣ измѣненія въ поступкахъ; ибо тогда только читатель будетъ восхищаться нашею картиною, когда найдетъ ее совершенно сходною съ своими собственными наблюденіями надъ свѣтомъ.

Въ новѣйшія времена Англія произвела весьма немного сего рода твореній, достойныхъ похвалы отличной. Но перерывъ сношеній съ другими народами долженствовалъ по необходимости имѣть вредное вліяніе и на сію отрасль словесности.

Послѣ твореній госпожъ *Раттклифъ*, *Дарблей*, *Маріи Рочь* и *Еджевортъ*, которыя въ разныхъ отношеніяхъ превзошли другихъ искусствомъ потрясать во-

ображеніе, забавлять его, давать ему правильное движеніе, заслуживаютъ ежемѣсячно нѣкоторые романы неизвѣстныхъ авторовъ, также изданные въ свѣтъ подъ именемъ *Вилліама Годвина*. Въ послѣднихъ замѣчательны глубокое познаніе страстей, творческій геній сочинителя и его слогъ прекрасный, образцовый.

Въ драмматическомъ родѣ отличается преимущественно *Миссъ Байлей*; талантъ ея возбуждаетъ сильную зависть въ людяхъ, посвятившихъ себя тому же поприщу.

Что касается до стихотвореній, важныхъ и легкихъ, Англія можетъ хвалиться великимъ изобиліемъ. Свойство языка смѣлаго, живописнаго и свободнаго столько благопріятствуетъ опытамъ, что самыя посредственныя головы непрестанно подвизаются на семъ литтературномъ попрящѣ. Всякой можетъ писать гладкіе стихи съ рифмами и безъ рифмъ, хотя бы неимѣлъ даже понятія о томъ, въ чемъ состоитъ истинная Поезія.

Между тѣмъ два необыкновенные человѣка показали въ семъ родѣ отличнѣйшіе успѣхи. Вотъ какъ отзывается объ нихъ одинъ неизвѣстный писатель: „Два превосходные „Поета снова возбудили въ Англіи живѣйшую „любовь къ своему искусству, и одни теперь „раздѣляютъ все вниманіе, всѣ похвалы пу-

„блики. Оба одарены сильнымъ воображені-
„емъ и богатствомъ мыслей; оба единствен-
„но слѣдуютъ врожденному чувству изящ-
„наго, отвергая всѣ другія правила. Впро-
„чемъ между ними ничего нѣтъ общаго.
„Стихотворенія *Лорда Бейрона* (Byron) от-
„личаются какимъ-то мрачнымъ колоритомъ.
„Онъ долго путешествовалъ по Востоку, и
„потому въ сочиненіяхъ своихъ вездѣ ищетъ
„случая представить разительную картину
„противуположности между благодѣяніями
„попечительной Природы и опустошитель-
„нымъ дѣйствіемъ деспотизма. Даже въ его
„описаніяхъ человѣка всегда примѣтна на-
„клонность изображать первобытную воз-
„вышенность души, униженной и подавлен-
„ной мятежными страстями. Онъ равно
„Философъ и Поэтъ; стихотворенія его
„столько же отличаются прелестями благо-
„звучія, сколько и своимъ внутреннимъ
„глубокимъ смысломъ. Талантъ его имѣ-
„етъ въ себѣ весьма много оригинальнаго,
„необыкновенно разительнаго и блестящаго;
„но сей блескъ утомителенъ, и Поезія его
„оставляетъ какое-то тягостное чувство
„въ душѣ читателя.

„Другой Поэтъ, *Валтеръ Скоттъ*, ро-
„домъ Шотландецъ, обладаетъ, напротивъ,
„даромъ занимать воображеніе своихъ чита-
„телей самымъ живымъ и пріятнымъ обра-

„ромъ. Владѣя вмѣстѣ лирою Барда и Труба-
„дура, онъ представляетъ картину нравовъ
„временъ феодальныхъ со всѣми разительны-
„ми ихъ оттѣнками. Все живетъ, все дви-
„жется въ его твореніяхъ, въ которыхъ,
„какъ въ зеркалѣ, видите странные тѣхъ
„вѣковъ обычаи; читатель, перенесенный
„чародѣйствомъ Поэта въ другой міръ, со-
„всѣмъ отличный отъ нынѣшняго, совершен-
„но забывается. Лица, одежды, кони, зна-
„мена, охота, сраженія описаны со всею
„возможною живостію; сцена же, на коей
„представлено множество сихъ разнооб-
„разныхъ фигуръ, есть та дикая Природа,
„то туманное небо, тѣ густыя сосны, во-
„допады, скалы, озера, которые въ совокуп-
„ности составляютъ мрачную, но въ своемъ
„родѣ превосходную картину странъ сѣвер-
„ныхъ. *Валтеръ Скоттъ* неподражаемъ въ
„Поэзіи описательной; остается пожелать
„ему нѣсколько болѣе отдѣлки, чтобъ имѣть
„право назвать его сѣвернымъ Аріостомъ.

„Чудесное обиліе сего Поэта, которой
„притомъ никогда нетеряетъ своего достоин-
„ства, справедливо изумляетъ каждаго. Въ
„короткое время вышло четыре огромныхъ
„его стихотвореній; ему приписываются так-
„же нѣкоторые романы, извѣстные однакожъ
„подъ другимъ именемъ. Послѣ изданія двухъ
„превосходныхъ его твореній, *Послѣдняго*

„*Трубадура* и *Мармiона*, которыя не„оставляютъ почти желать ничего лучшаго „въ етомъ родѣ, скоро появилась въ свѣтъ „его *Морская женщина*, и очаровала со„отечественниковъ. *Владѣтель остро„вовъ* сего же Поета неимѣетъ для многихъ „равной занимательности, но также есть „произведенiе, достойное его таланта. Здѣсь „видна та же необыкновенная плодовитость „генiя, тотъ же разсказъ короткiй и выра„зительный, тотъ же колоритъ живой и „блестящiй. *Валтеръ Скоттъ* извѣстенъ „какъ великiй Поетъ, который на крыль„яхъ вдохновенiя возносится превыше об„лаковъ, всегда ищетъ великой цѣли, и „незаботится о милыхъ, кроткихъ Гра„цiяхъ.

„Таковъ отличительный характеръ сего „сѣвернаго Поета, которой столько же изу„мляетъ насъ чудесною силою воображенiя, „сколько обворожаетъ своимъ единственнымъ „искусствомъ.“

Англiйскiе и Шотландскiе ученые дѣйствуютъ съ великимъ успѣхомъ, въ качествѣ философовъ, на обширномъ поприщѣ познанiй человѣческихъ. Все, для чего нужно продолжительное размышленiе, многотрудное распредѣленiе и логическая связь понятiй въ наукахъ основательныхъ, принадлежитъ исклю-

нительно къ ихъ упражненіямъ. Сей-то превосходной силѣ ума, сей великой способности къ важнымъ ученымъ занятіямъ Англія одолжена своими успѣхами въ Философіи, открытіемъ и распространеніемъ многихъ общеполезныхъ истинъ въ Политикѣ и Законодательствѣ.

Ученые люди, посвящающіе себя служенію церкви, употребляютъ большую часть времени и трудовъ на изысканія и разсужденія ѳеологическія. Если изъ сихъ благонамѣренныхъ упражненій и не всегда проистекаетъ новый свѣтъ, или новыя важныя послѣдствія для науки о нравственности, то по крайней мѣрѣ служатъ они полезною пищею для ума; а слѣдственно способствуютъ изощренію сей дѣятельной силы души, начальной причинѣ всей образованности человѣка. Стоитъ только сравнить сего рода занятія съ совершенно чувственною жизнію нѣкоторыхъ праздролюбцевъ, для коихъ весь долгъ и всѣ священныя обязанности гражданина заключаются въ суетномъ попеченіи о нарядахъ, — стоитъ только представить себѣ всю тщету жизни сихъ безполезныхъ членовъ общества, чтобы почувствовать истинную цѣну того благороднаго труда, той неусыпной дѣятельности духа, которыя согласуются совершенно съ правилами строгой нравственности, [...]ственной связи, соединяющей общество.

По части воспитанія и нравоучительной Философіи особенно отличились *Буттлеръ*, *Палей*, *Дугальтъ Стюартъ*, *Фергуссонъ*, *Джисборнъ*, *Айкинъ*, *Барресъ*, *Еджевортъ* и *Гамильтонъ*.

Англичане также весьма богаты сочиненіями, относящимися до Економіи Политической. Постоянное направленіе умовъ къ сему предмету, какое далъ безсмертный *Адамъ Смиттъ* своимъ соотечественникамъ, служитъ равномѣрно важнѣйшею епохою въ исторіи познаній, относящихся до Коммерціи и Государственнаго управленія. Кромѣ его, оказали по сей части незабвенныя заслуги своими учеными сочиненіями *Бентамъ*, *Юнгъ*, *Малтусъ*, *Колкгунъ*, *Белль*, *Торнтонъ*, *Синклеръ* и другіе.

Буонапарте могъ непускать Англичанъ въ Европу; но весь прочій міръ оставался для нихъ открытымъ, и они вполнѣ могли удовлетворять непреодолимой страсти своей къ путешествіямъ. Чрезвычайное множество издано сочиненій, въ которыхъ разныя особы повѣствуютъ о своихъ приключеніяхъ; равно какъ географическихъ и геологическихъ описаній находится весьма значительное количество. Новыя замѣчанія о народахъ, обитающихъ во внутренности Азіи, Африки, Америки, тысяча достопримѣчательныхъ повѣствованій объ Индіи, сей

колыбели познаній человѣческихъ, важныя замѣчанія по части Астрономіи, Мореплаванія и Торговли, живописныя изображенія дѣятельности, внушающія уваженіе къ народу, которому неизвѣстны ни трудности дальняго пути, ни предѣлы для распространенія своей торговли, и который, объѣзжая весь шаръ земный, невыходитъ за границы своихъ владѣній, — все сіе вмѣстѣ составляетъ содержаніе сочиненій о путешествіяхъ, совершенныхъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Надобно думать, что при возобновившемся нынѣ сообщеніи Англичанъ съ твердою землею Европы, сія отрасль литтературы приметъ совсѣмъ иной характеръ, и что появятся новыя превосходныя въ семъ родѣ творенія.

Изученіе Исторіи зависитъ гораздо менѣе отъ настоящаго положенія дѣлъ въ государствѣ, и отъ того вліянія, какое случайныя обстоятельства имѣютъ на вкусъ народа. Склонный къ размышленію и важный характеръ Англичанъ, привычка заниматься публичными дѣлами, которыя въ свободной землѣ ихъ суть то же что и дѣла собственныя частнаго человѣка, раждаютъ въ нихъ охоту заниматься политическими науками. Сверхъ сего, въ годину испытанія, когда предстоящія опасности возбуждаютъ патріотизмъ и требуютъ

отъ него великихъ пожертвованій, всеобщее вниманіе естественно обращается на картину времевъ протекшихъ, на возвышеніе и упадокъ другихъ народовъ. Образуя умъ свой познаніями историческими, изощряя свой взоръ къ предъусмотрѣнію будущаго, постоянно размышляя о страшныхъ переворотахъ царствъ, о губительныхъ буряхъ военныхъ, которыя по неизслѣдимымъ и неотвратимымъ судьбамъ никогда неумолкаютъ на нашей планетѣ, — люди менѣе чувствуютъ тягость своихъ собственныхъ бѣдствій. Было бы весьма несправедливо, еслибъ кто захотѣлъ сіе любопытство относить къ испорченности сердца человѣческаго, или утверждать, что оно въ несчастіи другихъ находитъ для себя утѣшеніе; напротивъ, когда мы всѣ превратности сей жизни, имѣющей въ глазахъ нашихъ столь великую цѣну, разсматриваемъ съ точки высокой, и въ то же время беремъ участіе въ намѣреніяхъ Зиждителя вселенной, Который положилъ равной предѣлъ какъ бытію единаго человѣка, такъ и цѣлыхъ народовъ, — тогда научаемся взирать на сей великій, непреложный законъ паденія народовъ съ горестнымъ чувствомъ и вмѣстѣ съ благоговѣйною преданностію къ промыслу Существа верховнаго.

Біографіи и записки тѣсно соединены съ Исторіей, если описываемыя лица играли въ ней важную ролю. Англичане любятъ сей

родъ сочиненій, столько занимательный по множеству случаевъ, обьясняющихъ для насъ тайну сердца человѣческаго и удовлетворяющихъ врожденному нашему желанію отыскивать вездѣ сокровенную истину. Сіи частныя записки нравятся еще болѣе, когда взорамъ нашимъ представляютъ сцены изъ временъ давно протекшихъ; таковы записки *Осбаурна* о Елисаветѣ и Іаковѣ I. Читатель съ удивленіемъ находитъ въ нихъ описаніе многихъ бывшихъ за нѣсколько до него столѣтій подробностей и дѣлъ, которыя или разрушаютъ общепринятое мнѣніе касательно нѣкоторыхъ лицъ и предметовъ, или подкрѣпляютъ оное новыми доказательствами, и которыя вѣчно остались бы сокрытыми отъ Исторіи, если бы случай не доставилъ тѣхъ записокъ въ руки читателя. Любителю просвѣщенія, который обозрѣваетъ весь искуственный составъ Исторіи и способъ, какимъ она написана, чтеніе сего рода сочиненій доставляетъ самую пріятную и полезную для ума пищу. Нечаянные случаи открываютъ заблужденія и ошибки людей, употреблявшихъ во зло власть свою, или неправедно присвоившихъ себѣ славу дѣлъ великихъ. По сему истина всегда можетъ восторжествовать надъ временемъ, и свѣтъ ея сквозь мглу вѣковъ проникнетъ до отдаленнаго потомства. Сія утѣшительная мысль прими-

ряетъ страждущаго философа съ несправедливыми его современниками.

Если съ одной стороны надлежитъ жалѣть о томъ, что нѣкоторыя соблазнительная мнѣнія отчасу болѣе распространяются въ Англіи; за то съ другой благородныя пожертвованія различныхъ обществъ, одушевленныхъ ревностнѣйшимъ желаніемъ содѣйствовать благу человѣческому, представляютъ восхитительное зрѣлище для взоровъ наблюдателя. Не льзя отвергать того, что золото есть идолъ сего народа, что его роскошь и тщеславіе незнаютъ предѣловъ, что отличнѣйшій классъ гражданъ подаетъ собою примѣръ невоздержной жизни, и что наконецъ въ Англіи существуютъ всѣ пороки, неразлучные съ чрезмѣрною утонченностію въ нравахъ; но къ чести человѣчества надлежитъ также упомянуть и о тѣхъ добродѣтеляхъ, коихъ предметомъ есть уменьшеніе зла физическаго и облегченіе бѣдствій общественныхъ, и которыя ни въ какой другой землѣ неимѣютъ такого множества ревностныхъ почитателей и столь великихъ благодѣтельныхъ послѣдствій.

Въ то время когда политическій фанатизмъ и кровавыя брани свирѣпствовали въ Европѣ, Англичане занимались изысканіемъ всѣхъ возможныхъ средствъ къ облегченію не-

счастій своихъ ближнихъ и къ распространенію между ними свѣта истины. Такимъ образомъ, основываясь на правилахъ *Говарда*, привели они въ лучшее состояніе госпитали и темницы; познакомили Европу съ открытіемъ безсмертнаго *Женнера*; уничтожили торгъ Неграми и ввели въ Африку просвѣщеніе; учредили общества для вспомоществованія нуждающимся иностранцамъ, распространили свѣтъ между отдаленными народами, сдѣлавъ и для нихъ извѣстными книги Священнаго Писанія; изобрѣли и употребили для пользы миллюновъ людей простѣйшій и самый легкій способъ первоначальнаго ученія, имѣя единственною цѣлію содѣлать достойными названія человѣка тѣхъ, которые осуждены были томиться подъ игомъ жалкаго невѣжества. Вообще въ сіе время господствовалъ всеобщій духъ благотворительности, уваженія къ несчастію и соревнованія въ гражданскихъ добродѣтеляхъ среди того народа, коего національная гордость возвышалась чувствомъ собственной независимости и силы, и который имѣлъ въ рукахъ своихъ торговлю и моря цѣлаго свѣта. Кажется, небо, назначивъ Англію быть первымъ орудіемъ соединенія всѣхъ силъ Европы противу врага общественнаго порядка, для нанесенія ему послѣдняго рѣшительнаго удара, возложило на нее также священнѣйшій долгъ быть блюсти-

тельницею добродѣтели и примѣромъ храненія тѣхъ священныхъ между людьми связей, которыя служатъ основаніемъ благотворительности.

(Пер. У.)

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Объ исполнительной власти въ Англіи.

§ 1. *О Королѣ, его Фамиліи и правахъ Короны.* Мы видѣли уже (*), сколь значительную власть имѣетъ Король въ отношеніи къ законодательству. Остановимся теперь надъ тѣми правами, которыя единодушною волей народа предоставлены его особѣ. Сему высочайшему Сановнику многія племена и поколѣнія ввѣрили власть исполнять тѣ законы, которые сами они предначертали для своего благоденствія. Наслѣдованіе престола сколь ни мало, по видимому, соотвѣтствуетъ уставамъ свободнаго образа правле-

(*) Это отрывокъ изъ сочиненія довольно пространнаго, въ которомъ предложено историческое, политическое и статистическое описаніе Государства Великобританскаго.

ція, есть существенная порука въ народномъ спокойствіи. И кто можетъ сему воспротивурѣчить, кто обращающій взоры свои на бытописанія различныхъ народовъ, среди которыхъ возникали мятежи кровопролитные, единственно по случаю избранія себѣ властителей — возникали мятежи и были причиною паденія оныхъ народовъ? И такъ самые опыты, свидѣтельствомъ вѣковъ подтвержденные, сильно говорятъ въ пользу наслѣдственнаго престола. Въ Британніи воздвигнутъ онъ во времена отдаленнѣйшія, и существуетъ донынѣ, утвержденный на прочномъ основаніи постоянныхъ законовъ. Порядокъ наслѣдованія наблюдается сообразно праву старшинства, по примѣру ленныхъ законовъ, сперва въ мужескомъ колѣнѣ, а по прекращеніи онаго такимъ же образомъ въ колѣнѣ женскомъ, по древнимъ обычаямъ Бритшовъ (*). Впрочемъ право наслѣдованія недолжно быть почитаемо неизмѣняемымъ; ибо точныя слова Англійскихъ законовъ *о Королевскомъ Величествѣ, его наслѣдникахъ и преемникахъ* (**), ясно выражаютъ, что верховная власть народа, заключаясь въ особѣ Короля и въ двухъ Палатахъ Парламента,

(*) Solent foeminarum ductu bellare, et sexum in imperiis non discernere. *Tacit. Vita Agricolae.*
(**) The kings majesty, his heirs, and sucessors. *Blacstone.* Book I. ch 3.

имѣетъ неотъемлемую возможность отнять наслѣдство, ограничить его, или предоставить другой особѣ. Все сіе однакожъ отнюдь неуничтожаетъ общаго правила, что наслѣдственная корона остается въ фамиліи того, кто ее носитъ на главѣ своей. Свойство Англійскаго правительства есть таково, что оно нетерпитъ междуцарствія; Король никогда неумираетъ политически, и наслѣдникъ престола, какимъ бы ни называлъ его законъ, природнымъ ли наслѣдникомъ, или только преемникомъ (haeres natus, или haeres factus), немедленно вступаетъ во всѣ права и достоинства своего предмѣстника.

Королева есть первая, послѣ Короля, особа изъ всей фамиліи; но права ея бываютъ различны, смотря по обстоятельствамъ, въ которыхъ находится. Ежели она есть Королева *царствующая*, какими, на примѣръ, были Марія, Елисавета, Анна; то пользуется всѣми тѣми правами, которыя, принадлежа трону, суть достояніе высочайшей власти; но супругъ ея, наровнѣ съ прочими подданными, подчиненъ законамъ государственнымъ, съ тою только разницей, что въ случаѣ измѣны противъ отечества можетъ быть судимъ одними Перами Королевства. Еслижъ Королева сидитъ на престолѣ единственно въ качествѣ супруги царствующаго Государя, то ей принадле-

дать особыя преимущества, которыми никто другой изъ особъ ея пола не пользуется въ государствѣ. Она почитается лицемъ священнымъ, но отличнымъ отъ Короля; можетъ покупать недвижимыя имѣнія, употреблять ихъ по своему благоусмотрѣнію; можетъ получать отъ Короля жалованныя земли и дѣлать на нихъ записи. Доходъ Королевы, называемый aurum Reginae составляется изъ десятой части всего того, что входитъ въ казну Королевскую отъ сбора за нѣкоторыя привилегіи, за дозволенія, и т. д. (*).

Вдовствующая Королева пользуется тѣми же правами, которыя принадлежали ей при жизни супруга, съ тою только разницею, что покушеніе на жизнь ея непочитается государственнымъ преступленіемъ; напротивъ, такое же покушеніе, сдѣланное во время ея замужства, есть оскорбленіе Величества. Сверхъ того вдовствующая Королева не можетъ вторично вступить въ супружество,

(*) Здѣсь прилично упомянуть о старинной повинности рыбаковъ, занимавшихся ловлею на берегахъ Англіи, давать Королю нѣкоторыя рыбы. Поймавшіе кита обязаны были раздѣлить его такимъ образомъ, чтобы голова досталась Королю, а хвостъ Королевѣ. De sturgione observetur, quod Rex illum habebit integrum, de balena vero sufficit, si Rex habeat caput, Regina caudam. *Bracton*. l, 3. c. 3, apud *Blackstone*.

безъ дозволенія царствующаго Монарха; получивъ же его, она отнюдь нелишается своего вѣна, хотя бы даже вышла въ замужство за Королевскаго подданнаго.

За Королевой слѣдуетъ наслѣдникъ престола, старшій сынъ Королевскій. Какъ перворoдный потомокъ, имѣетъ онъ титулъ Герцога Корнваллійскаго (duke of Cornwall), а какъ наслѣдникъ престола титулуется Принцемъ Валлійскимъ (Prince of Vales) и Графомъ Честерскимъ (Earl of Chester); на всѣ сіи достоинства получаетъ онъ грамату при торжественномъ обрядѣ. Покушеніе на жизнь его почитается государственнымъ преступленіемъ и подлежитъ той же казни, какая опредѣлена за покушеніе на жизнь Короля, или Королевы.

Прочія дѣти и родственники Королевскіе, за исключеніемъ одной старшей его дочери, имѣющей по законамъ одинакія преимущества съ наслѣдникомъ престола, во всемъ бываютъ равны Перамъ Королевства, только засѣдая выше ихъ въ Парламентѣ и пользуясь первенствомъ во всякомъ другомъ мѣстѣ.

Приемлющій верховную власть въ Англіи объявляетъ согласіе свое на взаимный договоръ между собою и народомъ. Договоръ сей, основанный на естественной справедливости, для предотвращенія всѣхъ недоразумѣній, еще

подтвержденъ былъ послѣ революціи 1688 года, когда Іаковъ II, побуждаемый неблагоразумною слабостію и отчаяніемъ, нарушилъ условіе, и утратилъ престолъ своихъ предковъ (*). Пункты онаго договора остались въ присягѣ, которую Король, вступая на престолъ, произноситъ передъ народомъ. Въ сіе время при священныхъ обрядахъ Архіепископъ Королевства предъ лицемъ народа вопрошаетъ Короля или Королеву: „Обѣщаешься ли торжественно, даешь ли присягу въ томъ, что будешь управлять народомъ Королевства Англійскаго и странъ „ему подвластныхъ по статутамъ, утвержденнымъ властію Парламента, по законамъ „и существующимъ обычаямъ?“ *Король*, или *Королева*, отвѣчаетъ; „Торжественно обѣщаюсь.“

Архіепископъ. „Обѣщаешься ли во всѣхъ „опредѣленіяхъ твоихъ слѣдовать закону, справедливости и милосердію?“ *Король*, или *Королева*: „Обѣщаюсь.“

Архіепископъ. „Обѣщаешься ли всею силою твоею защищать законъ Божій, истинное исповѣданіе Евангелія и религію Протестантскую преобразованную, законами постановленную? сохранишь ли при Епископахъ, „при духовенствѣ сего Королевства и при

(*) Hist. philosoph. et polit. des revolutions d'Angleterre.

„храмахъ, ввѣренныхъ попеченію ихъ, всѣ „права и привилегіи, законами дарованныя „всѣмъ имъ и каждому особенно?" *Король*, или *Королева*: „Обѣщаюсь то исполнить."

Потомъ Король, или Королева, кладетъ руку на Евангеліе и произноситъ: „Все обѣ„щанное мною исполнять и сохранять буду: „тако Богъ мнѣ да поможетъ!" И цѣлуетъ святую книгу.

Слѣдственно, въ сей формѣ присяги заключаются всѣ обязанности Королевскія, принимаемыя на себя Государемъ при священнѣйшемъ обрядѣ. Такое ограниченіе власти Монархической было уже извѣстно и древнимъ Германцамъ, предкамъ Англійскаго народа (*). Въ послѣдующія времена принята за правило та мысль, что Король долженъ быть подчиненъ законамъ, а не Королю законы; но принявъ мѣры, чтобы власть верховная не могла переступить за назначенные предѣлы, признано необходимымъ дать ей надлежащую силу и важность, дабы она въ состояніи была сохранять и внутренній порядокъ и внѣшнее могущество народа.

(*Окончаніе въ слѣд. книж.*)

(*) Nec regibus infinita aut libera potestas. *Tacit. de moribus Germanor. c.* 7.

IV. СМѢСЬ.

Прогулка въ Вышгородъ.

(Отрывокъ изъ моего журнала.)

Живши въ Кіевѣ, я захотѣлъ осмотрѣть Вышгородъ, нѣкогда принадлежавшій мудрой Княгинѣ Ольгѣ (*). Любопытный взоръ путешественника конечно ненайдетъ въ немъ ничего занимательнаго; но любитель Русскихъ древностей съ большимъ удовольствіемъ взглянетъ на мѣсто, достопамятное въ отечественной Исторіи. Я отправился туда съ пріятелемъ своимъ Д. по утру 17 Мая. Проѣхавъ городъ и заставу, мы приближились къ монастырю Кириловскому. Тихая погода, восходящее солнце и величественный видъ монастыря на высокой горѣ, окруженной густымъ лѣсомъ, произвели во мнѣ пріятное впечатлѣніе. По етой дорогѣ, думалъ я,

(*) „И возложи дань тяжку (на Древлянъ); двѣ части дани идетъ Кіеву, а третья къ Вышеграду ко Ольгѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Ольженъ." *Несторъ.* — Должно думать, что онъ былъ многолюдный городъ. Владиміръ Мономахъ въ 1115 году построилъ первый мостъ чрезъ Днѣпръ у Вышгорода. *Соч.*

нѣкогда ѣзжала мудрая Ольга въ богатой колесницѣ, окруженная знаменитыми Боярами; по етой дорогѣ и храбрый Святославъ скакалъ на борзомъ конѣ своемъ, — и роскошный Владиміръ, еще обожатель идоловъ, часто ѣзжалъ въ Вышгородъ, гдѣ триста наложницъ ожидали его, и гдѣ онъ, въ объятіяхъ женъ прелестныхъ, забывалъ на время и Государство и войну и свою славу. Таковъ былъ образъ жизни языческихъ государей! Взошло свѣтило христіанской вѣры на обширный горизонтъ Русскаго Царства, — и все перемѣнилось! Низвержены кумиры; на ихъ мѣсто воздвигнуты храмы истинному Богу, и тамъ гдѣ приносились жертвы страстямъ и слѣпому суевѣрію, воздвигнуты олтари добродѣтели и просвѣщенія.

Между тѣмъ въѣхали мы въ густоту бора. Священная, мрачная тишина царствуетъ между соснами, и только изрѣдка прерывается глухимъ шумомъ весенней, текущей съ горъ воды, или томнымъ голосомъ иволги. Можетъ бытьето самый тотъ боръ, о которомъ упоминаетъ Несторъ, разсказывая исторію основанія Кіева; можетъ быть первобытные жители сихъ странъ, покрытые звѣриными кожами, съ колчанами на плечахъ, вооруженные длинными стрѣлами, преслѣдовали здѣсь дикихъ вепрей и медвѣдей; но время и успѣхи общежитія гра-

жданскаго истребили сихъ лютыхъ звѣрей, и безоружный пѣшеходецъ теперь безопасно можетъ продолжать путь свой.

Около двухъ часовъ мы ѣхали узкою и песчаною дорогою между рядами высокихъ сосенъ; наконецъ густой боръ началъ рѣдѣть мало по малу, мы очутились на открытомъ полѣ, и маленькое сельцо съ ветхою деревянною церковью представилось нашимъ взорамъ. „Скоро ли увидимъ Вышгородъ?" спросилъ я моего приятеля. — Онъ у тебя передъ глазами - отвѣчалъ онъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы въѣхали въ деревню. Низкая убогая хижина была нашею квартирой; отдохнувши въ ней, мы пустились искать памятниковъ древности.

Любопытство прежде всего призывало насъ осмотрѣть церковь, которая стоитъ довольно на возвышенномъ мѣстѣ. Извѣстно, что добродѣтельный Борисъ и братъ его Глѣбъ, сіи невинныя жертвы злодѣйства, погребены были въ Вышгородѣ въ церкви Св. Василія, которая стояла на мѣстѣ теперешней. Въ 1072 году Великій Князь Изяславъ построилъ новую деревянную церковь; и 2 го Мая мощи Страстотерпцевъ перенесены туда съ великолѣпною церемоніей. Ровно черезъ 43 года (въ 1115 году 2 Мая) Святые Мученики опять перенесены были въ новую каменную церковь, сооружен-

ную Владиміромъ Мономахомъ на мѣстѣ старой деревянной церкви Св. Василія, гдѣ и покоились они въ мирѣ до ужасныхъ временъ нашествія Батыева. Лютая орда, опустошившая Россію, не щадила ни человѣчества, ни святыни; — церковь Бориса и Глѣба разрушена до основанія вмѣстѣ съ Вышгородомъ, а мощи Святыхъ съ того времени неизвѣстно куда дѣвались! Можетъ быть невидимая рука Промысла сокрыла ихъ въ таинственную сѣнь отъ поруганія варваровъ! Но память ихъ сохранило потомство; въ 1747 году на развалинахъ каменнаго основанія построена теперешняя деревянная церковь, куда ежегодно стекаются толпы богомольцевъ для поклоненія незримому священному праху.

Одна почтенная дама, любительница отечественной Исторіи, занимаясь отыскиваніемъ древностей, получила позволеніе отъ Правительства разрыть фундаментъ старой церкви; но надежда ея отыскать мощи осталась тщетною. На дворѣ церковномъ находится колодязь, внутри съ каменнымъ сводомъ, котораго вода, по преданіямъ жителей, почитается святою. Я заглянулъ въ его глубину, и мнѣ пришла въ голову странная мысль, что можетъ быть нѣсколько футовъ воды отдѣляютъ отъ любопытства нашихъ взоровъ священный предметъ благоговѣнія сердецъ хрістіанскихъ; можетъ быть устра-

шенные церковнослужители во время нашествія варваровъ захотѣли спасти драгоцѣнные останки и сокрыли ихъ на днѣ колодязя. Ибо, почему вода его почитается святою? Мы знаемъ. что нѣкоторые соплеменные намъ народы, на прим. Болгары и Сербы, имѣли обыкновеніе тѣла великихъ людей своихъ, оказавшихъ важныя заслуги отечеству, хоронить на днѣ колодязей; почемужъ было невоспользоваться симъ выгоднымъ обыкновеніемъ и нашимъ Священникамъ! Но я не стану доказывать сего случайнаго предположенія (*).

Я удивлялся величинѣ камней разрытаго фундамента, тѣмъ болѣе что ихъ надлежало привозить издалека; ибо по близости Вышгорода нигдѣ нѣтъ самороднаго камня. Древніе кирпичи также совершенно отличны отъ нашихъ своею величиною, и особливо примѣчателенъ прочный составъ цемента, который почти превратился въ камень. Обширное

(*) „Я имѣлъ случай послѣ говорить объ етомъ „съ однимъ почтеннымъ и весьма ученымъ „человѣкомъ, М. Ф. Б., которой подтвердилъ „возможность моего мнѣнія.“ *Примѣчаніе сочинителя.* — При семъ случаѣ можно вспомнить о мѣстѣ погребенія *Аларика*, котораго тѣло, по свидѣтельству Іорнанда, положено подъ рѣчкою Бузентиномъ. Вода была отведена, и въ самомъ днѣ вырыта могила; послѣ похоронъ рѣкчѣ снова дано прежнее направленіе. *Рдръ.*

пространство основанія заставляетъ думать, что церковь была огромная и соотвѣтствовала значительности города.

Между тѣмъ какъ мы съ любопытствомъ разсматривали, солнце взошло на полуденную высоту, и палящій зной его заставилъ насъ укрыться подъ тѣнь густыхъ вязовъ, осѣняющихъ дворъ церковный. Отсюда любовались мы прекрасными окрестностями. Тамъ въ синѣющейся равнинѣ видѣнъ величественный Днѣпръ, котораго широкія воды теряются вдали, въ безчисленныхъ изгибахъ, между черными соснами; мѣльницы и маленькія деревушки плаваютъ на свѣтлыхъ струяхъ его; здѣсь мирныя хижины поселянъ съ цвѣтущими садами; за ними бархатныя зеленыя поля, воздѣланныя трудолюбивою рукою земледѣльца и вдали изъ за густаго лѣса блестящіе куполы Кіева: все наполняло душу мою сладостнымъ восторгомъ, и я чувствовалъ въ ету минуту всю прелесть бытія своего! —

Я готовъ былъ провесть цѣлой день въ пріятныхъ мечтаніяхъ; но пріятель мой напомнилъ мнѣ, что уже было время обѣда, и мы возвратились въ нашу хижину. Послѣ умѣренной изготовленной миловидною крестьянкою сельской пищи, которая показалась намъ вкуснѣе роскошнаго обѣда, мы пошли къ Священнику деревни. — Свѣтлый домикъ его стоитъ на скатѣ горы у самаго Днѣпра.

Молодой пастырь встрѣтилъ насъ съ дружелюбною искренностію и, кажется, весьма обрадовался нашему посѣщенію. Нашедши въ немъ образованнаго человѣка, мы обьявили ему причину нашего пріѣзда въ Вышгородъ, и онъ тотчасъ взялся показать намъ внутренность церкви. Древность мѣста придаетъ священный видъ ея простотѣ; но я немогу описать того чувства, съ которымъ смотрѣлъ на памятникъ варварства орды Батыевой. Ето образъ Спасителя, пораженный копьемъ неистоваго Татарина! Кажется, само время содрогнулось поднять на него всеистребляющую руку свою и сохранило его для потомства. Многіе видятъ на немъ слѣдъ крови, истекшей изъ раны. Отсюда мы пошли осмотрѣть двѣ высокія могилы, изъ коихъ одна называется: *песчанымъ курганомъ*, а другая *крестовымъ*. Первая разрыта, и мы увидѣли въ ней множество черепьевъ и костей человѣческихъ. Должно думать, что ето также жертвы Татарской лютости; ибо Исторія неупоминаетъ ни объ одномъ сраженіи на семъ мѣстѣ прежде ихъ нашествія. Здѣсь нашли панцырь и изломанный мечь древній. *Крестовый курганъ* стоитъ отсюда въ нѣсколькихъ шагахъ съ огромнымъ крестомъ дубовымъ.

Намъ хотѣлось еще видѣть одно мѣсто, называемое *Замковищемъ*, на которомъ,

по преданію жителей, стоялъ замокъ. Услужливый Отецъ Петръ (имя Священника) проводилъ насъ. Двѣ искусственныя треугольныя насыпи и множество дикаго камня заставляютъ думать, что здѣсь конечно находилось большое строеніе; отсюда же простирается остатокъ древняго вала, которой скоро сравняется съ землею. Можетъ быть на семъ мѣстѣ стоялъ дворецъ Ольги: да и гдѣ приличнѣе быть Княжескому чертогу какъ не на такой прекрасной возвышенности. Саженяхъ въ 30 глубиною шумитъ величественный Днѣпръ; двадцать пять верстъ вы слѣдуете взорами по его теченію и видите съ одной стороны цѣлый рядъ крутыхъ скалъ съ кудрявыми липами, съ другой зеленыя рощи, луга, прекрасныя деревни, а на краю горизонта представляется вашимъ взорамъ, на синѣющихъ горахъ, великолѣпная картина Кіева. Я невидалъ Швейцаріи, невидалъ Италіи; но и тотъ кто наслаждался очаровательною природою странъ южныхъ, будетъ удивляться величію картинъ здѣшняго края. Въ восхитительномъ безмолвіи мы стояли неподвижны; взоры наши прикованы были къ сему прекрасному зрѣлищу. Между тѣмъ туча собиралась надъ Кіевомъ и скоро темная завѣса закрыла сводъ небесный. Наставшая тишина и смятенное летаніе ласточекъ предвѣщали грозу; но мы недумали возвращаться: намъ хотѣлось быть свидѣ-

полями грознаго величія Природы! Зашумѣлъ вѣтеръ, блеснула молнія, грянулъ громъ и эхо повторило удары его въ возмущенныхъ волнахъ Днѣпра. Сокрылись Кіевскія горы въ туманѣ; огромныя башни и храмы висѣли на воздухѣ; огненные перуны разсѣкали надъ ними черную тучу. . . .

Но скоро все успокоилось въ Природѣ: мы простились съ нашимъ добрымъ Священникомъ и поѣхали въ обратной путь, уже не черезъ лѣсъ, а берегомъ Днѣпра, гораздо пріятнѣйшею дорогой. Прохлада и благоуханіе цвѣтовъ наполняли воздухъ и, кажется, вливали новую жизнь во всѣ творенія: все наслаждалось, все пило нектаръ радости изъ чаши благодѣтельной, и громкой соловей пѣлъ гимнъ Природѣ въ тѣнистой рощѣ.

Мы проѣзжали еще мимо одной могилы, которая выше обѣихъ кургановъ. Она называется *Варравинымъ курганомъ*; по чему? незнаю, и небуду спрашивать объ этомъ Исторію, отъ которой древность утаила многое. Когда мы приближались къ окрестностямъ Кіева, солнце сіяло въ вечернемъ великолѣпіи на западѣ и позлащало своими лучами зеленыя вершины холмовъ, на которыхъ паслися тучныя стада. Пастухи играли на свирѣляхъ, а молодыя крестьянки изъ сосѣдственныхъ деревень, украшенныя цвѣта-

тами собирались подъ сѣнь густыхъ липъ; окончить въ невинныхъ забавахъ счастливѣйшій день весенній. Все представляло плѣнительную картину сельской жизни — картину свободы, простоты, счастія!...

Ѳ. Тмнск.

Политическія происшествія.

Франція.

Доказательствомъ, сколь нетерпѣливо Франція желаетъ имѣть значительную армію, служитъ неутомимое стараніе сформировать оную. Пишутъ, что къ концу года 80,000 Французовъ будутъ находиться подъ ружьемъ во всей исправности.

— Переговоры о требуемомъ разными Державами удовлетвореніи окончаны; слѣдственно Франція въ скоромъ времени будетъ освобождена и отъ расположенныхъ въ ней войскъ союзныхъ. Въ засѣданіи Палаты депутатовъ 25 Апрѣля (н. с.) Дюкъ Ришелье читалъ достопамятный отчетъ объ окончаніи сего важнаго дѣла. Изъ онаго между прочимъ видно, что одни проценты всей суммы, которую Франція должна будетъ заплатить подданнымъ другихъ Державъ, простираются до 12,040,000 франковъ, а сумма ежегодной уплаты состоять будетъ въ 16,040,000 фр. „Съ сей минуты“ сказалъ Дюкъ Ришелье „всѣ споры прекращены. Фран-

ція совершенно исполнила всѣ свои обязательства. Наступило уже время, когда она получитъ достойную награду за свою благородную твердость." Касательно освобожденія отъ союзныхъ войскъ, онъ упомянулъ слѣдующее: „Время сіе приближается и сердце каждаго Француза оживляется сладкою надеждой, что на отечественной землѣ вскорѣ не будетъ видно другихъ знаменъ, кромѣ Французскихъ. Государи назначили себѣ свиданіе, дабы разсуждать о семъ важномъ вопросѣ, отъ коего зависитъ благоденствіе всей Европы." — Изъ капитала 320,800,000 фр., коего проценты составляютъ 16,040,000 фр., получаетъ Англія 60 мил., Испанія 20, Австрія 25, Ганноверъ 10, Пруссія 52, Парма 1, Римъ 5, Гессенъ, Веймаръ Изенбургъ и проч. 8, Нидерланды 33, Гамбургъ 20, Бременъ 1, Данія 7, Швейцарія 5, Сардинія 25, Баварія 10, Саксонія $4\frac{1}{2}$, Тоскана $4\frac{1}{2}$ мил., Франкфуртъ 700,000, Виртембергъ 500,000, Мекленбургъ 500,000 и Баденъ 65,000 фр.

— Въ Палатѣ депутатовъ продолжались жаркіе споры о бюджетѣ или росписаніи государственныхъ расходовъ. Особливо на счетъ значительнаго жалованья Министровъ сдѣланы были сильныя возраженія. Г-нъ *Дюпонъ* требовалъ, чтобы Министры получали не болѣе 100,000 франковъ; потомъ желалъ онъ совершеннаго уничтоженія Государственнаго Совѣта, называя его *остаткомъ Буонапартова правительства* (?). Въ другое засѣданіе Графъ *Лабурдонне* съ жаромъ предлагалъ уничтожить Министерство Полиціи, называлъ оное порожденіемъ деспотизма, исчадіемъ революціи, и утверждалъ, что непремѣнно должно уничтожить оное, если Франція, находясь подъ отеческимъ правленіемъ Короля своего и подъ эгидою кон-

ституціонной Хартіи, хочетъ быть совершенно спокойною и счастливою. Въ концѣ Рѣчи своей называлъ онъ всеобщую Полицію — дщерію революція, напитанною молокомъ ея, и долженствующую умереть вмѣстѣ съ своею матерью. — Неспоримъ, что почтенный Графъ изъяснялся, можетъ быть, красноречиво; но кто жъ будетъ смотрѣть за поступками злонамѣренныхъ? кто будетъ охранять общую безопасность?

Англія.

Въ Нижнемъ Парламентѣ предложено было уничтожить навсегда *кровавыя деньги* (blood money). Такъ называется сумма, выдаваемая доносителю о преступленіи и объявителю о преступникѣ. *Французская Минерва*, по обыкновенію своему, выражается очень сильно о семъ варварскомъ обыкновеніи. „Ета Англія, которая даетъ законы Грекамъ, и которая представляетъ міру необычайное зрѣлище переселенія гражданственности съ береговъ туманной Темзы на знаменитую Итаку и баснословную Цитеру, ета Англія сама имѣетъ нужду въ гражданской образованности. Трое извѣрговъ подущаютъ простяковъ дѣлать фальшивую монету; потомъ на нихъ же доносятъ правительству, получаютъ *цѣну крови*, и двѣнадцать законовѣдцовъ объявляютъ извергов сихъ невинными! Законодательница народовъ! исключи изъ словаря твоего слово, тебѣ одной принадлежащее: *цѣна крови*.“ О семъ дѣлѣ теперь уже разсуждаютъ и въ Верхнемъ Парламентѣ.

— Принцъ - Регентъ, увѣдомляя Парламентъ о бракосочетаніи Герцога Кларанскаго

съ Принцессою *Аделаидою*, старшей дщерію Владѣтельнаго Герцога Мейнунгенскаго, также о вступленіи въ бракъ Герцога Кембриджскаго со второю дщерію Ландграфа Фридриха Гессенскаго, требовалъ, чтобы Герцогу Кларанскому къ получаемому имъ нынѣ жалованью по 18,000 ф. ст. въ годъ прибавлено было еще 18,000, а Герцогамъ Кумберландскому и Кембриджскому по 12,000 ф. ст. каждому; Принцессѣ Елисаветѣ и Герцогинѣ Глочестерской (Маріи) къ 10,000 еще по 6,000, и сверхъ того выдать опредѣленную имъ на приданое сумму. — По сему въ Верхнемъ Парламентѣ Графъ *Ливерпуль* представлялъ о необходимой потребности бракосочетанія Принцевъ, дабы утвердить прямое наслѣдство Брауншвейгскаго Дома. Но Лорды *Лаудердаль* и *Голландъ* сильно возстали противъ непомѣрныхъ расходовъ Двора. Въ Нижнемъ Парламентѣ Лордъ *Кастельре* настаивалъ о необходимости вступленія въ бракъ Принцевъ, изъ коихъ младшему уже 45 годъ, дабы не лишиться выгоды имѣть Правителей Государства, воспитанныхъ по законамъ и нравамъ той земли, въ которой они должны царствовать. За тѣмъ Лордъ предложилъ о прибавкѣ 10,000 фунтовъ стерлинговъ къ суммѣ, назначенной на содержаніе Герцога Кларанскаго; но послѣ сильныхъ преній Парламентъ по большинству голосовъ опредѣлилъ прибавить только *шесть тысячъ*. На другой день Лордъ Кастельре сообщилъ Нижней Палатѣ объявленіе Герцога, что поелику для расходовъ его недостаточно назначаемой суммы, и онъ при новомъ устройствѣ своего Дома долженъ будетъ терпѣть нужду, то и находитъ себя принужденнымъ отклонить предложеніе Парламента о принятіи означенной суммы.

Германія.

Пребывающій во Франкфуртѣ на Майнѣ Сеймъ опредѣлилъ, чтобы всѣ дѣла, касающіяся до военныхъ учрежденій Германскаго Союза, были кончены *въ три мѣсяца*. Для сего положено учредить особую Коммисію изъ семи Членовъ, къ которымъ отъ каждой Державы Германіи, имѣющей полмилліона жителей, пришлется военный чиновникъ для общихъ совѣщаній.

Сѣвероамериканскія Соединенныя Области.

Въ письмѣ Статсъ-Секретаря Соединенныхъ Американскихъ Областей, г-на Адамса, къ бывшему Испанскому Министру въ Вашингтонѣ, г-ну д'Онису, повелительнымъ тономъ объявлено, что Американцы заняли островъ Амелію, потому что Испанія не могла защищать его, и что они займутъ также и Флориду, поелику оная равнымъ образомъ не защищена достаточно. Вразсужденіи *Луизіаны*, Американцы запрещаютъ дѣлать себѣ дальнѣйшія представленія. — Конгрессу сообщены и всѣ происходившіе дотолѣ переговоры съ Испаніею. Для прекращенія споровъ своихъ съ Сѣверо-Американскими Областями, Испанія предложила Правительству оныхъ посредство Англіи; но Американцы не согласились принять оное.

Испанская Америка.

Главнокомандующій надъ Испанскими войсками Генералъ *Морилло* одержалъ въ разныя времена три побѣды надъ мятежниками, шедшими противъ его со стороны рѣки *Ороноко*;

а Бригадный Генералъ *ла Торре* разбилъ 2-го Декабря прошедшаго года близь Саразы, въ долинѣ Барцеллонской, передовое войско Боливара.

— Однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ, поддерживающихъ мятежъ въ Южной Америкѣ, служитъ великое множество инсургентскихъ корсеровъ, составленныхъ изъ Англичанъ, Французовъ и Американцовъ.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Вотъ разительный примѣръ для людей, плѣняющихся наружнымъ блескомъ и легкомысленно вступающихъ въ пышныя знакомства. Нѣкто *Бокса*, отличный арфистъ и приятный композитеръ, посредствомъ женитьбы на племянницѣ г-жи Жанлисъ свелъ хорошкое знакомство со знатными фамиліями въ Парижѣ, и до того полюбился одному дряхлому Виконту, что старецъ сей хотѣлъ было усыновить его и сдѣлать наслѣдникомъ благороднаго своего титла. Бокса, имѣя всѣ качества любезнаго собесѣдника, былъ охотно принимаемъ въ домахъ самыхъ знатнѣйщихъ. Весьма не рѣдко и у себя онъ собиралъ блестящее общество, давалъ пышные балы, восхитительные концерты, какихъ у частнаго человѣка почти не

когда не бываетъ. Такимъ образомъ веселилъ онъ гостей своихъ и въ одинъ вечеръ минувшею зимою. Разряженныя дамы и кавалеры съѣхались насладиться удовольствіями d'une societe choisies, отборнаго общества; танцовальная зала, концертная сіяли великолѣпіемъ и убранствомъ. Спустя нѣсколько времени, гости замѣчаютъ отсутствіе любезнаго хозяина; ропотъ и шумъ раздаются въ блестящемъ обществѣ, и одинъ за другимъ всѣ уходятъ. На другой день по утру узнаютъ, что Бокса ночью по екстренной почтѣ ускакалъ изъ Парижа. И вотъ взволновался легіонъ его заимодавцевъ: одинъ говоритъ о деньгахъ за богатыя мебели; у другаго взяты драгоцѣнныя шали; третій показываетъ векселя, данные Боксой и уже протестованные. Сочинители газетъ забавлялись надъ симъ происшествіемъ, и говорили, что молодой музыкантъ вздумалъ изумить всѣхъ неожиданною *фугой*. Но заимодавцамъ было не до шутокъ; они обратились къ правосудію. Тутъ открылись многія безчестнѣйшія плутни любезнаго собесѣдника *Боксы*, который велъ дѣла свои весьма прилѣжно, подписываясь подъ руку знатнѣйшихъ особъ и самаго Герцога Веллингтона. Судебнымъ опредѣленіемъ онъ объявленъ сочинителемъ фальшивыхъ бумагъ, обманщикомъ, и приговоренъ къ позорному столбу, заклейменію и 8

дѣвной галерной работѣ. Между тѣмъ Бокса восхищаетъ своею арфой блестящія общества въ Лондонѣ, и на вѣрное очень мало заботится о заочномъ приговорѣ уголовнаго суда Парижскаго. — Не стыдно ли тѣмъ, которые дружились съ мошенникомъ, посѣщали его балы и концерты!

— Прошлаго Марта мѣсяца данъ былъ въ Парижѣ между прочимъ спектакль въ пользу дѣвицы *Марсъ*, славной актрисы. Многолюдство было чрезвычайное, не смотря на высокую цѣну. Въ піесѣ играла сама дѣвица *Марсъ*; но ее не возможно было докончить. Громкой свистъ продолжался до тѣхъ поръ пока не опустили занавѣса. Зрители разсержены были печатными афишками, въ которыхъ между прочимъ назначено было по 5 франковъ за входъ въ коррадоръ, или *сѣни, находящіяся за ложами*. Такое необычайное корыстолюбіе въ самомъ дѣлѣ могло вывести публику изъ терпѣнія, тѣмъ болѣе что въ сѣни обыкновенно впускаются слуги и безъ всякой платы. На другой день журналисты не пропустили случая пошутить надъ корыстолюбіемъ и неудачею актрисы; одинъ говорилъ, что дѣвица *Марсъ* дурно сдѣлала, что не откупила всѣхъ столбовъ и угловъ, на которыхъ прилѣпливаются афишки, и что не собирала денегъ съ чита-

тителей; другой увѣрялъ, что отъ всѣхъ проходившихъ по Оперной улицѣ въ день представленія требованы были деньги; третій объявлялъ, что нѣсколько сотень зажиточныхъ слугъ вознамѣрились подать дѣвицѣ *Марсъ* прозьбу о томъ, чтобы впредь не отнимала у нихъ мѣстъ, которыя съ давнихъ временъ имъ принадлежатъ. Но дѣвица *Марсъ* вѣроятно не оскорбилась шутками журналистовъ: бенефисъ доставилъ ей около 40,000 франковъ — сумму, на которую дѣвица *Марсъ* можетъ, если только захочетъ, купить изрядную деревеньку. Иной ученой провозгласилъ бы себя блаженнѣйшимъ человѣковъ въ мірѣ, когда бы долголѣтнія изысканія наконецъ принесли ему то, что дѣвицѣ *Марсъ* доставили *три* только часа работы, весьма для нея легкой. Но опять и то правда во первыхъ, что отличные таланты бываютъ весьма рѣдки; а во вторыхъ, что публика щедро платитъ тѣмъ, которые забавляютъ ее, и скупа къ своимъ наставникамъ: забавы ищетъ всякой, а ученія только немногіе. — Въ слѣдующій спектакль чудесная игра дѣвицы *Марсъ* тотчасъ заставила публику забыть и о бенефисѣ, и о корридорныхъ билетахъ и объ ея корыстолюбіи. Такова сила таланта!

— Г. *Валабрегъ*, мужъ славной пѣвицы *Каталани*, принужденнымъ нашелся отвѣчать

на изданные въ свѣтъ оскорбительные листки и тетрадки, коихъ сочинители порицали супругу его за дурное управленіе Италіянскаго театра въ Парижѣ. Онъ доказываетъ, что съ того времени какъ г-жа *Каталани* приняла на себя управленіе Италіянскою оперой, театръ сей неможетъ быть въ такомъ состояніи, въ какомъ находился прежде (т. е. при Наполеонѣ). Тогда правительство ежегодно отпускало 220,000 франковъ; тогда въ Парижѣ находилось 30,000 Италіянцевъ, и Дирекція имѣла право вызывать отличнѣйшихъ пѣвцовъ изъ театровъ цѣлой Италіи. Нынѣ все иное: правительство отпускаетъ только 160,000 франковъ; г-жа *Каталани* представить должна была въ залогъ 120,000, на свой счетъ устроить залу и проч.; ежемѣсячной расходъ простирается до 11,000 франковъ, и на одинъ только оркестръ въ каждой мѣсяцъ издерживается 5000 той же монеты. Только въ главномъ обвиненіи г. *Валабрегъ* не могъ оправдать свою супругу, именно въ томъ что она не старается труппу свою составить изъ отборныхъ артистовъ. Нѣкоторые прежніе пѣвцы должны были удалиться, и сіе-то обстоятельство подтверждаетъ общую молву, будто бы г-жа *Каталани* имѣетъ маленькую слабость нетерпѣть близъ своего голоса другихъ голосовъ прекрасныхъ. Слухъ ея весьма привыкъ уже къ по-

хваламъ громогласнымъ, и потому легко статься можетъ, что онъ неохотно раздѣляетъ ихъ съ другими артистами.

— Извѣстно, что на счетъ добровольной складки теперь приготовляется въ Парижѣ надгробный памятникъ Мольеру — Мольеру, которому едва дали мѣсто погребенія скоро послѣ его смерти! Замѣчаютъ, что вся Академія Французская подписала только 200 франковъ, между тѣмъ какъ одна актриса Марсъ дала 1000. Чемужъ тутъ дивиться? Цѣлой Академіи вовѣки неудастся въ одинъ вечеръ пріобрѣсть 40,000 франковъ.

— „Конституція Іонійскихъ острововъ" пишутъ во Французской Минервѣ „есть точное подражаніе Британской конституціи. И на островахъ Парламентъ состоитъ изъ Сената и законодательнаго Корпуса, а Королевскія права принадлежатъ Лорду-Коммисару. Но, спрашивается: что значитъ государство, находящееся подъ покровительствомъ другаго? Государство, не само собою существующее, можетъ ли называться симъ именемъ?" Не дамъ ли сто заявки?

ПОПРАВКИ.

Въ № 8мъ Вѣстн. Европы 1818 года читать должно:

На стран. 288, строк. 13: IVDASTRADIDITXP.M. *и проч.*

На стран. 298 строк. 24: Херсонскія *мнимыя* врата привезены къ Св. Софіи въ Новгородъ; но подлинныхъ (Константинопольскихъ) надобно искать *и проч.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 10.
МАЙ 1818.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

О Лютеровой Реформаціи.

(Окончаніе.)

Столь велика была масса доходовъ Римскаго Двора, наложенныхъ имъ на всѣ земли подвластныя, что нельзя удивляться, если Государи и подданные ихъ роптали на малѣйшія новыя требованія, ненужныя, или несправедливыя. Каждый служитель олтаря, получивъ доходное мѣсто, платилъ Папѣ ежегодную подать; и сіи доходы безъ сомнѣнія составляли великую сумму, ибо требуемы были со всею строгостію. Пусть читатель прибавитъ ко всѣмъ симъ источникамъ частыя требованія добровольныхъ приношеній отъ духовенства, требованія чрезвычайныхъ податей съ его имѣній, подъ именемъ *десятины*, требованія на походы противъ Турковъ, или рѣдко предпринимаемые, или оставле-

мые безъ исполненія, и потомъ пусть судитъ самъ о необъятномъ богатствѣ, какое безпрестанно текло въ Папскую столицу.

Такова была развращенность нравовъ, безчисленное богатство, безпредѣльное могущество, прежде нежели явился Лютеръ; таково было иго тиранскаго владычества Папъ, угнѣтавшее христіанъ западныхъ, и таковы были мысли объ немъ и чувства къ нему въ Германіи при самомъ началѣ шестьнадцатаго столѣтія. Сіе начертаніе взято не изъ политическихъ сочинителей, которые, въ жару споровъ, могли увеличить заблужденія и очернить несправедливо поступки Римской церкви, которую они старались ниспровергнуть; нѣтъ, оно составлено изъ достовѣрныхъ источниковъ, — изъ записокъ и представленій общихъ Имперскихъ Сеймовъ, въ которыхъ изображены злоупотребленія духовенства, народъ обременившія, изображены со всѣмъ хладнокровіемъ и единственно для прекращенія оныхъ. Если важныя государственныя собранія столь рѣзко выражались въ своихъ актахъ, то можно представить себѣ, сколь велико было негодованіе народа; и если чины государственные такъ сильно требовали уничтоженія оныхъ излишествъ, то не нужно описывать, какимъ дерзкимъ и ядовитымъ языкомъ говорила объ нихъ чернь простая, непросвѣщенная.

Такъ всѣ умы были настроены; они были уже готовы низвергнуть иго, и Лютеръ началъ свои проповѣди съ вѣрною на успѣхъ надеждою. Давно чувствуя Папское тиранство и на конецъ потерявъ терпѣніе, народъ услышалъ съ радостію первый голосъ, призывающій его къ свободѣ. Отсюда произошло то легкое, непринужденное повиновеніе, какое Германцы показали къ Лютеровымъ проповѣдямъ; та быстрота, съ какою во всей Германіи распространились новыя мнѣнія. Пылкій, неукротимый духъ Лютера, смѣлость, съ какою онъ защищалъ свое ученіе, гордость и презрѣніе, съ какими онъ говорилъ и писалъ противъ своихъ неприятелей, въ нашемъ болѣе кроткомъ и просвѣщенномъ вѣкѣ безъ сомнѣнія показались бы излишествомъ въ характерѣ преобразователя; но современники несудили и немогли судить его такъ строго. Ихъ умы уже слишкомъ волновались отъ Лютеровыхъ споровъ, столь важныхъ для ихъ покоя; они сами чувствовали жестокое тиранство, они сами видѣли всѣ злоупотребленія духовенства, противъ которыхъ возсталъ ихъ защитникъ.

Его читатели неоскорблялись грубыми, сатирическими чертами, которыя разсыпаны во всѣхъ его политическихъ сочиненіяхъ, ни тѣми низкими чертами комическими, которыя часто безобразили его проповѣди самыя

важныя. Въ сіи грубыя времена такой тонъ господствовалъ во всѣхъ спорахъ, и даже среди разсужденій о самыхъ священныхъ предметахъ. Однимъ словомъ, желчь сатиры и грубыя насмѣшки не только не были вредны для его ученія; напротивъ они имѣли одинакое дѣйствіе съ его лучшими доказательствами; вмѣстѣ съ ними служили къ ниспроверженію несправедливой Папской власти и къ возмущенію народныхъ умовъ противъ ея тиранства.

Таковы были причины быстрыхъ успѣховъ Лютерова ученія, заключавшіяся въ самомъ существѣ его предпріятія, и принадлежавшія обстоятельствамъ, въ которыхъ находясь, онъ отважился на оное предпріятіе; но еще есть постороннія, зависѣвшія отъ случая; причины, которыя были полезны для него, и которыхъ не имѣли его предшественники на томъ же поприщѣ. Между сими послѣдними должно считать искусство печатанія, изобрѣтенное около пятидесяти лѣтъ прежде Лютера. Сіе счастливое искусство дало крылья свѣдѣніямъ; уже легко было получать и распространять ихъ. Такимъ образомъ Лютеровы книги разлились вдругъ по всей Европѣ; а прежде онѣ имѣли ходъ въ отдаленныя страны медленный и невѣрный. Прежде сего изобрѣтенія одни богатые и ученые имѣли въ рукахъ книги; Лютеровы сочиненія были открыты предъ всѣмъ народомъ. Лютеръ про-

вилъ его суда, и онъ сдѣлался судьею, обратилъ вниманіе на правила религіи, и отвергнулъ изъ нихъ ложныя, именно тѣ, которымъ заставляли его слѣпо вѣрить, и притомъ такъ, чтобъ онъ непонималъ ихъ.

Возрожденіе наукъ въ сіе время было также обстоятельствомъ, весьма благопріятнымъ для преобразователя. Изученіе древнихъ Греческихъ и Римскихъ писателей, открытыя въ нихъ правила красоты и вкуса, пробудили человѣческій умъ, который дремалъ въ летаргическомъ невѣжествѣ многія столѣтія. Въ сіе время люди, кажется, нашли способность размышлять и судить, способность, которая давно была потеряна; — восхищенные самъ пріобрѣтеніемъ они вездѣ употребляли его съ великою смѣлостію. Они уже не пугались новой стези, ни новыхъ мыслей; напротивъ, все необыкновенное въ Лютеровомъ ученіи было для нихъ привлекательнымъ. Когда отважная рука преобразователя снимала завѣсу, закрывавшую прежнія заблужденія; то, вмѣсто ужаса, всѣ оказывали ему удовольствіе и даже помощь: таковъ уже былъ духъ вѣка. Лютеръ чуждъ былъ изящности вкуса и слога; но онъ побуждалъ другихъ упражняться въ древней словесности; чувствуя, какъ она нужна для того, кто хочетъ понимать Священное Писаніе, онъ самъ весьма успѣшно занимался языками Еврейскимъ и Греческимъ.

Меланхтонъ и другіе ученики Лютеровы заслужили славу на поприщѣ наукъ изящныхъ. Непросвѣщенные монахи, которые съ неистовствомъ противились распространенію наукъ въ Германіи, въ то же время возстали съ ожесточеніемъ противъ новаго преобразователя и его проповѣди; они кричали, что успѣхи его догматовъ небыли бы такъ обширны безъ успѣховъ просвѣщенія. Такимъ образомъ науки и преобразованіе были — одно и то же, и во всякой странѣ онѣ имѣли въ тѣхъ же людяхъ и своихъ враговъ и своихъ защитниковъ. Отъ того преобразователи весьма выгодно вели свои споры съ противниками. Ученость, дѣятельность, точность мыслей, чистота слога, самыя остроты и насмѣшки были на ихъ сторонѣ, и они торжествовали безъ всякаго труда. Грубыя доказательства и непонятный варварскій языкъ были неспособны защитить систему заблужденій, которой со всѣмъ искусствомъ, съ учеными тонкостями уже было не можно оправдать предъ трибуналомъ здраваго разсудка.

Сей отважный духъ любопытства и просвѣщенія, пробужденный въ Европѣ новымъ появленіемъ наукъ, былъ столь полезенъ для Лютеровой системы, что многіе, не помышляя о ней, помогали ея творцу и настроивали къ ней умы народные. Почти всѣ ученые люди, въ концѣ пятьнадцатаго и въ на-

чалѣ шестьнадцатаго вѣка блиставшіе на поприщѣ древней словесности, чуждые всякаго намѣренія и всякаго желанія ниспровергнуть владычество Римской церкви, среди трудовъ тихаго кабинета открывали безразсудство многихъ принятыхъ ею правилъ, и чувствовали слабость доказательствъ, которыми невѣжды, изъ числа монаховъ, хотѣли и надѣялись защитить ихъ. Презрѣніе къ симъ проповѣдникамъ заблужденій часто увлекало ихъ за предѣлы скромности; они опровергали ничтожныя ихъ доказательства и смѣялись надъ ихъ невѣжествомъ со всею свободою и весьма колко. Такимъ образомъ народъ былъ уже готовъ къ сценамъ войны, Лютеромъ противъ нихъ открытой, и почтеніе къ Римской церкви и ея защитникамъ, на которыхъ онъ нападалъ, уже весьма отдалилось отъ прежняго слѣпаго ентузіазма. Германія въ особенности поколебалась, когда былъ сдѣланъ первый шагъ къ распространенію наукъ въ сей странѣ; служители олтаря, превосходившіе въ невѣжествѣ даже своихъ братьевъ за-Алпійскихъ, еще съ большею ревностію старались остановить его успѣхи; а покровители наукъ въ свою очередь съ большимъ ожесточеніемъ нападали на нихъ. Рейхлинъ, Гуттенъ и другіе просвѣтители Германіи описывали злоупотребленія Римской церкви съ такою жестокостію, въ которой они неуступали самому Лютеру.

Еразмъ имѣлъ тѣ же причины и тѣ же побужденія, когда онъ время отъ времени возставалъ противъ заблужденій церкви, невѣжества и пороковъ духовенства. Въ началѣ XVI столѣтія слава его и ученая важность были столь велики, его сомнѣнія заслужили такое всеобщее удивленіе, что они должны стоять на ряду съ лучшими причинами, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ Лютера. Еразмъ, съ молодыхъ лѣтъ посвященный олтарю, воспитанный въ школѣ духовной, занимался богословскими истинами болѣе, нежели всѣ ученые мужи, его современники. Его геній, его обширныя свѣдѣнія немогли неоткрыть ему многихъ заблужденій и въ правилахъ и въ обрядахъ Римской церкви. Онъ опровергалъ одни съ великою основательностію философа и съ великою силою оратора; онъ употреблялъ противъ другихъ оружіе острой сатиры; Еразмъ владѣлъ имъ съ непобѣдимымъ искусствомъ, и народъ всегда смѣялся по его волѣ. Почти всѣ мнѣнія и обряды Римской церкви, которымъ Лютеръ объявилъ войну, уже были замѣчены Еразмомъ и испытали силу его критики или сатиры. Когда Лютеръ поднялъ свои знамена, Еразмъ былъ на его сторонѣ; онъ искалъ дружбы у его учениковъ и защитниковъ, и порочилъ поведеніе и жестокость его противниковъ. Онъ совершенно соединился съ Лютеромъ въ войнѣ противъ схоластическихъ богослововъ,

которые въ своей системѣ были и весьма несправедливы и весьма непонятны. Онъ вмѣстѣ съ Лютеромъ старался обратить умы къ Священному Писанію, какъ единственному источнику всѣхъ богословскихъ истинъ.

Но многія причины и обстоятельства непозволяли Еразму вступить на одно поприще съ Лютеромъ. Робость, съ которою онъ родился, недостатокъ душевной, превосходной силы, которая одна способна къ великимъ трудамъ *преобразованія*, неограниченное уваженіе, которое онъ имѣлъ ко всѣмъ вельможамъ, страхъ, который представлялъ ему утрату пенсій и другихъ выгодъ, любовь къ тишинѣ, надежда прекратить злоупотребленія постепенно и мѣрами кроткими, — все останавливало, оковывало ту ревность, которая сначала загорѣлась въ груди его противъ заблужденій церкви; онъ даже принялъ ролю посредника между Лютеромъ и его неприятелями. Недовольный дерзостію и порывами Лютера, наконецъ онъ, по желанію сихъ неприятелей, самъ поднялъ противъ него оружіе. Но, не смотря на сіе, мы должны почитать Еразма первымъ его учителемъ и всегдашнимъ союзникомъ въ войнѣ противъ Римской церкви. Онъ первый бросилъ сѣмена; Лютеръ возрастилъ ихъ и довелъ до плодотворенія. Еразмовы полемическія остроты и

осторожная колкость сатирическая приготовили Лютера къ открытой войнѣ и къ явнымъ сраженіямъ. Съ сей точки на Еразма смотрѣли его современники, самые славные защитники Римской церкви; съ сей же точки на него смотрѣть долженъ всякой Историкъ, обращающій вниманіе на происшествія XVI вѣка.

Въ семъ длинномъ реестрѣ обстоятельствъ, которыя, соединясь одни съ другими, дали такой успѣхъ Лютеру и унизили его неприятелей, я миновалъ лабиринтъ Папской богословіи; я нехотѣлъ представлять, какъ она противорѣчитъ духу христіанской вѣры, какъ удалилась отъ разсудка, отъ слова Божія и отъ обычаевъ первой церкви: я оставилъ сіи подробности церковнымъ историкамъ, къ которымъ онѣ прямо относятся. Но если будутъ присовокуплены сіи причины къ дѣйствію обстоятельствъ политическихъ; то окажется, что ихъ вліяніе въ общей массѣ было способно произвести въ умахъ потрясеніе быстрое и непреодолимое. Лютеровы современники были такъ близки къ сценѣ, и принимали въ нихъ такое живое участіе, что они немогли искать причинъ съ точностію, ни разсматривать ихъ съ хладнокровіемъ; почему быстрый ходъ новыхъ мнѣній казался имъ непонятнымъ и многіе приписывали сіе вліяніе необыкновенному не-

счастному положенію звѣздъ, — которое произвело сей духъ перемѣнъ и смятеній. Напротивъ сіе явленіе, сіи успѣхи очевидно принадлежатъ простымъ, но сильнымъ причинамъ, особенному Промыслу, который ихъ приготовилъ, и счастливому ихъ стеченію, которое произвело такія слѣдствія.

* * *

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Едвинъ.

Едвинъ, обманутый надеждою прелестной
Мальвинѣ вѣчно милымъ быть,
Оставилъ домъ, родныхъ, и въ сторонѣ безвѣстной
Пошелъ печаль свою сокрыть.
Уединенныхъ мѣстъ край тихій, безмятежный,
Пришельца сираго подъ сѣнь свою пріялъ.
Едвинъ, тоскою изнуренный,
Въ Природѣ горестямъ забвенія искалъ. —
И бродитъ онъ въ лѣсахъ дремучихъ
И рано поутру, и позднею порой;
То видѣнъ на горахъ, то средь песковъ сыпучихъ,
Безъ цѣли, медленной влекущійся стопой;

То на брегу крутомъ, подъ тѣнью древъ вѣт-
вистыхъ,
Простертый на травѣ, рѣки внимаетъ шумъ,
И взоромъ слѣдуетъ за склономъ водъ стру и-
стыхъ;
Но сердце, полное печали, горькихъ думъ,
Какъ въ урнѣ гробовой, Природѣ не внимаетъ!
Напрасно злачная долина разцвѣтаетъ,
Разливши сладкій ароматъ,
И соловей поетъ въ тиши уединенной,
И блескомъ радужнымъ прелестно озаренной
Сіяетъ передъ нимъ закатъ: —
Все мертво для него! Блаженство дней про-
текшихъ
Воспоминаніе невольное о той,
Кто радостью была, но злобною судьбой,
Теперь виновница и слезъ и мукъ лютѣйшихъ —
Все къ родинѣ влечетъ! Гдѣ юность разцвѣла,
Тамъ гробъ — пріютъ для насъ священный!
„Нѣтъ, нѣтъ!" сказалъ Едвинъ, печалью отяг-
ченный;
„Пойду на родину; она душѣ мила!
Гдѣ въ первой разъ узналъ любовь и наслаж-
денья,
Гдѣ встрѣтилъ милую, и ею счастливъ
былъ,
Гдѣ я блаженствовалъ, любилъ,
Пусть будетъ мѣсто то свидѣтелемъ мученья!
Тамъ дышетъ слаще вѣтерокъ,

И небо для меня яснѣе,
И рощи и луга милѣе,
И шепчетъ радостью знакомый ручеекъ!"
Пришелъ — и чтожъ ему предстало?
Надгробный памятникъ... Мальвины болѣ нѣтъ!
Безъ жалобъ и безъ слезъ, лишь сердце трепетало,
Едвинъ свой посохъ тутъ кладетъ. —
„Мальвина!" онъ сказалъ: „въ мѣстахъ, гдѣ ты, блаженныхъ,
Гдѣ скорьби нѣтъ, ни суеты,
Гдѣ всѣ отвержены обманчивы мечты,
Ужель не вспомнишь ты, мой другъ, о дняхъ безцѣнныхъ,
Протекшихъ радостно въ любви твоей со мной?
Ужель не вспомнишь ты о сей любви священной? . . .
Нѣтъ, гробъ не все беретъ! и духъ нашъ, преселенной
Въ обитель горнихъ мѣстъ, несетъ туда съ собой
Воспоминаніе — безсмертный даръ Природы! . .
Ахъ! скоро ль я дождусь желанной сей свободы,
И твой услышу сладкій гласъ,
Зовущій странника въ небесныя селенья —
Туда, гдѣ въ чувствахъ нѣтъ премѣны, заблужденья,
И гдѣ ни что, ни что не разлучитъ ужь насъ?"

Сказалъ, и голову на камень преклоняетъ,
Взоръ къ небу обратилъ, и тихо угасаетъ.

Волковъ.

Къ сердитой красавицѣ.

(*Кантата.*)

Клариса! я не постигаю,
Откуда гнѣвъ ко мнѣ такой?
И въ чемъ — отнюдь неугадаю —
Моя прослуга предъ тобой?

Вотъ вся вина, что я, плѣненный
Твоей чудесной красотой,
Мечтами страсти обольщенный,
Сказалъ: люблю тебя душой!
Моя душа смолчать неволька!
А ты признаньемъ недовольна! —
Вольножъ плѣнять тебѣ собой!

Нѣтъ! нѣтъ! ни какъ непостигаю,
Откуда гнѣвъ ко мнѣ такой?
И въ чемъ — отнюдь не угадаю —
Моя прослуга предъ тобой?

Когдажъ любовь проступкомъ называешь,
Скажи, кого ты непреступнымъ знаешь?
Невиненъ только тотъ, кто милой не видалъ!

Найди хоть одного, за спором,
Который велъ бы рѣчь съ тобой — и не вздыхалъ,
И не гнѣвилъ тебя украдкой страстнымъ взо-
ромъ,
И тайны прелести умомъ не проницалъ,

И могъ бы знать тебя, необожая!
Найди хоть одного — а тамъ сердись себѣ.
Почтожъ, вездѣ виновныхъ обрѣтая,
Виновнѣй всѣхъ кажуся я тебѣ?

Ахъ! за то-ль, что ты прелестна
И коварна, и скромна,
И съ причудами умна,
И на горе всѣмъ любезна,
Суждено мнѣ вѣкъ страдать?
Полно злобный видъ казать;
Ты сама съ собой не схожа,
Ты почти ужь непригожа!
Вѣдь и солнца невидать,
Какъ нахмурится Природа,
Помрачатся небеса!
О жестокая краса!
Сердце — та же непогода.

Ужасно гнѣвъ сей портитъ образъ твой!
Не вѣришь? Поглядись въ струяхъ ручья кри-
стальныхъ —
Вотъ зеркало тебѣ: — оно безъ словъ похваль-
ныхъ

Все скажешь искренно прозрачною волной. . :
Не правдаль? — я нелгалъ, мой другъ, передъ
тобой —
Узнаешь ли себя? Не та совсѣмъ ты стала:
И пасмурно чело и недовольный взглядъ
И брови хмурятся, улыбки прочь летятъ —
Суровость у тебя полкрасоты отъяла.

Полно злобный видъ казать;
Ты сама съ собой несхожа
И почти ужъ непригожа! —
Ахъ! и солнца невидать;
Какъ нахмурится Природа,
Помрачатся небеса!
О жестокая краса!
Сердце — та же непогода.

Но слушай: я совѣтъ тебѣ подать хочу —
Быть такъ — противъ себя! . . . повѣрь! —
я нешучу!
Есть средства легкія тебѣ для отомщенья:
Когда впередъ тебя подобно оскорблю,
Когда, забывъ весь страхъ, скажу тебѣ: люблю!
Клариса! нестерпи такого дерзновенья,
Скорѣй, безъ жалости, обидчика карай, —
И слово за слово всѣ рѣчи повторяй
И оскорбленіемъ плати за оскорбленье;
И тѣмъ же отомстивъ, обиды незабудь. . . .
Я не осмѣлюся тогда роптать отнюдь;

О! я прощу тебя, перенесу въ терпѣньѣ! . .
Смѣешься? . . ты меня приводишь въ восхищенье!
Клариса! вотъ теперь ужь лучше ты—взглянись;
Но лучше стала ты, разумница! всмотрись,
Улыбкой милой сей, улыбкою одною;
Чтожъ, если бы еще къ сему явила ты
И сострадание къ плѣненному тобою!
О! если бы любви моей сбылись мечты!
Свой образъ Ангельской съ небесной добротою
Соединя, вѣрнѣй обворожишь сердца;
Ты чувствуешь сама: усмѣшка — жизнь лица!
Но сердца томный вздохъ, но слезы упоенья,
Но тайныя въ груди пылающей біенья
И видъ задумчивый и благосклонный взглядъ
И рѣчи нѣжныя любови боязливой —
Вотъ прелесть, вотъ душа восторговъ и усладъ!
Милѣй любезная красавица спѣсивой!

Льзяль плѣнять — и не любить?
Страсть исчезнетъ безъ отрады;
Чтобъ оковы наложить,
Обѣщай сперва награды.
О несклонная краса!
Поглядись въ ручей извитый,
Но покинь свой видъ сердитый. . . .
О Творецъ! о Небеса!
Ты еще, еще милѣе!
Другъ мой! нѣжная краса!
Будь все краше, будь добрѣе.
Льзяль плѣнять — и не любить?
Страсть проходитъ безъ отрады;
Чтобъ оковы наложить —
Обѣщай всегда награды.

С. Петербургъ.

Николай Сушковъ.

Разлука съ красотою.

Постой, невѣрная, куда ты улетаешь?
За что меня во цвѣтѣ дней
Тоскѣ на жертву оставляешь?
Постой! — тебя зоветъ померкшій огнь очей,
И крови тихое теченье,
И чувствъ сердечныхъ охлажденье,
И блѣднаго чела унылый, томный видъ!
Приди — и обнови желанья притупленны,
Влей бодрость въ силы утомленны
И дай отъ времени мнѣ щитъ!

*

Напрасно мы тебя къ себѣ склонить желаемъ;
Однажды только мы въ году весну встрѣчаемъ:
Ахъ! также красота однажды въ насъ цвѣтетъ!
Минута радостей промчится,
Мечта прелестная печалью помрачится,
И старость истребитъ приятность юныхъ лѣтъ!

*

Но для чего же въ насъ съ увядшей красотою
Не гаснетъ пылкое желаніе любить?
Когда не можемъ мы приятны быть собою,
За чѣмъ же мы хотимъ другимъ приятны быть?
За чѣмъ о прошлыхъ дняхъ мы помнимъ съ сожалѣньемъ,
Когда прошедшаго не въ силахъ возвратить?
За чѣмъ стремимся мы всегда за наслажденьемъ,
Когда въ насъ красоту оно должно губить? —

*

Прости, невѣрная! съ унылою душою,
Отрады прошлыхъ дней я стану вспоминать,
И мыслью о тебѣ одною
Съ тобой разлуку услаждать.

Слрвѣ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Замѣчанія на Опытъ о Рускомъ стихосложеніи г-на В., и нѣчто о Прозодіи древнихъ.

Non doceo, sed admoneo docturos.

Статья I.

Были, и теперь еще есть люди, которые, не открывая началъ гармоніи поетической въ однихъ правилахъ стиха, думаютъ, что стихосложеніе есть искусство *произвольное*, *условное* и по етому суетное; — мнѣніе, недостойное нашего вѣка! Гармонія стиха есть вдохновеніе Природы, даръ Бога. . . est Deus in nobis! — Стихъ, въ правилахъ совершенный, часто бываетъ неприятенъ слуху. — Вотъ почему справедлива мысль Цицерона, что *стихъ* можно постигнуть не изъ правилъ, но изъ самой природы его (*). Мысль ета не разрушаетъ постоянныхъ правилъ для стиха, но доказываетъ единственно, что начало его гармоніи скрывается не столько въ правилахъ, сколько въ природѣ и порядкѣ; а поелику впечатлѣнія на сердце одно сужденіе приводитъ въ ясность, и такимъ об-

(*) Neque enim ipse versus ratione est cognitus, sed natura. — Orat. IV. —

разомъ разуму доставляетъ свѣдѣнія; то вотъ почему изысканіе гармоніи поетической не можетъ быть дѣломъ ни одного ума, ни одного сердца; безъ взаимнаго пособія они въ етомъ предметѣ ничего не найдутъ кромѣ тайнъ: предметъ сей достоинъ и сердца образованнаго и разума просвѣщеннаго. — Одинъ изъ ученѣйшихъ отцовъ нашей Церкви, Св. Августинъ, посвящалъ время, чтобы со всѣмъ глубокомысліемъ разсматривать основаніе древняго стихосложенія. И въ семъ превосходномъ сочиненіи (*) доказывая, что мѣра стиха основывается на законахъ музыки, на тѣхъ гармоническихъ числахъ, чувствованіе коихъ не можетъ пробуждаться въ душѣ человѣка безъ нѣкоторыхъ *чиселъ живѣйшихъ* (**), онъ наконецъ вопрошаетъ: *откуда сіи, если не отъ онаго высшаго и вѣчнаго начала чиселъ и подобій и равенства и порядка?* —

Однимъ словомъ, человѣку мыслящему нетрудно согласиться, что теорія стиха не есть предметъ ничтожный, и что тотъ не безъ пользы употребляетъ свое время, кто усиливается похитить у слуха тайны его наслажденій, кто изыскиваетъ начала сего

(*) De Musica.

(**) Nullo modo sine quibusdam numeris vivacioribus. .. Unde, quaeso, ista nisi ab illo summo atque aeterno principatu numerorum et similitudinis et aequalitatis et ordinis? —

благороднаго искусства, которое владычествуетъ надъ всѣми способностями души, возвышаетъ всѣ нравственныя силы человѣка. *Наслажденіе приводитъ душу въ гармонію* (*) — выраженіе, въ отношеніи къ Поэзіи, достойное мудреца - поэта, которой самъ былъ увѣнчанъ какъ счастливой стихотворецъ, и стало быть чувствовалъ цѣну наслажденій возвышенныхъ. —

Въ обстоятельствахъ нашей словесности, когда мы едва еще хотимъ наслаждаться произведеніями ума практическаго, теорія есть трудъ неблагодарный. Не смотря на это, одинъ изъ отличныхъ нашихъ Поэтовъ занялся испытаніемъ стариннаго Русскаго стихосложенія, и *Сочинитель Опыта* не безъ пользы употребилъ время: книгу его читаютъ. —

Въ самомъ дѣлѣ г. В. тѣмъ уже однимъ оказалъ услугу словесности, что раскрывая теорію стариннаго народнаго стиха, онъ открываетъ въ немъ, такъ сказать, памятники той любви Природы къ племени Славянъ, печать которой ознаменовываетъ ихъ нравственныя силы при самой юности бытія ихъ. Простые звуки сельскихъ нашихъ трубадуровъ говорятъ уже какъ объ ихъ счастливыхъ способностяхъ, такъ и о давней

(*) Delectatio ordinat animam. *S. Avgus. de Mus.*

образованности, по крайней мѣрѣ, чувства; безъ чего, сыны дикой Природы, не произвели бы они сего стиха, которой, не потому что отзывается звуками родины, но потому что въ самомъ дѣлѣ исполненъ гармоніи, плѣняетъ слухъ и образованнаго потомка.

Можетъ быть не всѣ будутъ согласны съ теоріею и назначеніемъ старинняго стиха нашего; можетъ быть все еще одеждою Музы Русской станутъ убирать не къ лицу Музъ иноземныхъ. Не льзя однакожъ сомнѣваться, чтобъ теперь, когда испытаны свойства стиха народнаго, не былъ онъ употребляемъ съ большею разборчивостію, сообразно особенному характеру и духу его отличающему. И тогда стихъ сей, какъ онъ ни ограниченъ въ составѣ своемъ, подъ рукою Поэта, каковъ творецъ Ильи Муромца, конечно можетъ быть и возвышенъ и благороденъ. — Но, въ ожиданіи сего и даже по совершеніи, мы вѣрно, при первомъ звукѣ *златой лиры*, при первомъ стихѣ Державина, Дмитріева, Озерова, всегда станемъ наполняться благодарностію къ Ломоносову. Стихъ метрической, невѣдомое до него преимущество языка нашего, всегда и во всѣхъ отношеніяхъ останется въ нашей Поэзіи стихомъ превосходнымъ. —

Такъ о метрическомъ нашемъ стихосложеніи думаетъ и Сочинитель *Опыта*, пред-

варительно его разсматривая. Остановимъ вниманіе наше на семъ предметѣ, которой во многихъ еще вопросахъ не разрѣшенъ для нашей словесности, и о которомъ Сочинитель *Опыта*, сравнивая наше стихосложеніе съ Греческимъ, дѣлаетъ свои заключенія. Предметъ важный и полезный для Поэзіи Русской. Съ перваго взгляда однакожъ видно, что предметъ сей, самъ по себѣ довольно обширный, кажется не нуженъ былъ для объясненія теоріи стиха Русскаго. Самъ Сочинитель это чувствовалъ, говоря въ предисловіи, что другіе размѣры стиховъ излагаются единственно *для полнаго обозрительнаго сравненія сихъ размѣровъ*; етимъ оправдывалась бы краткость, съ какою изложена метрическая система Грековъ, еслибъ дѣло кончилось однимъ ея изложеніемъ. Но Сочинитель произноситъ свои мнѣнія и о метрическихъ размѣрахъ нашей Поэзіи. Изъ етаго можно видѣть, что г. В., кромѣ разсмотрѣнія теоріи стариннаго Русскаго стиха, желалъ разрѣшить и другіе предметы, для Поэзіи нашей не менѣе важные. И вотъ какъ онъ приступаетъ къ етому:

Исчисляя стопы и размѣры Грековъ: „Прозодія Греческая“ (стр. 18) говоритъ онъ: „передъ всѣми новѣйшими имѣетъ ту „особенность, что въ ней самыя гласныя „буквы суть, такъ сказать, *музыкальныя*

„*ноты*, будучи не только по положенію, но „и *сами по себѣ*, или, какъ Грамматики изъ„ясняются, по *естеству своему* долгими, „краткими и двувременными. Сіе-то *свой„ство* долготы, краткости и двувременно„сти называется *количествомъ* (ῥυθμος, „numerus) ?? Оно совершенно независимо отъ „ударенія, которое у Грековъ ставится и „на короткихъ слогахъ, не перемѣняя ихъ „мѣры." — Однимъ словомъ, Сочинитель, изложа о прозодіи Греческой классное ученіе, взятое, какъ самъ говоритъ, изъ грамматики Лящевскаго, заключаетъ: что Греческая прозодія есть *количественная*, а наша *тонической*. Въ слѣдствіе етаго мы, не имѣя стопы спондея, должны отказаться отъ *большей* части размѣровъ, на сей стопѣ основанныхъ.

Съ теплою вѣрою въ *количества*, по ученію грамматикъ, противу етаго, кажется, и сказать нечего. Развѣ можно только замѣтить, что слѣдствія, выведенныя изъ количественной прозодіи, не совсѣмъ полны. Вѣруя въ *количества*, какъ изложилъ его Сочинитель, т. е. принимая его за свойство, данное Природою языку Грековъ, не льзя уже не принять его за основаніе всѣхъ стопъ, какъ спондеевъ, ямбовъ, такъ и дактилей. Тогда напр. екзаметръ, а особенно спондеической, будетъ для насъ стихомъ не только

неподражаемымъ, но едва ли понятнымъ для слуха всего новаго міра: по количеству, какъ его изъясняютъ новѣйшіе Грамматики (*), спондеи въ стихѣ;

Cives Romani tunc facti sunt campani,

такъ произносить должно:

— — — — — — — — — — — —
Ciivees Roomaanii tuunc faactii suunt caampaanii,

Но почему одни спондеи? По силѣ количества, хореи и ямбы древнихъ такъ произносить слѣдуетъ Nāātă, *Ανααкρεοοντος ααυτου*. Въ слѣдствіе етаго и ямбы наши и хореи будутъ ли имѣть подобіе съ древними?

Легко можно видѣть, куда, безъ яснаго понятія о *количествѣ*, съ одною къ нему вѣрою, мы зайти можемъ. И такъ, сравнивая стихосложеніе Грековъ съ нашимъ, различіе ихъ и нашей прозодіи, доказывая превосходство одной передъ другою, можно ли ограничить предметъ сей однимъ изложеніемъ классначо ученія о стопахъ и размѣрахъ, и о количественной прозодіи? Предметъ сей, запутанный, покрытый мракомъ противурѣчій и изложенный безъ свѣта критики, могъ ли быть удовлетворителенъ для людей мыслящихъ?

(*) Древніе слогъ по натурѣ долгой обыкновенно повторяли: maalus, poopulus. H. Voss. Ar. Gr.

Гласныя буквы Грековъ суть музыкальныя ноты? т. е. одни долгія, другія краткія *по естеству своему* (Оп. о Рус. ст. стр. 18)? Очень хорошо; слѣдовательно буквы сіи, даже не входя въ составъ слова, должны имѣть свою силу, какъ ноты; всегда должны оставаться (употребимъ выраженіе Грамматиковъ) immutabiles, *неизмѣнными* въ *естествѣ* своемъ. Но по какой же силѣ, высшей самаго мнимаго естества, сіи долгія ноты вдругъ превращаются въ короткія: *ανθρώπον ἄνθρωποι*? а короткія въ долгія: *ἄλογος αλόγους*? и проч. (*) Гдѣ же естество ихъ? Буквы *η* и *ω*, которыя суть усугубленныя ее, оо (*), и слѣдовательно, въ самомъ дѣлѣ длиннѣе другихъ, дѣлаются короткими? Двугласныя, которыя тоже по самой сущности своей обьятнѣе, длиннѣе одногласныхъ, дѣлаются на концѣ короткими, и опять, по исключенію, на концѣ долгими? Какія же ето ноты? гдѣ ихъ количество, гдѣ естество ихъ? —

„*Свойство ето* (*количество*) *совершенно не зависимо отъ ударенія, τονος, accentus*; въ Греческомъ ставится оно (удареніе) и *на короткихъ, непеременяя мѣры* (стр. 19).“ Какъ, развѣ не доказано древними рукописями

(*) Другіе примѣры можно видѣть во всѣхъ грамматикахъ. —

(**) Извѣстно, что стихотворецъ Симонидъ вмѣсто *ее* и *оо* ввелъ *η* и *ω*. —

и памятниками всѣхъ родовъ (*), мѣстами древнихъ писателей (**) и учеными новыхъ временъ (***), что древніе Еллины, вразсужденіи произношенія, ничего намъ не оставили, кромѣ нагихъ словъ; ибо они не писали и не имѣли нужды писать надъ ними удареній, какъ и всѣ народы, когда языкъ ихъ процвѣтаетъ? Развѣ не извѣстно, что знаки удареній, нами въ сочиненіяхъ древнихъ поетовъ видимые, введены и поставлены реторами вѣковъ позднѣйшихъ, и безъ сомнѣнія не по выговору временъ Гомеровыхъ, которой, въ слѣдствіе теченія вещей и общей судьбы языковъ человѣческихъ, измѣнялся вѣками (****)? Развѣ Евстаѳій, толкователь Гомера и авторъ великаго Етимологикона, въ одномъ мѣстѣ свидѣтельствуютъ, что въ древнихъ

(*) Montfauc. Paleogr. Gr.
(**) Arist. de ſophist. Elen. и другіе.
(***) Salmas. Js. Voss. Joh. Maior, Hennin. и многіе другіе.
(****) Olim quippe, florentibus etiamnum Graeciae rebus, longe alia prosodiae et accentuum erat ratio, quam quae postmodum a magistris reperta et introducta fuit. *Js. Voss. de poem. can. p.* 17. Linguae namque suo sono mutantur tantum non per secula. Quod hoc seculo longum, alio breve, quod priori breve, hoc longum, aut anceps. *H. Hardt.* In hoc nomine quod *Italia* dicitur, prima syllaba, pro voluntate quorundam hominum, corripiebatur, et nunc pro aliorum voluntate producitur. *S. Augustin. de mus.* и многіе другіе. —

екземплярахъ и въ правилахъ древнихъ грамматиковъ ударенія находятся совсѣмъ разныя отъ тѣхъ, какія употреблены послѣ; что прежде не было писано ἕτοιμον, ἔρημον, τρόπαιον, но ἑτοῖμον, ερῆμον, τροπαῖον, и проч. и проч.? Какъ! Удареніе, безъ котораго рѣчь не можетъ быть рѣчью, законъ Природы, которымъ управляется произношеніе слова у всѣхъ народовъ, законъ сей древніе могли уничтожать по произволу? За чѣмъ же они ставили удареніе на слогѣ (если только ставили?), когда етотъ слогъ былъ краткой? за чѣмъ же они сами говорятъ, что *словà нѣтъ безъ ударенія* (*), что *сама Природа* въ каждое слово *положила звукъ острой*, и не болѣе одного (**)?

Однимъ словомъ, не удареніе, которое сами древніе называли *закономъ произношенія* (***), не удареніе, о *таинственной важности* котораго отецъ грамматиковъ Римскихъ, Присціанъ, писалъ особенное сочиненіе (****), не удареніе, *душа слова*, или, какъ

(*) Nulla vox sine vocali, ita sine accentu nulla est. *Diomed. gram.*

(**) Ipsa enim natura in omni verbo posuit acutum vocem nec una plus. *Cic. de Orator*, *et Quint. Instit*, *lib.* 1.

(***) Accentus est *certa lex* ad elevandum et deprimendum syllabam.

(****) Cuius rei mysterium latius tractemus. *Prisc.* de accent, l. I. Но ето сочиненіе, къ сожалѣнію, не дошло къ намъ.

называютъ его Греки (*), самая *гармонія*, не оно составляло основаніе прозодіи Греческой, а *количество*? И въ слѣдствіе етаго, произношеніе ихъ языка было не общее, какъ всѣхъ языковъ на землѣ *тоническое*, modulatio linguarum tonica (**), но количественное (стр. 98), какъ желаетъ Сочинитель *Опыта?*

На ето однакожъ возразятъ и сами Грамматики: *въ произношеніи не количество, но удареніе имѣетъ силу* (***): вотъ правило всѣхъ новѣйшихъ грамматикъ.

Прозодія Грековъ количественная. Что ето за количество? Свойство долготы, краткости и двувременности слоговъ; оното, по словамъ г-на В., называется (стр. 19) *количествомъ*, *ρυθμος*, numerus, *риѳмомъ*, числомъ. — Но ето однакожъ не тотъ *риѳмъ*, которой Греки примѣчали въ біеніи пульса, въ полетѣ птицъ и проч. *Риѳмъ есть быстрая связь стопъ* (****); *порядокъ временъ или стопъ, движеніе размѣра; риѳмъ есть образъ, душа стиха.* По крайней мѣрѣ такъ понимаютъ его Аристо-

(*) *Aristoxen.* Introduct. Harmon. *Plato* de leg. lib. II.

(**) *H. Henn. Ελλην. Ορθοιδος.*

(***) In pronunciatione non quantitatis, sed accentus ratio habetur.

(****) Rythmus est pedum temporumque iunctura velox. Latine numerus dicitur. *Diomed. Gram.*

тель, Квинтиліанъ, Діомедъ, Св. Августинъ, всѣ древніе и новые филологи. А количество, о которомъ предлагаетъ г. В., т. е. мѣру слоговъ, позднѣйшіе Грамматики и лексикографы разумѣли подъ словомъ: *χρονος*, tempus, quantitas, или *διαστημα*, время, количество, или пространство слога.

Чтожъ ето за количество, составлявшее основаніе прозодіи? Что ето за преимущество, данное Природою однимъ древнимъ, но о которомъ древніе совершенно безмолвствуютъ? И почему основаніемъ прозодіи было количество, а не удареніе, когда древнѣйшіе Греческіе писатели, какіе только упоминаютъ о прозодіи, не только совсѣмъ другое значеніе, какъ новѣйшіе, даютъ ей, но подъ однимъ опредѣленіемъ разумѣютъ и удареніе и прозодію. *Τι εςτι προσωδια? ποια τασις εγγραμμα του φωνης υγιους. Что есть прозодія? Извѣстное протяженіе словеснаго полнаго голоса. Τονος προσον αδομεν καὶ τὴν φωνην ευρυτεραν ποιουμεν. Удареніе (*), по которому поемъ и голосъ протяжнѣе дѣлаемъ.* Какая же разница между удареніемъ и прозодіею? Въ такомъ точно смыслѣ опредѣляетъ прозодію и Византійскій Грамматикъ Ласкарисъ: *Προσωδια εςιναι τονος φωνης προς ον αδο-*

(*) *Dionys. Thrax.*

μεν. *Прозодія есть тонЪ* (повышеніе) *го*-*лоса, по которому поемЪ.* А вспомня причины, по которымЪ древніе о произношеніи, особенно поэтическомЪ, иначе не говорили какЪ *ἀείδω*, пою (*), что выйдетЪ? *Прозодія есть удареніе голоса, по которому произносимЪ.* ВотЪ почему ученые критики, признавЪ *τονος*, тонЪ, *удареніе* за творца всѣхЪ количествЪ прозодическихЪ, самое удареніе называютЪ *прозодіею*. Unde est accentum *προσῳδιας* nomen (**). Откуда же Грамматики взяли количественную прозодію?

Извѣстно, что Греки всю систему стихосложенія основали на музыкѣ; извѣстно, что сіи оба искусства, Поезія и Музыка, вЪ древнія времена составляли одно. Musici qui erant quondam iidem poetae (***). Отсюда истекли безчисленныя послѣдствія, которыя сЪ потерею древней музыки затемнили для насЪ систему древней метрики. Извѣстно однако же, что поэты соразмѣряли стихи свои сЪ музыкою, и слѣдственно, протягивая

(*) Вотъ почему и самое значеніе *προσῳδια* есть ни что иное, какъ *προς* къ и *ῳδη* пѣніе; по той же причинѣ *προσῳδος* и *μελῳδος* *υμνοι* и *προσοδια* употреблялись у Еллиновъ какъ синонимы, по свидѣтельству Гезихія, Свида и Полюкса. *Poll.* Onom. lib IV.

(**) *H. Hard.* Arc. ac. p. 17.

(***) *Cicer.* de Orat. lib. III.

слова для пѣнія, необходимо должны были усугублять количество слоговъ; это естественно дало поводъ назвать ихъ *долгими и кратними.* Кромѣ сего, для пѣнія стиха возвышая голосъ, конечно не по однимъ только грамматическимъ удареніямъ, они и другимъ слогамъ принуждены были въ напѣвѣ давать долготу, или краткость *условную.* Вотъ для чего древніе пѣснопѣвцы Еллады сами ставили (*) надъ стихами знаки *проводіи*, или произношенія, существовавшаго у Грековъ подъ именемъ *Мелопеи*, такъ сказать *напѣва* (**); а у Римлянъ подъ именемъ *carmen* (***), versus habent carmen. Однимъ словомъ, музыка требовала многихъ жертвъ отъ механизма Поэзіи. Но какихъ жертвъ не можно было сдѣлать въ первые вѣки искусства? Всѣ *условія*, какъ въ составѣ, такъ и въ образѣ произношенія стиха, какихъ музыка отъ языка требовала, всѣ *вольности*, какія сдѣланы въ началѣ искусства, и тѣмъ болѣе, что онѣ въ пѣніи легко скрывались, отсутствіе критики допустило, благоговѣніе къ поэтамъ приняло и время наконецъ освятило. Такимъ образомъ *условія* и *вольности* сдѣлались законами поэтической метрики древнихъ. —

(*) *Boeth.* de musica lib. IV.

(**) *Brien.* de Melopea Lib. III, cap. 10.

(***) *M. Capell.* nup. Philolog. — *Quintilian.* Institit. lib. I, cap. 12. —

Что сіи условія были требованія мелодіи и музыки, это доказываютъ намъ сами древніе. Когда музыка начала разлучаться съ Поэзіею, когда поэты сами уже не ставили знаковъ прозодіи, или пѣнія надъ стихами; и въ это время, какъ извѣстно, надписывать знаки сіи не Грамматиковъ было дѣло, но знатоковъ музыки, людей, особенно изучавшихъ искусство произношенія поэтическаго и извѣстныхъ у Римлянъ подъ именемъ Artifices pronunciandi (*), *наставниковъ произношенія*. Вотъ почему всѣ древніе филологи говорятъ почти въ одинъ голосъ, что: *грамматика, когда ей должно говорить о риѳмѣ и размѣрахъ, безъ знанія музыки не можетъ быть совершенна* (**). — Вотъ отъ чего у древнихъ музыка почиталась искусствомъ столь важнымъ, столь необходимымъ для всѣхъ возрастовъ жизни: дѣтей она наставляла въ томъ, что они должны учить, а взрослыхъ, что они должны знать; и незнавшіе музыки почитались тогда, какъ у насъ люди не умѣющіе читать: Слѣдственно, когда бы количество, даваемое сло-

(*) Quintilian.

(**) Nec citra musicem Grammatica potest esse perfecta, cum ei de rhythmis metrisque dicendum sit. *Quint.* Instit. L. 1, c. 3. Sonorum certas dimensiones observare non ad grammaticam spectat, sed ad musicam. *August.* de mus. lib. 1, то же *Mar. Victorin.* и другіе.

тамъ поэтами, было обыкновенное свойство языка, развѣ не всѣ бы люди одинаково его чувствовали? За чѣмъ его нужно было изучать? Почему одни знающіе музыку, или по крайней мѣрѣ начала ея, могли только судить о риѳмѣ стиховъ древнихъ? —

Пойдемъ далѣе. Извѣстно также, что мы не имѣемъ ни теоріи просодіи, ни метрики, изложенной въ тѣ времена Еллады, когда еще существовало древнее пѣніе поэмъ Гомерическихъ и слѣдовательно древній выговоръ языка (*). Еллины потомкамъ оставили трудную заботу вознаградить печальной сей недостатокъ, которой впрочемъ никогда бы немогъ быть ощутителенъ, еслибъ произношенія языковъ не измѣняли вѣки. Но во времена Птоломея Филопатора и Епифана Реторы школы Александрійской начали вводить знаки удареній: сильнѣйшее доказательство, что произношеніе Еленизма въ вѣки сіи не было уже твердо и постоянно, когда для сохраненія его почувствовали нужду въ представительныхъ знакахъ. За чѣмъ Реторы какъ знаки сіи, такъ и имена ихъ заняли изъ древней музыки, здѣсь входить не мѣсто. Скажемъ коротко, что *τονος ὀξυς* и *τονος βαρυς*, *тонъ острой* и *тупой тонъ* голо-

(*) Ефестіонъ, сочинитель Метрики къ намъ дошедшей, жилъ въ половинѣ втораго вѣка послѣ Р. X.

, такъ названные въ музыкѣ, ничего болѣе значатъ и въ произношенiи, какъ *повыше*- и *понижение* голоса, и что слѣдователь- произношенiе Еллинизма, управляясь тѣ- же законами ударенiя, всегда было *тони*-*ское*. Еще въ позднѣйшiе вѣки, когда уже ренiе Александрiйскихъ школъ было вве- но во всенародное употребленiе, Грамматики, ди впрочемъ весьма ученые, начали полагать ованiе Греческой прозодiи, и разумѣется, Гомера, въ области искусства поэтическаго, всѣхъ отношенiяхъ бывшаго законодате- мъ, они начали извлекать для нее правила. дѣние трудной, благодѣянiе безцѣнное, либъ Грамматики изслѣдовали причины ис- сства поэтическаго, а не на одни послѣд- вiя причинъ смотрѣли! — Но Грамматики лали быть законодателями и такимъ разомъ, все что поэтъ употребилъ по ловiю искусства, или по *вольности* (*),

(*) Гомеръ употребляетъ *διὰ* и *δια*, *Ἄρες* и *Ἀρὲς*, т. е. двоякiя ударенiя, которыхъ и у насъ множество: высоко, высоко, на полѣ, на полѣ, счастливый, счастливый и проч. Гомеръ протягиваетъ краткiе и сокращаетъ долгiе слоги, какъ на примѣръ, и у насъ поэты: *Подражатель Анакреона.* — а въ сей стаѣ бѣлоснѣжной, будь то среди птицъ весна. — *Въ тебѣ солнце восходилъ.* Держав. — *Моя слава мой народъ.* Дмитр. Однимъ словомъ, Отецъ Поэзiи употреблялъ вольности, которыя въ первые вѣки искусства могли быть безчисленны. Но можно ли всѣ ихъ подвесть подъ правила? А что онѣ были дѣйствительно *вольности*, это до-

они все захотѣли подвесть подъ правила между тѣмъ музыку, какъ основаніе метра упустя изъ виду, ударенія вѣковъ нов принявъ за ударенія Гомера, и встрѣчая во многихъ словахъ противными размѣр мудрено ли, что Грамматики во всей стемѣ Гомерова стихосложенія видѣли *од количество*; и такимъ образомъ, подо запутавшимся странникамъ, но рѣшивши пробиваться сквозь мѣста дикія и непрох димыя, они предались своему заблужденіі и одно *количество* положили основаніе прозодіи, ими созданной.

казали поэты, послѣдовавшіе за Гомеро они, какъ изслѣдовано учеными, го вдо рѣже употреблять ихъ осмѣливали Чтожъ касается до частаго употребле онимъ Гомеромъ — *ето* (говоритъ весьма сп ведливо Германъ, стр. 69, опровергая мнѣ Деенея, о причинѣ такъ имъ называемыхъ б *главныхъ* (ακέφαλοι) стиховъ Гомера; ибо Деен въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій самъ бѣ противурѣчитъ) *ето я приписываю бол древности, которая не будучи еще стол образована, въ самомъ началѣ искусства и еда не знала что дѣлать, болѣе чувств что позволительно, нежели разумѣя ч надобно. — Видно Гомеръ какъ слышалъ с ихъ современниковъ говорящихъ, такъ и са говорилъ. Позднѣйшій вѣкъ, отдѣляя прозод отъ обыкновеннаго произношенія, первую от дѣлилъ для поетовъ, а послѣднее остав народу.* И вотъ, повторимъ еще, нач *количественной* прозодіи и — *какоѵ ἀρχή*! начало!

Вотъ источникъ сихъ бесчисленныхъ правилъ, исключеній, примѣчаній, однимъ словомъ той несообразности съ общимъ, простымъ закономъ языковъ человѣческихъ, на которой устроена количественная прозодія; вотъ причина того мнѣнія, что стихосложеніе древнихъ основано на такомъ свойствѣ языка, какого новѣйшіе не имѣютъ.

Знаю, что защитники сего мнѣнія будутъ подкрѣплять его тѣми мѣстами Цицерона, на которыхъ новѣйшіе Грамматики основываютъ свое ученіе о *количествѣ*; но извѣстно также, что слова Цицерона Грамматиками истолкованы совершенно превратно. На примѣръ: Цицеронъ въ одномъ мѣстѣ разсужденія своего объ *Ораторѣ*, современниковъ, думавшихъ, что языкъ Латинскій не имѣетъ *риѳма*, и предпочитавшихъ прозу языка Греческаго, какъ болѣе гармоническую, желаетъ убѣдить въ неосновательности ихъ предубѣжденія. Въ семъ единственно намѣреніи Цицеронъ говоритъ, что ети люди такъ судятъ, не читая писателей; и что они должны бы по крайней мѣрѣ испытать ето на собственномъ слухѣ: ибо чтобъ судить о гармоніи и мѣрѣ, нужно только посовѣтоваться съ собственнымъ слухомъ, которой отъ Природы чувствуетъ малѣйшее нарушеніе мѣры. Цицеронъ доказываетъ ето примѣромъ театральнаго произношенія и дѣйствіемъ,

какое оно производитъ надъ слухомъ наро
Въ стихѣ, говоритъ онъ, *если буде*
одинъ слогъ короче, или длиннѣе, в
театръ подымаетъ крикъ. In versu q
dem theatra tota exclamant, si fuit u
syllaba brevior, aut longior. Что же ту
удивительнаго? Развѣ мы не также бы почу
ствовали, еслибъ акторъ въ стихѣ на мѣс
краткой произнесъ долгую? А что мы
кричимъ въ театрахъ, это развѣ отъ то
что не чувствуемъ? Однимъ словомъ, удив
тельно ли, что *народъ*, какъ говоритъ Ц
церонъ, *не зная стопъ и не понимая ри*
ма, чувствуетъ оскорбленіе слуха, и
чувствованіе долгихъ и краткихъ
слухъ положила Природа. Таково нам
реніе и мнѣніе Цицерона. И при семъ-то мн
ніи Грамматики обыкновенно восклицаютъ
вотъ яснѣйшее доказательство количест
языковъ древнихъ!

Смѣемъ думать, что Цицероны, Квинт
ліаны, Августины дадутъ безчисленныя ору
жія тому, кто захочетъ поколебать учен
новѣйшихъ Грамматиковъ. Въ тѣсномъ предѣл
замѣчаній не мѣсто входить въ опроверженi
ихъ количества, а еще болѣе въ изслѣдовані
свойствъ, какія оно имѣло у поетовъ; пред
метъ сей обширенъ. Пройдемъ его такъ крат
ко, какъ удобно пройти предметъ, о которомъ
можно написать книгу; взглянемъ на нег

единственно съ тѣмъ, чтобъ увидѣть какъ отличныя свойства ударенія древнихъ, такъ и количества, опредѣляемаго Грамматиками; самое легкое обозрѣніе откроетъ, могло ли одно количество *само собою* быть основаніемъ метрической системы. — Отъ сотворенія міра главный и общій характеръ языковъ — выражать слова посредствомъ гласнаго звука, Природою указуемаго и обычаемъ утвержденнаго. Удареніе есть начало гармоніи слуховой, какъ свѣтъ гармоніи видимой. Перемѣните на картинѣ свѣтъ, согласіе потеряется, свѣты перемѣнятся, разстоянія смѣшаются; отымите свѣтъ и все исчезнетъ; переставьте ударенія и все смѣшается, уничтожьте его и слова будутъ невнятные звуки. Изъ мнѣній древнихъ писателей мы видѣли, что ихъ *τονος*, accentus, *удареніе* есть то же самое; оно въ каждомъ словѣ одно, выражается повышеніемъ голоса; слѣдовательно какъ ни называютъ его, *выходка, выдержка, протяженіе* голоса, это будетъ одно и то же *удареніе* всѣхъ языковъ прозодическихъ.

Нѣтъ, возразятъ мнѣ, и раскроютъ грамматику Воссія, „Древніе" думаетъ онъ „выражали удареніе иначе: они слогъ ударяемой или долгой повторяли, такъ на пр. poopulus, maalus (*)." — Но чѣмъ это доказываетъ

(*) *Is. Voss.* de. ar Gr. p. 185.

какое оно производитъ надъ слухомъ нар *Въ стихѣ*, говоритъ онъ, *если буде одинъ слогъ короче, или длиннѣе, в театръ подымаетъ крикъ*. In versu q dem theatra tota exclamant, si fuit u syllaba brevior, aut longior. Что же ту удивительнаго? Развѣ мы не также бы поч ствовали, еслибъ акmеръ въ стихѣ на мѣс краткой произнесъ долгую? А что мы кричимъ въ театрахъ, это развѣ отъ тог что не чувствуемъ? Однимъ словомъ, уди тельно ли, что *народъ*, какъ говоритъ Ц церонъ, *не зная стопъ и не понимая ри ма, чувствуетъ оскорбленіе слуха*, и *чувствованіе долгихъ и краткихъ слухъ положила Природа*. Таково нам реніе и мнѣніе Цицерона. И при семъ-то мнѣ ніи Грамматики обыкновенно восклицаютъ вотъ яснѣйшее доказательство количеств языковъ древнихъ!

Смѣемъ думать, что Цицероны, Квинти ліаны, Августины дадутъ безчисленныя ору жія тому, кто захочетъ поколебать учен новѣйшихъ Грамматиковъ. Въ тѣсномъ пред замѣчаній не мѣсто входить въ опровер ихъ количества, а еще болѣе въ изслѣ свойствъ, какія оно имѣло у поэтов метъ сей обширенъ. Пройдемъ его п ко, какъ удобно пройти предметъ, можно написать книгу; взгля

единственно съ тѣмъ, чтобъ увидѣть какъ отличныя свойства ударенія древнихъ, такъ и количества, опредѣляемаго Грамматиками; самое легкое обозрѣніе откроетъ, могло ли одно количество *само собою* быть основаніемъ метрической системы. — Отъ сотворенія міра главный и общій характеръ языковъ — выражать слова посредствомъ гласнаго звука, Природою указуемаго и обычаемъ утвержденнаго. Удареніе есть начало гармоніи слуховой, какъ свѣтъ гармоніи видимой. Перемѣните на картинѣ свѣтъ, согласіе потеряется, свѣты перемѣнятся, разстоянія смѣшаются; отымите свѣтъ и все исчезнетъ; переставьте ударенія и все смѣшается, уничтожьте его и слова будутъ невнятные звуки. Изъ мнѣній древнихъ писателей мы видѣли, что ихъ *τονος*, *accen*[illegible] ...ъ древ- *удареніе* есть то же самое: оно и [illegible] ...телей. — домъ словѣ одно, выражается повыш[illegible] Невій и голоса; слѣдовательно какъ ни назыв[illegible] ...колъ, а не *выходка, выдержка, протяжені*[illegible] ...инизмъ вы- ето будетъ одно и то же удар[illegible] ...Еллениама, языковъ прозодическихъ. ...одражателями

Нѣтъ, возразятъ мнѣ, [illegible] ...образѣ правоматику Россія. „Древніе" [illegible] ...рыхъ древнихъ ражали ударенія иначе: [illegible] ...ло писано *Anos*, или долгой [illegible] ...способъ удвоенія Ius, [illegible] ...и у Римлянъ не вы- [illegible] ...къ простыхъ дѣйст- [illegible] ...ывается тѣмъ, что

ся? Тѣмъ, по мнѣнію Россія, что на нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ написано: Vaarus, paata, и что Невій и Ливій Андроникъ*, древнѣйшіе Римскіе авторы, и въ писменахъ такое правописаніе употребляли. — Это правда, что есть памятники глубокой древности, гдѣ читаемъ: *Διιος, Χιιος*, paata, Vaarus; но есть также памятники, гдѣ вмѣсто: *Αχιλλει Ποντaρχη*... написано *Αχιλλει-ποντaρχη* и проч., и развѣ изъ этаго можно выводить заключенія, что все какъ написано, такъ и выговаривается? По этому опрометчивому рѣшенію нельзя ли и намъ заключить, какъ нуждались Грамматики въ опорахъ для шаткаго ихъ зданія, и съ какою они жадностію у древнихъ писателей ловили все, что только могли толковать въ пользу своего ученія; ибо и правописаніемъ Невія они доказываютъ то же *количество* слоговъ.

Но кому неизвѣстно, что древность, при началѣ искусства въ писменахъ, употребляла способы самые простые: ставили слова безъ всякаго раздѣленія, безъ всякихъ знаковъ препинанія, выпускали нѣсколько буквъ въ срединѣ слова, и проч. Уваженіе, чтобы не сказать предубѣжденіе, къ старинымъ обычаямъ и въ этомъ дѣлѣ оказало свое могущество. Долго и въ вѣкахъ послѣдовавшихъ любили употреблять старинный образъ письма, а особенно въ надписяхъ, можетъ быть ско-

лько по удобству его вмѣстительности, какой требовало небольшое пространство монументовъ, но вѣрно не менѣе и *по обычаю предковъ*. Безъ сомнѣнія, когда древность почувствовала нужду и въ знакахъ ударенiй, первая мысль, къ тому представившаяся, была, какъ всѣ первоначальные способы, самая простая, т. е. *удвоеніе долгой гласной;* ибо естественно, что голосъ, ударяя на гласную, какъ бы удвоиваетъ ее, πάata, воолны. — И это ощутительно во всѣхъ языкахъ въ свѣтѣ, какъ замѣчаетъ Французъ Аббатъ Оливетъ, Италіянцы Сачи, Скопа и другіе. Сей способъ означать ударяемые слоги, когда почувствовали нужду въ скорописанія, былъ оставленъ, какъ неудобный; но какъ вышесказанный способъ писменъ, такъ и ударенiй, освященные уваженіемъ къ древности, долго еще находили послѣдователей. — Первыхъ вѣковъ Римскіе писатели Невій и Ливій Андроникъ, сіи питомцы школъ, а не Музъ Греческихъ, введшіе въ Латинизмъ выраженія, обороты и весь слогъ Еллинизма, не могли не быть рабскими подражателями древнихъ обычаевъ Греціи и въ образѣ правописанія; поелику на нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ Греческихъ было писано *Διιος*, *Χιιος* и проч. Но что сей способъ удвоенія гласныхъ ни у Грековъ, ни у Римлянъ не выражалъ ничего болѣе, какъ простыхъ дѣйствій ударенія, это доказывается тѣмъ, что

онъ никогда ни у тѣхъ, ни у другихъ не былъ общимъ; напротивъ скоро навлекъ порицаніе самихъ Римлянъ. „Мы" говоритъ Велій Лонгъ „не подражали Акцію, повторяющему гласныя въ долгомъ слогѣ; способъ писанія долженъ быть удобный." — И сей способъ у Римлянъ въ послѣдствіи измѣненъ на знаки ударенія, и то единственно для словъ, имѣющихъ двузначительность, *напр.* vénit и vênit и проч. „ибо въ живомъ языкѣ долгіе „слоги, какъ говоритъ Квинтиліанъ, сами „собою обнаруживаются."

Изъ етаго однакожъ *удвоенія гласныхъ* Грамматики извлекаютъ новыя доказательства количества слоговъ, а послѣдователи ихъ ту мысль, что въ произношеніи древнихъ было какое-то особенное протяженіе; ето, говорятъ, тотъ *напѣвъ*, которой Цицеронъ называетъ *cantus in dicendo*. Слѣдовательно удареніе древнихъ, такъ заключаютъ, имѣло другія свойства, нежели наше.

Обратимся къ етому. Мы видѣли, что удареніе у древнихъ было *извѣстный законъ для повышенія и пониженія слоговъ*, разумѣется въ словахъ отдѣльныхъ; въ связи рѣчи дѣло другое. Дальновидная Природа ни въ какомъ языкѣ не ограничила свойствъ ударенія такимъ образомъ, чтобъ оно всегда оставалось однозвучно. Въ произношеніи рѣчи

голосъ, переходя отъ повышенія къ пониженію и на оборотъ, удивительно измѣняется. Измѣненія его такъ разнообразны, что ихъ ни опредѣлить, ни исчислить почти не возможно; одно тонкое чувство въ состояніи уловить и различить ихъ. Сіи измѣненія голоса, по словамъ Цицерона, такъ безчисленны какъ чувствованія, которыя онъ выражаетъ. — Вотъ почему, какъ говоритъ Платонъ, соединеніе *остраго* и *тупаго* звука (или повышеніе и пониженіе голоса) образуетъ гармонію (*), и вотъ почему Цицеронъ одному ударенію приписываетъ всѣ дѣйствія, которымъ удивляемся мы въ пѣніи, т. е. произношеніи не только стиховъ, но и прозы; ибо начала гармоніи и въ томъ и другомъ одни и тѣ же (**).

(*) Plat. de leg. Lib. II.

(**) Mira autem est natura vocis, cujus quidem ex tribus omnino sonis, inflexo, acuto, gravi tanta sit, et tam suavis varietas perfecta in cantibus. . . Est autem in dicendo quidam cantus. *Cic. Orator. Удивительна природа голоса, которой состоитъ изъ трехъ только тоновъ: облеченнаго, остраго и тяжелаго, и такъ совершенъ приятною разнообразностію въ пѣніи.* — Сіи три тона, или сей тройкій переходъ голоса Сочинитель *Опыта* допускаетъ и въ языкѣ Русскомъ (стр. 101), хотя не совсѣмъ охотно: выше говоритъ онъ (стр. 96), что Русское слогоударение имѣетъ только два перехода въ словахъ *отдѣльныхъ.* Но во всѣхъ языкахъ едва ли есть какіе-ли-

На какомъ же еще другомъ началѣ древніе могли основать свое стихотворство? Какой другой способъ могъ простую рѣчь разговора возвысить до пѣнія, когда и въ разговорѣ *сей нѣкоторой напѣвъ,* по словамъ самихъ Грековъ, истекалъ изъ ударенiй (*)?

Теперь обратимся къ етому напѣву; теперь вспомнимъ, что Грецію *образовала лира.* Музыка, бывшая, такъ сказать, жрицею въ богослуженіи Политеизма, встрѣчала

бо переходы голоса въ словахъ отдѣльныхъ. Separatim voces nec acutum, nec gravem, nec circumflexum, *curate loquendo*, habent. *Слова отдѣльныя ни остраго, ни тяжелаго, ни облеченнаго звука, судя строго, не имѣютъ.* Hard. p. 16. Впрочемъ и въ словахъ отдѣльныхъ не льзя не чувствовать двухъ главныхъ звуковъ, acutum и flexum; а что касается до *тяжелаго*, или *тупаго*, *gravis*, то извѣстно, что онъ есть общая принадлежность всѣхъ слоговъ неударяемыхъ. Грамматики, замѣчаетъ Германъ, думали, что все какимъ тономъ ни произносится, должно быть означено, какъ оно произноситься имѣетъ. Но что значитъ произноситься съ тяжелымъ, или тупымъ удареніемъ? говоритъ Германъ. Ничего болѣе какъ произноситься безъ всякаго ударенія.

(*) Dicitur enim et sermone aliquis fieri cantus, qui ex accentibus, quos in vocales habemus, componitur. Есть и въ разговорѣ нѣкоторое пѣніе, которое образуется изъ ударенiй, надъ гласными находящихся.

Aristoxen. Introd. Harm.

Грека въ пеленахъ, сопутствовала ему во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, и провожала его до могилы. Сообразя это, намъ легко представить, какое имѣла она вліяніе на самое произношеніе языка. Изъ повышенія и пониженія голоса, изъ сихъ простыхъ началъ ударенія искусство, или лучше сказать, чувство Грека, управляемое искусствомъ, извлекло *все возможное* для услажденія слуха. Можетъ быть искусство поэта состояло въ томъ, чтобъ ударенія тоническія, разнообразія ихъ въ переходахъ голоса, согласовать съ удареніями музыкальными, и такимъ образомъ мелодію слова сливать съ гармоніею музыки. — Какъ бы то ни было, но нѣтъ сомнѣнія, что это согласіе въ измѣненіяхъ звуковъ ударенія, доведенное до высочайшей правильности слухомъ Еллина, составило одну изъ сильнѣйшихъ прелестей пѣснопѣнія, произношенія и выговора; ибо начала сихъ искусствъ, истекавшихъ изъ одного начала гармоніи, Греки никогда не раздѣляли.

Но должно сказать, что сіи переходы голоса, сіи перемѣны ударенія для насъ почти непримѣтны и едва ли существуютъ для слуха необразованнаго. Во времена, когда такъ называемая учтивость обществъ не позволяетъ даже громко возвышать голоса, всѣ оттѣнки произношенія конечно должны ослабѣть до того,

что наконецъ ихъ совсѣмъ нечувствуютъ. — Но Грекъ жилъ подъ открытымъ небомъ; онъ неговорилъ, но витійствовалъ, и не въ стѣнахъ, а на площади: Грекъ въ словѣ своемъ, по образу жизни и правленія, видѣлъ сильнѣйшее орудіе. — Въ такія времена и такой народъ не могъ не быть внимателенъ ко всему, что составляетъ красоту и успѣхъ произношенія; — и потому-то нѣжное ухо Грека ловило, наблюдало и привыкло требовать выразительной гармоніи слова, во всемъ ея пространствѣ. Тонкости сей гармоніи тѣмъ болѣе были ощутительны каждому, что музыка сопровождала у древнихъ и самое произношеніе прозы: (*) многіе законы по городамъ Греціи провозглашались при звукахъ лиры. Симъ способомъ музыка прозодію языка сдѣлала еще болѣе рѣшительною. Вотъ можетъ быть почему самой народъ былъ въ прозодіи такъ чувствителенъ и такъ взыскателенъ, что при малѣйшемъ ея нарушеніи подымалъ шумъ въ театрахъ.

Такимъ образомъ, при самомъ легкомъ изслѣдованіи открывается, что сей особенной напѣвъ въ произношеніи, приписываемой древнимъ, если состоялъ въ полной выразительности какъ тоническихъ измѣненій голоса,

---

(*) Graecarum quippe urbium multae leges ad lyram recitabant. *Martian. Capel.* In nup. Philolog.

шакъ и слоговъ, то основывался не на особенныхъ свойствахъ языка, но истекалъ совершенно изъ причинъ *временныхъ*, былъ слѣдствіемъ вкуса: ибо онъ измѣнялся. — Въ одномъ вѣкѣ ораторъ, на примѣръ Гракхъ, распѣвалъ свои рѣчи, соразмѣряя голосъ по тонамъ флейты (*), съ которою музыкантъ всегда позади его находился. Въ другомъ вѣкѣ говорили (**), что „если ораторамъ употреблять „такое произношеніе, то почему уже не сопровождать его флейтами и лирами?" Во времена, предшествовавшія Цицерону, обыкновенное произношеніе Римлянъ было просто, непринужденно, какимъ еще слышалъ его Цицеронъ въ устахъ своей тещи Леліи (***). Но въ его времена Римляне, подражая Грекамъ, введшимъ уже знаки ударенія, и обременя языкъ Латинскій множествомъ аспирацій и удареній, которыхъ число простиралось до 10 (****), сдѣлали произ-

(*) *Quint*. L. 1, c. XII.
(**) *Quint*. L. II.
(***) *Cir*. de Orat. L. 3.
(****) Учители школъ Греческихъ, желая передать Римскому юношеству всѣ тонкости произношенія Греческаго, начали разными образами означать всѣ измѣненія ударенія тоническаго. Измѣненія сіи, какъ мы замѣтили, такъ многочисленны, что ихъ опредѣлить не возможно. Но Грамматики все, какимъ тономъ ни произносится, захотѣли означить, какъ оно произноситься имѣетъ. Такимъ образомъ смѣшавъ дѣйствія съ причиною,

что наконецъ их
Но Грекъ жилъ
неговорилъ, но в
нахъ, а на плош
по образу жизни
нѣйшее орудіе. —
народъ не могъ н
му, что составл
изношенія; — и п
ловило, наблюдало
разительной гарм
странствѣ. Тонк
лѣе были ощути
зыка сопровождала
ношеніе прозы: (
дамъ Греціи прово
ры. Симъ способо
сдѣлала еще болѣе
жетъ быть почел
прозодія такъ чувс
теленъ, что при
подымалъ шумъ въ

Такимъ образо
слѣдованіи открыва
напѣвъ въ произнош
цимъ, есл состоя
ности

... , изысканнымъ;
... : peregrinati
... — во времена Нерона
... и нѣги, когда
... у Двора состоялъ
... . Римляне, вмѣсто
... , ввели въ обы-
... двугласныя; ибо вы-
... полнаго отверстія
... . И тогда уже не Ри-
... Греки, народъ искусный въ
... подражать Римлянамъ;
... образъ произноше-
... до того оставили;
... употребленіе ихъ во времена Тра-
... у Грековъ прекратилось; ибо,
... на мраморахъ сихъ временъ
... смѣсь оныхъ: и вмѣстѣ

... далеко искать доказа-
... произношеніе есть дѣло вкуса:
... что въ вѣкъ Генриха IV
... былъ въ модѣ выговоръ

... принявъ за разныя уда-
... простерли до 10. Визан-
... Ласкарисъ и Римскій
... имена ихъ и зна-
... одна изъ причинъ мнѣнія
... о какихъ-то осо-
... древнихъ.

…авонскій? Слѣдовательно, какъ у древнихъ …ластъ произношенія существовалъ и встрѣчался, такъ и у насъ, хотя онъ не существуетъ, но существовать можетъ.

Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе будутъ изыскивать произношеніе древнихъ, по свидѣтельству лучшихъ писателей, тѣмъ болѣе будутъ находить убѣжденій, что poopulus, …, не можетъ быть доказательствомъ ни особеннаго свойства удареній, ни количества языковъ ихъ; тѣмъ сильнѣе будутъ увѣряться, что законъ произношенія у древнихъ былъ общій всѣмъ языкамъ, и что сила, свойства количества сего закона тѣ же какъ и въ языкѣ нашемъ: Anima pronuntiationis in omnibus linguis — est *tonus*; душа произношенія во всѣхъ языкахъ есть *удареніе* (*).

Заключимъ: удареніе есть законъ Природы; что можетъ нарушить его? Количество. — Что Грамматики называютъ количествомъ? *Пространство* слоговъ долгихъ и краткихъ, *протяженіе* ихъ въ произношеніи (H Voss. de Ar. gr. p. 184). И такъ количество можетъ дать одно *протяженіе*; но протяженіе безъ повышенія голоса, опредѣляемаго, по словамъ же древнихъ, однимъ … можетъ ли произвесть гармонію,

ношеніе свое принужденнымЪ, изысканнымЪ; и вотЪ что называетЪ ЦицеронЪ: peregrinam insolentiam. НапротивЪ — во времена Нерона и Клавдія, вЪ вѣкЪ разврата и нѣги, когда первой способЪ нравиться у Двора состоялЪ вЪ нѣжности выговора, Римляне, вмѣсто усиленнаго выраженія слоговЪ, ввели вЪ обычай скрадывать буквы двугласныя; ибо выговорЪ ихЪ, требовавшій полнаго отверстія рта, казался грубымЪ. И тогда уже не Римляне ГрекамЪ, но Греки, народЪ искусный вЪ ласкательствѣ, начали подражать РимлянамЪ; и принявЪ сей испорченный образЪ произношенія, выговорЪ двугласныхЪ до того оставили, что самое употребленіе ихЪ во времена Траяна и Адріана у ГрековЪ прекратилось; ибо, какЪ извѣстно, на мраморахЪ сихЪ временЪ видима совершенная смѣсь оныхЪ: ε вмѣсто αι и т. д.

ВпрочемЪ, за чѣмЪ далеко искать доказательствЪ, что произношеніе есть дѣло вкуса. Развѣ не извѣстно, что вЪ вѣкЪ Генриха IV при Дворѣ ФранцузскомЪ былЪ вЪ модѣ выговорЪ

перемѣны ударенія принявъ за разныя ударенія, число ихъ простерли до 10. Византійскій Грамматикъ Ласкарисъ и Римскій Присціанъ передали намъ имена ихъ и знаки. И вотъ еще одна изъ причинъ мнѣнія новѣйшихъ Грамматиковъ о какихъ-то особенныхъ свойствахъ языковъ древнихъ,

Гасконскій? Слѣдовательно, какъ у древнихъ напѣвъ произношенія существовалъ и истреблялся, такъ и у насъ, хотя онъ не существуетъ, но существовать можетъ.

Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе будутъ изыскивать произношеніе древнихъ, по свидѣтельству лучшихъ писателей, тѣмъ болѣе будутъ находить убѣжденій, что populus, *Δῆμος*, не можетъ быть доказательствомъ ни особеннаго свойства удареній, ни количества языковъ ихъ; тѣмъ сильнѣе будутъ увѣряться, что законъ произношенія у древнихъ былъ общій всѣмъ языкамъ, и что сила, свойства и качества сего закона тѣ же какъ и въ языкѣ нашемъ: Anima pronuntiationis in omnibus linguis — est *tonus*; душа произношенія во всѣхъ языкахъ есть *удареніе* (*).

Заключимъ: удареніе есть законъ Природы; что можетъ нарушить его? Количество. — Что Грамматики называютъ количествомъ? *Пространство* слоговъ долгихъ и краткихъ, *протяженіе* ихъ въ произношеніи (H Voss. de Ar. gr. p. 184). И такъ количество можетъ дать одно *протяженіе*; но протяженіе безъ повышенія голоса, опредѣляемаго, по словамъ же древнихъ, однимъ удареніемъ, можетъ ли произвесть гармонію,

(*) Hard.

риѳмъ? *Риѳмъ въ протяженіи не существуетъ* (*); ето доказываетъ Цицеронъ блистательнымъ примѣромъ *Риѳмъ происходитъ изъ повышенія и пониженія голоса* (**). Слѣдовательно, количество, нетолько недающее, но напротивъ часто уничтожающее ударение, не могло *само по себѣ* произвесть ни риѳма, ни пѣнія; ни гармоніи? Напротивъ того ударение, сей *τόνος*; раждался самъ собою, производилъ пониженіе и повышеніе голоса въ каждой стопѣ (***), раздѣлялъ ихъ времена, составлялъ сканцію стиха, образовалъ риѳмъ его; такимъ образомъ удареніе все увлекало; все подчиняло своимъ законамъ. — Вотъ почему справедливо мнѣніе Ис. Воссія, что удареніе у древнихъ поетовъ *всегда согласовалось съ истиною и естественною мѣрою слоговъ*. Accentus verae et naturalis syllabarum semper conveniret mensurae.

(*) Numerus in continatione nullus est. *Cic. de Orat. L. III.*

(**) Rhythmus de arsi et thesi manare dignoscitur. Mar. *Victor.* gram Lib. I. —

(***) Даже и въ спондеѣ; ибо и въ немъ Греки и Римляне полагали одинъ *арсисъ*; одинъ ударъ, одно *повышеніе* голоса, elatio. Spondeus ex longa elatione et positione. *Bach. Senior.* И въ самомъ дѣлѣ, что бы ето была за безвучная стопа, состоящая изъ двухъ только *протяженій*? Ето бы разрушило, замѣчаетъ ученый Скопа, всю теорію гармоніи.

Изъ такихъ дѣйствій и приведенныхъ мнѣній древнихъ писателей извлекая заключенія, не льзя, кажется, быть ослѣплену до того, чтобы почитать за святость все, что передали намъ учители о стихосложеніи древнихъ; учители, которые *древности*, какъ говорятъ они, *почтенной*, но едва ли понимаемой, привыкли удивляться; antiquitatem non intellectam admirantur (*). Не отвергая, чтобы *количество* не имѣло силы въ стихахъ древнихъ, не льзя не согласиться съ Клопштокомъ, что *оно совсѣмъ не то, какъ мы его воображаемъ*. Однимъ словомъ, изъ собственныхъ мнѣній древнихъ едва ли не льзя вывести заключеній, которыя могутъ согласовать *начала* древняго и нашего стихосложенія метрическаго; ибо они, будучи естественны, должны быть однѣ и тѣ же.

Но какъ можно, возразятъ мнѣ, какъ можно судить намъ *о количествѣ*, когда всѣми Грамматиками признано, что мы не знаемъ произношенія древнихъ языковъ? Вотъ признаніе, служащее къ полному раскрытію несообразности количественной просодіи. Если мы не знаемъ произношенія количества, и несмотря на это, наслаждаемся гармоніею сти-

(*) Is. Voss. p. 77.

ховъ древнихъ, не выше ли ето всякаго доказательства, что гармонія стиховъ сихъ не на чувствованіи количества основывается? — Далѣе: если ето количество было свойство и Латинскаго языка, то какъ могло оно, не смотря на всѣ превратности вещей, какъ могло оно быть забыто людьми, когда языкъ Латинскій *выговаривается какъ пишется*, и когда не было промежутка времени, чтобъ языкъ сей не былъ языкомъ людей духовныхъ, государственныхъ и ученыхъ? Но языкъ Латинскій не находился въ устахъ народа, и отъ етаго истинное произношеніе его погибло — такъ многіе возражать будутъ. Какъ? развѣ чернь образуетъ и сохраняетъ выговоръ языка? Развѣ въ Парижѣ, Вѣнѣ и нынѣшнемъ Римѣ можно отъ черни учиться произношенію? Consvetudines sermonis, vocabo *consensum eruditorum*, sicut vivendi, consensum bonorum (*). Слѣдовательно въ языкѣ, непрерывно находившемся въ устахъ просвѣщеннѣйшихъ сословій Европы, могло ли совершенно погибнуть *такое свойство* его, которое, по мнѣнію Грамматиковъ, господствовало надъ удареніемъ?

Оно для насъ погибло, возразятъ мнѣ; но тѣ, которымъ языкъ Латинской былъ бо-

(*) *Qnint*. Lib. I, c. VI.

лѣе природенъ, и въ позднѣйшихъ вѣкахъ чувствовали сіпо количество и признавали его природнымъ свойствомъ языка. — Чѣмъ они его признавали, ето намъ скажетъ *Августинъ* (*):

„Хорошо ли," говоритъ онъ *лицу*, съ которымъ предполагаетъ разговоръ свой „хорошо ли изучилъ ты измѣреніе долгихъ и „краткихъ, преподаваемое Грамматиками? Или „хочешь, чтобъ насъ, *весьма грубыхъ* въ „разумѣніи сихъ вещей, къ познанію ихъ довелъ лучше разумъ нежели *закоренѣлый* „*обычай*, и *авторитетъ*, къ которому „имѣемъ столько предубѣжденія? (*Inveterata* „*consvetudo, praejudicata auctoritas.*)

„И такъ, на примѣръ, когда скажешь *cano*, „или напишешь въ стихѣ такимъ образомъ, „что и самъ ты, произнося первый слогъ „етаго глагола, протянешь, или поставишь „въ стихѣ на такомъ мѣстѣ, гдѣ слогъ сей „долженъ быть протянутъ; за ето побранитъ тебя Грамматикъ, не говоря *ничего* „*другаго*, почему сей слогъ должно сокращать, какъ только, что тѣ, которые „прежде насъ жили и которыхъ книги „у Грамматиковъ въ употребленіи находятся,

(*) De Music. Lib. II.

„тѣ сей слогъ сокращали: почему“ заключаетъ Августинъ: *„здѣсь если что сильно, то „силенъ авторитетъ!* Quare hic quidquid „valet, auctoritas valet!“

„Но музыка“ далѣе онъ продолжаетъ... „къ которой относится какъ самой размѣръ „словъ такъ и риѳмъ, если на томъ мѣстѣ, „гдѣ нужно положить два слога долгихъ, по„ложищь глаголъ cano, и первой слогъ, ко„торый есть краткій, въ произношеніи сдѣла„ешь долгимъ — музыка ни мало не оскорбится; „ибо тѣ времена взошли въ слухъ, которыя „приличны риѳму (теченію стиха).“ и проч.

Послѣ етаго, помня при томъ, что Августинъ былъ самъ и музыкантъ и стихотворецъ, и слѣдовательно хорошо зналъ природу языка Латинскаго, послѣ етаго пусть судятъ, *свойство ли Природы* было мнимое *количество* Грамматиковъ, и оно ли составляло основаніе стопъ и размѣровъ древней Поэзіи. Послѣ етаго удивится ли читатель, если изъ устъ Германа, который съ свѣтильникомъ критики смотрѣлъ на систему древняго стихосложенія, услышитъ такой приговоръ Грамматикамъ: *Грамматики риѳма стиховъ совершенно не знали,* plane ignorarunt (*); *ибо науки (прозодіи),*

(*) Ето онъ доказываетъ въ сочиненіи своемъ безчисленными примѣрами p. 23 и проч.

цыть созданной, не постигли началъ и оснований (*). И по сей-то превратной теоріи, заключимъ словами Германа, дѣти обучаются въ школахъ.

Дѣти должны вѣрить учителямъ; но читатели нашего вѣка — времени, когда изыскатели истинъ филологическихъ, оставя указку Грамматиковъ, свѣтильникомъ философіи озарили общую природу языковъ, когда идіомы ихъ прояснились и авторитеты нѣсколько ослабѣли, ибо разумъ допущенный въ сто дѣло началъ требовать убѣжденій — такого вѣка читатели, кажется, немогутъ быть подобны людямъ, которые, по словамъ Цицерона, не употребляли своего сужденія, а принимали какъ приговоръ все, что полагали разсужденнымъ тѣми, отъ кого сами принимають (**).

Такимъ образомъ, чтобы убѣдить насъ, что гласныя буквы Грековъ были, такъ сказать, музыкальныя ноты, т. е. всегда требовавшія, по свойству ихъ природы, извѣстнаго, мѣрнаго протяженія, надобно доказать, что свойство буквъ сихъ, что самая физическая сущность ихъ такова была, и слѣдовательно не могла быть измѣняемою; а сему-то и противорѣчать всѣ Грамматики. —

(*) Pag. 80.
(**) *Cic.* De natur. deor. L. I, c. V.

Чтобъ увѣрить насъ, что протяженіе или количество сихъ буквъ не зависѣло отъ ударений, надобно доказать, что ударенія въ поемахъ Гомера поставлены не Грамматиками, но дошли безъ всякой перемѣны въ выговорѣ отъ вѣковъ Гомерическихъ. А етому-то противорѣчитъ ходъ Природы, судьба языковъ и ученые Еллинисты.

Чтобъ убѣдить насъ, что проводія древнихъ была количественная, надобно доказать, что языкъ Греческій получилъ отъ Природы особыя преимущества, особые законы. А етому противорѣчитъ какъ Природа, *которая вездѣ та же, φυσιν περι παντος ομοιην* (*), такъ и сами древніе писатели.

Покамѣстъ все ето не доказано, до тѣхъ поръ въ *количество* древнихъ языковъ мы можемъ, по ученію Грамматикъ, вѣровать, но не понимать его. Слушая о немъ разсказы, мы тихонько будемъ говорить:

Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable!

(*) Piikagor. Кр. Ев.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Объ исполнительной власти въ Англіи.

(Окончаніе.)

По законамъ Англійскимъ, Король есть верховный начальникъ и первый сановникъ Государства. Часто даже называли его *Императоромъ*, а Государство его — Имперією. Поелику законы, предоставивъ ему полное начальство какъ въ гражданскихъ дѣлахъ, такъ въ духовныхъ и военныхъ, облекли его независимою властію внѣ Государства; то никакое мѣсто не можетъ судить его, и никакому въ свѣтѣ Монарху не можетъ онъ быть подвластенъ. Сія независимость, необходимая, изъ самаго естества правленія монархическаго проистекающая, никакимъ образомъ не могла бы существовать долго безъ двухъ слѣдующихъ условій, освященныхъ силою закона: во первыхъ, что совершенство есть неотъемлемый удѣлъ Монаршаго достоинства; во вторыхъ, что верховная власть неспособна сама собою учинить что либо вредное и злое. Отсюда необходимое слѣдствіе: всѣ погрѣшности, всѣ противузаконные поступки сѣдящаго

на престолѣ не ему самому приписываются, но тѣмъ которые пользуются его довѣріемъ. Необходимость требовала, чтобы законъ присвоилъ сіи преимущества верховной власти; ибо, хотя по законамъ Натуры и Философіи Король есть человѣкъ, призванный управлять людьми, себѣ подобными; однакожъ въ обезпеченіе блага общественнаго и въ отвращеніе того, чтобы такое мнѣніе непослужило для многихъ поводомъ къ неповиновенію, а слѣдственно къ нарушенію порядка, законы Англійскіе не только окружили могуществомъ и блескомъ величества высокій санъ Королевскій, но и самому царствующему лицу присвоили отличнѣйшія предъ всѣми другими людьми преимущества. При семъ томъ однакожъ они отнюдь не уполномочили Короля причинять какія-либо обиды своимъ подданнымъ; на противъ, сдѣлали возможнымъ справедливое во всякомъ случаѣ удовлетвореніе. Если бы кто нибудь возымѣлъ основательную причину требовать вознагражденія за ущербъ своей собственности, претерпѣнный въ слѣдствіе распоряженій правительства; въ такомъ случаѣ законъ указываетъ обиженному путь къ Трибуналу канцеляріи, который, по разсмотрѣніи просьбы, обязанъ сдѣлать ему отъ имени Короля удовлетвореніе, не иначе однакожъ какъ въ видѣ милости: ибо самый законъ Природы говоритъ, что подданный, пока неперестаялъ еще быть имъ, неимѣетъ

никакой возможности вынудить у Государя своего должное себѣ удовлетвореніе (*). Равнымъ образомъ если бы злоупотребленія со стороны правительства касались не до одного только лица, но до выгодъ цѣлаго народа, законъ и въ семъ случаѣ показываетъ средство предотвратить вредныя слѣдствія: онъ уполномочиваетъ обѣ Палаты Парламента дѣлать Королю свои представленія обо всемъ томъ, что найдутъ они вреднымъ въ мѣрахъ правительства. Но и при семъ дозволеніи законъ отнюдь не упускаетъ изъ виду то важное обстоятельство, что Король иначе не можетъ политически ошибаться, какъ въ слѣдствіе злыхъ совѣтовъ и коварныхъ донесеній со стороны Министровъ. По сей-то причинѣ видимъ, съ какою строгою точностію разсматриваются въ Парламентѣ маловажнѣйшія подробности въ поступкахъ Министровъ Англійскихъ; по сей-то причинѣ замѣчаемъ, съ какимъ усиліемъ государственные чиновники сіи стараются всячески оправдывать политическія свои ошибки: ибо они, завися не отъ одного Короля только, но и отъ народа вмѣстѣ, по силѣ закона подверглись бы судебному слѣдствію и строжайшему наказанію. Но если бы, наконецъ, личные виды Короля простирались еще далѣе; если бъ,

(*) *Пуффенд.* De jure naturae et gent. L. VIII, c. 10.

очевидно переступая границы своей власти, онъ покусился разрушить конституцію и посягнулъ бы на вольность народную — на такой случай законы ничего не определяли, дабы неослабить доверія къ верховной власти: впрочемъ назначеніе мѣръ противъ такого несчастія они предоставляютъ тому времени, въ которое могло бы сіе случиться. Исторія и опыты достаточно показываютъ, какія средства употребилъ народъ, когда Іаковъ II нарушилъ конституцію и поколебалъ основанія отечественныхъ законовъ. Изъ сего заключать надобно, что каждой разъ и впредь, въ случаѣ подобномъ упомянутому, народъ почтетъ себя въ правѣ думать, что Король, разрушающій принятыя собою установленія, разрушаетъ вмѣстѣ договоръ между собою и народомъ, а слѣдственно по доброй своей волѣ низходитъ съ престола.

Кромѣ всѣхъ оныхъ преимуществъ Королевскаго сана съ одной стороны, а съ другой справедливыхъ ограниченій, Король имѣетъ право бить монету, жаловать въ Перы, давать чины, награды, преимущества, и миловать виновныхъ, лишь бы только ни въ чемъ не нарушилъ конституціи. Сей наконецъ священной и неприкосновенной особѣ первѣйшаго сановника народнаго предоставлена полная власть исполненія законовъ, для сохраненія

того единства, безъ котораго народъ не можетъ быть сильнымъ, и для отвращенія плачевнѣйшихъ происшествій, коихъ не могли избѣжать аристократическія правительства. Король есть стражъ тишины общественной, источникъ правосудія; но какъ самъ онъ, за множествомъ дѣлъ государственныхъ, не можетъ каждому давать онаго, то имѣетъ власть учреждать судилища, которыя дѣйствуютъ неиначе какъ его именемъ: ибо сіи судилища, скажемъ словами Блакстона, суть зерцала, представляющія въ себѣ образъ Монарха. Король есть начальникъ внутренняго управленія и глава церкви Англиканской; онъ сзываетъ соборы, производитъ во Епископы, даетъ послѣднее рѣшеніе по дѣламъ духовнымъ. Король, имѣя верховную власть внутри Государства, есть кромѣ того еще и представитель народа касательно всѣхъ дѣлъ политическихъ и сношеній съ чужестранными Державами; а по сему имѣетъ право назначать своихъ пословъ къ нимъ и принимать у себя пословъ чужестранныхъ, заключать миръ и обьявлять войну, съ условіемъ однакожъ, что Министры, участвующіе въ исполненіи сего послѣдняго права, должны отвѣтствовать предъ Парламентомъ въ случаѣ употребленія во зло онаго. Король наконецъ есть попечитель торговли (предмета, какъ извѣстно, важнѣйшаго для Ан-

глійской напіи), верховной начальникъ надъ всѣми сухопутными силами и морскими.

Таковъ духъ Англійскаго законодательства вразсужденіи власти Королевской: она составлена, такъ сказать, изъ участковъ личной свободы каждаго Англичанина для обезпеченія всеобщей свободы цѣлаго народа. Отсюда ясно истолковать можно ту особенность правительства Англійскаго, которою оно отличается отъ всѣхъ прочихъ: находясь подъ верховнымъ управленіемъ Монарха, оно отнюдь не перестаетъ быть совершенно свободнымъ; а сверхъ того еще пользуется двумя важными выгодами: во первыхъ, присвоеніе исполнительной власти одной особѣ ускоряетъ теченіе дѣлъ общественныхъ; во вторыхъ, отдѣленіе исполнительной власти отъ законодательной предполагаетъ удобность ограничивать первую. — „Въ Англіи“ говоритъ Делольмъ „нераздѣлимость исполнительной власти и вмѣстѣ ея обширность всегда предупреждали заблужденія народа, направляя на одинъ и тотъ же предметъ всѣ его виды и усилія. Но самая прочность могущества была поводомъ и прочности мѣръ, принятыхъ для стѣсненія онаго. Постоянно смотря на сію древнюю твердыню могущества Королевскаго, народъ уже семь вѣковъ почитаетъ ее предметомъ своихъ опасеній.“ — Впрочемъ, хотя прекрасная сія теорія слу-

жить, по видимому, достовѣрною порукою въ безопасности народа со стороны верховной власти; хотя всѣ вообще сильными побуждаются причинами удерживать ее въ границахъ, единожды навсегда ей назначенныхъ; хотя даже употреблены средства искусным образомъ подчинить ее народу по части денежныхъ пособій, въ которыхъ она имѣетъ нужду: опыты однакожъ весьма часто свидѣтельствуютъ, что при составленіи конституціи не все предусмотрѣно. Оные до безконечности расширяющіеся политическіе виды правительства, большею частію несвойственные народу конституціонному, — происходящая оттуда потребность великихъ доходовъ; — безпрестанная борьба Министровъ съ Парламентомъ: — все сіе подтверждаетъ выше предложенное мнѣніе и ясно доказываетъ, что верховная власть, если не можетъ средствами открытыми распространять свое могущество, всегда въ состояніи бываетъ употреблять средства тайныя, которыми гораздо скорѣе и успѣшнѣе достигаетъ своей цѣли. Слѣдственно легко удостовѣриться можно, какимъ образомъ сила противудѣйствующая, сіе основаніе конституціи Англійской, не только иногда слабѣетъ, но въ нѣкоторыхъ особливыхъ случаяхъ и совсѣмъ даже уничтожается.

(*Изъ Dz. W.*)

IV. СМѢСЬ.

Надгробныя надписи Мольеру и Лафонтену.

Извѣстно, что остатки знаменитаго Комика и знаменитаго Баснописца вынесены изъ прежняго республиканскаго Пантеона и пристойнымъ образомъ погребены на хрістіанскомъ кладбищѣ. Въ Journal de Paris напечатаны Латинскія надписи, которыя будутъ находиться на ихъ гробницахъ. По сему поводу сдѣланы въ журналахъ разныя замѣчанія, и во первыхъ въ разсужденіи того обстоятельства, что надписи сочинены на *Латинскомъ* языкѣ, а не на *Французскомъ*. „Римляне" сказано въ Минервѣ „покоривъ области, непеременяли въ нихъ языка надписей. Въ Греціи всѣ онѣ писались погречески, въ Египтѣ поегипетски." — Вотъ надгробіе Мольеру:

Ossa J. B. Poquelin-Molièle, Parisini, comoediae
Principis, huc translata et condita. A S. 1817
Curante urbis praefecto comite Guil. Chabrol
De Volvic. Obiit. an. S. 1673. aetatis 54.

Переводъ: *Кости Парижанина Ж. Б. Попелень-Мольера, Начальника Комедіи, сюда перенесены и погребены въ 1817, стараніемъ Парижскаго Префекта Графа Гильома Шаброля де Вольвика. Онъ умеръ 1673 го, пятидесяти лѣтъ.*

Прежде всего спрашивается, для чего Покелень-Мольеръ просто, а не *Покелень-де-Мольеръ?* Почему безъ частицы *де*, которая напоминаетъ фамилію Покеленей? (Сіе замѣчаніе клонится къ тому, что отнимаютъ у Мольера частицу *де* съ намѣреніемъ отличить его отъ людей дворянскаго происхожденія.) Далѣе: *Princeps Comoediae* значитъ не болѣе какъ *Начальника Комедіи*, то есть *начальника труппы*; а Мольеръ былъ не только первый комическій актеръ своего времени, но еще превосходнѣйшій Писатель и Философъ. Слова *translata et condita* будутъ камнемъ преткновенія для истолкователей. Кости, скажутъ они, перенесены сюда въ 1817 году; откуда? изъ надписи невидно. *Condita* — сіе причастіе безъ управляемаго падежа содержитъ въ себѣ смыслъ обоюдный. Древніе говорили *condita sepulcro* (сокрыты въ могилѣ), и это ясно. Но *condita* можетъ происходить отъ *condio* и отъ *condo*, слѣдственно значитъ оно и *приправленныя* на примѣръ солью, и *сокрытыя*, Бѣда, если ваятель забудетъ надъ слогомъ *di* протянуть черточ-

ку, A. S. то есть Anno Salutis. Во всѣхъ монастыряхъ обыкновенно на гробницахъ писывали A. R. S. H. т. е. *Anno reparatae salutis humanae*. Ежели слѣдовать обыкновенію, то надобно уже все ставить безъ пропуску. Нѣсколько странно подлѣ Парижанина Мольера видѣть господина Префекта Графа Гилиома Шаброля де Вольвика, которой, по благоразуміи своему и кротости, вѣрно не желалъ быть въ такомъ сосѣдствѣ. Имя Мера или Префекта можетъ находиться на фонтанѣ, на воротахъ, или на другомъ какомъ-либо сооруженіи, но отнюдь не на гробницѣ Мольера. Это для Префекта убійственно: можетъ быть по сей-то именно причинѣ Академія непосредственно за тѣмъ поставила *obiit* (онъ умеръ), слово, которое по мѣсту своему скорѣе относится къ Шабролю, нежели къ Мольеру.

Покажемъ теперь надгробную надпись Лафонтену.

Hic jacet

Joh. La Fontaine Castro Theodoricus,

In Aesopiis fabellis condendis recentiorum unicus,

Babriae et Phaedri Victor potius quàm aemulus, vixit

An. 74. Obiit. A. S. 1695. Guil. Chabrol de Volvic comes

Praefectus urbis poetae corpus aliundè translatum

Monumento inferri curavit. A. S. 1817.

Переводъ: *„Здѣсь лежитъ Іоан. Ла Фонтенъ Шатотьерійскій; изъ новѣйшихъ единственный въ составленіи басенъ Езоповыхъ; Бабрія и Федра болѣе побѣдитель нежели соперникъ; жилъ 75 лѣтъ Умеръ 1695 отъ Р. Х. Гиль. Шаброль де Волвикъ, Графъ, Префектъ города, надъ тѣломъ Поэта, перенесеннымъ, съ другаго мѣста, потщился воздвигнуть памятникъ 1817 года отъ Р. Х.*

Въ сей надписи менѣе наглости, но столько же нелѣпостей какъ и въ прежней. Въ собраніи Лафонтеновыхъ басенъ есть гораздо лучшія тѣхъ, которыя заимствованы имъ изъ числа *Езоповыхъ*. При томъ же, къ чему тутъ упоминать о *Бабріи*? Многіе ли знаютъ *Бабрія*, о которомъ Лафонтенъ даже неупоминаетъ ни однимъ словомъ? Лучше бы уже было сравнить его съ *Пильпаемъ*, съ *Локманомъ*. Опять таки Графъ Шаброль, Префектъ . . . подлѣ Лафонтена! — *Надъ тѣломъ Поэта, перенесеннымъ съ другаго мѣста*, aliunde; откуда же именно? почему сего несказано? (Извѣстно почему; Академія заблагоразсудила умолчать, что кости *комическаго актера* и кости *сочинителя соблазнительныхъ сказокъ* лежали въ *Пантеонѣ*, или, что все одно и то же, въ *церкви Св. Женевьевы.*)

Московскія записки.

Театръ. Не задолго до *Семика* настоящаго, празднуемаго Московскими жителями въ Марьиной рощѣ, мы имѣли удовольствіе видѣть *Семикъ* театральный. Рѣчь идетъ не о томъ *Семикѣ*, гдѣ поютъ и пляшутъ, но гдѣ разговариваютъ, то есть о новой, такъ называемой *оригинальной комедіи* въ одномъ актѣ, сочиненія г-на Ильина, творца другихъ, болѣе или менѣе *оригинальныхъ* театральныхъ сочиненій. Упомянувъ, что здѣсь не поютъ, а разговариваютъ, имѣемъ долгъ сказать о чемъ именно: о женитьбѣ молодаго кузнеца на солдатской дочери *Анютѣ*, которая, послѣ нѣкоторыхъ оригинальныхъ сценъ, выходитъ наконецъ за своего любезнаго *Андрея*.

Въ Петербургѣ давно уже представляютъ Оперу водевиль въ 5хъ актахъ, сочиненія Князя А. А. Шаховскаго: *Ломоносовъ, или рекрутъ-стихотворецъ*; въ Москвѣ мы увидѣли ее въ первой разъ 4 числа текущаго Іюня. Нѣкоторые изъ нашихъ любителей театра увѣряютъ, будто бы недолжно выводить на сцену такихъ людей какъ Ломоносовъ. Почему? Выводить на сцену въ видѣ смѣшномъ, оскорбительномъ и для памяти безсмертнаго мужа и для признательности потомства не должно; но представлять его благороднымъ, великоду-

тиным, обожателемъ блага Отечества и его славы не только есть дѣло позволенное, да еще и похвальное. *Донской, Пожарской* — Герои трагическіе: *Ломоносову* суждено было не спасать Отечество, но просвѣщать его; не гремѣть побѣдами, но въ тихомъ уединеніи трудиться для славы имени Русскаго. И въ жизни самыхъ Вѣнценосцевъ не всѣ минуты приличны для высокой сцены трагической; нѣжной вкусъ ни мало нестрадаетъ, когда представляютъ Короля въ простой одеждѣ, подъ сельскимъ кровомъ, слушающаго похвалы изъ устъ неузнавшихъ его простолюдиновъ, скрывающаго отъ нихъ сладкія слезы умиленія. Мольеръ, Монтескье, лучезарныя свѣтила Французской словесности, будучи представляемы на сценѣ, принимаются съ громкимъ плескомъ отъ Парижской публики: воспоминаніе объ нихъ вездѣ пріятно для ума просвѣщеннаго и для души благородной. — Приключеніе съ Ломоносовымъ на пути его изъ Марбурга въ Голландію, думаемъ, каждому извѣстно. Завербованный въ Прусскую службу Холмогорецъ отважнымъ бѣгствомъ удачно спасается отъ чужеземнаго солдатства. Многія сцены прекрасны. Зрителю грустно бываетъ на сердцѣ при одной мысли, что безъ Ломоносова, который могъ бы навсегда остаться Прусскимъ гусаромъ, книжный языкъ нашъ

до сихъ поръ еще носился бы по волнамъ непостояннаго моря, до сихъ поръ еще не достигъ бы надежнаго пристанища; ибо одинъ Ломоносовъ сдѣлалъ для языка гораздо болѣе, нежели всѣ вмѣстѣ жившіе послѣ него и нынѣ живущіе писатели. — О прочемъ надѣюся говорить послѣ. *Д.*

Политическія происшествія.

Франція.

Въ газетахъ и журналахъ, состоящихъ подъ неусыпнымъ надзоромъ Цензуры, мало или совсѣмъ ничего неговорятъ о заключенномъ съ Папою конкордатѣ, непринятомъ Палатами, слѣдственно неимѣющемъ силы закона. За то уже сочинители неперіодическихъ тетрадовъ громко вопіютъ противу притязаній Римскаго Двора и сильно защищаютъ права Галликанской церкви. Извѣстно, что Кардиналъ *Таллейранъ-Перигоръ*, по волѣ Короля Французскаго, относился къ Государственному Секретарю Папы, Кардиналу *Консальви*, о новыхъ распоряженіяхъ касательно сего важнаго дѣла. Необходимость требуетъ перемѣны нѣкоторыхъ статей конкордата; несмотря на то, Римскій Дворъ остается непреклоннымъ въ своихъ правилахъ. Слѣдующее дипломатическое письмо отъ Римскаго Кардинала къ Па-

рижскому ясно показываетъ расположеніе Его Святѣйшества:

„Я имѣлъ честь получить чрезъ Французскаго Посланника письмо ваше отъ 18 го Февраля, и немедленно представилъ оное Его Святѣйшеству. По надлежащемъ разсужденіи въ Тайной Консисторіи, составленной изъ самыхъ просвѣщенныхъ Кардиналовъ, усмотрѣно, что намъ нѣтъ никакой возможности ни согласиться на учиненныя Королемъ Французскимъ предложенія, ни вступить въ новыя распоряженія по сему предмету. Пользуясь симъ случаемъ, я спѣшу сообщить вамъ, что Его Святѣйшество Папа изъявилъ согласіе на заключеніе новаго конкордата для того только, чтобы симъ исполнить желаніе Его Величества. Его Святѣйшество полагалъ, что конкордатъ имѣлъ нужду въ одной только Королевской конфирмаціи; но какъ оный долженствовалъ быть предоставленъ всеобщему сужденію, то Его Святѣйшество рѣшился оставить его безъ исполненія. Мы живемъ въ самыя трудныя времена, въ которыя дѣла церкви не должны бы быть предметомъ состязаній и споровъ. Польза Религіи и Государства требуетъ, чтобы мнѣнія нашего Двора принимаемы были безусловно и безспорно. Слѣдовательно актъ, о коемъ здѣсь упоминается, надлежитъ нынѣ почитать недѣйствительнымъ. — Впрочемъ обстоятель-

ство сіе нимало не перемѣняетъ благорасположенія Его Святѣйшества ни къ Его Католическому Величеству, ни къ вамъ. Его Святѣйшество готовъ доставить вамъ надлежащія грамоты на Парижское Архіепископство, ежели вы того пожелаете" и проч.

Англія.

Лордъ Кастельригъ предлагалъ въ Нижнемъ Парламентѣ возобновить законъ касательно иностранцевъ (alien bill), по которому они, во время пребыванія своего въ *Англіи*, подвержены извѣстнымъ ограниченіямъ, или смотря по обстоятельствамъ, могутъ быть и изгнаны изъ Государства. „Попеченіе о безопасности общественной" говорилъ онъ „должно быть первымъ нашимъ долгомъ, и я увѣренъ, что гостепріимство, оказываемое нынѣ иностранцамъ, доходитъ до опаснаго для Государства небреженія. Правительство имѣетъ право удалять изъ своей земли иностранцевъ; но оно не можетъ употреблять сего права безъ помощи Парламента, и лучше было бы, еслибъ Парламентъ издалъ положительные на сей случай законы; но я предложу только на два года нѣкоторыя правила, вовсе не отяготительныя для иностранцевъ. Въ теченіе прошедшихъ 6 лѣтъ удалены изъ Государства только 9 человѣкъ; 1817 высланы двое, а въ 1818 одинъ. Это доказываетъ, сколь мало Министры склонны употреблять ввѣренную имъ

власть. Необходимость сего акта несомнѣнна. Многіе зломыслящіе жители *Франціи*, которые не могли тамъ произвести въ дѣйство своихъ намѣреній, поселились въ *Нидерландахъ*, стали издавать періодическія сочиненія и газеты, получили чрезъ то вліяніе на публику и наконецъ сдѣлались столь дерзки, что домогались доставить своему заговору покровительство одной великой Державы, дабы низпровергнуть состоящее нынѣ во *Франціи* правленіе и ввести тамъ прежнее. Извѣстно, что планъ умерщвленія Герцога *Веллингтона* составленъ въ *Нидерландахъ*. Одинъ только законъ объ иностранцахъ можетъ воспрепятствовать зарожденію такого зла. Это особенно теперь необходимо; ибо дѣло идетъ о томъ, выйдутъ ли по истеченіи третьяго года союзныя войска изъ *Франціи*, и можно ли быть увѣрену, что по выходѣ ихъ спокойствіе будетъ сохранено." *Лордъ Альторпъ* и *Сиръ Самуилъ Ромилли* объявили несогласіе свое на изданіе какого-либо закона противъ иностранцевъ, потому что онъ противенъ свободному характеру *Британцевъ*, лишаетъ Государство свободы и гостепріимства и несогласенъ съ прочими законами, по которымъ всякій рабъ при вступленіи на *Британско-Европейскую* землю немедленно дѣлается свободнымъ человѣкомъ и не подверженъ ни темницѣ, ни цѣ-

пямъ, — Несмотря на то, позволеніе возобновить сей законъ дано 55 голосами противъ 18.

Швеція.

Въ 11й день Мая (н. с.) новый Король Шведскій, Карлъ Іоаннъ, торжественно коронованъ въ Стокгольмѣ, въ соборной церкви. Послѣ проповѣди, произнесенной Епископомъ Линкепинскимъ, Король возшелъ на тронное мѣсто, и положивъ руку на Библію, произнесъ обыкновенную присягу, читанную Министромъ Графомъ Стедингомъ. За симъ совершенъ обрядъ мѵропомазанія; Министры юстиціи и иностранныхъ дѣлъ съ Архіепископомъ Упсальскимъ возложили на Его Величество корону, и вручили ему прочіе знаки Королевскаго достоинства. Потомъ отправлено было молебствіе при пушечной и ружейной пальбѣ, по окончаніи коего и по принятіи присяги отъ Чиновъ Его Величество также торжественнымъ шествіемъ возвратился во Дворецъ, между тѣмъ какъ Королевскій Рентмейстеръ, въ сопровожденіи ескадрона гвардіи, бросалъ народу серебряныя медали, выбитыя на сей случай.

Восточная Индія.

Минувшаго Сентября обнаружился мятежъ во внутреннихъ областяхъ Королевства Кандійскаго, на островѣ Цейлонѣ. Главнымъ винов-

никомъ онаго былъ Малабарскій владѣтель. Собравъ около двухъ сотъ изъ преданныхъ ему единомышленниковъ, издалъ онъ прокламацію, въ которой доказывалъ права свои на престолъ Кандійскій. Но торжество его было недолговременно: упомянутая толпа мятежниковъ разсѣяна, и такимъ образомъ честолюбивые замыслы Малабарскаго владѣльца истреблены при самомъ ихъ началѣ. При семъ случаѣ лишился жизни Г. *Вильсонъ*, Англійскій Резидентъ въ *Бадуллѣ*. Желая отвратить кровопролитіе и вступить съ мятежниками въ переговоры о возстановленіи спокойствія, онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу; но былъ ими убитъ и со всѣми сопровождавшими его служителями.

Западная Индія.

Президентъ Правительства Мулатовъ на островѣ Гаити (Сенъ-Доминго) Петіонъ, по долговременной болѣзни, скончался 29 числа минувшаго Марта. Преемникомъ его избранъ единодушно Генералъ Боіе. Погребеніе Петіона было весьма великолѣпно.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Въ одной Баварской газетѣ (*Корреспондентъ Нѣмецкій*) подъ статьею изъ Польши напечатано слѣдующее: „Другъ человѣчества съ радостнымъ чувствомъ смотритъ на Польшу, гдѣ народъ дѣятельный, но утомленный, обремененный несчастіями, получилъ бытіе свое и благотворную конституцію отъ великодушнаго Генія, Императора Александра. Народу сему открывается прекрасная будущность. Рѣчь, Его Императорскимъ Величествомъ произнесенная при открытіи Сейма, есть достопамятнѣйшее явленіе на горизонтѣ политическомъ: она служитъ знаменіемъ мира послѣ бѣдственныхъ несогласій и вѣрнымъ поручительствомъ въ прочности союза.“ — Слѣдующая выписка взята изъ Брюссельскаго журнала, Истиннаго Либералиста (le Vrai Liberal): „Превосходная Рѣчь Императора Александра, при открытіи Польскаго Сейма читанная, возбуждаетъ движеніе гнѣва въ ненавистникахъ просвѣщенія и благородства душевнаго: они трепещутъ при одной мысли о томъ, что Обладатель пятидесяти милліоновъ съ высоты престола своего вѣщаетъ о *законносвободныхъ мысляхъ и уставахъ*, какъ объ основаніи главныхъ законовъ Государства. Можно надѣяться, что примѣру сему

будутъ слѣдовать и въ Германіи, гдѣ народъ уже довольно созрѣлъ для подобныхъ уставовъ.“ Въ томъ же Брюссельскомъ журналѣ напечатано, подъ статьею изъ Кобленца: „Съ чувствомъ удивленія мы читали и перечитывали Рѣчь Великодушнаго Императора Александра, произнесенную имъ по случаю открытія Польскаго Сейма, уже переведенную на всѣ языки и сдѣлавшую во всей Европѣ сильное впечатлѣніе. Мы были увѣрены, и это неподвержено никакому сомнѣнію, что Августѣйшій Ораторъ вѣщалъ слѣдующія слова по чувству собственнаго сердца (здѣсь помѣщены нѣкоторые отрывки изъ Рѣчи). Благоденствіе человѣческихъ обществъ зависитъ отъ тѣхъ драгоцѣнныхъ выгодъ, о которыхъ упоминается въ оной достопамятной Рѣчи. . .“

— Недавно изданный г-жею Жанлисъ такъ называемый Dictionnaire есть не иное что какъ смѣсь всякой всячины. Книгу сію однакожъ охотно читаютъ, хотя ея титулъ и несоотвѣтствуетъ своему содержанію. Вотъ краткое изъ нее извлеченіе: Дворы Италіянскіе, Испанскій, Французскій всегда весьма крѣпко держались правилъ этикета; сѣверные Дворы образовались по нимъ, оставя однакожъ нѣкоторыя излишества. Еще только за одно передъ симъ столѣтіе никто и ни въ какомъ случаѣ не дерзалъ прикоснуться къ Испанской Ко-

ролевъ, и пашеръ Лабалъ повѣствуетъ въ своемъ путешествіи, что одинъ кавалеръ придворный, сопровождавшій Королеву во время прогулки, *имѣлъ несчастіе* помочь ей встать послѣ паденія съ лошади; предчувствуя бѣду неминуемую, онъ долженъ былъ немедленно искать спасенія въ безопасномъ бѣгствѣ! Еще и теперь етикетъ до чрезвычайности уважается во Дворцѣ Тюльерійскомъ. Король неудостоиваетъ посѣщеніемъ никого изъ своихъ подданныхъ и не бываетъ ни на какомъ партикулярномъ праздниствѣ. Онъ даже неможетъ посѣщать никого изъ живущихъ въ самомъ дворцѣ чиновниковъ во время опасной ихъ болѣзни; етикетъ позволяетъ ему единственно освѣдомляться черезъ другихъ о состояніи недужнаго. Мертвое тѣло немедленно выносится изъ дворца по тому закону, что единственно трупы Королевской фамиліи имѣютъ право покоиться подъ кровомъ замка.. Во время собранія при Дворѣ никто не можетъ говорить съ Королемъ, пока Его Величество самъ неначнетъ рѣчи. Г-жа Сталь, не любившая принужденія, однажды дозволила себѣ заговорить съ Королемъ, начавъ тѣмъ, что поставленный недавно въ залѣ портретъ Его В-а написанъ очень удачно. Король тотчасъ сказалъ въ отвѣтъ, что живописецъ изобразилъ его *не довольно строгимъ*.

Книжное извѣстіе.

Бытіе сердца моего, или полное собраніе стихотвореній Князя Ивана Михайловича Долгорукаго, со множествомъ стиховъ, нигдѣ не напечатанныхъ и публикѣ неизвѣстныхъ, 4 Ч., въ коихъ содержаться будетъ болѣе 60 печатныхъ листовъ, или 1000 страницъ, въ 8 ю долю, новымъ шрифтомъ чисто отпечатанныя. *Первая* Часть содержитъ въ себѣ предметы высокіе, нравственные или печальные; во *второй* Части стихотворенія любовныя; въ *третіей* Части стихотворенія забавныя, пѣсни и всякіе мѣлкіе отрывки; въ четвертой — театръ: комедія *Дурыломъ, или выборъ въ Старшины*, въ 3 хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, комедія *Отчаяніе безъ печали, или такъ водится*, и опера *Любовное волшебство*. М. 1817 — 1818 г. въ Унив. Тип. Подписная цѣна за 4 Части на лучшей бумагѣ 25 руб., на простой 20 руб.; для охотниковъ имѣется небольшое число екземпляровъ на лучшей веленевой бумагѣ; цѣна 50 руб. *Три Части съ портретомъ Автора, съ гравированнымъ заглавнымъ листомъ и виньетомъ выдаются*; послѣдняя выдетъ въ непродолжительномъ времени. Иногородные могутъ получить сію книгу безъ платы за пересылку. По окончаніи подписки цѣна возвысится.

Подписка принимается *въ Москвѣ, у книгопродавца А. С. Ширяева* въ Университетской книжной лавкѣ, состоящей между Дмитровкою и Петровкою, на валу; *въ С. Петербургѣ у книгопродавца* В. *А. Плавильщикова* въ библіотекѣ для чтенія, у Синяго моста.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 11.

ІЮНЬ 1818.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Странная причина развода (*).

Во Франціи, при Лудовикѣ XV, Маркизъ Вьелірошъ двадцать лѣтъ жилъ съ супругою своею въ счастливомъ, но, къ сожалѣнію, бездѣтномъ союзѣ. На конецъ, въ одинъ вечеръ, начался между ними разговоръ, здѣсь предлагаемый отъ слова до слова:

Онъ. Какъ ты прекрасна, какъ мила, моя безцѣнная!

Она. Для меня довольно, если тебѣ кажусь такою.

Онъ. Не должны ли многіе завидовать намъ? Въ цѣлыя двадцать лѣтъ ничто не могло нарушить нашего спокойствія!

(*) Изъ новой книги (Galerie morale et politique), о которой писано было въ Вѣстникѣ Европы сего года. См. No 6, стран. 108 — 115.

Она. Ахъ! одно только.

Онъ. Понимаю, мы бездѣтны. Но тебѣ неболѣе тридцати осми лѣтъ; къ томужъ ты столько прелестна! мнѣ съ небольшимъ сорокъ: почему же еще неутѣшаться намъ сладкою надеждой!

Она. Безъ сомнѣнія; но, мнѣ кажется, имѣя *одно* только дитя, я мучилась бы всегдашнимъ опасеніемъ.

Онъ. Твоя правда. Очень легко можно лишиться одного дитяти. Но что скажешь, когда ихъ будетъ у насъ *трое?* когда *троихъ*, да еще сыновей, будемъ прижимать къ родительскому нашему сердцу? Имѣя двухъ только, можно одного лишиться; тогда безпрестанныя опасенія конечно сдѣлали бы жизнь несносною.

Она. Такъ, такъ, милой другъ мой, надобно троихъ; я съ тобою согласна. Но имѣемъ ли столько достатка, чтобы могли надѣлить всѣхъ приличнымъ образомъ.

Онъ. А какъ же! Суди сама: получая годоваго доходу 60,000 ливровъ. . .

Она. Хорошо; но положимъ, что каждой получитъ 10,000; тогда намъ останется только 30,000, а етаго для насъ мало. Къ томужъ 10,000 не есть еще такой зна-

чительной доходъ, съ которымъ было бы можно выбрать хорошую партію для нашего старшаго сына.

Онъ. Объ етомъ, радость моя, не безпокойся! Старшаго сына запишемъ въ военную службу, и на него-то употребимъ болѣе денегъ, чтобы поставить его на видной степени. Средняго постараюсь опредѣлить въ Дипломатическомъ департаментѣ: ето служба очень похвальная.

Она. Прекрасно! Ну, а младшаго куда? что съ нимъ сдѣлаешь?

Онъ. Онъ будетъ Мальтійскимъ кавалеромъ. Великій Магистръ мнѣ пріятель. Нашъ сынъ получитъ коммандорство, и не будетъ имѣть причины завидовать старшимъ своимъ братьямъ.

Она. Что? Мальтійскимъ кавалеромъ? Нѣтъ, любезный другъ! на ето я никакъ не согласна!

Онъ. Почемужъ нѣтъ, душа моя? что можешь ты сказать противъ етаго рыцарскаго ордена?

Она. Духовные кавалеры то же что свѣтское духовенство; ето амфибіи. Ихъ печальные обѣты!... Удовольствія жизни попо̀ламъ съ отравою! Награда въ распутствѣ!

Онъ. Етотъ знаменитый орденъ, напоминающій намъ о благочестіи, о мужествѣ нашихъ предковъ, посвященный на службу церкви и отечеству, многимъ знаменитѣйшимъ фамиліямъ не одинъ уже разъ открывалъ путь ко славѣ; а ты имъ гнушаешься! непонятное упрямство!

Она. Что? упрямство?

Онъ. Да, упрямство, пустое своеправіе.

Она. Какъ прекрасно, учтиво, благородно! Но оставимъ ето; у каждаго свой вкусъ. Только я не допущу вовѣки, чтобы младшій сынъ мой былъ Мальтійскимъ кавалеромъ, чтобы пожиналъ лавры на галерахъ!

Онъ. Еслибъ я былъ столько же упрямъ, какъ вы, сударыня, то могъ бы сказать вамъ: я отецъ его, я хозяинъ въ домѣ, я такъ хочу!

Она. То правда, что отецъ имѣетъ великія права надъ сыномъ; однакожъ и права матери не меньше. Вы глава семейства, вы мужъ мой, согласна; однакожъ, сударь, мы живемъ не въ Турціи.

Онъ. Боже мой! знаю, очень знаю, что живемъ во Франціи, въ такой землѣ, гдѣ многія странности весьма обыкновенны, и гдѣ мужья дозволяютъ управлять собою ми-

лымъ своимъ супругамъ. Етому такъ бы уже и быть; но за чѣмъ хотѣть нелѣпостей!

Она. Превосходно! Прежде я была упряма и своенравна, а теперь стала еще и охотница до нелѣпостей, между тѣмъ какъ весьма нетрудно было бы доказать, что во мнѣ болѣе разсудка во сто разъ нежели въ васъ, милостивой государь мой!

Онъ. Я очень былъ бы радъ слышать доказательства.

Она. Вы ихъ найдете въ той кротости, съ какою столько лѣтъ уже терплю прихоти, грубость и смѣшные поступки человѣка самаго несноснѣйшаго.

Онъ. Скажите лучше, сударыня, что немногіе мужья столько въ жизни своей пострадали, сколько я, и что съ желѣзнымъ только терпѣніемъ смотрѣть можно на ваши несносныя кривлянья, на смѣшную важность и безчисленныя причуды.

Она. Напротивъ того всѣ удивляются, какъ я могу еще жить съ вами. Вы одни, сударь, вы сами прихотливы, упрямы, высокомѣрны, самолюбивы. Однимъ словомъ, если младшій сынъ мой будетъ Мальтійскимъ кавалеромъ. . . .

Онъ. Будетъ непремѣнно; я твердъ въ своемъ намѣреніи.

Она. О, такъ я разрываю союзъ, котораго не въ силахъ терпѣть болѣе.

Онъ. Тѣмъ лучше! слава Богу! и я хочу быть свободнымъ. Вы, сударыня, жеманны, тщеславны, вздорливы.

Она. Намъ остается развестись.

Онъ. Съ превеликою охотой! разведемся.

Такъ и случилось. Мужъ и жена, двадцать лѣтъ жившіе вмѣстѣ, почитавшіеся образцемъ супружескаго согласія, навсегда разлучились, потому что младшій изъ трехъ сыновъ, *которыхъ еще небыло на свѣтѣ*, противъ желанія матери, *которая еще не была матерью*, имѣлъ нѣкогда вступить въ Мальтійскій орденъ.

Сегюръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ II пѣсни поэмы: Искусства и науки.

Есть люди странные, привыкшіе злословить,
И доброму всему упорно прекословить,
Чтобъ мыслей развернуть особый образъ свой
И краснорѣчіемъ блеснуть передъ толпой!
Упрямый, черствый умъ, предупрежденны чувства
Показываютъ имъ Изящныя Искусства
Опасной роскошью, которой тонкій ядъ
Имѣетъ слѣдствіемъ изнѣженность, развратъ,
Или презрѣнною для мудреца бездѣлкой;
Но почитая ихъ души удѣломъ мѣлкой,
Забавой праздности и дѣтскою игрой,
Глупцы сражаются съ Природою самой.
Позолотили жизнь Изящныя Искусства,
Образовали умъ, возвысили въ насъ чувства;
Безъ нихъ вселенная казалася пуста,
И дикій человѣкъ былъ жалкій сирота.
Тащилось для него стопой тяжелой время;
Онъ живо чувствовалъ безчувственности бремя,
И праздность сонъ души, и скуку ядъ сердецъ.

Но звуки лирныхъ струнъ, но голосъ, кисть, рѣзецъ,
Сорвали черное съ Природы покрывало,
И время по цвѣтамъ для смертныхъ побѣжало.
Любовь къ изящному, любовь къ добру, она
Намъ въ утѣшители, въ вожатые дана.
Чѣмъ услаждаетъ грусть пастухъ въ день лѣтній съ стадомъ?
Садовникъ въ дождь и зной трудясь надъ виноградомъ?
Оратай, наклонясь на искривленный плугъ,
Иль въ жатву хороводъ веселыхъ ихъ подругъ?
Чѣмъ коротаетъ день пловецъ на дальнемъ морѣ?
Чѣмъ съ молотомъ кузнецъ разсѣеваетъ горе?
Чѣмъ облегчаетъ трудъ прохожій на пескахъ,
И жалкій труженикъ въ Сибирскихъ рудникахъ?
Поютъ! — забыта грусть — и время пролетаетъ,
То не бездѣлица, что друга замѣняетъ,
Что облегчаетъ трудъ, страданія цѣлитъ,
На бѣдность льетъ елей и съ жизнію миритъ.
Златыми гуслями Давидъ цѣлитъ Саула,
И ярость дикая подъ звономъ струнъ заснула;
Онъ улыбается, не ненавидитъ: вновь
Въ Сауловой душѣ и благость и любовь.
Отъ гласа трубъ стѣна распалась Іерихона;
Піитъ при звукѣ лиръ Спартанскія знамена
Опять съ измѣнницей - побѣдой обручилъ.

Когда же Тимоѳей дремавшія будилъ
Перстами легкими волшебной лиры струны,
Всесокрушающи въ сердца бросалъ перуны,
Разнѣживалъ, томилъ, мертвилъ и оживлялъ;
То сладострастіе, то гордость возбуждалъ,
То жалость, то любовь, то месть и жажду боя:
Онъ съ лирою въ рукѣ былъ Царь Царя-Героя,
У ногъ котораго лежалъ въ оковахъ міръ.
Могущество меча молчитъ предъ звукомъ лиръ!
Но что за сладкіе мой слухъ ласкаютъ тоны?
Громъ бубновъ, вздохи флейтъ, трескъ трубъ, валторна стоны,
И скрыпки порознь струнъ, иль вмѣстѣ, разговоръ:
Хаосъ и стройность вдругъ, согласіе, раздоръ!
Какъ страстной горлицы съ подругой воркованье,
Какъ будто бы листовъ съ зефирами шатанье,
Какъ будто бы ручья съ ручьемъ веселый споръ...
И вдругъ . . . какъ будто вихрь, свистя качаетъ боръ,
Какъ будто въ гнѣвѣ Зевсъ за громомъ громы мещетъ,
И взрытый океанъ бореями хлебещетъ.
Любовь и ненависть, палящій огнь и хладъ,
Отверзты небеса, разинутъ черный адъ. . .
Благоговѣніе и ужасъ потаенной,

Восторги, смерть и жизнь въ душѣ попере-
мѣнно:
Такъ сладкій поцѣлуй щекочетъ нѣжно слухъ;
Такъ лобызаніе томитъ въ восторгахъ духъ;
Такъ сердцу сладостно за милыхъ намъ страданье!
Такъ сладко праведныхъ съ землею разставанье!
О Гайденъ! о Моцартъ! о славная чета!
Вы честь Германіи, вы міра красота!

Забудуль зодчество? Забуду ли ваянье?
Въ Петрополѣ, что шагъ — то памятникъ, иль зданье,
Которыя душѣ и взору говорятъ,
И пышный градъ Петровъ соперникомъ творятъ
Блистательныхъ Аѳинъ и Рима, царствъ владыки.
Смотри, вотъ памятникъ Суворова великій!
Отъ рабства Рускіе спасать готовясь міръ,
Хватались за мечи, встрѣчая сей кумиръ;
Сюда точить штыки трехгранные ходили,
И какъ Румянцова орелъ душой парили,
На гордый обелискъ Кагульскаго смотря:
Здѣсь умереть они клялися за Царя!
Смотри, надъ мшистою гранитною скалою
Чесмесскій памятникъ (*) подъемлется главою;
Къ его подножію ласкается волна,

(*) Въ Царскомъ селѣ.

Проглядываетъ внизъ блѣднѣючи луна
На цѣпи, на перунъ въ когтяхъ Орла младова;
Стамбулъ еще дрожитъ при имени Орлова!
Дивись симъ вереямъ чугуннымъ и вратамъ (*);
Они свидѣтели грядущимъ племенамъ
Кто были Александръ, Россіяне, Кутузовъ;
Увѣковѣченъ здѣсь позорный бѣгъ Французовъ,
Бородино, и Кульмъ, и Лейпцигъ, и Бріенъ,
Гдѣ вождь ихъ молніей Россійской пораженъ.
Въ великомъ подражать Римлянамъ Россовъ доля.
По берегу Невы, по стогнамъ Петрополя
Идетъ шатаяся гранитная гора —
И пала подъ стопы великаго Петра (**).
Москва, дочь старшая Россіи! Кремль священный,
Съ стѣной растреснутой, громами опаленной,
Твой лучшій памятникъ! Но Царь къ тебѣ воззрѣлъ,
И жертву чистую прославить восхотѣлъ:
На стогнѣ ожили въ мѣди по волѣ Царской
Твои спасители и Мининъ и Пожарской.
Храмъ Богу заложенъ, гдѣ смѣлость съ простотой,
Огромность съ прелестью и пышность съ красотой;

(*) Воздвигаемыя въ Царскомъ селѣ.
(**) Славный стихъ Рубана.

Въ частяхъ согласіе и въ цѣломъ соразмѣрность,
Въ которомъ не страшитъ, плѣняетъ насъ безмѣрность,
Предъ коимъ высота поникнетъ Пирамидъ.
Объ храмѣ Римскомъ свѣтъ, зря Русской, замолчитъ,
И въ славѣ, призванный, сойдетъ сюда Спаситель:
Здѣсь Бога хрістіанъ достойная обитель!

Вотъ Русскихъ рядъ картинъ: смотри, благоговѣй!
Вотъ образы гражданъ, вельможей и Царей
Давно сошедшихъ въ гробъ, но славой незабвенныхъ,
И животворною намъ кистью воскрешенныхъ!
Вотъ мудрый Гостомыслъ, поверженный на одръ
Болѣзнью смертною, изнеможенъ, но бодръ;
Предъ нимъ старѣйшины, народное собранье —
И онъ спокойно имъ вручаетъ завѣщанье.
Вотъ Олегъ, на челнахъ преплывшій глубь морей;
Выходитъ на берегъ съ дружиною своей —
И прибиваетъ щитъ къ воротамъ Царяграда.
Вотъ Святославъ въ тотъ мигъ, когда враговъ засада
Его грядущаго безпечно надъ Днѣпромъ
Съ немногочисленнымъ богатырей полкомъ,
Подмѣтивъ, облегла полковъ несмѣтныхъ тучей,
И онъ, мечь - кладенецъ тряся рукой могучей,

Вскричалъ, разрывный лукъ и стрѣлы сбросивъ
съ плечъ:
„Для мертвыхъ срама нѣтъ! Намъ путь проложитъ мечь!
Иль въ чистомъ полѣ семъ полягутъ наши
кости!“
Вотъ въ свѣтлой гридницѣ Князья, бояре, гости,
И въ золотомъ вѣнцѣ Владиміръ-солнце самъ,
Велитъ бесѣдовать изъ дальнихъ странъ по-
сламъ,
Внимаетъ жадно ихъ объ вѣрѣ состязанье,
И, знакъ побѣды, крестъ — на высотѣ въ сіяньѣ.
Вотъ грозный Іоаннъ, вступающій въ Казань,
Сумбекѣ-плѣнницѣ простеръ могущу длань,
Съ улыбкой милости съ колѣнъ ее подъемлетъ,
И Ангеловъ горѣ хвалу поющихъ внемлетъ,
Хвалу Подателю и міра и побѣдъ.
Вотъ Кремль, отверзтый храмъ: вотъ Мининъ,
Филаретъ;
Несшедшій съ высоты своей на тронъ Пожар-
ской!
И вотъ въ обрызганной порфирѣ кровью Царской
Младый, но вѣрою могущій Михаилъ;
Въ немъ, въ немъ надежду Богъ Россіи сохранилъ!
Вотъ море, неба сводъ усыпанный звѣздами!
Все спитъ; одна ладья мелькаетъ межъ волнами,
И веселъ слышится однообразный шумъ;
И Минихъ на кормѣ, глубокихъ полный думъ,
Въ воображеньи зритъ минувшаго картину:

Свою блестящую и черную годину —
Когда, могущій вождь, по прихоти своей,
Онъ былъ защитникомъ, былъ недругомъ Царей;
Мнитъ слышать славы плескъ, зрѣть лавры, колесницу,
Сибирь и ешафотъ и вновь возвратъ въ Столицу...
И вновь изгнаніе съ отеческихъ бреговъ
Съ Царемъ, которому какъ онъ — игра валовъ —
Одна сія ладья осталась отъ полсвѣта (*)!
Но отвратимъ свой взоръ отъ жалкаго предмета;
Отремъ слезу! Взгляни, побѣдный Россовъ строй
Поникнулъ лаврами увитою главой;
Кресты, Священники, олтарь на брегѣ Сены...
И побѣдитель - Царь колѣнопреклоненный
И осѣнилъ главу знаменъ дремучій лѣсъ....
И благодать летитъ съ безоблачныхъ небесъ!

Воейковъ.

1817 Декабря 6 дня.
С. Муратово.

(*) Читатели вспомнятъ вѣрность Миниха и спасительные совѣты, которые подавалъ сей знаменитый Военачальникъ Императору Петру III.

Къ ревнивицѣ.

Нестрашись, чтобы другая
Мнѣ милѣй тебя была,
Чтобъ красавица иная
Красотой моей слыла;

*

Чтобъ съ другой, а не съ тобою,
Не слыхалъ, какъ бьютъ часы;
Чтобъ иныя похвалою
Величалъ и пѣлъ красы;

*

Нестрашись, чтобъ неотступно
Сталъ я слѣдовать другой,
И при всѣхъ — тайкомъ — преступно
Нѣжно жать ее ногой;

*

Чтобъ остался по полночи
Не съ тобой наединѣ,
Не твои лобзая очи,
Не тебя бы зрѣлъ во снѣ;

*

Чтобъ невѣрною рукою
Я другую обнималъ,
И ласкаясь не съ тобою,
О тебѣ позабывалъ,

*

И отъ страсти умирая,
Головой склонясь на грудь,

Въ нѣгѣ съ ней ослабѣвая,
Я едва бы могъ вздохнуть! . . .

*

Иль къ прелестницѣ лукавой
Въ хитры сѣти я попалъ,
Ставъ притворщицѣ забавой,
Счетъ плѣненныхъ умножалъ;

*

Иль достигнувъ низкой меты —
Горделивой отомстить,
Преступилъ любви обѣты:
Вѣчно милой вѣрнымъ быть.

*

Нѣтъ, мой другъ, твой страхъ напрасенъ!
Мнѣ ль желать иныхъ побѣдъ?
Жребій мой тобою красенъ,
Жизнь свѣтла тобой, мой свѣтъ!

*

Чтожъ осталось во вселенной,
Чтожъ еще пошлетъ мнѣ Богъ?
Все обрѣлъ въ любви блаженной,
Пожелать чего лишь могъ.

Николай Сушковъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Замѣчанія на Опытъ о Русскомъ стихосложеніи г-на В., и нѣчто о Прозодіи древнихъ.

Статья II.

Кончивъ сравненіе прозодій, Сочинитель обозрѣваетъ стопосложеніе, въ нашу Поезію Ломоносовымъ введенное, и наконецъ всѣ размѣры изъ него истекшіе. Ета статья прекрасна и изложена съ хорошею системою. Но порядокъ обозрѣнія, со стопъ ямбическихъ справедливо начатый, какъ по давности ихъ существованія, такъ и по превосходству твореній, размѣромъ ихъ писанныхъ, напрасно Сочинитель пожелалъ еще оправдывать другою причиною; она, какъ мало имѣющая основанія, ввела его въ противорѣчіе. — „Вообще примѣтить можно," говоритъ Сочинитель (стр. 34) „что Русскій слухъ болѣе расположенъ, или болѣе привыкъ къ стопамъ восходящимъ . . . . въ коихъ долгій слогъ послѣдуетъ краткому." — Но выше сказалъ онъ (стр. 24) — что *ямбы* сдѣлались у насъ преимущественнымъ размѣромъ „не *потому*

чтобы таковой размѣрЪ былЪ вЪ РусскомЪ языкѣ удобнѣйшимЪ, а единственно потому, что онЪ такЪ употреблялся у ФранцузовЪ и НѣмцовЪ, — гдѣ ЛомоносовЪ ихЪ занялЪ." И такЪ, если нашЪ слухЪ былЪ до сихЪ порЪ *приученЪ* вЪ Поезіи кЪ стопамЪ восходящимЪ, ето не доказательство, что Русской слухЪ болѣе *расположенЪ* кЪ нимЪ: вЪ нашемЪ языкѣ на равное число ямбовЪ вѣрно найдется равное число дактилей, или словЪ начинающихся удареніемЪ: *радость, милость, небо, прелесть, благо, милый, нѣжный* и проч.

Но обратимся кЪ высшему. Обозрѣвая стопосложеніе, введенное ЛомоносовымЪ, Сочинитель между прочимЪ говоритЪ: „Спрашивается, за чѣмЪ ЛомоносовЪ не избралЪ для „Петріады своей, вмѣсто единообразнаго Александрійскаго, свободнѣйшій какой нибудь размѣрЪ, на пр. дактилохореическій, которой „онЪ самЪ хвалитЪ? Жалѣть можно," продолжаетЪ Сочинитель „что онЪ стѣснилЪ свободный ходЪ епопеи единообразнѣйшимЪ изЪ „всѣхЪ стиховЪ АлександрійскимЪ. — Но надобно сказать правду, *онЪ былЪ только „лирикЪ; епопея была не его дѣло.*" Ето, по мнѣнію Сочинителя, причины, по которымЪ ЛомоносовЪ не избралЪ екзаметра. Но обЪ нихЪ послѣ, — а теперь спрашивается: сожалѣніе, что ЛомоносовЪ не избралЪ екза-

метра, не странно ли въ устахъ Писателя, который утверждаетъ, что стихъ сей *всегда* останется несовершеннымъ подобіемъ Греческаго и Римскаго (стр. 53)? Въ етомъ сожаленіи не обнаруживается ли бореніе истины и предразсудка? Опытный слухъ и тонкое чувство, кажется, внушали нашему Поету мысль, что гармонія древняго стиха епическаго (говоря объ гармоніи размѣра, а не словъ, въ которой едва ли какой языкъ сравнится съ Греческимъ), что гармонія екзаметра не есть преимущество, данное Природою одному, или двумъ языкамъ человѣческимъ. — Но предубѣжденіе, кажется, побѣждало чувство истины. —

„Дальнѣйшій навыкъ стихотворцевъ на„шихъ" продолжаетъ Сочинитель „приведетъ „конечно новый сей размѣръ у насъ въ воз„можное совершенство." — И такъ по слабости опытовъ екзаметра, донынѣ существовавшихъ, думаютъ объ его несовершенствѣ? Но ето бы было заключеніе, a non esse ad non posse. Нѣтъ, за недостаткомъ, говорятъ, спондея Русской екзаметръ неможетъ быть совершеннымъ. — Но „если для слуха нашего чувствительна выразительность спондеевъ, сведенъ ли стихъ спондеической и хореической? и, если стихъ измѣряется *слухомъ*, а *не глазами*, то, не знаками долгихъ, но самыми звуками, доказана ли разница въ гармоніи

размѣра? Нѣтъ; говорятъ только, что мы не имѣемъ спондея. — Но чего мы не имѣемъ можемъ ли чувствовать потерю того?

On ne peut desirer ce qu'on ne connait pas. . . —

Мы не имѣемъ, кто бы етому повѣрилъ? не имѣемъ даже долгихъ и краткихъ слоговъ (стр. 96)! Однакожъ, какъ бы сами не довѣряя етому, прибавляютъ, что мы не имѣемъ долгихъ и краткихъ только въ *обыкновенномъ разговорѣ* (стр. 97) (Греки будто и разговаривали мѣрными слогами, т. е. долгими и краткими). Но въ чтеніи стиховъ, говорятъ, конечно и Русской языкъ воленъ давать словамъ протяженіе, какъ и всякой другой. (И конечно всѣ языки даютъ словамъ протяженіе, только въ произношеніи искусственномъ) Обыкновенноежъ произношеніе, прибавляютъ, или *слогоразмѣреніе* (хотя *слогоразмѣреніе* совсѣмъ не имѣетъ мѣста въ обыкновенномъ произношеніи), обыкновенное произношеніе въ языкѣ Русскомъ есть *тоническое*, а не *количественное*. (А у Грековъ будто и обыкновенное произношеніе было количественное? Еще повторимъ общее правило Грамматиковъ: In pronuntiatione non quantitatis, sed accentus, т. е. *τονος*, ratio habetur. — Ergo: обыкновенное произношеніе и у Грековъ было *тоническое*.)

Заблужденія людей безъ дарованій конечно не могутъ имѣть послѣдствій; но писа-

[ч]ель съ дарованіемъ всегда ихъ оставитъ. — [В]отъ отъ чего большая часть людей, какъ [у]ченики Пиѳагора, утверждаютъ мнѣнія свои [о]днимъ отвѣтомъ: *онъ сказалъ*. — Вотъ [о]тъ чего голосъ жителя Петербургскаго отзывается уже въ Казани: „Мы не можемъ идти во слѣдъ Грековъ и Римлянъ; у насъ въ „произношеніи замѣтно одно *повышеніе* голоса; слоги наши не долги и не кратки, но „только *высокіе* и *низкіе* (*).“ Какъ будто [у] Грековъ и Римлянъ удареніе производило надъ [с]ловами не то же дѣйствіе, было не тотъ [ж]е законъ Природы, опредѣляющій высокіе и [н]изкіе слоги (**). Етаго мало; тамъ уже говорятъ; „у насъ есть слова, въ которыхъ [с]лышно два ударенія;“ хотя ни въ какомъ [я]зыкѣ никто еще етаго не слыхивалъ (***).

Друзья истины! утѣшайтеся общимъ дѣломъ человѣчества! — Было время, когда

(*) Вѣстн. Евр. 1817 No 15 и 16.

(**) *Εστι τονος επιτασις η ανατασης συλλαβον ευφονιον εχουσα*. . . . Удареніе есть повышеніе и пониженіе голоса, благозвучіе составляющее. *Dionys. Thrax.* Accentus est certa lex ad elevandum et deprimendum syllabam. Удареніе есть извѣстный законъ для возвышенія и пониженія слога. Priscian. de accent. Lib. I.

(***) Unus accentus in integris dictionibus, in compositis vero unus similiter. Одно удареніе въ цѣльныхъ словахъ и одно въ сложныхъ. *Priscian.*

во всей Европѣ думали, когда люди, впрочемъ весьма ученые, писали (*), что ни одинъ изъ языковъ Европейскихъ не способенъ ни къ *какому метрическому* стихосложенію. И почему же? Поелику sillabae a plerisque etiam cultissimis Evropae gentibus raptim proferentur??? *Слоги большею частью просвѣщенныхъ народовъ Европейскихъ быстро произносятся* (**)?? А Греки и Римляне будто были птицы, и не говорили, а пѣли? *Въ обыкновенномъ разговорѣ или въ обыкновенномъ чтеніи* vox est continua, *голосъ непрерывенъ.* Festinat enim tunc vox non inhaerere in acutis et gravibus, sed quam *velocissime* verba percurrere (***). *Спѣшитъ тогда голосъ, не останавливаясь на острыхъ и тупыхъ удареніяхъ; но какъ можно быстрѣе пробѣгаетъ слова.* За то увѣряли, (таково могущество предубѣжденія!) что Испанцы и Италіянцы, поелику языкъ ихъ происходитъ отъ Латинскаго, одни имѣютъ въ немъ количество (****). А чтожъ языкъ Германскій, дѣйствительно одинъ между Европейскими имѣющій рѣшительную прозодію? въ немъ етаго и не подозрѣвали. — Вотъ единственное заключеніе, какое дѣлаетъ объ

(*) Is. Voss. de vir. Rhyth.
(**) Idem. p. 43.
(***) Boeth. de mus. c. XII.
(****) Is. Voss. p. 44.

немъ Іс. Воссій : Germanorum ut vasta sunt corpora, ita quoque vastus est sermo. Правда, что во время Іс. Воссія хотя существовала прозодія Опица, но ученый Батавецъ или не зналъ ее, или ей не вѣрилъ; ибо у Германцевъ въ ето время не было еще хорошихъ опытовъ стихотворства. Вскорѣ послѣ етаго ряды поетовъ цѣлый вѣкъ доказывали, что языкъ Нѣмецкій есть истинно прозодическій; но Нѣмцы не смѣли еще помыслить, чтобы Природа языку новому дала способы къ произведенію стиха героическаго, труднѣйшаго, но превосходнѣйшаго въ метрикѣ древней. Анапестическіе екзаметры Клейста были еще робкія попытки. Наконецъ когда Клопштокъ произнесъ, *что Греческое количество совсѣмъ не таково какъ мы его себѣ воображаемъ* (*); и въ доказательство издалъ на языкѣ Германскомъ звуки гармоніи риѳмической — вопли предразсудковъ возстали противъ Пѣвца Мессіи. — Тиранство суевѣрія въ мірѣ наукъ могущественно какъ и въ другомъ. *Сила предубѣжденія,* говоритъ Августинъ, *такова, что когда оно состарѣется, всегда, хотя бы происходило отъ ложнаго мнѣнія, будетъ враждовать съ истиною* (**). Извѣстно, чего стоило доказать намъ, что

(*) Der Messias, vom Deutschen Hexametr. pag. 9.
(**) De musica lib. IV.

наша планета, какъ и всѣ другія, подчинена одному и тому же закону Природы и обращается вокругъ солнца. — Клопштокъ въ свое время былъ названъ безумцомъ.

Ломоносовъ находился въ Германіи прежде сей епохи, и хотя проницательной умъ его предугадывалъ, что екзаметръ свойственъ прозодическому языку нашему; но, питомецъ школъ Германскихъ, онъ не могъ не заимствовать древняго ихъ предубѣжденія. Притомъ блистательные успѣхи стиховъ ямбическихъ были слишкомъ лестны отцу нашего стихотворства, чтобъ для епопеи, начатой имъ уже въ лѣтахъ преклонныхъ, обмѣнять стихъ, которымъ онъ овладѣлъ совершенно, на стихъ новой, требовавшій новыхъ соображеній, новыхъ правилъ, новаго труда, въ которомъ геній его восторжествовалъ бы безъ сомнѣнія; но съ предубѣжденнымъ о древнемъ екзаметрѣ понятіемъ, успѣхъ его въ языкѣ новомъ могъ ли казаться ему не сомнительнымъ? Сверхъ сего, Поетъ, Ораторъ, Физикъ, Металлургъ, Математикъ, Художникъ, сей великій человѣкъ могъ ли на всѣхъ путяхъ разума и воображенія оставить побѣды равно блистательныя?

Вотъ, кажется, причины, отклонившія Ломоносова отъ екзаметра. И такъ важнѣйшая изъ оныхъ, существовавшая для него.

есть та самая, которая существуетъ и для насъ (*), а именно: *количественная прозодія*, или мнѣніе, что природа языковъ древнихъ была совсѣмъ другая нежели природа языковъ новыхъ.

Мы видѣли выше, откуда истекло это мнѣніе. — Но уже Августинъ, разсуждая объ этомъ предметѣ и обнаруживая невѣдѣніе Грамматиковъ въ музыкѣ, на законахъ которой основана древняя метрика, говорилъ своему современнику: „Постыдна слабость, когда „для утвержденія истины ищутъ человѣче„скаго авторитета. Не должно быть ничего „превосходнѣе самаго разума и истины: она „сильнѣе всякаго человѣка . . . Въ измѣреніи „стиха не о *застарѣломъ человѣческомъ* „*мнѣніи*, но о *вѣчномъ порядкѣ вещей* „думать должно (**).

И такъ, пятьнадцать вѣковъ назадъ, люди, говоря о семъ предметѣ, разсуждали и сомнѣвались въ авторитетахъ; а для насъ не уже ли не прошли еще времена, когда авторитеты были сильнѣе разсудка? — Я отступлюсь отъ моихъ мнѣній, если въ по-

(*) Не говоря о другихъ причинахъ *екзаметрофобіи* нашего времени, не заслуживающихъ вниманія.

(**) De Musica Lib. IV.

слѣдствіи увижу ихъ неосновательность, я тѣмъ скорѣе, когда мнѣ покажутъ хотя мерцаніе истины; но до тѣхъ поръ стану думать съ Августиномъ, что *порядокъ вещей неизмѣненъ*. Такъ, языкъ Греческій есть совершеннѣйшій, какимъ люди когда-либо говорили. — Къ свободѣ словорасположенія, первѣйшему достоинству языковъ, къ прозодіи совершенно рѣшительной, къ многообъемности словъ, составляющей гармонію риѳма — языкъ сей присоединяетъ выгоду превосходную — свободу черпать слова въ четырехъ діалектахъ, которые, какъ бы четыре словаря для одного языка: гдѣ одинъ представляетъ болѣе строгости и важности, другой болѣе легкости и свободы; Еолической, отвергая аспираціи, болѣе сжатъ и слабъ звуками; Іонической, любимѣйшій Гомеромъ, превращая самыя двугласныя въ двузвучныя, исполненъ сладостной, удивительной гармоніи; гдѣ наконецъ одни и тѣ же слова, измѣняя только формы свои, даютъ Поэту всѣ способы сообразовать ихъ съ выгодою стиха, и такимъ образомъ каждой стихъ наполняютъ тою разнообразною гармоніею *звуковъ*, какой мы удивляемся въ Поезіи Гомера.

Но — удивляясь древности, позволимъ себѣ мыслить: *порядокъ вещей неизмѣненъ*; *Природа вездѣ подобна*. Идіомы языковъ

образованныхъ и притомъ коренныхъ, то же что физіономіи народовъ. Онѣ отличаются формами и ихъ знаменательностію: какъ лице, такъ и слово, у однихъ болѣе важно и выразительно, у другихъ болѣе нѣжно и пріятно; но что касается до ихъ основанія и существенности, кромѣ нѣкоторыхъ легкихъ оттѣнокъ, все подобно. — Какъ лице, такъ и слово у всѣхъ народовъ связываются, движутся, одушевляются тѣми же частями, выражаются тѣми же способами и законами. Слово есть внутренній человѣкъ. — Языки народовъ суть разныя нарѣчія одного языка Природы. Сія общая мать, нѣжнѣе къ однимъ нежели къ другимъ, всѣмъ однакожъ своимъ дѣтямъ, въ драгоцѣнномъ дарѣ слова, законъ его управляющій положила одинъ и всѣмъ общій. —

И такъ трудно думать, чтобъ древніе для своего стихосложенія нашли въ языкахъ своихъ начала совсѣмъ особенныя.

Однакожъ въ девятьнадцатомъ вѣкѣ мы думаемъ, что у Грековъ былъ языкъ, такъ сказать, особенной, чудесной! Но какимъ жалкимъ языкомъ намъ кажется нашъ собственной, и вмѣстѣ также языкомъ чудеснымъ: у насъ нѣтъ ни долгихъ, ни краткихъ, но за то есть слова съ двумя удареніями!

Заблужденія невинныя безвредны, хотя всегда недостойны словесности народовъ образованныхъ; но мнѣнія, которыя помрачаютъ истину и распространяя предразсудки, уничижаютъ языкъ отечественной, такія мнѣнія, кажется, вредятъ успѣхамъ словесности. Недостатокъ критики позволяетъ у насъ господствовать симъ мнѣніямъ: слѣдовательно предметы, о которыхъ слегка было говорено выше, могутъ обратиться въ вопросы, довольно важные для нашей словесности.

Что такое количество языковъ древнихъ? какъ оно входило въ основаніе ихъ прозодіи и въ сложеніе стиховъ и прозы? На етомъ ли единственно началѣ основана ихъ метрическая система?

Разсмотрѣніе сихъ вопросовъ, никакимъ еще свѣтомъ критики неозаренныхъ на горизонтѣ нашей словесности, тѣмъ болѣе полезно, что съ раскрытіемъ оныхъ должна объясниться какъ теорія екзаметра во всемъ ея пространствѣ (*), такъ и

(*) Его Пр. С. С. Уваровъ въ блистательномъ защищеніи своемъ древняго екзаметра (Бесѣд. кн. 17) прекрасно означилъ истинную его теорію, но въ одныхъ главнѣйшихъ ея чертахъ и опредѣленіяхъ. Въ тѣсныхъ предѣлахъ письма онъ излагалъ свои понятія какъ Философъ, смотря на одни главныя начала теоріи и свойства стиха. —

извѣстность, до какой мы степени можемъ подражать древнимъ въ стихѣ семъ, который безъ сомнѣнія долженъ расширить границы нашей Поэзіи; но въ опытахъ коего, какъ бы ни были блистательны успѣхи Жуковскаго и другихъ нашихъ литтераторовъ, вопли предразсудка долго еще будутъ смущать робкое дарованіе. — Однакожъ съ перваго взгляда представляется какъ обширность предмета сего, такъ и трудность его разсмотрѣнія. Трудность, поелику мнѣнія, которыя опровергать должно, основаны на силѣ предразсудковъ; а пространство, поелику для объясненія предложенныхъ вопросовъ нужно вникнуть въ природу древнихъ языковъ, чтобъ съ *законами ея* не смѣшивать *условій* искусства, и такимъ образомъ не впасть въ новыя заблужденія. Ибо что касается до *количества*, то извѣстно, что слова, отдѣльно взятыя, ничего неимѣютъ, кромѣ физическаго ихъ количества; только въ порядкѣ рѣчи, или въ произношеніи оно принимаетъ въ словахъ ощутительную выразительность. И такъ, что касается до *количества прозаическаго* въ Еллинизмѣ, тотчасъ видна невозможность опредѣлить его въ языкѣ, которой не находится въ устахъ народа. Что касается до количества *поэтическаго*, безъ сомнѣнія началъ его должно искать въ томъ, что дало законы са-

мой Поезій, т. е. въ музыкѣ. Слѣдовательно, объясняя симъ началомъ количество, для разсмотрѣнія вышесказанныхъ вопросовъ должно восходить къ началамъ искусства поетическаго древнихъ.

Трудъ сей выше моихъ силъ и познаній. Одна любовь къ истинѣ не всегда къ ней доводитъ. Но надежда, слабыми моими изысканіями открыть если не истину, по крайней мѣрѣ возбудить любопытство просвѣщеннѣйшихъ къ ней достигнуть, можетъ быть, подкрѣпитъ меня, когда обстоятельства не отымутъ нужныхъ къ тому способовъ.

Теперь я только остановлюсь надъ мнѣніями Сочинителя о Русскомъ Екзаметрѣ.

Статья III.

Г. В., одобряя введеніе екзаметра въ нашу Поезію и предлагая *нѣкоторыя замѣчанія о правилахъ* (стр. 55), по какимъ онъ долженъ слагаться на языкѣ Русскомъ, почтилъ своими замѣчаніями *первой* опытъ мой въ стихѣ семъ. Отзывы Поета, которой самъ испытывалъ екзаметръ, не могутъ быть мнѣ не лестны; но замѣчанія такъ о стихахъ моихъ, такъ и вообще о со-

ставѣ Русскаго екзаметра показались мнѣ неосновательными. За чѣмъ же, скажутъ, возражать на ето? Неосновательности каждой увидитъ. Совсѣмъ нѣтъ: въ составѣ стиха, котораго теорія намъ такъ мало извѣстна, каждой не можетъ быть судьею; но каждой изъ читателей приметъ мнѣніе писателя, справедливо уважаемаго. — По мнѣнію его я виноватъ: мое безмолвіе обвинило бы меня и передъ нимъ и передъ читателями; а передъ людьми, которыхъ почитаемъ, казаться виноватымъ непріятно. Вотъ почему рѣшился я оправдаться.

Нѣтъ ничего, что бы было вдругъ и ново и совершенно. Истина, сказанная за двѣ тысячи лѣтъ и, можетъ быть, слишкомъ важная для опыта въ стихахъ; не менѣе того, она оправдываетъ недостатки *перваго* опыта моего въ екзаметрахъ. Общее несовершенство ихъ, и весьма ощутительное, скоро я самъ почувствовалъ.

Цезуры екзаметра, или паденіе стиха сего двояко: паденіе въ арсѣ, т. е. окончательное повышеніе голоса на долгомъ слогѣ какой-либо стопы; и паденіе въ ѳезѣ, т. е. окончательное пониженіе голоса на короткомъ слогѣ какой-либо стопы. Такимъ образомъ цезуры въ арсѣ превосходнѣе цезуръ въ ѳезѣ. Первыя, посредствомъ паденія голоса - повы

щеннаго, разсѣченіе стиха дѣлаютъ ощутительнѣе и движенію его даютъ болѣе живости; но обѣ цезуры имѣютъ особенныя имъ свойства и красоты. Видовъ сихъ цезуръ простирается до 16.

Принявъ за образецъ екзаметры Гомера, которыхъ, какъ признано, не слагалъ никто лучше, въ *первомъ* опытѣ я послѣдовалъ и свободѣ его: не вездѣ наблюдать цезуры въ арсѣ. — Но Грекъ, соглашая стихъ съ музыкою, не требующею рѣшительныхъ паденіи голоса въ теченіи стиха, можетъ быть, не чувствовалъ особенной нужды въ постоянныхъ, рѣшительныхъ цезурахъ. Напротивъ Римляне, слагавшіе екзаметръ уже не для пѣнія, почувствовали, что фразы стиха не раздѣляемые рѣшительнымъ паденіемъ, менѣе приятны въ произношеніи; и Виргилій почти вездѣ уже наблюдалъ цезуры въ арсѣ. Кто испытывалъ на слухѣ гармонію екзаметра, тотъ вѣрно согласится, что для Русскаго цезуры сіи, по многимъ причинамъ, еще болѣе нужны. Въ отрывкахъ изъ Иліады, печатанныхъ въ *С. Отеч. и Вѣс. Ев.* менѣе ощутителенъ недостатокъ ихъ, составляющій несовершенство перваго опыта, который г. В. избралъ для своихъ примѣчаній. Но — можетъ быть по благосклонности своей — г. В. ничего не говоритъ объ етомъ недостаткѣ, а вотъ что онъ замѣчаетъ: (стр. 40) что въ первомъ

„моемъ опытѣ рѣдко употреблены другіе ви-
„ды екзаметра, кромѣ чистаго дактиля; что
„такіе стихи утомительнѣе Александрій-
„скихъ, и что если не пользоваться свобо-
„дою измѣненія стопъ въ екзаметрѣ, то
„лучше оставаться при старомъ Александрій-
„скомъ, который (по его выраженію) имѣетъ
„свои выгоды *большей* простоты и *мало-
„сложности.*"

Измѣненіе стопъ въ *первомъ* опытѣ, уважая незнакомство читателя съ стихомъ многоразмѣрнымъ, рѣже употреблялъ я нежели въ послѣдующихъ — это правда. Но я не позволилъ бы себѣ судить о *первомъ* опытѣ писателя, имѣя передъ глазами дальнѣйшіе труды его. Въ дальнѣйшихъ — измѣненія стопъ рѣшился я употреблять вообще менѣе, какъ бы желалъ того г. Востоковъ, по слѣдующимъ причинамъ:

Измѣненіе стопъ у Гомера, раскрывъ на удачу Иліаду, напр. пѣснь III, стихъ 10, 11, 12, 13, 14, 15, и проч. любопытные найдутъ такимъ образомъ: одного дактиля на спондея, рѣже двухъ, а трехъ такъ рѣдко, что въ раскрывшихся стихахъ не встрѣтятъ и примѣра. И такъ самъ Гомеръ измѣняетъ стопы не такъ часто какъ бы желалъ того г. В. — Впрочемъ, что Греки предпочитали дактиль всѣмъ другимъ сто-

памъ, что превосходнѣйшіе стихи у Гомера суть тѣ, которые состоятъ изъ чистыхъ дактилей, объ етомъ и говорить я почитаю излишнимъ. У Гомера въ пяти стихахъ всегда почти два чистыхъ дактилическихъ. Въ Русскихъ опытахъ, послѣдовавшихъ за *первымъ*, можно найти *почти тоже*.

Далѣе. Самъ г. В. говоритъ: „Правила „(стиха) не могутъ быть для всѣхъ языковъ „одинаковы, ибо стихосложеніе каждаго язы„ка сохраняетъ свои особенности даже и то„гда, какъ подражаетъ чужимъ размѣрамъ.“ — Истину сію и я имѣлъ въ виду при первыхъ еще опытахъ. — Грекъ, устроивая стихи свои для пѣнія, конечно имѣлъ болѣе нужды въ разнообразіи риѳма напѣвнаго, нежели мы, слагая ихъ для чтенія, которое не можетъ равняться даже *модуляціи* Римлянъ, или тому произношенію стиховъ, какое существовало у нихъ подъ названіемъ *carmen*. Древній *напѣвъ* стиха легко могъ уравновѣшивать мѣру спондея съ дактилемъ. Мы стихи читаемъ; и хотя можемъ декламаціею мѣру хорея уравновѣщивать съ дактилемъ, но въ чтеніи, чѣмъ оно ближе къ прозаическому (а такъ обыкновенно привыкли мы читать стихи, на подобіе Французскихъ, лишенныхъ риѳма или каданса), тѣмъ нужда въ протяженіи голоса, чтобъ уравновѣсить хорей съ дактилемъ, становится ощутитель-

ѣе и слѣдовательно скучнѣе, а особенно если измѣненія стопъ употреблены безъ всякой надобности, для одного, какъ думаютъ, разнообразія стиха.

Вотъ почему, какъ сказалъ г. В., *правила стиха не могутъ быть для всѣхъ языковъ одинаковы*, и вотъ почему Руской екзаметръ долженъ сохранить *свои особенности*, т. е. измѣнять стопы рѣже, какъ измѣняли ихъ древніе.

„*Но безъ перемѣны стопъ екзаметръ будетъ утомителенъ.*" Такъ, если ихъ совсѣмъ неизмѣнять даже и для особенныхъ дѣйствій; и если думать, что екзаметръ Греческой и Римской единственно перемѣною стопъ разнообразилъ свою гармонію. —

Нѣтъ, сущность стиховъ не ограничивается стопами и размѣромъ; а иначе екзаметръ и стихъ Александрійскій, читаемые по однимъ размѣрамъ, были бы одинаково скучны для слуха. Вся сила гармоніи зависитъ отъ образа чтенія стиховъ. Кто не видитъ въ стихахъ кромѣ спондеевъ и дактилей, не слушаетъ кромѣ долгихъ и краткихъ, тому стихи Гомера и Виргилія скоро покажутся утомительны; онъ непочувствуетъ въ нихъ ни красоты расположенія словъ, ни счастливаго ихъ соединенія между собою, отъ чего

наиболѣе истекаетъ волшебная гармонія ихъ риѳма и удивительное разнообразіе ихъ движенія Нѣмъ, теченіе стопъ совсѣмъ отлично для слуха обвыкшаго отъ естественнаго теченія словъ, какъ чувствовалъ и Клопштокъ. Вотъ почему онъ различаетъ стопы, установленныя правилами искусства, отъ *стопъ словъ*, какъ онъ называетъ, т. е. отъ *порядковъ стиха*, дѣлаемыхъ цезурами, которыя, раздѣляя стихъ на 2, на 3 и на 4 порядка, придаютъ его теченію особенную силу и пріятность, какъ въ семъ стихѣ Клопштока:

Schreklich erscholl | der geflügelte|Donnergesang|
in der Heerschaar. —

„Ошибаются" говоритъ ученый Германъ(*), „которые думаютъ, что въ героическомъ стихѣ три, а наиболѣе четыре, цезуры." Такимъ образомъ гармонія сего стиха разнообразится *цезурами*, которыхъ простирается до 16, *порядками*, вмѣщающими въ себѣ двѣ, три и четыре стопы, и наконецъ *періодами*, заключающими стихъ, полтора, два и болѣе (**). — Вотъ что даетъ екзаметру превосходство передъ стихомъ Александрійскимъ, а не одно измѣненіе дактиля на спондея.

(*) De Metr. Poet. Gr. et Rom. p. 276

(**) Все это можно бы пояснить примѣрами; но здѣсь не излагается теорія екзаметра.

Что касается до тѣхъ выгодъ стиха Александрійскаго предъ екзаметромъ, которыя, по мнѣнію г. В, состоятъ въ его *простотѣ* и *малосложности*, то едва ли можно признать ихъ выгодами. Стихъ Александрійскій имѣетъ свои великія достоинства; но въ области Поэзіи положеніе Механики, что *простѣе*, то *выгоднѣе*, едва ли допустить можно. —

Правила екзаметра конечно многосложнѣе и труднѣе; сохраненіе сихъ правилъ, какъ Дюбосъ говоритъ, составляетъ, такъ сказать, половину труда въ сложеніи стиха. Но красоты, истекающія изъ соблюденія правилъ екзаметра, менѣе или болѣе красотъ, истекающихъ изъ соблюденія правилъ Александрійскаго? Вотъ, кажется, по какимъ слѣдствіямъ измѣряются выгоды въ области искусства.

Малосложность стиха Александрійскаго также не можетъ быть выгодна стиху епическому, посвященному для предметовъ возвышенныхъ. — Три условія, по мнѣнію ученыхъ критиковъ, составляютъ достоинство стиха епическаго: *пространство дѣлимость* и ему свойственный *ритмъ*. *Гармонія*, *разнообразіе* и *важность* истекаютъ изъ сихъ трехъ условіи. Пространство какъ въ екзаметрѣ, такъ и въ Александрійскомъ стихѣ равно соразмѣрено съ ду-

хомъ и голосомъ человѣческимъ. Но чѣмъ болѣе въ етомъ пространствѣ содержится сущности слова и его движенія, тѣмъ безъ сомнѣнія стихъ превосходнѣе. А можетъ ли стихъ, состоящій изъ 12 слоговъ, заключать ихъ болѣе, нежели состоящій изъ 17? Я уже не говорю о дѣлимости и рифмѣ, двухъ послѣднихъ условіяхъ стиха епическаго; превосходство ихъ въ екзаметрѣ до очевидности ясно.

Обратимся къ дальнѣйшимъ примѣчаніямъ Сочинителя.

Въ сложеніи стиховъ, которые должно начинать союзами *и*, *но*, *чтобъ*, *да* и проч., представляется неудобство. Союзы ети кратки, и по общей природѣ всѣхъ языковъ, также и долги:

И̅ слŏва еще звучали,
И̅ зефиры гласъ примчали.

Жуковск.

Не смотря на ето, союзы въ стопѣ дактилической —

И̅ знăмĕнитый въ бояхъ —
Чтŏбъ Агăмемнонъ восталъ —

кажутся для слуха очень неприятными. Причина простая. Количество одногласныхъ словъ, а особенно союза *и*, тупаго по своему звуку, очень маловременно или малозвучно; голосъ не находитъ въ немъ доволь-

но вещества, чтобъ на него опереться. Слѣдовательно въ стопѣ, какъ дактиль, гдѣ голосъ на немъ именно долженъ повыситься, оно, передъ двумя слогами краткими, которые то же, что одинъ долгой — не можетъ уравновѣсить голоса и дѣлается въ произношеніи слабымъ, неприятнымъ. Но эти же самые союзы: *и*, *чтобъ*, *да*, въ сложной стопѣ хорея:

И Атрйдъ, и въ бояхъ, менѣе страждутъ;

ибо одинъ слогъ краткой за ними слѣдующій болѣе уравновѣшиваетъ голосъ. Вотъ почему стихи, которые должно начинать союзами напр.

И знаменитый въ бояхъ.

Чтобъ Агамемнонъ возсталъ.

приятнѣе начинать хореемъ. —

И въ бо|яхъ знаменитый,

Чтобъ воз|сталъ Агамемнонъ. —

Напротивъ того, союзъ *но*, если рѣчь совершенно отрицательная, не кажется въ началѣ стиха неприятнымъ: голосъ, начиная стихъ, можетъ сильно опереться на звукъ сего слова, ибо оно имѣетъ болѣе сущности для звука, нежели *и*; вотъ почему стихи съ союза *но*, если оно отрицательно, можно начинать дактилемъ.

„Но не только меня сокрушаетъ судьба Иліона.

Г. В., приводя стихи,

„И Прїамъ и народъ знаменитаго въ браняхъ Прїама

„Но не толико меня сокрушаетъ судьба Иліона.

полагаетъ, что первый изъ нихъ начинается пиррихіемъ, а второй трибрахіемъ, т. е. и *Пріамъ*; *но не т лико*. Употребленіе послѣдняго, вмѣсто дактиля, онъ одобряетъ. Но замѣтимъ мимоходомъ, что *настоящимъ* трибрахіямъ напр. *злуб ватый*, екзаметры начинать не позволительно. — Что касается до употребленія пиррихія (которой также хорошими поэтами не употреблялся въ первой стопѣ екзаметра) „въ такомъ случаѣ" говоритъ г. В. „нужно придавать ему *условную* долготу, и превращать оной въ хорея."

Какъ? Союзъ *И*, которой и по натурѣ своей можетъ быть долгимъ, по мнѣнію г. В. всегда краткой? Но онъ самъ употреблялъ его какъ долгой?

И Парнасскихъ не рвешь цвѣтовъ.
И нетщетно въ груди питать. (*)

Написавъ ети стихи, самъ же г. В. означилъ и размѣръ ихъ такимъ образомъ:

— ◡ | — ◡ ◡ и проч. —

(*) Опыт. Лир. Ч 2, стр. 11.

Слѣдовательно, если *и* можетъ быть долгимъ и по натурѣ, то за чѣмъ еще придавать ему долготу *условную?* „Иначе" продолжаетъ г. В. „не будешь выдержанъ „дактилохореическій размѣръ, а выйдешь ана„пестическій."

Положимъ. Но развѣ сочинитель думаетъ, что анапестическій риѳмъ противуметренъ дактилическому? М. Теренціанъ, М. Викторинъ, С. Августинъ, и многіе изъ древнихъ, а изъ новѣйшихъ Сачіи, Скопа и Германъ не такъ думаютъ: Dactylus, anapestus et spondeus non solum aequalium temporum sunt, sed etiam percutiuntur aequaliter. Itaque hi sibi miscentur(*) *Дактиль анапестъ и спондей не только равныя времена, но и паденія равныя имѣютъ; такимъ образомъ они между собою смѣшиваются.* Довольно изъ множества свидѣтельствъ одного такого мужа, какъ Августинъ, свидѣтельствъ, что

(*) S. *August.* de mus. lib I'. Выписываю еще одно мнѣніе Августина, которое также должно показаться не менѣе любопытно: „Послѣ дактиля если слѣдуетъ трохей." говоритъ онъ „и если недостающее время въ послѣднемъ его краткомъ слогѣ дополнится молчаніемъ, то слухъ принимаетъ его за долгой. — И ничего" продолжаетъ онъ „какъ видимъ изъ примѣровъ, не убудеть, если послѣ дактиля *трохеи или спондей* помѣстится. Nihil intererit, utrum post dactylum *trocheus* an *spondeus* jacetur. De mus. lib. IV.

въ екзаметрѣ анапесты весьма приятно сочетаются съ дактилями. Какъ и отъ чего ето дѣлается, можно объяснить теорiею; но пространство, котораго она требуетъ, не имѣетъ здѣсь мѣста. Скажемъ только словами Августина: *не мы первые ето выдумали; но усмотрѣно гораздо прежде* (*), и заключимъ коротко: стихи Русскiе, какъ Греческiе, которые начинаются сложнымъ хореемъ, всѣ, не уничтожая (**) формы екзаметра, могутъ быть обращены въ анапестическiе.

Oι δ'αρ ισα ϑιγη μενεα πνεοντες Αχαιοι.

Частица *οι* можетъ быть и краткою и долгою; слѣдовательно можно читать:

Oι δ'αρ ισαν ϑιγη. . . какъ и Русскiе:

„Тутъ есть добрые люди, помогутъ тебѣ разгуляться,

Можно читать:

„Тутъ есть добрые люди. —

Жуковск.

Но къ чему я привожу ети примѣры изъ другихъ, когда примѣры г. В. оправдать меня могутъ. Вотъ собственные его екзаметры:

„И изъ урны къ себѣ вызывай Козловскаго Генiй. —

(*) S. *Aug*. de mus. lib. IV.

(**) *Herm*. pag. 265.

Стихъ сей въ чтеніи также можно обратить въ анапестическій, и онъ будетъ приятнѣе (*). Вотъ еще стихъ его же:

„Предо мной обнажаются робкія дѣвы купаясь и пр.

„Между шутокъ и игръ не увидишь, и проч:

Но перваго изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ нельзя принять иначе какъ за анапестической: ибо слову *предо* нельзя дать долготы, даже *и условной*. — Однакожъ Поетъ не поколебался начать ети стихи хореемъ. — Слѣдовательно г. В. самъ чувствовалъ, что союзъ *и*, какъ и вообще всѣ односложныя частицы, въ стопѣ дактилической неприятны;

(*) Замѣтимъ для читателей, что стихи, начинающіеся хореемъ, въ самомъ дѣлѣ приятнѣе въ чтеніи съ риѳмомъ анапестическимъ:

Какъ звѣзда | вредоносная, въ полночь изъ тучь появившись,
То на небѣ | блеститъ, то за темныя тучи заходитъ.

Впрочемъ, теченіе подобнаго стиха тотчасъ превратится въ дактилическое, если въ срединѣ его какая - либо стопа дактиля измѣняется на хорея:

Но Атридъ какъ звѣрь между толпищъ свирѣпый носился. —

И вотъ средство избѣгать риѳма анапестическаго тому, кто воображаетъ, что онъ противенъ размѣру екзаметра. —

и чтобъ избѣжать етаго, избралъ средство, которое въ моемъ опытѣ осуждаетъ!

Далѣе:

„Шлемъ пробило насквозь, и чело, и вглубь кости проникло
„Мѣдное жало; и вѣчная тьма его очи покрыла.“ —

Г. В. осуждаетъ, что здѣсь слова *глубь, его* лишены ударенiй, и заключаетъ, что *при ексаметрѣ болѣе нежели при какомъ другомъ размѣрѣ, важно вѣрное наблюденiе ударенiй.*

Безъ сомнѣнiя, а особенно надъ словами, гдѣ по силѣ ривма нужно ударенiе; ибо ударенiе ривмическое и грамматическое, двѣ вещи разныя. Изъяснимъ ето собственнымъ мнѣнiемъ г-на В. —

Сказавъ, что слова отдѣльно произносимыя всѣ сохраняютъ свое ударенiе, т. е. грамматическое, онъ продолжаетъ: „Но когда слова занимаютъ мѣсто въ перiодѣ или стихѣ, „то нерѣдко, по связи мыслей ими изображаемыхъ, сливаясь однѣ съ другими, *теряютъ* онѣ, либо усиливаютъ свое ударенiе „на счетъ близстоящихъ.

Пойдёшь ли ты со̆ мно̆ю? . . .
Со̆ мно̆ю ли ты пойдёшь? . . .

И такъ, по мнѣнiю г. Востокова, однѣ и тѣ же слова, судя по ихъ отношенiю, могутъ

имѣть и не имѣть ударенія, на примѣръ: еслибъ мѣстоименіе *его* во фразѣ прозы или стиховъ было въ такомъ отношеніи: *Смерти его я хочу, а не смерти Атрида;* или: *копье пронзивъ черепъ, проникнуло вглубь;* тогда слова сіи, имѣя опредѣлительную значительность, требовали бы непремѣнно и по грамматическому и по риѳмическому теченію упора на нихъ голоса и слѣдовательно ударенія. Но когда слова сіи, какъ въ стихахъ приведенныхъ, совершенно незначительны по своему отношенію, а служатъ единственно для связи рѣчи, и слѣдовательно не останавливаютъ на себѣ никакого вниманія; тогда они сами собой теряютъ удареніе, какъ и въ слѣдующихъ стихахъ г. Жуковскаго, изъ числа многихъ имъ подобныхъ:

„Въ вихряхъ и буряхъ хочу отвѣчать тебѣ,
„Иль на челѣ твоемъ мало. . . .
„Вѣчность! почто родила ты сей день?
почто онъ былъ ясенъ? . . .“

Такому образу мыслей, и весьма справедливому, г. В. слѣдуетъ въ Опытѣ (стр. 99); этаго мало: такой образъ мыслей онъ самъ приводитъ въ дѣйствіе:

Пей селянинъ мою воду;
На! подлей къ твоей урнѣ (*) и пр. и пр.

(*) Лир. опыты Ч. 2я, стр. 43.

Ето его екзаметры. И такЪ вЪ обоихЪ случаяхЪ г. В. меня осуждая, самЪ оправдываетЪ и *словомЪ и дѣломЪ* (*).

(*) Въ етомъ еще сильнѣе можно оправдываться древними стихотворцами; они вольность сію простерли гораздо далѣе. Не только, какъ мы, нарѣчія или мѣстоименія, но существительныя имена и глаголы они для стиха лишаютъ ударенія.

Ταμον ἔξοχον ἀλλων. Homer.

At tŭbă terribili sonitu prŏcŭl. *Virg.*

Sed fŭgit interea fŭgit. *Horat.*

Мнѣ скажутъ, что не стихотворцы лишили ударений слова сіи, но количественная прозодія ихъ языка, и будутъ доказывать *положеніемЪ*, *исключеніемЪ* или какимъ-либо изъ правилъ, сдѣланныхъ Грамматиками. Ихъ мы давно слышимъ; но также очень давно извѣстно, *что природа вЪ каждое слово положила острое удареніе.* Ipsa natura in *omni verbo* posuit acutum vocem. Cicer. Слѣдовательно правила стихотворцевъ не могутъ обойтись безъ условія.

Конечно мы не можемъ предлагать обществу такихъ условій, какъ предлагали древніе во времена, когда обычай, въ отношеніи къ языку, не былъ еще деспотомъ; но можемъ однакожъ пользоваться свободою, основанною на законахъ Природы и благоразумія. И жестоко было бы стѣснять оковы, которыми люди добровольно себя обременяютъ, чтобы доставить намъ удовольствіе.

На конецъ г. В. свои примѣчанія о составѣ екзаметра заключаетъ сужденіемъ: *какую стопу для разнообразія Русскаго стиха должно предпочтительно употреблять, хорей, или дактиль?* И излагая, какую Римляне и Нѣмцы болѣе употребляли, *Нѣмцы*, говоритъ онъ, *стараются въ своемъ екзаметрѣ дѣлать спондей господствующею стопою.* Во первыхъ, какая намъ нужда до Римлянъ и Нѣмцовъ въ такомъ дѣлѣ, гдѣ собственное ухо должно быть судьею? Правила, по словамъ Сочинителя, не могутъ быть для всѣхъ языковъ одинаковы. Во вторыхъ: Отецъ Нѣмецкаго екзаметра, Клопштокъ, вотъ какими словами начинаетъ свое разсужденіе объ екзаметрѣ; *Правило нашего екзаметра, чаще употреблять дактиль нежели хорей (*).*

Но г. В. продолжаетъ: „Латинскій языкъ „изобильнѣе спондеями, нежели дактилями; „языкъ нашъ и тою и другою стопою (т. е. „хореемъ и дактилемъ) равно обиленъ, и по„тому мы неимѣемъ причины, подобно Рим„лянамъ, почитать за достоинство въ екза„метрѣ, когда въ немъ болѣе дактилей.“ Но Римляне употребляли чаще дактиль, кажется, не потому только, что онъ былъ рѣдокъ у

(*) Die Regel unsers Hexameters, ist den dactylus ofter, als dies trocheus. *Der Mess. Tom. III.*

вихѣ, но потому, что мѣры *спондея* insuaves, rudes, sine artificio (*), потому что сами Римляне стихи, въ коихъ болѣе спондеевъ нежели дактилей, почитали *нестройными, незвучными:* (**) Eos, qui plures spondeos, quam dactylos, habent, quasi minus bonos, et sine dactylo parum tereles et sonoros. . . .

„Стопа сія (дактиль) дѣлаетъ екзаметръ „скачущимъ и мало соотвѣтственнымъ важ„ному разсказу епопеи. . . Хорею должно да„вать преимущество; повтореніе хореевъ „менѣе утомительно для слуха. . ." Въ слѣдствіе такихъ замѣчаній г. В., осуждая употребленный въ первомъ опытѣ моемъ главный размѣръ стиха 5 дактилей и 1 го хорея, совѣтуетъ приличнѣе постановить *главнымъ размѣромъ екзаметра* 5 хореевъ при 1 мъ дактилѣ. *Напр.*

Вȏлны мȏря встȃвшй съ рēвȏмъ хлȏщутся въ берегъ.

Симъ оканчиваются его замѣчанія. — Но здѣсь начинается мое удивленіе! Почему хорей важнѣе и спокойнѣе дактиля? Въ противность общему правилу — Metrum Heroicum dactylicus est, in sexta repetitione Tro-

(*) *Scalig.* poet. Lib. II.
(**) *At. Fortunat.* Gram.

cheum habens (*). *Σεμνος και λεκτικος και αρμονιας δεομενος.* (**) т. е. „Героической „размѣръ есть *дактилической*, въ шестой „стопѣ трохея имѣющій, важный, для рѣчи (произношенія) способный, исполненный гар-„моніи;“ въ противность такому мнѣнію древнихъ и новыхъ лучшихъ критиковъ г. В., въ опору своего новаго мнѣнія, не извлекъ ли чего-либо изъ природы языка нашего и стопъ? Разсмотримъ ихъ.

Дактиль стопа изъ трехъ мѣръ (временъ); хорей изъ двухъ. Не говоря уже о превосходствѣ какъ въ Поезіи, такъ и въ музыкѣ такта трехмѣрнаго надъ двумѣрнымъ, о превосходствѣ, извѣстномъ всѣмъ знакомымъ съ теоріею сихъ искусствъ, сравнимъ только двѣ стопы, отдѣльно взятыя, и что увидимъ? Стопа изъ трехъ тактовъ, или временъ, гораздо чувствительнѣе для слуха нежели изъ двухъ; время долгое имѣетъ въ двухъ краткихъ другое, себѣ же подобное. Дактиль стремится быстро, но падаетъ *равномѣрно*. Напротивъ хорей стремится также быстро, но во второй половинѣ, не имѣя *равномѣрности*, тотчасъ слабѣетъ; сильнѣйшій возвышеніемъ чѣмъ пониженіемъ

(*) *Herman.* p. 40.

(**) *Aristot.* Rhetor. Lib. III.

голоса, короче въ одной половинѣ чѣмъ въ другой, онъ, такъ сказать, хромаетъ. — Дактиль, повышеніемъ и пониженіемъ голоса равномѣрный, течетъ ровнѣе, протяжнѣе и слѣдовательно важнѣе. — Ето чувствительно для слуха каждаго:

Гŏспŏ|дй ктŏ| ŏбй|таётъ.

Гŏспŏдй| ктŏ ŏбй|таётъ. —

Вотъ почему Аристотель стопу хорея называлъ *плясовою*, *κορδακικωτερος*, а Цицеронъ вмѣсто хорея часто говоритъ: cordax; вотъ почему не думаю *и я*, чтобы етой стопѣ, которой скачущее, *веселое* теченіе уравниваетъ только важный дактиль, можно въ стихѣ епическомъ дать преимущество. Чтожъ касается до того, чтобъ въ поемѣ постановить *главнымъ размѣромъ* 5 хореевъ, и писать поему такими стихами:

Вŏлны мŏря встāвшй съ рēвŏмъ хлēщ˘тся въ бēрēгъ —

судить объ етомъ предоставляю уже читателямъ.

Самъ почитаю однако нужнымъ замѣтить, что приводимой г. В. стихъ есть мой; но такой стихъ можетъ быть сносенъ только въ *примѣрѣ* формы, для которой единст-

венно (*) былъ сдѣланъ; а впрочемъ онъ весьма непріятенъ въ теченіи: отдѣленная стопа отъ стопы дѣлаетъ мѣ у его слишкомъ рѣзкою, какъ и въ подобныхъ Латинскихъ, справедливо заслужившихъ порицаніе: —

Sparsis hastis longis campus splendet et horret. —

Н. Гнѣдичъ.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Взглядъ на Исторію острова Сенъ-Доминго.

Сенъ-Доминго есть одинъ изъ величайшихъ и важнѣйшихъ острововъ Антильскихъ въ Западной Индіи. Христофоръ Колумбъ, увѣдомленный жителями острововъ Люкайскихъ о находящемся на Сенъ-Доминго золотѣ, присталъ къ нему 6 го Декабря 1492 года, назвалъ его *Гиспаньолой* и построилъ тамъ крѣпостцу, которая была первою колоніей Испанцевъ въ новой части свѣта. До прибытія Европейцовъ, островъ сей назывался *Гаити*; послѣ уже онъ сдѣлал-

(*) Въ книжкахъ Бесѣды.

ся извѣстенъ подъ именемъ Сенъ-Доминго. Длина его простирается до 160 миль Французскихъ, ширина около 30, окружность 350. Отъ востока на западъ раздѣляется цѣпью горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Въ долинахъ между горами господствуетъ климатъ умѣренный; равнины подвержены необычайному зною. Островъ имѣетъ множество протоковъ и рѣкъ судоходныхъ. Земля до невѣроятности плодородна, а особливо на равнинахъ; главныя произведенія суть: сахаръ, кофе, хлопчатая бумага, индиго, какао, табакъ, разное дерево, между прочимъ красное и красильное, лошади и рогатая скотина превосходнаго качества; изъ царства ископаемаго: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, ртуть, соль, мраморъ. Сперва не было тамъ кофе, сахара, табаку и хлопчатой бумаги: все сіе разведено Французами. Испанцы, извѣстные лютостію поступковъ своихъ въ новомъ свѣтѣ, истребивши первобытныхъ островитянъ, кроткихъ, благонравныхъ, число коихъ во время Колумбово простиралось до милліона, почти совсѣмъ оставили сію прекрасную колонію, потому что на твердой землѣ Америки могли съ бо́льшимъ удобствомъ собирать сокровища. Въ 1630 году Французскіе бродяги поселились въ западной части острова; число ихъ въ скоромъ времени значительно умножилось. Съ 1660 года Французское правительство на-

вало болѣе и болѣе заботиться о благѣ колоніи, и въ 1697 году получило отъ Испаніи всю западную часть Сенъ Доминго (*). Французская колонія съ 1722 года оказывала успѣхи чрезвычайные. Въ 1790 Французская часть имѣла уже 534,000 жителей, а сумма вывозимыхъ произведеній ежегодно простиралась свыше 128 милліоновъ ливровъ. Въ Испанской части находилось не болѣе 125,000 жителей. Самое большое количество народонаселенія состояло изъ Негровъ, привозимыхъ изъ Африки невольниковъ (болѣе 400,000); прочіе были природные Французы.

Европейцы, такъ называемые *бѣлые люди*, мало распложались посредствомъ законнаго супружества; несравненно болѣе раждалось дѣтей внѣ брачнаго союза отъ бѣлыхъ господъ съ черными невольницами, и дѣти сіи называются *Мулаттами* (**), или

(*) Въ 1795 году Испанія Базельскимъ трактатомъ уступила Франціи и восточную часть острова Сенъ Доминго. Въ 1814 году союзныя Державы, по трактату Парижскому, предоставили Франціи обладаніе упомянутымъ островомъ, съ тѣмъ чтобы Испаніи отдана была та часть, которая досталась ей по силѣ Базельскаго трактата.

(**) Рожденные въ Америкѣ по закону отъ Европейца и Негрянки или Американки, и на оборотъ, называются *Креолами*. Такія же дѣти, но рожденныя отъ незаконнаго ложа,

цвѣтными (gens de couleurs). Многіе изъ нихъ усыновлены своими родителями, воспитаны въ христіанскомъ законѣ и получили наслѣдство. Отъ того значительное количество плантацій перешло въ руки сихъ Мулаттовъ; не смотря на то, находясь подъ Королевскимъ Французскимъ правительствомъ, они не могли пользоваться другими правами гражданства, и начальство колоніи всегда оставалось въ рукахъ людей бѣлыхъ. Впрочемъ въ числѣ Мулаттовъ бывали не рѣдко люди отличнѣйшихъ способностей и притомъ гораздо благонравнѣйшіе нежели бѣлые ихъ властители; слѣдственно при разныхъ обстоятельствахъ не могли они не чувствовать превосходства своего передъ бѣлыми. Между тѣмъ Французская революція распространила понятія о равенствѣ правъ человѣческихъ, и понятія сіи наконецъ достигли и до острововъ Западной Индіи. Мулатты, подобно

называются *Мулаттами*. Карлъ III, Король Испанскій, опредѣленіемъ своимъ 1776 года призналъ *Креоловъ* способными отправлять должности военныя, гражданскія и духовныя,— право, котораго не имѣли они до того времени. Въ другихъ колоніяхъ *Креолы* пользуются всѣми правами, подобно Европейцамъ. Испанцы также называютъ *Мулаттами* родившихся отъ Негра и Индіянки, и на оборотъ, и наконецъ дѣтей рожденныхъ отъ Негра или Магометанскаго Африканца и Испанки, и на оборотъ.

утимъ, захотѣли наслаждаться оными правами въ своемъ отечествѣ; но они сдѣлали жную ошибку, слишкомъ рано допустивши участію въ своемъ намѣреніи Негровъ, которые цвѣтомъ и устроеніемъ лица своего олѣе сходны съ ними, нежели съ бѣлыми, и потому къ нимъ болѣе были привержены нежели къ послѣднимъ. Неблагоразумные поступки Французскаго правительства, которое, занявшись внутренними дѣлами, повидимому, забывало о колоніяхъ заморскихъ, ускорили приближеніе несчастной епохи для острова Сенъ-Доминго. Декретомъ національнаго Конвента, объявленнымъ 15 го Мая 1792 года, Мулаттамъ предоставлено право участвовать въ обыкновенныхъ совѣщаніяхъ колоніи. Другимъ декретомъ (отъ 24 Сентября) данная привилегія была уничтожена; но Мулатты не захотѣли отказаться отъ своего права: они не только сами воспротивились новому постановленію, но привлекли еще и Негровъ на свою сторону. Таково было начало пагубной войны и многоразличныхъ бѣдствій, постигшихъ сей несчастный островъ.

Свобода — существенное благо, но которымъ человѣкъ не можетъ наслаждаться, если не носитъ въ сердцѣ своемъ сѣмени всѣхъ добродѣтелей, возращаемыхъ въ послѣдствіи благоразумнымъ, рачительнымъ воспитаніемъ — свобода явилась на островѣ Сенъ-

Доминго въ видѣ Фуріи неукротимой, рыскающей съ пламенникомъ и кинжаломъ, повсюду бросающей смерть и всѣ ужасы.

Представимъ себѣ болѣе ста тысячь людей почти совершенно дикихъ, привыкшихъ ко всѣмъ лютостямъ отъ безпрерывныхъ опустошеній странъ Африканскихъ; представимъ себѣ людей, которые, пользуясь темнотою ночи, какъ голодные остервенившіеся львы и тигры бросаются на спокойныхъ, безъ всякаго опасенія отдыхающихъ колонистовъ: тогда получимъ нѣкоторое понятіе о бѣдственномъ происшествіи, которое вспыхнуло на сѣверной сторонѣ острова Сенъ-Доминго въ Сентябрѣ 1791 года.

Первымъ предводителемъ Негровъ, который прославился на семъ поприщѣ жестокостей, былъ нѣкто *Букмантъ.* Лютый тигръ сей, начальствуя надъ шайкою разбойниковъ, скрывающихся въ неприступныхъ ущеліяхъ, пользуясь темнотою ночи, внезапно нападалъ на селенія, грабилъ все, умерщвлялъ всѣхъ безъ разбора, и бѣлыхъ господъ и черныхъ невольниковъ. Мятежъ становился отчасу опаснѣе. Между тѣмъ явился на сценѣ *Біассонъ*, другой варваръ, которой, захотѣвши быть одинъ начальникомъ возмутившихся невольниковъ, напалъ на *Букманта*, побѣдилъ его въ окрестностяхъ ге-

рода Капа, уже убитому на сраженіи отрубилъ голову, и выставилъ ее на Капскомъ рынкѣ съ надписью: *голова Букмайта, предводителя мятежниковъ.*

Съ етой епохи Біассонъ, одинъ изъ ужаснѣйшихъ и лютѣйшихъ Африканцевъ, сдѣлался главнымъ начальникомъ. Въ скоромъ времени собралъ онъ подчиненныхъ себѣ невольниковъ до 60,000, и расположился съ ними на сѣверныхъ равнинахъ. Сіе войско состояло изъ многихъ племенъ Африканскихъ, одно отъ другаго отличающихся языкомъ, обычаями, даже цвѣтомъ наружной кожи; оно собиралось единственно въ день сраженія, а послѣ тотчасъ расходилось по своимъ кочевьямъ. Въ немъ были *Конги*, воинственные и свирѣпообразные; были и другихъ племенъ Негры, извѣстные своею дикостію и людоѣдствомъ, безпрестанно воюющіе противъ бѣлыхъ для утоленія мерзкой жадности своей къ человѣческому мясу. Но дворъ Біассона составляли рожденные на островѣ Мулатты, подражающіе бѣлымъ какъ обезьяны, присвоившіе себѣ почетныя титлы графовъ, барововъ, кавалеровъ. Многіе изъ нихъ наряжались въ богатыя платья, и казались тѣмъ еще смѣшнѣе, что ходили босикомъ и почти всегда безъ рубашки По мановенію Біассона, они являлись первые; давали ему серенады, балы и пиршества. Изъ всей шайки убійцъ и зажигателей они одни только сохранили въ себѣ нѣкоторые

остатки человѣчества. Впрочемъ все войско утопало въ гнуснѣйшемъ развратѣ: пляски, водка, женщины составляли единственное упражненіе сихъ варваровъ, когда только не занимались они убійствомъ и грабежами. При такихъ обстоятельствахъ легко бы можно было одолѣть гнусныхъ разбойниковъ, если бы колонисты жили между собою въ согласіи; но, къ несчастію, островитяне раздѣлены были на разныя партіи, а сверхъ того еще за подлинно извѣстно, что тѣ самые раздували огонь мятежа, которымъ отъ правительства поручено было тушить его.

Біассонъ раздѣлилъ сіе шестидесятитысячное войско на части, опредѣливъ по тысячѣ человѣкъ на каждыя девять миль квадратныхъ и обязавши всѣхъ ужаснѣйшею присягой истреблять бѣлыхъ, не разбирая ни пола, ни возраста.

Въ продолженіе одного мѣсяца цвѣтущая равнина, со всѣми жилищами, съ мѣльницами, устроенными для очистки сахара, сдѣлалась добычею пламени. Богатыя заведенія превратились въ кучи пепла, надъ которыми началъ господствовать Біассонъ среди костей жертвъ, погибшихъ отъ рукъ варварскихъ.

Отъ сей злополучной епохи начинается исторія Дессалина. Етотъ кровожадный Афри-

жанецъ, передъ тѣмъ незадолго привезенный съ береговъ Гвинеи на островъ Сенъ Доминго и названный здѣсь *Жанъ-Жакомъ*, служилъ у одного свободнаго и зажиточнаго Мулатта по имени *Дессалина*, когда вспыхнулъ мятежъ на островѣ. Вовсе незнакомый съ Европейскими обычаями, ни съ ихъ пороками, ни съ просвѣщеніемъ, ниже съ языкомъ ихъ, онъ отличался дикостію и варварствомъ отечественнаго своего климата, и единственно питалъ въ душѣ своей чувство лютой мести. Первое злодѣйство, которымъ онъ ознаменовалъ вступленіе свое на поприще разбоевъ, было убійство, совершенное имъ надъ своимъ господиномъ, котораго имя Жанъ-Жакъ присвоилъ себѣ вмѣстѣ съ его имуществомъ.

Приставъ къ шайкѣ Біассона, новый Дессалинъ незамедлилъ обратить на себя вниманіе сего предводителя Негровъ. Ему ввѣрено было начальство надъ однимъ отдѣленіемъ разбойниковъ, съ которыми тотчасъ разсыпался онъ по многолюднымъ, богатѣйшимъ уѣздамъ искать жертвъ для своей лютости. Смерть въ разнообразныхъ, ужаснѣйшихъ видахъ сопутствовала ему повсюду; не было пощады ни полу, ни возрасту, ни званію. Скорая кончина почиталась безцѣннымъ даромъ въ сравненіи съ продолжительными муками смерти, отъ которой не избавлялись

даже младенцы при сосцахъ матернихъ. Неукротимое свирѣпство сего варвара дѣйствовало съ такимъ остервененіемъ, которому въ Исторіи мало примѣровъ. . . Біассонъ расположилъ главную квартиру свою въ одной старой сахарной мѣльницѣ, которая не разрушена единственно по причинѣ ея надобности. Тутъ хранима была добыча — похищенныя богатства у колонистовъ, падшихъ отъ меча Негровъ; тутъ лежали безъ всякаго порядка оружіе и дорогія часы, математическіе инструменты, желѣзные котлы, столовый приборъ и бѣлье замаранное, — фарфоровыя вазы и звѣриныя кожи, дорогіе камни и черепы еще покрытые волосами, рѣдкіе ковры и отвратительныя лохмотья. Вся добыча въ назначенный день была раздѣляема тѣмъ, которые превзошли другихъ убійствами, или зажигательствомъ; начальникъ хвалилъ притомъ сихъ отличнѣйшихъ разбойниковъ и ободрялъ ихъ къ большимъ подвигамъ. Желая особенно услужить Біассону, Дессалинъ вздумалъ пуститься на самой лютѣйшій изъ поступковъ. Въ отсутствіе предводителя, уѣхавшаго на нѣсколько дней за какою-то надобностію, Дессалинъ съ пламенникомъ въ рукѣ вторгся въ одну часть острова, куда еще непроникало губительное пламя бунта, захватилъ въ полонъ триста жертвъ несчастныхъ, большею частію стариковъ, дѣтей

и женщинъ, пригналъ всѣхъ въ главную квартиру Біассона за день до его пріѣзда, велѣлъ умертвить ихъ, взоткнуть головы на копья и обставить ими дворъ начальника.

При семъ плачевномъ зрѣлищѣ лютый Біассонъ не могъ удержаться отъ дикой радости; остановившись, онъ съ жадностію любовался картиною ужасовъ, и спросилъ потомъ, кому обязанъ былъ симъ нечаяннымъ удовольствіемъ. Узнавши же о виновникѣ, искренно благодарилъ Дессалина за его примѣрное усердіе, ободрялъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ, и наградилъ его принятіемъ въ свою гвардію. Таковъ былъ первый шагъ на военномъ поприщѣ сего Африканскаго кровопійцы.

Въ то самое время въ главной квартирѣ Біассона явился человѣкъ, которому суждено въ скоромъ времени вознестись выше Дессалина и умножить бѣдствія несчастнаго острова. Это былъ *Туссенъ-Лувертюръ*, Негръ, котораго исторія тѣсно сопряжена съ судьбою Дессалина и острова Сенъ-Доминго.

(Продолж. въ слѣд. книж.)

О вѣроятномъ возстановленіи Египетскаго Царства.

Судя вообще о новѣйшихъ происшествіяхъ, не льзя невидѣть повсемѣстнаго стремленія къ гражданскому просвѣщенію и независимости. Не только вся Америка служитъ убѣдительнѣйшимъ тому доказательствомъ; но и другія части свѣта нескудны подобными примѣрами. Такимъ образомъ Азія и Африка представляютъ намъ зрѣлище возрожденія и гражданскаго образованія двухъ древнѣйшихъ Царствъ: въ первой видимъ Арменію, а во второй Египетъ, — Египетъ, извѣстный своими Фараонами, Птоломеями, Римлянами, Арабами и намѣстниками Турецкихъ Султановъ.

Слухъ носится, будто бы во гробѣ Александра Великаго — въ основанной имъ Александріи, которую уважаютъ самые Магометане, разсказывая чудеса о могилѣ Героя — найдена древняя корона: ее-то честолюбивый и смѣлый Мегеметъ-Али хочетъ возложить торжественно на свою голову, напередъ объявивъ себя независимымъ государемъ. Въ самомъ ли дѣлѣ сія драгоцѣнность найдена въ Александріи, или это есть не иное что какъ хитрой вымыселъ властолюбца? Вопросъ излишній! Довольно, что вѣрующіе въ предопредѣленіе Магометане должны были возымѣть высокую мысль о буду-

щемъ предназначеніи Мегемета, уже показавшаго достаточные примѣры, сколь велика способность его управлять народомъ. По его волѣ Египетъ содѣлался сборнымъ мѣстомъ чужестранцевъ всѣхъ націй, а особливо Французскихъ офицеровъ, которыхъ принимаетъ Паша даже и въ свою службу. Военная сила его состоитъ изъ 90,000 человѣкъ отборнаго постояннаго войска, кромѣ приверженныхъ къ нему Арабовъ, и кромѣ 25,000 Албанцовъ, составляющихъ его гвардію, душевно ему предданныхъ. Многочисленная артиллерія учится ежедневно по Французскимъ правиламъ, состоитъ подъ начальствомъ Французскихъ офицеровъ и оказываетъ важные успѣхи. Паша давно уже признаетъ себя независимымъ, и въ доказательство сего чеканитъ монету съ своимъ именемъ. Тщетно Султанъ Турецкій пытался склонить его, чтобы пересталъ думать о независимости. Мегеметъ однакожъ продолжаетъ посылать богатые подарки въ Константинополь, куда и передъ симъ незадолго отправилъ дорогихъ вещей на 5 милліоновъ піастровъ. Паша любитъ, когда называютъ его вторымъ Буонапартомъ. Онъ очень дѣятеленъ; въ верхнемъ и нижнемъ Египтѣ заводитъ Европейскія мануфактуры, и всячески старается привлекать къ себѣ искусныхъ ремесленниковъ изъ Италіи, Франціи, Швейцаріи. Онъ хочетъ отправить во Францію нѣсколько мо-

лодыхъ Египтянъ, будто бы для изученія тамошнихъ обычаевъ, въ самомъ же дѣлѣ для обозрѣнія Французскихъ мануфактуръ, и для того чтобы молодые люди сіи возвратились въ отечество искусными мастерами. Въ Швецію посылалъ онъ торговаго агента для закупки пушекъ, конопли и желѣза; у Англичанъ купилъ онъ въ Калькуттѣ два фрегата, нужныхъ ему для охраненія торговли Египта съ Индіей по Чермному морю. На тотъ же конецъ приказалъ онъ построить два военные корабля въ заливѣ Бабельмандельскомъ и одинъ сорока-пушечный фрегатъ въ Александріи. Въ главнѣйшихъ торговыхъ городахъ заведены конторы для исполненія его коммиссій. Онъ одинъ на свой собственной счетъ ведетъ торговлю всего Египта; а чтобы сдѣлать ее какъ можно для себя выгоднѣе, самъ назначаетъ цѣны земнымъ произведеніямъ, и подъ строжайшимъ штрафомъ приказываетъ хозяевамъ только себѣ одному продавать оныя и никому другому. Самъ же онъ продаетъ тѣ же вещи вдесятеро дороже. Такимъ образомъ сей тиранствующій купецъ собираетъ огромныя кучи золота на счетъ своихъ подданныхъ, которыхъ держитъ очень строго, и которые въ свою очередь жестоко его ненавидятъ, но никакъ не дерзаютъ обнаружить свой ропотъ. У него есть въ готовности много кораблей, употребляемыхъ имъ для торговли

вовой съ конторами, учрежденными въ Европѣ и Америкѣ; по сему обстоятельству чужестранные шкиперы, пріѣзжающіе въ Египетъ за грузомъ, должны брать за провозъ такую цѣну, какая назначена будетъ Пашею. Короче, Мегеметъ-Паша не упускаетъ ни одного средства ввести у себя Европейскія искусства и изобрѣтенія, собрать какъ возможно болѣе денегъ и поставить себя въ состояніе отразить нападеніе какъ внутреннее, такъ и внѣшнее. Паша безъ всякихъ околичностей пьетъ съ Французскими офицерами за здоровье Буонапарта, чѣмъ весьма недоволенъ пребывающій въ Египтѣ Французскій Консулъ, принужденный быть свидѣтелемъ такого анти-Королевскаго расположенія Французскихъ офицеровъ. Между тѣмъ второй сынъ Мегемета въ сраженіи съ Аравійскими Вехабитами не имѣлъ счастья умершаго брата своего, отважнаго Юссумъ-Паши: онъ былъ совершенно разбитъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Чермнаго моря. Войска его пришли въ совершенной безпорядокъ, когда агентъ Мегемета Паши, привезшій 4 милліона піастровъ для раздачи жалованья, со всѣми деньгами перешелъ къ непріятелю. Въ Швейцарскихъ листкахъ сказано, что упомянутый Паша прислалъ одного своего Агу въ Швейцарію для обозрѣнія фабрикъ въ Ленцбургѣ, Аарау и въ окрестностяхъ мѣстъ сихъ, между тѣмъ какъ Ибрагимъ Гибралтаръ, другой чиновникъ,

отправленъ въ Петербургъ для заведенія торговыхъ дѣлъ между Россіею и Египтомъ. — Всѣ сіи движенія Паши предвѣщаютъ ему скорую независимость и слѣдственно вѣнецъ Царскій.

(*Съ Нѣм.*)

IV. СМѢСЬ.

Мысли (*).

Женщина есть роза — съ шипами!...

*

Нравиться женщинамъ есть — умѣть имъ давать различные способы нравиться, — сказалъ одинъ любезной Философъ.

*

Судить о человѣкѣ — не знавши его, по словамъ другихъ — есть то же, что хвалить, или порицать вкусъ плода въ чужихъ устахъ.

*

Отъ чего въ денномъ собраніи маленькая освѣщенная зала бываетъ полнѣе дамами, нежели большая, въ которую входитъ одинъ

(*) Изъ новой книги: *Первые опыты въ прозѣ и стихахъ И. Лажечникова.* Москва. 1817. 8, 160 страницъ.

свѣтъ солнца? Етотъ вопросъ надобно отослать къ сектѣ мудрецовъ, дѣлающихъ румяны.

*

Есть люди, которые дѣлаютъ добро не по первому побужденію сердца, но по долгимъ обдуманнымъ разсчетамъ и предположеніямъ разсудка. Какъ назовете вы ето добро? — Математическимъ!

*

Сентиментальность передъ чувствительностію то же, что кокетка передъ милою и добродѣтельною женщиною.

*

Къ творцу Заиры и Генріады, къ благодѣтелю Каласовъ, къ правителю Фернея, пошелъ бы я на поклоненіе изъ Камчатки; для Вольтера заперъ бы двери въ собственномъ моемъ домѣ.

*

Хорошее произведеніе писателя разсматривать надобно какъ прекрасную канву: взглянуть мелькомъ на уродливость *изнанки* для того только, чтобы болѣе восхищаться красотами *лица*.

*

Всѣ великіе люди, писавшіе противъ утвержденной вѣками истины, желали приобрѣсть славное имя странностію и новизною, чувствуя между тѣмъ, что говорятъ ложь. Вольтеръ притворялся, повторяя красивыя

нелѣпости на счетъ вѣры; Русо притворяйся, красноречиво браня просвѣщеніе.

❖

Человѣкъ въ счастіи и несчастіи долженъ брать примѣръ съ умнаго игрока, которой не горячится, не досадуетъ въ проигрышѣ, не забывается и въ выигрышѣ. Прибавить надобно: игроки такіе рѣдки!

❖

Господа молодые Авторы! хотите ли выслушать мой совѣтъ, за пользу котораго ручаюсь? Если вы трудитесь для славы и потомства, не ломайте головы надъ заглавіями вашихъ твореній. Заслужившія хвалу немногихъ знатоковъ настоящаго времени дойдутъ безъ блестящей вывѣски до великой цѣли своей. Если же вы, въ потѣ лица, произведеніями пера вашего снискиваете кусокъ хлѣба; то старайтесь расплодить, размалевать и наполнить шумомъ ваши заглавія. Какъ можно болѣе грому; какъ можно болѣе достопамятныхъ происшествій, достославныхъ, героическихъ, побѣдоносныхъ рыцарскихъ, доселѣ неслыханныхъ событій!.. Не жалѣйте въ началѣ мишурной пыли; конецъ увѣнчаетъ дѣло! Но всего лучше, всего прибыльнѣе, когда сдѣлаете извлеченіе изъ газетъ и реляцій, соберете ихъ въ огромные томы и пустите въ свѣтъ подъ разительнымъ именемъ и съ интереснымъ портретомъ; тогда наши ученые книгопродавцы съ отвер-

сытымЪ кошелькомЪ примутЪ ваше новорожденное дитя, возгремятЪ о немЪ вЪ газетахЪ — и золотые рудники Перуанскіе покупятЪ вЪ хижину вашу! . . .

Два анекдота (*).

Р***, послѣ сдѣланнаго ему выговора за нескорое прибытіе трубЪ кЪ пожару, отдалЪ полиціи приказЪ, чтобЪ она впредь всегда была вЪ готовности за часЪ до появленія пламени. . . .

*

На вторичномЪ походѣ РускихЪ во Францію СвященникЪ Т. Г. полку просилЪ для себя у бригаднаго Начальника Г. П. билета на подводу. „Святые отцы вЪ древнія времена ходили проповѣдывать вѣру пѣшкомЪ!“ сказалЪ ему ГенералЪ. — *Только не по маршруту*, — отвѣчалЪ остроумной СвященникЪ, и получилЪ все, чего желалЪ.

Политическія происшествія.

Франція.

Засѣданіе Палаты Депутатовъ (пишутъ во Французскихъ вѣдомостяхъ отъ 18 Мая н. с.) наконецъ закрыто. Послѣ седмимѣсячныхъ

(*) Оттуда же.

преній она издала только два закона: одинъ о наборѣ рекрутъ, другой о росписаніи доходовъ и расходовъ. Несмотря на то, она весьма сильно дѣйствовала на мнѣніе публики. Говорено было о важнѣйшихъ истинахъ, и вся нація слышала ихъ. Послѣднее засѣданіе дѣлаетъ честь депутатамъ, принимавшимъ сердечное участіе въ судьбѣ изгнанниковъ. Была разсмаприваема просьба одного изъ нихъ, извѣстнаго Реньо-Сенъ-Жанъ-д'Анжели, ходатайствующаго о дозволеніи изгнаннымъ изъ отечества Франц замъ пользоваться въ другихъ государствахъ правомъ народнымъ и покровительствомъ. По сему поводу г. Сонье, одинъ изъ депутатовъ, говорившій сильно и убѣдительно въ пользу просителя, наконецъ представилъ, что пора уже и во Франціи прекратить изгнанія, стоившія многихъ слезъ несчастнымъ гражданамъ." Оба сіи предложенія, послѣ нѣкоторыхъ преній, положено препроводить къ Министру иностранныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе. Между тѣмъ уже слышно, что Камбасересъ и нѣкоторые другіе изгнанники получили дозволеніе возвратиться въ отечество.

Англія.

Въ засѣданіи Нижняго Парламента, бывшемъ 15 числа Мая (н. с.), предлагалъ г. *Гофортъ*, чтобы сообщены были бумаги, касающіяся до начавшейся войны въ Остъ-Индіи. „Для чего" сказалъ онъ, „Маркизъ *Гастингсъ* вывелъ въ поле столь многочисленную армію? Это, говорятъ, сдѣлано только для усмиренія Пиндарисовъ. Но число сихъ непріятелей не велико и силы ихъ несграшны. Извѣстно, что они послѣ ненастливой погоды немедленно разсыпаются по разнымъ мѣстамъ для

грабительства. Какъ же скоро увидятъ гонящагося неприятеля, то немедленно разбѣгаются и уходятъ въ свои жилища, а на слѣдующій годъ опять появляются. Не смотря на сіе, Генералъ Губернаторъ нашъ вывелъ въ поле 100,000 человѣкъ войска и находится во 100 Англійскихъ миляхъ отъ столицы. *Пейшва-Голькаръ* и Рая *Берарскій* уже побѣждены. Вѣроятно, и столицы ихъ находятся уже во власти Генералъ-Губернатора. Извѣстно, что намѣреніе распространять завоеваніе въ Остъ-Индіи почитается для насъ вреднымъ. Именно ето заставляетъ меня спросить о причинѣ и цѣли нынѣшней войны въ Остъ-Индіи.“ Г. *Каннингъ* отвѣчалъ, что онъ готовъ представить всѣ бумаги, касающіяся до войны съ *Пейшвою*; но что о дѣйствіяхъ неприятельскихъ съ прочими начальниками Мараттовъ не имѣетъ онъ никакихъ свѣдѣній.

О сей войнѣ во Французской Минервѣ пишутъ между прочимъ слѣдующее: „Внезапное нападеніе Англійскаго Генералъ-Губернатора на Индійцевъ должно увѣнчаться желаемымъ успѣхомъ.‘ Индійцы жалуются на насильства; Англичане жалуются на коварные замыслы, на тайныя угрозы — обыкновенное оправданіе зачинщиковъ. Спрашивается: Почему Англія слѣдуетъ двумъ политикамъ? Почему въ Европѣ называетъ она то *хищеніемъ*, что въ Индіи почитаетъ *законнымъ правомъ*? Здѣсь воюетъ она для возстановленія законныхъ государей, тамъ для низверженія также законныхъ государей, и вездѣ для увеличенія своего могущества! . . . Индія всегда была источникомъ богатства для Англіи. Источникъ сей обиленъ; но уже ли жъ онъ и неисчощимъ? Генералъ-Губер-

ратор все еще хочетъ распространять въ сей обширной странѣ свои завоеванія: и такъ желанію властвовать нѣтъ предѣловъ?' Надлежало бы помнить, что иногда порабощенные народы налагаютъ цѣпи на самыхъ же своихъ притѣснителей,'' и проч.

Баварія.

Мая 27го (н. с.), въ самой день рожденія Е. В. Короля Баварскаго, торжественно обнародована во всемъ Государствѣ *новая конституція.* Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ безцѣнныхъ благъ, которыя она изліетъ на Баварцевъ: свобода совѣсти; свобода мнѣнія, съ законными ограниченіями; одинакое для всѣхъ право на достиженіе всѣхъ степеней государственной службы и на пріобрѣтеніе всѣхъ знаковъ отличія; одинакая для всѣхъ обязанность защищать отечество; равенство предъ законами; безпристрастіе и поспѣшность въ судопроизводствѣ; равенство повинностей; представительное правленіе, въ коемъ участвуютъ всѣ государственныя сословія; обезпеченіе сего правленія противъ всякой произвольной перемѣны, не препятствуя однакожъ дальнѣйшему онаго улучшенію, которое было бы плодомъ зрѣлыхъ опытовъ.

Западная Индія.

Петіонъ умеръ не отъ болѣзни; кончина его была, по видимому, произвольна. Онъ часто говаривалъ о желаніи своемъ разстаться со здѣшнимъ свѣтомъ: смерть его была, какъ думать должно, слѣдствіемъ произвольнаго голода. Никакая скорбь душевная не тяготила его. Онъ достигъ до высочайшей степени, до по-

слѣдней цѣли возможнаго честолюбія. Подвластный ему народъ былъ его твореніе. Торговля процвѣтала. Одни Англичане закупили тамъ товаровъ на необъятную сумму, простирающуюся до *ста сорока милліоновъ*. И такъ живучи въ счастіи, какую Петіонъ имѣлъ причину спѣшить за предѣлъ здѣшняго міра? для чего оставилъ націю, которая судьбу свою ему ввѣрила? . . . , Вотъ еще одна глава къ книгѣ о *странностяхъ разума человѣческаго!* — Народъ Гаитскій оплакалъ кончину основателя своей свободы. Новый Президентъ, Генералъ Боіе, прежде всего позаботился обезпечить границы отъ покушеніи Христофа, и подкрѣпить иностранную торговлю, которая могла поколебаться опасеніями шумныхъ происшествій при выборѣ новаго главы республики.

Дѣла Американскія.

Четыре Державы принимаютъ великое участіе въ дѣлахъ Америки: Испанія, Англія, Португаллія и республика Соединенныхъ Областей.

Испанія равно слаба въ Европѣ и въ Америкѣ; она неимѣетъ ни силы, ни кредита, потому что не имѣетъ свободы и еще потому что отдѣлилась отъ прочаго міра и отъ духа времени. Полуостровъ есть не иное что какъ обширный монастырь политическій. Онъ сильно нападаетъ на время, съ которымъ теперь уже трудно управляться, между тѣмъ какъ самъ онъ еще не покинулъ привычки при-

казывать. Онъ ведетъ переговоры съ предразсудками, вмѣсто того чтобы побѣдить ихъ; договаривается со мракомъ, которой надлежало бы разсѣять. Прошло уже то время, когда можно было овладѣть Америкой по силѣ буллы Папской. Теперь смотрятъ на голосъ народовъ. Онъ-то принудилъ Французовъ выступить изъ полуострова; онъ призвалъ Фердинанда; онъ требуетъ теперь нѣкоторой свободы. Для чего ему отказывать? Не увеличилалъ бы она существеннаго могущества Государя? Не возстановила ли бы его финансовъ? Не возродила ли бы его кредита?

Испанія теперь спокойна, потому что истощенная Европа остается въ покоѣ. Но Испанскимъ владѣніямъ угрожаютъ три великія опасности: Португаллія заняла Монте-Видео; Соединенныя Области требуютъ Флоридъ и обширныхъ земель, лежащихъ на западной сторонѣ отъ Луизіаны; торжественное и спокойное возстаніе въ Буеносъ-Айресѣ распространяется, подобно бурѣ, въ провинціяхъ, въ Санта-Фе, Венецуелѣ, Карракассѣ. Что остается Испаніи дѣлать при семъ пожарѣ Американскомъ? Обращается ли она къ Португалліи, требуя отдачи Менте-Видео; Ріо-Янейрскій Дворъ отвѣчаетъ, что Монте-Видео завоеванъ у Артигаса. Противится ли притязаніямъ Соединенныхъ Областей; ей возражаютъ, что земли Республики не должны быть въ сосѣдствѣ съ Испанскими владѣніями. Предлагаетъ ли посредство Англіи, какъ Державы Американской по Канадѣ; ей противурѣчатъ, говоря что Англія есть Держава Европейская.

Что сдѣлаетъ она съ мятежниками? Здѣсь представляются разные виды. Она можетъ

побѣдить, или побѣжать. Если побѣжитъ, все пропало; если восторжествуетъ, кого побѣдитъ она? Мятежниковъ; очень хорошо: но истребится ли духъ мятежа, ненависть къ Европѣ, стремленіе къ свободѣ, потребность обезпеченной промышленности и торговли? Нѣтъ! Сколько же искръ будетъ таиться подъ пепломъ? Испанія можетъ переселиться въ Мексику; тогда сама сдѣлается колоніей, и скоро ощутитъ тѣ же невыгоды. — Такъ поступила Португаллія, и мы увидимъ, что будетъ съ нею. — Испанія наконецъ можетъ дать властелина Американскимъ своимъ владѣніямъ. Кто будетъ властелинъ сей? Вице-Король? Мы знаемъ, что производятъ сіи намѣстники, управляющіе однимъ государствомъ для выгодъ другаго, Король? Замѣтимъ, что Американцы требуютъ не только особеннаго для себя правительства, но они требуютъ еще той свободы, безъ которой не можетъ быть никакого правительства; потому что гдѣ нѣтъ ее, тамъ начальствуютъ не надъ членами общества, а надъ рабами. Испанской Америкѣ нуженъ *Король* и *конституція*. Испанія можетъ дать ей Короля, но дастъ ли она конституцію? А инсургентамъ нужна конституція, основанная на законно-свободныхъ правилахъ; ибо они подняли оружіе за свою независимость.

Великобританнія можетъ выступить на сцену въ качествѣ посредницы. Но Соединенныя Области имѣютъ довольно вѣса въ балансѣ политическомъ, и едва ли согласятся на посредничество Англіи. Пристрастный посредникъ всегда опасенъ. Желательно знать однакожъ, что сдѣлаетъ Лондонскій Кабинетъ для Англіи? Останется ли неутральнымъ? подастъ ли помощь?

Португаллія; представляющая намъ зрѣлище новое и необыкновенное — сіе Европейское Царство, управляемое Американскимъ государемъ — находится въ мудреныхъ обстоятельствахъ. Ріо-Янейрскій Дворъ могъ бы воспользоваться пожаромъ, истребяющимъ Испанскія колоніи въ Америкѣ; но въ такомъ случаѣ Мадритскій Дворъ не оставилъ бы воспользоваться слабостію Лиссабона, и завладѣлъ бы тѣми колоніями, которыми Бразилія владѣетъ въ Европѣ. Португаллія сама боится, слѣдственно неопасна.

Республика Соединенныхъ Областей одна только на своемъ мѣстѣ, и дѣлаетъ что должно. Какъ Американская Держава, она выгоды свои ограничиваетъ предѣлами своей гемисферы. Въ ней царствуетъ законная свобода, и потому дѣло народа и дѣло правительства тамъ нераздѣльны.

(Min. Fran.)

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Учрежденный 1816 года Университетъ въ Варшавѣ, находившійся подъ управленіемъ временнаго Совѣта, торжественно открытъ въ 14 день истекшаго Мая (н. с.). Онъ состоитъ изъ пяти отдѣленій, или факультетовъ: „*Богословскаго*, заключающаго въ себѣ ту высокую науку, которая ведетъ къ Богу, посред-

віяомъ основательнаго знанія закона вѣры и чистой нравственности хрістіанской, основанной на Священномъ Писаніи, на правилахъ церкви и на примѣрахъ, содержащихся въ ея исторіи; изъ факультета *законовъ и управленія*, между которыми существуетъ связь неразрывная: ибо не одинъ только судья обязанъ знать законы, но и всякой чиновникъ, отправляющій службу гражданскую; изъ факультета *врачебнаго*, который имѣетъ доставлять какъ войску, такъ и провинціямъ блюстителей здравія; изъ факультета *наукъ физико-математическихъ*, которыя въ наше время достигши высокой степени совершенства, принесли важныя выгоды обществу человѣческому; на конецъ изъ факультета *наукъ и искусствъ изящныхъ*, которыми просвѣщенные народы отличаются отъ варваровъ, и которыя столько же доставляютъ выгодъ душѣ, сколько физическія науки удовлетворяютъ потребностямъ тѣла.“ По Уставу, Ректоръ избирается на 4, а Деканы на 3 года. Университетъ Варшавскій теперь уже имѣетъ 44 Профессоровъ и болѣе 300 учащихся, число которыхъ безъ всякаго сомнѣнія скоро увеличится. (Безъ всякаго сомнѣнія; Поляки нечуждаются наукъ, ибо знаютъ истинную цѣну просвѣщенія.) Въ Варшавѣ кромѣ того еще процвѣтаютъ Лицей и Піярское училище. Въ двухъ школахъ обучаются дѣти по Ланкастеровой

методѣ. Недавно открыта еще школа *Воскресная* для ремесленниковъ, въ которой молодые люди сего класса учатся первымъ началамъ, и въ которой считается уже до 800 человѣкъ учащихся.

— Г. *Мезеръ* (Moeser), первый скрыпачь капели Е. В. Короля Прусскаго, въ бытность въ Варшавѣ прошлаго Мая, удивилъ и восхитилъ всѣхъ неподражаемою своей игрою. Сей виртуозъ (такъ написано въ Газетѣ Варшавской) показалъ то, чего публика еще невидала ни въ славномъ *Роде*, ни въ единственномъ *Балiо*, ни въ *Дюранѣ* и *Полледрѣ*. Вѣрность игры, чистота, ловкость, изящность тона, выраженiе, нѣжность, свободное движенiе смычка — все доведено до послѣдней степени совершенства. Г. *Мезеръ* долженъ былъ повторить свое *рондо* à la Russe по желанiю обвороженныхъ своихъ слушателей.

— Главнымъ поводомъ къ изобрѣтенiю извѣстныхъ ракетъ Конгревовыхъ безъ сомнѣнiя была книга, сочиненная Австрiйскимъ Капитаномъ *Михаелемъ*, которой въ описанiи полевыхъ орудiй, говоря о приготовленiи ядеръ противъ Турковъ, именно упоминаетъ о тѣхъ же разрушительныхъ дѣйствiяхъ, какiя свойственны Конгревовымъ ракетамъ. Михаелъ и свои орудiя называетъ *ракетами* же.

— Кромѣ Вехабитовъ, кромѣ Египетскаго Паши Мегмеда, еще появляется новое лице, страшное для Турецкаго Султана: это предпріимчивый *Абдалла-Беръ-Ганебъ*, старшій сынъ и преемникъ недавно умершаго Имана святыхъ городовъ Мекки и Медины. Онъ объявилъ о намѣреніи своемъ освободить Аравію и Египетъ отъ ига Турецкаго и основать великое независимое царство истинной религіи.

— Теперь открылось, почему Римскіе Католики лишились права охранять Святый Гробъ въ Іерусалимѣ. Не получая денежныхъ пособій изъ Европы, они не въ состояніи были платить Портѣ обыкновенной дани; напротивъ того Греки всегда съ точностію исполняли свою повинность, и по сей причинѣ Гробъ Господень отданъ имъ въ охраненіе.

— Къ прибытію въ Познань Е. В. Короля Прусскаго приготовлены были воинскія и другія забавы. Между прочимъ данъ былъ турниръ, окончившійся кадрилью на лошадяхъ при музыкѣ, составленной изъ однихъ трубачей.

Благотворенie.

Полученныя при запискѣ отъ неизвѣстной благотворительной Особы *девять* рублей (считая на государств. ассигн.) будутъ, по ея желанiю, отданы вдовѣ служившаго въ Екатерининской больницѣ аптекаря, Настасьи Гавриловнѣ Чудновской.

ПОПРАВКИ.

Въ No 11 *мъ Вѣстн. Европы* 1818 *года.*

Напечат:			Читай:
Стран.	Строк.		
102.	19.	благороденъ	облагорожденъ
106	10.	*Λαυτου*	*αaυτου*
110	22.	*προϭoν*	*προς ον*
116	34.	*Κακουςαρχη*	*κακου αρχη*
119	31.	Is. Vols.	Her Vols.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 12.

IЮНЬ 1818.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Мечта и истина. Арабская сказка.

(*Изъ сочин. г-жи Дюфренъ.*)

Нѣтъ такого человѣка, который бы пламенно не желалъ себѣ счастія и не искалъ бы всечасно средствъ сдѣлаться счастливымъ; равно какъ нѣтъ человѣка, которой бы не жаловался безпрестанно на то, что не можетъ достигнуть сего блага — единственной цѣли всѣхъ трудовъ и попеченій человѣческихъ. Откуда происходитъ, что изъ такого множества людей, гоняющихся за счастіемъ, рѣдкіе успѣваютъ овладѣть имъ? Отъ того, что большая часть людей сбивается съ дороги, ведущей къ нему, и что когда она однажды потеряна, то почти невозможно отыскать ее. Сія сказка, представляя великія истины подъ завѣсою вымысла, утверждаетъ меня во мнѣніи моемъ. Алимекъ, пастухъ

Аравійскій, стерегъ стадо свое, бродящее съ паствы на паству, и въ одинъ день замѣтилъ подъ горою гротъ, осѣненный деревьями, составлявшими бесѣдку. Алимекъ почувствовалъ любопытство осмотрѣть сіе мѣсто. При входѣ гротъ былъ мраченъ; но лучъ свѣта озарялъ внутренность грота. Вступивши въ него, пастухъ нашелъ кошелекъ, кольцо и старую бумагу. Съ живостію схватилъ кошелекъ; но увидѣвши, что онъ былъ пустъ, вскричалъ: „Проклятый! ты только „обманулъ меня! Пусть бы хоть немного на-„шлось въ тебѣ денегъ; а то совсѣмъ ничего! „Ступай опять туда, гдѣ былъ до сихъ „поръ!" — И съ презрѣніемъ бросилъ кошелекъ на землю.

Звукъ, изданный имъ, походилъ на звукъ золота. Удивленный пастухъ поднялъ опять кошелекъ, и нашелъ его дѣйствительно полнымъ дорогаго металла. „Что за волшебство? Но какъ бы то ни было, я возьму кошелекъ." Сказавъ сіи слова, взялъ и кольцо и старую бумагу, и проворно вышелъ изъ грота. „Простите" сказалъ тогда Алимекъ „луга и рощи! Обладая симъ сокровищемъ, я стану веселиться. Ахъ! еслибъ я былъ въ Меккѣ!... Едва онъ пожелалъ того, какъ вдругъ увидѣлъ себя посреди Мекки. Удивленный болѣе прежняго, трепещущею рукою развертываетъ бумагу и читаетъ: „Кошелекъ будетъ наполняться зо-

„потомъ по твоей волѣ всякой разъ, когда „ты приложишь кольцо ко рту; перенесешься въ одно мгновеніе, куда ни вздумаешь.“ Первое желаніе, которое Алимекъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ, и которое хотѣлъ онъ удовлетворить, было — видѣть новыя страны. По удобности своего путешествія онъ въ короткое время обозрѣлъ большую часть свѣта. Сначала Алимека чрезвычайно веселило разнообразіе въ мѣстоположеніяхъ, въ климатахъ, въ безчисленныхъ произведеніяхъ Природы, въ одеждахъ, въ обычаяхъ и въ успѣхахъ искусствъ. По прошествіи нѣкотораго времени удовольствіе, находимое имъ въ перемѣнѣ мѣстъ, ослабѣло; чѣмъ болѣе пробѣгалъ онъ земель, тѣмъ менѣе находилъ новыхъ предметовъ для наблюденія. Наконецъ онъ удостовѣрился. что Природа и искусство представляютъ почти вездѣ одно и то же, и что нравы и обычаи людей различаются одними только легкими оттѣнками. Когда удовольствіе новости исчезло, любопытство Алимеково исчезло также; и, соскучась перемѣнами, онъ захотѣлъ основать себѣ жилище.

Константинополь былъ избранъ для онаго. Сей городъ, въ которомъ достаточный человѣкъ можетъ наслаждаться всѣми удовольствіями, представлялъ ему сверхъ того выгоду разговаривать со всѣми народами и

странахъ имъ видѣнныхъ. Алимекъ, поселившись въ Константинополѣ, не думалъ ни о чемъ болѣе, кромѣ забавъ и угожденій всѣмъ своимъ прихотямъ. Но вскорѣ онъ утомился отъ такого рода жизни; наслажденія самыя утонченныя стали для него непріятны: чѣмъ болѣе онъ выискивалъ различныхъ удовольствій, тѣмъ болѣе чувствовалъ пресыщеніе. Пустая душа его была снѣдаема несносною скукой. Жестокая болѣзнь, слѣдствіе безпорядковъ, доказала ему наконецъ, что жизнь праздная, разнѣженная не можетъ доставить блаженства, и Алимекъ рѣшился искать его въ трудахъ, достойныхъ уваженія.

Богатство легко доставило ему покровителей и друзей; познанія, пріобрѣтенныя имъ въ путешествіяхъ, дѣлали его, въ общемъ мнѣніи, способнымъ къ отправленію дѣлъ самыхъ важныхъ. Онъ скоро достигъ, восходя отъ степени на степень, самыхъ высокихъ должностей, и наконецъ получилъ мѣсто Великаго Визиря. Дѣла начали обременять его; повелѣнія Государя, требованія подданныхъ не давали ему покоя ни на минуту. Волненія Сераля, злоумышленія и ковы завистниковъ, происки его соперниковъ причиняли ему непрестанное безпокойство и страхъ. Алимекъ испыталъ, что титла и почести суть не иное что какъ пышное рабство.

Будучи изнуренъ новымъ родомъ мученія, онъ мечталъ объ освобожденіи своемъ отъ онаго, какъ вдругъ пришло въ Константинополь извѣстіе о близкой войнѣ съ Персіею. Алимекъ, получивши предписаніе идти съ многочисленною арміею низложить гордость неприятелей, воспламенился любовію ко славѣ, и летѣлъ на сраженія.

Онъ увѣнчался побѣдою при двухъ битвахъ; неприятели, совершенно разстроенные, увидѣли себя въ необходимости оставить провинцію, которую-было уже заняли. Великій Визирь былъ до небесъ превозносимъ похвалами во всѣхъ мѣстахъ Имперіи; въ столицѣ готовились принять его со всевозможнымъ великолѣпіемъ; прекраснѣйшее торжество ожидало его, какъ вдругъ, по несчастію, онъ попавши въ засаду, устроенную неприятелями, потерялъ при етомъ случаѣ знатную часть своей арміи. Обстоятельства перемѣнились въ одну минуту: похвалы превратились въ проклятія, и вмѣсто приготовленнаго торжества поднесли ему веревку.

Алимекъ прибѣгнулъ къ своему кольцу, перенесшему его тотчасъ въ Индію. Осмотрѣвъ многія мѣста земли сей, онъ рѣшился остаться въ Голкондѣ.

Селима, Королева Голкондская, была столь рѣдкой красоты, что ее называли

чудомъ Азіи. Алимекъ былъ пораженъ красотою Селимы; онъ въ туже минуту почувствовалъ къ ней самую сильную страсть, искалъ счастія бышь представленнымъ ко Двору, и успѣлъ въ етомъ. Великолѣпіе, которымъ Алимекъ окружилъ себя, пріятности, которыми онъ отличался, его благородные и привлекательные поступки, живые, краснорѣчивые и разнообразные разговоры его, сообщаемыя имъ свѣдѣнія о многихъ странахъ, обратили на него вниманіе Королевы. Она пригласила его пожить нѣкоторое время въ Голкондѣ; онъ согласился на сіе приглашеніе съ радостію. Для него приготовлялись празднества, охота, увеселенія всякаго рода: вездѣ являлся онъ съ блескомъ; пышность его свиты, драгоцѣнность одежды подавали самое высокое мнѣніе о богатствѣ его и вкусѣ. Селима возымѣла къ Алимеку мало помалу дружескую довѣренность; наконецъ возымѣла къ нему и любовь, и даже подавала ему надежду получить свою руку. Упоенный радостію, Алимекъ думалъ, что напослѣдокъ достигъ блаженства, котораго тщетно искалъ столь долго. Между тѣмъ царедворцы, завистливые и ревнивые, взирая не иначе какъ съ величайшимъ прискорбіемъ на необходимость повиноваться чужестранцу, составили противъ него самый ужасный заговоръ. Они умѣли такъ искусно придать клеветѣ видъ истины, такъ ясно доказали небывалое

преступленіе Алимеково, что Королева повелѣла лишить его жизни. Кольцо спасло его и отъ сей новой опасности.

Отчаянный, съ душею растерзанною сожалѣніемъ, что исчезла въ одно мгновеніе ока очаровательная мечта о прочномъ блаженствѣ, Алимекъ прошелъ многія страны Азіи, не зная, гдѣ ему остановиться, и неся повсюду съ собою грусть и скуку, снѣдавшія его сердце; наконецъ прибылъ онъ въ Китай.

Однажды, когда Алимекъ, предаваясь горестнымъ мыслямъ своимъ, проходилъ уединенными полями, вдругъ отдались въ слухѣ его музыкальные звуки и радостныя восклицанія. Любопытствуя знать причину оныхъ, Алимекъ пошелъ въ ту сторону, откуда они происходили. Приближась къ одному сельскому дому, онъ увидѣлъ толпу крестьянъ и крестьянокъ, плясавшихъ подъ звуки инструментовъ и голосовъ. Удивленный живою и чистою веселостію, одушевлявшею каждое лице, онъ подошелъ ко старцу съ бѣлыми власами, съ радостію во взорахъ, почтенному, сохранившему всю бодрость среднихъ лѣтъ. Сей старецъ смотрѣлъ съ большимъ удовольствіемъ на веселящихся. Алимекъ спросилъ у него, что было причиною етаго празднества необыкновеннаго.

„Оно вовсе не есть необыкновенное,“ отвѣчалъ старецъ„ и бываетъ въ каждый день, посвященный спокойствію, послѣ того какъ мы воздадимъ богамъ должное благодареніе.“

— Вы стараетесь такимъ образомъ утѣшиться въ несчастной жизни, которую ведете въ прочіе дни? — „Я уже переступилъ за шестьдесятъ лѣтъ етой жизни по милости боговъ, но не могу сказать, чтобы находилъ ее несчастною. Я знаю, вы, большіе господа, думаете, что нѣтъ счастія тамъ, гдѣ нѣтъ блеску; но мы, простые крестьяне, когда намъ случится быть въ городахъ и пробраться въ чертоги ваши, мы видимъ смятенія и безпокойства, въ нихъ царствующія, и ваше богатство возбуждаетъ болѣе сожалѣніе въ насъ, нежели зависть. Вы никогда не наслаждаетесь миромъ; скупость, честолюбіе, война, раздоръ лишаютъ васъ онаго каждую минуту; а тамъ, гдѣ нѣтъ мира, нѣтъ и счастія. Мы не такъ богаты, какъ вы; едва знаемъ, что такое золото и серебро: но то, что вы обязаны покупать, доставляютъ намъ стада и земли наши, и мы довольны.“ — Для меня непонятно, какъ могутъ люди, обязанные сносить столько трудовъ, сказать, что они счастливы. — „Трудъ“ отвѣчалъ старецъ „можетъ казаться тягостнымъ тому, кто давно привыкъ къ праздности; но для насъ имѣетъ онъ

приятность. Я никогда не провождалъ столь скучныхъ часовъ какъ тѣ, въ которые однажды болѣзнь заставила меня прекратить обыкновенные труды мои. Время казалось мнѣ тогда длиннымъ до безконечности. Но когда я работаю, то часы текутъ такъ, что совсѣмъ ихъ не примѣчаю и не чувствую ни на одну минуту бремени той скуки, которую находилъ столь жестокою, когда былъ принужденъ ничего не дѣлать." — Но бремя трудовъ еще нестерпимѣе. — „Оно нестерпимо для раба, которой обязанъ сносить его противъ своей воли, и не можетъ успокоиться, когда имѣетъ нужду въ успокоеніи; но между нами етаго нѣтъ: уставши, я отдыхаю, и потомъ принимаюсь опять за дѣло съ удовольствіемъ. То, что вы называете трудами, бываетъ тогда приятнымъ упражненіемъ: работа занимаетъ насъ и отводитъ отъ всякой мрачной мысли. Будучи крѣпче и здоровѣе, нежели вы, мы не знаемъ тѣхъ золъ, которымъ люди празные столь часто подвергаются; пища наша приправлена аппетитомъ; сонъ нашъ спокоенъ; и въ то время, когда мы предаемся трудамъ, надежда получить прибыль есть для насъ такое наслажденіе, котораго ваши богачи и вельможи не знаютъ. Каждый шагъ, когда ступаю на своемъ полѣ, припоминаетъ мнѣ о времени жатвы, и ета мысль доставляетъ мнѣ всѣ удовольствія разомъ." — Но

выгода, извлекаемая вами изъ столь продолжительныхъ трудовъ, очень не важна въ сравненіи съ тѣми безчисленными выгодами, которыми пользуются богатые люди, не принимая на себя никакого труда. — „Когда мнѣ хочется пить, и когда могу утолить жажду изъ маленькаго ручья, — какая мнѣ нужда, что другіе утоляютъ жажду свою изъ большой рѣки! — Поле мое и стадо удовлетворяютъ всѣмъ моимъ потребностямъ: чегожъ мнѣ желать болѣе? — Благоденствіе состоитъ не въ томъ чтобы обладать великими сокровищами; но въ томъ чтобы довольствоваться пріобрѣтаемыми отъ трудолюбія, или фортуны. Вы, которые плаваете въ изобиліи, вы беднѣе насъ, потому что желанія ваши обширнѣе. Природа предписываетъ намъ немного нуждъ; къ тому же ихъ легко удовольствовать: вы творите себѣ тысячу нуждъ произвольныхъ, которыя обращаются для васъ въ причину непрерывной скорби. Три вещи — и вы можете повѣрить старцу, наученному долговременнымъ опытомъ — три вещи достаточны для счастія: миръ, трудъ и веселость. Сохраните душевную тишину, отдалите отъ себя чувство ненависти, удержите страсти, влекущія за собою раскаяніе; сносите мужественно зло, неразлучное съ природою человѣческою; прогоните скуку, убѣгая праздности; наслаждайтесь съ разсуд-

комъ тѣми благами, которыя Небо даровало вамъ: и вы будете счастливы.“

Алимекъ пришелъ въ замѣшательство, нашедши столько здравомыслія въ деревенскомъ жителѣ; особливо же послѣдняя часть разговора поразила Алимека. Разставшись съ достопочтеннымъ старцемъ, онъ повторилъ ее въ мысляхъ и сказалъ самому себѣ: ето блаженство, котораго я ищу такъ ревностно, находится дѣйствительно въ деревняхъ; оставя поля, я только что удалился отъ блаженства. Ахъ! сколь бѣдственнымъ было для меня ето сокровище, которому я такъ обрадовался въ гротѣ! Какую выгоду оно доставило мнѣ? Безпокойство и скуку многихъ путешествій, съ которыхъ я не собралъ инаго плода, кромѣ печальнаго убѣжденія, что злоба людей вездѣ одинакова, и что они различествуютъ между собою только родомъ сумазбродства. Почувствовавши отвращеніе отъ неприятныхъ забавъ, ни въ какую минуту не подававшихъ мнѣ истиннаго удовольствія и ведшихъ меня на край могилы, я внялъ гласу благороднаго честолюбія: къ чему же мнѣ ето послужило? Ставъ жертвою злоухищреній, въ награду за мои долговременныя услуги, я получилъ веревку. Претерпѣвши жестокую измѣну отъ женщины, мною боготворимой, я брожу, не зная самъ что будетъ со мною,

и каждый день содѣлываетъ меня несноснѣйшимъ для самаго себя. Не лучшель было бы, еслибъ я остался въ первомъ своемъ невѣжествѣ? Я не имѣлъ вкусныхъ яствъ, но мои были приправлены аппетитомъ; одежда моя была груба, но она лучше защищала меня отъ непогоды, чѣмъ та, которую мода предписывала носить. Жилище мое составляла бѣдная хижина; но какой сладкой сонъ я вкушалъ въ ней! Никогда горестное сновидѣніе, печальная мысль не нарушали ночнаго моего спокойствія. Дни мои проходили въ смотрѣніи за стадомъ, въ обработываніи поля: сіи деревенскія упражненія не предпочтительнѣель той ужасной скуки, которая не разъ мучила меня въ другомъ состояніи? Ахъ, какъ справедливъ етотъ почтенный старецъ, котораго Небо послало мнѣ, чтобы исторгнуть меня изъ безумныхъ моимъ мечтаній! Гласъ его — гласъ Бога покровителя, который зоветъ меня на путь истины, мною оставленной.

Проведши всю ночь въ такихъ размышленіяхъ, Алимекъ всталъ съ первымъ лучемъ утра и пошелъ къ доброму старцу просить его, чтобы онъ дозволилъ жить вмѣстѣ съ нимъ, для приобрѣтенія тѣхъ благъ, которыя столь постоянно убѣгали Алимека. Старецъ сказалъ ему съ улыбкою: „Я радъ, видя что невинность и простота

нашего образа жизни нравится вамъ сегодня болѣе нежели вчера; но она сотворена не для васъ, и счастiе обитаетъ не въ однѣхъ только деревняхъ: вы можете его найти и посреди городскаго шума, и въ нѣдрахъ изобилiя. Чтобы наслаждаться счастiемъ, должно — повторяю — сохранять миръ души, быть довольнымъ благами, которыя имѣешь, обуздывать излишнiя желанiя, всегда ненасытимыя по ихъ свойству, и учредить для себя мудрыя занятiя.“

— Все это правда; — отвѣчалъ Алимекъ: — но за чѣмъ я пойду искать далеко того, что нахожу здѣсь! Впрочемъ жизнь, которую ведете, для меня не чужда; я легко могу привыкнуть къ ней. — Онъ объявилъ старцу о состоянiи, въ которомъ родился, и какъ вышелъ изъ него; наконецъ, поднося ему кошелекъ и кольцо, сказалъ: примите сiи дары и дозвольте мнѣ остаться навсегда съ вами. — „По желанiю вашему“ отвѣчалъ старецъ „принимаю дары ваши, но не съ тѣмъ, чтобы пользоваться ими: да сохранитъ меня Небо отъ такой бѣдственной мысли! Вы будете властны взять ихъ назадъ, испытавши ту жизнь, въ которую теперь вступаете. Какъ бы рѣшительность ваша ни была благоразумна, только она немного поспѣшна, и вы можете еще почувствовать раскаянiе. Живите съ нами сколько вамъ угодно. Если же когда

нибудь соскучитесь, то потребуйте обратно залогъ, который мнѣ ввѣряете, и удалитесь."

Алимекъ, плѣнясь ласковымъ приемомъ старца, изгналъ изъ разума своего всѣ тѣ тщетные помыслы, которые до сихъ поръ мучили его. Онъ нашелъ въ тишинѣ, въ хозяйствѣ и трудахъ сію чистую забаву, сіе полное удовольствіе души, которыхъ еще не вѣдалъ. Будучи съ каждою минутою довольнѣе своею участію, онъ сталъ думать о средствѣ усугубить и продлить до конца жизни счастіе свое. Старецъ имѣлъ дочь, украшенную всѣми прелестями и всѣми добродѣтелями; Алимекъ просилъ себѣ ее въ супружество: но старецъ, знавшій очень хорошо непостоянство сердца человѣческаго, не полагался на твердость Алимекову, и потому не прежде увѣнчалъ его желанія, какъ уже удостовѣрившись многими опытами, что онъ не перемѣнитъ ни состоянія, ни жилища. Достигнувъ того совершеннаго блаженства, котораго богатство, забавы и почести не могли ему доставить, Алимекъ зарылъ глубоко въ землю кошелекъ и кольцо, для того чтобы они не возбудили и въ другихъ желанія искать счастія тамъ, гдѣ его нѣтъ.

К. Ш — въ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Посланіе къ моему другу-воспитаннику о пользѣ путешествія по Отечеству.

Парижъ есть истинная зараза, которая хотя молодаго человѣка не умерщвляетъ физически, но дѣлаетъ его навѣки шалуномъ и ни къ чему неспособнымъ.

Ф. Визинъ.

Такъ! книги хороши, объ етомъ спора нѣтъ;
Но лучше ихъ Природа, безъ сомнѣнья,
И часто взглядъ одинъ полезнѣй многихъ лѣтъ
Ученья.
Видъ сельской и портретъ
Прекрасны, живы на холстинѣ;
Но подлинникъ всегда мы предпочтемъ картинѣ.
Я плачу, какъ дитя,
Одинъ и про себя трагедію читая;
Но разница большая,
Когда въ театрѣ я.
Великолѣпную зрю Греческую сцену,
Когда Семенова играетъ Поликсену,
Иль Шушеринъ преступнаго слѣпца,
Супруга матери, убившаго отца!

Я забываю шутъ актера и поэта;
Картина случаевъ и происшествій свѣта
На сценѣ предо мной.
Мучитель, дочь, отецъ и Царь дѣтьми гонимый.
Другъ! путешествія для насъ необходимы!
Сухія книги ты закрой
И книгу разверни вселенныя большую;
Взгляни на общество — картину подвижную;
Кинь любопытный взоръ
На сей театръ, гдѣ каждый посѣтитель
По волѣ — пьесы зритель,
Неволею — актеръ.
Ты кончилъ кругъ наукъ; душа твоя готова
Обычаи и нравы наблюдать,
Смотрѣть, судить и заключать.
Путь добрый! . . . . Нѣтъ, постой, позволь сказать полслова:
Не думай, что въ Парижъ хочу тебя послать;
Избави Богъ меня совѣтъ такой подать!
Парижъ, однообразности столица,
И ты въ немъ все — одежду, моды, лица,
Учтивость, ласковость одну и тужъ найдешь;
Въ немъ много времени убьешь;
А время дорого: летятъ часы, недѣли!
Спѣша идти прямой дорогой къ цѣли!
Притомъ, мой юный другъ! признаться ли, что я,

Другъ старый твой, боюся за тебя;
Боюсь, что ты, сперва степенный наблюдатель,
Но вихремъ увлеченъ — самъ будешь подража-
тель.

Чужое платье не нарядъ;
Хотя и въ золотѣ, красиво и богато,
Но или жметъ, иль мѣшковато.
И нравы чуждые для силъ душевныхъ ядъ,
Чувствъ бодрость разслабляютъ,
Способностямъ вредятъ
И изкажая умъ, его не украшаютъ.
Мы странны съ ловкостью поддѣльной чуж-
дыхъ странъ:
Медвѣдь съ косматой шубой,
Съ тяжелой поступью, съ своей осанкой грубой
Снооснѣе обезьянъ.
Прошелъ тотъ вѣкъ, когда Французъ-власоче-
сатель,
Другъ дома, поваръ, воспитатель,
Россійскихъ баръ кормилъ, училъ и наряжалъ,
И путешествіе въ Ферней на поклоненье,
Въ Версаль, въ Пале-Рояль, въ Парижскій мод-
ный свѣтъ,
Для юноши въ осьмнадцать лѣтъ
За высочайшее считалось просвѣщенье.
Перемѣнила все послѣдняя война;
Другія времена,
Другіе нравы!
Другъ добродѣтели, побѣды, славы,

Смиренный церкви сынъ,
Полувселенной повелитель,
Вселенныя освободитель,
Свое достоинство извѣдалъ Славянинъ.
Чего недостаетъ великому народу,
Любящему Царя, Отчизну и свободу?
Кто добродѣтеленъ, чего тому искать?
Отечество намъ надо знать!
Имѣемъ мы свою прекрасную Природу,
Своихъ святителей, героевъ, мудрецовъ,
Градоправителей, художниковъ, пѣвцовъ.
Бесѣда съ славными живыми наслажденье;
При нихъ сильнѣй въ душѣ къ дѣламъ великимъ
рвенье:
Красноречивъ умершихъ славныхъ прахъ.
Съ душею говорятъ: кумиръ въ степяхъ
И ковылемъ курганъ поросшій дикій,
И Пскова пустыри,
И Новгородъ Великій,
И вкругъ печальные его монастыри;
И грознаго Батыя градъ пустынный
Обитель жабъ и змѣй;
И Нижній-Новгородъ картинный
Съ рѣкою пышною своей,
И Воскресенскъ и Соловецкъ старинный.
Россія — цѣлый свѣтъ!
Я видѣлъ Астрахань — сей памятникъ чудесной
Терпимости небесной
Россіянъ — истинныхъ по духу христіанъ.

Тамъ Браминскій пагодъ и подлѣ храмъ Армянской;
И церковь Лютеранъ
Съ мечетью тамъ Магометанской;
Тамъ церкви Греко - Россіянъ
Въ сосѣдствѣ съ церквой Католицкой,
Съ Гернгутерской стоятъ;
Часовня староверцевъ въ рядъ
Съ кибиткой идоловъ Калмыцкой;
Тамъ въ ночи лѣтнія всегдашній маскерадъ
На улицахъ большихъ какъ въ масляницу шумный,
Веселый, многолюдный.
Съ какою сладостью бросалъ я жадный взглядъ
На пестрое сіе собраніе Лезгинцевъ,
Хивинцевъ, Калмыковъ, Бухарцовъ, Кабардинцевъ,
Киргисъ-Кайсаковъ, Персіянъ,
Каракалпаковъ и Армянъ,.
Грузинъ, Черкесъ, Татаръ, Индѣйцовъ и Дугорцевъ,
Уральцовъ и Донцовъ;
И безпощадныхъ Черноморцевъ,
И страшныхъ хищныхъ Гребенцовъ!
Я видѣлъ Кіевъ златоглавый:
Здѣсь первый лучь воинской славы
Надъ колыбелію Славянъ.
Отсель Олегъ въ предѣлы южныхъ странъ
Помчался съ смѣлою дружиной

Порогами Днѣпра и Черною пучиной;
И на колесахъ въ челнокахъ
Покатымъ берегомъ, какъ будто въ колесницѣ,
И знамя водрузивъ предъ Греческой столицей,
Прибилъ свой щитъ на воротахъ.
Съ сихъ горъ крутыхъ, противнымъ страхъ,
Нашъ сѣверный Ахиллъ, бичь Юга и Востока,
Въ подобьи бурнаго потока
Нахлынувъ съ войскомъ, все ломилъ, крушилъ
и рвалъ,
И бранную сюда добычу посылалъ.
Съ сихъ горъ свѣтилъ Владимiръ, солнце
наше!
Здѣсь въ свѣтлыхъ теремахъ, гдѣ вкругъ за-
ря видна,
Гдѣ солнце въ день, въ нощь звѣзды и луна,
Пилъ сладострастье полной чашей;
Сребромъ и златомъ посыпалъ,
И въ пологахъ золототканныхъ
На скатертяхъ камчатныхъ браныхъ
Князей, богатырей и гридней угощалъ,
Съ парчи на бархаты ступалъ,
И Царство Русское судомъ, торговлей, ратью
И Князя мудростью прославилось окрестъ.
На сихъ горахъ Андрей воздвигнулъ первый
крестъ,
И Духъ Святый слетѣлъ на градъ сей благо-
датью,
Какъ древле бездну тмы крыломъ его покрылъ,

Въ немъ вѣры сѣмена таящейся раскрылъ,
Назнаменалъ своей Владиміра печатью:
Жива душа! убита плоть!
Умолкнули пиры, спѣсь царская смирилась,
И жажда славы утолилась,
И надъ Россіею возцарствовалъ Господь!
Здѣсь подземельныя разбойничьи пещеры
Преобразилися въ обитель чистой вѣры,
Гдѣ иноки себя живые погребли
И въ созерцаньи дни святые провели.
Здѣсь, здѣсь въ монастырѣ вдовицы,
И жены и дѣвицы
Приютъ отъ бурь мірскихъ нашли.
Блаженна дѣва здѣсь съ думою непорочной!
Ея веселье прочно;
Она забыла свѣтъ —
И свѣтъ забылъ ее порочной.
Господь всѣхъ чувствъ ея предметъ,
Ея душа благоговѣнье.
Въ бесѣдѣ сладостной игуменьи, подругъ,
Днемъ всѣ часы ея дѣлятъ себѣ досугъ,
Молитвы теплыя, работа, слезы, бдѣнье;
А ночью легкій сонъ слетаетъ къ ней какъ другъ
И тихо опускаетъ вѣжды
Въ объятіяхъ вѣры и надежды.
Ея привязанность вѣчна,
Прекрасны всѣ ея желанья;
Къ Христу душа устремлена,
Объ небѣ воздыханья.

На ясный ликъ ея лучь чистый благодать
Бросаетъ въ часъ отдохновенья,
И Ангелы съ небесъ слетаютъ къ ней шептать
Плѣнительныя сновидѣнья.
Ей снится, что Женихъ небесный, свѣтлый къ ней
Съ кольцомъ подходитъ обручальнымъ;
Внимаетъ голосу божественныхъ рѣчей
И ликамъ Ангеловъ вѣнчальнымъ;
И видитъ, ей плетутъ изъ райскихъ розъ вѣнецъ,
И ароматы съ крылъ ей Серафимъ свѣваетъ.
Когда же Богъ пошлетъ желанный ей конецъ,
Она при звонѣ арфъ небесныхъ засыпаетъ,
И здѣсь закрывъ глаза, на небѣ открываетъ.
Я посѣтилъ и славную Казань,
И тинистый Булакъ, и брегъ Казанки дикій,
И Царскій лугъ, и озеро Кабань,
И поле Арское, гдѣ бушевала брань,
Гдѣ Іоаннъ, еще не грозный, но Великій,
Хоругвь Димитрія святую водрузилъ
И душу положить за свой народъ готовый —
О имени Творца подвигся съ сонмомъ силъ
На приступъ роковой — пить общу чашу крови...
Ужасный часъ! Когда діаконъ возгласилъ:
Да будетъ пастырь въ васъ единъ, едино стадо...
И башни рухнулись съ оградой
Ко Іоанновымъ стопамъ.
Я посѣтилъ Музъ здѣшнихъ новый храмъ,

По рощицамъ лавровымъ
Въ садахъ его бродилъ,
И вмѣстѣ съ Мерзляковымъ
Я къ АЛЕКСАНДРУ говорилъ:
„Сіяй и согрѣвай насъ, Сѣвера денница!
„Приди и посѣти и виждь сей вертоградъ,
„Его же насади для насъ ТВОЯ десница,
„Его же угобзилъ щедротами стократъ,
„Его же оградилъ побѣдою и славой!“
Я видѣлъ памятникъ побѣды подъ Полтавой:
На сей равнинѣ кровь лилась,
Багровая земля тряслась,
И громъ и стонъ и крикъ, и пыль и дымъ и пламень;
По небесамъ пожаръ бѣжалъ; —
И сломленъ Шведскій строй и Русскій устоялъ!
Петрова града здѣсь краеугольный камень!
Въ обитель Сергія со страхомъ я вступалъ;
Толпилися въ душѣ моей воспоминанья:
Мнѣ слышались стенанья,
И звонъ цѣпей,
И свистъ бичей,
Подъятыхъ надъ рабами . . . .
Столица Россіянъ посыпана золой
И полита ихъ кровью и слезами;
Но въ сей обители святой
Подъ пепломъ тлилась искра чести . .
Здѣсь вспылало чувство мести,

Отселѣ двинулись дружины наши въ бой.
Здѣсь Дмитрій Сергія приялъ благословенье —
И сильный вѣрой въ Провидѣнье,
Какъ вихорь прахъ, разсѣялъ онъ Татаръ.
Отсель — почувствовавъ въ душѣ священный жаръ,
Съ полками полетѣлъ Москвы освободитель.
Чудотвореньями славна сія обитель:
Безвредно вкругъ нее Сарматскій громъ гремѣлъ,
Къ ней язва не касалась,
И Галлъ внести въ нее пожара не посмѣлъ;
Она какъ островъ возвышалась
Надъ моремъ зла.
Молились иноки, выдерживали битвы:
И святы ихъ дѣла,
Всесильны ихъ молитвы!
Я съ любопытствомъ осмотрѣлъ
Новорожденную Одессу.
Народъ, по улицамъ волнуяся, кипѣлъ,
И мачты въ гавани уподоблялись лѣсу;
Корабль влеталъ, корабль влетѣлъ,
И по равнинѣ синей влаги
Бѣлѣлись паруса и трепетали флаги.
Съ зарею шумъ меня съ постели поднималъ,
И стукъ сѣкиръ неумолкалъ;
Росли дома, анбары возвышались,
И лѣстницы вились и своды округлялись.
На стогнахъ я встрѣчалъ гостей, купцовъ
Изъ четырехъ земли концовъ:

Французовъ и Американцевъ,
Евреевъ, Англичанъ,
И Грековъ и Датчанъ,
И черныхъ Африканцевъ;
Торговля цѣпью золотой
Связала всѣ моря и земли межъ собой.
Но на тебя смотрѣлъ я съ большимъ уваженьемъ,
Сарепта тихая, селеніе Христа!
Цвѣтущая, какъ кринъ подъ сѣнію креста,
Неоскверненная въ полвѣка преступленьемъ.
Ахъ! въ низенькихъ твоихъ домахъ
Живетъ умѣренность, здоровье и блаженство!
Здѣсь братство въ сердцѣ — не въ устахъ,
И въ добродѣтели равенство.
И житель твой, не зная объ страстяхъ,
Съ душею ясной,
Спокойный домосѣдъ, проводитъ вѣкъ прекрасно
Въ молитвахъ и трудахъ.
Я зрѣлъ Кавказъ — передо мною
Вставали горы изъ за горъ;
Козбекъ и Ульборусъ блестящей бѣлизною
Одежды ослѣпляли взоръ;
Село изъ тучь приподнимали —
И сводъ небесъ на раменахъ держали.
На пропасти нависшій лѣсъ
Туманной пеленой ихъ ужасъ закрываетъ;
И вихорь-богатырь гуляя межъ древесъ,
Ломаетъ ихъ и съ корнемъ вырываетъ;

И молніями вѣнцы надъ черной скалъ гладкой,
И громы надъ громами;
И прорывая путь подъ сѣнію густой,
Между сплетенными корнями,
Сдвигая камни съ мѣстъ, стерзая брегъ, съ стремнинъ
Бросаются отважно воды
На мягкіе ковры долинъ.
Здѣсь все ужасное величіе Природы:
Ущелья, озера, вертепы, дичь лѣсовъ,
Обитель дикая свободы
Черкесовъ и орловъ;
И зря аулы дерзновенны,
Какъ гнѣзды птицъ къ скаламъ нависшимъ прилѣпленны,
Себѣ не вѣритъ взоръ.
Перуны, радуги и тучи подъ ногами;
И разноцвѣтными огнями
Горящія вершины горъ.
Веселая весна — въ долинахъ,
Суровая зима — въ горахъ.
Но въ благодатныхъ сихъ странахъ,
Гдѣбъ можно жить какъ въ небесахъ,
Разбой арканомъ угрожаетъ,
Кинжалъ надъ головой сверкаетъ,
И каждый житель на часахъ,
Забывъ изящную Природу,
Дрожитъ за жизнь свою, боится за свободу.
О если бы внушить религію любви

Лезгинцу и Черкесу?
И вѣры ложныя сорвать съ ихъ глазъ завѣсу!
Тогдабъ потухла месть наслѣдственна въ крови,
Пресѣклися бы ихъ междоусобны брани;
Стрѣлабъ искала только лани
И вепря мѣткій ихъ свинецъ.
Чего недостаетъ имъ къ тихой, мирной жизни,
Среди богатой всѣмъ и вольной ихъ отчизны?
Одежду отъ овецъ
Они безъ платы получаютъ,
Млекомъ ихъ кравы надѣляютъ,
Огонь даетъ тепло зимой,
Пещеры лѣтнюю прохладу,
Нагорный ключь поитъ водой,
И благовонный садъ густой
Подноситъ крупныя имъ кисти винограду.
Я видѣлъ свѣтлаго Сальгира берега,
Прекрасной Тавріи счастливыя долины.
Играютъ ручейки, смѣются тамъ луга,
И улыбаются утесы-исполины,
И ихъ огромность не страшитъ:
Ихъ образъ величавъ и дикъ, а не ужасенъ;
Сердитый моря видъ
Великолѣпенъ и прекрасенъ.
Подъ тихой ясностью Таврическихъ небесъ,
При чистомъ блескѣ ихъ лазури,
Не мчится на конѣ Черкесъ;
Внезапные, какъ горни бури,
Набѣги дикихъ не грозятъ:

Батыевы потомки мирны;
Таврида есть прекрасный садъ,
Великолѣпный и обширный.
Дорожки то висятъ надъ бездною морской,
То сокрываются въ ущельяхъ подъ горой,
То вьются поясомъ вкругъ скользкаго утеса,
Зміей межъ камнями уходятъ въ чащу лѣса;
То выше облаковъ
Ведутъ насъ въ горніе предѣлы;
Опустошенныя показываютъ селы,
Развалины градовъ,
И воскресающія кущи,
И море шумное то близко, то вдали,
И съ златомъ Русскихъ нивъ летящи корабли,
И грады новые цвѣтущи.
Вотъ, юный другъ! моя рука
Изобразила здѣсь слегка
Картины областей отчизны нашей славной,
Ни съ чьей въ подсолнечной неравной.
Прочти и согласись: Россія цѣлый свѣтъ!
Полезно странствовать во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ;
Благословенъ твой путь! изъ края въ край несися;
Но старика не забывай совѣтъ:
Ученѣй, опытнѣй и лучше возвратися!

Воейковъ.

Дерптъ.
1818 Года.

Надписи къ портретамъ (*).

1.

Къ портрету Государя Императора.

Какъ громъ небесъ — враговъ караетъ,
Какъ Мудрость — исправляетъ вѣкъ,
Какъ Богъ, щедроты льетъ, и олтари срѣтаетъ,
И помнитъ, что Онъ — человѣкъ.

2.

Къ портрету Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Чей ликъ — небесна благодать?
Кто сердца не страшитъ владычествомъ полсвѣта?
О Русскія сердца! какъ вамъ не угадать?
Не наша ль то Елисавета!

3.

Къ портрету Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

Отри слезу, страдалецъ бѣдный,
Взгляни на Ангела щедротъ;

(*) Сочиненныя 1818, Іюня 9 дня, въ Москвѣ, во время бала въ Благородномъ Собраніи, который осчастливленъ былъ посѣщеніемъ Высочайшей Фамиліи.

У насъ благотворить есть даръ Царей наслѣдный:

Се Мать Царя и Мать сиротъ!

4.

Къ портрету Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича.

Сей братъ и другъ Царя съ Суворовымъ леталъ;
Се Тотъ, чья грудь къ полкамъ побѣду призываетъ,
Кто въ дивный годъ и смертѣ и славу удивлялъ,
Чья скромность чудеса тѣ — службой называетъ.

5.

Къ портрету Великаго Князя Николая Павловича.

Часы страданія супруга и отца,
Часы восторговъ мы съ тобою раздѣляли,
Съ Тобой и о Тебѣ молили мы Творца;
И милаго Москвѣ Птенца
Въ полетъ орлиной провожали.

6.

Къ портрету Великой Княгини Александры Ѳеодоровны.

Что ликъ сей нынѣ намъ священный,
Что, Россы! намъ онъ говоритъ?
Онъ взору и сердцамъ даритъ
Луизы образъ незабвенный!

7.

Къ портрету Его Величества Короля Прусскаго.

Познать и бѣдствія, но выше оныхъ быть,
Смирить себя среди побѣдныхъ громкихъ ликовъ,
И другомъ человѣковъ слыть, —
Се доля славная Великихъ Фридериковъ!
— — — — — — — — — — —
И АЛЕКСАНДРОВЫХЪ друзей!
Прибавитъ Россъ въ душѣ своей.

Николай Иванчинъ-Писаревъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

Отрывки изъ разсужденія о Чистой Маѳематикѣ.

I.

Цѣль сочиненія.

Упражняясь много лѣтъ въ преподаваніи Маѳематики, вникая въ способы ученія другихъ наставниковъ, совѣтуясь съ людьми знающими и опытными, я увѣрился совершенно, что медленные успѣхи сей науки въ нашемъ Отечествѣ происходятъ единственно отъ того, что учащіе не наблюдаютъ счастливой средины: они или показываютъ своимъ ученикамъ одну только поверхность, не раскрывая главныхъ основаній, или вдаются въ мѣлочныя подробности, останавливающія дѣйствія ума. Первые возбуждаютъ къ наукѣ презрѣніе, а вторые — отвращеніе. Я считаю нужнымъ объяснить сіе лучше.

Обыкновенно думаютъ, что способы преподаванія Маѳематики должны быть различны, смотря по назначенію учащихся. Другими словами: кто готовится къ *учености*,

того должно учить и болѣе и лучше; воину надлежитъ показать только то, что полезно для его состоянія; для намѣревающагося отправлять должности мирнаго гражданина достаточно и того, чтобъ онъ умѣлъ считать и приобрѣлъ бы легкое понятіе о Математикѣ, дабы онъ, какъ говорятъ, не былъ невѣждою. О! какая ложная мысль!

Кто знаетъ состояніе наукъ въ другихъ странахъ Европы, на примѣръ во Франціи, Англіи, Германіи, тому извѣстно, что тамъ Математика не есть *ремесло*, но считается наукою; ею занимаются и литтераторы, и воины, и граждане. Ежели не ошибаюсь, то въ Германіи и Англіи курсъ Математики входитъ въ составъ курса Философіи (*).

Читая исторію успѣховъ ума человѣческаго, не трудно замѣтить, что наукамъ суждено обойти весь міръ, а не единовременно озарить его своимъ свѣтомъ. Каждый народъ болѣе или менѣе уважалъ Математику; но Греки, которые сдѣлались всеобщими наставниками и въ литтературѣ и въ искусствахъ и даже въ Философіи, считали Математику основаніемъ всѣхъ познаній. Вотъ неоспоримое свидѣтельство преимущества сей науки!

(*) По крайней мѣрѣ такъ было прежде.

Но примѣры не составляютъ полнаго доказательства; и потому, не распространяясь о семъ, предложу кратко общія основанія, которыя точнѣе покажутъ, что учиться Маѳематикѣ надлежитъ всѣмъ. — Неоспоримо, что умъ, управляющій всѣми нашими дѣйствіями и поступками, требуетъ образованія; а которая изъ наукъ можетъ столь скоро и вѣрно приучить насъ къ правильному размышленію и къ основательному, глубокому вниманію? Хотя Логика и учитъ разсуждать, однако она показываетъ однѣ токмо формы; Маѳематика же, особенно основная часть ея Геометрія, даетъ матерію для разсужденія. Логика по необходимости должна заимствовать примѣры изъ Геометріи (*).

Далѣе: никто не можетъ обойтись безъ познаній Природы; но что такое Физика безъ Маѳематическихъ вычисленій? Нютонъ, Лапласъ, Ейлеръ, Біотъ и многіе другіе не могли бы сдѣлать тѣхъ важныхъ открытій, которыя распространили свѣтъ на явленія Природы, если бы сіи великіе мужи не обладали обширными Маѳематическими свѣдѣніями.

Самыя искусства, особенно Архитектура, болѣе или менѣе опираются на Маѳе-

(*) Мнѣ случалось читать въ Логикахъ, изданныхъ на Русскомъ языкѣ, самые странные примѣры. Любопытный на первый случай можетъ заглянуть въ *Логическія наставленія* г-на Пр. Л. *Соч.*

матику. Не говорю уже о мореплаваніи, о наукахъ военныхъ, о практической механикѣ: всѣ знаютъ, что тутъ ни шагу не льзя сдѣлать безъ Маѳематики.

Заключимъ: Маѳематика есть основаніе всѣхъ человѣческихъ познаній; и такъ всякой долженъ ей учиться, если не съ равной обширностію, то по крайней мѣрѣ съ равною основательностію (*).

Теперь обратимся къ способностямъ людей. Замѣчено, что Руские имѣютъ умъ основательный и понятливость удивительную. По сему обязанность учителей Маѳематики состоитъ въ томъ, чтобъ подкрѣплять сіи благіе дары Природы, а не заглушать и не стѣснять ихъ. Вотъ почему, имѣя предъ собой различныя книги, изданныя во Франціи и въ другихъ странахъ Европы для преподаванія по нимъ Маѳематики, я ни одной изъ нихъ не находилъ удовлетворительною. Надлежитъ уподобиться трудолюбивой пчелѣ, которая составляетъ медъ изъ различныхъ веществъ. Но такая работа требуетъ великихъ усилій и средствъ, которыя не всякому достаются; ради сего, вмѣсто необдуманныхъ компиляцій, начальныхъ основаній Маѳематики и буквальныхъ переводовъ такихъ Маѳематическихъ книгъ, которыя не годятся и для того на-

(*) Не можно читать безъ удовольствія прекрасное сочиненіе г. Пр. Никольскаго: *Слово о пользѣ Математики.* 1816 года. Соч.

рода, на языкѣ коего онѣ написаны (*), надлежитъ кому-нибудь изъ опытныхъ и знающихъ свое дѣло людей взять на себя почтенный трудъ издать полную систему Математики, гдѣ наука была бы предложена въ нынѣшнемъ ея состояніи ясно, основательно, безъ отяготительныхъ подробностей, такъ чтобъ сія книга могла служить руководствомъ, которое довело бы желающихъ до глубочайшихъ познаній въ Математикѣ, и было бы удовлетворительнымъ для людей, не посвящающихъ себя особенно сего рода занятіямъ.

Не смѣю и думать о такомъ важномъ предприятіи; но желая участвовать въ немъ по мѣрѣ силъ своихъ, считаю не безполезнымъ предложить нѣкоторыя идеи о способѣ преподаванія Математики; а какъ прежде должно показать состояніе науки, то разсужденіе свое раздѣляю на двѣ части: на историческую и философскую, ограничиваясь токмо Чистою Математикой.

Здѣсь предлагаются на судъ читателей отрывки изъ сего разсужденія.

II.

Мнѣнія о началѣ Ариѳметики и Геометріи.

Исторія начинается преданіями. Сія преданія со временемъ совершенно теряются, или

(*) О книгахъ, которыя здѣсь разумѣю, сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ. *Соч.*

столько измѣняются, что надобно имѣть и большую проницательность ума и великое терпѣніе, дабы добраться до истины; а иногда и всякія усилія остаются тщетными. Таковыхъ сомнительныхъ пунктовъ въ Исторіи народовъ находится премножество. Ежели тотъ предметъ, коимъ занимались и занимаются ученые всѣхъ временъ, имѣя обильныя пособія въ лѣтописяхъ, памятникахъ и пр., не получилъ еще надлежащаго совершенства: то можно ли требовать, чтобъ исторія успѣховъ ума человѣческаго была удовлетворительною, когда современники почти не обращали вниманія на столь важную отрасль познаній потомства? — Такимъ образомъ почти ничего не льзя сказать рѣшительнаго о мѣстѣ рожденія Ариѳметики и Геометріи. Вотъ нѣкоторыя о семъ предметѣ мнѣнія.

Страбонъ считаетъ за несомнѣнное, что Финикіяне, какъ искуснѣйшіе торговцы, первые занимались Ариѳметикой; а Кедринъ увѣряетъ даже, что *Фениксъ*, сынъ *Агенора*, писалъ о сей наукѣ на языкѣ Финикійскомъ. Напротивъ сего Платонъ изобрѣтеніе чиселъ и счета приписываетъ *Тоуту* или *Тоту*; историкъ же древностей Іудейскихъ почитаетъ *Авраама* древнѣйшимъ Ариѳметистомъ. — Ежели справимся у другихъ народовъ, то безъ сомнѣнія каждый изъ нихъ найдетъ какія нибудь свидѣтельства, что и его предки участвовали въ изобрѣтеніи счета и бы-

ля непослѣдними Ариѳметистами. Что же изъ сего заключить должно? — То, по моему мнѣнію, что Ариѳметика также древна, какъ и родъ человѣческій. Ибо въ какомъ бы состояніи человѣкъ ни находился, всегда будетъ онъ окруженъ отдѣльными предметами; слѣдственно всегда долженъ будетъ *считать*, и десять пальцовъ его рукъ первые возбудятъ въ немъ сію необходимость. Здѣсь заключается и причина десятеричнаго счета почти у всѣхъ народовъ. — Думая такимъ образомъ, нахожу страннымъ, что достопочтенный Монтукла (Истор. Матѳ. Т. I, стр. 44) не хочетъ вѣрить, что Авраамъ умѣлъ считать, и говоритъ: *c'est un de ces traips, qui ne peuvent trouver de l'accueil qu'auprés de quelque compelateur dénué de critique et de raisonnemet* (это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые заслуживаютъ вѣроятіе компилятора, незнающаго критики и не размышляющаго). Такой приговоръ слишкомъ строгъ, и можетъ имѣть вѣсъ только въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ Ариѳметикѣ систематической; ибо вѣроятно, что Авраамъ не имѣлъ надобности сочинять учебной книги; но не уже ли кто повѣритъ, что или Египтяне, или Финикіяне, или другіе народы имѣли подобныя сочиненія.

Мнѣнія о началѣ Геометріи столь же разнообразны и столь же неосновательны. Проклъ въ своихъ комментаріяхъ на первую книгу

Евклидовыхъ Елементовъ увѣряетъ, что разлитіе Нила точно было первою побудительною причиною составленія начальныхъ правилъ о измѣреніи протяженнаго количества, и что посему-то Греки назвали сію науку *Геометріею*, т. е. *землемѣріемъ*. Ежели обольстимся етимологіею, то лучше повѣримъ Иродоту, который разсказываетъ, что Геометрія родилась въ то время, когда Сезострисъ изрылъ Египетъ многочисленными каналами. Нютонъ, принимая сіе мнѣніе, прибавляетъ, что Сезострисъ сдѣлалъ сіе по совѣту вельможи своего *Тота*, который есть тотъ же человѣкъ, что и *Озиридъ*. — Оба сіи мнѣнія могутъ быть справедливы только до нѣкоторой степени, именно: если Египтяне точно не хотѣли, или не могли положить постоянныхъ признаковъ разграниченія земель своихъ, то они и Царь Сезострисъ должны были прибѣгнуть къ искусственнымъ средствамъ для безобиднаго размежеванія; но безъ сомнѣнія ихъ средства не были собственно Геометрическія: ибо и нынѣ сельскіе жители, не зная Геометріи, умѣютъ раздѣлять поля свои. И такъ искать въ сихъ двухъ случаяхъ начала Геометріи, какъ науки, значитъ слишкомъ предаваться своему воображенію. Гораздо основательнѣе думаетъ Аристотель: „Маѳематическія познанія“ говоритъ онъ въ своей Метафизикѣ „родились въ Египтѣ; потому что въ сей странѣ жре-

цы, бывъ совершенно удалены отъ дѣлъ житейскихъ, имѣли досугъ предаваться ученію и размышленіямъ. Сіе подтверждаетъ Діодоръ, да и Метафизическое понятіе о Геометріи весьма благопріятствуетъ сему мнѣнію.

III.

О школѣ Θалесовой.

Θалесъ, родившійся за 640 лѣтъ до Р. Х., предпринималъ путешествіе въ Египетъ. Тамъ бесѣдовалъ онъ со жрецами; но трудно рѣшить, вознаградила ли сія бесѣда тѣ безпокойства, которыя мудрецъ долженъ былъ потерпѣть отъ продолжительнаго пути. Θалесъ удивилъ Амазиса, измѣривши при немъ пирамиды, безъ сомнѣнія, чрезъ пропорціональность сторонъ двухъ прямоугольныхъ треугольниковъ (*); слѣдственно жрецы не знали сего свойства треугольниковъ; слѣдственно Θалесъ или самъ открылъ оное, или понялъ темныя для жрецовъ начала Геометріи, начертанныя на столбахъ *Меркуріемъ Тремегистомъ*, если повѣримъ существованію

(*) Діогенъ говоритъ, что Θалесъ для измѣренія пирамидъ избралъ то мгновеніе, когда тѣнь отъ человѣка равняется его росту. Геній мудреца требуетъ, чтобъ мы предположили въ немъ и большее остроуміе и болѣе учености. *Соч.*

сихъ столбовъ. Но какъ бы то ни было, только Өалесъ возвратился въ Грецію съ обильнымъ запасомъ математическихъ познаній, и не подражая завистливымъ жрецамъ Египта, началъ открывать оныя своимъ согражданамъ. Удивленіе было соразмѣрно новости и важности истинъ: стеклось множество слушателей, и тѣмъ положено основаніе школѣ, которая получила наименованіе *Іонической*, отъ отечества ея основателя.

Геометрія одолжена Өалесу многими важными открытіями: жаль, что за недостаткомъ свидѣтельствъ не возможно именно означить сіи открытія; извѣстно только, что свойство круга, по коему всякой уголъ, имѣющій вершину на окружности и опирающійся своими сторонами на концы діаметра, есть прямой, восхитило его до такой степени, что онъ принесъ жертву Музамъ.

Преемникомъ Өалеса былъ ученикъ его Анаксимандръ. Историки пишутъ, что онъ первый началъ чертить геометрическія фигуры (*). За Анаксимандромъ слѣдовали Анаксименъ и Анаксагоръ (**), о коихъ знаемъ

(*) Смотри Biographie Universelle, ancienne et moderne. T 11, p. 48.

(**) Анаксагоръ, сынъ Гегезибула, родился въ Клазоменѣ, въ первый годъ 70 Олимпіады, за 500 лѣтъ до Р. Х. — Онъ презрѣлъ богатое наслѣдство и предался наукамъ; путешествовалъ по всѣмъ землямъ, гдѣ только на-

только вообще, что они занимались Математикою; о последнемъ же повѣствуютъ, будто бы онъ, находясь въ темницѣ, искалъ квадратуру круга.

Хотя сіи извѣстія весьма недостаточны, однако не льзя не усмотрѣть, что Өалесъ и его преемники положили для Геометріи твердое основаніе, и что она изъ искусства превратилась въ науку. Если же Іоническая школа не привела своихъ начатковъ къ большему совершенству, то причиною сего можно полагать сильное желаніе членовъ сей школы истолковать тайны Природы. Вначалѣ умъ человѣческой всегда блуждаетъ, не зная ни силъ своихъ, ни пособій, которыя успѣлъ заготовить.

IV.

О школѣ Пиөагоровой.

Пиөагоръ путешествовалъ въ Египетъ и въ Индію до береговъ Ганга. Вотъ слѣдствія сего путешествія.

Боецій (*) въ своей Геометріи говоритъ, что нѣкоторые Пиөагорейцы изобрѣли и упо-

дѣялся чему нибудь научиться. Въ Аөины возвратился онъ при Периклѣ, сдѣлался его другомъ, претерпѣлъ гоненіе и умеръ 72 лѣтъ въ бѣдности. *См. вышеприведенной книги ст.* 95.

(*) Боецій жилъ въ 5 и 6 столѣтіяхъ, былъ другомъ Өеодорика, который превраща-

потребляли въ своихъ исчисленіяхъ девять особенныхъ знаковъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе считали посредствомъ буквъ своего алфавита. Знаки сіи весьма сходны съ тѣми, которые получены нами отъ Арабовъ.

Монтукла приводитъ слѣдующія доказательства объ Индійскомъ происхожденіи оныхъ знаковъ:

1. Въ различныхъ библіотекахъ находятся манускрипты Арабскихъ трактатовъ объ Ариѳметикѣ подъ названіями: *Искусство считать по способу Индійцовъ*, *Индійское исчисленіе*, и пр. Въ одномъ изъ сихъ манускриптовъ, принадлежащемъ Лейденской библіотекѣ, числительные знаки очень сходны съ нашими и съ Планудіевыми.

2. Ал-Сефади, въ своихъ комментаріяхъ на знаменитую поему Араба Торгая, замѣчаетъ, что Индія славится тремя вещами: *книгою подъ названіемъ Колайла-ве-дамма* (*), *способомъ считать и игрою*

ся попомъ въ его тирана, и добродѣтельнѣйшаго вельможу предалъ мучительной смерти по навѣтамъ двухъ вѣроломныхъ Готѳовъ. Боецій занимался науками и писалъ о Маѳематическихъ предметахъ. Ариѳметика его издана подъ названіемъ: *De seu. Boetii Arithmetica, adjecto commentario, etc.* Венеція, 1488, *in* 4; а въ Парижѣ сія же книга напечатана 1521 года, in fol. *Соч.*

(*) Это есть собраніе басень, подобныхъ Езоповымъ. *Соч.*

въ *шахматы*. Также сюда принадлежитъ свидѣтельство Абенъ-Рагеля, Арабскаго писателя XIII вѣка; онъ, въ предисловіи къ трактату объ Астрономіи, хранящемуся въ Лейденской библіотекѣ, пишетъ, что изобрѣтеніе сего рода Ариѳметики есть дѣло Индійскихъ философовъ.

3. Монаху Планудію, писавшему въ XIII вѣкѣ, принадлежитъ сочиненіе подъ названіемъ: *Ариѳметика Индійская, или способъ считать поиндійски.* Система численія, которую онъ тутъ изъясняетъ, совершенно сходна съ употребляемою нынѣ, и знаки его, хотя отличные отъ нашихъ, малымъ чѣмъ отличаются отъ знаковъ Ал-Сефади. Сверхъ сего, изложивши форму девяти знаменательныхъ знаковъ сей Ариѳметики, онъ говоритъ: *сіи девять знаковъ суть Индійскіе.* Потомъ прибавляетъ: *есть еще десятый знакъ, именуемый тзіфра, который изображается чрезъ о, и который ничего не означаетъ* (*).

(*) Монтукла замѣчаетъ, что здѣсь заключается истинная етимологія слова *цифра*, коимъ, по злоупотребленію, введенному въ недавніе вѣки, называются всѣ наши числительные знаки. Греческое (?) слово *Тзіφρα* явно показываетъ, что оно происходитъ не отъ *sephera* (numeravit), но отъ *Tzephera* (vacuus seu inanis fuit). — Также извѣстный Сегнеръ въ своей Ариѳметикѣ называетъ нуль *цифрою*,

4. Когда нынѣшняя Ариѳметика начала въ XIII вѣкѣ входить въ употребленіе у Европейцовъ, тогда никто не сумнѣвался въ Индійскомъ ея произхожденіи.

Къ сему присоединяетъ Монтукла и другія разсужденія, о коихъ умалчиваю ради краткости, и потомъ выводитъ такое заключеніе: „Индійцы весьма привязаны къ своимъ обыкновеніямъ и неспособны принимать оныя отъ чужеземцевъ. И такъ полагаю, что наша Ариѳметика родилась въ Индіи, откуда мало помалу перешла къ Арабамъ и къ другимъ Восточнымъ народамъ, съ коими Греки имѣли сношенія въ первыхъ вѣкахъ по основаніи Константинополя. Въ сіе-то время, можетъ быть, Греки узнали ее; но какъ тогда науки ихъ клонились уже къ паденію, то сіе познаніе осталось безплоднымъ, заключеннымъ въ однѣхъ токмо книгахъ. Боецій, писавшій въ началѣ шестаго вѣка и получившій всѣ свои познанія отъ Грековъ, свѣдалъ также и объ сей Ариѳметикѣ, помѣстилъ ее въ свою Геометрію, назвавъ изобрѣтеніемъ Пиѳагора;" и проч.

Если бы можно было доказать, что Ариѳметика не существовала еще въ Индіи въ то время, когда Пиѳагоръ посѣщалъ сію страну, то надлежало бы согласиться съ изложеннымъ мнѣніемъ знаменитаго Монтуклы. Но древность Индійцовъ не позволяетъ сомнѣваться и въ древности Ариѳметики; ради сей при-

чины побуждаюсь думать, что Пиѳагоръ точно зналъ сію десятеричную Ариѳметику, употреблялъ ее въ своихъ счисленіяхъ, и провидя всю пользу, которую принесетъ сей способъ, возбудилъ въ ученикахъ своихъ чрезвычайное къ нему удивленіе; которое возвысилось до ентузіазма и произвело извѣстный Пиѳагоріанской мистицизмъ, воспрепятствовавшій распространенію Ариѳметическихъ познаній между согражданами Пиѳагора.

Сего мнѣнія не выдаю за неоспоримое; мнѣ кажется только, что обстоятельства дѣла позволяютъ такъ думать.

Теперь исчислимъ тѣ услуги, оказанныя Маѳематикѣ Италійскою школой, которыя не подвержены никакому сомнѣнію.

Кому изъ занимающихся Маѳематикою не извѣстно, что ѳеорема о квадратѣ изъ ипотенузы прямоугольнаго треугольника есть изобрѣтеніе Пиѳагора? — Сія ѳеорема составляетъ нѣкоторую епоху въ приращеніи наукъ Маѳематическихъ: ибо ея различныя примѣненія много расширили предѣлы Геометріи. Думаютъ, что Пиѳагоръ за сію ѳеорему благодарилъ Музъ жертвою, изо ста быковъ состоящею: но Пиѳагоръ есть основатель системы *преселенія душъ*.

Изъ учениковъ Пиѳагора извѣстнѣйшіе суть:

1. *Архитасъ*, который разрѣшилъ вопросъ о *двухъ среднихъ пропорціональ-*

ныхъ, и который, будучи современникомъ и другомъ Платона, получилъ отъ него свѣдѣніе объ *анализѣ* и употреблялъ оный для новыхъ открытій. Онъ же сдѣлалъ приклáдъ Геометріи къ Механическимъ вопросамъ.

2. *Демокритъ*, объяснившій елементарное ученіе *о соприкосновеніи круговъ и сферъ*, *о линіяхъ ирраціональныхъ* и *о тѣлахъ*; чрезъ сіе Геометрія обогатилась новыми любопытными ѳеоріями, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, на примѣръ *о правильныхъ тѣлахъ*, совершенно безполезны.

3. *Енопидъ*. Сей Геометръ показалъ способъ чертить данному углу равный и опускать перпендикуляръ изъ данной точки на данную линію. — Монтукла сомнѣвается, чтобъ токмо сіе могло составить славу Енопида. Ежели судить о семъ по нынѣшнему состоянію Маѳематики, то не можно не считать сихъ открытій маловажными; но въ то время Геометрія не имѣла еще системы, для которой разрѣшеніе оныхъ двухъ задачъ необходимо.

4. *Зенодоръ*, оказавшій Геометрической точности значительную услугу тѣмъ, что опровергъ заблужденіе относительно равныхъ периметровъ; онъ увѣрилъ, что для равенства площадей недостаточно равенства периметровъ.

5. *Иппократъ.* Сверхъ извѣстной ѳеоріи луночекъ (*), онъ доказалъ, что задача объ *удвоеніи куба* зависитъ отъ опредѣленія двухъ среднихъ пропорціональныхъ количествъ.

Ежели справедливо, что Иппократъ трудился надъ составленіемъ *елементовъ Геометріи;* то надлежитъ заключить, что въ его время наука сія была столько распространена, что для удобнѣйшаго ея уразумѣнія настояла потребность въ систематическомъ изложеніи входящихъ въ составъ ея предметовъ.

(Оконч. въ слѣд. книж.)

(*) Иппократъ, обольстясь удобностію опредѣлять квадратуру луночки, надѣялся также безъ затрудненія найти квадратуру самаго круга. Хотя употребляемое имъ средство весьма остроумно; однако должно предполагать, что онъ самъ видѣлъ его несправедливость, и сдѣлалъ извѣстнымъ единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы показать, что если кто опредѣлитъ квадратуру луночки, ограниченной полуокружностію и шестою долею окружности, тотъ найдетъ квадратуру круга. *Соч.*

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Взглядъ на исторію острова Сенъ-Доминго.

(*Продолженіе.*)

Туссенъ-Лувертюръ родился 1743 года въ *Бредѣ*, владѣніи бывшаго Графа Ное, разстояніемъ на одну милю отъ города Капа. Какъ Негръ и невольникъ, онъ былъ предназначенъ къ работѣ, и въ первые годы молодости пасъ скотину. Между тѣмъ раскрывавшіяся въ душѣ его способности возбуждали въ немъ охоту воспользоваться досужнымъ временемъ: онъ выучился читать и писать. Сіе преимущество доставило ему великое уваженіе отъ черныхъ: они удивлялись ему; они радовались, что одинъ изъ ихъ собратій успѣлъ освободиться отъ того глубокаго невѣжества, на которое всѣ они были осуждены судьбою. Скоро Туссенъ-Лувертюръ наскучилъ пастушескою своей должностію; онъ вздумалъ искать другаго, менѣе низкаго и болѣе выгоднаго занятія. Молва о его дарованіяхъ и смышлености дошла наконецъ до Бредскаго прокуратора, или управителя, Ли-

бертаса, которой захотѣлъ польстить гордости умнаго Негра, и сдѣлалъ его . . . своимъ кучеромъ.

Въ такомъ состояніи находился Туссенъ-Лувертюръ, когда вспыхнула революція. Онъ вовсе неимѣлъ участія въ движеніяхъ, предшествовавшихъ возмущенію черныхъ невольниковъ, и былъ только спокойнымъ зрителемъ оныхъ. Знакомство съ Біассономъ не возбудило въ немъ гордости республиканской; благодарность къ господамъ своимъ, по видимому, торжествовала въ душѣ его надъ склонностію къ грабительству и мести; часто даже проклиналъ онъ виновниковъ опустошеній въ колоніяхъ.

Но такая умѣренность Туссенъ-Лувертюра была не что иное какъ глубокое, непроницаемое притворство, единственно удерживаемое неувѣренностію въ успѣхѣ бунтующихъ Негровъ. Какъ же скоро онъ увидѣлъ, что ихъ дѣла идутъ наилучшимъ образомъ, то, улучивъ благопріятную минуту, убѣжалъ изъ господскаго дома и очутился въ главной квартирѣ Біассона. Сей предводитель, обрадованный прибытіемъ новаго товарища своихъ лютостей, принялъ его съ отверстыми объятіями, пожаловалъ въ свои секретари, или лучше сказать въ уполномоченные, и возымѣлъ къ нему полную довѣренность. Здѣсь-то началъ раскрывать-

ся военный духъ и природная дикость Туссена-Лувертюра. Біассонъ употреблялъ его во многихъ експедиціяхъ и всегда съ наилучшимъ успѣхомъ; награждалъ отъ времени до времени усердную его службу, и наконецъ произвелъ его въ капитаны своей гвардіи.

Въ сіе время Туссенъ-Луверпюръ и Десcалинъ сдѣлались друзьями. Послѣдній непереставалъ пользоваться довѣренностію Біассона. Ему поручаемо было исполненіе всего того, что можетъ услаждать душу кровожадную: на него возложена была обязанность мучительски истреблять бѣлыхъ, забираемыхъ въ плѣнъ на сраженіяхъ. Лютый варваръ сей въ подобныхъ случаяхъ поступалъ слѣдующимъ образомъ. Въ день, назначенный для мученія, все войско сбиралось на овруженную холмами долину, въ четверти мили отъ главной квартиры. Сюда приводили несчастныхъ бѣлыхъ всякаго возраста и пола съ завязанными назади руками. Сцена убійства начиналась старцами, надъ которыми истощаемы были ужаснѣйшія муки, подъ тѣмъ предлогомъ, что они сами долѣе, чѣмъ прочіе бѣлые, мучили Негровъ. Несчастныхъ вѣшали на крючьяхъ за подбородокъ; снимали и снова вѣшали, чтобы продлить страданія. Возмужавшихъ бѣлыхъ, нѣсколько лѣтъ находившихся на острову, связывали по два человѣка, клали между доска-

ми и распиливали; младшимъ исторгали глаза, потомъ разсѣкали на части сихъ несчастныхъ страдальцевъ. Родъ смерти женщинъ измѣнялся, смотря по прихоти Дессалина и его сподвижниковъ. Младенцевъ бросали въ сахарные котлы съ горячею водою и жарили на рѣшеткахъ. Сіи ужасы не доходили до свѣдѣнія всѣхъ и каждаго; они скорѣе были бы сочтены плодомъ развращеннѣйшаго воображенія, нежели истиною; сочтены были бы клеветою, вымышленною единственно для униженія рода человѣческаго, дабы возбудить въ людяхъ ненависть къ себѣ подобнымъ и взаимное отвращеніе.

Между тѣмъ въ войскѣ Біассона начали оказываться слѣдствія непокорности подчиненныхъ и невѣжества предводителя. Не имѣя никакого понятія о военномъ искусствѣ, онъ ни объ чемъ незаботился, и ничего не сберегалъ на случай нужды. Оказался голодъ въ войскѣ; оказались и частные мятежи между черными. Уроженцы изъ Ибоса и Мозамбика замышляли уже провозгласить другаго вождемъ своимъ: одни только приготовленія къ ужаснѣйшимъ мукамъ недавали тлѣющимъ искрамъ бунта превратиться въ пламень.

Біассонъ становился часъ отъ часу лютѣе. Туссенъ Лувертюръ и Дессалинъ, помышляя о собственномъ своемъ могуществѣ,

съ одной стороны подстрекали неудовольствіе въ черныхъ, съ другой раздражали дикой характеръ предводителя. Варваръ сей подъ разными предлогами приказалъ умертвить множество пожилыхъ Негровъ обоего пола. Ужасъ повсюду распространился; кровь лилась ручьями; ежедневно гибнувшія жертвы только питали звѣрскую лютость въ кровопійцѣ, ничего нещадившемъ, дабы утвердить свое могущество.

Между тѣмъ потеря, претерпѣнная въ разныхъ сраженіяхъ съ бѣлыми, соединенными общею опасностію, значительно поколебала то высокое мнѣніе, которое Негры имѣли о своемъ предводителѣ. Сіи Африканцы, величайшіе невѣжды, слѣдственно суевѣрнѣйшія твари, до того времени почитали Біассона за вдохновеннаго Богомъ и за непобѣдимаго; самъ Біассонъ, суевѣрнѣйшій изъ всѣхъ Негровъ, которые были ему подвластны, думалъ о себѣ какъ объ исполнителѣ небеснаго мщенія, и мысль сія вкоренилась въ немъ такъ сильно, что онъ въ изумленіи не понималъ, по какимъ чудеснымъ причинамъ неблагоприятствуетъ ему постоянное счастье.

Видя ослабленное къ Біассону довѣріе, и пользуясь ужасомъ, сопровождавшимъ его имя повсюду, Туссенъ-Лувертюръ и Дессалинъ продолжали отчасу тѣснѣе дружиться

нѣ пагубѣ своего предводителя. Въ числѣ начальниковъ надъ Неграми — подчиненныхъ Біассону, имѣвшихъ однакожъ нѣкоторое право независимости, какъ управлявшихъ отдѣльными племенами — особенно отличался славный Негръ *Жанъ Франсуа*, тайно завидовавшій могуществу Біассона. Жившій согласно съ упомянутыми начальниками Туссенъ-Лувертюръ открылся Жану Франсуа въ своихъ намѣреніяхъ, и вызвался предать ему Біассона, если только захочетъ сдѣлаться преемникомъ сего предводителя. Плѣнившись выгодами высокой власти, Жанъ Франсуа на всё охотно согласился, и далъ Туссену-Лувертюру обѣщаніе за такую услугу сдѣлать его начальникомъ значительной части арміи.

Дѣла находились въ такомъ состояніи, когда одно обстоятельство ускорило исполненіе замысла заговорщиковъ и погибель Біассона. Бѣлые, собравши великія силы, ударили прямо на главную квартиру предводителя. Сраженіе было жестокое и продолжительное; побѣда измѣнила Неграмъ, которыхъ до пяти тысячь легло тогда на мѣстѣ. Сія битва, одна изъ кровопролитнѣйшихъ въ цѣлые три года, совершенно унизила Біассона и мятежныхъ Негровъ; дотолѣ почитавшихъ себя единственными обладателями равнинъ сѣверныхъ; она же подала случай и къ низложенію главнаго предводителя.

Въ одинъ день, когда варваръ сей отдыхалъ въ своемъ логовищѣ, вдругъ доносятъ ему, что главная квартира окружена осмью тысячами Негровъ, и что Жанъ Франсуа приближается съ конницею своею, имѣя весьма опасное намѣреніе. Біассонъ поспѣшно хватается за оружіе, приказываетъ бить походъ, а капитану гвардіи велитъ построить свою комманду къ оборонѣ. Туссенъ-Луверткюръ въ самомъ дѣлѣ исполнялъ свою должность въ качествѣ гвардейскаго офицера; но вмѣсто изготовленія комманды своей къ оборонѣ, онъ приближился къ Жану Франсуа и выдалъ ему Біассона безъ всякаго сопротивленія. Дессалину поручено было склонить Негровъ къ измѣнѣ, и онъ исполнилъ должность свою такъ удачно, что ниже одному изъ гвардейцовъ непришло на мысль сопротивляться. Судьба плѣннаго Біассона скоро рѣшилась; его лишили предводительскаго званія, и препроводили во внутрь острова, въ крѣпость Св. Августина, гдѣ въ скоромъ времени онъ умеръ отъ горести и отчаянія.

Жанъ Франсуа исполнилъ обѣщаніе свое въ точности. Онъ ввѣрилъ начальство надъ одною частію войска Туссену-Лувертюру, который въ свою очередь сдѣлалъ Дессалина участникомъ своихъ выгодъ, возлагая на него исполненіе важнѣйшихъ препорученій. Оба они поступали по примѣру дикаго

Біасеона, пока новыя событія не открыли для нихъ новаго поприща.

Война, въ то время возгорѣвшаяся въ Европѣ между Франціей и другими Державами, немедленно распространила пожаръ свой до колоній Новаго Свѣта. Французы, находившіеся на островѣ Сенъ-Доминго, преданные республиканской партіи, должны были тогда воевать не только противъ мятежныхъ Негровъ, но еще противъ Англичанъ, нападавшихъ на берега острова, и наконецъ противъ Испанскихъ колоній.

Въ началѣ 1793 года Испанцы, соединившись со всѣми неприятелями новой республики Французской, воззвали къ бунтующимъ на островѣ Сен-Доминго Неграмъ, приглашая ихъ подъ свои знамена. Жанъ Франсуа, Тусенъ-Лувертюръ, Дессалинъ немедленно рѣшились. Первый получилъ званіе дивизіоннаго Генерала въ Испанской арміи; второй принятъ въ чинѣ Полковника; оба украшены знаками отличія. Дессалину же, всегда находившемуся при Тусенѣ-Луверпюрѣ, опредѣлена значительная пенсія.

(Продолж. въ слѣд. книжкѣ.)

Еще статья о дѣлахъ Южно-Американскихъ.

Южная Америка представляется намъ въ трехъ различныхъ видахъ: Мы смотримъ на ея отношенія къ Европѣ, на взаимныя отношенія областей ея между собою, на отношенія между ея правительствомъ и управляемыми народами.

1. Она старается расторгнуть всѣ узы, привязывающія ее къ твердой землѣ стараго свѣта. Ей нестрашны связи мира, торговли, братства: она расторгаетъ только оковы подчиненности. Отечественное государство иногда питаетъ къ колоніяльнымъ чадамъ своимъ чувства мачихи, а не родной матери. Справедливо ли, чтобы одна половина рода человѣческаго была наслѣдственнымъ достояніемъ другой половины? Не уже ли потовые труды колоній принадлежатъ городамъ стараго свѣта? Говорятъ, что промышленность слабаго исключительно принадлежитъ сильному; но если торговыя сношенія между ними производятся не по доброй волѣ, въ такомъ случаѣ промышленной народъ трудится какъ рабочая скотина. Въ такомъ случаѣ и самая промышленность не что есть иное, какъ добыча монополіи.

Война между старымъ и новымъ свѣтомъ должна или ослабить Америку, или воз-

становить ея силы. Ослабленная Америка доведетъ и самую Испанію до изнеможенія; сильная — свергнетъ съ себя Европейское иго.

Зависимость колоній есть нѣкоторой родъ рабства, изобрѣтеннаго новѣйшими государствами, но противный духу новѣйшихъ народовъ; и потому всякая колонія, какъ скоро увидитъ возможность, незамедлитъ провозгласить себя свободною.

Испанія дѣлаетъ великія приготовленія въ Кадиксѣ; ведетъ переговоры съ республикою Соединенныхъ Областей; ищетъ содѣйствія Великобританніи; сражается храбро въ своихъ Американскихъ владѣніяхъ. Какая же цѣль всѣхъ сихъ покушеній? Хочетъ ли она завоевать Америку, или Американцевъ? Армія можетъ покорить землю; но одна конституція можетъ восторжествовать надъ жителями. Прекратить мятежъ, но не истребить духа мятежнаго — что значитъ ето: миръ, или перемиріе? Правительство неограниченное можетъ пріобрѣтать области посредствомъ завоеваній; но въ наше время завоеванія сіи не могутъ быть прочны. Близость Северо-Американской республики ничего добраго не предвѣщаетъ колоніямъ. Ничто столько не побуждаетъ къ свободѣ, какъ сосѣдство съ свободнымъ народомъ. Слѣдующій вопросъ довольно важенъ: надобно ли удѣлить Испа-

вкой Америкѣ частицу той независимости, которую она во зло употребляетъ, коюя теперь противъ отечественнаго государства? Объ етомъ Испанія должна подумать: кто самъ не даетъ, тотъ заохочиваетъ взять безъ спросу. Теперь Испанія, можетъ быть, еще властна даровать колоніямъ свободу на нѣкоторыхъ условіяхъ; пройдетъ благоприятная минута — и все пропало. Въ первой горячкѣ независимости всякое правительство кажется угнѣтеніемъ. Прочтите исторію Соединеныхъ Областей, и взгляните на Сенъ-Доминго.

2. Четыре Державы раздѣляютъ почти всю Америку.

Португаллія идетъ впередъ противъ Испаніи восточнымъ берегомъ Дела-Платы. Сказываютъ, что войска ея довольно значительны, и могутъ занять страну обширную. Въ какомъ же критическомъ положеніи Испанія! Напавши на Португаллію, она будетъ помогать мятежникамъ Буеносъ-Айреса; покоривши Буеносъ Айресъ, она должна будетъ защищать область сію отъ покушеній Португалліи. Для сей ли только части владѣній своихъ она готовитъ войска въ Кадиксѣ? въ такомъ случаѣ мятежъ свободно распространится въ другихъ областяхъ. Раздѣлитъ ли свои силы? въ такомъ случаѣ онѣ будутъ недостаточны.

Соединенныя Области требуютъ Флоридъ и всей страны, лежащей между обѣими Луизіанами, Россійскою Америкой, новою Британніей и Океаномъ. Сіи требуемыя земли принадлежатъ Испаніи; но нѣкоторыми изъ числа ихъ она никогда не управляла, а другія ускользнули отъ ея управленія. Кабинетъ Мадритскій не можетъ помогать природнымъ жителямъ, ибо они вѣрно не захотятъ имѣть дѣло съ такимъ помощникомъ, которой намѣренъ подчинить ихъ своему господству. И такъ остается объявить войну въ одно время и природнымъ жителямъ и республикѣ Соединенныхъ Областей; а поелику такая война была бы Испаніи не по силамъ, то она ведетъ переговоры; но въ наше время слова ничего незначатъ, если ихъ не подкрѣпляетъ вооруженіе.

Times (*) совѣтуетъ Испаніи открыть корсерную войну противъ торговли Соединенныхъ Областей. Но кто невидитъ, что такія задирки принесли бы пользу одной только Англіи, что заставили бы республику мстить Испанцамъ и благоприятствовать мятежникамъ. Сей журналъ отличается тѣмъ, что привыкъ мѣшаться въ дѣла цѣлаго свѣта, къ пользѣ Великобританніи. Онъ хвалитъ нѣкоторыхъ людей, проповѣдуетъ нѣкоторыя мнѣнія; вникните въ дѣло, и вы

(*) Англійскій журналъ, издаваемый въ Лондонѣ.

увидите, что сіи люди и сіи мнѣнія содѣйствуютъ или возвеличенію Англіи, или ослабленію твердой земли Европы. Испанія должна не довѣрять симъ хитрымъ совѣтамъ, даваемымъ не для ея выгодъ; каждой разъ, взглянувъ на Times, пусть говоритъ она: Timeo Danaos. . .

3. Отношенія между управляемыми и правительствомъ становятся часъ отъ часу слабѣе въ продолженіе борьбы столь долговременной и столь жестокой. *Вещественность* начальства, можетъ быть, устоитъ противъ усилій; но *духъ* повиновенія необходимо разрушится. А безъ сихъ духовныхъ отношеній никакая власть неможетъ быть постоянною, никакое могущество прочнымъ. Что колоніи будутъ побѣждены, дѣло сбыточное; но будутъ ли онѣ повиноваться? Въ войнѣ между государствами убѣжденія обыкновенно находятся на острiѣ шпаги; въ войнѣ междоусобной — миръ зависитъ отъ договоровъ. Безъ нихъ можно разсѣять толпы, но трудно утишить неудовольствіе, которое можетъ снова произвести скопища. Сказываютъ, что правительство пріобрѣтаетъ значительную силу; а объ томъ и вспомнить нехотятъ, что независимость, пустивши корень, весьма скоро произращаетъ широкія, многочисленныя вѣтви. Какимъ образомъ противиться неудобству, когда оно сдѣлалось повсемѣстнымъ?

Дѣло состоитъ не въ частномъ мятежѣ, но во всеобщемъ возстаніи.

Борьба продолжается на многихъ пунктахъ. Трудно составить себѣ ясное понятіе объ успѣхахъ нынѣшнихъ и случаяхъ будущихъ. Военныя записки армія Боливаровой и донесенія Генерала Морилло такъ несходны между собою, что не возможно открыть истину между множествомъ вымысловъ, которыми обыкновенно бываютъ наполнены подобныя реляціи. Товарищей Генерала Мины было весьма немного, и они не могли сопротивляться; пронеслась молва, что они побѣждены, и что Мексика спокойна. Войска Буеносъ-Айреса, подъ предводительствомъ Сенъ-Мартена, по видимому, становится значительнѣе. Войска области Хили, находящіяся подъ начальствомъ Генерала О'Гиджіуса, угрожаютъ роялистамъ, запершимся въ крѣпости Талкагуано. Такимъ образомъ окончаніе войны все еще остается неизвѣстнымъ; но чѣмъ будетъ продолжительнѣе борьба, тѣмъ глубже независимость будетъ пускать свои корни, и побѣда все таки не возстановитъ прежняго мира.

(*Min. Franç.*)

Біографическое извѣстіе о Князѣ Іосифѣ Заіончекѣ.

Нынѣшній Намѣстникъ Польскаго Царства принадлежитъ къ достопамятнымъ историческимъ характерамъ нашего времени. Онъ родился въ Каменцѣ 1 Ноября 1752 года; подобно всѣмъ молодымъ Полякамъ благороднаго происхожденія, посвятилъ себя военной службѣ, и потому съ юнаго возраста упражнялся въ военныхъ наукахъ. Вступивъ въ одинъ пѣхотный полкъ поручикомъ, онъ восходилъ по степенямъ чиновъ столь быстро, что на 32 году возраста былъ уже подполковникомъ, а спустя три года съ половиною, пожалованъ въ полковники и назначенъ полковымъ коммандиромъ. Находясь въ семъ званіи, принималъ онъ весьма дѣятельное участіе въ войнѣ, которую вели Поляки противъ Россіи; храбро и славно сражался съ тогдашнимъ непріятелемъ своего отечества, и за отличіе произведенъ въ Генералъ-Маіоры. Окончаніе сей войны всѣмъ извѣстно; счастіе неблагопріятствовало Польшѣ, и Генералъ Заіончекъ со многими земляками рѣшился оставить родину, чтобы искать новаго отечества во Франціи. Въ Галиціи однакожъ былъ онъ задержанъ. Генералъ Заіончекъ и братъ его, Членъ Верховнаго національнаго Совѣта, взяты подъ стражу и по-

сажены въ Іозефштадскую крѣпость. Получивъ свободу, Генералъ отправился въ Парижъ искать мѣста въ войскѣ. Его послали къ Французской арміи въ Италію съ чиномъ Брегаднаго Генерала. Храбрый легіонъ Польскій содѣйствовалъ успѣхамъ Французскаго оружія въ Италіи; гдѣ ни находился онъ въ дѣлѣ, тамъ и Генералъ Заіончекъ блисталъ разными своими подвигами. Такимъ образомъ качества его сдѣлались извѣстны Наполеону Буонапарту, которой послѣ, отправляясь въ Египетъ, взялъ его съ собою. И въ сей странѣ сражался онъ столь же неустрашимо, столь же благоразумно, и имя его съ похвалою упомянуто во многихъ донесеніяхъ о подвигахъ такъ называемой Восточной арміи. Въ награду за сію службу тогдашній первый Консулъ Буонапартъ возвелъ Заіончека (1802) на степень дивизіоннаго Генерала, и ввѣрилъ ему главное начальство надъ дивизіей Французскихъ войскъ въ Италіи. Генералъ Заіончекъ сопутствовалъ Наполеону и во время похода его въ Россію 1812 года. Тутъ начальствовалъ онъ надъ корпусомъ арміи Французской, потерялъ ногу, которую оторвало пушечнымъ ядромъ, и вмѣсто которой служитъ ему теперь деревянная. Послѣ сего несчастнаго приключенія храбрый Генералъ Заіончекъ болѣе уже не оставался во Французскомъ войскѣ. Онъ возвращенъ отечеству для благороднѣйшаго подвига.

Императоръ Александръ, въ Апрѣлѣ 1815 присоединивъ Польское Царство къ своей Имперіи, въ Ноябрѣ тогожъ года посѣтилъ новую столицу своюю, даровалъ новымъ подданнымъ своимъ конституцію, и назначилъ перваго по себѣ правителя, подъ названіемъ *Намѣстника*, въ особѣ заслуженнаго Генерала Заіончека. Весь народъ Польскій былъ чрезвычайно тѣмъ обрадованъ. Новый Намѣстникъ Польскаго Царства, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Цесаревича, 24 Декабря произнесъ присягу въ вѣрности къ Монарху и отечеству. Въ знакъ высочайшей милости онъ удостоился получить многіе Россійскіе ордены, пожалованъ въ Сенаторы-Воеводы и въ Генералы отъ инфантеріи. Наконецъ Его Императорское Величество, въ послѣднюю передъ симъ бытность въ Варшавѣ соблаговолилъ Намѣстника своего, Генерала Заіончека, возвести на степень Княжескаго достоинства. Такимъ образомъ справедливѣйшій изъ Монарховъ награждаетъ заслуги, оказанныя отечеству его сынами.

Р. J.

IV. СМѢСЬ.

Чародѣйскія вѣсы.

Въ прежнія времена, о которыхъ многіе вздыхаютъ, часто являлись волшебства и волшебницы. Тогда вообще вѣрили, а достопочтенный *Скрибоніусъ*, одинъ изъ философовъ стариннаго вѣка, утверждалъ въ своемъ сочиненіи, что женщина, коротко знакомая съ нечистымъ духомъ, становится гораздо легче обыкновеннаго, такъ что, будучи погружена въ водѣ, не тонетъ, а плаваетъ на поверхности. Извѣстно, что въ семнадцатомъ вѣкѣ было много хлопотъ съ волшебницами, и что обвиненіе въ колдовствѣ почиталось дѣломъ нешуточнымъ. Въ Удеватерѣ, Голландскомъ городѣ, одна подозрѣваемая въ колдовствѣ женщина едва могла избавиться отъ угрожавшей опасности тѣмъ, что допустила нагую себя взвѣсить на такъ называемыхъ вѣсахъ чародѣискихъ въ присутствіи городоваго секретаря, членовъ ратуши и повивальной бабки. Было въ обыкновеніи платить за такое взвѣшиваніе по 6 Голландскихъ флориновъ и [illegible]о сольдовъ и получать письменное свидѣтельство о томъ, „что вѣсъ такой-то особы во всемъ соотвѣтствуетъ росту, и что сла-

довательно никакой *бѣсовщины* въ ней не оказалось." Чародѣйскія вѣсы находились еще въ 1648 году въ Удеваттерской ратушѣ.

Какими глазами въ Венгріи смотрѣли на чародѣйство въ самомъ даже осмнадцатомъ столѣтіи, можно видѣть изъ сочиненія, въ 1728 году писаннаго, о которомъ упоминаетъ Геттингенскій Профессоръ Бемеръ въ книгѣ своей о литтературѣ уголовнаго права. „Разные люди, содержимые здѣсь (въ Сегединѣ 28 Іюня 1728) подъ стражею были не только *строго* допрашиваемы, но сверхъ того еще приговорены . . . къ сожженію живыми. До исполненія однакожъ приговора осужденные, по здѣшнему обычаю, подвергнуты были испытанію; то есть, имъ связали за спиною руки, опоясали ихъ веревкою, опустили на ней въ воду, и они чародѣйски плавали по водѣ какъ пробочное дерево. Послѣ того употреблено другое испытаніе, а именно: ихъ взвѣсили, дабы можно было удостовѣриться въ ихъ тяжести. Къ общему удивленію оказалось, что высокая и дородная женщина тянула не болѣе одной съ половиною квинты (*); мужъ ея, человѣкъ не совсѣмъ малаго роста, вѣсилъ пять квинтъ; во всѣхъ же прочихъ вѣсу было по одному лоту и три квинты, или малымъ чѣмъ меньше

(*) Квинта, четвертая часть лота.

Тогожъ мѣсяца въ 30 день приговоръ исп
ненъ надъ тринадцатью человѣками (въ ч
лѣ ихъ было 6 волшебниковъ и 7 волш
ницъ), которые всѣ были сожжены жи
Между ними находился одинъ 82 - лѣт
старецъ, въ предшедшемъ году бывшій го
скимъ судьею, человѣкъ весьма уважаем
Они сгорѣли на трехъ кострахъ въ по
милѣ отъ города при необычайномъ м
жествѣ зрителей. . . . Еще восемь чело
сидятъ въ тюрмѣ; ихъ уже опускали
воду и взвѣшивали; они выдержали всѣ
родѣйскія испытанія" и проч.

(*P. W.*)

Политическія происшествія.

Англія.

Въ публичныхъ листахъ помѣщенъ уже актатъ, заключенный между Британскимъ Нидерландскимъ Правительствами, касательно уничтоженія торга невольниками. Король Нидерландскій обязывается со дня подписанія трактата до истеченія 8 мѣсяцовъ, запретить своимъ подданнымъ участвовать въ семъ торгѣ. Право обыска и удержанія кораблей вовсе не должно быть употребляемо на *Средиземномъ морѣ* и на всѣхъ *Европейскихъ* моряхъ за 37 градусовъ Сѣверной широты; на прочихъ же моряхъ оно должно быть соблюдаемо съ обѣихъ сторонъ.

— *Лордъ Сидмоутъ* въ бывшемъ 1 го числа Іюня засѣданіи Верхняго Парламента, предложивъ извѣстный биль объ иностранцахъ, замѣтилъ, что какъ прежнее, такъ и нынѣшнее представленіе клонилось къ удаленію изъ Государства единственно людей, любящихъ производить революціи, а не тѣхъ которые живутъ спокойно и честно. „Еще и понынѣ существуетъ“ сказалъ онъ между прочимъ „древній Шотландскій актъ, изданный въ 1685 году при учрежденіи нѣкотораго банка. Вслѣдствіе сего акта всѣ иностранцы, принимающіе участіе въ составѣ капитала онаго банка, получаютъ право быть подданными или гражданами Шотландіи. Почему каждый иностранецъ, который внесъ бы хотя малую сумму, можетъ приобрѣсти право гражданства; а это чрезвычайно вредно.“ Многіе Члены Верхняго Парламента охуждали возобновленіе

зията, стѣсняющаго права чужестранцевъ, почитая оной неблагоразумнымъ, ненужнымъ и даже противнымъ Конституціи. Напротивъ того другіе утверждали, что ни одинъ чужестранецъ, спокойно живущій въ Англіи, не боится сего постановленія. Наконецъ биль, по долговременномъ преніи, былъ подтвержденъ большинствомъ 34 голосовъ противъ 15. Это были послѣднія совѣщанія; ибо въ 10 день Іюня (н. с.) оба Парламента закрыты самимъ Принцомъ-Регентомъ, которой произнесъ къ Членамъ Рѣчь, въ присутствіи многочисленныхъ знаменитыхъ посѣтителей.

— Есть извѣстіе, что послѣ одержанной Англійскимъ Генераломъ Гислономъ совершенной побѣды надъ Голкаромъ заключенъ миръ съ симъ начальникомъ Маратповъ. Въ числѣ условій Трактата находится и слѣдующее: Голкаръ долженъ жить у Англичанъ, пока не достигнетъ до совершеннаго возраста, и пока не будетъ въ состояніи управлять своими владѣніями. Корарь, начальникъ Пиндарисовъ, соединившійся съ Голкаромъ, также просилъ милости у Англичанъ и предлагалъ въ аманаты своихъ племянниковъ и другихъ родственниковъ.

Испанія.

Гавани городовъ *Аликанте*, *Корунны*, *Кадикса* и *Сентъ-Андера* объявлены вольными. Всякіе незапрещенные товары могутъ быть ввозимы туда съ платою двухъ процентовъ съ той цѣны, чего они стоятъ, также оставаться въ оныхъ гаваняхъ годъ, или, смотря по обстоятельствамъ, и долѣе, а потомъ опять вывозиться. Король обѣщаетъ распространить сіе

преимущество и на прочія гавани Испанскаго полуострова; если только подобное распоряженіе будетъ имѣть желаемый успѣхъ.

Германія.

По изданному въ Баваріи постановленію о свободѣ книгопечатанія, однѣ только газеты и періодическія сочиненія, заключающія въ себѣ статьи политическія и статистическія, подвергаются ценсурѣ; другія же сочиненія свободны отъ оной. Впрочемъ всѣ книжныя лавки, типографіи, библіотеки для чтенія должны, подъ опасеніемъ пени 1000 гульденовъ, представлять росписи своихъ книгъ полиціи. Если сочиненіе найдено будетъ вреднымъ для общественной безопасности и нравственности, то полиція должна остановить распространеніе онаго, и представить екземпляръ высшему начальству. На рѣшеніе сего послѣдняго можно однако же жаловаться Министерству внутреннихъ дѣлъ и наконецъ Государственному Совѣту. Частнымъ лицамъ, за оскорбленіе ихъ въ какомъ-либо сочиненіи, предоставляется искать удовлетворенія судебнымъ порядкомъ. Государственныхъ чиновниковъ, находящихся внѣ Королевства, извѣщаетъ полиція о сочиненіи, въ коемъ они оскорблены, и проч.

— Союзные Монархи соберутся на Конгрессъ въ первыхъ числахъ будущаго Сентября мѣсяца. На сей конецъ въ Ахенѣ дѣлаются великія приготовленія: всѣ общественныя зданія, гульбища и проч. поправляются и украшаются, такъ что теперь почти не льзя узнать сего города.

— Несмотря на счастливую перемѣну многихъ обстоятельствъ въ Германіи, охота

къ переселеніямъ не прекращается. Въ нынѣшнемъ году съ 29го Апрѣля до исхода Мая проѣхало черезъ *Маинцъ* отправляющихся въ Америку 294 человѣка, въ числѣ коихъ 91 мужескаго, 59 женскаго пола и 145 дѣтей; изъ нихъ 261 ч. родомъ изъ Виртемберга, 23 изъ Елзаса, 7 изъ Швейцаріи и 3 изъ Бадена.

Швеція.

Въ Стокгольмѣ снаряжаются 5 корабля, отъ 130 до 140 ластовъ, кои отправлены будутъ къ Варварійскому берегу. Часть груза, назначаемая въ *Алжиръ*, взята будетъ въ тамошней гавани; а посылаемыя въ *Триполь* 30 24-фунтовыхъ пушекъ и 9000 ядеръ и отправляемыя въ *Тунисъ* 24 таковыя же пушки и множество ядеръ, пороху, дегтя, смолы, якорей, канатовъ нагрузятся въ Норркепингѣ и Никепингѣ.

Турція.

Порта наконецъ согласилась, чтобы острова Іонійскіе были подъ покровительствомъ Велико британніи. Сиръ *Мэйтландъ*, коему поручено вести о семъ переговоры, преодолѣлъ сопротивленіе Янинскаго Паши, которому весьма неприятно имѣть сосѣдями своими свободныхъ Грековъ. Диванъ настоятельно требуетъ, чтобы лежащій на твердой землѣ городъ *Парга*, который почитаетъ онъ со стороны новой республики вратами въ Оттоманскую Порту, былъ отданъ Пашѣ Янинскому. Греки весьма тѣмъ оскорбились; ибо крѣпость *Паргу* почитаютъ они необходимо нужною для своей безопасности.

Южная Америка.

Испанская провинція *Хили* объявила себя независимою 12 Февраля текущаго года. Изданный по сему случаю актъ писанъ во Дворцѣ Концепціонской Директоріи.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Г. *Луденъ*, Профессоръ Вѣнскаго Университета, въ книгѣ своей о политикѣ (Handbuch der Politik) между прочимъ говоритъ, „что въ „гражданскомъ общежитіи разныя между обоими „полами отношенія, воспитаніе, обычаи тре„буютъ (ежели уже не необходимо, то по край„ней мѣрѣ настоятельно), чтобы женщинъ „лѣчили женщины же, а не мущины.“ Мнѣніе свое онъ доказываетъ тѣмъ, что нѣкоторые врачи употребляютъ во зло довѣренность женщинъ, что стыдливыя женщины и дѣвицы часто не все открываютъ врачамъ касательно своихъ недуговъ, и что наконецъ женщины, изъ которыхъ многія славились ученостію, и даже нѣкоторыя мудро управляли обширными странами, могутъ быть весьма искусными лѣкарками. Сіе подтверждается многими примѣрами: извѣстно, что г-жа *Ерксслебенъ* въ 1724

голу получила степень Доктора Медицины вмѣстѣ съ дозволеніемъ производить вольную практику; то же можно сказать и объ извѣстной въ наше время г-жѣ *Сибольдъ*, Совѣтницѣ Медицины въ Гиссенѣ. Нѣмецкіе врачи возстаютъ противъ сей новости, предложенной г-мъ Луденомъ. Время покажетъ, исполнится ли желаніе г-на Профессора.

— Послѣднее сочиненіе г-жи Сталь, *Разсужденія о главныхъ происшествіяхъ Французской революціи*, изданное послѣ смерти ея г-мъ Шлегелемъ, печатается въ Парижѣ уже третьимъ изданіемъ, и съ жадностію читается людьми всѣхъ партій. Вотъ что пишутъ объ немъ въ Журналѣ преній: „Во множествѣ сочиненій и записокъ, которыя будутъ плодомъ нашей революціи, *Разсужденіямъ* г-жи Сталь, по видимому, предназначено занимать высокое мѣсто, хотя они не заключаютъ въ себѣ никакого новаго или мало извѣстнаго происшествія. Они ознаменованы печатію выспренняго ума и души благородной. Мнѣнія сочинительницы будутъ имѣть свойственное таланту вліяніе, которое есть почти то же что и вліяніе справедливости. Въ сей книгѣ замѣтны частыя противурѣчія; есть въ ней горькія истины, пристрастное благоволеніе, очевидный патріотизмъ, живость, когда рѣчь идетъ о недостаткахъ Франціи, иногда похожая на склонность

къ порицанію. Со всѣмъ тѣмъ ни одно изъ сочиненій г-жи Сталь не изобилуетъ видами столь остроумными, замѣчаніями столь тонкими и глубокими, и такими умными чертами. Слогъ ея плѣняетъ простотою: онъ быстръ, натураленъ, плавенъ и отличается формами одушевленнаго, блестящаго разговора; нѣтъ недостатка и въ краснорѣчіи, особливо гдѣ есть поводъ къ благородному чувству; многія картины начертаны сильно, и производятъ удивительное дѣйствіе. Сіе сочиненіе, вышедшее изъ умирающихъ рукъ г-жи Сталь, сохранило на себѣ самое ясное напечатлѣніе ума ея, и оно тѣмъ болѣе заставляетъ насъ болѣзновать, что сочинительница похищена смертію во всей крѣпости возраста ея и таланта.

— Двѣсти пятьдесятъ два письма Вольтеровы, донынѣ вовсе неизвѣстныя публикѣ, издаются племянникомъ г-на Ели Бертрана, перваго пастора Бернскаго, къ которому оныя почти всѣ были писаны. Одно, безъ сомнѣнія лучшее, помѣщено для пробы въ Минервѣ. Фернейской мудрецъ балагуритъ по своему обычаю о *терпимости*; шутитъ, кощунствуетъ, и ничего болѣе. Не смотря на то, Французскій журналистъ восклицаетъ съ торжествующимъ видомъ: „Какое счастіе для друзей, для учениковъ, для изумленныхъ почитателей того мужа, которой доставилъ (?) Франціи не-

оспоримую славу рожденія въ міръ Генія обширнѣйшаго, Философа полезнѣйшаго, созданія высочайше разумнаго изъ всѣхъ, приносящихъ честь роду человѣческому!“ Ни что не можетъ быть глупѣе похвалъ, подлымъ пристрастіемъ провозглашаемыхъ. Ослѣпленный чтитель своего божка въ самыхъ дурачествахъ его видитъ совершенство, нелѣпости выдаетъ за образцы для подражанія, обыкновенныя слова его почитаетъ премудрѣйшими изреченіями. Сему трудно было бы повѣрить, еслибъ современные примѣры не удостовѣряли насъ въ возможности такихъ чудесъ на свѣтѣ.

— Еще одинъ любимый Поляками вождь преселился отъ временной жизни въ вѣчную. Сенаторъ - Воевода Генералъ отъ кавалеріи, Янъ Генрикъ *Домбровскій* умеръ минувшаго мѣсяца въ деревнѣ своей, находящейся въ Княжествѣ Познаньскомъ. Его имя благодарные соотечественники произносятъ вмѣстѣ съ именами Костюшки и Понятовскаго. Справедливѣйшій изъ Монарховъ Высочайшимъ вниманіемъ своимъ въ особѣ покойнаго почтилъ военныя доблести и любовь къ отечеству.

— Число учащихся въ Нѣмецкихъ Университетахъ значительно уменьшается. Во всѣхъ 19 Университетахъ едва считаютъ до 8500

студентовъ, вмѣсто того что въ средніе вѣки въ Парижѣ и Болоніи было отъ 10 до 20 тысячь учащихся, а въ первомъ считалось даже до 30,000 студентовъ. Въ Ѣнѣ, Лейпцигѣ, также въ другихъ городахъ и въ новѣйшее время находилось болѣе нежели теперь молодыхъ людей, искавшихъ просвѣщенія. Причиною такой холодности къ наукамъ почитаютъ увеличивающійся недостатокъ въ деньгахъ. Изъ всѣхъ Университетовъ Нѣмецкихъ въ Геттингенскомъ находится теперь наиболѣе студентовъ, которыхъ считается тамъ отъ 1200 до 1300. Ученая слава сего заведенія и находящаяся при немъ драгоцѣнная библіотека привлекаютъ въ Геттингенъ юношей изъ всѣхъ странъ Европы.

КОНЕЦЪ XCIX ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Стран.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

IV. СМѢСЬ.

ПОПРАВКИ.

Въ No 11 *мъ Вѣстн. Европы* 1818 *года*

Напечат.			*Читай.*
Стран.	Строк.		
179	20	шашанье,	шепшанье;
212	13	*ібva*	*ібаv*
245	32	Англіи	Америки.

При семъ нумерѣ приложена картинка.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ С.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1818.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Іюля 6 дня 1818 года. *Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 13.

ІЮЛЬ 1818.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Разсужденіе о звѣздномъ небѣ.

(Изъ Цолликофера).

Все въ Природѣ поучительно, какъ бездушное такъ и одушевленное, какъ малое такъ и великое, какъ части такъ и цѣлое. Все вѣщаетъ намъ о Божіемъ величіи; все напоминаетъ намъ объ нашемъ опредѣленіи и должностяхъ нашихъ. Все есть гласъ нашего Отца небеснаго, ведущаго насъ, сыновъ Своихъ, такъ сказать, за руку, показывающаго намъ Свои творенія, возбуждающаго насъ къ размышленію, и путь истины и блаженства намъ открывающаго. Всякой камень, всякое растѣніе, всякое животное, всякой человѣкъ вѣщаетъ намъ объ Его премудрости, Его силѣ, Его щедротѣ; путеводитъ къ Тому, кто все создалъ, все содержитъ, всѣмъ управляетъ и въ которомъ всѣ мы живемъ и дѣйствуемъ.

Такъ, все насъ окружающее есть ученіе, напоминаніе, увѣщаніе, утѣшеніе тому, у кого есть глаза чтобъ видѣть, уши чтобъ слышать и сердце чтобъ чувствовать.

Изъ всѣхъ видимыхъ предметовъ нѣтъ ни одного, который бы болѣе возвышалъ нашъ духъ, который, смѣю ли такъ выразиться? сильнѣе обуревалъ, или поражалъ его вдругъ столь многими и великими мыслями, какъ видъ звѣзднаго неба. Кто, возведши на небо очи, не трогается и остается нечувствительнымъ, не слышитъ гласа Зиждителя и Отца Природы, не открываетъ тамъ слѣдовъ высочайшей воли и мудрости, не теряется въ удивленіи; тотъ находится на самой низкой степени человѣчества и равенъ съ дикими звѣрями.

И такъ внимай, о человѣкъ, гласу звѣзднаго неба! Оно вѣщаетъ тебѣ: смирись предъ славою, моли величіе и всемогущество Бога! Уже ли ты не познаешь Вѣчнаго, Безконечнаго, Всемогущаго, Премудраго, Всеблагаго въ сихъ Его твореніяхъ? Какія творенія! кто обозритъ ихъ множество, ихъ безчисленность; кто постигнетъ ихъ вѣсъ, ихъ кругообращеніе, ихъ благодѣтельное вліяніе на благополучіе всѣхъ существъ, жизнью и чувствами одаренныхъ! Гдѣ здѣсь начало, гдѣ средоточіе, гдѣ конецъ! — Небо со всѣхъ странъ окружаетъ тебя, о человѣкъ! со всѣхъ странъ

земнаго шара, тобою обитаемаго, отъ Востока до Запада, отъ Полудня до Полуночи, открывается взору твоему необозримое множество звѣздъ, міровъ и солнцевъ. Око твое видитъ ихъ столько, сколько и умъ твой сочесть не можетъ. Изъ самыхъ отдаленныхъ пространствъ неизмѣримаго цѣлаго стремятся яркіе лучи въ Твое око, и ты, вооруживъ оное орудіями искусства, увидишь милліоны огненныхъ шаровъ тамъ, гдѣ прежде зрѣлъ одно только слабое мерцаніе. — И возвышаясь духомъ отъ одной звѣзды къ другой, отъ одного солнца къ другому, и съ сей высоты обозрѣвая звѣздное небо, престанетъ ли взоръ твой открывать когда нибудь новыя чудеса и новыя картины? Найдешь ли границу твореніямъ Безконечнаго? Быть можетъ, милліоны сихъ огненныхъ шаровъ, которыхъ лучи отъ самаго міросозданія стремятся съ непостижимою быстротою къ очамъ твоимъ, не достигнутъ оныхъ и въ теченіе многихъ тысящелѣтій! — И теперь вообрази себѣ тѣ несравненно безчисленнѣйшія темныя тѣла, для которыхъ созданы сіи источники свѣта и жизни, и которыхъ ты не въ силахъ открыть ни простыми, ни вооруженными очами. Ибо не для тебя, о человѣкъ! созданы сіи отдаленныя солнца; сія мысль была бы непростительное тщеславіе. Подобно какъ твое солнце освѣщаетъ, согрѣваетъ, оживотворяетъ

земный шаръ твой со всѣми его обитателями и разливаетъ на всѣ существа силу и радость; такъ дѣйствуютъ тѣ безчисленныя солнца на міры, данные имъ отъ Творца въ покровительство. Въ царствѣ Бога, который весь есть чистая любовь и премудрость, нигдѣ не можетъ быть великолѣпія безъ пользы, средства безъ цѣли, причины безъ дѣйствія; не можетъ быть тишины безчувственной, мертвой, безрадостной; тамъ должны вездѣ господствовать сила и дѣятельность, жизнь и блаженство. И все неизмѣримое созданіе Божіе наполнено миріадами миріадъ живущихъ, чувствующихъ, мыслящихъ и блаженствомъ дышущихъ тварей, славящихъ своего Создателя и въ радости наслаждающихся Его благодѣяніями. Всякое солнце имѣетъ свои предѣлы дѣйствія, свои міры, болѣе или менѣе отъ него отдаленные; всякой міръ своихъ собственныхъ обитателей, обильно почерпающихъ изъ открытаго имъ источника свѣта и жизнь и свѣтъ и радость.

И ты, о человѣкъ! напрягши всѣ силы ума, чтобы обнять сію въ безконечность распространяющуюся систему солнцевъ и міровъ, и вознесшись духомъ къ Тому, кто ихъ всѣ создалъ и всѣ содержитъ, представь, сколь непостижимо великъ долженъ быть Онъ, Создатель и Отецъ всѣхъ міровъ, Источникъ всѣхъ силъ и движеній, первоначальная Вина

всего сущаго! Пади предъ Нимъ во прахъ, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ моли Его, Неизъяснимаго, Непостижимаго! Его, отъ котораго, чрезъ котораго и для котораго все, все что есть, что было и что будетъ во вѣки вѣковъ! Его, Всемогущаго, создавшаго словомъ всѣ сіи солнца и міры, которыхъ величина, разстояніе и тяжесть столь превосходятъ всѣ твои понятія о мѣрѣ, пространствѣ и вѣсѣ, всѣ ихъ рукою Своею держащаго, носящаго и животворящаго, и все по Своей волѣ чрезъ нихъ исполняющаго во всѣхъ областяхъ Своего владычества! Моли Его, Премудраго, такъ ихъ всѣ устроившаго, такъ ихъ другъ отъ друга отдѣлившаго, другъ съ другомъ соединившаго, взвѣсившаго, движеніе и путь имъ опредѣлившаго, что все дѣйствуетъ согласно къ одной и той же цѣли, все пребываетъ непремѣннымъ въ предѣлахъ своего дѣйствія, все приближается, и ни съ чѣмъ не сталкивается; гдѣ никакое движеніе не разрушаетъ другаго, никакое быстрое теченіе тѣла не останавливаетъ другаго въ его теченіи, и не отвлекаетъ его отъ предписанной ему дороги! Моли Его, Прещедраго, Бога любви, столь много, столь безконечно много жизни и радости и блаженства внѣ Себя произведшаго, всегда съ большею, нежели отеческою, благостію взирающаго на безпредѣльное Свое созданіе и безпрерывно разливающаго на оное обильные дары своей все оживотворяющей и

блаженствомъ исполняющей божественной силы! Содѣлайся весь благоговѣніемъ, весь обожаніемъ, о человѣкъ! устремляя взоры свои на сіе чудесное поприще твоего Бога! Чувствуй Его безконечное, непостижимое величіе, теряйся совершенно въ удивленіи Его великолѣпію! Да возносятся изъ стѣсненной твоей груди благодарность и слава и хвала къ Богу неба, и да будешь счастливъ въ семъ прекраснѣйшемъ времяпровожденіи!

Но чувствуй также и свое ничтожество, и учись смиренію. И сему учитъ тебя видъ звѣзднаго неба. Если, о человѣкъ! увлечетъ тебя съ пути истины безумнѣйшая изъ всѣхъ человѣческихъ страстей — суетное тщеславіе, если оно тебя обольститъ забыть свои слабости, или возноситься надъ братіями своими, — тогда, тогда обрати очи на сіе поприще божественнаго великолѣпія! Воззри со мною горѣ, и отвѣчай мнѣ на мои вопросы: можешь ли счесть звѣзды? можешь ли ихъ назвать по имени? вѣдаешь ли силу, ихъ поднимающую и содержащую, теченіе имъ предписавшую, неподвижную точку имъ указавшую, восходить и заходить во время свое имъ повелѣвающую? Вѣдаешь ли ихъ устройство, ихъ внутреннее образованіе? вѣдаешь ли милліоны міровъ, обращающихся около оныхъ милліоновъ яркихъ солнцевъ, сихъ тварей безчисленныхъ, обитающихъ на

сихъ мірахъ? Вѣдаешь ли, когда каждое изъ солнцевъ, каждый изъ міровъ сихъ создань? долго ли каждое изъ нихъ будетъ протекать въ кругу, ему означенномъ, долго ли оно будетъ свѣтить, и когда померкнетъ? — Можешь ли ограничить власть Того, кто творитъ, учреждаетъ и управляетъ сею безчисленностью лучезарныхъ звѣздъ? можешь ли изъ мрачной своей обители обозрѣть неизмѣримый огненный міръ сей? Не узришь ли въ каждомъ, и самомъ отдаленнѣйшемъ разстояніи новыя небеса, новыя солнца и новые міры, если бы зримыя теперь тобою исчезли подъ стопами твоими? — Сіе признавая, чувствуя свое ничтожество и Божіе величіе, и устремляя быстрое и проницательное око горѣ и долу, и въ безпредѣльную окружность мірозданія, взгляни на свою обитель, взгляни на себя самаго, сравни землю съ небомъ, видимое съ невидимымъ и себя самаго со всѣмъ, что внѣ тебя! Что есть земный шаръ, твоя обитель, въ сравненіи съ сею неизмѣримою вселенною? Больше ли онъ капли, въ море опущенной? Больше ли пылинки, къ вѣсамъ прилипающей? А ты, что ты въ сравненіи съ земнымъ шаромъ? Сочти, если можешь, племена и народы, которые послѣ тебя будутъ цвѣсти на земномъ шарѣ, и которыхъ прахъ нѣкогда смѣшается съ твоимъ прахомъ! сочти всѣхъ звѣрей, живущихъ теперь на землѣ, всѣхъ людей, на оной обитающихъ и

дѣйствующихъ! Сравни сіи земные народы съ несравненно многочисленнѣйшими народами другихъ міровъ, и скажи тогда, составляешь ли ты великую, важную часть цѣлаго? сколь далеко простирается твое дѣйствіе? сколько пядей обнимаешь своею властію? что великое производишь, будучи завоевателемъ? Ты прорываешь кочку, или прибавляешь къ горсти земли, которую называешь ты царствомъ своимъ, другую горсть. И какая частица праха покрыта будетъ нѣкогда твоимъ прахомъ? и долго ли будетъ стоять сей песочный холмъ, который прахъ твой сокрываетъ? — О человѣкъ! уже ли не теряешься въ семъ множествѣ животныхъ земнаго шара? И весь земный шаръ не теряется ли въ мысляхъ твоихъ между безчисленностію міровъ, его окружающихъ? И ты можешь еще питать высокомѣріе, еще гордиться своими знаніями, своимъ богатствомъ, своею властію, своими владѣніями; еще подумать, что все для тебя создано, что все должно согласоваться съ твоими желаніями, все служить тебѣ! Уже ли ты еще помыслишь, что Создатель несправедливо съ тобою поступаетъ, когда печется не объ тебѣ одномъ, но и объ другихъ? еще помыслишь, что ползающіе подлѣ тебя черви, съ тобою Всевышнимъ же сотворенные, тебя оскорбляютъ, когда они не почитаютъ тебя лучшимъ, когда не признаютъ верховной твоей власти надъ ними,

когда не слѣпо тебѣ повинуются? О, когда ты здѣсь, когда при видѣ звѣзднаго неба можешь питать высокомѣріе, тогда лишился ты драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ даровъ, — ты лишился разума!

Но я не хочу приводить тебя въ уныніе, или содѣлать тебя малодушнымъ, о человѣкъ! Тебѣ не должно ни гордиться, ни унижать себя, не должно почитать себя ни больше, ни меньше, нежели каковъ ты въ самомъ дѣлѣ. Ежели звѣздное небо вѣщаетъ тебѣ: чувствуй свое ничтожество и учись смиренію; то оно же вѣщаетъ тебѣ: чувствуй свое достоинство и учись настоящимъ образомъ оцѣнять его. Конечно не льзя, такъ сказать, не теряться въ семъ безчисленномъ множествѣ созданій и міровъ, тебя окружающихъ. Безъ сомнѣнія должно тебѣ показаться пространство, тобою между ними занимаемое, безконечно малымъ; должность, тобою между ними отправляемая, очень малозначущею, и всякое земное великолѣпіе, вся пышность твоихъ чертоговъ, твоихъ одеждъ, твоихъ искусствъ, дѣтскими игрушками. Безъ сомнѣнія каждый взглядъ на міръ, каждый опытъ представить себѣ величину, порядокъ и связь онаго, препятства болѣе и болѣе увеличивающіяся, и бездонныя пропасти, при всякомъ шагѣ твоихъ изслѣдованій тебя останавливающія, напоминаютъ тебѣ

объ ничтожествѣ знаній твоихъ, о твоемъ безсиліи, о твоей ограниченности; безъ сомнѣнія тебѣ понятно, что ты разумѣешь читать однѣ лишь разсѣянныя черты, одни лишь отрывки въ книгѣ Природы, которую открываетъ тебѣ Безконечный, и что кромѣ тебя есть разумныя существа, столько же или несравненно болѣе превосходящія тебя знаніями, прозорливостію и силою, подобно какъ ты, находясь при цѣли своего земнаго теченія, превосходишь младенца новорожденнаго. Однакожъ сіе самое чувствованіе своего безсилія и своей ограниченности, о человѣкъ! сія самая неутолимая жажда просвѣщенія, сіе безпрестанное стремленіе распространить свой кругъ дѣятельности, сія самая способность сравнивать себя съ высшими существами, самыя погрѣшности твои на пути изслѣдованій, неудачные опыты твои, соединяя видимое съ невидимымъ, время съ вѣчностію, твореніе съ Творцемъ, они ясно говорятъ тебѣ: ты не весь прахъ! въ тебѣ обитаетъ нѣкая духовная дѣйствующая сила, которая возноситъ тебя далеко надъ прахомъ, но не достигла еще той степени совершенства, до которой она можетъ возвыситься.

Такъ, при всей своей ничтожности чувствуй свое величіе, при всей своей ограниченности свое достоинство. Тебѣ, тебѣ одному между всѣми обитателями земнаго ша-

ра дано право возносить себя изъ праха, который попираешь ногами, дано право взирать на небо и открывать тамъ безчисленные міры и солнца! Тебя, тебя одного трогаетъ и восхищаетъ сіе великолѣпное, божественное зрѣлище; тебя поражаютъ въ то время мысли и чувствованія; они разширяютъ духъ твой и приводятъ въ дѣятельность.

Но помня, что человѣкъ, твой братъ, сколько бы онъ ни былъ слабъ и ограниченъ, исчисляетъ величину, тяжесть и разстояніе многихъ изъ сихъ солнцевъ, измѣряетъ ихъ кругообращеніе, что онъ за нѣсколько тысящелѣтій можетъ съ точностію опредѣлить то мѣсто, которое они займутъ въ неизмѣримомъ пространствѣ, опредѣлить отношеніе, въ которомъ они будутъ находиться, законы, по которымъ будутъ двигаться и дѣйствовать, что, вспомоществуемъ орудіями, имъ изобрѣтенными, онъ умѣетъ отъ столь отдаленныхъ и ему совершенно чуждыхъ небесныхъ тѣлъ отвлекать лучи къ глазамъ своимъ и содѣлать ихъ видимыми, и что мыслію своею вознестись можетъ несравненно быстрѣе луча чрезъ все видимое, можетъ представить себѣ вселенную, во всемъ пространствѣ ея, непримѣтно маленькою частицею цѣлаго, первымъ преддверіемъ неба, — не возкликнешь ли тогда: Господи, сколь милостивъ Ты къ человѣку! Ты одарилъ его, сего

обитателя праха, такими способностями; среди мрака, его окружающаго, Ты ему дозволилъ столь много видѣть, столь высоко возвышаться духомъ!

И восходя теперь отъ творенія къ Творцу, ты вѣрно услышишь голосъ сердца: Богъ, который создалъ всѣ сія солнца и міры, управляетъ ими и хранитъ ихъ, живитъ и блаженствомъ одаряетъ, Онъ и мой Богъ, мой Создатель, мой хранитель, Онъ и меня любитъ, Онъ сдѣлаетъ и меня блаженнымъ! Я вѣдаю, я чувствую, что Онъ существуетъ, что Онъ вся во всѣхъ! Предъ Нимъ нѣтъ ничего малаго, ничего огромнаго; Его око зритъ все, живитъ все; Его щедротами небо и земля исполнены! И сего Бога я могу себѣ представлять, могу имѣть съ симъ Богомъ сообщеніе, сему Богу радоваться! Когда представишь себѣ это, какая сладость, о человѣкъ, должна разливаться по всей твоей внутренности! Уже ли теперь не познаешь своего достоинства? уже ли не устыдишься всякаго неблагороднаго, младенческаго домогательства, и не почувствуешь въ себѣ рвенія къ достойному употребленію силъ своихъ?

Какъ! уже ли ограничишь всѣ свои страсти, свои намѣренія и старанія малымъ кругомъ свѣтскихъ, чувственныхъ занятій и наслажденій? Уже ли почтешь сіи земныя бла-

га за все свое блаженство? уже ли будешь стремиться къ сему блестящему праху, который подъ стопами твоими? уже ли ослѣпишься симъ, и расточишь силы свои и время на то единственно, чтобъ накоплять кучу пыли на другую кучу, и потомъ считать количество сей пыли, великими трудами собранной? Уже ли въ томъ только поставишь цѣль своего честолюбія, чтобъ на песчинкѣ, на которой ты и братія твои обитаютъ, домогаться высшаго предъ ними мѣста, и тогда взирать на нихъ съ презрѣніемъ? Домогательство такое достойно ли существа, которое устремляетъ очи свои на небо, возлетаетъ духомъ чрезъ милліоны солнцевъ и міровъ къ самому престолу Зиждителя? Нѣтъ, твоя цѣль, о человѣкъ! гораздо возвышеннѣе: предчувствуй — и то вѣщаетъ тебѣ видъ звѣзднаго неба — предчувствуй свое будущее совершенство, благополучіе и сдѣлайся ихъ достойнымъ. Смотри, ты стоишь теперь на самой низкой степени совершенства; но тебѣ дано желаніе, способность и стремленіе безпрестанно выше и выше подниматься; ты ощущаешь ихъ въ груди своей, и не тщетно одарилъ тебя ими Зиждитель. Для чего бы Онъ распростеръ предъ тобою сіе зрѣлище чудесъ, для чего бы при видѣ ихъ возвышалъ тебя чрезъ все земное и тлѣнное, чрезъ тебя самаго къ Себѣ, и воспламенялъ въ тебѣ желанія, которыхъ

ничто на землѣ не удовлетворяетъ? Нѣтъ, Онъ, справедливый, всеблагій, не можетъ и не будетъ тебя обманывать; Онъ не заставилъ бы тебя предчувствовать сего будущаго совершенства и благополучія, если бы въ Его намѣреніи было не исполнить сего тайнаго предчувствія! Нѣтъ, ты можешь, ты долженъ переходить отъ одной степени совершенства и благополучія на другую степень; ты можешь и долженъ содѣлываться безпрестанно мудрѣе, добрѣе, счастливѣе; се воля твоего Создателя и Отца небеснаго; се вѣщаетъ тебѣ весь необозримый огненный міръ! Взгляни на сіи неисчерпаемые кладязи свѣта и познаній; не говорятъ ли они тебѣ ясно: здѣсь предметъ къ вѣчному размышленію, къ безпрестаннымъ открытіямъ, всегда къ новымъ, радостнымъ чувствованіямъ возвышеннаго благоговѣнія! здѣсь безчисленное множество благороднѣйшихъ, совершеннѣйшихъ почитателей Божества, къ которымъ ты можешь приближаться, съ ними соединиться и въ бесѣдѣ ихъ вкушать высшую сладость и неизреченное блаженство! Здѣсь великое поприще, на которомъ ты можешь развить свои силы и способности, и достигнуть той степени совершенства, до которой теперь не можешь возвыситься! Здѣсь всякое удовольствіе, которое доставляютъ тебѣ взоръ на Природу, дѣйствіе твоихъ силъ, благотворительность, любовь къ Богу

и людямъ, всякое удовольствіе является въ различныхъ великолѣпныхъ образахъ! Здѣсь обитель величайшей, общеполезной дѣятельности, обитель искренней любви и чистѣйшей божественной радости. Такъ, здѣсь можешь ты жить и дѣйствовать отъ одной вѣчности до другой и восходить выше и выше! обнимать истинъ больше и больше, приближаться къ Богу, соединиться съ Нимъ! быть блаженнѣе и блаженнѣе! Здѣсь всѣ твои желанія, всѣ надежды твои должны исполниться! Какіе обширные виды открываетъ тебѣ въ грядущемъ безконечность Бога и неизмѣримость Его міра!

В. Тилловъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Графъ Гапсбургскій.

БАЛЛАДА.

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ.
Въ старинныхъ чертогахъ на пирѣ
Рудольфъ, Императоръ избранный, сидѣлъ
Во блескѣ вѣнца и въ порфирѣ.
Тамъ кушанья Рейнскій Фалцграфъ разносилъ,
Богемецъ напитки въ покалы цѣдилъ,

И семь Избирателей, чиномъ
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ,
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ, перестала война,
Безцарственны, грозны прошли времена,
Судья надъ землею былъ снова!
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.

И Кесарь, наполнивъ покалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекрасенъ мой пиръ! Все пируетъ со мной!
„Все Царскій мой духъ восхищаетъ!
„Но гдѣжъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
„Придетъ ли мнѣ душу растрогать Пѣвецъ
„Игрой и благимъ поученьемъ?
„Я пѣсней былъ другомъ, какъ Рыцарь простой!
„Днесь Кесарь, покинулъ ль обычай святой
„Пиры услаждать пѣснопѣньемъ.“

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣянъ шаларомъ,

Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ!
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ. . .
О чемъ же Властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?"

— Не мнѣ управлять Пѣснопѣвца душой!
(Пѣвцу отвѣчаетъ Властитель)
Онъ высшую силу призналъ надъ собой!
Минута ему повелитель!
По воздуху вихорь свободно шумитъ!
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ!
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ!
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина!
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ! —

И смѣло ударилъ Пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
За серною Рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самдругъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они — колокольчикъ гремитъ:
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;
И слѣдомъ Священникъ съ Дарами.

„И набожный Графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь Дары отдаетъ,
И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

„Куда? изумившійся Графъ вопросилъ.
— Въ село! умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ Пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ чрезъ етотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ;—
Его разбросало водою.
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою.

„И Пастырю Витязь коня уступилъ
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;

Священникъ же, требу святую
Сверщивши, при первомъ мерцаніи дня
Приходитъ ко Графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

„Дерзну ли помыслить я, Графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не приемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И душу и жизнь и дыханье.

„Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
Своей благодатью святою!
Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою!
Гельвеція славой сіяетъ твоей!
И шесть разцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы!
Да будутъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ!
Да славятся въ роды и роды!"

И въ думѣ главу Императоръ склонилъ:
Минувщее въ немъ оживилось.

Вдругъ быстрый онъ взоръ на Пѣвца устремилъ —
И таинство словъ объяснилось:
Онъ Пастыря видитъ въ Пѣвцѣ предъ собой!
И слезы, изъ глазъ побѣжавши струей,
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ! . . .
Все смолкло, на Кесаря очи поднявъ;
И всякъ догадался, что набожный Графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

Жуковскій.

Къ Алинѣ.

(*Подражаніе Лебреню*).

На розахъ, пригвожденъ
Къ постели сладострастьемъ
И леностью и счастьемъ,
Въ ничтожествѣ блаженъ,
Любовникъ спитъ обыкновенный:
Тибуллъ, съ зарею пробужденный,
Ко славѣ отъ любви летѣлъ
И Делію въ восторгѣ пѣлъ.
Отважно вырвавшись изъ рукъ любови страстной,
Въ объятья славы пасть прекрасно!

*

Нѣтъ! нѣтъ! мы не умремъ,
Алина, другъ сердечный!

Стихи, лобзанья — въ вѣчный,
Въ одинъ восторгъ сольемъ,
И смерть лишится грозной власти!
Пусть чистый пламень нашей страсти
Надъ бездною вѣковъ горитъ,
И мракъ могилы озаритъ,
Какъ мѣсяцъ молодой лѣсъ старый и дремучій,
Какъ молнія мракъ черной тучи!

В — Ъ.

1818 Года Февраля 6 го дня.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Отрывки изъ разсужденія о Чистой Мавематикѣ.

(Окончаніе.)

V.

О школѣ Александрійской.

Смерть прервала стремленіе Александра Македонскаго къ преобладанію; гигантская Имперія раздѣлена была между его военачальниками: *Лагусъ* получаетъ Египетъ, и какъ

скоро становится спокойнымъ обладателемъ, то царскій взоръ свой, вмѣстѣ съ благотвореніями, обращаетъ на ученыхъ, которые приносятъ въ Александрію свои и предшественниковъ своихъ познанія. Лагусъ не удовольствовался симъ; онъ захотѣлъ навсегда водворить науки въ подвластной ему странѣ, и завелъ школу, которая потомъ была усовершенствована Птоломеемъ Филадельфомъ. Между членами сей школы находятся мужи, навсегда прославившіеся. Первый изъ нихъ есть *Евклидъ*. Кто неслыхалъ о драгоцѣнномъ произведеніи сего Геометра? Его *Елементы* составляютъ основаніе всѣхъ геометрическихъ познаній: они съ совершенствомъ научаютъ разсуждать и показываютъ, въ чемъ состоитъ геометрическая строгость и точность. Въ своемъ мѣстѣ будетъ обьяснено, что всѣ покушенія новыхъ Маѳематиковъ перемѣнить связь, устроенную между предметами сего творенія, суть неуспѣшны, и, кажется, напрасны: надлежало бы токмо прибавить открытія Архимеда, и оставить сію книгу неприкосновенною, сдѣлавъ ее основаніемъ для зданія Геометріи. Древніе Геометры и нѣкоторые изъ новыхъ чувствовали сію истину, и старались умножать изданія *Елементовъ*. Изъ первыхъ *Проклъ* предпринималъ сдѣлать на нихъ обширныя замѣчанія, которыя однакожъ ограничиваются только первою книгою; очень

жаль, что сей Геометръ не окончилъ труда своего: ибо въ его началѣ, хотя весьма утомительномъ отъ многословія, заключаются прекрасныя извѣстія касательно исторіи Маѳематики и важныя понятія о Метафизикѣ сей науки. Изъ изданій же новыхъ Геометровъ предпочтительнѣйшія суть: *Барова* (1659) и *Кейля* (Keil), содержащія только 8 книгъ, т. е. 6 первыхъ и 11 и 12 изъ послѣднихъ (1701); *Роберта Симсона*, также изъ 8 книгъ, напечатанное въ Глазговѣ 1756 года — сіе изданіе принято Англичанами за классическое; и наконецъ въ 1809 году *Пейраръ* (Peyrard), Профессоръ Маѳематики и Астрономіи въ Лицеѣ Буонапарта, напечаталъ буквальный переводъ 8 Евклидовыхъ книгъ съ прибавленіемъ всего того, чего недоставало въ нихъ, и что дополнено Архимедомъ. Сверхъ сего *Елементы* переведены на всѣ Европейскіе языки, даже на Арабской, Персидской, Турецкой, Еврейской и наконецъ на Китайской. Должно думать, что сіи переводы совершены по большей части съ возможною исправностію. И такъ не надлежитъ ли намъ сожалѣть и стыдиться, что въ нашемъ Отечествѣ нѣтъ хорошаго изданія сей драгоцѣнной книги? Г. Академикъ Гурьевъ составилъ свою Геометрію, кажется, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ она въ полной мѣрѣ замѣнила хорошее изданіе *Евклидовыхъ Елементовъ*; въ своемъ мѣстѣ

показано будетъ, сколько г. Гурьевъ успѣлъ въ семъ предприятіи.

Маѳематическіе труды Евклида не ограничиваются *Елементами*; онъ принесъ также великую пользу *анализу*, старавсь, какъ кажется, положить оному твердыя начала: ибо книгѣ его, именуемой *Data*, не можно приписать другой цѣли. Сверхъ того Паппусъ свидѣтельствуетъ, что Евклидъ писалъ *о коническихъ сѣченіяхъ*, много распространилъ ихъ ѳеорію, и касался даже тѣхъ предметовъ, которые нынѣ подлежатъ выкладкамъ высшаго анализа, каковы суть кривыя линіи о двухъ кривизнахъ.

Но глубокомысленнѣйшее его твореніе есть три книги *о поризмахъ* (*de porismatibus*). До крайности жаль, что сіе сочиненіе не дошло до насъ; а показанія *Паппуса* темны; даже *Галлей*, одинъ изъ величайшихъ знатоковъ древней Геометріи, признался, что совсѣмъ ихъ не понимаетъ. Хотя въ сочиненіяхъ *Роберта Симсона*, изданныхъ (1776) *Кловомъ* послѣ его смерти, находятся догадки, въ чемъ состояли *поризмы*; однако и сей знаменитый Геометръ не могъ дать полнаго объ нихъ понятія. Вотъ слова Монтуклы о семъ предметѣ: „Въ древней Геометріи нѣтъ ничего темнѣе и труднѣе *поризмовъ*, что подтверждается признаніемъ Галлея. Да-

же послѣ объясненій Роберта Симсона мы не надѣемся дать ясное понятіе о сущности *поризма* и объ отличіи его отъ ѳеоремы и задачи: ибо сіе отличіе столь тонко, что едва ли мы будемъ въ состояніи опредѣлить оное съ точностію." *Паппусъ* называетъ сіи книги *collectio artificissima multarum rerum, quae spectant ad analysim difficiliorum et generaliorum problematum, quorum ingentem copiam praebet natura etc.*

Второй изъ тѣхъ славныхъ Маѳематиковъ Александрійской школы, коихъ сочиненія болѣе намъ извѣстны, есть *Ератосѳенъ*, мужъ, принадлежащій къ числу сихъ рѣдкихъ людей, которые своимъ геніемъ обнимаютъ всѣ роды познаній: онъ былъ ораторъ, стихотворецъ, антикварій, философъ и маѳематикъ. По словамъ Паппуса, онъ старался усовершенствовать анализъ и написалъ двѣ книги *de locisd ad medietates*, которыя по мнѣнію Монтуклы суть не иное что, какъ коническія сѣченія (*).

Ератосѳенъ разрѣшилъ также славную задачу объ удвоеніи куба, и показалъ любопытный способъ находить простыя числа.

(*) Здѣсь не мѣсто излагать предметъ сего сочиненія; замѣтимъ только, что заключающіяся въ немъ ѳеоремы легко доказать посредствомъ новаго анализа. *Соч.*

Сей способъ извѣстенъ подъ именемъ *сита* (crible), поелику онъ не есть прямой, а подающій средство исключать числа сложныя. Вотъ изложеніе онаго по запискѣ *Горлея* (Horsley), напечатанной въ *Философскихъ транзакціяхъ* на 1772 годъ.

Во первыхъ явно, что всѣ числа четныя, кромѣ 2, суть числа сложныя, и по крайней мѣрѣ могутъ быть раздѣлены на 2 безъ остатка; и такъ изъ ряду натуральныхъ числъ надлежитъ оныя исключить; остаются нечетныя, начиная съ 3. Теперь, если за перваго дѣлителя принято будетъ простое число 3, то не трудно усмотрѣть, что всѣ числа, дѣлимыя на 3, отдѣлены одно отъ другаго двумя числами. Ежели за втораго дѣлителя примется простое число 5, то всѣ числа, измѣряемыя 5ю, будутъ отдѣлены четырьмя числами. Ежели третьимъ дѣлителемъ возмется 7, то числа, имѣющія сего дѣлителя, будутъ находиться чрезъ шесть числъ и т. д.; послѣ сего стоитъ только исключить тѣ числа, которыя дѣлятся на 3,5,7 и пр.

Третій изъ мужей, прославившихъ Александрійскую школу, есть *Аполлоній*. Галлей въ предисловіи *къ Коническимъ сѣченіямъ* сего древняго Геометра говоритъ, что онъ жилъ спустя 40 лѣтъ послѣ Архи-

меда. Обширный трактатъ *о Коническихъ сѣченіяхъ* есть главный трудъ Аполлонія; онъ получилъ за него прийменованіе *Великаго.* — Кажется, что первые изъ занимавшихся коническими сѣченіями предполагали пресѣкающую плоскость перпендикулярною къ сторонѣ конуса, и слѣдственно употребляли три рода конусовъ, чтобъ получить еллипсисъ, параболу и гиперболу; сіи линіи извѣстны были подъ названіями: *сѣченіе конуса остроугольнаго, сѣченіе конуса прямоугольнаго* и *сѣченіе конуса тупоугольнаго.* Аполлоній показалъ, что ихъ можно получить изъ сѣченій однаго и того же конуса, и притомъ первый ввелъ наименованія еллипсиса и гиперболы. — Обширность и изящество Аполлоніева трактата суть причины, для коихъ исчезли предшествующія ему о томъ же предметѣ сочиненія, равно какъ изъ всей древности остались одни токмо Елементы Геометріи. До изобрѣтенія книгопечатанія весьма трудно было доставать книги, а потому ограничивались важнѣйшими или полезнѣйшими, и часто довольствовались сокращеніями. Сіи сокращенія были вредны, потому что нѣкоторыя части сочиненій терялись; таковой участи подверглись Коническія сѣченія Аполлонія. Изъ осьми книгъ сего трактата дошли до Европейцовъ въ оригиналѣ только четыре, которые сначала были изданы *Меммiемъ* на Латинскомъ языкѣ

въ 1537 году, а потомъ въ 1566 *Коммандиномъ* съ комментаріями *Евтокія* и леммами *Паппуса*, коими было объяснено, чему надлежало содержаться въ потерянныхъ книгахъ. Арабы, переселивъ къ себѣ познанія Грековъ, не оставили въ забвеніи сочиненія Аполлоніева, многократно переводили ихъ на свой языкъ и сдѣлали сокращенія. Также Персидскій Геометръ *Нассиръ-Еддинъ* въ 1250 году издалъ свой переводъ оныхъ, обогативъ его примѣчаніями. Все сіе было неизвѣстно въ Европѣ, гдѣ не занимались Восточною Словесностію; и Вивіани, ученикъ Галилея, трудился надъ *Гаданіемъ* о книгахъ Аполлонія, какъ *Альфонсъ Борелли* нашелъ въ Медицийской Библіотекѣ Арабскій манускриптъ; взглянувъ на чертежи, онъ узналъ въ немъ переводъ *коническихъ сѣченій* сего Геометра, и съ помощію *Авраама Еччелленцисъ* переложилъ ихъ на Латинскій языкъ: сей переводъ противу вышеупомянутыхъ содержалъ 5, 6 и 7 книги. Однако Вивіани просилъ, чтобъ Борелли не издавалъ своего труда до того времени, пока онъ окончитъ *Гаданія*. Въ 1659 году явилось въ свѣтъ сіе твореніе Вивіана. Сравнивая его съ сочиненіемъ Аполлонія, не льзя не сдѣлать объ немъ выгоднаго заключенія: то же глубокомысліе, та же обширность идей, такъ что *Гаданія* Вивіана могутъ служить дополненіемъ къ древней ѳеоріи коническихъ сѣченій.

Наконецъ ученый *Голій* (Golius) привезъ съ Востока новый екземпляръ Коническихъ сѣченій Аполлонія, состоящій также изъ 7 книгъ, но примѣчательный своими варіантами, которыми воспользовался Галлей и сдѣлалъ превосходное изданіе сего творенія, возстановивъ и 8ю его книгу по показаніямъ Паппуса.

Хотя и другіе Маѳематическіе труды Аполлонія важны, однако здѣсь не можно изложить ихъ содержанія ради необходимости чертежей; и такъ приведемъ токмо ихъ заглавія: 1. *De sectione rationis*, 2. *De sectione spatii*, 3. *De sectione determinata*, 4. *De tactionibus*, 5. *De inclinationibus*, 6. *De locis planis.*

VI.

Объ Архимедѣ и Діофантѣ.

Въ то время, какъ Ератосѳенъ былъ украшеніемъ Александрійской школы, Архимедъ, жившій за 287 лѣтъ до Р. Х., прославилъ свое отечество Сицилію важными открытіями въ Чистой и Прикладной Маѳематикѣ.

Архимедъ, усмотрѣвъ, что въ Елементахъ Евклида недостаетъ, по видимому, существенной и полезнѣйшей части Геометріи — измѣренія пространствъ, ограниченныхъ прямыми и кривыми линіями и поверх-

ностями; приступилъ къ дополненію сего недостатка. Да будетъ мнѣ позволено предположить, что Архимедъ, прокладывая путь къ своей цѣли, связывалъ идеи такимъ образомъ (*): Изъ предложенія XXIII книги VI Евклидовыхъ Елементовъ (**) заключилъ онъ, что прямоугольникъ и квадратъ состоятъ въ сложномъ содержаніи своихъ сторонъ; потомъ, измѣривши высоту и основаніе сего прямоугольника стороною квадрата, вывелъ отсюда его совершенную мѣру. Но какъ по предложеніямъ XXXVI и XLI книги I прямоугольникъ можно уравнять параллелограму и треугольнику, то и сихъ фигуръ мѣры получить было не трудно. Послѣ сего Архимедъ не почелъ за нужное останавливаться на измѣреніи прочихъ плоскихъ пространствъ, ограниченныхъ прямыми линіями, — поелику сіи пространства могутъ быть раздѣляемы на треугольники, — и перешедъ къ кругу, увидѣлъ, что для измѣренія онаго потребно прежде сравнить его съ какою-либо прямо-

---

(*) Болѣе нежели вѣроятно, что Великій Сицилійскій Геометръ слѣдовалъ другой дорогѣ; но я дѣлаю сіе съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы сколько нибудь показать связь между предметами Геометріи, и отклонить нареканіе, что *узнавъ Елементы Евклида, не будемъ умѣть найти площадь треугольника.* Соч.

(**) Смотри: *Les élémens de Geometrie d'Euclide, etc. par F. Peyrard. 1809. Paris.*

линейною фигурою, а лучше всего съ треугольникомъ. Здѣсь-то надлежало употребить способъ доказательства *ad absurdum*, принявъ въ основаніе ѳеоремы, которыя Евклидъ считалъ парадоксами (*). Совершивъ сіе, должно было найти приближенное отношеніе діаметра къ окружности, дабы величину всякаго круга можно было представить въ числахъ.

(*) Сіи ѳеоремы суть: 1. *Хорда менѣе своей дуги.* 2. *Часть касательной, ограниченная двумя продолженными радіусами, болѣе соотвѣтствующей дуги.* Пейраръ говоритъ, что всѣ усилія доказать сіи двѣ ѳеоремы были до сихъ поръ (до 1809 г.) тщетными. Въ самомъ дѣлѣ неудачно покушеніе Лежандра доказать вообще, что *изъ двухъ преломленныхъ или кривыхъ линій, вмѣщающихся одна въ другую, облекающая болѣе облекаемой, имѣютъ ли онѣ, или не имѣютъ точекъ соприкосновенія.* Но нашъ Геометръ Гурьевъ по справедливости не почелъ за нужное подводить оныя двѣ ѳеоремы подъ одну общую, и каждую изъ нихъ доказалъ съ возможною геометрическою строгостію. — Сверхъ сего способъ доказательства *ad absurdum*, превратившійся *въ способъ предѣловъ*, приведенъ симъ незабвеннымъ Маѳематикомъ во всеобщность, и статьи о сравненіи круговъ, цилиндровъ, конусовъ и шаровъ приняли на себя такой видъ, что не обинуясь можно сказать, что доводы, коими Пейраръ старается подтвердить важнѣйшія истины о кругахъ и трехъ круглыхъ тѣлахъ, почти не заслуживаютъ никакого вниманія. Соч.

Показавъ мѣру плоскихъ пространствъ, подлежащихъ разсматриванію въ Елементахъ Геометріи, Архимедъ перешелъ къ измѣренію тѣлъ, ограниченныхъ плоскостями. Основанія для сего измѣренія заключаются въ предложеніяхъ XXXI, XXXIII книги XI и въ предложеніи VII книги XII Елементовъ Евклида. Послѣ сего онъ не могъ уже пользоваться сею книгою, и руководимый собственнымъ геніемъ, предложилъ ту прекрасную ѳеорію трехъ круглыхъ тѣлъ, которая составляетъ предметъ его книги *о сферѣ и цилиндрѣ* и которая навсегда утвердила его славу. Самъ Архимедъ столько былъ восхищенъ своими открытіями, что завѣщалъ вырѣзать на гробницѣ своей изображенія сферы и цилиндра.

Послѣ сего Архимедъ обратился къ высшей Геометріи. Слѣдствіемъ его размышленій былъ трактатъ *о коноидахъ и сфероидахъ*, исполненный такаго глубокомыслія и остроумія, что немногіе изъ новыхъ Геометровъ, презирающихъ методъ древнихъ, могутъ понимать его способы. Наконецъ рядъ своихъ открытій въ Чистой Матемаѳикѣ заключилъ онъ *квадратурою параболы* и *изложеніемъ свойствъ спиральной линіи*, изобрѣтенной другомъ его *Кономъ*.

Нѣкоторые изъ современниковъ Архимеда утверждали, что никакое число не можетъ

изобразить количество песка, находящагося на берегахъ моря. Архимедъ предпринялъ уничтожить сіе заблужденіе, и въ книгѣ своей *Psammites s. v Arenarius* показалъ, что когда предѣлы вселенной будутъ имѣть большее пространство, нежели то которое было предполагаемо; тогда пятидесятый членъ возрастающей десятеричной прогрессіи съ излишествомъ изобразитъ число песка, въ сихъ предѣлахъ заключающагося.

Въ заключеніе сей статьи изъявляю свое сожалѣніе о томъ, что, будучи ограниченъ тѣсными предѣлами моего разсужденія, не могу начертать здѣсь картины открытій Архимеда по части Механики, Гидростатики и Оптики, — открытій, коими сей великій мужъ принесъ наивеличайшую пользу отечественному городу, и доказалъ, что умствованія Геометровъ не суть тщетныя и въ общежитіи безполезныя.

Честь лучшаго изданія Архимедовыхъ твореній принадлежитъ Оксфордскому Университету. Сіе изданіе имѣетъ такое заглавіе: *Archimedis, quae supersunt omnia cum Eutotii Ascalonitae commentariis, ex recensione Iosephi Torelli Veronensis cum nova versione Latina, accedunt lectiones variantes ex cod. Medic. et Prisiensibus, Oxonii*, 1793, *in folio*. Также заслуживаетъ вниманіе переводъ

Архимедовыхъ сочиненій на Французской языкъ, сдѣланный Пейраромъ: *Oeuvres d'Archimede*, 1808.

Теперь приступаю къ описанію трудовъ такаго мужа, котораго должно причислить къ тѣмъ тремъ Геометрамъ древности (*Евклиду*, *Аполлонію*, *Архимеду*), коихъ творенія суть источники Математическихъ познаній: — сей мужъ есть *Діофантъ*, основатель *Алгебры*, или *всеобщей науки счета*.

Люди, одаренные геніемъ, могутъ преобразовывать науки и ускорять ихъ ходъ къ совершенству. Видѣли, что *искусство считать* принадлежало всѣмъ народамъ; но только Индія положила для него твердыя основанія, принявши десятеричное содержаніе чиселъ. Пиѳагоръ, можетъ быть, покоряясь обстоятельствамъ, набросилъ покровъ таинственности на сію важную отрасль человѣческихъ познаній, и тѣмъ воспрепятствовалъ ея распространенію между своими соотечественниками, такъ что до временъ Евклида Ариѳметика не была обработываема ученымъ образомъ. Въ его Елементахъ три книги, 7, 8 и 9, содержатъ разсужденія о свойствахъ чиселъ, необходимыхъ для множества Ариѳметическихъ изысканій. Послѣ Евклида ѳеоріею чиселъ занимался Ератосѳенъ. Видно так-

же, что и Архимедъ обращалъ на сей предметъ нѣкоторое вниманіе, но не углубляясь въ него. Въ пространствѣ времени отъ Архимеда до Діофанта хотя многіе изъ занимающихся Маѳематикою писали объ Ариѳметикѣ, однако ихъ сочиненія, какъ людей неодаренныхъ талантами, не сообщили сей наукѣ ни бо́льшаго пространства, ни бо́льшаго совершенства; Маѳематики сіи не смѣли, такъ сказать, отдѣлиться отъ елементарности. Сверхъ того они вдавались въ мечты, обманывали другихъ и себя, и наносили великой вредъ наукѣ. *Порфирій* писалъ *о таинственности чиселъ*; *Ѳимаридасъ* есть сочинитель книги, называемой *Epanthema seu Florilegium*, въ которой содержатся разныя ариѳметическія увеселенія; также *Никомахъ* составилъ трактатъ объ Ариѳметикѣ, гдѣ свойства чиселъ разсматриваетъ онъ по способу Пиѳагорейцовъ, слѣдственно это есть собраніе жалкихъ мечтаній, унижающихъ умъ человѣческой. И такъ всѣ сіи люди были рабы своихъ предшественниковъ, и не воображали, что Ариѳметика можетъ получить приращеніе, можетъ обратиться въ общую науку счета. Такая мысль прежде всѣхъ родилась въ головѣ *Діофанта Александрійскаго*, написавшаго трактатъ подъ заглавіемъ: *Arithmeticorum libri*, изъ коихъ дошли до насъ токмо шесть. Вотъ краткое изложеніе содержанія сихъ книгъ.

Во первыхъ замѣтимъ, что употребляемые Діофантомъ знаки сходствуютъ со знаками новыхъ алгебраистовъ до введенія въ Алгебру буквъ. На примѣръ неизвѣстное искомое число означаетъ онъ чрезъ *ότι*; квадратъ числа называетъ *δυναμις*, и означаетъ чрезъ δ^{u}; кубъ именуетъ *κυβος*, и означаетъ чрезъ $\varkappa^{u}$; четвертая степень разумѣется у него подъ знакомъ $\delta\delta^{u}$, а пятая подъ знакомъ $\delta\varkappa^{u}$; и пр. Чтожъ касается до изображенія четырехъ дѣйствій ариѳметическихъ, то одно токмо вычитаніе представляетъ Діофантъ чрезъ обращенное и нѣсколько усѣченное Ψ.

Діофантъ, углубляясь въ ариѳметическія дѣйствія, задавалъ себѣ различные вопросы, приближался всегда къ труднѣйшимъ, и наконецъ, достигши уравненій второй степени, встрѣтилъ важное препятствіе въ извлеченіи корней. Здѣсь-то разкрылся геній сего остроумнаго Анализиста. Онъ изобрѣлъ средство избѣгать величинъ ирраціональныхъ, и проложилъ дорогу къ неопредѣленной аналитикѣ, которая усовершенствована нынѣ *Ейлеромъ*, *Лежандромъ*, *Лагранжемъ* и *Гауссомъ*. Способъ Діофанта состоитъ въ искусствѣ превращать квадратныя уравненія въ первостепенныя, стараясь составлять такія, въ которыхъ бы уничтожились квадраты или искомаго, или даннаго числа.

Кромѣ сего рода уравненій, которыя именуются *простыми*, Діофантъ разрѣшаетъ еще такъ называемыя уравненія *двойныя*, выходящія изъ задачъ, требующихъ двухъ одно отъ другаго зависящихъ выраженій. Но въ шести его книгахъ, пощаженныхъ временемъ, нѣтъ разрѣшенія уравненій *тройныхъ*, *четверныхъ*, и прч.

Многіе изъ новѣйшихъ Маѳематиковъ занимались анализомъ Діофанта, и между ними *Фермать* съ успѣхомъ дополнилъ то, чего недоставало въ древнемъ аналиэстѣ.

П — въ.

Къ господамъ Издателямъ Украинскаго Вѣстника.

Прежде всего прошу не удивляться, что предпринимаю бесѣдовать съ вами не чрезъ посредство вашего же занимательнаго Вѣстника, а обращаюсь къ соименитому его Московскому собрату. Я съ молодыхъ лѣтъ привыкъ предпочитать средства ближайшія отдаленнымъ, вѣрныя невѣрнымъ, безубыточныя убыточнымъ: а какъ вашъ Украинскій *Вѣстникъ* отстоитъ отъ меня седмью стами верстъ далѣе нежели *Вѣстникъ Европы*;

то я и не могъ долго оставаться въ нерѣшимости. Во вторыхъ, прошу не освѣдомляться объ моемъ имени; довольно, если скажу вамъ, что я двоюродной братъ *Московскаго Бродяги*, имѣю одно съ нимъ ремесло, однѣ мысли и одну душу: хвалю, кого онъ хвалитъ; порицаю, кого онъ не жалуетъ. На конецъ, въ третьихъ, прошу васъ принять отъ меня небольшую услугу, съ тѣмъ однакожъ чтобы тотчасъ забыть о ней: я люблю одолжать тайно и безъ всякихъ видовъ.

Въ пятой книжкѣ своего журнала вы напечатали *Записку о достопамятностяхъ Москвы*, доставленную къ вамъ отъ *В. Н. Каразина* и сочиненную будто бы знаменитымъ нашимъ Исторіографомъ. Правда, что г. Каразинъ и вы, милостивые государи, не утвердительно приписываете *Записку* г-ну Карамзину, а только полагаете возможнымъ, что онъ сочинилъ ее; со всѣмъ тѣмъ одно уже подобное предположеніе должно быть оскорбительнымъ для личности Писателя, стяжавшаго безсмертную славу. У насъ въ Столицѣ *Записка о достопамятностяхъ Москвы* быстро переходила изъ рукъ въ руки во всю минувшую зиму. Не вы одни, господа Издатели, впали въ заблужденіе; многіе изъ числа Московскихъ жителей и иногородныхъ изо всей мочи увѣряли, что *Записка* сочинена Николаемъ Михайловичемъ, и Богъ знаетъ,

чего стоило намъ, то есть мнѣ и *Бродягѣ*, опровергать ложные толки. Братецъ охрипъ отъ крика; я, спорившй на гостиномъ дворѣ, сильно разгорячился, вспотѣлъ, получилъ простуду и прохворалъ двѣ недѣли. Скажу не въ похвалу себѣ, мы трудились не попустому: нѣкоторыхъ разувѣрили, другихъ заставили сомнѣваться. Теперь вы все дѣло испортили, напечатавъ у себя въ журналѣ мнимую *Записку*: вы дали сильное оружіе противникамъ нашимъ. Извѣстно, какъ у насъ вѣрятъ печатному: спорщики преслѣдуютъ меня и братца, имѣя въ рукахъ по книжкѣ вашего Вѣстника. Какая мнѣ до нихъ нужда? Но грѣшно васъ оставить въ заблужденіи. Можетъ быть строки сіи благовременно дойдутъ до рукъ вашихъ, и вы не только оставите подъ спудомъ обѣщанное *окончаніе* Записки, но еще и сами содѣлаетесь поборниками истины. И безъ того уже затѣйливость слишкомъ много играла простодушнымъ легковѣріемъ. Одинъ ли Гомеръ слыветъ творцемъ непринадлежащей ему поэмы *о войнѣ мышей съ лягушками?* Надобно ли, чтобы еще и знаменитый нашъ Исторіографъ почитался творцемъ Записки, недостойной таланта его и ученой славы, — Записки очевидно подложной, наполненной очевидными ошибками, неприличными сужденіями и хвастовствомъ, никакъ несовмѣстными со скромностію не только писателя, но даже всякаго благовоспитаннаго человѣка.

Сочинитель оной Записки говоритъ почти при самомъ началѣ: „*Вѣроятно*, что „Князь Юрій былъ первымъ ея (т. е. Москвы) „основателемъ. Она прежде называлась Кучковымъ; ибо тамъ жилъ, какъ разсказываютъ, богатый *Дворянинъ* Степанъ Ивановичь Кучько — *имѣя домъ на Чистыхъ прудахъ*. Мѣсто нынѣшняго Кремля было „покрыто густымъ лѣсомъ, *гдѣ въ маленькой хижинѣ обиталъ пустынникъ Букалъ.*“ Нѣтъ нужды останавливаться надъ *вѣроятностію* построенія Москвы Юріемъ; ибо Исторіографъ и во самомъ дѣлѣ неутвердительно приписываетъ оное сему Великому Князю (*), хотя и то неменѣе справедливо, что онъ же въ другомъ мѣстѣ (именно тамъ, гдѣ сказалъ: *въ наше время историкамъ уже непозволено быть романистами)* говоритъ весьма ясно и краснорѣчиво, что Москва основана Княземъ Юріемъ Долгорукимъ, что „любовь, которая разрушила Трою, построила нашу Столицу (**)“ и проч. Но возможное ли дѣло, чтобы тотъ, кому болѣе всякаго другаго извѣстны Русскія древности, назвалъ *Тысяцкаго* или *Боярина* Кучку *дворяниномъ?* Сочинитель Записки, незная стариннаго значенія сему слову, представляетъ себѣ Кучку нынѣшнимъ помѣщикомъ,

(*) Ист. Гос. Рос. II, 206.
(**) Сочиненія 1803. VII, 375.

слѣдственно и *дворяниномъ*, а можетъ быть еще губернскимъ, или уѣзднымъ предводителемъ, или по крайней мѣрѣ депутатомъ! Далѣе: напишетъ ли Исторіографъ, что *Кучко имѣлъ домъ на Чистыхъ прудахъ*, и что на мѣстѣ нынѣшняго Кремля въ маленькой хижинѣ *обиталъ пустынникъ Букалъ*, когда самъ же онъ въ прибавленіяхъ къ Исторіи (*) требуетъ историческихъ свидѣтельствъ симъ извѣстіямъ, разсказываемымъ новѣйшими историками безъ всякаго основанія? Какимъ образомъ домъ *дворянина* Кучки могъ быть въ *Москвѣ*, называвшейся прежде Кучковымъ, *на Чистыхъ прудахъ*, когда пруды сіи, по смыслу той же Записки, были еще *не въ Москвѣ*, и когда „нынѣшняя Срѣтенка въ XIV вѣкѣ была еще *внѣ Москвы*, и называлась Кучьковымъ полемъ?" Исторіографъ, говоря о Срѣтенскомъ монастырѣ, безъ сомнѣнія упомянулъ бы, что въ немъ есть церковь во имя Преподобныя Маріи Египетскія, та самая, въ которой было срѣтеніе чудотворныя Иконы Владимірскія. Сей образъ Богоматери названъ *Палладіумомъ Суздальскаго великаго княженія* — хитрость весьма незамысловатая! Сочинитель Записки хочетъ подражать слогу Исторіографа, а объ томъ и невспомнилъ, что у него Палладіумомъ названы гдѣ-то *Кремлевскія стѣны*, а не образъ.

(*) Т. II, 467.

Къ высотѣ *Ивана Великаго* неизвѣстный сочинитель Записки весьма некстати прибавляетъ отъ себя нѣсколько саженей лишнихъ. Какая была въ етомъ нужда? Г-нъ К. показалъ бы настоящую мѣру сей славной колокольни; онъ написалъ бы не *сорокъ пять саженъ*, но — тридцать восемь саженей одинъ аршинъ съ половиною.

Мощи Св. Алексѣя Митрополита не *погребены*, какъ пишетъ неизвѣстный, въ Чудовѣ монастырѣ, а почиваютъ тамъ въ соборной церкви. „Тутъ *какой-то* Философъ, Іеро„монахъ Епифаній, имянованный въ надписи „*мудрѣйшимъ толкователемъ Св. Писа„нія*." Не *какой-то* Епифаній, но извѣстный каждому литтератору, а тѣмъ еще болѣе знаменитому Исторіографу, Іеромонахъ Епифаній Славеницкій, родомъ Кіевлянинъ, жившій въ Чудовѣ монастырѣ, именовавшійся дидаскаломъ Философіи и Богословіи, переведшій на Славянскій церковный языкъ *Слова Григорія Богослова*, *Бесѣды Василія Великаго на Шестодневникъ*, и проч., человѣкъ можетъ быть имѣвшій большія свѣдѣнія, но писавшій вовсе безъ искусства, ибо переводы его чрезвычайно темны.

„Здѣсь (т. е. въ Кремлѣ) Іоаннъ Василь„евичь растопталъ *басму* или образъ Хана." И въ другомъ мѣстѣ: „За Москвою рѣкою, „гдѣ нынѣ церковь Спаса на Болвановкѣ, Ве-

„ликіе Князья Московскіе обыкновенно встрѣ-
„чали пословъ Ханскихъ, — которые пріѣз-
„жали съ *басмою или болваномъ, рѣз-
„нымъ изображеніемъ Хана.*“ Что *басма*
значитъ не болванъ, а грамата съ печатью,
въ етомъ ссылаюсь на разные лексиконы и
на Словарь Историческій Татищева; ссыла-
юсь на Татарина, которой сказалъ мнѣ, что
басма значитъ набойка; на коренныя при
Татарской Грамматикѣ (*) слова, гдѣ басма
также даетъ идею о набиваніи или печата-
ніи, и гдѣ *образъ, идолъ* называются со-
всѣмъ иначе; ссылаюсь на религію Магоме-
танскихъ суннитовъ, какими были и нынѣ
суть почти всѣ Татаре, запрещающую Му-
зульманамъ изображать человѣка.

„Представляется глазамъ нашимъ бога-
„тѣйшій, огромнѣйшій *гостинный дворъ* въ
„Россіи. Онъ стоитъ на семъ мѣстѣ уже
„*пятый вѣкъ*. . . Старыя имяна нѣкото-
„рыхъ рядовъ нынѣ уже непонятны“ и проч.
Сочинитель Записки смѣшалъ *гостиный
дворъ* съ *рядами*; первый еще недостроенъ.
Старой гостиной дворъ на Ильинкѣ, постро-
енъ былъ при Алексіѣ Михайловичѣ. Кромѣ
того на Варваркѣ былъ еще *рыбной гости-
ной дворъ*, построенный при Царѣ Михаи-
лѣ Ѳеодоровичѣ (**).

(*) Грам. Тат. языка. С. П. Бургъ, 1801. 4.
(**) Путеводитель къ древностямъ и досто-
памятностямъ Московскимъ. II, 51, 53.

Теперь прошу обратить вниманіе ваше на другіе признаки сумнительности напечатанной въ журналѣ вашемъ Записки. Уже ли почтеннѣйшій Н. М., сочиняя Записку для назначенія высокаго, вздумалъ бы и о себѣ говорить тамъ, гдѣ сіе не можетъ и не должно быть терпимо? „Сіи безмолвные гробы" (гробы Государей, которыхъ тѣла почиваютъ въ Архангельскомъ Соборѣ) „краснорѣчивы для „того, кто смотря на нихъ воспоминаетъ „преданія Московскихъ лѣтописей отъ XII до „XVIII столѣтія." До сихъ поръ такъ хорошо, что немудрено всякому ошибиться; но далѣе сочинитель Записки тотчасъ же и невыдерживаетъ принятой на себя роли. Сами разсудите: „тамъ *искалъ я вдохновенія (!!)*, чтобы живо изобразить Донскаго и двухъ Іоанновъ Васильевичей." Это благородная откровенность! твердитъ щеголеватая молодежь, глядя на старичковъ, попавшихся въ тѣ же сѣти. — Не откровенность, а холодное пустословіе! — кричалъ я, сколько силы во мнѣ доставало: — авторамъ нужно вдохновеніе за учебнымъ столомъ ихъ, а въ церкви развѣ только проповѣдникамъ, читающимъ поученія не приготовясь! Натяжка! *аффектація!*

Или въ другомъ мѣстѣ: „Тутъ" (въ Кремлѣ) „*я мысленно видѣлъ* коварную улыбку торжествующей Софіи." Неспорю, что самъ

Исторіографъ также могъ бы мысленно видѣть всякую всячину; но онъ, безъ сомнѣнія, не упомянулъ бы о семъ въ Запискѣ; ибо дѣло идетъ о достопамятностяхъ Москвы, а отнюдь не о томъ, гдѣ и что сочинитель видѣлъ, да еще не глазами, а мысленно. Не уже ли и симъ вы неубѣдитесь? Если нѣтъ, такъ читайте далѣе. Неимѣю нужды прибѣгать къ хитростямъ Риторики, предписывающей сильнѣйшія доказательства сберегать для конца рѣчи; я просто буду слѣдовать расположенію Записки.

Объ Донскомъ монастырѣ сказано, что должно. Не долго однакожъ выдерживается тонъ, приличный обстоятельствамъ. „Почти „всѣ приближаются къ нему (Донскому мона„стырю) съ умиленіемъ и слезами; ибо тамъ „главное кладбище дворянства и купечества „богатаго. *Жить долго есть терять ми„лыхъ.*" Ради самаго Бога! Къ чему эта сентенція? Сочинитель помнитъ, что почтеннѣйшій Н. М. въ молодости любилъ читателей, а болѣе читательницъ, располагать къ сладкой меланхоліи, любилъ иногда и самъ поплакать. Но тогда со всѣмъ другое. Кто молодъ небывалъ! Изъ васъ же, господа Издатели, одинъ сказалъ недавно, и сказалъ весьма справедливо, что плаксивыя пташки теперь уже переводятся. Воля ваша, а Н. М. не употребитъ сентенціи, какова эта,

и никакой не употребитъ не у мѣста; говоря о достопамятностяхъ Москвы, незабудетъ своего предмета, нестанетъ упоминать о томъ, что онъ сочинилъ епитафіи нѣкоторымъ младенцамъ, и т. д.

Не могу умолчать о *Московскомъ Университетѣ*. Исторіографъ есть Почетный Членъ его, а Редакторъ Вѣстника Европы, къ посредству котораго прибѣгаю для сообщенія вамъ своихъ мыслей, есть, какъ вамъ извѣстно, принадлежащій къ оному Чиновникъ. Можетъ быть, щадя сіе учебное заведеніе, выбросили вы изъ рукописи слова, которыя показывали неблагорасположеніе къ нему сочинителя. Но здѣсь всѣмъ они извѣстны, и сіи-то именно слова многихъ, даже самыхъ легковѣрныхъ, заставляли сомнѣваться въ подлинности Записки. Выпустивъ лишнее, вы однакожъ не совсѣмъ очистили статью объ Университетѣ. Можетъ ли знаменитый Исторіографъ Россійскій сказать о себѣ, что, бывши въ семъ святилищѣ наукъ, онъ и *всѣ* другіе учились не наукамъ, а только Русской грамматѣ? Университетъ имѣлъ тогда такихъ Профессоровъ, у которыхъ и намъ старикамъ не стыдно было бы поучиться наукамъ, не только отроку, или юношѣ, какимъ въ свое время былъ нынѣ знаменитый ученостію Н. М. Нѣтъ, нѣтъ! Исторіографъ никогда етаго не сказалъ и нескажетъ, а особливо въ Запискѣ сего рода.

Я начинаю сердиться. Чѣмъ далѣе просматриваю мнимую Записку въ вашемъ журналѣ, тѣмъ болѣе чувствую досады. Говоря о монастыряхъ, сочинитель, поддѣлываясь слишкомъ уже грубо и неловко, разсказываетъ, что онъ проводилъ подъ Симоновымъ приятные вечера, и смотрѣлъ на заходящее солнце съ высокаго берега Москвы рѣки; етаго мало: упоминаетъ о *Бѣдной Лизѣ*, о томъ что онъ въ молодости (joci juveniles) сочинилъ ее, о томъ что тысячи любопытныхъ ѣздили и ходили искать слѣдовъ Лизиныхъ! И такіе странные о самомъ себѣ отзывы, такое неумѣстное пустословіе неизвѣстный сочинитель Записки дерзнулъ относить къ первому нашему Литтератору и Исторіографу! Еслибъ надобно было писать о подобныхъ бездѣлкахъ, то онъ скорѣе бы упомянулъ о мѣстахъ, на которыхъ другіе столь же знаменитые мужи проводили вечера, смотрѣли на солнце и т. д. Но кто невидитъ, что и ето было бы не совсѣмъ у мѣста; ибо рѣчь идетъ о достопамятностяхъ Московскихъ, а не о приятныхъ вечерахъ, не о заходящемъ солнцѣ, и не о тѣхъ которые на него смотрятъ съ высокаго берега Москвы рѣки. Ни одинъ авторъ, разумѣется скромный, не причислитъ своихъ прогулокъ, или своихъ сказочекъ къ достопамятностямъ Московскимъ. Нѣтъ, нѣтъ! вовѣки не повѣрю, и вы, милостивые государи, невѣрьте.

„Нынѣ, какъ слышно, хотятъ тамъ" (на Воробьевыхъ горахъ) „строить огромную „церковь. *Жаль!* (!!) Она *небудетъ лю„боваться прелестнымъ видомъ*, и по„кажется менѣе великолѣпною въ его велико„лѣпіи." Церковь небудетъ любоваться прелестнымъ видомъ! Сочинитель Записки все еще представляетъ себѣ знаменитаго Исторіографа не болѣе какъ Русскимъ Путешественникомъ, или творцемъ Бѣдной Лизы. „Однажды или два раза въ годъ народъ пой„детъ молиться въ сей новый храмъ, имѣя „гораздо болѣе усердія къ древнимъ церквамъ." Замѣчаніе ваше на сію пустую рѣчь весьма сильно. Развѣ не могутъ, говорите вы, мѣста вокругъ ея заселены быть Москвою? Развѣ забудутъ Россіяне, продолжаете вы, Кому и Кѣмъ и при какомъ случаѣ воздвигнутъ будетъ храмъ сей? При сихъ вопросахъ, предлагаемыхъ вами тономъ удивленія, казалось мнѣ (употреблю прекрасную, правильную аллегорію Н. М.), что здѣсь *истина заронила искры для васъ*, и что вы *отыскали ихъ въ пеплѣ*, или изъяснюсь просто, мнѣ казалось, что вы начинали догадываться о подлогѣ. Но вы не все еще сказали; вы не прибавили, что усердіе къ *древнимъ* церквамъ нимало не помѣшаетъ народу молиться въ *новомъ* храмѣ, и что еслибъ причина сія была справедлива, то построеніе храма сего и посреди города мало принесло бы поль-

вы: народъ проходилъ бы мимо *новаго* храма, спѣша въ любимыя свои древнія церкви. Еслибъ вамъ было извѣстно, что весною и лѣтомъ, въ праздничные дни и воскресные, Воробьевы горы бываютъ покрыты гуляющими жителями Столицы; то вѣрно прибавили бы еще вопросъ: почему сіи любители прекрасныхъ видовъ, нынѣ переплывающіе черезъ Москву рѣку на лодкахъ, или ѣдущіе и идущіе окольными дорогами на Воробьевы горы, — почему они перестанутъ любить сіе мѣсто тогда, когда украсится оно огромнѣйшимъ храмомъ съ колоннадами и портиками, и когда покойный, великолѣпный мостъ будетъ сооруженъ для народной пользы и удовольствія? Сочинитель Записки говоритъ, будто бы тамъ лѣтомъ бываетъ уединеніе; а Историографъ и всѣ мы знаемъ, что лѣтомъ на Воробьевыхъ горахъ бываетъ весело, и что впредь будетъ еще веселѣе. Ergo Записка несправедливо приписывается Николаю Михайловичу.

Теперь остается мнѣ положить утомленное перо свое. Я увѣренъ, что трудъ мой не тщетенъ. Награда моя состоитъ въ томъ удовольствіи, которое ощущаю, представляя себѣ въ мысляхъ, какъ вы, озаренные свѣтомъ истины, въ удивленіи восклицаете: возможно ли было такъ ошибиться!

Лужники.

Г а

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Взглядъ на исторїю острова Сенъ-Доминго.

(Продолженіе.)

Обрадованные такимъ приемомъ и такими отличіями, Жанъ Франсуа, Туссенъ-Лувертюрь, Дессалинъ, посвятили себя выгодамъ Испаніи; сіи Негры единственно заботились о способахъ содѣлаться достойными оныхъ отличій, и война, которую вели они подъ Испанскими знаменами, была войною Каннибаловъ. Случалось не рѣдко, что даже употребившіе ихъ своимъ орудіемъ должны были трепетать предъ ними. Всѣ Французы, служившіе республикѣ, попавшись въ ихъ руки, неизбѣжно становились жертвами мучительнѣйшей смерти. Оные предводители Негровъ, овруженные такими людьми, которые для выгодъ раздражали ихъ дикость, начали почитать себя мстителями олтарей и престоловъ; пламенное рвеніе, принявъ на себя образъ гнуснѣйшаго, всеистребляющаго фанатизма, во всей силѣ показало ихъ лютое

варварство, ни во что вмѣняющее самыя священныя обязанности естества, крови, человѣчества. Тщетно Французскіе Коммиссары на островѣ Сенъ-Доминго старались смягчить ихъ мѣрами кротости; тщетно предлагали имъ спокойствіе, свободу, покровительство: на ихъ воззванія, на ихъ обѣты отвѣтствовано было только новыми жестокостями. Особливо Туссенъ-Лувертюръ былъ того мнѣнія, что предлагаемыя условія должно отвергнуть сильными доводами, и онъ послалъ къ Коммиссарамъ отъ 28 Сентября 1793 г. письмо, въ которомъ замѣчательны слѣдующія выраженія:

„Не можемъ покориться волѣ народа, ибо „мы отъ начала міра исполняемъ волю Королевскую. Мы лишились Короля Франціи; но „насъ любитъ Король Испанскій, награждаетъ и покровительствуетъ. По сей причинѣ дотолѣ не можемъ признать васъ за „Коммиссаровъ, пока не посадите Короля на „своемъ престолѣ."

Не задолго передъ тѣмъ сей начальникъ Негровъ издалъ такого же содержанія прокламацію къ землякамъ своимъ въ городѣ Капѣ.

Между тѣмъ судьба, благопріятствующая Французамъ, охладила въ Испанцахъ желаніе быть въ союзѣ съ Неграми. Туссенъ-Лувертюръ и Дессалинъ, предвидя конецъ сво-

имъ заслугамъ, и опасаясь чтобы не сдѣлаться жертвами предстоящаго мира, начали помышлять объ измѣнѣ, не объявляя о томъ Жану Франсуа, которой оставался вѣренъ Испаніи, и за то послѣ жилъ въ Кадиксѣ изобильно, имѣя чинъ Генерала, пользуясь пенсіею отъ Короля и сообществомъ десятка черныхъ офицеровъ. Новый заговоръ между двумя первыми былъ причиною самыхъ бѣдственныхъ послѣдствій. Переходя на сторону Испаніи, они предстали обагренные кровію республиканцевъ; и потому, чтобы какъ нибудь загладить пятно своей лютости, они вздумали, переходъ свой на сторону Французовъ, ознаменовать подобными же трофеями, и въ замѣну недавно пролитой Французской крови принести въ даръ кровь Испанскую.

Донъ Іоахимъ Гарціа, Президентъ Королевской Аудіенціи въ Сенъ-Доминго, назначилъ мѣстопребываніе Туссену-Лувертюру въ Мармеладѣ, отдавъ его подъ начальство Маркизу Дармону, одному изъ храбрѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ офицеровъ Испанской арміи. Въ семъ-то мѣстѣ Туссенъ-Лувертюръ 25 Іюня 1794 г., отслушавъ обѣдню и съ величайшею набожностію причастившись Св. Тайнамъ, вышелъ изъ церкви, сѣлъ на коня, велѣлъ своимъ окружить находившихся тамъ Испанцевъ, и съ возможнѣйшимъ хладнокровіемъ умертвилъ всѣхъ до послѣдняго человѣка

Дессалинъ, которому поручено было исполнить сіе адское дѣло, совершилъ его съ обыкновенною своею лютостію. Мущины, женщины, дѣти, старцы, частію пали подъ мечемъ убійства, частію сдѣлались жертвами безстыдства черныхъ, заохочиваемыхъ предводителемъ ко всѣмъ мерзостямъ. Ограблены храмы, расхищено имущество какъ частное, такъ и общественное. То же самое воспослѣдовало въ Гоневѣ, Гро-Морнѣ, Дондонѣ, Петитъ-Ривьерѣ и во всѣхъ приходахъ на островѣ, дотолѣ еще принадлежавшихъ Испанцамъ. И за три часа только предъ симъ богомерзскимъ побоищемъ Тусенъ-Лувертюръ повторилъ присягу на вѣрность Королю Испанскому въ присутствіи Дона Гарціи и Маркиза Дармона!

Совершивъ подвигъ лютости, Тусенъ-Лувертюръ двигнулся съ войскомъ своимъ въ Портъ-де-Пе, гдѣ снова далъ присягу въ вѣрности Французской республикѣ, въ присутствіи Генерала Лаво, Губернатора на островѣ Сен-Доминго. А какъ Генералъ сей сперва мало довѣрялъ Тусену-Лувертюру, то и казалось, что предводитель черныхъ недалекъ уже былъ отъ конца на политическомъ своемъ поприщѣ. Но случай, столько же чрезвычайный какъ и несчастный, и въ сей разъ поставилъ его и Дессалина на новой сценѣ и показалъ новые виды ихъ гордынѣ,

Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1796 года вспыхнулъ новый мятежъ въ городѣ Капѣ. Три начальника Мулатскіе вздумали захватить Генерала Лаво; посадили его въ тюрьму, и обходилися съ нимъ какъ съ невольникомъ. Получивъ о семъ извѣстіе Туссенъ-Лувертюръ, въ которомъ гордость и надежда снова оживали, тотчасъ рѣшился, отомстить за Губернатора, собралъ десять тысячь Негровъ и двинулся съ ними къ городу Капу. Жители, устрашенные грознымъ приготовленіемъ къ осадѣ, отворили ворота, и вошедшій въ нихъ Туссенъ-Лувертюръ немедленно освободилъ Генерала Лаво, и торжественно возвратилъ ему Губернаторскую должность.

Сей-то случай поддержалъ предводителя черныхъ. Благодарный Генералъ Лаво провозгласилъ его мстителемъ законныхъ правительствъ, защитникомъ бѣлыхъ, возстановителемъ преимуществъ своего племени, и объявилъ, что впредь безъ его вѣдома, безъ его совѣта никогда и ни на что не рѣшатся.

И въ самомъ дѣлѣ Туссенъ-Лувертюръ тогда же призванъ былъ участвовать въ правленіи, какъ Генералъ и назначенный преемникъ Губернатора на островѣ Сенъ-Доминго, и такимъ образомъ получилъ удобность положить начало будущимъ своимъ притязаніямъ. Приступая къ дѣлу столь

важному, онъ сперва началъ благодѣтельствовать своимъ приятелямъ; не забылъ и Дессалина, которому выхлопоталъ чинъ бригаднаго Генерала и начальство въ Гоневѣ.

Сей Негръ, дотолѣ нѣсколько удерживаемый обстоятельствами, здѣсь снова началъ злодѣйствовать. Прибывъ къ мѣсту своей должности, онъ прежде всего позаботился составить для себя особую дружину бездѣльниковъ; пригласилъ множество бѣглецовъ и негодяевъ, уже не одинъ разъ уходившихъ отъ висѣлицы, и сформировалъ изъ нихъ такъ называемый полкъ *черныхъ санкюлотовъ* (*). Съ этою шайкой висѣльниковъ бродилъ онъ по области, ввѣренной его начальству, и убивалъ всѣхъ тѣхъ изъ числа бѣлыхъ, которые ненравились ему, или которыхъ имѣніемъ хотѣлъ воспользоваться.

Злодѣйства сіи совершаемы были въ самое то время, когда Туссенъ-Лувертюръ одержалъ побѣду надъ Англичанами, которые уже было овладѣли многими пунктами на островѣ, и когда приверженцы ихъ преслѣдуемы были съ ужасною строгостію. Пользуясь симъ обстоятельствомъ, Дессалинъ объяв-

(*) Sanculottes, неимѣющій исподняго платья. Сіе выраженіе было почетнымъ во Франціи, когда обладаніе имуществомъ считалось уже нѣкоторымъ преступленіемъ.

лялъ на словахъ и письменно предъ Коммиссарами Французскими, что всѣ обрекаемые имъ на смерть были друзья Англичанъ; и Коммиссарамъ столь приятны были усердіе и покорность сего, дотолѣ ужаснаго колоніямъ Африканца, что, при сильномъ предстательствѣ Туссена-Лувертюра, они возвели его на степень дивизіоннаго Генерала, оставивъ при немъ же и начальство въ Говеѣ; по изгнаніи же Англичанъ съ острова, когда Туссенъ-Лувертюръ остался единымъ властелиномъ колоніи, Дессалину поручено было главное начальство въ западныхъ и южныхъ департаментахъ.

Прежде нежели пойдемъ далѣе въ исторіи Дессалина, мы должны здѣсь упомянуть о нѣкоторомъ обстоятельствѣ жизни Туссена-Лувертюра. Призвавъ Генерала Лаво обратно во Францію, тогдашнее правительство послало на островъ Сенъ-Доминго новыхъ агентовъ, съ порученіемъ провозгласить тамъ конституцію III года республики и учредить по оной законныя власти. Агентамъ симъ приказано было изъявить Туссену-Лувертюру удовольствіе правительства особенно за услуги, Генералу Лаво оказанныя. Въ слѣдствіе того же приказанія ему также поручено было вытѣснить Англичанъ съ острова. Туссенъ-Лувертюръ въ продолженіе сей експедиціи оказывалъ себя вѣрнымъ Генераломъ и отли-

нился необыкновеннымъ воинскимъ талантомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сія епоха была бы прекраснѣйшею въ его жизни, еслибъ тогдашнія его услуги Франціи не были слѣдствіемъ честолюбивыхъ замысловъ. Но тогда еще не наступило его время; онъ былъ слабъ и противъ нихъ дѣйствовать и совокупно съ ними. Прежде всего умыслилъ онъ на дѣлѣ показать усердіе свое правительству Французскому, а потомъ уже, то есть пріобрѣвъ его довѣріе, обезпечить себѣ всѣ средства, ведущія къ предположенной цѣли.

И онъ въ расчетѣ своемъ неошибся. Французскіе Коммиссары провозгласили его главнымъ предводителемъ войскъ на островѣ Сенъ-Доминго (въ Апрѣлѣ 1797). Облеченный въ сіе достоинство, Туссенъ Лувертюръ единственно помышлялъ о способахъ утвердить свою независимость. Онъ началъ тѣмъ, что принесъ на главнаго Коммиссара Сантонакса жалобу Французскому правительству, и не ожидая удовлетворенія своей прозьбѣ, въ Сентябрѣ 1797 принудилъ его оставить колонію.

Мѣсто Сантонакса занялъ Генералъ Гедувиль, который, при ненарушимой своей честности, военныхъ дарованіяхъ и кроткомъ нравѣ очень успѣшно могъ бы загладить бѣдствія, жителями острова претерпѣнныя; но онъ также неполюбился Туссену-Лавертюру, какъ и его предмѣстникъ.

Въ сіе время городá Портъ-о-Пренсъ, Сенъ-Маркъ, Жереми, Моле и другіе заняшы были Англійскими войсками. Генералъ ихъ, по имени Майтландъ, предложилъ Т-ну-Лувертюру уступить оные, и Гедувиль, какъ непосредственный агентъ республики, незамедлилъ принять сдѣланное предложеніе отъ Англійскаго Генерала, на такихъ однакожъ условіяхъ, которыя соотвѣтствовали достоинству республики. Сіе послѣднее отграниченіе устрашило Французовъ Королевской партіи, укрывавшихся въ тѣхъ городахъ, которые заняты были Англичанами. Они публично изорвали покламацію Французскихъ Коммиссаровъ, успѣли уничтожить предварительныя условія, и объявили, что они признаютъ существеннымъ тотъ единственно договоръ, которой Туссену-Лувертюру заключить будетъ угодно. Такъ и случилось: Генералъ Майтландъ предложилъ капитуляцію, а Т. Лувертюръ принялъ ее и утвердилъ, безъ всякаго участія со стороны Генерала Гедувиля. Вотъ нѣкоторыя условія договора между Англичанами и начальникомъ Негровъ, уже рѣшительно умыслившимъ неповиноваться своему правительству: 1 е, произведенія острова имѣютъ быть отпускаемы въ Англію, а за нихъ принимаемы на островѣ Англійскія или другихъ земель Европы издѣлія; 2 е, сіи торговыя сношенія должны быть охраняемы Англійскою ескадрой.

Послѣ такого поступка, показывающаго явную измѣну, Т. Лувертюръ отправился въ Моле и имѣлъ въ сей городъ въѣздъ торжественный, котораго пышность безъ сомнѣнія служила для Англичанъ вмѣсто комедіи. Предводитель Негровъ принятъ былъ при главныхъ воротахъ подъ балдахинъ при радостныхъ восклицаніяхъ народа, при пушечныхъ выстрѣлахъ, и такимъ образомъ сопровожденъ до Губернаторскаго дома. Здѣсь былъ данъ великолѣпнѣйшій обѣдъ. Послѣ стола Англійскія войска производили маневры, а въ заключеніе всего Генералъ Майтландъ, отъ имени Англійскаго Короля, подарилъ Т. Лувертюру мѣдную пушку.

Предводитель Негровъ, нетерпѣливо желая сбыть съ рукъ Генерала Гедувиля, вздумалъ оклеветать его: онъ распустилъ молву, будто бы сей Генералъ есть тайный врагъ Негровъ, умышляющій снова обременить ихъ оковами рабства. Въ семъ намѣреніи предложилъ онъ Гедувилю для подписанія извѣстныя правила касательно воздѣлыванія пашни. Какъ скоро сіи правила были обнародованы, тотчасъ Дессалинъ, Моизъ, Христофъ, ревностные агенты главнаго своего предводителя, громко начали жаловаться на тиранство и нарушеніе естественныхъ правъ человѣка; обнародованныя правила называли они нарушеніемъ вольности Негровъ, и жизнь Генера-

ла Гедувиля была въ опасности. Два адъютанта его, ѣхавшіе по казенному дѣлу, были убиты на дорогѣ близь города Сенъ-Марка.

Столь ужасныя непріятности и сверхъ того опасеніе насильственныхъ поступковъ со стороны Туссена-Луверітюра, которой съ войскомъ своимъ угрожалъ гибелью всѣмъ бѣлымъ, наконецъ заставили Гедувиля послѣ трехъ-мѣсячнаго пребыванія въ Капѣ, отправиться обратно во Францію (въ Январѣ 1799). Но здѣсь въ то время имѣли столь выгодныя мысли о Т. Лувертюрѣ, что ни дознанная Генерала Гедувиля честность, ни его душевныя качества, ни его справедливыя жалобы не могли вразумить ослѣпленной Директоріи.

Должность Гедувиля поручена была Румею, находившемуся на островѣ. Новый агентъ нѣсколько мѣсяцовъ провелъ спокойно въ Капѣ. Туссенъ-Лувертюръ, по видимому, благопріятствовалъ ему, ибо хотѣлъ употребить его посредникомъ въ войнѣ, которую затѣялъ тогда противъ Ригода (Rigaud), Генерала Мулатовъ. Свирѣпства съ обѣихъ сторонъ были ужасныя; Мулаты, Негры плавали въ крови своихъ противниковъ. Въ сію войну Т. Лувертюръ, при помощи Дессалина успѣлъ истребить двѣ трети изъ числа находившихся на островѣ Мулатовъ, и перерѣзалъ подъ Капомъ всѣхъ черныхъ, называемыхъ

приверженцами Французовъ. Побѣжденный Ригодъ возвратился во Францію, а Т. Лувертюръ, послѣ торжественнаго въѣзда въ южную провинцію, велѣлъ разстрѣлять всѣхъ, которые держали сторону Ригода, но которымъ варвяръ прежде обѣщалъ помилованіе.

Избавившись отъ соперника, Т. Лувертюръ направилъ козни свои на Румея, котораго политическое присутствіе на островѣ казалось ему совершенно лишнимъ. Былъ приготовленъ мятежъ; агентъ республики взятъ подъ стражу и отведенъ въ станъ военный подъ Вреду. Сіе насиліе, вопреки народному праву, исполнилъ бригадный Генералъ Моизъ, родной племянникъ Туссена-Лувертюра.

Румей въ продолженіе девяти дней терпѣлъ несносныя оскорбленія отъ черныхъ. Намѣреніе главнаго предводителя было — принудить Французскаго агента къ исполненію его воли. Наконецъ является Моизъ и требуетъ отъ него письменнаго согласія, чтобы Негры заняли ту часть острова, которую Испанія уступила Франціи по силѣ договора. Ужасныя угрозы сопровождали сіе требованіе — угрозы умертвить его, все семейство и всѣхъ бѣлыхъ. Окруженный бѣшеною шайкой, несчастной Румей дрожащею рукою писалъ по словамъ Т. Лувертюра къ Донъ Іоахиму Гарціи, Испанскому Губернатору города Сенъ-Доминго, и предлагалъ, чтобы уступленная по мирному

договору часть сдана была главному предводителю войскъ на островѣ.

Донъ Іоахимъ Гарція тотчасъ протестовалъ противъ такого требованія Французскаго Коммиссара; но угрожаемый Т. Лувертюромъ онъ рѣшился продлить сіе дѣло, дабы увѣдомить свое правительство, и потому просилъ три мѣсяца сроку до отбытія своего съ острова. Т. Лувертюръ согласился дожидаться, и Донъ Гарція на время было успокоился, какъ вдругъ получаетъ онъ извѣстіе, что братъ главнаго предводителя Генералъ Поль и Гебекуръ идутъ къ городу Сенъ Доминго съ 10,000 Негровъ, съ тѣмъ чтобы захватить его въ свои руки.

Испанцы недолго сопротивлялись; тѣснимые со всѣхъ сторонъ, они оставили Сенъ-Доминго, и отплыли къ островамъ Кубѣ и Порторико. Такимъ образомъ Т. Лувертюръ сдѣлался властелиномъ Испанской части острова, а несчастный Румей лишенъ своей должности, отведенъ въ Дондонъ, брошенъ въ тюрму и оставался въ ней до тѣхъ поръ пока не пришло извѣстіе объ експедиціи противъ острова Сенъ-Доминго. Тогда получилъ онъ свободу и дозволеніе отправиться въ Республику Соединенныхъ Областей.

(Продолж. въ слѣд. книжкѣ.)

IV. СМѢСЬ.

Мысли, характеры и портреты.

Весьма немногіе умѣютъ оцѣнить, или почувствовать тонкую скромность. Она исчезаетъ для людей слишкомъ обыкновенныхъ подобно тихимъ звукамъ гармоники для крѣпкихъ на ухо, или нѣжному запаху резеды для неимѣющихъ обонянія.

*

Я часто бываю недоволенъ другими, но гораздо чаще и болѣе — собою.

*

Умъ и таланты суть не иное что какъ опасныя сѣти, когда не управляются здравымъ разсудкомъ и истиннымъ благочестіемъ.

*

Я замѣтилъ — по крайней мѣрѣ въ собственной жизни — что за однимъ пріятнымъ случаемъ обыкновенно слѣдуетъ три или четыре непріятныхъ.

*

Нѣкоторыя связи между людьми похожи на дѣтскую забаву — хотя не столь невинную, — именно ту, когда одно дитя соглашается-

ся быть лошадью другаго, и съ искреннимъ удовольствіемъ скачетъ на возжахъ его, подъ частыми ударами дѣятельной плетки товарища.

*

Воображеніе все портитъ, или все украшаетъ.

*

„Несчастіе“ говоритъ Шатобріанъ „есть преждевременная старость.“ Въ самомъ дѣлѣ, что богаче несчастія *опытами*, которые для *счастія* вовсе несуществуютъ?

*

Сколько я знаю стиховъ и фразъ, прославляемыхъ и приводимыхъ въ образецъ изящныхъ; но которые — на примѣръ — если бы написаны были мною, то порицались бы безъ милосердія и справедливо. Таковы суть пристрастіе и предубѣжденія людей даже въ самыхъ искусствахъ.

*

Смѣло скажу передъ судомъ совѣсти, что я никогда не прибѣгалъ къ иному мщенію за оскорбленія, кромѣ — епиграммы, которая автору кажется всегда очень колкою; а етаго уже и довольно — по крайней мѣрѣ для меня.

*

Человѣкъ съ нѣжнымъ чувствомъ бываетъ счастливъ, или несчастливъ отъ сущей безделки. Такъ на примѣръ недосмотрѣнная мною

ошибка въ книгѣ моей причиняетъ мнѣ живѣйшую горесть на нѣкоторое время.

*

Бѣдные обыкновенно стыдятся бѣдности своей, хотя бы совсѣмъ небыли виновниками оной; между тѣмъ какъ богачь, живущій гнусно, ни мало не стыдится гнусной жизни своей. Какъ странны понятія и чувства людей! У нихъ все, или почти все на *изнанку*, въ отношеніи къ законамъ Природы, или къ естественному состоянію вещей.

*

Ничего нѣтъ отвратительнѣе лицемѣровъ: кажется, єто чувство общее. Но никто не выигрываетъ въ свѣтѣ столько, какъ лицемѣры. Отъ чего? Причина самая простая: они, по неусыпному расчету *ума безъ честолюбія*, угождаютъ всякому; они и патріоты, и набожны, и покорны, и смиренны, и проч. и проч., между тѣмъ какъ въ душѣ своей они подлые егоисты, неимѣющіе ничего священнаго. Етотъ родъ людей есть самый опасный: при первомъ случаѣ — когда потребуетъ того польза ихъ — они перейдутъ отъ прекрасныхъ словъ къ дѣйствіямъ самымъ гнуснымъ.

*

Человѣкъ искренній, откровенный, прямодушный говоритъ часто противъ общаго мнѣнія, или лучше сказать языка, и слѣдовательно говоритъ противъ самаго себя —

то есть во вредъ себѣ. Но за то поступки его никогда не найдутся противными чести и добродѣтели. Отечество, семейство, друзья смѣло могутъ требовать отъ него всякой жертвы.

К. Ш—въ.

Политическія происшествія.

Англія.

Большая часть Лондонскихъ политиковъ, основываясь на историческихъ примѣрахъ, заключаютъ, что распущеніе Парламента самимъ Принцемъ-Регентомъ почитать должно несомнѣннымъ признакомъ неудовольствія его на поведеніе Нижняго Парламента. Сравнивъ содержаніе Рѣчи при распущеніи Парламента съ Рѣчью, произнесенною при открытіи онаго, въ которой ясно упомянуто было о необходимости сохранить наслѣдіе Великобританскаго престола, не трудно будетъ удостовѣриться, что неблагоразумное и непристойное поведеніе Нижняго Парламента непремѣнно долженствовало возбудить негодованіе Его Высочества. Въ однѣхъ изъ вѣдомостей сказано прямо, „что неумѣренная скупость, оказанная Нижнимъ Парламентомъ при случаѣ предложенія о бракосочетаніи Принцевъ Королевскаго Дома, не заслуживаетъ ничего лучшаго." Замѣчательно, что Принцъ-Регентъ, бывши въ Парламентѣ, имѣлъ на себѣ Фельдмаршальскій мундиръ, а не гражданскую одежду, въ какой обыкновенно являлся Король, его родитель.

Въ *Утренней Хроникѣ* сказано, что новый Парламентъ (т. е. который составится изъ вновь избранныхъ Членовъ) прежде всего долженъ бы спросить Принца-Регента, по какому поводу прежній Парламентъ распущенъ столь внезапнымъ, со времени Стуартовъ необычайнымъ образомъ? Прежде всегда бывало сперва откладываются засѣданія, а послѣ уже и Парламентъ распускается Королевскою рѣчью. Напротивъ того *Курьеръ* оправдываетъ Принца-Регента, говоря, что Его Высочество поступилъ по праву, Коронѣ принадлежащему, хотя и остающемуся давно безъ употребленія.

Лондонскіе жители теперь озабочены выборомъ новыхъ Членовъ Парламента. Вездѣ сыплется золото для поддержанія кандидатовъ; и такихъ щедрыхъ охотниковъ засѣдать въ Парламентѣ народъ встрѣчаетъ какъ Принцевъ крови, выпрягаетъ лошадей, тащитъ на себѣ кареты ихъ, и проч — Впрочемъ сіи выборы сопровождаются великимъ шумомъ, бросаніемъ грязью и даже побоями.

Франція.

Правительство очень занимается судьбою будущей арміи: главный штабъ, составленіе полковъ, внутреннее ихъ устройство, ихъ обученіе, также вообще порядокъ въ военныхъ училищахъ — вотъ на что устремлено его вниманіе.

Испанія.

Въ одной Мадритской газетѣ сказано, якобы Португальскій Король объявилъ себя начальникомъ республиканцевъ Буеносъ-Айрес-

сияхъ, и будтобы сынъ его провозглашенъ Королемъ Перуанскимъ, по принятіи тамъ новой Конституціи. Одно уже сіе извѣстіе показываетъ взаимное нерасположеніе между обоими Дворами. Впрочемъ Е. В. Король Испанскій, по видимому, не готовится ни къ какимъ военнымъ предпріятіямъ, которыя могли бы опасны быть для сосѣдственной Португаліи. Военное Министерство обнародовало Королевское опредѣленіе, въ силу коего армія уменшается *до половины.* Состояніе финансовъ побудило къ принятію сей мѣры, которую впрочемъ трудно изъяснить въ такое время, когда сверхъ того еще Американскія области Испаніи требуютъ значительнаго войска. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы правительство ослабѣвало въ своихъ мѣрахъ; сіе очевидно опровергается Королевскимъ повелѣніемъ, минувшаго Мая изданнымъ, такого содержанія, что каждый иностранецъ, который захваченъ будетъ въъ Американскихъ Областяхъ Его Величества съ оружіемъ въ рукахъ, почитаемъ будетъ мятежникомъ, и подвергнется такому же наказанію, какъ и тамошніе жители.

Швеція.

Съ 1811 года запрещено было иностранцамъ въѣзжать въ Швецію безъ Королевскаго позволенія. Нынѣ постановлено, чтобъ и ремесленники иностранные не иначе впускаемы были въ сіе Государство, какъ по сдѣланіи имъ надлежащихъ допросовъ въ ближайшемъ пограничномъ городѣ, и по полученіи на то Королевскаго дозволенія. Сверхъ того вообще всякой иностранецъ долженъ имѣть пашпортъ отъ Шведскаго Посланника, Консула, или Агента.

Восточная Индія.

Въ странахъ сихъ, гдѣ Англійскія владѣнія сдѣлались въ *шесть* разъ болѣе самой Великобританніи и Ирландіи, и въ трое многолюднѣе оныхъ, принимаются еще нѣкоторыя мѣры къ пріобрѣтенію новыхъ областей. Сіе должно объяснишься по полученіи подробнѣйшихъ извѣстій.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Извѣстно, что во Франціи Католики и Ульшра-Рояалисты жестоко ненавидятъ людей, несогласныхъ съ ними въ чувствахъ и мысляхъ. Въ городѣ Вильвейракѣ раздоръ между Католиками и Протестантами угрожалъ уже плачевными слѣдствіями. Въ одно воскресенье Коммиссаръ Префекта созвалъ жителей и произнесъ къ нимъ слѣдующее: „Господа! ваши несогласія должны прекратиться; Харшія повелѣваетъ, Король требуетъ. Онъ есть „отецъ всѣхъ Французовъ. Вы разныхъ исповѣданій; но ни одна, ни другая сторона изъ васъ „не можетъ воспрепятствовать его намѣреніямъ, „равно какъ ни одна сторона, ни другая не можетъ сдѣлать, чтобы неблаготворило солнце вашимъ нивамъ и виноградникамъ. Понимаете ли?..

„Я присланъ отъ господина Префекта возвѣ-
„стить вамъ Евангеліе спасенія, и исполняю
„сіе тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ,
„что вы меня знаете. Вы всѣ, Католики и
„Протестанты, вы всѣ увѣрены, что мною
„объявляется вамъ слово Короля, нашего Госу-
„даря; кто же изъ васъ дерзнетъ противить-
„ся отеческой его волѣ? . . ." Сей языкъ че-
стнаго человѣка, сіи слова, произнесенныя го-
лосомъ сильнымъ и убѣдительнымъ, имѣли
чудесное дѣйствіе надъ собраніемъ. Всѣ при-
мирились отъ добраго сердца, и разошлись,
восклицая: *Единодушіе! забвеніе!* Добродѣтель-
ный примиритель отправился въ ратушу, со-
провождаемый растроганными гражданами, и
поговоривши тамъ со старѣйшинами, утвер-
дилъ спокойствіе между жителями обоихъ ис-
повѣданій. Теперь опасаются, чтобы миссіоне-
ры, зашедши въ городокъ сей, какъ нибудь
не нарушили возстановленнаго мира.

— *Гвіенскій Пустынникъ*, въ письмѣ
изъ южной Франціи, упоминаетъ, что Моль-
еръ драматическую жизнь свою началъ въ
Пезенасѣ. Многіе увѣряютъ, что здѣсь же
собралъ онъ разныя характерныя черты, раз-
сѣянныя послѣ въ лучшихъ его твореніяхъ.
Донынѣ еще въ городской архивѣ хранится
предписаніе Принца Конти Пезенасскому Маги-

страшу о томъ, чтобы *Покеленя-де-Мольера* *снабдить подводами*, *на которыхъ онъ могъ бы съ труппою своею и театральными декораціями ѣхать въ ближайшія мѣстечки для представленія своихъ комедій*. Въ тогдашнее время цирюльни были тѣмъ, чѣмъ сдѣлались послѣ шинки и чѣмъ нынѣ суть кофейные домы, а именно мѣстомъ сходьбища праздныхъ людей, мнимыхъ политиковъ, городскихъ и уѣздныхъ оригиналовъ, и слѣдственно мѣстомъ росказней о всякой всячинѣ. Мольеръ въ бытность свою въ Пезенасѣ постоянно посѣщалъ *моднаго* цырюльника, по имени *Желія*, и обыкновенно садился на однихъ креслахъ, которыя въ его отсутствіе оставались ни кѣмъ незанятыми. Сіи драгоцѣнныя кресла переходили къ потомкамъ Желія, которыхъ всѣхъ знаютъ по имени и прозванію. Нынѣ кресла тѣ принадлежатъ г-ну Астрюку, доктору хирургіи. *Пустынникъ* усердно совѣтуетъ Членамъ Академіи Французской сложиться и купить Мольеровы кресла, съ тѣмъ однакожъ чтобы *въ нихъ никто ни садился*, какъ и у Пезенаскаго цирюльника. Многіе славные люди, проѣзжая сей городъ, садились въ кресла, вмѣняя себѣ то въ особенную почесть. Недавно былъ тамъ *Пикаръ*, извѣстный Французскій комикъ, которому жители, за обѣденнымъ пиршествомъ, предложили Мольеровы кресла; но Пи-

царъ никакъ несогласился сѣсть въ нихъ, и благоразумно отклонилъ усильныя прозьбы своихъ доброхотовъ. — Писатели! подражайте скромности Пикара, и смѣйтесь надъ смѣшными гордецами, которые такъ смотрятъ, какъ будто бы хотѣли завѣщать потомству нѣсколько своихъ креселъ.

— Въ *Сіамѣ* удавливаютъ знатныхъ особъ дорогими красными платками, а убиваютъ ихъ палками изъ благовоннаго дерева.

— Объявившая себя независимою область *Хили*, что въ Южной Америкѣ, есть узкая, прибрежная страна, лежащая между океаномъ и Андскими горами, коихъ прежде недосягаемая, только нынѣ храбрымъ Сенъ-Мартенемъ достигнутая вершина, отдѣляетъ оную отъ восточной Хили, принадлежащей Ла-Платской республикѣ. По свидѣтельству Гумбольдта, область сія имѣетъ 750,000 жителей, въ числѣ которыхъ полагать должно около 300,000 Негровъ, 150,000 бѣлыхъ и такого же количества Мулаттовъ и Креоловъ. Въ ней много находится Индѣйцовъ, особливо же храбрыхъ Аравкановъ, воспѣтыхъ Ерциллою; но сіи донынѣ еще непокорены чуждымъ оружіемъ. Земля въ ней плодородна, рудники богаты серебромъ и золотомъ. Инсургенты здѣсь менѣе безопасны, нежели въ Буэносъ-Айресѣ. Трудно области сей удержать

ную независимость, по причинѣ множества находящихся въ ней Негровъ.

— По присоединеніи къ Сѣверо-Американской республикѣ двухъ новыхъ провинцій, называемыхъ *Индіяна* и *Миссисипи*, всѣхъ ея областей нынѣ считается уже *двадцать*, которыя на послѣдній пятьнадцатый Конгрессъ прислали 40 Сенаторовъ и 184 депутата. Сверхъ того прислано по одному депутату отъ уѣздовъ *Миссури*, *Иллимонса* и *Алабаніи*.

— Нѣкто *Генрихъ Меллеричъ*, живущій въ Чичестерѣ въ Англіи, имѣетъ у себя свинью восточно-Индійскую изъ Бантама, которую самъ выкормилъ, и которая въ семь разъ принесла 166 поросятъ, а именно: въ первый разъ 22, во второй 21, въ третій 25, въ четвертый 26, въ пятый 25, въ шестый 27, въ седьмый 20. Она вѣситъ около 800 фунтовъ.

— Наконецъ и въ Москвѣ объявляютъ о продажѣ *калейдоскоповъ* (*у Пристлея*, сколько угодно по 20 рублей), сихъ зрительныхъ трубокъ, о которыхъ пишутъ во всѣхъ почти газетахъ и журналахъ, и которыя навѣрное сдѣлаются столь же необходимы, какъ были рулетки въ свое время. Изъ Парижа увѣдомляютъ, что тамъ *калейдоскопъ* усовершенствованъ до невѣроятности, что онъ предста-

вляетъ уже не только узоры и фигуры разно цвѣтныя, но даже ландшафты, животныхъ людей и самые портреты во весь ростъ. Между послѣдними замѣчаютъ изображенія Франциска I, Генриха IV и Лудовика XVIII.

— Обширный полуостровъ, извѣстный подъ общимъ названіемъ *Индіи*, раздѣляется на три почти равныя части. Первая совершенно принадлежитъ Великобританніи; вторая платитъ ей дань, и состоитъ подъ непосредственнымъ ея покровительствомъ; третья остается независимою. — *Англійская* Индія простирается отъ источника Гангеса до устья рѣки сей по всему Коромандельскому берегу и по большой части берега Малабарскаго; она почти со всѣхъ сторонъ окружаетъ страны, платящія подать. — Индія *податная* имѣетъ четырехъ главныхъ владѣтелей. Одинъ изъ нихъ находится уже въ рукахъ Англичанъ; двое помирилися съ ними; третій ведетъ еще войну. Однакожъ войска плѣненнаго владѣтеля не всѣ еще покорились, а мирные договоры двухъ другихъ непочитаются искренними. — Индія *независимая* состоитъ во власти оныхъ нестроиныхъ полчищъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пиндаресовъ, которые всю область содержатъ въ безпрерывномъ страхѣ всегдашними своими грабительствами, и которые

динъ уже разъ, обремененные добычею, возвращались изъ Англійскихъ владѣній. Теперь Анлія ведетъ противъ нихъ войну съ тѣмъ особливо намѣреніемъ, чтобы истребить сіи своевольныя полчища, сихъ враговъ, потому болѣе страшныхъ, что они многочисленны, что любятъ начинать сраженія и вдаваться въ опасности, наконецъ что они всегда готовы помогать всякому Индійскому Князю, предлагающему имъ удобность грабить въ награду за ихъ услуги. — Англичане имѣютъ на своей сторонѣ величайшія выгоды: они искусны въ ратномъ дѣлѣ и въ управленіи; у нихъ отъ одного пункта идутъ распоряженія касательно всѣхъ силъ военныхъ и всѣхъ другихъ пособій, между тѣмъ какъ силы и пособія непріятелей ихъ раздѣлены на столько частей, сколько находится начальниковъ у сихъ послѣднихъ; никакое правильное соображеніе не ведетъ у нихъ къ одной общей, главной цѣли.

— Въ Парижѣ недавно повстрѣчались двѣ духовныя процессіи на углу улицы; ни одна изъ нихъ не хотѣла уступить дороги, и обѣ спорили между собою до тѣхъ поръ, пока подоспѣвшіе Коммиссары полиціи непрекратили сей соблазнительной распри.

— *Султановъ запираетъ въ клѣтку* — сказалъ Державинъ Счастію въ извѣстной своей

Одѣ. Къ числу сихъ Султановъ принадлежитъ прежній Набобъ Удезскій, Визирь-Али, одинъ изъ богатѣйшихъ и роскошнѣйшихъ Государей Индіи, недавно умершій въ Калькуттѣ. Онъ былъ посаженъ на престолѣ Англичанами, измѣнилъ имъ, убѣжалъ къ Райѣ Беррарскому, былъ выданъ Англичанамъ, посаженъ ими, какъ другой Баязетъ, *въ желѣзную клѣтку*, въ которой просидѣлъ 17 лѣтъ, 3 мѣсяца, 4 дня, и умеръ на 36 году своего возраста.

— Россійскій бриггъ *Рюрикъ*, на иждивеніи знаменитаго нашего патріота, Графа Н. П. Румянцева, передъ симъ за три года отправленный вокругъ земнаго шара для разныхъ открытій, нынѣ благополучно возвратился къ водамъ отечественнымъ. Ученый свѣтъ съ нетерпѣніемъ ожидать будетъ подробной исторіи сего достопамятнаго путешествія. *Рюрикъ* доходилъ до 67 градуса широты.

НОПРАВКИ.

Въ No 12 *Вѣстника Европы должно быть:* **страниц.** 252, *строк.* 7 г-жи Дюфренуа; *стран.* 271, *строк.* 14 съ душою непорочной; *тамъ же, строк.* 25 въ объятьяхъ; *стран.* 275 *строк.* 25 Чело изъ тучь; *стран.* 288, *строк.* 17. compilateur.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 14.

ІЮЛЬ 1818.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Софоклъ.

Пѣвецъ, возлюбленный богами,
Аѳинянъ вождь, краса и честь!
Тягчимъ преклонными годами,
Едва смогалъ ихъ бремя несть.
Сто лѣтъ онъ жилъ для Музъ и славы,
Сто лѣтъ сограждан восхищалъ,
Когда въ Едипѣ имъ уставы
Судьбы таинственной вѣщалъ.

Но кто прозрѣтъ свою судьбину
Возмогъ, рожденный отъ жены?
Вотще былъ трудъ Лаія сыну
Бѣжать отъ роковой вины;
Тутъ оскудѣлъ на умъ и силу,
Загадку Сфинкса разрѣшивъ,

И могъ едва сыскать могилу
Далече отъ родимыхъ Ѳивъ.

И Ты, дщерями Мнемозины
Съ пеленъ взлелѣянный пѣвецъ,
Кому въ восторгѣ чувствъ Аѳины
Побѣдный отдали вѣнецъ!
Когда великаго Есхила
Превысилъ, юноша! въ борьбѣ,
Тогда душа не возвѣстила,
Что старцу суждено тебѣ.

Прекрасна жизнь въ весеннемъ цвѣтѣ,
Въ довольствѣ здравія и силъ;
Но старцу горько жить на свѣтѣ:
Друзья его во тьмѣ могилъ,
Младымъ родства съ нимъ тяжки узы,
Оставленъ всѣми, онъ одинъ;
Блаженъ, когда хоть вы, о Музы!
Его не презрите сѣдинъ. —

Молвы несчетными устами
Разносится въ Аѳинахъ гласъ:
„Софоклъ ведется въ судъ сынами,
„Въ немъ огнь божественный угасъ,
„Въ немъ разумъ омрачили лѣта;
„И да не сгубитъ чадъ своихъ,
„Ареопагъ ужь для совѣта
„Собрался, и разсудитъ ихъ."

И какъ весной разлиты волны
На берегъ низменный текутъ,
Такъ шумны, любопытства полны,
Толпы по стогнамъ въ судъ бѣгутъ.
На игры Вакховы во младость
Онъ прежде такъ ихъ тьмами влекъ,
А нынѣ ужь безумьемъ въ радость
Для нихъ великій человѣкъ.

Судьи Софокла вопросили;
Онъ имъ: „Какой я дамъ отвѣтъ,
„Когда всѣ чувства измѣнили
„И словъ въ устахъ почти ужь нѣтъ;
„Но да спасусь отъ укоризны,
„Дозвольте мнѣ послѣдній трудъ,
„Ко прославленью лишь отчизны
„Подъятый мной, отдать на судъ.

„Тогожъ Едипа, коимъ прежде
„Здѣсь плющь наградный добывалъ,
„На силу прежнюю въ надеждѣ
„Еще представить вамъ желалъ;
„Какъ изгнанный изъ Ѳивъ сынами,
„Въ Аѳинахъ онъ почилъ отъ бѣдъ,
„И смертью примиренъ съ Богами
„Намъ прахъ оставилъ для побѣдъ.“

Онъ смолкнулъ, и судьи дивятся;
Сыны, къ землѣ потупя взоръ,
Какъ осужденные, боятся

Услышать казни приговоръ.
Народъ воздвигся и взываетъ:
„Читай, читай! стиховъ твоихъ!“
И старецъ свитокъ разкрываетъ,
И вновь возсѣлъ; народъ утихъ.

„Слѣпецъ Едипъ и Антигона,
„Граждане! въ лѣсъ святый вошли,
„Гдѣ ублажаютъ близь Колона
„Богинь, чадъ мрака и земли.
„Народъ премудрыя Паллады
„Просящимъ даруетъ покровъ,
„И старцевъ ликъ для ихъ отрады
„Такъ славитъ имъ страну Боговъ:

„О странникъ! хвалами почти Кроніона
„И славную землю познай:
„Здѣсь область Аѳины, наслѣдье Колона,
„Подъ солнцемъ счастливѣйшій край.

„Здѣсь въ рощахъ тѣнистыхъ,
„Въ домнахъ душистыхъ,
„Во мракѣ вѣтвей
„Плодомъ отягченныхъ,
„Богамъ посвященныхъ,
„Таясь отъ очей,
„Въ безмолвьи ночей
„И дня предъ разсвѣтомъ
„Подъ синимъ наметомъ
„Безъ умолку свищетъ пѣвецъ соловей;

„Здѣсь Кефисъ струи прохладны
„Отъ обильныхъ лья ключей,
„Напояетъ влагой жадны
„Скатистыхъ бразды полей;
„Здѣсь на холмахъ винограды
„Гнутся лозы отъ кистей;
„Здѣсь съ росистыхъ, нѣжныхъ,
„Дышущихъ цвѣтовъ,
„Пчелъ рои прилѣжныхъ
„Медъ піютъ сотовъ;

„Здѣсь, забывая Олимпа чертоги,
„Часто гуляютъ безсмертные боги,
„Въ сонмѣ священныхъ доилицъ Ѳіадъ
„Вакхъ вѣчноюный, источникъ отрадъ,
„Дѣвственны Музы и легки Хариты,
„Ликъ и подруги златой Афродиты;

„Но лучшій даръ отъ щедрыхъ намъ боговъ
„Священное, чудесное то древо,
„Его же вдругъ земли родило чрево,
„А Зевсъ и дщерь его подъ свой пріяли кровъ.
„Ни островъ Пелопса, ни Асіи равнины
„Не возрастятъ отъ собственныхъ полей
„Обильныя лишь въ Аттикѣ маслины;
„Для насъ течетъ ея елей,
„Даръ свѣтлоокія Паллады,
„Въ бой укрѣпляющій борцовъ,

„Надежда славы и вѣнцовъ
„На играхъ радостныхъ прекрасныя Еллады.

„И не смѣетъ коснуться сѣкира врага
„До маслины священной.
„Пусть осмѣлится: вскорѣ узритъ дерзновенной
„Онъ подземные Стикса брега;
„Но не узритъ уже ни родимаго дома,
„Ни дѣтей, ни жены своея:
„Здѣсь искуситъ бо силу иль Зевсова грома,
„Иль Аѳины копья.

„Еще ты, отчизна, дары получила,
„И васъ ли забуду, честь нашей земли,
„О всадники, въ битвахъ надежная сила?
„И васъ ли, владыки морей, корабли?
„Твои суть дары тѣ, великій сынъ Крона!
„Аѳинская слава есть даръ Посидона.

„Красу колесницъ,
„Веселье возницъ,
„Прекрасныхъ и многихъ
„Коней быстроногихъ,
„Покорныхъ браздамъ,
„Онъ даровалъ намъ.
„Онъ весла, Аѳины!
„Чрезъ сланы пучины
„Летать въ корабляхъ
„Вручилъ вамъ навѣки,

„И признали Греки
„Вашъ скипшръ на моряхъ.

„Цвѣши же, Держава!,
„Росшите дѣла!
„Богамъ буди славя!
„И граду хвала!“

Пресшалъ; и какъ въ пучинѣ водной
Валовъ и бурь и грома звукъ,
Такъ раздался въ шолпѣ народной
И шумъ и кликъ и плескъ отъ рукъ.
Сыны съ пришворнымъ удивленьемъ:
„Почшожъ, родишель, ты отъ насъ
„Таилъ, сколь силенъ пѣснопѣньемъ
„Еще прельщашь твой древній гласъ?

„Граждане! шакъ, мы виноваты;
„Отецъ нашъ да владѣетъ всѣмъ!
„Что намъ? Чрезъ мѣру мы богаты,
„Зря даръ ума шоликій въ немъ!“
И имъ народъ безумный плещетъ;
Но въ старцѣ закипѣла кровь,
Взялъ свитокъ, огнь во взорахъ блещетъ;
Все стихло, онъ читаетъ вновь.

„О! еслибъ я Аѳинъ не уважалъ совѣта,
„Онъ ввѣкъ бы отъ меня не дождался отвѣта;
„Но пусть же слышитъ: льщусь, отъ слова моего

„Немного радости прибудетъ для него.
„Злодѣй! какой же врагъ, пожравъ мое стяжанье,
„Слѣпому старцу мнѣ рекъ вѣчное изгнанье
„Изъ Өивъ, изъ родины? Безчеловѣчный! ты
„Облекъ меня на срамъ въ одежду нищеты.
„Теперь, какъ и тебя постигла участь злая,
„Самъ плачешь ты, своихъ на дѣло рукъ взирая;
„Но я не плачу, нѣтъ, я слезы удержу
„И на сердце твои злодѣйствія сложу.
„Тобой я доведенъ, терпя и стыдъ и муку,
„Протягивать ко всѣмъ за милостыней руку,
„Свой хлѣбъ насущный ѣсть отъ чуждаго добра,
„Страдать безъ крова днемъ и ночью безъ одра.
„Что, еслибъ дочери не сжалились надъ мною,
„Я умеръ бы давно, зарѣзанный тобою.
„Онѣ меня поятъ, и кормятъ, и ведутъ;
„Равняяся мужамъ, съ отцемъ своимъ несутъ
„Ихъ женскихъ свыше силъ мой жребій многотрудный.
„Съ Олимпа да воздастъ Всевидѣцъ правосудный
„Имъ мѣрой добрыхъ дѣлъ; вамъ мѣрою вины.
„О вы, сыны мои! . . Нѣтъ, вы мнѣ не сыны;
„И мститель - Богъ, уже гонящійся за вами,
„Еще иными къ вамъ тогда воззритъ очами,
„Когда полки свои сведете къ стѣнамъ Өивъ.
„Клянусь, изъ обоихъ никто не будетъ живъ;
„Обоихъ равная ждетъ гибель въ ратномъ полѣ;

„Ни утвердится твой брат хищник на престолѣ,
„Ни сам не льстись сломить отечественных стѣн:
„Там слейте вашу кровь, брат братом умерщвлен.
„Я прежде уж изрек вам клятвы тѣ жестоки;
„Днесь повторяю их: да в них себѣ уроки
„И впредь почерпнут вам подобныя сердца,
„Как дѣтям презирать на старости отца.
„Отстань! иди! мое проклятіе с тобою!
„О божества мои! взываю к вам с мольбою:
„Подземный Аид, стран незримых солнцу царь!
„И вы, имущія в сей рощѣ свой олтарь,
„К безвинным кроткія и ко преступным строги!
„И ты, в них дышущій Арей кровавый! — Боги!
„Молю, сгубите их, их обрекаю вам, —
„Я все сказал: Едип отвѣтствовал сынам.“

Судьи, с сѣдалищ возвышенных
Возстав, кладут шары в сосуд;
И клик глашатаев священных
Всѣм громко возвѣщает суд:
„Аѳин признательных награда —
„Вѣнец отечества пѣвцу.
„Софокл оправдан; злыя чада.

„Немного радости прибудешъ для него.
„Злодѣй! какой же врагъ, пожравъ мое стя-
жанье,

„Слѣпому старцу мнѣ рекъ вѣчное изгнанье
„Изъ Ѳивъ, изъ родины? Безчеловѣчный! ты
„Облекъ меня на срамъ въ одежду нищеты.
„Теперь, какъ и тебя постигла участь злая,
„Самъ плачешь ты, своихъ на дѣло рукъ взир...
„Но я не плачу, нѣтъ, я слезы удержу
„И на сердце твои злодѣйствія сложу.
„Тобой я доведенъ, терпя и стыдъ и му...
„Протягивать ко всѣмъ за милостыней ру...
„Свой хлѣбъ насущный ѣсть отъ чу...
до...

„Страдать безъ крова днемъ и ночью безъ ...
„Что, еслибъ дочери не сжалились надъ ...
„Я умеръ бы давно, зарѣзанный тобою.
„Онѣ меня поятъ, и кормятъ, и ведутъ...
„Равняяся мужамъ, съ отцемъ своимъ ...
„Ихъ женскихъ свыше силъ мой жребі...

„Съ Олимпа да воздастъ Всевидѣцъ п...
„Имъ мѣрой добрыхъ дѣлъ; вамъ ...
„О вы, сыны мои! . . Нѣтъ, вы мнѣ не сын...
„И мститель - Богъ, уже гонящійся за ...
„Еще иными къ вамъ тогда воззритъ о...
„Когда полки свои сведете къ стѣнам...
„Клянусь, изъ обоихъ никто не бу...
„Обоихъ равная ждетъ гибель въ р...

ю
,
к-
,
ой,
1е-
і;
іѣн-
ой!
пѣхъ
чной?
ъ,
ѣчный!
жденій,
іу судьбѣ!
льщеній!
и ложусь,
засыпаю;
, и во снѣ крушусь,
прастей бываю!

Digitized by Google

„Повинны жизнію отцу."
Но что? не къ благу ли стремленье
Вложилъ имъ въ душу нѣкій богъ?
Они, еще не внявъ рѣшенье,
Отца простерлися у ногъ. —
Повѣрилъ онъ ихъ скорби виду,
Обнявъ, воздвигъ ихъ отъ земли:
Когда же мстить врагамъ обиду
Душой великіе могли?

Народъ восхищенный толпами
Бѣжитъ къ нему, и съ торжествомъ
Всѣ старца подняли руками
И такъ внесли его въ свой домъ. —
И вѣкъ его сталъ вѣкъ блаженной:
Онъ, отцвѣтая въ сѣдинахъ,
Съ закатомъ встрѣтилъ жизни тлѣнной
Зарю безсмертія въ вѣкахъ.

Катенинъ.

Къ Деліи.

Счастливъ укрывшійся отъ шума и суетъ
Подъ крышей сельскою, въ тиши уединенья!
Что дни въ поляхъ своихъ съ безпечностью ведетъ,
И въ дружбѣ милыхъ Музъ находитъ наслажденья,

*

Ахъ, онъ нечувствуетъ, какъ житель городской,
Послѣдствій тягостныхъ отъ жизни развлеченной;
Въ поляхъ и хижинкѣ его всегда покой,
Невинныхъ чистыхъ душъ товарищъ неизмѣнной!

*

И шумъ убійственныхъ, мечтательныхъ утѣхъ
Сравниться можетъ ли съ веселостью сердечной?
И тамъ ли счастіе, гдѣ со слезами смѣхъ,
Гдѣ связанъ человѣкъ, гдѣ онъ невольникъ вѣчный!

*

О Делія! мой другъ, завидую тебѣ.
Ты въ хижинкѣ своей, не зная принужденій,
Ни тягостныхъ заботъ, поешь хвалу судьбѣ!
А я, несчастливый, я жертва обольщеній!

*

Встаю съ заботами, съ заботами ложусь,
И утомившися, въ мечтаньяхъ засыпаю;
Но сонъ мой сладокъ ли? Нѣтъ, и во снѣ крушусь,
Игрушкой случая, рабомъ страстей бываю!

*

И нѣтъ мнѣ радостей!.. меня бѣжитъ покой;
Увялъ цвѣтъ юности, и въ тридцать лѣт
морщины.
Межъ тѣмъ въ поляхъ своихъ, невинная душой
Ты, Делія, цвѣтешь, незная... злой кручины!

*

И дай Богъ, чтобъ ее незнала никогда,
Въ тѣни дубравъ своихъ отъ свѣта укрывалась,
Какъ тихій ручеекъ чтобъ жизнь твоя текл,
И бурями страстей отнюдь не возмущалась!

*

И дай Богъ Деліи ввѣкъ горя избѣгать!
Чтобъ хижинка для ней все счастье заключала
Чтобъ сердцемъ отдохнувъ, она могла сказать
Вотъ здѣсь-то наконецъ спокойствіе узнала.

А. Маздорфъ.

Симбирской губерніи
и уѣзда село *Ишеевка*.

Къ Ельвирѣ.

Ельвира! чѣмъ ты заплатила
За нѣжную любовь мою?
Своей ты клятвѣ измѣнила...
И я, забытый, слезы лью!

*

Ты помнишь ли, когда съ тобою
Я слушалъ пѣсни соловья,

да съ растроганной душою
мнѣ сказала: я твоя!

*

я навѣкъ, о другъ мой милой!
без̆ъ тебя могу ли жить?
ь! въ жизни горестной, унылой,
е все счастіе — любить! . .

*

любишь ты, о томъ ни слова,
любишь пламенной душой;
не меня уже — другова:
я навѣкъ забытъ тобой.

*

ое все счастье прекратилось
гда же съ пѣсней соловья:
ы! напрасно сердце льстилось,
клятвѣ женской вѣрилъ я!

*

апрасно! . . . Богъ съ тобой, Ельвира!
нѣль радость возмущать твою?
абуду все, и другъ мой, лира,
азсѣетъ злую грусть мою! . . .

А. Маздорфъ.

Село Ишеевка.

Надписи къ портретамъ.

1.

Государя Императора.

Моро, узрѣвъ Тебя, къ стопамъ Твоимъ склонился,
И на глазахъ Твоихъ съ улыбкою умиралъ:
Когдабъ въ нашъ славный вѣкъ самъ Брутъ существовалъ,
И Брутъ съ Царямибъ примирился!

2.

Генерала Раевскаго.

О тѣнь Пожарскаго! тѣнь Минина святая!
Возрадуйтесь! се вашъ потомокъ, нашъ Герой!
Дѣтей не *заложилъ*, Отечество спасая;
Нѣтъ, — онъ на вѣрну смерть повелъ ихъ за собой.

3.

Графа Остермана-Толстаго.

„Стоять и умереть!“ гремитъ еще въ поляхъ.
) Кульмъ? когда о немъ ничто тебѣ нескажетъ, —
Столѣтія сотрутъ и монумента прахъ; —
Пришельцу на тебя рука его укажетъ.

Николай Иванчинъ-Писаревъ.

Епитафія Невтону.

Переводъ (*).

И небо и время и вся Природа
Вѣщаютъ: безсмертенъ Невтонъ!
Лишь знакомъ сей марморъ, что онъ
Былъ также отъ смертнаго рода.

Ост — въ.

(*) Isaacus Neutonus, immortalem testantur Tempus, Natura, Coelum, mortalem hoc marmor fatetur.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Объ отличительныхъ свойствахъ памятниковъ Египетскихъ, и о томъ, почему знаменитѣйшіе изъ новѣйшихъ художниковъ не берутъ ихъ для себя за образцы.

Египетъ былъ однимъ изъ тѣхъ Государствъ, которыя возникли въ отдаленнѣйшія времена бытія народовъ. Исторія изображаетъ намъ его сильнымъ, цвѣтущимъ въ самой глубокой древности; она повѣствуетъ о Сезострисѣ, Озимандіасѣ, Рамезесѣ и другихъ, какъ о Царяхъ могущественныхъ, распространившихъ завоеванія свои на берегахъ Нила, Оксуса, Инда и Гангеса; о Ѳивахъ, какъ о древнѣйшей столицѣ великаго царства, изъ коей чрезъ сто вратъ исходили многочисленныя полчища покорять чуждые народы (*), — какъ о средоточіи обширной торговли, просвѣщенія, искусствъ изящныхъ. Великолѣпныя развалины сего древняго града, подтверждая свидѣтельство Исторіи, удостовѣ-

(*) Иліад. IX, 381.

раютъ насъ въ той истинѣ, что Египетъ долженствовалъ имѣть нѣкогда продолжительный періодъ времени, въ которой разумъ человѣческій, преодолѣвая преграды, развивался постепенно и свободно, и наконецъ вознесся на ту степень величія, какой, можетъ быть, изключая Грековъ и Римлянъ, не достигалъ ни одинъ изъ древнихъ народовъ. Но если, съ одной стороны, великое многолюдство и выгодное положеніе Египта благоприятствовали сему раннему развитію ума и способностей его жителей; то съ другой, некрасивая наружность ихъ тѣла, ихъ гражданской уставъ, по которому художники принадлежали къ послѣднему классу гражданъ, ихъ облеченные въ таинственность богослужебные обряды, ихъ обычаи, къ коимъ они до чрезвычайности были привязаны, ихъ законы, которые строго запрещали артисту отдаляться въ своемъ искусствѣ отъ образцовъ общепринятыхъ и освященныхъ самою Религіею, наконецъ самый ихъ образъ мыслей меланхолическій, склонный къ чудесному, — все сіе было причиною того, что Египтяне, не смотря на свою силу и богатство во времена самыя древнія, остались навсегда почти при первыхъ начаткахъ искусствъ изящныхъ, при томъ грубомъ и ненатуральномъ стилѣ, которой означаетъ всегда ихъ младенчество. Странное явленіе въ мірѣ нравственномъ! оно совер-

шенно противорѣчило бы обыкновенному ходу дѣлъ человѣческихъ, еслибъ необъяснялось неменѣе чудеснымъ стеченіемъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

Археологи раздѣляютъ Исторію искусствъ Египетскихъ на періодъ *древній* и *новый*. Древній долженъ начинаться съ перваго возрожденія искусствъ въ Египтѣ, и продолжается до покоренія его Камбизомъ въ 524 году предъ Р. X., до того времени, когда насильственное и жестокое правленіе сего тиранна подавило почти всѣ искусства въ странѣ побѣжденной. Новый періодъ заключаетъ въ себѣ все продолжительное время господствованія Персовъ и потомъ Грековъ надъ Египтянами. Собственно же говоря, въ Исторіи искусствъ Египетскихъ надлежитъ отличить одинъ только древній періодъ, въ который Египетскіе художники работали сами и по своему идеалу: ибо памятники послѣдующаго новаго періода имъ или весьма мало, или вовсе не принадлежатъ, а суть произведенія Грековъ, которые обработывали различные предметы искусствъ изящныхъ по понятіямъ Египтянъ. Не почитаю уже за нужное и упоминать о тѣхъ подражаніяхъ, которыми такъ много занимались Римляне особенно при Императорѣ Адріанѣ.

Древность сохранила намъ отъ временъ самобытнаго существованія Египтянъ памят-

ники преимущественно зодчества и ваянія. Несокрушимыя пирамиды, которыя скорѣе, кажется, вознеслись до облаковъ отъ нѣкоего страшнаго переворота въ Природѣ, нежели могли быть дѣломъ рукъ человѣческихъ; величественные обелиски, изъ цѣлыхъ горъ изсѣченные, изумляющіе путника смѣлостію гигантскаго предпріятія; огромныя зданія дворцовъ и храмовъ Ѳивскихъ, великолѣпныхъ и въ самыхъ своихъ развалинахъ, зданія, „которыя," какъ выражается одинъ очевидецъ, „по дерзостной мысли своего художника, заставляютъ сомнѣваться въ дѣйствительности ихъ существованія даже въ то время, когда смотришь на нихъ:" вотъ тѣ памятники зодчества, которые, можетъ быть, краснорѣчивѣе самыхъ письменъ возвѣстятъ позднѣйшимъ потомкамъ о бывшемъ цвѣтущемъ состояніи Царства Египетскаго, о велелѣпіи древнѣйшей его столицы, о могуществѣ Царей и благоденствіи милліоновъ подданныхъ. Памятники ваянія, достигшіе до нашихъ временъ, гораздо многочисленнѣе и важнѣе какъ для Археологіи, такъ и для самой Теоріи искусствъ изящныхъ. Въ нихъ-то наиболѣе надлежитъ искать отпечатковъ характера и образа мыслей народа, его вкуса и любви къ изящному, его понятій о цѣли искусствъ изящныхъ, дабы съ вѣрностію судить о той степени совершенства, до какой сіи послѣднія у него воз-

кышались. Изъ сего видно, что памятники ванія преимущественно относятся къ предмету моего разсужденія. Не почитаю однакожъ за непремѣнную свою обязанность входить въ подробное исчисленіе всѣхъ статуй Египетскихъ, которыя или разсѣяны въ древнихъ развалинахъ, или составляютъ богатство различныхъ музеевъ Европейскихъ; етаго не позволяютъ мнѣ дѣлать ни время, ни самое пространство сего разсужденія.

Памятниковъ сего рода сохранилось до нашихъ временъ весьма много, начиная отъ колоссальной статуи Мемнона въ 60 футовъ (*), до маленькаго изображенія Изиды въ 2

(*) Г. Гееренъ, Профессоръ Геттингенскаго Университета, *въ прибавленіи* къ своему превосходному творенію, подъ названіемъ: Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt (смот. Милленевъ Magaz. Encyclop 1816 T. II), говоритъ пространно объ уцѣлѣвшихъ памятникахъ Ѳивскихъ въ Египтѣ, согласно со сдѣланными тамъ открытіями новѣйшихъ путешественниковъ. За статую Мемнона почитаетъ онъ колоссъ, стоящій посреди развалинъ деревни Мединатъ-Абу, и называемый нынѣ *Тама*. Въ подтвержденіе же своего мнѣнія приводитъ надписи, сдѣланныя на сей статуѣ въ первые два хрістіанскіе вѣка, изъ которыхъ видно, что тогдашніе путешественники слышали издаваемые ею звуки. Ето также есть мнѣніе новѣйшихъ путешественниковъ Пококка и Ланглеса. *Соч.*

и менѣе дюйма. Вотъ названія главнѣйшихъ: *Озирисъ и Изида*, древнѣйшіе Цари, которые, какъ говоритъ преданіе, вывели Египетъ изъ первобытной его дикости и содѣлались предметами обожанія въ странѣ, ими облагодѣтельствованной; они служили для Египтянъ вмѣстѣ емблемами животворной Природы; *Гарпонратъ*, *Орусъ*, *Сераписъ*, емблемы раждающагося, взрослаго и противуположную часть земли обтекающаго солнца; *Агаѳодемоны*, имѣвшіе у Египтянъ почти такое же назначеніе, какое имѣли Каріатиды, Атланты и Теламоны у Грековъ; и наконецъ *статуи жрецовъ различныхъ нлассовъ*, *Сфинксовъ и многихъ животныхъ*. —

По законамъ гражданскимъ и по непреложнымъ уставамъ Религіи Египтянъ, какъ свидѣтельствуютъ Геродотъ и Діодоръ Сицилійскій, искусство ваянія у сего народа (выключая рельефы и изображенія животныхъ) ограничивалось статуями боговъ, Царей, или особъ царскаго рода, и жрецовъ, слѣдственно однимъ, всегда неизмѣннымъ идеаломъ, отъ коего не позволялось художнику ни на шагъ уклоняться. Платонъ говоритъ, что статуи, дѣланныя въ его время въ Египтѣ, ни чѣмъ не отличались отъ тѣхъ, которыя были изваяны за тысячу и болѣе лѣтъ прежде. Хотя слова краснорѣчиваго Философа можно было бы нѣкоторымъ обра-

зомъ принять за обыкновенную фигуру риторическую; при всемъ томъ однакожъ видно, сколько Египетское законоположенiе было вредно для искусствъ изящныхъ. Сверхъ того, Египтяне, кажется, не рождены были для жизни веселой, свободной, изящной; имъ, какъ и другимъ народамъ Востока, не суждено было возвести искусствъ до того совершенства, какого достигли они подъ благословеннымъ небомъ Грецiи, у народа вольнаго, живаго, щедро одареннаго отъ Природы всѣми превосходными качествами души и тѣла. Египетскiе художники, какъ изъ всего явствуетъ, имѣли въ виду два главныя достоинства, кои старались они сообщить своимъ произведенiямъ: *огромность* и *прочность*; и м ъ жертвовали они всѣмъ живописнымъ и выразительнымъ въ своихъ искусствахъ, и, надобно признаться, что въ томъ и другомъ случаѣ они достигли счастливо своей цѣли. Механическая отдѣлка ихъ художественныхъ произведенiй, т. е. чистота и полировка, доведена до такой степени совершенства, что не остается почти ничего желать въ семъ родѣ болѣе и лучше. Всѣ дошедшiя до насъ Египетскiя статуи, выключая нѣкоторыхъ колоссальныхъ, сдѣланы изъ одного куска камня, или металла. Онѣ, по видимому, никакъ не могли быть отработаны однимъ рѣзцомъ, поелику помощiю сего орудiя не воз-

можно дать столь ровной, гладкой поверхности граниту и базальту, которые большею частію употреблялись въ дѣло художниками. Но сего никакъ не льзя сказать о части такъ называемой духовной или выразительной въ ихъ искусствахъ. Всѣ древнія статуи Египетскія (ибо статуи новаго періода сюда не принадлежатъ) носятъ на себѣ признаки оригинальной необразованности вкуса; стиль всѣхъ статуй однообразный и грубый, которой весьма примѣтно отличаетъ ихъ не только отъ произведеній въ семъ родѣ другихъ народовъ, но и отъ стиля позднѣйшаго самихъ Египтянъ, когда они стали подражать Грекамъ. Нагія фигуры, кромѣ колѣнъ, плечь и косточекъ на ногахъ, представлены безъ всякаго примѣтнаго означенія другихъ костяныхъ возвышеній и мускуловъ, а и того менѣе нервъ и жилъ: Египетскіе художники не имѣли никакихъ познаній въ анатоміи тѣла человѣческаго. Обрисовка, важнѣйшая часть всѣхъ искусствъ образовательныхъ, у фигуръ нагихъ состоитъ или въ совершенно прямыхъ, или только мало отъ отвѣса уклоняющихся линіяхъ; нѣтъ плавно волною ліющихся чертъ, которыя бы съ легкостію рисовали станъ фигуры и терялись бы сами въ его нѣжныхъ и красивыхъ формахъ: вездѣ жесткость, острота и угловатость. Положеніе Египетскихъ фигуръ, какъ сидящихъ, такъ и стоящихъ, прямое

и принужденное; ноги у первыхъ обыкновенно сжаты вмѣстѣ и параллельно опущены въ низъ; у другихъ, одна нога бываетъ не рѣдко протянута впередъ на нѣкоторое разстояніе. Руки у мужескихъ фигуръ висятъ отвѣсно и, кажется, прикованы къ обоимъ бокамъ корпуса; у женскихъ лѣвая находится иногда подъ грудью, въ такомъ же бездѣйственномъ и мертвенномъ положеніи. Задняя часть фигуръ совершенно не видна, по причинѣ столба, къ коиму древнія статуи Египетскія приставлены и которой состоитъ вмѣстѣ съ ними изъ одного куска камня (*).

Что касается до фигуръ одѣтыхъ, то и здѣсь художники Египетскіе не показываютъ, или скажу лучше, не имѣли возможности показать свое искусство и здравый вкусъ. Мужескія фигуры обыкновенно представля-

(*) Знаменитый Графъ Келюсъ предлагаетъ на счетъ сего весьма остроумную догадку. Онъ говоритъ, что сильное желаніе Египтянъ сдѣлать произведенія свои прочными и даже безсмертными, побудило ихъ давать всѣмъ фугурамъ положеніе принужденное, не отдѣлять рукъ отъ корпуса и приставлять статуи свои къ столбу. (Rec. d' Ant. кни. 1, стр. 5.) Мнѣніе ученаго Антикварія имѣетъ свое основаніе, но никакъ не можетъ для Египетскихъ художниковъ служить оправданіемъ въ небреженіи о части выразительной въ своихъ произведеніяхъ. Соч.

ются нагими до половины, прочая же часть тѣла прикрыта передникомъ, опущеннымъ почти до колѣнъ: надобно думать, что ето была самая древняя одежда сего народа, какая и теперь еще въ употребленіи между Арабами. Одежда на нѣкоторыхъ женскихъ фигурахъ не имѣетъ ни складокъ, ни отмѣны волнующихся изгибовъ, ни натуральнаго положенія, и означается только едва примѣтнымъ возвышеніемъ своего края на ногахъ и на шеѣ. Подъ рукою неискуснаго художника она, кажется, слилась съ самымъ тѣломъ — и окаменѣла. Другія женскія фигуры, напротивъ, закутаны въ одежду отъ верху до низу, не имѣютъ ни рукъ, ни ногъ, и представляютъ изъ себя странный и неприятный видъ колокола. Какое неизмѣримое разстояніе отъ сего грубаго изображенія платья до легкой, взвѣваемой дуновеніемъ зефира одежды на Флорѣ Фарнезской!

Скажемъ нѣсколько словъ объ идеалахъ боговъ и ихъ служителей у Египтянъ. Фигуры боговъ весьма часто представлялись съ головами тѣхъ животныхъ, въ образѣ которыхъ, какъ думаютъ, Египтяне приносили имъ усердную жертву поклоненія. Иногда сіи верховныя существа изображались въ видѣ совершенно человѣческомъ; иногда стоящими на корабляхъ, сообразно съ тѣмъ древнимъ ученіемъ жрецовъ Египетскихъ, что не

только солнце, но и всѣ существа духовныя плаваютъ по влажной стихіи. Фигуры Египетскихъ жрецовъ большею частію представляются сидящими на подогнутыхъ ногахъ, или стоящими на колѣняхъ, въ положеніи человѣка, приносящаго молитву. Всѣ статуи боговъ и жрецовъ имѣютъ нѣкоторое отличительное несходство въ положеніи, одеждѣ, убранствѣ головы, въ извѣстныхъ принадлежностяхъ и даже въ самыхъ іероглифическихъ начертаніяхъ. Предоставляю ученѣйшимъ Антикваріямъ проникать во святилище мудрости Египтянъ и открывать свѣту таинства ихъ религіи, обрядовъ и письменъ для объясненія исторической части художественныхъ произведеній сего народа; мое дѣло показать тѣ только отличительныя свойства памятниковъ Египетскихъ, которыя составляютъ естетическую часть оныхъ и относятся прямо до цѣли искусствъ изящныхъ.

Вообще Египетскія художественныя произведенія имѣютъ въ себѣ много идеальнаго, но никакой идеальной красоты. Легкость и плавность обрисовки, полнота и округлость формъ, плѣнительный Греческій профиль лица, кажется, совсѣмъ не извѣстны были Египетскимъ художникамъ. Они не подражали природѣ изящной, но брали за образецъ природу простую и даже самую грубую; они не постигали тайны плѣнять людей, и только

поражали удивленіемъ. Статуи ихъ мертвенны и бездушны; имъ недостаетъ *грацiи* и *выраженія*. Смотрю на изваянія Озириса, Изиды — и не трогаюсь. Гдѣ та прелесть въ чертахъ лица, то очарованіе въ положеніи, движеніяхъ тѣла и въ самой одеждѣ, которыя напечатлѣны на всѣхъ произведеніяхъ рѣзца Греческаго? Гдѣ то божество, которое присутствовало при работѣ Фидія, когда онъ изображалъ Отца боговъ, — которое водило рѣзцомъ художника, когда онъ выражалъ на его возвышенномъ челѣ любовь и въ величественномъ взорѣ благость божественную? ... Я вижу одну массу камня — и не болѣе. Египтянамъ, коихъ умъ стремился ко всему огромному и чудесному, совсѣмъ не извѣстны были Граціи, ни высокая дщерь Гармоніи, которая скрывается отъ взоровъ обыкновенныхъ, и, кажется, желаетъ, чтобъ избранные смертные сами находили ее и чувствовали; ни Грація простая и любезная, вѣрная сопутница первой, возвышающая собою небесную красоту своей подруги и благосклонно, безъ собственнаго униженія, разливающая своимъ присутствіемъ радость въ сердцахъ тѣхъ, которые возводятъ на нее невинные взоры. Одни Греки счастливыхъ временъ, народъ свободной и пылкой, возносились до такой высоты въ мысляхъ и чувствованіяхъ; одни Греки постигали, бого-

творили Грацій и умѣли облекать ихъ прелестями свои безсмертныя творенія.

Египтяне любили фигурамъ своимъ давать положеніе спокойное, слѣдственно самое выгодное для изображенія красоты совершенной, идеальной, какъ замѣчаетъ безсмертный Винкельманъ. Но лица и всѣ части древнихъ статуй Египетскихъ представляютъ одно отвратительное безобразіе. Етотъ недостатокъ дѣлается еще болѣе ощутительнымъ и несноснымъ, когда въ чертахъ лица и положеніи фигуры не видишь никакого выраженія, когда на статую Египетскую смотришь съ меньшимъ удовольствіемъ, нежели на оцѣпенѣвшій трупъ умершаго человѣка, и совсѣмъ не постигаешь намѣренія художника, съ какой стороны хотѣлъ онъ подѣйствовать на душу своего зрителя. Въ фигурахъ Египетскихъ, говорю, нѣтъ яснаго выраженія страстей и поступковъ; онѣ не возбуждаютъ во мнѣ никакихъ мыслей, никакихъ представленій; я не могу бесѣдовать съ ними, какъ съ живыми существами, не могу ими трогаться и принимать въ нихъ участіе. Безобразныя черты лица, принужденное положеніе рукъ, ногъ и всего тѣла не позволяютъ мнѣ забыться, что я смотрю на бездушныя статуи. Художникъ, стараясь своимъ мертвеннымъ массамъ сообщить прочность необыкновенную, вѣроятно желалъ, чтобъ его произведенія переходили отъ вѣка

вѣкъ и возвѣщали бы потомкамъ славу знаменитыхъ событій въ его отечествѣ. Но онъ не достигъ своей цѣли; назначеніе статуй его для меня столь же непонятно, какъ и самые гіероглифы, служащіе для нихъ объясненіемъ. Гдѣжъ искусство, гдѣ высокая цѣль его? . . . Сего надлежитъ искать у Грековъ, нашихъ учителей во всѣхъ отрасляхъ познаній человѣческихъ. Они глубоко проникали въ тайны искусства и сердца человѣческаго; они умѣли неподражаемо соединять красоту съ сильнымъ выраженіемъ, не нарушая ни самой красоты, ни величія. Подъ ихъ творческимъ рѣзцомъ животворился мраморъ, и душа проглядывала какъ бы сквозь зеркальную поверхность воды, никогда не являясь въ томъ ненавистномъ видѣ, когда бурныя страсти возмущаютъ ея спокойствіе. Въ изображеніи страданій сильное мученіе не обезображиваетъ лица Лаокоонова, и на его челѣ видно величіе, одно чувствованіе своей невинности, въ его взорѣ, исполненномъ родительской нѣжности къ страждущимъ своимъ дѣтямъ, сіяетъ праведная укоризна къ судьбѣ. Какое непостижимое искусство, какая истина въ выраженіи! Что можетъ быть ужаснѣе положенія Ніобы, взирающей на пораженіе дѣтей своихъ роковыми стрѣлами Діаны? Преданіе говоритъ, что несчастная мать превратилась отъ горести въ камень. Какъ же поступилъ

въ семъ случаѣ художникъ, желавшій выразить и ея отчаянное положеніе и не нарушить смысла древней басни о Ніобѣ? Онъ представилъ только на ея лицѣ совершенную, ничѣмъ невозмущаемую красоту, — и заслужилъ безсмертную славу. Зритель восхищенъ; онъ совершенно постигаетъ ту великую мысль художника, что состояніе человѣка, лишеннаго чувствъ и разсудка, сдѣлавшагося ко всему равнодушнымъ, не измѣняетъ чертъ на его лицѣ, и слѣдственно есть самое удобное для представленія красоты идеальной: вотъ торжество художника, вотъ верхъ искусства, о которомъ не имѣли никакого понятія Египтяне! Ихъ статуи, повторяю, при всей превосходной своей механической отдѣлкѣ и даже нѣкоторой пропорціональности въ частяхъ, не имѣютъ ни красоты, ни граціи, ни выраженія въ цѣломъ; онѣ безобразны, бездѣйственны, бездушны. —

Все, что сказано о Египетскихъ памятникахъ ваянія, должно также разумѣть о ихъ произведеніяхъ зодчества и о свойственныхъ ему украшеніяхъ — рельефахъ. Правила для сихъ послѣднихъ искусствъ почти совершенно тѣ же, какія существуютъ и для ваянія; изящныя качества, которыя какъ архитекторъ, такъ и ваятель обязаны сообщать своимъ художественнымъ произведеніямъ, почти совершенно одинаковы. По се-

му критикъ въ правѣ какъ отъ того, такъ и отъ другаго требовать не одной огромности и прочности, но и всѣхъ красотъ естетическихъ. Остатки цирковъ, галлерей, знаменитаго храма Аммонова, дворца и гробницы Озимандіаса и другихъ (*), составляющихъ величіе развалинъ Ѳивскихъ, доказываютъ сильную привязанность Египтянъ къ архитектурѣ не приятной и легкой, но прочной, величественной, поражающей своею огромностію. Зданія ихъ ни мало не походятъ на Греческія, которыя, кажется, не были плодомъ тяжкаго труда и необыкновенныхъ усилій многихъ людей, но воздвиглись сами собою отъ чудесной силы пѣснопѣнія вдохновеннаго поета, какъ говоритъ преданіе; нѣтъ, это жилища дерзновенныхъ Гигантовъ, которые то возносили на мощныхъ раменахъ своихъ цѣлыя массы горъ до небесъ, то, пораженные въ высотахъ стрѣлами Феба, сокрывались въ нѣдрахъ неприступныхъ скалъ (**). Египтяне не знали ни-

(*) См. Mag. Encycl. T. II. 1816. Прибавленіе Г. Геерена о Ѳивскихъ памятникахъ. *Соч.*

(**) Г. Гееренъ въ вышеупомянутомъ прибавленіи своемъ, говоря о памятникахъ Ѳивскихъ, между прочимъ упоминаетъ о такомъ подземномъ зданіи, изсѣченномъ въ три етажа внутри Ливійскихъ, или Западныхъ Египетскихъ горъ, которое внутреннимъ своимъ расположеніемъ совершенно различествуетъ

какихъ орденовъ колоннъ, хотя самыя колонны были у нихъ въ большомъ употребленіи; — доказательство, что ихъ художники не подчиняли себя правиламъ строгой пропорціи (*). Они не дѣлали также и сводовъ при построеніи своихъ зданій; не скажу однакожъ не умѣли дѣлать, ибо признаки сей работы новѣйшіе путешественники находятъ въ зданіяхъ подземныхъ (Hypogée 5) (**).

Что касается до рельефовъ, то у Египтянъ они имѣли видъ, совершенно различный отъ нынѣшнихъ. Та же любовь къ прочности заставляла художниковъ выпуклыя свои фигуры, дѣланныя изъ камня, углублять внутрь, ниже ровной поверхности, такъ что ихъ рельефы защищены со всѣхъ сторонъ какъ бы толстою рамою; для собственно же такъ называемой рельефной работы, какая извѣстна нашимъ художникамъ, они употребляли мѣлъ (***). Надобно признаться, что въ рельефахъ Египетскихъ, которыми покрыты цѣлыя стѣны зданій и которые представляютъ огромныя картины, видно несравненно болѣе искусства, нежели въ самыхъ ихъ ста-

---

отъ катакомбъ, и по всей вѣроятности, было назначено для жилья въ жаркое время, какъ вѣрное убѣжище отъ нестерпимаго зноя солнечнаго.

(*) Rec. d'Ant. T. I, ст. 4. —

(**) Mag. Encycl. 1816. T. II, ст. 25 и 29.

(***) Винк. Geschich. der Kunst. ст. 99 и слѣд.

туяхъ. Здѣсь художникъ позволялъ себѣ болѣе вольности, изображалъ военныя подвиги, торжественныя шествія, богослужебные обряды и сцены изъ жизни общественной (*) съ особенною живостію и разнообразіемъ. Но кромѣ того, что хорошая отдѣлка рельефовъ Египетскихъ весьма много теряетъ своего достоинства отъ худаго размѣщенія фигуръ и несоблюденія единства въ дѣйствіи (**), имъ недостаетъ перспективы (***) и правильной групировки (****), а слѣдственно самой красоты и яснаго выраженія въ цѣломъ. Ето доказываетъ весьма недостаточныя свѣдѣнія Египетскихъ худож-

(*) Mag. Encycl. 1816. T. II, стр. 387 и слѣд.

(**) Стоитъ только прочесть описанія Египетскихъ рельефовъ на внутреннихъ и внѣшнихъ стѣнахъ зданій Ѳивскихъ, дабы удостовѣриться въ томъ, что Египетскіе художники рѣдко умѣли избирать одинъ моментъ для представленія дѣйствія. Изображая, на пр. баталію, они заставляютъ героя или Царя своего показываться въ разныхъ видахъ: то идущимъ, то останавливающимся, то устремляющимъ коней своихъ въ средину неприятелей. (Mag. Encycl. стр. 388.) Тотъ же недостатокъ видѣнъ на рельефѣ, представляющемъ тріумфальное шествіе. (Тамъ же стр. 392.) — Тамъ же на стр. 402 описанъ рельефъ, представляющій осаду и взятіе крѣпости. *Соч.*

(***) Тамъ же стр. 276. —

(****) Rec. d'Ant. T. 1, стр. 6.

никовъ въ наукѣ рисованія, главнѣйшей основѣ искусствъ образовательныхъ.

Послѣ сего нужно ли говорить о такъ называемыхъ Скарабеяхъ, или вырѣзныхъ камняхъ Египетскихъ, которыхъ одно употребленіе у народа суевѣрнаго даетъ уже понятіе о степени ихъ изящества? Нужно ли упоминать о живописи Египетской, о которой можемъ судить только по раскрашеннымъ ящикамъ и полотну мумій, и по нѣкоторымъ картинамъ на стѣнахъ храмовъ, катакомбъ, и гробницъ царскихъ въ верхнемъ Египтѣ (*)? Египетскимъ художникамъ извѣстно было только шесть родовъ красокъ, которыя накладывали они просто, неумѣя составлять другихъ посредствомъ смѣшенія, совсѣмъ не наблюдая и вѣроятно не понимая того, что нынѣшнимъ живописцамъ извѣстно подъ именемъ свѣтло-тѣни (chiaro-obscuro, heil-dunkel). Прочность красокъ, неуступающая даже работѣ мозаической, составляетъ все достоинство живописи Египетской.

Теперь вопросъ: *почему новѣйшіе художники не берутъ за образцы для себя памятниковъ Египетскихъ?* можно, кажется, перемѣнить такимъ образомъ: надлежитъ ли новѣйшимъ художникамъ уклонять-

(*) Mill. Mag. Encycl. 1816 T. II, стр. 23 и сл., 30 и сл.

я отъ правилъ хорошаго вкуса; и слѣдо-
ать дурному? Мнѣ скажутъ: и Греки и
имляне подражали Египетскому стилю
ъ искусствахъ; но я не отступлю отъ
воего мнѣнія. Злоупотребленіе не есть
равило, странныя уклоненія вкуса не до-
азываютъ его совершенства. Греческіе ху-
ожники, по упадкѣ искусствъ въ своемъ
течествѣ, стекались подъ гостепріимный,
адежный кровъ при Дворѣ Птоломеевъ. Въ
овомъ своемъ отечествѣ они обработывали
азличныя идеи Египтянъ, въ особенности
тносящіяся до ихъ богослуженія, и подра-
али ихъ стилю не потому что почитали
го изящнымъ и образцовымъ, но поелику
его требовали политическія обстоятельства
тогдашняго времени. Чтожъ касается до
имлянъ, то ихъ подражанія Египетскому
тилю въ искусствахъ относятся большею
астію ко времени царствованія Императора
дріана, хотя есть слѣды существованія
его вкуса и при Императорахъ прежде быв-
шихъ. Адріанъ, при отличныхъ своихъ позна-
іяхъ и любви къ искусствамъ, былъ Госу-
арь суевѣрный, которой, кажется, болѣе
сѣхъ своихъ предшественниковъ содѣйство-
алъ распространенію между Римлянами Еги-
етскаго богопочитанія. Построенный имъ
анопусъ, храмъ въ Виллѣ Тибуртинской,
оторой весь наполненъ былъ статуями бо-
овъ Египетскихъ, представленныхъ большею

частію въ древнемъ вкусѣ Египтянъ, вѣроятно трудами Греческихъ ваятелей, все доказываетъ его личную привязанность к сему роду художественныхъ произведеній. Можетъ статься и то, что сей Императоръ, какъ любитель и знатокъ искусствъ образовательныхъ, хотѣлъ привесть ихъ къ первымъ началамъ, очистить отъ всѣхъ постороннихъ прикрасъ, которыя въ его время стали отчасу болѣе замѣнять истинную красоту, и, какъ замѣчаетъ безсмертный Винкельманъ, начавши съ вѣрнаго подражанія древнему стилю Египетскому и постепенно соединяя его со стилемъ Греческимъ, желалъ видѣть, до какой степени могли бы возвыситься искусства у Египтянъ, если бы законы ихъ не полагали сему преграды. Все сіе, какъ видно, служитъ единственно доказательствомъ тому, что Греки и Римляне смотрѣли на художественныя произведенія Египтянъ какъ на первые начатки искусствъ, которымъ подражали они, или имѣя въ виду побудительныя причины политическія, или для разнообразія, или изъ любопытства и естественной охоты обращаться къ грубой и необразованной природѣ, какъ поступаемъ мы, когда, насладившись созерцаніемъ порядка и правильной красоты въ обширныхъ городахъ, любимъ смотрѣть на голыя скалы, дикіе лѣса и пустыни. Но надлежитъ помнить, что ...

ремѣняемъ сцену зрѣлища только для того, чтобы дать отдыхъ нашему взору, утомленному однообразіемъ, и послѣ съ новою любовью возвратиться къ предметамъ истинно изящнымъ. — Новѣйшіе художники, конечно, не суть сами творцы красотъ оригинальныхъ; они не работаютъ по своему собственному идеалу, а образуютъ свой вкусъ по оставшимся памятникамъ отъ народовъ древнихъ: судьба предназначила ихъ быть учениками великихъ мастеровъ древности; но художникъ-подражатель никогда не долженъ быть рабомъ, не обязанъ слѣпо признавать своими образцами все, что было сдѣлано за многія столѣтія прежде. Съ памятниками древности онъ долженъ поступать такъ же; какъ первые художники поступали въ отношеніи къ Природѣ, — избирать и творить. Намѣреніе художника не должно ограничиваться тѣмъ, чтобы на минуту развлечь вниманіе и позабавить зрителя; цѣль его есть всегда высокая, благородная, имѣющая тѣсную связь съ благими видами попечительнаго правительства. Вселять любовь къ порядку и добродѣтели, ненависть къ пороку, склонность ко всему полезному, — вотъ достойное намѣреніе честнаго человѣка, принимающагося за перо, кисть, или рѣзецъ. Дѣло художника прославить, предать вѣчности знаменитые и великіе подвиги; возвеличить страждущую добродѣтель въ посрамле-

ніи, посрамить счастливый порокъ въ торжествѣ. И ваятелю и живописцу свойственно искать почетнаго мѣста въ ряду учителей рода человѣческаго, утѣшителей въ бѣдствіяхъ жизни; и тотъ и другой долженъ помнить, что

> Segnius irritant animos demissa per aurem,
> Quam quae sunt oculis subjecta fidelibus
> et quae
> Ipse sibi tradit spectator.

Съ нѣмыми лицами ихъ бесѣдуютъ, какъ съ живыми и красорѣчивыми людьми.

Теперь спрашивается: достигли ль сей высокой цѣли художники Египетскіе? По крайней мѣрѣ въ отношеніи къ намъ отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Изъ всего мною вышесказаннаго объ отличительныхъ свойствахъ памятниковъ Египетскихъ и о томъ, чего имъ недостаетъ, кажется, довольно видно, почему художественныя произведенія Египтянъ не достигли общей цѣли искусствъ изящныхъ, т. е. дѣйствовать во всякое время на воображеніе и чувствительность человѣка, и слѣдственно почему не могутъ онѣ въ семъ отношеніи служить образцами для новѣйшихъ художниковъ. Теперь скажемъ, по какой причинѣ сіи послѣдніе не должны также подражать идеаламъ статуй Египетскихъ, какъ они подражаютъ Греческимъ.

Египтяне, или лучше сказать ихъ жрецы, бывшіе въ одно время и служителями вѣры и, по вліянію своему на умы людей, первѣйшими правителями Государства, изъ политическихъ видовъ, какъ извѣстно, облекали всю мудрость и все свое ученіе о религіи въ таинственную одежду, непроницаемую для глазъ простаго народа. Они учили соотечественниковъ своей миѳологіи, творили для нихъ новые предметы обожанія и строго повелѣвали художникамъ представлять отечественныхъ боговъ, ихъ служителей и царей въ томъ видѣ и съ тѣми только аттрибутами, какіе сами они для нихъ вымышляли. Необходимымъ сего послѣдствіемъ долженствовало быть то, что художники, составлявшіе по Египетскимъ законамъ послѣдній, а можетъ статься и презрѣнный классъ гражданъ, будучи виновниками своихъ чудесныхъ твореній, сами не понимали большей части оныхъ смысла и назначенія, которыя заключались въ таинственныхъ іероглифахъ, начертанныхъ на подножіи, или на столбахъ статуй, и бывшихъ понятными для однихъ жрецовъ. Если это такъ, то мы, отдѣленные отъ нихъ великимъ пространствомъ времени, не имѣя достовѣрныхъ свѣдѣній о всемъ, что принадлежитъ до древняго Египта, можемъ ли въ полуразрушенныхъ памятникахъ читать таинства его религіи, знаменитыя происшествія,

великіе подвиги его Царей и героевъ? можетъ ли плѣняться какою-либо счастливою мыслію художника, еслибъ она и заключалась въ его твореніи, еслибъ онъ и умѣлъ выразить ее въ составѣ, положеніи и аттрибутахъ своей фигуры, а слѣдственно можемъ ли желать, чтобы наши новѣйшіе художники подражали тому, чего ни они сами, никто изъ теперешнихъ, ниже изъ грядущихъ зрителей вѣроятно понять не будутъ въ состояніи? . . . Какое, на примѣръ, впечатлѣніе сдѣлалъ бы въ наше время художникъ въ своихъ зрителяхъ, если бы представилъ имъ фигуру съ головой звѣря, или даже человѣка, но на лицѣ которой едва примѣтенъ образъ человѣческій, съ ловушкой и сѣткою въ рукахъ (*), съ рогами и кругамъ на головѣ, въ положеніи бездѣйственномъ и мертвомъ (**)? Зрители ужаснулись бы при одномъ взглядѣ на такое безобразіе, и вѣрно, не дожидаясь отъ творца онаго Археологическихъ объясненій объ идеалѣ Египетской Изиды, осыпали бы его насмѣшками и укоризнами. Не такъ смотрятъ они на божество величественнаго и спокойнаго вида, увѣнчанное класами, держащее въ рукахъ снопъ, или рогъ изобилія: здѣсь все просто, понятно для ума каждаго зрителя. Сверхъ того отъ Грековъ осталось намъ до-

(*) Rec. d'Ant. par Caylus T. I, таб. VI, фиг. 1.
(**) Тамъ же таб. V, ф. 1.

стовѣрная Исторія и Миѳологія, къ которымъ артистъ во всякомъ сомнительномъ случаѣ можетъ прибѣгать для объясненія смысла ихъ художественныхъ произведеній; напротивъ отъ Египтянъ мы не имѣемъ никакихъ писменъ, которыя служили бы истолкованіемъ таинственнаго ученія ихъ жрецовъ, а догадки и предположенія позднѣйшихъ Греческихъ писателей касательно Миѳологіи и Религіи Египтянъ не могутъ разсѣять мрака неизвѣстности, покрывающаго древнѣйшее бытіе сего народа. — Для когожъ могутъ быть занимательны художественныя произведенія Египтянъ? Опять скажу для Историка, который, не смотря на всю непроницаемость временъ и не рѣдко на самую безполезность своихъ усилій, старается посредствомъ нѣмыхъ памятниковъ объяснить темныя мѣста въ бытописаніи народа, для Археолога, какъ уцѣлѣвшіе остатки искусствъ глубокой древности, для любителя рѣдкостей, согласенъ; но отнюдь не для человѣка съ здравымъ только смысломъ — и не болѣе. Для сего послѣдняго недовольно, что художникъ хотѣлъ представить такую-то вещь, такое-то дѣйствіе; онъ требуетъ, чтобъ его мысль была правильна, ясна, основательна, и чтобы ее тотчасъ можно было отгадать безъ ошибки. Обыкновенный зритель приходитъ смотрѣть на статую, какъ на произведеніе изящнаго искусства, которое

должно образовать его вкусъ, возвышать умъ и плѣнять воображеніе, а совсѣмъ не имѣетъ надобности наблюдать ее глазами Академическаго ученика.

Скажемъ наконецъ, что прочность и механическая отдѣлка нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній Египетскихъ заслуживаютъ подражаніе; но Греки, наши учители во всѣхъ искусствахъ, и въ сей части если не превосходятъ, то по крайней мѣрѣ не уступаютъ Египтянамъ, и потому ихъ памятники искусствъ, по всѣмъ отношеніямъ, суть единственные, изъ которыхъ новѣйшіе художники могутъ научаться правиламъ здраваго вкуса, и которые достойны всегда служить для нихъ образцами истинно изящнаго.

Улановъ.

Плаваніе отъ Каліари до Мессины.

(Въ 1806 году.)

Въ полдень 7 Января, оставя Каліари, мы обогнули мысъ Карбонаро и миновали опасный камень, находящійся подъ водою, въ глубинѣ на 20 футовъ. — Малые суда въ тихое время проходятъ чрезъ его безопасно; но при волненіи многіе на немъ погибли. — Переходъ до Мессины былъ самый пріятный, время стояло

прекрасное, тихій вѣтръ едва двигалъ корабли и море чуть пестрѣло. 8 Января открылся островъ Сицилія; немного послѣ, показались острова Липарскіе. — Сицилія представляетъ очамъ высокія горы, постепенно въ видѣ амфитеатра восходящія; лѣса покрываютъ ихъ отъ подошвы до вершины. Видъ Липарскихъ островъ еще живописнѣе. Хотя они волканическаго свойства, но покрыты зеленью и плодовитыми рощами, и гордо возвышаются изъ волнъ моря. Тихо и близко мы плыли мимо сихъ Гесперидскихъ садовъ, „гдѣ взоръ не на„ходитъ отдохновенія, а вкусъ услаждается „нѣжнѣйшими плодами.“ Небольшія селенія, на скалистомъ прибрежіи расположенныя, глядѣлись въ свѣтлое зеркало водъ и лучи солнца, отражая земные предметы, рисовали ихъ на морѣ, коего сребристая поверхность представляла намъ на каждомъ шагу новыя картины. — Острова сіи окружены подводными камнями; одни изрыгаемые подземнымъ огнемъ подымаются со дна моря, другіе исчезаютъ и покрываются водою; нѣкоторые изъ нихъ, по причинѣ угаснихъ или еще горящихъ сопокъ, какъ то *Волкано* и *Стромболи*, необитаемы. Волканической пепелъ дѣлаетъ почву ихъ столь плодоносною, что плоды достигаютъ здѣсь послѣдней степени совершенства. *Малвазія де Липари*, споритъ въ славѣ съ *Лагриме Кристи* (слезы Христовы). Кромѣ сего вина и множества

всякаго рода плодовъ, особенно финиковъ, собирается на сихъ островахъ большое количество сѣры, купоросу, лавы и пемзы.

10го Января ночью имѣли мы особенное удовольствіе видѣть изверженіе *Стромболи.* Днемъ огнедышущая гора казалась спокойною — одинъ дымъ покрывалъ ея вершину; ночью же казалась обьятая пламенемъ — зрѣлище совершенно новое для глазъ нашихъ. Благое Провидѣніе, поставивъ *Стромболи* посреди моря, на прямой линіи между *Везувія* и *Етны*, вѣчнымъ ея изверженіемъ облегчаетъ земную утробу отъ горючихъ веществъ, которыя, скопившись у послѣднихъ двухъ огнедышущихъ горъ, могли бы произвесть ужасное землетрясеніе въ Италіи и Сициліи. Изверженія возобновляются чрезъ каждыя 10 минутъ; они показываются въ видѣ яркихъ молній, съ ужаснымъ стремленіемъ вырывающихся изъ жерла; пламя, постепенно увеличиваясь, образуетъ огненный столбъ, которой расширяясь производитъ громъ, подобный треску падающаго зданія; ночная темнота, освѣщенная симъ природнымъ маякомъ, показывала ужасное и вмѣстѣ восхитительное явленіе. Блескъ волкана, отражаясь на облакахъ, изображалъ на нихъ разноцвѣтныя росписныя радуги: червлецъ, яркій пурпуръ, лазурь съ тончайшими оттѣнками, коими украшалось небо, представляли намъ корабли и близь лежащіе острова горящими, и

прекрасное зарево играло на отдаленныхъ берегахъ Калабріи. Въ молчаніи взирали мы на сіе явленіе Природы; клокотаніе, подземный громъ, шумъ, трескъ, чему иному, какъ не гнѣву Божію уподобить можно! При видѣ изверженія конечно и самый закоснѣлый безбожникъ убѣдился бы, сколь всемогущъ Богъ и Творецъ нашъ.

11. Января при свѣжемъ утреннемъ вѣтеркѣ ескадра входила въ проливъ, отъ жителей *Фаро де Мессина* называемый. Опасности Сциллы и Харибды, столько устрашавшія древнихъ, были для насъ ни мало не страшны. При младенчествѣ мореплаванія, при несовершенствѣ строенія древнихъ кораблей, онѣ были ужасны; нынѣ же для нашихъ кораблей ето незначущій водоворотъ. Пучины сіи происходятъ отъ двухъ сильныхъ теченій. — Первая, называемая *Сцилла*, идетъ отъ юга на сѣверъ вдоль берега Калабріи; вторая, *Харибда*, по тому же направленію стремится вдоль берега Сициліи; теченія сіи, сходясь въ узкомъ проливѣ, шириною на $2\frac{1}{2}$ версты, и иногда удерживаемыя напоромъ воды съ моря отъ сѣвера, производятъ тотъ неправильной водоворотъ, которой вошедшіе въ проливъ при нечаянно стихшемъ вѣтрѣ корабли, по невозможности стать на якорь на большой глубинѣ (*),

(*) 100, 150 и 200 саженъ.

бросаетъ на берегъ Калебріи или на песчаную косу, гдѣ стоитъ маякъ Фаро. Въ тихое время проливъ волнуется, такъ сказать, и кипитъ. Сіе происходитъ отъ давленія воды, не имѣющей достаточнаго мѣста для распространенія. — Пучина не имѣетъ правильнаго прилива и отлива; оныя дѣйствуютъ иногда напротивъ обыкновеннаго ея теченія на сѣверъ, и, кромѣ бурной погоды, смѣняются чрезъ каждые четыре часа, но въ Мессинѣ бываютъ нечувствительны. — Благоразуміе требуетъ, при входѣ въ проливъ брать лоцмановъ, которые по долговременнымъ опытамъ знаютъ направленія сихъ непонятныхъ теченій, и въ случаѣ несчастія, происшедшаго отъ ихъ неосторожности, отвѣчаютъ жизнію.

Видъ Мессинскаго пролива очарователенъ! Корабль плыветъ между садовъ, и такъ близко, что будто оныхъ касается; съ лѣвой стороны у Реджіо представляется низкій берегъ, отъ моря ровнымъ скатомъ примыкающій къ коническимъ, пирамидальнымъ, круглымъ и разныхъ видовъ горамъ, наваленнымъ одна на другую; верхи ихъ бѣлѣютъ снѣгомъ, а скаты и долины покрыты вѣчно зеленымъ лѣсомъ. Маленькій Гибралтаръ, крѣпость Сцилла, прилѣпленная на верхушкѣ дикой скалы, виситъ надъ самою пучиной. На сѣверъ отъ нее, отвѣсный берегъ являетъ вео-

ру гранитную стѣну (на правой сторонѣ); низкая песчаная коса, на оконечности которой стоитъ прекрасной маякъ Фаро, кажется тонетъ, погибаетъ въ шумящей вокругъ нея пучинѣ. — Отъ Фаро къ Мессинѣ по набережной померанцовыя, апельсинныя и лимонныя аллеи заключаютъ бирюзовую зелень различныхъ овощей. — Еще далѣе внутрь острова — невысокія горы постепенно восходятъ лѣстничными уступами; верхи ихъ остры, бока срѣзаны, и какъ бы нарочно обдѣланы искусною рукою. — Горы сіи покрыты масличными, фиговыми, миндальными и миртовыми лѣсами. Далѣе у морскаго берега обширная Мессина съ прекрасною гаванью внизу, съ замкомъ надъ собою, съ зубчатыми, полуразвалившимися вокругъ стѣнами, подобно Іерусалиму стоя на нѣсколькихъ горахъ, занимая скаты ихъ амфитеатромъ прекрасныхъ зданій, красуясь готическимъ зодчествомъ церквей, коихъ прекрасные куполы, вмѣстѣ съ мачтами кораблей стоящихъ въ пристани, входящихъ и уходящихъ въ море, — составляетъ для взора прекрасную картину, какъ бы нарочно въ саду повѣшенную. Посреди густой, вѣчной зелени вдали синѣетъ колоссальная Етна; лучи солнца, заимствуя новый блескъ отъ снѣжной ея вершины, играли многоразличными огнями; отъ жерла ея прямый столпъ дыма взвивался превыше облаковъ. Она те-

перь дремлетъ и отдыхаетъ; можетъ быть, думалъ я, въ сіе время собравъ новыя силы, грянетъ, истребитъ окрестности и поглотитъ тысячи несчастныхъ жителей.

Громъ пушекъ возвѣстилъ наше приближеніе къ Мессинѣ. Не болѣе какъ въ 30 саженяхъ отъ берега на всѣхъ парусахъ летѣли корабли въ слѣдъ за своимъ Адмираломъ. — Огромный оркестръ духовой музыки, сопровождаемый нѣсколькими выстрѣлами съ корабля Ярослава, отвѣчалъ на привѣтствія кораблей ескадры Грейга и Сорокина, возвращавшихся изъ Неаполя. — Бриггъ Аргусъ, отставшій у Санъ-Винцента, и которой мы почитали потеряннымъ, ибо въ Гибралтарѣ были слухи, что Испанцы взяли его въ плѣнъ, сверхъ чаянія стоялъ въ гавани. — Красной флагъ былъ причиною, что по немъ Испанскія канонерскія лодки сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ; но когда перемѣнили оный бѣлымъ, Испанскій капитанъ извинился, что онъ третей дивизіи нашъ флагъ счелъ за Англійскій, и потомъ не позволивъ бригу зайти въ Гибралтаръ, выпроводилъ его изъ пролива. Лишь только вошли мы въ ворота гавани и бросили два якоря на сѣверъ и югъ, тотчасъ толстыми канатами привязали корабль къ самой набережной.

В. Броневскій.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Взглядъ на исторію острова Сенъ-Доминго.

(Продолженіе.)

Возвратимся теперь къ Десалину. Сей Негръ, сдѣлавшись главнымъ начальникомъ въ западныхъ и южныхъ департаментахъ, избралъ Портъ-о-Пренсъ мѣстомъ своего пребыванія. Онъ имѣлъ особенное препорученіе всѣми способами содѣйствовать гордымъ замысламъ Туссена-Лувертюра, который, одержавши верхъ надъ Англичанами, явно уже стремился къ присвоенію себѣ надо всѣмъ островомъ неограниченной власти. Такимъ образомъ Дессалинъ, видя обширное поле для своихъ дѣйствій и совершенно полагаясь на сильную помощь Т. Лувертюра, болѣе уже не скрывалъ дикаго своего характера, и показалъ во всемъ пространствѣ неукротимую ненависть свою къ бѣлымъ. Его окружали мучители, готовые дѣйствовать по каждому его мановенію, и одно уже подозрѣніе было приговоромъ смерти для бѣлыхъ. Въ случаѣ

недостатка благовидныхъ причинъ, неоспоримымъ противъ нихъ доводомъ служило мнимое ихъ отвращеніе отъ той мысли, что черные во всемъ равны бѣлымъ. Способъ опредѣлять казнь симъ послѣднимъ обыкновенно былъ слѣдующій: велѣвъ притащить несчастныхъ передъ себя, Дессалинъ предлагалъ имъ на варварскомъ языкѣ нѣкоторые вопросы, часто вовсе для нихъ невразумительные, доставалъ изъ кармана свою табакерку, и удареніе по ней служило знакомъ, по которому исполнители мгновенно бросались на свои жертвы, разсѣкали ихъ на части, или разстрѣливали.

Всегда жадный крови человѣческой, онъ проливалъ ее изъ соучастниковъ своихъ въ лютости, когда не могъ лить крови бѣлыхъ. Дессалинъ самъ становился палачемъ и съ холоднымъ равнодушіемъ умерщвлялъ своихъ клевретовъ, когда они казались ему неисправными въ своей должности; обагренный кровію приближенныхъ, выходилъ онъ давать аудіенцію тѣмъ, которые имѣли до него нужду. Сверхъ начальства надъ упомянутыми выше департаментами, Т. Луветюръ еще поручилъ ему и надзоръ надъ землепашествомъ въ цѣлой колоніи, и тѣмъ самымъ подчинилъ самопроизвольной власти изверга всѣхъ безъ изъятія жителей сего несчастнаго острова. Отправляя новую сію должность, и всегда

имѣя при себѣ до шестидесяти мучителей, варваръ невзначай нападалъ на деревни, и предавалъ смерти всѣхъ тѣхъ, которыхъ не находилъ на пашнѣ за работой. Если не нравился ему какой-либо сельской староста, онъ избиралъ на мѣсто его другаго; давалъ новому начальнику словесное наставленіе и подвергалъ его жестокому опыту: всякой вновь избранной староста долженъ былъ вытерпѣть множество ударовъ, которыми потчивали его палачи Дессалиновой свиты. Ежели несчастный падалъ на землю подъ ударами, — его объявляли неспособнымъ; если же удачно выдерживалъ испытаніе, въ такомъ случаѣ Дессалинъ утверждалъ его въ новомъ званіи, и объявлялъ въ добавокъ, что немедленно будетъ разстрѣлянъ, лишь только въ чемъ-либо провинится. Подъ игомъ сихъ жестокостей должны были страдать самые тѣ Негры, которые отважились на многія злодѣйства и пролили рѣки крови человѣческой, для того чтобы избавиться отъ господства бѣлыхъ.

Во время начавшейся потомъ войны между Т. Лувертюромъ и начальникомъ Мулатовъ, Ригодомъ, о которой было уже упомянуто выше, Дессалинъ, желая отмстить за причиненныя благодѣтелю своему оскорбленія и вмѣстѣ пріобрѣсти право на новыя его

милости, приказалъ всѣхъ *цвѣтныхъ* (*) людей безъ изъятія, находящихся въ Говевѣ, Сенъ-Маркѣ, Портъ-о-Пренсѣ, захватить въ полонъ подъ тѣмъ предлогомъ, яко бы они были въ согласіи съ Мулаттами Ригода, и безчеловѣчно потопилъ ихъ, числомъ до осмнадцати тысячь. Вступивши въ Кайесъ, уже по отплытіи Ригода, онъ приказалъ объявить о намѣреніи своемъ обучать военнымъ дѣйствіямъ всѣхъ женщинъ, безъ различія возраста и цвѣта. И когда устрашенныя женщины маршировали рядами передъ извергомъ, онъ съ тростью въ рукѣ нападалъ особливо на бѣлыхъ, мучилъ безъ милосердія и многихъ убивалъ на мѣстѣ. Злодѣй разчитывалъ, что сими жестокостями побудитъ бѣлыхъ къ бунту, и слѣдственно получитъ поводъ къ убійствамъ; но ужасъ овладѣлъ всѣми: никто не дерзнулъ возвысить голоса. Такимъ образомъ городъ на сей разъ избавился отъ всеобщаго побоища.

Когда Т. Лувертюръ одолѣніемъ Ригода, успѣшнымъ окончаніемъ распрей своихъ съ Французскими Коммиссарами, а особливо изданіемъ конституціи для острова Сенъ-Доминго (28 Іюня 1801), — оставившей только для вида нѣкоторыя отношенія къ отечественному государству и назначившей его же по-

(*) De couleur. Такъ называются Мулатты и Креолы.

жизненнымъ намѣстникомъ всей колоніи — утвердилъ свое господство; въ то время и Дессалинъ не позабылъ пристроить себя самымъ прочнымъ образомъ. Немогши еще надѣяться достигнуть первой степени, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ удалить всѣ препятства, ведущія ко второму мѣсту. А какъ одинъ только Генералъ Моизъ, племянникъ Т. Лувертюра, могъ быть его совмѣстникомъ; то онъ и вздумалъ отъ него освободиться, и прекрасно успѣлъ въ своемъ предпріятіи: подъ предлогомъ заговора противъ Сенъ-Домингскаго правительства, Генералъ Моизъ осужденъ на смерть и разстрѣлянъ. Скоро потомъ Т. Лувертюръ обнародовалъ, что кромѣ Дессалина, оказавшаго великія заслуги, впредь никто другой не будетъ дивизіоннымъ Генераломъ въ колоніи.

Но уже близка была година отмщенія. Продолжительная война въ Европѣ, а особливо могущество Англійскаго флота недозволяли Французскому правительству отправить къ острову Сенъ-Доминго войско, для возстановленія тамъ порядка. Наконецъ заключенный въ Люневилѣ трактатъ и предварительныя статьи Амьенскаго договора (подписанныя въ Лондонѣ 1 Октября 1801 г.) дали возможность Франціи позаботиться и о колоніяхъ. Въ слѣдствіе сего Первый Консулъ отправилъ въ Сенъ-Доминго ескадру,

подъ начальствомъ Генерала Леклерка, съ 25,000 человѣкъ войска (*).

Поелику Генералъ Христофъ, во время прибытія ескадры сей къ острову, игралъ весьма значительную ролю; то неизлишнимъ почитается предложить о немъ особое извѣстіе.

Сей предводитель Негровъ началъ въ военномъ ремеслѣ упражняться подъ начальствомъ Біассона, и успѣлъ отличить себя въ етой школѣ злодѣйствъ и кровопролитія. Когда еще Французскіе Коммиссары, объявивъ мятежнымъ Неграмъ (въ 1794 г.) неограниченное прощеніе, совершенную свободу, участіе во всѣхъ правахъ наровнѣ съ гражданами Французскими, призывали ихъ подъ свои знамена; въ то самое время Христофъ, съ тремя тысячами Негровъ ворвавшися въ Капъ и учинивши въ немъ жестокое надъ бѣлыми побоище, довершилъ подвигъ свой сожженіемъ города. Посредствомъ гнусныхъ поступковъ и злодѣяній удалось ему сдѣлаться тайнымъ агентомъ Т. Лувертюра. Ему ввѣрено было начальство въ окрестностяхъ города Капа въ то самое время, когда получено извѣстіе объ отправленной къ острову Французской ескадрѣ. Хитрый и жестокій Христофъ показывалъ, будто прини-

(*) Въ числѣ ихъ находилось до 5,000 Поляковъ, составлявшихъ особой корпусъ.

маетъ участіе въ радости жителей; увѣрялъ, что ему весьма пріятно будетъ встрѣтить Французовъ дружески и угощать ихъ пирами.

Ескадра Генерала Леклерка показалась передъ островомъ 3 го Февраля 1802, и радость Христофа по видимому удвоилась; но это было одно только притворство, ибо онъ дѣлалъ приготовленія къ отпору. Присланный на островъ адъютантъ Адмиральскій съ бумагами отъ Французскаго правительства и отъ Генерала Леклерка встрѣченъ былъ отъ Христофа насмѣшками. Сей начальникъ Негровъ объявилъ, что признаетъ власть Французскаго правительства и обязанъ ей повиноваться; между тѣмъ приказалъ немедленно запасти крѣпость пушечными ядрами. Тогда печаль овладѣла всѣми въ городѣ, и сколько ни были прикрываемы благовидными причинами сіи враждебные поступки, но каждой видѣлъ въ нихъ явное неповиновеніе отечественному государству. Ввечеру сказалъ Христофъ рѣшительно, что ескадра впущена небудетъ, и не только отрекся распространять присланныя прокламаціи, но началъ разсѣвать еще совершенно противныя имъ извѣстія, говоря, что прокламаціи наполнены старыми выраженіями, что онѣ дышатъ тиранією и деспотизмомъ. Христофъ много прибавлялъ лишняго; исторія однакожъ неможетъ умолчать того обстоятельства, что

тогдашнее правительство Французское определило неуничтожать вовсе невольничества въ колоніяхъ. Хотя сей замыселъ его не былъ ясно выраженъ въ прокламаціи; несмотря на то, истинный смыслъ ея, при всей хитрости дипломатики, неукрылся отъ проницательности Христофа. Онъ отправился въ казармы; говорилъ солдатамъ, что хотятъ лишить ихъ свободы, и велѣлъ имъ присягнуть въ томъ, что каждый будетъ защищать ее до послѣдней капли крови.

Того же дня въ девятомъ часу вечера раздался стукъ барабановъ: били походъ. Многіе изъ встревоженныхъ жителей устремились къ ратушѣ; собранный совѣтъ по зрѣломъ разсужденіи опредѣлилъ подать Генералу Христофу просьбу, въ которой помѣстить надлежало нѣкоторыя, соотвѣтствующія обстоятельствамъ, политическія замѣчанія, и представить ему, какія произойти могутъ бѣдствія для города Капа, если онъ остается при своемъ намѣреніи. Жестокій Негръ сказалъ имъ въ отвѣтъ, что онъ солдатъ, что одного Т. Луверптюра признаётъ единственнымъ своимъ начальникомъ, которому имѣетъ обязанность безпрекословно повиноваться, и что наконецъ если Французы вздумаютъ выдти на берегъ, то прежде провалится земля, нежели ескадра ихъ станетъ на якорѣ.

На разсвѣтѣ Февраля 5 го, совѣтъ городской надѣясь еще смягчить сіе каменное сердце, велѣлъ собраться множеству стариковъ, женщинъ и младенцевъ, идти всѣмъ къ Генералу и со слезами молить его, чтобъ отклонилъ опасности, грозящія отечеству. Раздраженный стонами и рыданіями варваръ приказалъ гвардіи своей разогнать несчастныхъ. Въ полдень узнали, что Христофъ велѣлъ раздать солдатамъ своимъ большое количество фитилей для зажиганія города по первому выстрѣлу изъ пушки. Такія приготовленія непредвѣщали жителямъ ничего добраго:- очень многіе изъ нихъ покинули свои домы, и искали себѣ спасенія подъ открытымъ небомъ.

Въ шестомъ часу вечера загремѣли пушечные выстрѣлы съ крѣпости, и Негры подъ предводительствомъ Христофа бросились къ берегу моря. Зажигательство началось съ домовъ купеческихъ; конторы адмиральская и контрольная, больщая церковь, казармы, хранилище оружія, казенный магазейнъ, архивъ съ важными документами на права и имущества многихъ гражданъ — все въ короткое время содѣлалось добычею пламени. Непощажена даже богадѣльна, сіе убѣжище убогой дряхлости, сиротства и недуга: три раза пытались зажигатели подкладывать огонь подъ сей памятникъ чело-

вѣколюбія, и только скорая помощь успѣла сберечь его для отрады бѣднымъ.

Распространившійся пожаръ въ одиннадцатомъ часу ночью принуждалъ жителей искать безопаснаго убѣжища, а вопли женщинъ и дѣтей ускорили сію минуту. Волѣе тысячи фамилій вмѣстѣ съ членами городскаго совѣта вышло изъ города, пробравшись сквозь густоту дыма и пылающія развалины. Лишь только звѣронравный Христофъ узналъ, что многолюдная толпа сихъ несчастныхъ отправилась по дорогѣ къ утесистой горѣ Вижи, вдругъ послалъ Негра Игнаса къ членамъ городскаго совѣта съ приказаніемъ немедленно воротиться къ городу Капу. Намѣреніе его было, въ случаѣ высадки войскъ Французскихъ, самому занять оное возвышенное мѣсто, а бѣдныхъ жителей лишить всякаго пристанища, или даже предать всѣхъ ихъ смерти. Къ счастію, безчеловѣчный умыселъ былъ предусмотрѣнъ, и члены совѣта непослушались приказанія, нѣсколько разъ съ ужасными угрозами повтореннаго. Привязанность къ жизни, родительская нѣжность, любовь супружеская, наконецъ страхъ удвоили въ каждомъ силу, и всѣ охотно карабкались на Вижу по скаламъ, висящимъ надъ пропастями.

Съ вершины горы усмотрѣли они эскадру и ея движенія. Надежда снова ожившлась

въ сердцахъ бѣдныхъ жителей Капскихъ: съ нетерпѣніемъ дожидались они высадки, условившись немедленно сойти съ горы на встрѣчу своимъ избавителямъ. Но Христофъ опять, уже въ четвертой разъ, прислалъ Негра Игнаса съ военною командою и съ препорученіемъ согнать несчастныхъ бѣглецовъ съ горы, препроводить ихъ къ городу Капу, а двѣ хижины на горѣ Вижи истребить пламенемъ. Ни прозьбы, ни слезы, ни денежные посулы не помогли бѣднымъ; надлежало повиноваться.

Исполняя волю варвара, совѣтъ принялъ однакожъ тайное намѣреніе въ походѣ своемъ соображаться съ движеніями ескадры, которая въ самое то время при благопріятномъ вѣтрѣ приближалась къ берегу; а изнеможеніе и худыя дороги нѣкоторымъ образомъ извиняли медленность шествія Капскихъ жителей. На конецъ Небо услышало мольбы несчастныхъ жертвъ безчеловѣчія; весь караванъ пришелъ въ селеніе Еспань въ самое то время, когда *Французы сходили на берегъ* острова. Возникшій безпорядокъ въ караванѣ заставилъ Игнаса удалиться, и несчастные жители Капа опрометью побѣжали къ берегу, чтобы какъ можно скорѣе обнять друзей своихъ, низпосланныхъ Небомъ для ихъ спасенія.

Таковы были поступки варвара Христофа во время сожженія Капа. Не одинъ разъ еще будемъ имѣть случай говорить о семъ Негрѣ, котораго глубокое притворство успѣло на часъ обольстить Французовъ и котораго жестокости едва ли есть подобные примѣры.

(Продолж. въ слѣд. книжкѣ.)

IV. СМѢСЬ.

Мысли, характеры и портреты.

Евсей прожилъ великое имѣніе и доживаетъ вѣкъ свой въ бѣдности отъ того, что во всю *богатую жизнь* свою былъ для знатныхъ людей ресторатором.

*

Къ чему намъ служитъ увѣренность въ бытіи Бога, въ безсмертіи души, въ будущей жизни, въ наградѣ и наказаніи, ежели мы не имѣемъ правилъ нравственности, не чтимъ и неуважаемъ добродѣтелей?

*

Чѣмъ ничтожнѣе человѣкъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ самолюбіе.

*

Дурной Сочинитель, дурной Поэтъ; какъ бы они дурны ни были, все еще гораздо лучше просто дурнаго человѣка; — ссылаюсь на совѣсть каждаго, ее имѣющаго.

*

Кого дарятъ многіе наперерывъ, тотъ вѣрно или богатъ, или знатенъ. Любитъ ли онъ книги, — для него выискиваются въ подарокъ лучшія и рѣдкія изданія; охотникъ ли до картинъ, до естамповъ, — отъ времени до времени видите у него новую картину, новый естампъ, которые подарены ему. Тамъ новая бронза, здѣсь новый фарфоръ, въ одномъ мѣстѣ горшки съ цвѣтами, въ другомъ деревья съ фруктами — непрерывная цѣпь подарковъ. Между тѣмъ никто не вздумаетъ *снабжать* бѣднаго, хотя бы и знали, на примѣръ, объ изящныхъ вкусахъ его; никто не потѣшитъ его ни книгой, ни картиной, ни цвѣтами, ни . . . ничѣмъ. Таковъ разчетъ, или можетъ быть, справедливѣе сказать, *побужденіе* ничтожнаго нашего самолюбія!

*

Самая ужасная потеря въ жизни нашей есть потеря уваженія къ самому себѣ.

*

Систему евдемонизма или егоизма едва ли можно назвать *системою*: онъ принадлежитъ не къ уму, составляющему системы, а къ чувству, врожденному всѣмъ живымъ существамъ. Воспитаніе только *образуетъ*

его, и . . : важная услуга для рода человѣческаго!

*

Разуму для того не должно никогда оставаться въ сомнѣніи, чтобы онъ непреклонилъ и воли повиноваться гласу страстей, гласу самолюбія. — Такъ или почти такъ сказано въ одномъ изящномъ *разсужденіи* Русскаго Профессора.

*

Многія услуги, одолженія, благодѣянія были бы отвергнуты нами, если бы мы знали напередъ, въ какую онѣ поставятся цѣну и чего будутъ стоить намъ.

*

Человѣка высокихъ мыслей о себѣ и посредственныхъ объ васъ можно видѣть потому, что когда онъ окажетъ вамъ честь своимъ посѣщеніемъ, то незамедлитъ встать и разсматривать картины на стѣнахъ вашихъ.

*

Мы часто удивляемся, что *гордый* человѣкъ нестыдится дѣлать того и того. Но кто стыдится *воли своей?* — *Я хочу*: — вотъ несокрушимый егидъ противъ разсудка, противъ чувства и противъ людскаго мнѣнія. .

*

Не многіе знаютъ цѣну искренности и простаго, откровеннаго обхожденія; потому что не многіе имѣютъ такую вѣрную раз-

борчивость, отъ которой не укрылась бы тонкая черта мысли и выраженія относительно вѣжливости и учтивства.

*

Не напрасно говорится о сочиненіяхъ и переводахъ: *мои труды — ваши труды*; ибо въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего *труднѣе* какъ сочинять и переводить — разумѣется, хорошо.

*

Нѣтъ ничего — въ иныхъ случаяхъ печальнѣе, а въ другихъ — забавнѣе самолюбія человѣческаго. Харитонъ любитъ книги и судитъ ихъ довольно строго. Но какъ скоро увидитъ въ предувѣдомленіи слово *Читатель* съ крупною буквою *черезъ*, то начинаетъ оказывать благорасположеніе свое къ сочиненію, и наконецъ рѣшительно хвалитъ его, хотя бы оно было очень дурно! . . Въ качествѣ читателя Харитонъ уваженъ — чего же болѣе? . . . Но въ противномъ случаѣ онъ не скоро *уважитъ* и настоящаго достоинства книги.

*

Есть самолюбіе, весьма дозволительное — именно то, которое, такъ сказать, куплено цѣною труднаго успѣха въ пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ истинныхъ достоинствъ. Оно состоитъ не въ томъ чувствѣ, которое заставляетъ насъ *все свое* находить хорошимъ,

но въ счастливомъ побужденіи стремиться ко всему хорошему. Большая разница!

*

Одно изъ нравственныхъ правилъ, которое желалъ бы я запечатлѣть глубоко и неизгладимо въ моей душѣ, есть то, чтобы сносить терпѣливо всѣ неудовольствія и всѣ несправедливости отъ человѣка, когда нибудь *ссорившагося* со мною... Сердцу моему противна и тѣнь *злопамятства* и *мщенія!*

*

Нескромные люди всегда принимаютъ на себя — кстати или не кстати — таинственный видъ, подобно какъ невоздержные говорятъ объ умѣренности, а сельскіе жители о политикѣ Дворовъ.

*

Когда — вопреки справедливости — стараются унизить враговъ нашихъ въ нашемъ понятіи, то стало быть не предполагаютъ въ насъ никакихъ добродѣтелей.

*

Вмѣсто суетности и тщеславія гораздо лучше имѣть умъ и чувство.

*

Вопреки всеобщему мнѣнію и вѣчной критики, разговоръ о *погодѣ* я предпочитаю многимъ, ибо онъ касается такаго предмета, который несравненно важнѣе для меня вседневныхъ происшествій, и отъ котораго зависитъ здоровье мое и веселость духа.

*

Самые взыскательные люди суть тѣ, которые наиболѣе имѣютъ нужду въ снисхожденіи.

*

Есть люди, которые хотятъ имѣть умъ за всѣхъ — кромѣ себя.

*

Человѣкъ счастливъ по мѣрѣ своей невинности: съ уменьшеніемъ ея уменьшаются веселость нашего духа и спокойствіе сердца.

*

Отсутствіе невинности есть отсутствіе радостныхъ мыслей и живыхъ чувствованій.

*

Проступки суть мрачныя тѣни души и ощутительная отрава жизни.

*

Музыка и запахъ имѣютъ одинаковое дѣйствіе на насъ въ отношеніи къ минувшему времени: они равномѣрно приводятъ на память намъ людей, мѣсто и случаи.

*

Мы всего менѣе цѣнимъ драгоцѣннѣйшую вещь — время.

*

„Горькіе плоды величія! сколь дорого заставляетъ платить счастіе за высокія степени, на которыя возводитъ своего любимца, когда онъ не иначе можетъ наслаждаться своимъ величіемъ, какъ отрекшись

отъ нѣжныхъ узъ крови и пріятнѣйшихъ чувствъ сердца!" Такъ говорила нѣкогда счастливѣйшая, а потомъ злополучнѣйшая изъ женщинъ — Марія Антуанетта, низходя съ сихъ ненадежныхъ ступеней подъ острію гильйотины? . . . Ахъ! стоятъ ли онѣ жертвы, ими требуемой! . . .

*

Предаваться страстямъ и пользоваться уваженіемъ также не возможно, какъ соединить огонь съ водою.

*

Ельмина оканчиваетъ свой туалетъ, оставляетъ будуаръ, выходитъ въ гостиную и ѣдетъ со двора, не совѣтуясь съ часами — сегодня позднѣе, завтра ранѣе, поутру во всѣ магазины, ко всѣмъ модисткамъ, или къ обѣднѣ, или безо всякой цѣли — кататься по городу, гулять на булеварѣ, на прудахъ; рѣдко обѣдаетъ дома; ввечеру въ спектаклѣ, въ концертѣ, на балѣ; ужинаетъ всегда почти въ гостяхъ; зиму проводитъ въ той или другой столицѣ; лѣто въ ближней или дальней деревнѣ, весну и осень на водахъ Липецкихъ, или Кавказскихъ: такую жизнь ведетъ Ельмина болѣе двадцати лѣтъ, и совсѣмъ не старѣется. Мудрено ли? Время не знаетъ, гдѣ найти ее.

К. Ш — въ.

Московскія записки (*).

При обозрѣніи ГОСУДАРЫНЕЮ ИМПЕРАТРИЦЕЮ МАРІЕЮ ѲЕОДОРОВНОЮ всѣхъ достопамятностей въ Москвѣ, удостоенъ былъ вниманія и Архивъ Иностранныхъ дѣлъ. — ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО осчастливила сіе хранилище Государственныхъ хартій ВЫСОЧАЙШИМЪ присутствіемъ СВОИМЪ Апрѣля въ первый день, около одиннадцати часовъ утра, и изволила пройти прямо въ нижнія комнаты, въ которыхъ помѣщены давнія Посольскаго Приказа и минувшаго столѣтія Министерскія дѣла. При взглядѣ на внутренній распорядокъ оныхъ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА изволила любопытствовать о почеркѣ стариннаго письма и употребленіи при прежнемъ письмоводствѣ столпцевъ, или бумажныхъ свитковъ, — чему тутъ же поднесены были образцы. Въ присутственной камерѣ, гдѣ приготовлены были древнѣйшіе Историческіе памятники, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

(*) Сія статья, сообщенная Его Превосх. А. Ѳ. Малиновскимъ, служитъ любопытнымъ дополненіемъ къ извѣстію, напечатанному въ свое время въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

угодно было начать обозрѣніе съ Новгородскихъ харшій. Весь первый договоръ Великаго Князя Ярослава съ Великимъ Новгородомъ, въ 1265 году писанный, Сама изволила прочесть по оригиналу. Нравственность, отличающая Духовныя Великихъ Князей Московскихъ Грамоты, въ которыхъ заповѣдывали они повиновеніе отъ младшихъ къ старшему, уваженіе къ матерямъ, родственную любовь и семейственное согласіе, обратила особенное вниманіе счастливѣйшей Царицы - Матери. Столь же пріятно было ЕЙ и чтеніе приватныхъ писемъ отъ Государей Царей къ Царицамъ своимъ о дѣтяхъ ихъ. Она любовалась чадолюбивою ихъ заботливостію, изъясненною въ сей перепискѣ со всею простотою тогдашнихъ временъ. Послѣ сего ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА съ особеннымъ любопытствомъ разсматривала: подлинное слѣдственное дѣло о убіеніи въ Угличѣ Царевича Димитрія съ оригинальными актами двухъ лже-Димитріевъ, грамоту о избраніи Царемъ всея Россіи Михаила Ѳеодоровича Романова, Государственныя книги въ лицахъ и подлинныя рукописанія Императора Петра Великаго. Каждый изъ сихъ разнообразныхъ предметовъ подавалъ ЕЙ поводъ къ проницательнымъ заключеніямъ. — Въ исходѣ уже втораго часа по полудни ЕЯ ИМПЕРА-

ТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволила отбыть изъ Архива, удостоивъ изъявить чиновникамъ онаго Всемилостивѣйшее благоволеніе.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Г. Риппель (изъ Франкфурта, что на Мейнѣ) въ письмѣ своемъ изъ Ливорны увѣдомляетъ Профессора Пиктета, что путешествіе по Египту даже до втораго паденія рѣки Нила нетолько не подвержено какимъ-либо опасностямъ, но еще и весьма дешево обходится. Онъ пишетъ о себѣ, что находился 10 мѣсяцовъ въ дорогѣ, что имѣлъ у себя купленное прекрасное судно, что досталъ себѣ одного Турецкаго солдата для отвращенія всякой напасти, что принялъ къ себѣ толмача, умѣющаго говорить поарабски, потурецкй и по италіянски, что осмотрѣлъ всю Аравію даже до горы Синая, что дарилъ разныхъ людей за оказанныя ему услуги, и что на все сіе и на обратное путешествіе истратилъ не болѣе 300 луидоровъ. Г. Риппель прибавляетъ, что хотя, посредствомъ Французской експедиціи, Европа узнала о многихъ остаткахъ древностей Египетскихъ, однакожъ великое пространство между первымъ и вторымъ порогами Нила донынѣ

остается мало извѣстнымъ. Слѣдственно надлежало бы воспользоваться нынѣшнимъ благоприятнымъ временемъ, пока просвѣщенный Мегметъ-Али Паша непрепятствуетъ ученымъ людямъ путешествовать по Египту.

— Въ наше время неодинъ разъ въ Европѣ говорено было о *вѣчномъ мирѣ*. Первый проектъ сему блаженному въ здѣшнемъ свѣтѣ состоянію поднесенъ былъ Кардиналу Флери славнымъ Аббатомъ Сенъ-Пьеромъ. Знаменитый Министръ, прочитавши книгу, сказалъ сочинителю: „Вы написали отмѣнно хорошо; забыли только объ одномъ изъ важнѣйшихъ предварительныхъ пунктовъ; а именно, вы забыли прибавить, что надобно разослать по цѣлой Европѣ миссіонеровъ, которые обратили бы къ справедливости сердца государей." — Скоро по изданіи въ свѣтъ сего проекта одинъ трактирщикъ въ Голландіи поставилъ надъ своимъ домомъ вывѣску съ надписью: *подъ вѣчнымъ миромъ*. На вывѣскѣ изображено было обширное кладбище, означающее, что всѣ страсти людей, всѣ ихъ дурачества прекращатся развѣ только съ жизнію.

— Въ Ахенской газетѣ напечатано объявленіе, что начиная съ 11 го числа Іюля до 25 го тогожъ мѣсяца, ежедневно въ 3 часа по полу-

дни желающіе могутъ видѣть въ тамошней приходской церкви уже болѣе тысячи лѣтъ хранимые священные памятники, а именно: 1) *Лентіонъ* (запонъ), которымъ Избавитель нашъ Іисусъ Христосъ былъ препоясанъ во время послѣдней вечери, и которымъ отеръ умытыя ноги Ученикамъ своимъ; 2) *Плащаница*, которою Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ обвили пресвятое тѣло Спасителево передъ тѣмъ, какъ положили Его въ новомъ гробѣ; 3) *Платъ*, которымъ глава Господа нашего Іисуса Христа была покрыта во гробѣ. Императоръ Карлъ Великій подарилъ оные священные памятники выше упомянутой церкви, въ которой по древнему обычаю показываются они въ каждыя семь лѣтъ однажды, именно въ Іюлѣ съ 11 го числа по 25 е.

— Изготовленіе памятника Князю Понятовскому, сооружаемаго Польскою націей, поручено, какъ извѣстно, пребывающему въ Римѣ знаменитому ваятелю *Торвальдсену*. Сіе художественное произведеніе будетъ стоить свыше пяти сотъ тысячь злотыхъ Польскихъ.

— Славный ваятель *Канова* находится теперь въ Неаполѣ, гдѣ подъ его надзоромъ будетъ сдѣлано отлитіе бронзоваго коня по мо-

дели, имъ же самимъ приготовленной для конной статуи, которую сыновняя любовь Короля посвящаетъ памяти родителя его, Карла III. Сказываютъ, что величина сего памятника превосходитъ все, что во времена новѣйшія ни было сдѣлано въ семъ родѣ.

— На кладбищѣ Отца Лашеза, въ Парижѣ, находится теперь одна епитафія слѣдующего содержанія: „Здѣсь почиваетъ съ миромъ *Ж. Г. А. Д.* Обріонъ, родившійся 2 „Февраля 1800; ученикъ Риторики, умершій 16 „лѣтъ съ половиною; достойный преемникъ „добродѣтелей нѣжной своей матери; достойный предметъ прекраснѣйшей надежды своего родителя; *жертва невѣжества врача*, 13 „Октября 1817." — Можно извинять заблужденіе чувствомъ родительской нѣжности — такъ сказано по сему поводу въ одномъ Французскомъ Журналѣ; но подобные упреки, простительные въ первомъ движеніи скорби, дѣлаются несправедливыми и обидными, когда вырѣзываютъ ихъ на мраморѣ и передаютъ такимъ образомъ потомству. Надгробный памятникъ, напоминающій краткость бытія нашего въ здѣшнемъ мірѣ, отнюдь не долженъ быть памятникомъ вѣчнаго мщенія, равно какъ епитафія отнюдь не должна быть епиграммой. (Подобную надпись читали, тому

лѣтъ шестьнадцать, въ оградѣ Андроніева монастыря, надъ гробницею одного отрока, умершаго отъ каменной болѣзни послѣ операціи.)

— Въ одномъ изъ Римскихъ Журналовъ (Notizie del Giorno) напечатано слѣдующее: утверждаютъ, что союзные Монархи постановили обезоружить всѣ суда варварійскихъ областей. Сей подвигъ, столь нужный для человѣчества и торговли, совершится, какъ сказываютъ, въ теченіи нынѣшняго же года.

— Одинъ оптовый купецъ, по имени Юссуфъ, торгующій въ Тріестѣ, подарилъ Австрійскому Императору двѣ древнія колоссальныя статуи, полученныя имъ отъ брата своего, находящагося въ службѣ Паши Египетскаго. Онѣ сдѣланы изъ чернаго Египетскаго гранита; обѣ равной величины, и представляютъ сѣдящую женщину, извѣстную подъ именемъ богини Изиды. Сѣдалище украшено гіероглифами и разными предметами. Сіи памятники, принадлежащіе къ числу рѣдкихъ въ Европѣ, имѣютъ то важное преимущество, что при всей древности своей сохранились безъ малѣйшаго поврежденія. Обѣ статуи отправлены уже въ Вѣну.

— Его Святѣйшество Папа имѣетъ теперь 76 лѣтъ отъ роду; онъ блѣденъ въ лицѣ

и слабъ здоровьемъ. Все его вниманіе обращено теперь на дѣла духовныя; всѣми же свѣтскими единовластно распоряжаетъ Кардиналъ Гонзальви, котораго въ Римѣ обыкновенно называютъ *Краснымъ* Папою (Papa rosso), потому что всегда носитъ красную одежду, между тѣмъ какъ Святый Отецъ ходитъ въ бѣлой. Кардиналъ Гонзальви, въ качествѣ Секретаря государственнаго, живетъ во дворцѣ Квиринальскомъ. Не можно быть на аудіенціи у Папы, не посѣтивши напередъ сего Министра. Вообще приписываютъ ему отличныя способности ума и твердость душевную.

— Французскій журналъ, *Сѣрый Человѣкъ*, котораго издатель позванъ былъ въ полицейскій судъ къ отвѣту, остроумно говоритъ объ одномъ фанатическомъ роялистѣ, что Геній предка его фамиліи спустился на него, то есть роялиста, подобно прекрасному низверженію воды, которая, падая съ одной скалы на другую, наконецъ достигаетъ земли въ видѣ пара. Тотъ же журналъ удивляется поступкамъ извѣстнаго Сикара, которой всѣ мѣры употребляетъ къ тому, чтобы его глухо - нѣмые говорили, тогда какъ способность говорить во Франціи подвержена теперь немалымъ опасностямъ и когда напротивъ того молчаніе безвредно.

— Царское Варшавское Общество друзей аукъ предлагаетъ ученымъ мужамъ всѣхъ ародовъ написать *Историческое похвальное лово* въ честь и память недавно умершаго Генерала Костюшки. Въ награду за лучшее сочиненіе, которое можетъ быть написано на языкахъ Польскомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Англійскомъ, Нѣмецкомъ, или Италіянскомъ, предѣляется золотая медаль во сто червонныхъ. Срокъ присылки назначенъ черезъ два ода, считая съ 28 числа минувшаго Іюня (н. с.).

— ,,Иностранцамъ, какъ то Французамъ и другимъ, разумѣющимъ языкъ Французскій, безъ сомнѣнія, пріятно будетъ узнать, что первый Томъ Россійской Исторіи г-на Карамзина, Исторіографа Имперіи, уже переведенъ г-мъ Сенъ-Томасомъ, и скоро выдетъ изъ печати. — Г. Жоффре, Профессоръ Французской словесности при Императорскомъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, также приготовилъ первой Томъ онаго сочиненія во Французскомъ переводѣ. Г. Жоффре почитаетъ нужнымъ прибавить, что онъ имѣлъ счастіе (le boneur) получить согласіе самаго г-на Карамзина, которой изволилъ уполномочить его къ изданію сего перевода съ такимъ при томъ объявленіемъ, что оный сдѣланъ предъ глазами сочинителя (qui a bien voulu l'autoriser à publier sa traduction comme fai-

ite sous les yeux de l'auteur). Подписка принимается у Плюшара. Переводъ будетъ состоять въ 6 Томахъ въ 8, и напечатается новыми литерами, на хорошей бумагѣ и со всею типографическою исправностiю." *Cons. Impart.* — Усердно желаемъ, чтобъ и Нѣмецкiе переводы, которые, какъ слышно, приготовляются, незамедлили явиться предъ глаза ученой Публики Германской, — въ томъ мало нужды съ позволенiемъ, или безъ позволенiя Автора, лишь бы только были они исправны.

Отъ Редактора.

Отправляясь, по волѣ Начальства, въ двѣ сосѣдственныя Губернiи, имѣю честь увѣдомить почтеннѣйшихъ Особъ, подписавшихся на полученiе сего Журнала, что номера 15 и 16й выдутъ вмѣстѣ, въ концѣ Августа.

На внутренней сторонѣ красной обертки при каждой книжкѣ сего Журнала объявляется, что *пересылка Вѣстника Европы совсѣмъ не зависитъ отъ Редактора*; не смотря на то, несмотря даже и на особыя о семъ объявленiя, иногда я получаю отъ подписавшихся особъ требованiя о доставленiи къ нимъ вышедшихъ книжекъ. Въ отвращенiе недоразумѣнiй и неудовольствiй

за нужное почитаю симъ дополнить, что почтенные субскрибенты, въ случаѣ неполученія ими одной, или нѣсколька книжекъ сего Журнала, имѣютъ право требовать ихъ отъ того мѣста, въ которое взнесли деньги; при могущихъ же и за тѣмъ встрѣтиться затрудненіяхъ, покорно прошу относиться не ко мнѣ, но въ Типографію Императорскаго Московскаго Университета, *отъ которой издается* Вѣстникъ Европы, или даже и въ Правленіе упомянутаго Университета, которое безъ всякаго сомнѣнія приметъ надлежащія мѣры къ справедливому каждаго удовлетворенію.

На той же красной оберткѣ обыкновенно упоминается, *въ какомъ именно случаѣ Редакторъ можетъ печатать сочиненія, доставляемыя къ нему отъ постороннихъ особъ*; не смотря на то, я нижеподписавшійся иногда отъ благосклонныхъ участниковъ въ трудѣ своемъ получаю разнаго рода письма (вопросныя, требовательныя и даже понудительныя) касательно ихъ піесъ, особливо же стихотвореній. По причинѣ разныхъ обязанностей своихъ и занятій не имѣя времени переписываться, нахожусь принужденнымъ рѣшительно чрезъ сіе донести всѣмъ, что я не могу отступить отъ объявленнаго мною правила, и потому прошу не ставить мнѣ въ вину моего молчанія.

М. Каченовскій.

Книжныя извѣстія.

Издатель *Благонамѣреннаго* рѣшился продолжать Журналъ свой и на остальную нынѣшняго года половину. Благодаря многимъ почтеннымъ литтераторамъ — особенно сотоварищамъ своимъ Г. г. Членамъ С. П. Бургскаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ — онъ неимѣетъ недостатка въ матеріалахъ; но при всемъ томъ покорнѣйше проситъ упражняющихся въ отечественной словесности сообщать ему свои произведенія: всякая хорошая по слогу или по содержанію своему піеса съ благодарностію помѣщена будетъ въ *Благонамѣренномъ*. Нѣкоторые изъ пріятелей Издателя отправились недавно въ чужіе краи и обѣщали доставлять ему оттуда любопытныя новости, замѣчанія, записки и т. п. Безъ сомнѣнія читатели *Благонамѣреннаго* замѣтили, что Издатель сего Журнала не безъ выбора помѣщаетъ у себя піесы. Онъ намѣренъ быть впредь гораздо еще разборчивѣе прежняго и постарается сдѣлать свое изданіе сколь возможно занимательнѣе и разнообразнѣе.

Подписка на Журналъ *Благонамѣренный* принимается у Издателя Коллежскаго Совѣтника *Александра Ефимовича Измайлова*, живущаго у Рождества въ 5й улицѣ, въ домѣ Г. Сенатскаго Секретаря *Щукина* подъ No 124, въ Газетной С. П. Бургскаго Почтамта Експедиціи, у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцовъ и на биржѣ у старосты *Соколова*. Цѣна за весь годъ или 12 книжекъ здѣсь въ С. П. Бургѣ на Любской бумагѣ 30 р., а на простой 25 р. Под-

писка принимается и особо на остальную нынѣшняго года половину, т. е. на послѣднія шесть книжекъ на Люб. бум. по 15 р., на простой же по 12 р. 50 к. За пересылку прилагается на полгода 2 р. 50 к., а на годъ 5 р. За доставленіе на домъ платится какъ за полгода, такъ и за годъ 2 р. 50 к. Желающіе получать послѣднюю половину сего Журнала, т. е. съ Іюля мѣсяца, благоволятъ подписываться заблаговременно. — У Издателя же *Благонамѣреннаго* можно получать прежнія и новыя его *Басни* и *Сказки* (изд. 1816 и 1817). Цѣна за обѣ книги съ виньетами 10 р., а безъ виньетъ 7 р. За пересылку сихъ послѣднихъ книгъ иногороднымъ прилагать денегъ не нужно.

ПОПРАВКИ.

Въ No 19 Вѣстника Европы должно быть: стран. 27 строк. 20 *de locis ad medietates*; стран. 52 строк. 20 для выгодъ своихъ раздражали.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 15 и 16.
АВГУСТЪ 1818.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Волшебныя очки.

Сказка (*).

Десять лѣтъ уже царствовалъ Ахметъ надъ пространнѣйшимъ государствомъ Полу-лунымъ. Отличаясь рѣдкими качествами, — мужествомъ, добротою сердца — онъ имѣлъ также и многіе пороки. Предразсудки господствовали надъ нимъ неограниченно: онъ былъ слѣпъ для любимцевъ своихъ и страшно ненавидѣлъ тѣхъ, коихъ любить не могъ; но сія любовь и сія ненависть нерѣдко зависѣли отъ одного расположенія духа. Ему также весьма нравилось ласкательство: онъ вѣрилъ безъ изъятія всѣмъ похваламъ, какими только придворные желали обратить на себя благосклонной взоръ его; вѣрилъ ласкамъ пре-

(*) Изъ новой книги: Der Freund der guten Laune und Scherzes.

красныхъ женъ, которыми сераль его была наполнена. — Самолюбіе всегда бываетъ легкомысленно: оно охотно вѣритъ откровенности тѣхъ, которые болѣе льстятъ ему.

Сколько Ахметъ съ одной стороны былъ доволенъ, когда курился предъ нимъ єиміамъ лести, столько съ другой не могъ терпѣть противурѣчія. Всякая истина, противная склонностямъ его или желаніямъ, казалась ему жестокою, обидною, и Султанъ тотчасъ отвергалъ ее какъ ложь самую очевидную. Впрочемъ былъ онъ страненъ, какъ всѣ подобные ему Султаны, или лучше сказать какъ . . . всѣ люди. Ахметъ неслушался никакихъ другихъ совѣтовъ, кромѣ согласныхъ съ прихотями его или склонностями. Изъ сего видно, какъ легко было обманывать его тѣмъ людямъ, которые принимали на себя трудъ сей; а при дворахъ государей всегда находятся люди, которымъ такой трудъ нестрашенъ.

Доброй Ахметъ имѣлъ у себя Визиремъ *Рустана*, служившаго ему со времени вступленія его на престолъ. Рустанъ одаренъ былъ внушающею почтеніе наружностію: длинная борода, лѣтами убѣленная, придавала лицу его видъ строгой и суровой. Имѣя глубокія познанія въ дѣлахъ государственныхъ, великую опытность и семдесять лѣтъ, Ру-

станЪ почиталЪ себя вЪ правѣ говорить все; и потому, когда Султану приходило вЪ голову какое нибудь безразсудное предпріятіе, Визирь тотчасЪ предсгавлялЪ ему всю нелѣпость онаго; когда АхметЪ дѣлалЪ чрезмѣрныя издержки, РустанЪ замѣчалЪ ему о разстроенныхЪ финансахЪ; словомЪ, Визирь весьма часто противурѣчилЪ Султану, великому охотнику проказничать. МожетЪ быть и многіе люди были бы подвержены той же привычкѣ, когдабЪ они находились вЪ положеніи Султана Ахмета, то есть когдабЪ владычествовали надЪ столь пространнымЪ государствомЪ, каково было нѣкогда Полу - лунное.

У Султана былЪ одинЪ молодой любимецЪ и одна любимая Султанша, которые, самовластно владѣя умомЪ и сердцемЪ Ахмета, на самое правленіе имѣли болѣе, чѣмЪ Визирь, вліянія. ВЪ важнѣйшихЪ дѣлахЪ АхметЪ единственно прибѣгалЪ кЪ совѣтамЪ любезнаго *Нейсура* и прекрасной *Фатмы*, и никогда ничего непредпринималЪ безЪ ихЪ согласія. ЛюбимецЪ осыпанЪ былЪ сокровищами, ежедневно похищалЪ новые драгоцѣнные подарки, распоряжалЪ всѣми почетными мѣстами государства, чиновниками сераля и всею военною силою. АхметЪ ни вЪ чемЪ ему непротивурѣчилЪ. „НейсурЪ меня столько любитЪ!“ такЪ думалЪ СултанЪ: „могуль ему вЪ чемЪ либо отказывать, ему, которой единствен-

но печется о средствахъ возвысить честь мою и распространить мою славу?"

То же самое думалъ онъ о Фатмѣ, и предавался всѣмъ удовольствіямъ, каторыя творческимъ ея воображеніемъ были для него изобрѣтаемы; онъ охотно согласился бы истощить цѣлое государство и всѣхъ своихъ подданныхъ, лишь бы только удовлетворить безпрестанно возобновляющіяся прихоти любезной своей Султанши. „Моя прекрасная Фатма" говорилъ онъ „столько меня любитъ! могуль ей въ чемъ-либо отказывать? отказывать той, которая единственно старается возвысить честь мою и распространить славу моего имени?" И Султанша чувствовала, какъ и прочіе люди, необходимость видѣть себя любимою.

Очень понятно, что Ахметъ, при такихъ свойствахъ и привычкахъ, рѣдко могъ быть въ добромъ согласіи съ Великимъ Визиремъ своимъ, Рустаномъ. Часто случались между ими распри. Султанъ обыкновенно горячился; но Визирь, непереступая границы должнаго къ государю своему почтенія, говорилъ ему истину хладнокровно, съ непоколебимостію духа, свойственною правдѣ и разуму. Ахметъ, очарованный Султаншею и любимцемъ, взиралъ на Рустана какъ на человѣка суроваго, строгаго, жестокаго.

Ему казалось единственно, что Рустанъ завидуетъ невиннымъ удовольствіямъ, умѣреннымъ желаніямъ его и склонностямъ, и онъ съ нѣкотораго времени смотрѣлъ на старика съ отвращеніемъ; оставилъ при немъ званіе Визиря, единственно уважая прежнюю вѣрную службу его, но съ нетерпѣніемъ ожидалъ удобнаго случая избавиться отъ несноснаго Рустана и поручить мѣсто его любимцу своему Нейсуру.

Однажды ночью при свѣтѣ лампады лежалъ Ахметъ подлѣ прекрасной своей Фатмы, предавшейся спокойной дремотѣ. Онъ смотрѣлъ на нее очами, исполненными любви и радости. „Какъ она прекрасна!" говорилъ онъ въ мысляхъ своихъ: „въ Магометовомъ раю нѣтъ ни одной Гуріи, которая могла бы сравниться съ Фатмою! Сіи розы на щекахъ, сіи пурпуровыя уста, сей алебастръ шеи! И Рустанъ можетъ еще требовать, чтобъ я въ чемъ-либо отказалъ сему небесному творенію! О, если бы въ одномъ алмазѣ обладалъ я всѣми сокровищами свѣта, чтобы въ одно мгновеніе возмогъ содѣлать ее владычицею всего драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ! Етотъ Рустанъ показываетъ, что меня любитъ, и при всемъ томъ ненавидитъ все мною любимое! безпрестанно порицаетъ Фатму и Нейсура! Для чего старается убѣдить меня въ невѣрности ихъ ко мнѣ,

если не для того чтобы одному овладѣть моею довѣренностію и играть моею властію? Великій Султанъ! такъ говорилъ онъ мнѣ еще вчера: о, какъ ты ослѣпленъ! Да низпошлетъ тебѣ Пророкъ *очки*, посредствомъ которыхъ ты могъ бы читать въ сердцахъ людей, тебя окружающихъ. Ахъ, если бы могъ я достать сіи рѣдкія, драгоцѣнныя очки, сколько любви узрѣлъ бы я въ сердцѣ моей Фатьмы! Въ сію самую минуту она обо мнѣ мечтаетъ, меня одного видитъ во снѣ, равно какъ о мнѣ одномъ на яву думаетъ. Такъ! она сама часто меня въ томъ увѣряла, и могу ли не повѣрить словамъ ея! Еслибъ я могъ найти такія очки, какихъ мнѣ Рустанъ желаетъ; я былъ бы счастливѣйшій всѣхъ смертныхъ! Новая увѣренность въ моемъ счастіи удвоила бы мое блаженство. Такъ, я хочу, я долженъ пріобрѣсти сіе дивное орудіе; не пощажу никакихъ сокровищъ, пожертвую всѣмъ, лишь бы только . . . . тогда упрямый Рустанъ пусть мучится стыдомъ и раскаяніемъ!“ Ахметъ бросилъ еще одинъ сердечный взглядъ на прекрасную Фатьму, заснулъ, и чудесныя очи представлялись ему въ сновидѣніи.

Въ то самое время жилъ въ Константинополѣ одинъ Аравитянинъ, славной Математикъ, достигшій Алгебраическими познаніями своими до высоты Астрологіи: онъ

предсказывалъ будущее. Не одни только простолюдины, но даже просвѣщеннѣйшіе Иманы того времени во глубинѣ души своей иногда признавали его мудрѣйшимъ самаго Магомета. На другой же день приказалъ Ахметъ призвать къ себѣ сего славнаго мужа. — „Мудрый *Ецраимъ!*“ сказалъ ему Султанъ: „слава о твоей мудрости коснулась и моего слуха. Всѣ говорятъ, что тебѣ свѣдомы дивныя тайны, и ничто на земли отъ прозорливости твоей не сокрыто. Требую отъ тебя важнѣйшей услуги.“ Ецраимъ, поклонившись Султану, отвѣчалъ: — Повели, Государь! Ты зришь у ногъ своихъ вѣрнѣйшаго и усерднѣйшаго изъ рабовъ. — „Я желаю имѣть такія очки, посредствомъ которыхъ могъ бы проникать въ сокровеннѣйшіе изгибы человѣческаго сердца. Повѣдай мнѣ, можешь ли сдѣлать столь чудесное орудіе?“ — Великій Султанъ! отвѣчалъ Ецраимъ: завтра будетъ оно въ рукахъ твоихъ. Приготовленіе такихъ очковъ для меня трудъ ничтожный въ сравненіи съ тѣми дѣйствіями, посредствомъ коихъ могу читать въ книгѣ судебъ сверхъестественныя тайны. — Изъ сего видно, что ученые современники Ахметовы были неслишкомъ скромны.

На другой же день Ецраимъ исполнилъ свое обѣщаніе. *Волшебныя очки* принесены были Султану въ то время, когда онъ сидѣлъ

тронной залѣ, окруженный всѣмъ придворнымъ штатомъ. Ахметъ незамедлилъ испытать ихъ силу, посмотрѣлъ сквозь нихъ на толпу царедворцевъ, съ поникшимъ челомъ передъ нимъ стоявшихъ — посмотрѣлъ и содрогнулся. „Прочь! съ глазъ моихъ долой, нечестивцы!" воскликнулъ онъ грозно: „одинъ взглядъ вашъ меня ужасаетъ."

Удивленные, изумленные придворные съ трепетомъ приближаются къ Султану. Что съ тобою, Государь? всѣ вопрошаютъ: откуда гнѣвъ сей? Мы вѣрнѣйшіе рабы твои...— „Вѣрнѣйшіе!" прервалъ Ахметъ; „Великій Боже! вы мнѣ вѣрны? Я читаю въ сердцахъ вашихъ одну зависть, алчность, ненависть, измѣну! Прочь, прочь отъ лица моего!" — При сихъ словахъ Султанъ обнажилъ мечь свой, бросился на нихъ, и въ изступленіи своемъ конечно всѣхъ изрубилъ бы, еслибъ они поспѣшно не разбѣжались.

Султанъ, оставшись наединѣ, говорилъ самъ къ себѣ: „И ето люди, которые столь часто увѣряли меня въ любви своей и преданности! Какъ могъ я самыхъ развращеннѣйшихъ между моими подданными избрать въ придворные! какъ могъ окружить себя ими! Я живу посреди жесточайшихъ враговъ моихъ, и только то спасаетъ меня отъ ярости ихъ, что они взаимно другъ друга ненавидятъ и не дерзаютъ противу меня соединиться! Коры-

столюбивые ищутъ способовъ отнять последнее у меня и моихъ подданныхъ, и я могъ симъ льстецамъ вѣрить! Благодареніе Богу! Съ сего времени непозволю никому играть моею довѣренностію. Съ помощію сихъ чудесныхъ очковъ могу теперь знать, кто истинно любитъ меня, и кто ненавидитъ. Теперь неимѣю болѣе надобности полагаться на слово, когда могу видѣть все, что происходитъ въ сердцѣ Одинъ Нейсуръ, безъ сомнѣнія, искренно мнѣ преданъ. Чистота сердца его подобна безоблачному небу, и уста его никогда еще непроизносили неправды. Надъ нимъ теперь же испытаю силу чудесныхъ очковъ моихъ, не для того чтобы удостовѣриться въ непорочности души его — она мнѣ извѣстна — а единственно, чтобы утѣшиться образомъ добродѣтели, и чтобы дружбою его вознаградить себя за огорченія, причиненныя мнѣ первымъ опытомъ. И Ахметъ повелѣваетъ призвать къ себѣ Нейсура. Временьщикъ является. „Спѣши любезной Нейсуръ!" — воскликнулъ Султанъ; „спѣши въ мои объятія! Теперь я узналъ своихъ царедворцевъ! Какія чудовища меня окружали! Я изгналъ всѣхъ, и отнынѣ будутъ мнѣ служить одни только честные люди." — О, сколь я удивляюсь проницательности разума твоего и глубинѣ премудрости! — отвѣчаетъ любимецъ: наконецъ сорвалъ ты личину съ сихъ лжецовъ и обманьщиковъ! Такъ,

Государь! они были жесточайшіе враги твои. Я давно уже видѣлъ подлость ихъ; но ты охотно слушалъ ихъ ласкательства, и неограниченное мое усердіе оставалось безмолвнымъ. Благодушіе Ахмета непредполагаетъ ни въ комъ злобы, думалъ я; но рано, или поздно истина должна открыться. Государь! приверженность Нейсура, любовь его и преданность къ тебѣ пребудутъ вовѣки безпредѣльны! — „Молчи обманьщикъ!" — прервалъ его Султанъ, смотрѣвшій въ очки на любимца: „Молчи и необвиняй тѣхъ, которыхъ ты превосходишь въ лукавствѣ. Несчастный! въ сію минуту я читаю въ сердцѣ твоемъ, и вижу одно коварное притворство. Ты ненавидишь меня, злодѣй! Падая къ ногамъ моимъ, ты готовъ лишить меня жизни. О я злополучный, всѣми ненавидимый!" Нейсуръ снова бросился къ ногамъ Султана, увѣрялъ его священнѣйшими клятвами въ приверженности, въ пламенномъ усердіи къ службѣ и ко благу своего Монарха. „Нѣтъ!" — воскликнулъ Султанъ „ничто непоколеблетъ моей увѣренности. Недостойный! обольстительныя, коварныя слова твои безсильны предъ дивными очками, предъ твореніемъ мудраго Еціраима. Посредствомъ ихъ проницаю твои свойства."
— Какъ, Государь! — возразилъ Нейсуръ: — къ волшебнику Еціраиму возымѣлъ ты довѣренность? Повели рабу своему сказать послѣднее слово: остерегись, Государь! очки сего

тараго обаятеля лживы; ты читаешь из-ѣну и обманъ въ томъ сердцѣ, гдѣ обитаютъ искренность и вѣрность. О, еслибъ въ сію минуту возмогъ я жизнь мою, послѣднюю каплю крови тебѣ, Государь, принести въ жертву; съ какою радостію исполнилъ бы сіе, лишь бы только увѣрить тебя, что волшебникъ обманулъ тебя своими очками! —
„Довольно!" сказалъ Султанъ: „лицемѣрство твое обнаружилось. Я знаю, что ты ниже однимъ волосомъ головы своей для меня не пожертвуешь."

Нейсуръ удалился, а несчастной Ахметъ направилъ стопы свои въ комнату Султанши. „Боже мой!" говорилъ онъ: „по крайней мѣрѣ дай мнѣ найти хоть одно вѣрное мнѣ сердце. Такъ! въ одномъ только сердцѣ Фатмы обрѣту любовь безпритворную."
Султанша покоилась на великолѣпномъ диванѣ. Увидѣвши входящаго Ахмета, она встала, подбѣжала къ нему съ улыбкою любви, со взоромъ радости, пламенныхъ желаній и сладострастія; но какъ изумилась она, когда Султанъ остановилъ ее суровымъ и презрительнымъ взглядомъ. Онъ читалъ въ душѣ Фатмы жестокія истины: *отвращеніе, ненависть, вѣроломство*, и несчастной не могъ болѣе удержаться; отчаяніе совершенно овладѣло имъ; въ бѣшенствѣ своемъ ломалъ онъ и билъ въ дребезги все, что только

въ руки ему попадалось, и крупныя слезы катились по пылавшимъ отъ гнѣва его ланитамъ. Ахметъ горѣлъ желаніемъ отмстить за себя, отмстить явно и жестоко. Наконецъ бросается на диванъ, держа волшебныя очки въ рукахъ, смотритъ на Фатму, лежащую у ногъ его, опускаетъ глаза и горько рыдаетъ. „Возможно ли," сказалъ онъ наконецъ „возможно ли съ такими прелестями соединить столько вѣроломства? Фатма! и ты могла такъ въ любви лицемѣрить? Ахъ! я обожалъ тебя неблагодарную; я готовъ былъ весь міръ къ ногамъ твоимъ повергнуть! и ты могла меня столько обманывать?" — Въ какомъ несчастномъ расположеніи духа вижу тебя? сказала Фатма со смѣхомъ: и такъ, ты ревнивъ? Кто, скажи, кто поселилъ въ душѣ твоей такія подозрѣнія? Я было подумала, что великое несчастіе постигло любезнаго моего Ахмета, ужаснулась, и готова была раздѣлить съ тобою горесть; вмѣсто того вижу одну ревность. Это чрезвычайно смѣшно! — „Какъ! и ты можешь еще ругаться моею горестію, несчастная! ты смѣешься, хочешь отыгрываться шутками, когда молнія мщенія сверкаетъ надъ твоей головою!" Молнія? О, я нестрашусь ее; небо опять скоро прояснится. Скажи, Государь, чѣмъ я провинилась? — прибавила Фатма, обнимая Султана руками бѣлоснѣжными: — скажи, что я сдѣлала? чѣмъ заслужила гнѣвъ твой?—

„И ты еще спрашиваешь?“ отвѣчалъ Ахметъ: „когда ты осыпаешь меня нѣжностями, когда называешь меня сладчайшими именами, въ самое то время ненависть и вѣроломство таится въ душѣ твоей.“ — Ненависть? — подхватила Фатма: — такъ, ненависть, ты совершенно правъ! Довольно примѣровъ ненависти я показала еще вчера, еще сего дня! Ахметъ! Ты совершенно правъ; я тебя всею душею ненавижу! — Сіи слова сопровождаемы были такимъ естественнымъ, краснорѣчивымъ изъявленіемъ чувства, что доброй Ахметъ не могъ болѣе удержаться; онъ воскликнулъ: „Какъ! уже ли ты меня необманываешь? О, еслибъ это дѣйствительно такъ было!“ — И ты можешь думать, что я тебя обманываю! и ты могъ этому повѣрить, мой Ахметъ? — и Фатма прижала его къ сильно біющемуся сердцу, и слеза изъ большаго небесно-голубаго глаза ея упала на щеку добраго Султана. „Великій Боже!“ воскликнулъ онъ, будучи внѣ себя: „что, если Нейсуръ говорилъ правду! что, если дѣйствительно магикъ обманулъ меня! что, если сіи очки лживы!“ — Какія очки? — спрашиваетъ Султанша: какое вліяніе могутъ имѣть очки на любовь мою къ тебѣ? — Султанъ объявилъ прекрасной Фатмѣ о качествѣ своего талисмана, и какимъ образомъ пріобрѣлъ его.

Фатма залилась слезами. — Жестокой! — сказала она: — теперь только постигаю все

мое несчастіе! Ты болѣе довѣряешь словамъ стараго обманщика, нежели слезамъ моимъ, нежели моей къ тебѣ нѣжности! Это ли награда за любовь мою? Для чего пощадилъ ты меня во гнѣвѣ твоемъ? почто не лишилъ меня жизни, которую подозрѣнія твои навѣки отравляютъ? — Такъ говорила Фатма, жестокою горестію поверженная къ ногамъ Султана. Бѣдной Ахметъ бросается къ ней, старается слезами своими привести ее въ память. Наконецъ Фатма опомнилась, и доброй Султанъ утѣшаетъ ее, клянется въ вѣчной любви, и уже не знаетъ, довѣрять ли болѣе очкамъ своимъ.

Фатма умѣла пользоваться минутою. Она увѣрила Султана, что очки сдѣланы Еціраномъ по умыслу Визиря, и предложила способъ совершенно въ томъ удостовѣриться. — Ты знаешь, — говорила Фатма — сколько гордой Рустанъ тебя ненавидитъ, какъ онъ завидуетъ благополучію твоему: испытай его, какъ испытывалъ меня и Нейсура, и я увѣрена, что ты въ душѣ его найдешь совсѣмъ противное, и найдешь только то, чего онъ желаетъ. — Султанъ съ радостію принялъ сіе коварное предложеніе, обнялъ свою прекрасную Фатму и немедленно пошелъ въ ту часть дворцоваго сада, гдѣ надѣялся встрѣтиться съ Рустаномъ. Визирь по обыкновенію своему началъ говорить съ важным

видомъ о дѣлахъ государственныхъ и о личныхъ выгодахъ Султана. Ахметъ, надѣвъ очки, съ наружнымъ спокойствіемъ слушалъ его, читая между тѣмъ въ строгомъ его сердцѣ. Но кто опишетъ удивленіе Ахмета, увидѣвшаго въ Руставѣ одно рвеніе къ пользѣ Государя и отечества, истинную приверженность и непоколебимую вѣрность. — „Нѣтъ!" воскликнулъ онъ: „несомнѣваюсь болѣе въ справедливости Фатмы и въ лживости очковъ моихъ. Онѣ даютъ мнѣ видѣть обманы и вѣроломство въ тѣхъ, которыхъ люблю болѣе всего на свѣтѣ, и напротивъ показываютъ мнѣ любовь и приверженность въ томъ, которой менѣе всѣхъ подданныхъ моихъ ко мнѣ приверженъ. Какъ легко могъ бы я ошибиться, еслибъ Фатма неоткрыла мнѣ глазъ. Теперь надѣюсь, что спокойствіе опять водворится въ душѣ моей, а ты, несчастной магикъ, дорого мнѣ за обманъ твой заплатишь." — Такъ говорилъ Ахметъ, ломая очки свои. Онъ выгналъ отъ себя Визиря, и тотчасъ приказалъ схватить обманьщика Ефраима, о которомъ однакожъ донесли ему скоро, что въ Константинополѣ его неотыскали. Мудрый старецъ, приготовляя для Султана очки, уже предвидѣлъ, какія послѣдствія произойдутъ въ серали, и призналъ за полезное удалиться изъ города. Сіе служило Ахмету подтвержденіемъ, что Ефраимъ былъ всему виною. Нейсура призвали опять ко двору, и Сул-

таннъ осыпалъ его драгоцѣнными дарами, новыми знаками дружбы, а Визирь признавъ участникомъ въ колдовствѣ Ецраима. Рустана бросили въ темницу, и осудили на вѣчное заточеніе; имѣніе его взято въ казну Султанскую. Но въ скоромъ времени и Рустанъ исчезъ, подобно Ецраиму, и преслѣдовавшіе его возвратились безъ успѣха.

Между тѣмъ распространялись въ государствѣ глухіе, смутные слухи. Нѣкоторые за тайну разсказывали, что Ахметъ потерялъ умъ и долженъ скоро лишиться престола; другіе говорили, явно что Ахметъ недостоинъ болѣе управлять государствомъ, и что должно избрать наслѣдника престола. Народъ былъ въ движеніи; безпокойство увеличивалось; возникшіе мятежи со дня на день распространялись и наконецъ достигли самой столицы. Нѣкоторые изъ янычаръ подняли оружіе и обложили сераль. Со всѣхъ сторонъ раздавались клики: низвергнемъ Ахмета! — Нейсуръ! Нейсуръ да будетъ повелителемъ нашимъ! — И вотъ самъ Нейсуръ, душа войска, предводительствуетъ янычарами, которыхъ онъ блестящими обѣщаніями успѣлъ склонить на свою сторону. Ахметъ, узнавъ о семъ, спѣшилъ вооружить слугъ сераля; но одна часть евнуховъ сильно противилась поднять оружіе противъ Нейсура, любовника Фатмы, а другая, подкупленная Фатмою, искала случая достя-

вить ей голову Султана. Ахметъ съ горстію своихъ вѣрныхъ мужественно защищался противъ многочисленныхъ мятежниковъ; но сила одолѣвала, и уже близокъ былъ часъ рѣшительный. Возмущеніе свирѣпствовало внутри и внѣ сераля, какъ вдругъ появилось другое отдѣленіе янычаръ. Оставшіеся вѣрными Султану отчаянно ударили на измѣнниковъ, искавшихъ головы Ахметовой. Сраженіе было жестокое; стѣны сераля орошались кровію обѣихъ сторонъ, оспоривавшихъ попеременно входъ въ оной. Наконецъ добродѣтель восторжествовала: вѣроломный Нейсуръ палъ обагренный своею кровью, а бунтовщики обращены въ бѣгство. Рустанъ, великодушной, храброй Рустанъ, давно уже предвидѣвшій возмутительной умыселъ Нейсура, вступаетъ побѣдоносно въ сераль съ войскомъ, которое собралъ для защиты законнаго Государя. Мятежники, увидѣвъ Рустана посреди войска, бросили оружіе и разбѣжались во всѣ стороны: такимъ образомъ Султанъ спасенъ былъ отъ враговъ своихъ. Скоро послѣ того спокойствіе и тишина повсюду водворились, а Фатма, вѣроломная Фатма, заплатила головою своею за гнусную измѣну.

Кто можетъ изъяснить удивленіе и благодарность Ахмета, увидѣвшаго, что Визирь, котораго онъ изгналъ и осудилъ на вѣчное заточеніе, былъ единственнымъ его спасителемъ? Одному Рустану Султанъ одолженъ

былъ и жизнію своею и престоломъ. — „Мудрый Рустанъ!" сказалъ Ахметъ, сильно растроганный: „скажи, чѣмъ достойно воздать могу за столь великую твою услугу? О, какъ былъ я несчастливъ, отвергая мудрые твои совѣты, отдаваясь во власть моихъ жесточайшихъ враговъ, и всею душею ненавидя тебя, единственнаго, вѣрнѣйшаго моего доброхота! Рустанъ! Рустанъ! оставайся другомъ моимъ и говори мнѣ всегда правду!"

Нѣсколько дней послѣ сего происшествія доброй Ахметъ прогуливался съ великодушнымъ Визиремъ своимъ, котораго онъ отъ себя уже неотпускалъ болѣе. „Что сдѣлалось съ мудрымъ Эцраимомъ?" спросилъ его Султанъ. — Онъ умеръ, Государь! — „Умеръ? Душевно жалѣю объ немъ! Его мудрость доставила мнѣ драгоцѣннѣйшее сокровище, но я неумѣлъ употребить его въ пользу: я уничтожилъ его собственными руками. Невозвратная потеря!" — Государь! — возразилъ Рустанъ — непечалься. Опытъ показалъ тебѣ, что ты уничтожилъ вещь безполезную. Самыя лучшія очки безполезны тому, кто глядитъ въ нихъ сквозь страсти: но кто смотритъ глазами разсудка, тотъ неимѣетъ надобности ни въ какихъ очкахъ на свѣтѣ (*).

Дубны. **М. Мгэнръ.**

3 *Іюля* 1818 *года.*

(*) Переводчикъ, поднося слабый трудъ свой милой, доброй *Александринѣ*, остается въ не-

Отрывки изъ Историческаго Похвальнаго слова Графу Румянцову-Задунайскому.

Побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ.

Румянцовъ, выступя въ дальнѣйшій походъ, сражался только съ язвою и недостатками; неприятели, наученные осторожностію, не смѣли уже, какъ прежде, нагло и дерзко приближаться, но ожидали Руских ъ въ выгодныхъ мѣстоположеніяхъ. Румянцовъ идетъ впередъ, находитъ 80 тысячь Турковъ и Татаръ подъ предводительствомъ Хана Крымскаго и трехъ Пашей, которые стояли на высотахъ за рѣкою Ларгою. Румянцовъ приближился къ нимъ съ воинствомъ въ четыре крата меньшимъ. Онъ созываетъ сонмъ вождей и говоритъ имъ съ благородною гордостію, что достоинству Россійскаго воинства противно имѣть въ виду стоящаго неприятеля, не наступая на него . . . Среди ночи грозные полки двигнулись; и первые лучи солнца открыли изумленнымъ глазамъ неприятелей ряды Рускихъ. Страшные громы загремѣли . . . . . но ни множество орудій, ни личная храбрость враговъ, ни выгодное мѣстоположеніе, огражденное четырмя укрѣ-

---

доумѣнія: желать ли ему волшебныхъ очковъ, или же послѣдовать совѣту мудраго Рустана? . . .

Л я

пленіями не удержали Рускихъ. Сохраняя удивительный для всѣхъ порядокъ (*), они не идутъ, но стремительно бѣгутъ на горы, которыя непріятели покрывали. Турки уклоняются въ укрѣпленія, надѣясь найти въ нихъ защиту; но сія надежда тогда же умираетъ въ сердцахъ ихъ, когда и раждается. Подобно бурному вѣтру, гонящему предъ собою тучи, храбрые воины наши гонятъ враговъ; одно за другимъ всѣ укрѣпленія преходятъ въ руки побѣдителей; все ниспровергнуто — осталось одно спасеніе въ бѣгствѣ.

Что же скажу вамъ о побѣдѣ Кагульской? Гдѣ сыщу выраженія для повѣствованія о семъ сраженіи, единственномъ дотолѣ въ лѣтописяхъ Русскихъ, — сраженіи, которое безъ сомнѣнія въ древнія времена составило бы новую епоху въ Исторіи государства; ибо столь же достопамятно по своему неожиданному успѣху, какъ и по слѣдствіямъ для обѣихъ Державъ.

Непріятель, послѣ претерпѣннаго пораженія при Ларгѣ, уклонился къ Дунаю для соединенія съ Верховнымъ Визиремъ; но сей глава Турецкихъ вождей, услышавъ о пораженіи войскъ, упредилъ его намѣреніе, поспѣшилъ со всѣми силами перейти чрезъ Дунай и встрѣтилъ остатки разбитой арміи.

(*) См. Пис. Г. Румянцова къ Императрицѣ.

Румянцовъ же, преслѣдуя неприятелей по пути, отверзтомъ ему побѣдою, приближался къ собраннымъ воинствамъ Турецкимъ. Наконецъ Кагулъ былъ предѣломъ сихъ движеній. Сто пятьдесять тысячь Турковъ раскинули тутъ шатры свои; глазъ человѣческій тщетно старался бы измѣрить станъ ихъ; позади же Ханъ Крымскій тянулся со всею своею ордою въ тылъ Рускимъ и принудилъ Румянцова для защиты обозовъ своихъ отдѣлить значительную часть войска. Что оставалось Русскому Вождю противъ сей доселѣ неслыханной силы, противу сего неисчислимаго множества всадниковъ и пѣшихъ, противу сихъ янычаръ, наводившихъ ужасъ храбростію и отчаяніемъ? что оставалось ему? Семнадцать тысячь Русскихъ героевъ: ибо не было ни одного, кто бы не заслужилъ въ сей славный день сего имени. . . Не трепетали ль вы, сограждане, объ участи малаго числа сихъ воиновъ? . . . Но что я говорю! Намъ ли трепетать, и о Русскихъ ли воинахъ страшиться! Что имъ преградою можетъ быть? какихъ опасностей не презрятъ, какихъ препятствій не превозмогутъ? А здѣсь еще Румянцовъ ведетъ дѣтей своихъ: ибо подъ предводительствомъ отца можно только такъ сражаться и такъ побѣждать. . . Среди безмолвной ночи они подъемлются, берутъ въ сильныя свои руки грозныя оружія и по велѣнію Румянцова идутъ, не спраши-

вая о числѣ непріятелей, но только о томъ, гдѣ они (*)? Воины также покойны, какъ и Вождь ихъ, страшась только безславія, а не смерти: Румянцовъ предсказалъ имъ побѣду. . . . Едва увидѣли Рускихъ враги, какъ страшныя тучи ихъ, преграждая дорогу къ стану, бросаются на нихъ съ ужаснымъ крикомъ; наши встрѣчаютъ ихъ съ ужаснѣйшимъ самаго крика безмолвіемъ, нося на концахъ оружія своего смерть, повсюду враговъ поражающую. Долго продолжалась битва еще въ отдаленіи отъ стана; наконецъ не устояли враги и обратились въ бѣгство. Герои ихъ преслѣдуютъ. . . . Уже касаются они непріятельскаго стана, уже готовы прелетѣть сіи укрѣпленія, огражденныя широкими рвами, уже . . . но вдругъ множество янычаръ и спаговъ, бывшихъ въ засадѣ, какъ вѣтры грозные вырываются, бросаются на Рускихъ, предводимыхъ Племянниковымъ: храбрые, свирѣпые, отчаянные . . . кажется, все должно пасть предъ ними. Рускіе, изумленные нечаянностію и одолѣваемые превосходствомъ силъ, отступаютъ, смѣшиваются, враги торжествуютъ; но Румянцовъ взываетъ къ побѣждаемымъ: остановитесь! .. Сей сердцу знакомый гласъ раздался въ рядахъ Рускихъ; имъ ободренные, имъ ведомые получаютъ новыя силы. Съ именемъ Бога въ устахъ

(*) См. тамъ же.

стремятся они на враговЪ; тысячи падаютЪ, и гордые янычаре, доселѣ ужасЪ свѣта, валятся сЪ шумомЪ, какЪ высокія древа, исторгнутыя бурею изЪ нѣдра земнаго. . . НаконецЪ по трупамЪ, по падшимЪ конямЪ, по изломаннымЪ оружіямЪ, среди мечей и огней Россійскіе герои идутЪ вЪ сердце толпы неприятельской. . . Имя Екатерины раздается повсюду. . . Визирь издаетЪ вопль, и закрывая лице свое, обращается вЪ бѣгство. . . . Всѣ за нимЪ послѣдуютЪ; все ими оставлено: оружіе, богатства, военные снаряды. Забывши честь, преслѣдуемые страхомЪ, другЪ друга упреждающіе, бѣгутЪ они кЪ брегамЪ ДунайскимЪ — и возгремѣли громы побѣдные и клики торжественные, до неба возносящіеся на гробѣ Оттоманской славы.

Сія побѣда, граждане, есть одна изЪ тѣхЪ, которыя рѣшатЪ судьбу государствЪ. Многія сраженія не оставляютЪ по себѣ никакихЪ слѣдствій; но Румянцову назначена была слава одною побѣдою истребить навсегда трепетЪ, которой наносила Турецкая Имперія сосѣдямЪ своимЪ, и положить начало ея разрушенію. Еще же славнѣе для него то, что ему одному Россія обязана симЪ торжествомЪ, его искусному распоряженію, чудесному порядку боя, предусмотрительности, мужеству и даже личной храбрости. Быть можетЪ, остались еще между вами,

граждане, нѣкоторые свидѣтели сего великаго дѣла. Вы помните, вы мысленно зрите своего Вождя, труды ваши раздѣляющаго; вы видите его съ одного конца побѣдоносныхъ рядовъ до другаго летающаго и хладнокровно велѣнія отдающаго среди мѣстъ, гдѣ тысячи смертей вокругъ него упадали. Гдѣ только опасность — тамъ онъ; не жизнь берегъ, но честь свою: и что значитъ жизнь для человѣка, великими дѣлами купившаго себѣ безсмертіе? . . . Такъ, граждане; Румянцовъ въ сей день побѣдилъ, какъ искусный военачальникъ, и сражался какъ храброй солдатъ. Послѣ побѣды воины привѣтствовали его какъ истиннаго своего товарища, и сіи чистосердечныя похвалы, сіи восклицанія признательности ихъ, сіи одобренія Румянцовъ считалъ лучшею наградою въ своей жизни.

Пять лѣтъ война сія продолжалась. Румяцовъ долженъ былъ сражаться съ неприятелями, засѣвшими во многихъ крѣпостяхъ, огражденныхъ Природою и искусствомъ. Можетъ быть вы удивляетесь, что великій Полководецъ нашъ употребилъ столько лѣтъ на покореніе своего противника, удивляетесь потому, что въ богатой происшествіями нашъ вѣкъ видѣли сильныя Монархіи въ нѣсколько дней ниспровергнутыми; но времена различны. Посмотримъ только на средства, которыя были въ рукахъ Румянцова, и узнаемъ,

какую цѣну положить дѣламъ его. Противу изобилующаго всѣмъ врага, имѣлъ онъ всегда скудныя пособія; часто не получалъ совсѣмъ подкрѣпленій, или же получалъ оныхъ недостаточно. Въ одно время сражаясь съ непріятелемъ, съ непогодами, голодомъ и язвою, принужденъ бывалъ вести дѣйствія то наступательно, то оборонительно, и часто послѣ побѣды находился въ бо́льшемъ затрудненіи, нежели другіе полководцы послѣ претерпѣннаго пораженія. Все препятствовало его предпріятіямъ, или замедляло ихъ успѣхи. Но спрашиваю васъ: укажите мнѣ мужа, которой болѣе показалъ неутомимости, терпѣнія, усердія; кто былъ въ затруднительнѣйшемъ положеніи, кто болѣе имѣлъ препятствій и преодолѣлъ ихъ; кто сражался съ многочисленнѣйшимъ врагомъ и чаще побѣждалъ его; кто менѣе имѣлъ средствъ къ пріобрѣтенію побѣдъ и болѣе одержалъ ихъ?.. И если бы на сіе не довольно мнѣ было доказательствъ, то я обратился бы къ народу имъ побѣжденному, ко врагамъ его, коихъ похвалы всѣхъ менѣе подвержены сомнѣнію; я вопросилъ бы ихъ. . . . Тогда бы вы узнали, что человѣкъ, который имъ причинилъ неисчислимыя потери, пріобрѣлъ не проклятія ихъ, но уваженіе.

М — ч.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Дубовый листъ.

Изъ странъ далекихъ путникъ шелъ
Одинъ чрезъ лѣсъ дремучій;
Вотъ сумракъ вечера слетѣлъ,
Сгустились черны тучи,
И ночь близка. — Вкругъ листьевъ шумъ
Страхъ путнику наводитъ;
Объятый скорбью мрачныхъ думъ,
Подъ древній дубъ подходитъ.
Чернѣетъ боръ — сокрылся путь;
Онъ болѣе страшится,
И вздохъ его стѣсняетъ грудь,
Слеза съ очей катится.

* * *

Вдругъ слышенъ шорохъ — изъ кустовъ
Убійца выбѣгаетъ,
И ночи темныя покровъ
Злодѣйство осѣняетъ.
Одинъ свидѣтель мрачный лѣсъ
Былъ жертвы неповинной,
И стонъ убитаго исчезъ
Въ окрестности пустынной.
Не трепещи, убійца злой!
Не дремлетъ Провидѣнье,

И дубъ, шумящій надъ тобой,
Сокрылъ, быть можетъ, мщенье.

* *
*

алчный хищникъ, отобравъ
Погибшаго все злато,
ебѣ построилъ домъ забавъ
И зажилъ въ немъ богато.
что день — то пиръ и сонмъ гостей;
Ихъ роскошь угощаетъ,
время молніи быстрѣй
Въ забавахъ пролетаетъ,
Іо только странникъ все въ очахъ
И дубъ окровавленный:
'бійца часто на пирахъ
Безмолвствуетъ, смущенный.

* *
*

Проходитъ годъ — и въ бракъ вступилъ
Съ красавицей младою;
Онъ прелести ея купилъ
Богатою цѣною.
Но долголь, скорби сквозь туманъ
Блистая наслажденье,
Несчастному для тяжкихъ ранъ
Сулило облегченье?
Какъ мѣсяцъ блѣдный въ облакахъ
Оно опять сокрылось,

И тотъ же странникъ все въ очахъ ;
Унынье возвратилось.

* *
*

Вотще въ долинѣ луговой
Заря румянитъ холмы,
Вдали проглянутъ голубой
Селеній мирны домы,
Ручей, блестящій какъ стекло,
Въ полянахъ заструится
И дуба гордое чело
Денницей озлатится, —
Веселья въ немъ не оживитъ
Природы пробужденье ;
Все, кажется ему, грозитъ
Бѣдой за преступленье.

* *
*

Но въ часъ, какъ сосны вкругъ полей
Сгущаютъ грозны тѣни,
Тмы темъ мерцающихъ огней
Блестятъ въ небесной сѣни,
Онъ бродитъ робкою стопой
Близъ темныя дубравы,
И зритъ съ отчаянной тоской
Дубъ грозный, величавый.
Угрюмый боръ страдальца стонъ
Ужасно повторяетъ,
Встревоженъ дикихъ врановъ сонъ,
И филинъ завываетъ.

* *
*

радость для него чужда
Невинности безпечной,
видитъ счастія слѣда .
Въ дарахъ любви сердечной;
дежды лучь навѣкъ угасъ,
Желанье улетѣло,
мится скорбью каждый часъ,
Душой осиротѣлой,
сь свѣтлый міръ съ своей красой
Облекся въ крепъ печальной,
одъ коимъ блѣдна Смерть съ косой
И факелъ погребальной.

* *
*

близко мщеніе Небесъ.
Убійца, разъ съ друзьями
ришедъ къ ручью, гдѣ темный лѣсъ
И дубъ передъ очами,
адится съ ними въ круговой,
И пиръ готовъ богатый:
есется кубокъ золотой,
За здравіе подъятый,
въ честь его поющихъ хоръ,
Въ веселіи подруга;
о сумраченъ злодѣя взоръ
Пирующихъ средь круга.

* *
*

кубокъ въ очередь златой
Беретъ въ дрожащу руку,

И мыслитъ, удрученъ тоской,
Запить сердечну муку.
Какъ вдругъ раздался вѣтра свистъ,
По воздуху кружится,
Къ нему несясь дубовый листъ. . . .
И въ кубокъ онъ валится!
О тайный судъ! о грозный день!
Убійца цепенѣетъ!
Невинной жертвы видитъ тѣнь,
Трепещетъ и блѣднѣетъ!

* *
*

Склоняетъ взоръ — и зритъ: ручей
Несетъ струи кровавы!
Покрытъ весь кровью злакъ полей,
И холмы и дубравы!
И волю давъ своимъ слезамъ,
Въ ужасномъ изступленьи
Онъ всѣмъ разсказываетъ самъ
О гнусномъ преступленьи.
И скоро взятъ несчастный въ судъ:
Злодѣйству въ воздаянье
Въ тюремномъ мракѣ цѣпи ждутъ,
И смерти наказанье.

* *
*

И странникъ успокоенъ былъ:
Подъ дубомъ молчаливымъ
Навѣкъ въ могилѣ онъ почилъ
Сномъ мирнымъ и счастливымъ.

оникнувъ сосенъ мракъ густой,
Святое состраданье
здвигло памятникъ простой
И крестъ въ воспоминанье.
еступникъ, бросяя взоръ на холмъ,
Страшится дней кончины,
дубъ, колышась вѣтеркомъ,
Роняетъ листъ съ вершины.

Глѣбовъ.

Голубка и Муравей.

Басня. Подражаніе Лафонтену.

(Милостивой государынѣ А. А. Наумовой посвящаю.)

Однажды Муравей
Свалился съ берега въ ручей,
И ну карабкаться, пытаться,
чобъ какъ нибудь на верхъ взобраться,
И мечется туда, сюда....
Но быстрая вода
пять назадъ съ собой бѣдняжку увлекаетъ.
Ко счастью Муравья
Бѣду его Голубка примѣчаетъ,
прутикъ съ дерева въ ручей къ нему бросаетъ;
вотъ по прутику онъ вылѣзъ изъ ручья.
рошло дня два, иль три, какому-то случилось

Босому мальчику Голубку усмотрѣть,
И ею овладѣть
Желанье въ немъ тогда же поселилось;
Бѣжитъ стремглавъ домой и въ мигъ прине-
сетъ сѣть,
Подсыпалъ къ ней пшена, а самъ тотчасъ у-
крылся,
Молчитъ, не смѣетъ и дышать,
Боясь Голубку испугать. . .
Но онъ напрасно льстился!
Усердный Муравей
Примѣтилъ, что ловецъ ее подстерегаетъ,
Она же бѣдная разставленныхъ сѣтей
Совсѣмъ не замѣчаетъ:
Вотъ случай за добро добромъ мнѣ отплатить,
Голубку отъ бѣды легко предохранить!
Подумалъ и поползъ; ловецъ же восхищался!
„Голубкѣ быть моей!" заранѣ говорилъ:
Но Муравей межъ тѣмъ тихонько крался, крался,
Подползъ къ нему и ногу укусилъ;
Онъ вскрикнулъ, бросилъ сѣть . . . Голубка
испугалась,
Порхъ съ дерева, а съ ней
И радость вредная затѣйника умчалась.

* *

Понятенъ, кажется, смыслъ басеньки моей:
Добро приноситъ намъ пріятную отраду,
И рано ль, поздно ли — найдетъ себѣ награду!

А. Маздорфъ.

Симбирскъ.

Елегія.

(*Изъ соч. Парни.*)

Надѣясь сердца грусть разлукой облегчить,
Бѣжалъ я милыхъ мѣстъ, невѣрной украшенныхъ;
Но въ вѣчномъ сумракѣ лѣсовъ уединенныхъ,
Среди безмолвія — не могъ спокойнымъ быть!
Безвѣстною стезей достигъ горы вершины,
Разсѣкшей облаковъ молніеносный сводъ,
Отколь плѣняетъ видъ безбрежныя равнины
Необозримыхъ водъ,
Вдали сліянныхъ съ небосклономъ!
Здѣсь царствуетъ Зима — въ ущелья дикихъ горъ
Свирѣпымъ дуетъ Аквилономъ,
Тамъ въ низовыхъ лугахъ встрѣчаетъ лѣто взоръ:
Зефиръ играющій чуть зелень лобызаетъ,
Отъ зноя пажить засыхаетъ,
И дремлетъ тихій боръ.

Я вижу въ сихъ поляхъ слѣды опустошенья;
Свирѣпымъ пламенемъ гора обнажена,
Томится дерево — не слышно птичекъ пѣнья,
Повсюду мрачная въ пустынѣ тишина.
Все мертво, все молчитъ; — и ты, воспоминанье!
Исчезни съ образомъ измѣнницы моей,

Умри, безумное желанье!
Иль будь непостояннымъ съ ней.
Не кроетъ мрачная дубрава
Неблагодарной красоты;
Повсюду милыя черты
Для сердца моего отрава!
И вздохи тяжкіе волнуютъ грудь мою!
И слезы пламенны въ уединеньи лью!
Пошлите, Небеса! страдальцу новы силы,
Исторгните навѣкъ изъ сердца образъ милый;
Велите пламень сей несчастный угасить,
Который властвуетъ доселѣ надъ душою;
Ахъ! должнобъ сердцу разлюбить
Съ измѣной друга роковою.

Подъ бременемъ тоски жестокой удрученъ,
Излилъ я жалобы, растерзанный страданьемъ;
Иду — и новымъ вдругъ мой взоръ очарованьемъ
Отъ размышленія внезапно увлеченъ:
Серебряны ручьи, у ногъ моихъ раждаясь,
Игриво рѣзвятся въ струяхъ,
Потомъ, стремительно въ потоки превращаясь,
Въ свирѣпыхъ падая волнахъ,
Опустошеніе и страхъ несутъ въ долину;
Разлившись наконецъ въ отлогихъ берегахъ,
Усиливаютъ волнъ кипящую стремнину,
И съ шумомъ ринувшись отъ ярости зыбей,
Въ необозримости теряются морей.
Я вижу предъ собой утесы величавы,

Которыхъ къ небесамъ возносится чело,
И время — ихъ свидѣтель славы,
Сѣдою древностью хребетъ ихъ облекло.
Обозрѣвая вкругъ величія картину,
Мой любопытный взоръ поспѣшно увлеченъ
Съ потока на потокъ, съ пучины на пучину,
И вдругъ . . . недвижимъ, пораженъ.
Природа! здѣсь твое могущество встрѣчаю,
Пустынной дикостью твоей я плѣненъ,
Твой смѣлый трудъ вездѣ съ восторгомъ обнимаю,
И въ ужасѣ самомъ ... восторженъ, изумленъ!

Вотъ въ семъ убѣжищѣ, уединенъ отъ свѣта,
Остатокъ дней моихъ желалъ я провести,
Здѣсь, думалъ, райское спокойствіе найти
И образъ позабыть безцѣннаго предмета;
Но имя милое невольно я твердилъ,
И эхо дальнее внимало за горою;
Егожъ на камнѣ семъ, я трепетной рукою
Съ моимъ сплетя, изобразилъ.
Здѣсь странникъ нѣкогда въ мечтаньи
Возсядетъ, заведенъ тоской,
И скажетъ такъ въ воспоминаньи:
„Почтимъ несчастнаго сердечною слезой!
„Въ пустынѣ сей онъ пѣлъ любви своей мученья;
„Печаль его была — весь геній вдохновенья."

Д. Глѣбовъ.

М я

Двѣ пѣсни.

1.

Милый другъ! ты упрекаешь,
Что таюся отъ тебя,
И причину знать желаешь,
Отъ чего такъ грустенъ я?

*

Отъ чего всегда бываю
И разсѣянъ и унылъ,
Отъ чего подъ часъ вздыхаю,
Нравъ совсѣмъ перемѣнилъ!

*

Другъ безцѣнный! было время,
Время счастья, — но прошло!
И теперь мнѣ жизнь лишь бремя. . . ,
Счастье жизни — отцвѣло.

*

Посмотри на бурно море,
Какъ волнуется оно. . . .
Такъ и сердце — если горемъ,
Иль тоской удручено!

*

Я узналъ, что невозможно
Радость вѣчно удержать;
Раноль, поздно ли, но должно
Бурю въ жизни испытать,

*

Раноль, позднoль, но печали
Къ сердцу близкій путь найдутъ,

Тѣ, что прежде слезъ не знали,
Послѣ ихъ рѣкой прольютъ.

Село Ишеевка.

2..

Яркость солнца заблистала
Въ перекатистыхъ волнахъ,
И касатка заиграла,
Съ другомъ кроясь въ кустахъ;

*

И пѣвецъ весенній, милой,
Несчастливецъ соловей,
Развлекаетъ духъ унылой
Нѣжной пѣсенкой своей;

*

И зефиръ въ садахъ порхаетъ,
И цвѣтетъ уже левкой;
Вотъ и бабочка виляетъ...
Вотъ и жучка золотой;

*

И въ долинахъ раздается
Звукъ пастушьяго рожка,
И сильнѣе сердце бьется
У младаго пастушка.

*

Ахъ! наставшею весною
Все живится и цвѣтетъ;

Только я съ тоской, слезою,
Вижу красныхъ дней приходъ!

*

Только я томлюсь, страдаю!...
Такъ назначилъ мнѣ мой рокъ!
Въ самомъ цвѣтѣ увядаю,
Какъ подкошенной цвѣтокъ!

*

И съ весною наслажденья
Незаглянутъ въ уголъ мой!
И окончатся мученья
Лишь подъ крышей гробовой! —

Симбирскъ.
Мая 7 дня 1818 года.

А. Маздорфъ.

Я помню.

Я помню етотъ взоръ — небесъ изображенье;
Когда, въ день Майской, ихъ чистѣйшая лазурь
Вселяетъ въ душу рай, восторгъ, благоговѣнье,
И мысли нѣтъ въ умѣ о страхѣ грозныхъ бурь!..

*

Я помню голосъ сей, ліющій въ сердце радость
Неизъяснимую на языкѣ людей! . . .
Ахъ! кто изобразитъ ту несравненну сладость,
Котору чувствуемъ въ златой мечтѣ своей! . . .

*

Я помню устъ твоихъ улыбку — не коварну,
Но . . . богъ любви ее присвоилъ бы себѣ,
Чтобъ власти покоритъ своей неблагодарну
Психею новую . . . подобную тебѣ!

*

Я помню все — и такъ я помню безъ сомнѣнья,
Чего нельзя забыть, проведши часъ съ тобой;
Все счастіе души и сердца всѣ мученья —
И не хотѣлъ имѣть вовѣкъ судьбы иной!

К. Ш — въ.

Къ N. N.

Ученъ и свѣдущъ ты, я очень въ томъ согласенъ,
Въ стихахъ твоихъ замѣтенъ даръ;
Но у поетовъ есть теперь свой модной жаръ —
И между нихъ блеснуть твой будетъ трудъ напрасенъ.
Теперь уже не Фебъ, не вкусъ,
А Бахусъ покровитель Музъ;
Звенятъ не струны арфъ, но кубки и фіалы,
Ковши и чаши и покалы;
Не лавромъ осѣненъ, а хмѣлемъ нашъ Парнассъ;
Изъ погребовъ поетовъ слышенъ гласъ —
И изъ за бочекъ гласъ безсмертныхъ лиръ несется;
И ежели самимъ поетамъ вѣрить въ томъ,
То пьеса каждая кругомъ
Въ вѣдро Шампанскаго имъ вѣрно обойдется.
Ты видишь: слава намъ не даромъ достается.
И такъ, мой искренній совѣтъ,
Когда ты хочешь быть Поетъ,
Пей, пей и пей, любезнѣйшій пріятель!
Или останешься посредственный писатель.

Воейковъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Примѣчанія на Граммату Великаго Князя Мстислава Володиміровича, и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго Князя Новгородскаго, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю.

Не много дошло до насъ подлинниковъ древнѣйшихъ письменъ нашихъ; но не намъ однимъ сія участь: ѣдкость времени, пожары, войны, разоренія, а еще болѣе невѣжество по всей Европѣ также истребили весьма многіе первоначальные книжные и дипломатическіе памятники. Правда, есть по нѣкоторымъ мѣстамъ книги, коимъ приписываютъ глубочайшую древность, однакожъ безъ достаточныхъ доказательствъ. А изъ дипломатическихъ остатковъ, по замѣчанію Гаттерера, ни гдѣ въ Европѣ нѣтъ граммать старѣе V вѣка, и даже изъ сего вѣка не больше десятка; изъ VI около двухъ десятковъ, изъ VII едва ли сколько нибудь сотенъ, а изъ VIII много ежели 1000 со всѣхъ Европейскихъ государствъ собрать можно (*).

(*) Смотри въ Прибавленіяхъ подъ буквою А.

По увѣренію Мабильона (*) не было нигдѣ до X вѣка и записныхъ канцелярскихъ книгъ симъ грамматамъ; а прежде исхода XIII вѣка, особливо въ Германіи, не слышно было и объ архивахъ, соблюдавшихъ списки сихъ грамматъ. Но наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что еще въ XI вѣкѣ Великій Князь Ярославъ I завелъ въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ первую книжную библіотеку, гдѣ послѣ хранились, и Княжескія договорныя грамматы (**); а *Константинъ Всеволодовичь*, Великій Князь Ростовскій, въ началѣ XIII вѣка первый собралъ дѣла древнихъ Князей (***). Однакожъ ни изъ первой, ни изъ другой библіотеки ничего до насъ не дошло. Древнѣйшія подлинныя книги XI вѣка, донынѣ намъ извѣстныя, двѣ только находятся въ Императорской публичной С. Петербургской Библіотекѣ: первая *Евангеліе*, какъ изъ подписи писца самаго явствуетъ, писанное 1056 года нѣкіимъ *Григоріемъ* діакономъ для *Остроміра*, сродника Великаго Князя Изяслава: а другая *Сборникъ*, бывшій нѣкогда у Князя Щербатова, писанный въ 1046 мъ, или, правдо-

(*) *De re diplomatica*. Paris. 1681. Libr. III, cap. V, § 21.

(**) *Несторъ. Лѣтопись* по Кенигсбергскому списку стр. 106 и Татищева *Росс. Исторія* Том. III, стр. 310.

(***) Татищева Россійская Исторія Том. III, стр. 416.

подобніе, въ 1076мъ году (*). Изъ XII вѣка извѣстно только два Евангелія, первое писанное на пергаминѣ нѣкіимъ *Алексою* для Новгородскаго Князя Мстислава Владиміровича до 1125 года, а другое хранящееся въ Московской Сунодальной Библіотекѣ, писанное 1144 года (**). Изъ подлинныхъ древнѣйшихъ дипломовъ или граммашъ мы еще меньше имѣемъ остатковъ. Л. А. Шлецеръ говоритъ (***), что Миллеръ до опредѣленія своего къ Московскому Государственному Архиву одинъ разъ увѣрялъ его изустно, что древнѣйшая подлинная Граммата, до тѣхъ поръ отысканная, есть Великаго Князя Андрея Боголюбскаго 1158 года. Но Стриттеръ, бывшій его преемникомъ при Архивѣ, не задолго до своей смерти писалъ къ нему же Шлецеру, что ему не попадалась никогда столь древняя Граммата, и что древнѣйшая имъ найденная, писанная на пергаминѣ, относится къ 1262 году. — Если сіе справедливо, то теперь отыскалась древнѣйшая всѣхъ доселѣ извѣстныхъ подлинная Граммата Великаго Князя *Мстислава* (Θеодора) *Володиміровича* и сына его Новгородскаго удѣльнаго Князя *Всеволода* (Гавріила) *Мстиславича*. Вотъ ея текстъ: ✝ Се азъ мьстиславъ володи-

(*) Смотри букву Б.
(**) См. букву В.
(***) См. букву Г.

мирь с҃нъ дьржа роусьскоу землю въ свою княжение повелѣлъ юесмь с҃ноу своюему всеволодоу ѡ дати боунцѣ с҃тмоу геѡргиеви съ данію и съ вирами и съ продажами и веновотское даже которыи князь помоюемъ княжении почьнетъ хотѣти ѡтъяти оу с҃таго геѡргия. а б҃ъ буди за тѣмъ й с҃тая б҃ца и тъ с҃тый геѡргий оу него то ѡтимаютъ. и ты игоумене *исаие* й вы братиѣ. донюлѣже ся миръ състойтъ. молите б҃а за мя й за моѣ дѣти. кто йзоѡстанетъ въ манастыри. то вы тѣмъ дьлжьни юесте молити за ны б҃а й при животѣ й въ съмьрти. а язъ далъ роукою своюею, й осеньнюе полюдние даровьноюе полътретиядесяте гривьнъ с҃тмоу же геѡргиеви. а се я всеволодъ далъ юесмь блюдо серебрьно. въ л гр҃вн серебра. ст҃моу же геѡргиеви велѣлъ юесмь бити въ ню на обѣдѣ коли игоуменъ ѡбѣдаютъ. даже кто запьртитъ или тоу дань и се блюдо. да соудитъ *юмоу б҃ъ въ* д҃нь пришьствия своюего и тъ с҃тыи и *георгии* .: ⸗ —

Въ сей Грамматѣ наипаче замѣтить должно: 1) время ея, 2) нѣкоторыя невразумительныя слова ея текста, 3) бумагу, на коей она писана, и чернила, 4) почеркъ и образецъ буквъ и правописанія, а также строчные и надстрочные при буквахъ знаки, 5) признаки удостовѣренія даятеля Грамматы

I. *Время данной Грамматы.*

Въ древнихъ нашихъ Грамматахъ никогда не означалось времени. Но въ сей Грамматѣ можно опредѣлить оное вступленіемъ Князя *Мстислава II Владиміровича* на великое Кіевское княженіе и кончиною его, а также княженіемъ сына его *Всеволода Мстиславича* въ Новгородѣ. Мстиславъ Владиміровичь, по свидѣтельству Новгородской лѣтописи(*), изъ удѣльныхъ Новгородскихъ Князей перешелъ въ 6625 или 1117 году на княженіе въ Бѣлгородокъ, что близь Кіева; а по смерти отца своего *Владиміра Всеволодовича Мономаха* вступилъ на великое княженіе Кіевское въ 6633 или 1125 году. Сынъ же его *Всеволодъ Мстиславичь*, по отъѣздѣ отца изъ Новагорода, въ 1117 году принялъ удѣльное Новогородское княженіе. *Мстиславъ* былъ Великимъ Княземъ Кіевскимъ до 1132 го и въ Кіевѣ скончался Апрѣля 14 сего же года; а послѣдній княжилъ въ Новѣгородѣ до 1136 года, въ коемъ онъ изгнанъ Новгородцами за потерю сраженія съ Суздальцами и Ростовцами, и удалился въ Кіевъ къ дядѣ своему Великому Князю *Ярополку Владиміровичу*, который далъ ему удѣлъ въ Вышгородѣ; но вскорѣ Псковичи приняли его къ себѣ на княженіе, на коемъ пробывъ онъ только одно лѣто, во Псковѣ скончался 1138 года Фев-

(*) *Лѣтописецъ Новгор.* изд. въ Москвѣ 1781 стр. 11, и *Никон.* Част. 2, стр. 52.

раля 11. Онъ причтенъ во Святые, и мощи его почиваютъ во Псковскомъ Троицкомъ Соборѣ подъ спудомъ, а при гробѣ его повѣшенъ его мечь съ надписью: honorem meum nemini dabo. Граммата же сія дана второму Юрьевскому Игумену *Исаіи*, который по кончинѣ перваго Игумена *Киріака*, случившейся въ 1128 году, вступилъ въ начальство монастыря. Изъ всего сего можно заключить, что Граммата писана между 1128 и 1132 годомъ.

II. Изъясненіе текста Грамматы сей.

Се азъ. Такъ начинаются почти всѣ наши древнія грамматы, жалованныя на какія нибудь преимущества, или имѣнія и вклады монастырямъ. Мѣстоимѣніе *азъ* выше въ сей Грамматѣ писано *язъ* и *я*. Слѣдовательно тогда всѣ сіи три выговоры были въ употребленіи. Но въ грамматахъ Княжескихъ послѣдовавшихъ временъ до половины XVII почти вѣка писалось только *язъ*.

Мьстиславъ володимирь сынъ Великаго Князя Владиміра Мономаха, скончавшагося въ 1125 году. Онъ въ родословныхъ отличается отъ Мстислава, сына Владиміра Святославича, Князя Тмутараканскаго, именемъ *Мстислава II*.

Държа роуськоу землю въ свое княжение. Слѣдовательно по вступленіи уже въ

Великокняжеский Кіевскій престолъ, т. е. после 1125 года. *Русью* особенно назывался Кіевъ съ около лежащими областями. Смотри *Нестор. Лѣтоп. по Кенигсбергскому списку стран. 271.*

Повелѣлъ кель сн҃оу своемоу всеволодоу отдати боунцѣ. Последняго изъ сихъ слова буквы *боун* такъ вытерты въ подлинникѣ, что прочитать ихъ ясно не возможно. Почтенный любитель нашихъ древностей А. И. Ермолаевъ по долговременномъ вниманіи и разсматриваніи сего слова сквозь микроскопъ, полагаетъ, что слово сіе должно читать *Боуицѣ* и разумѣетъ волость *Буецъ*; означенную въ росписи Новгородскихъ пятинъ подъ числомъ 65 въ Деревской пятинѣ близь нынѣшняго города Холма во Псковской губерніи (*). Но волость сія далека отъ Новгородскаго Юрьева монастыря. Предположивъ даже вѣроятнымъ сіе чтеніе по сходству именъ, гораздо удобнѣе разумѣть здѣсь село *Бунцъ* или *Бунцу* близь Новгорода, упоминаемое Татищевымъ подъ годомъ 1232 въ его Исторіи (**).

(*) *Историч. разговоры о древностяхъ Великаго Новагор.* напеч. 1808. Моск. стр. 92. Сей *Буецъ* упоминается и въ духовномъ завѣщаніи Вел. Князя Ивана Васильевича (1504 г.) отданнымъ сыну его Василію. См. *древн. Росс. Вивліое.* Част. 2, стр. 417, издан. 2.

(**) Татищ. Росс. Истор. Част. II; стр. 459

Ст҃моу геωргиеви, монастырю Святаго Георгія или Юрья, находящемуся въ Новгородѣ при истокѣ рѣки Волхова изъ озера *Ильменя*. Въ Грамматахъ вкладныхъ монастырямъ обыкновенно вклады или даянія писались на имя того Святаго, чей былъ главный храмъ въ монастырѣ. Монастырь сей, одинъ изъ древнѣйшихъ Новгородскихъ, по мнѣнію Татищева, основанъ якобы еще *Ярославомъ* I (въ крещеніи именовавшимся *Георгіемъ*), а по мнѣнію Миллера, якобы *Мстиславомъ Владиміровичемъ*. Но въ Новгородскихъ Лѣтописяхъ приписывается сіе сыну Мстиславову *Всеволоду* и Юрьевскому первому Игумену *Киріану* въ 1119 году (*). Въ Описаніи Юрьева монастыря, напечатанномъ *въ Исторіи Россійской Іерархіи*, кромѣ сей Грамматы, помѣщены еще списки съ двухъ Граммапіъ, данныхъ отъ Всеволода сему монастырю, и притомъ сказано, что въ монастырѣ было еще 4 Грамматы Князей *Мстислава* и *Всеволода*, но въ 1620 году увезены въ Москву.

(*) Татищ. Росс. Истор. Част. 2, стр. 462. Миллеръ *о Князьяхъ Новгородскихъ* въ Сочин. и перев. ежемѣсяч. С П. Б. 1761 г. Ч. 2, стр. 22. *Новгор. лѣт.* напеч. въ М. 1781 стр. 12 и другая нап. въ продолженіи *Древней Росс. Вивліоѳики* въ С. П. Б. Част. 2, стр. 380 и *Лѣтопись по Софійскому списку* напеч. въ С. П. Б. 1795 стр. 152.

Съ данію и съ вирами и съ продажами. *Дань* и *продажа* слова переводныя съ Греческихъ средняго вѣка, *δόσιμα* и *δόσιμον* tributum, или ближе съ Еллинскаго *δάνος* donum, *δάνειον* debitum foenus и *πρόδοσις* elargitio, erogatio. А потому присвоены имъ и разныя знаменованія первоначальныхъ Греческихъ. Татищевъ полагаетъ въ древнемъ нашемъ нарѣчіи три значенія названію *дани*, т. е. 1) отъ подданныхъ Государю ежегодный установленный окладъ или оброкъ, какъ сказано и въ 72 статьѣ *Судебника* Царя Ивана Васильевича; 2) сборъ съ подданныхъ же на какой нибудь чрезвычайный расходъ, какъ Олегъ, переселясь въ Кіевъ, наложилъ ежегодную дань на нѣкоторые подвластные себѣ народы для Варяговъ; 3) плата ежегодная отъ народа другому народу, какъ на примѣръ Руси отъ Чуди, Веси, Мерянъ и проч., или Козарамъ отъ Полянъ, или отъ Грековъ Русскимъ кораблямъ и городамъ по договору съ Олегомъ (*). Здѣсь въ Грамматѣ Мстиславовой слово *дань* имѣетъ первое знаменованіе.

Подъ именемъ *продажи*, по толкованію Издателей Русской Правды, якобы собственно разумѣлась пѣня, платимая Князю съ дѣлъ

(*) Татищ. Россійск. Исторія Част. 2, стр. 374 и *Лексиконъ Истор. Географ. Политич. и Гражданскій подъ словомъ: дань.*

уголовныхъ и исковыхъ. Но изъ XI и слѣдующихъ статей той же *Правды*, кажется, видно, что подъ именемъ *продажи* разумѣлась и плата изувѣченному или битому; а судьямъ за производство суда плата собственно называлась *пошлиною* (*); послѣ же въ Русскихъ законахъ подъ именемъ *продажи* разумѣлись уже взятки (**).

Слово *вира*, по толкованію Издателей *Русской Правды*, значитъ *денежную пеню*, закономъ положенную вмѣсто смертной казни за преступленія, подлежащія смерти. Но собственнѣе сказать, подъ именемъ *виры* разумѣлась пѣня за убійство вмѣсто равнаго отмщенія убійцѣ; а за малыя увѣчья, побои и другія обиды пѣня называлась *продажею*, какъ выше показано. Пѣня *вирная* не только простиралась на убійцу и родственниковъ его, но и на владѣльцовъ той земли, гдѣ найдено тѣло убіеннаго, буде убійца не отыщется. Но если отысканъ, то самъ отвѣтствовалъ своею головою. Ибо право мщенія за смерть смертію и за всякую обиду равною обидою почитается естественнымъ и самымъ древнѣйшимъ въ законоположеніяхъ народовъ. Мы находимъ и въ Еврейскихъ законахъ мщеніе за

(*) *Правда Русская* изд. 1799 въ М. стр. 32 и *Судебникъ Царя Ив. Васил.* по Татищ. списку изд. 1786, М. стра. 17, 37, 33, 77, 81 и 95.
(**) Судебникъ стр. 53.

смерть смертію, за око окомъ, за зубъ зубомъ, и проч. Тамъ же узаконено и отвѣтствованіе владѣльцовъ земли за найденнаго на ней убитаго. Замѣненіе мщенія платою есть уже умягченіе строгости и охраненіе подданныхъ отъ междоусобія, съ намѣреніемъ сберечь убійцу, яко члена общества, дабы не потерять двухъ за одного, безвозвратно погибшаго. А распространеніе сей платы на сродниковъ и владѣльцовъ той земли, на коей случилось смертоубійство и не отысканъ убійца, есть мѣра полицейскаго благоустройства. Всѣ сіи законы совмѣщены въ *Русской Правдѣ* и были издревле у другихъ Европейскихъ народовъ, Германцевъ, Саксонцевъ, Цимбровъ, Англовъ, Скандинавовъ, Богемовъ и Литовцевъ. Въ законахъ ихъ, какъ и въ нашей *Русской Правдѣ*, положена была разная оцѣнка за голову разнаго состоянія людей. Палласъ замѣтилъ и у Калмыковъ, что если тамъ, гдѣ люди живутъ, на долинѣ, или хотя бы въ какомъ другомъ потаенномъ мѣстѣ найдутъ убитаго человѣка, или если кто самъ упадетъ въ вырытую яму и отъ паденія умретъ, то должны люди того мѣста, гдѣ мертвый найденъ, или тотъ, кто упомянутую яму вырылъ, оставшимся сродникамъ покойнаго дать къ удовлетвореніе верблюда и девять скотинъ; если же нѣтъ людей вблизи живущихъ, а только пасущаяся скотина, то изъ оной сродники могутъ

сами взять (*). Въ Россіи законъ о пр[...]вежѣ поголовныхъ денегъ на убійцахъ, или [...]тѣхъ, на чьихъ земляхъ мертвыя тѣла под[...]няты будутъ, возобновленъ былъ и *Новоуказною статьею* 7198 (1690) года Іюля 12.

Откуда ближе заимствовали Славено Руссы законъ о *вирѣ*, рѣшительно не можно сказать; но то извѣстно, что и до Ярославовой *Русской Правды* онъ былъ уже у Славено-Руссовъ. Ибо еще Владиміръ Великій въ послѣднія лѣта жизни своей при умноженіи разбоевъ по Россіи отмѣнилъ было его, установивъ вмѣсто *виры* смертную казнь разбойникамъ; послѣ же, кажется, согласился съ нихъ брать *виру* оружіемъ и конями для своего войска. А Ярославъ I въ *Русской Правдѣ* опять за убійство положилъ взаимное мщеніе отъ сродниковъ убитаго, а въ недостаткѣ ихъ *виру*; но Ярославовы дѣти, паки оставивъ мщеніе, узаконили только *виру* (**).

Доселѣ также навѣрное не опредѣлено еще, изъ какого языка заимствовано Славено-Руссами слово *вира*. Другія Славенскія племена, имѣвшія также *вирный* законъ, называли оный не *вирою*, но, какъ на примѣръ Богемцы, *главою* и *головничествомъ*, а По-

(*) См. букву Д.
(**) См. букву Е.

яки *гловщизною* и *гловчизною.* Есть названіе *головничества* вмѣсто *виры* и въ *Русской Правдѣ.* Толкователи оной вовсе опустили изслѣдованіе о корнѣ сего слова. Татищевъ (въ *Лексиконѣ* своемъ) подъ словомъ *вира* понимаетъ *казну* или *сборъ* народный; а въ *Исторіи* своей (Част. I, стр. 220), производя отъ Сарматскаго языка (не показавъ однакожъ отъ какого слова), протолковалъ *пошлиною* или *данью* и *сборомъ.* Болтинъ, послѣдуя ему (въ *Отвѣтѣ* своемъ *на Письмо* Князя Щербатова стр. 88) производитъ также отъ Сарматскаго (Чухонскаго) слова *vero*, означающаго *подать.* По Юсленіеву Словарю, изданному въ Стокгольмѣ 1745 года, на Финскомъ или Чухонскомъ языкѣ *wero* точно значитъ *подать, werta возмездіе, wuorro наемная плата, weri кровь, werinen кровавый.* По Сравнительному Словарю Императрицы Екатерины II, изд. въ С. П. Б. 1790 года, *виръ* на Венгерскомъ, Зырянскомъ и Вотяцкомъ языкѣ значитъ также *кровь.* А. Л. Шлецеръ въ вышеупомянутой статьѣ указалъ происхожденіе онаго отъ старо-Германскаго *währ-geld* или *war-geld*, которое въ старыхъ Германскихъ законахъ значило то же, что у насъ *вира*, т. е. пѣню или плату за убитаго человѣка. Аделунгъ въ Словарѣ своемъ (Лейпцигскаго изданія 1790 года) производитъ слово wär-geld отъ стариннаго Нѣмецкаго же слова wär (съ Латинскаго *vir* че-

ловѣкъ, *мужъ*, и geld *плата*, то есть какъ бы плата за человѣка. А въ Санктпетербургскомъ его Словаря изданіи 1798 года wär-geld протолковано просто *платою за убіеніе*. По Троцеву Лексикону (изд. Лейпцигскаго 1800) wehr-geld значитъ 1) remuneratio *вознагражденіе*, 2) pretium defensionis *цѣна защиты*. По Словарю Герард. Boccія de vitiis sermonis et glossematis Latino-barbaris, *were* говаривалось сокращенно вмѣсто *weregeld*, которое толкуетъ онъ *выкупомъ* (pretium redemtionis), a wirgild, widrigild, wiregildus, wirgildus, werigeldus (отъ Нѣмецкаго wehrgeld) изъясняетъ онъ *взаимнымъ примиреніемъ* (reciproca compositio) отъ Нѣмецкаго *wir* паки, опять, и gild или geld *цѣна*, *плата* по суду за убіеніе человѣка, или за другое какое преступленіе. По его же Словарю werra *раздоръ*, *война* (dissidium, bellum); оттуда произошло Латиноварварское слово guerra и Французское guerre. По Дю Канжеву Словарю (Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitatis) wera, Саксонское слово, значитъ человѣка, а съ подразумѣваніемъ geld значитъ *цѣну за человѣка или за голову*. Въ Англійскихъ старыхъ законахъ, говоритъ онъ, весьма часто употребляется слово wera въ семъ знаменованіи; такъ же plena wera, dimidia wera (*полная вера*, *половинная вера*) тамъ же wereladа значитъ *законъ вѣры*. По Линдову Словарю

Славянскихъ нарѣчій Томъ 6, wargielt, wergielt (отъ Нѣмецкаго währgeld и среднихъ вѣковъ Латинскаго verigeldum), производятся также отъ древняго слова war *мужъ*, *человѣкъ*, и значили *вознагражденіе за убытокъ*, *рану*, *изувѣченіе человѣка* или *животнаго* и за *убіеніе случайное*. По Богемски, Словацки и Карніольски wira, vira, по Боснійски virra, vierra, по Виндевски, Кроатски и Сорабски wera, по Рагузински vjerra, то же значатъ, что по Россійски *вѣра* (fides). Въ древнѣйшихъ сѣверныхъ языкахъ, по замѣчанію Линде, wara значило *смотрѣть*, *беречь*; warta *караулъ*.

Изъ сравненія сихъ словъ и знаменованій ихъ можно заключить правдоподобно, что коренное произношеніе *виры* было *вера*, отъ старо-Саксонскаго или отъ Финскаго языка. Такъ точно и въ нашихъ лѣтописяхъ послѣдовавшихъ временъ и во всѣхъ почти льготныхъ и несудимыхъ Грамматахъ, даванныхъ отъ Великихъ Князей и Царей, вмѣсто *виры* называлась уже *вѣра*. А поелику въ *Судебникѣ* Царя Ивана Васильевича на мѣсто судебныхъ поединковъ или самоуправнаго мщенія уставлена присяга крестнымъ цѣлованіемъ, то не отъ *виры* ли въ послѣдовавшихъ узаконеніяхъ, и въ самомъ *Уложеньи* Царя Алексѣя Михайловича присяга названа *вѣрою*? Впрочемъ слово сіе нынѣ вышло уже изъ

Русскаго языка; осталось оно только въ простонародномъ употребленіи еще у Малороссіянъ, у коихъ *вирутный злодѣй* значитъ *явный, обличенный воръ, разбойникъ.*

И вено вотское. Слова сіи послѣ слова *продажами* написаны на верху между строками другою рукою и мѣлчайшими буквами, кои трудно и прочитать. Но разобраніемъ оныхъ обязаны мы также А. И. Ермолаеву. Отмѣнныя чернила и почеркъ сихъ словъ доказываютъ, что они приписаны послѣ написанія уже Грамматы. Предположивъ же сіе чтеніе вѣрнымъ, остается отгадать толкъ онаго. *Вено*, какъ извѣстно, значитъ приданое, иногда отъ жениха невѣстѣ или родителямъ ея, а иногда отъ нихъ жениху дававшееся. То и другое у предковъ нашихъ бывало (*). *Вотское*, есть прозваніе одной изъ пяти Новгородскихъ пятинъ или пяти округовъ, на кои раздѣлялась вся Новгородская область. Пятина Вотская простиралась отъ всего теченія Волхова къ сѣверу съ одной стороны до Невы и до границъ Естляндіи, а съ другой до гра-

(*) Татищ. *Россійск. Истор.* Част. I, стр. 570 и Часть 2, стр. 410. Татищ. производитъ оное отъ дѣвическаго вѣнка, либо отъ Латинскаго *venio* прихожу; а можно и отъ *veneo* продаюсь.

ицѣ Финляндіи. Она такъ названа отъ народа Вотовъ, жившихъ по рѣкамъ Невѣ и Іжорѣ (*).

Князь *Мстиславъ Владиміровичъ* по кончинѣ первой своей супруги *Христины*, дочери Новгородскаго Посадника, преставившейся въ Новѣгородѣ 1120 года, бракосочетался въ Кіевѣ съ дочерью Новгородскаго же умершаго Посадника *Димитрія Завидовича* именемъ *Любовію* въ 6630 мъ (1122) году (**). По сему можно заключить, что или онъ на случай вдовства имъ далъ какія нибудь помѣстья въ Вотской пятинѣ, или за которою нибудь изъ нихъ получилъ въ приданное и послѣ уступилъ оное Юрьеву монастырю.

Даже который князь по моемъ княжении почьнетъ хотѣти штъяти оу с҃тго геѡргія. Кажется, здѣсь слово *даже* употреблено вмѣсто *да аже*, или *да аще*, такъ какъ въ Новгородской Лѣтописи *даче меду мало*, вмѣсто *да аще меду мало* (***).

А бъ боуди за тѣмъ и с҃тая б҃ца і тъ с҃тый геѡргій оу него то штъима-

*) *Историч. разговоры о древностяхъ велик. Новагорода*, изд. въ М. 1808, стр. 18 и 96.

**) Новгород. Лѣтопись Моск. 1781, стр. 12, и Мальгина Зерцало Росс. Государей, изд. въ С. П. Б. 1794 г. стран. 150.

***) Тамъ же стран. 1.

ктъ. Богъ за тѣмъ и проч. то есть гонитель или отмститель ему. Такія заклинанія обыкновенны въ древнихъ нашихъ, какъ и въ иностранныхъ граммагахъ, и даже иногда въ концѣ рукописныхъ книгъ.

И ты йгоумене исаию *й вы братиѣ.* Здѣсь имя Игумена вытерто; но можно дополнить оное догадкою. По списку Настоятелей Юрьева монастыря первымъ Игуменомъ онаго значится *Киріакъ*, поставленный въ сей чинъ 1119 года и въ 1128 году скончавшійся; а вторый по немъ *Исаія.* Изъ сего можно заключить, что здѣсь долженствовало стоять имя *Исаіи.*

Донелѣ же міръ състойтъ. молите б҃а за мя й за моѣ дѣти. То есть пока міръ состоится или пребудетъ и проч.

Кто ся йзоустанетъ въ манастыри. то вы тѣмъ дълъж҃ни ѥсте молити за ны б҃а и при животѣ и въ съмърти. т. е. кто останется живъ въ монастырѣ, обязанъ молиться за насъ и за живыхъ и за мертвыхъ.

А язъ далъ роукою̆ своѥю̆. Для объясненія сей рѣчи можетъ служить Мабильіоново замѣчаніе (*): тѣ, говоритъ онъ,

(*) Mabillon de re diplomatica libr. II, cap XXII, 3, 14.

которые не подписывали граммашѣ своею рукою и крестовъ собственноручно не приписывали, въ подтвержденіе писцовой подписи дотрогивались до граммашы рукою. Можетъ быть сіе же значатъ здѣсь и слова Мстиславовы: *далъ рукою своею.*

И о҆сеньюю҆ полюдие даровьною. Изъ самыхъ словъ сихъ заключить можно, что осенью, можетъ быть послѣ сжатія хлѣба и покосовъ, отъ поселянъ подносимъ былъ подарокъ помѣщику или волостелю хлѣбомъ, либо скотомъ, или деньгами.

Полътретиядесяте гривънъ с҆тмоу же геωргіе҆ви, что есть двадцать пять гривенъ Юрьеву монастырю. Какой цѣны гривну здѣсь разумѣть должно, не извѣстно. Толкователи *Русской Правды* оцѣниваютъ древнѣйшую Новгородскую гривну въ 96 золотниковъ серебра или въ полной фунтъ; а во времена Владиміра Мономаха, отца Мстиславова, въ такой серебряной гривнѣ считалось уже семь съ половиною гривенъ кунами (*).

А҆ се я҆ Всеволодъ далъ юсмь блюдо серебрьно въ 30 гр҃внъ серебра. ст҃моу же Геωргіеви. Сей прибавокъ ко Мстиславовой Граммашѣ отъ Всеволода, какъ видно изъ

(*) Русская Правда съ примѣчаніями изд. 2, 1799 г. стр. 4.

сплошнаго письма и одинакихъ чернилъ и почерка, писанъ въ одно время съ предыдущимъ.

Велѣлъ кесмь бити въ ные нашбѣдѣ коли Йгоуменъ шбѣдаютъ. Для объясненія сего мѣста надлежитъ замѣтить, что въ общежительныхъ монастыряхъ и нынѣ при общей трапезѣ Настоятеля съ братіею; когда слѣдуетъ перемѣнять, снимать и переносить кушанье, то Настоятель стучитъ чѣмъ-нибудь въ предстоящее предъ нимъ блюдо, или чашу съ питьемъ, либо въ колокольчикъ. Одна таковая настоятельская трапезная мѣдная чаша на подобіе церковнаго потира, есть въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго Собора. Сей обычай звонить за столомъ для перемѣны кушанья, дабы только не нарушить безмолвія въ монашескихъ общежитіяхъ, есть весьма древній, и объ ономъ упоминаетъ еще Кассіанъ, писатель V вѣка въ книгѣ своей De institutis coenobiorum libr. IV, cap. XVII.

Даже кто запъртитъ или тоу данъ й се блюдо. да соудитъ кему Богъ въ *д҃нь пришествия своеѐ й тъ с҃тый* Георгій. Т. е. да еще кто запретитъ употребленіе сего подареннаго блюда и проч. Слово *тъ* по Новгородскому выговору вмѣсто *тотъ*. Здѣсь буквы *ему въ* и Георгій совсѣмъ почти стерлись въ подлинникѣ.

III. О бумагѣ и чернилахъ сей Грамматы.

Бумага сей Грамматы есть листъ пергаменный, довольно гладко выдѣланный, длиною въ 4¼, а шириною въ 3½ вершковъ. Онъ для уравненія строкъ изчерченъ весь ровными одинакими чертами, вѣроятно желѣзною иголкою, какъ можно замѣтить по глубокимъ прорѣзямъ. Древнія наши пергаменныя и даже бумажныя книги и грамматы почти всѣ писаны по такимъ же чертамъ, иногда по одинакимъ, а иногда по двойнымъ. Но есть книги и грамматы, писанныя и безъ чертъ. Дипломатики въ иностранныхъ книгахъ и грамматахъ среднихъ вѣковъ замѣчаютъ разные роды бумагъ, а именно: а) *Папирусовую* Египетскую, составлявшуюся изъ слѣпленнаго и стиснутаго мѣлкаго тростника, каковая употреблялась въ Европѣ съ V вѣка до XI; б) *пергаменную*, выдѣлывающуюся изъ кожъ животныхъ, каковая употреблялась съ VI, а наипаче съ VIII вѣка; в) *хлопчатую*, дѣлавшуюся изъ хлопчатой бумаги, каковая употреблялась у Грековъ и Европейцовъ въ IX и X вѣкѣ; г) *шелковую*, дѣлавшуюся изъ шелку, употреблявшуюся только на Востокѣ, и наконецъ д) *холстинную*, появившуюся съ XIII или XIV вѣка и оставшуюся въ употребленіи до нынѣ (*). У насъ въ Россіи,

(*) Gattereri *Elementa artis diplomaticae* pars I, pag. 32, et *Epitome artis diplomaticae* Gattereri

сколько доселѣ извѣстно, употреблялось издревле только три рода бумаги; а) *пергаменная*, на коей писаны всѣ древнѣйшія книги и грамматы до XV почти вѣка, а нѣкоторыя грамматы и послѣ того; б) *хлопчатая*, замѣтная толщиною и плотностію своею въ старинныхъ нашихъ бумажныхъ книгахъ и грамматахъ. Она обыкновенно вылощивалась зубомъ, или какимъ другимъ орудіемъ у писцовъ. На такой же бумагѣ писаны всѣ Татарскія и Калмыцкія старыя грамматы. в) *Холстинная* тонкая, появившаяся у насъ съ XIV вѣка. Древнѣйшая Русская граммата, донынѣ извѣстная, на бумагѣ (и конечно на хлопчатой) писана около 1341, *или* между 1341 и 1353 годами при Великомъ Князѣ Симеонѣ Іоанновичѣ Гордомъ (*); а древнѣйшая книга бумажная въ Библіотекѣ С. Петербургской Академіи Наукъ находится писанная въ 1371 году (**).

Вообще о внѣшней формѣ старинныхъ Русскихъ граммать, сколько извѣстно о нихъ по Архивамъ, можно замѣтить, что иныя

edit. noua et completa curis C. Gaertner, Salisburgi 1806, in 8.

(*) Смотр. *Кратк. Россійск. Истор.* для народ. училищъ изд. 1799 г. стран. 105.

(**) Смотр. Вакмейстер. *Опытъ о Библіотекѣ и Кабинетѣ рѣдкостей и проч.* Русскаго перев. издан. 1779 г. стр. 77.

изъ нихъ, особливо новѣйшія, писаны на пергаминѣ величиною въ полу-александрійской листъ; другія древнѣйшія очень малы, и на примѣръ длиною въ 3 или 4, а шириною въ 2 и 1½ вершковъ. Гуденъ въ грамматахъ другихъ Европейскихъ Державъ замѣтилъ, что до XI вѣка граммашы писывались протяженіемъ въ длину, а послѣ того въ ширину, такъ что въ семъ послѣднемъ случаѣ не оставлялось даже никакихъ бѣлыхъ полей на сторонѣ. Но Гаттереръ съ своей стороны замѣтилъ, что правило сіе не безъ исключенія (*). То же сказать должно и о нашихъ пергаменныхъ Грамматахъ, кои были обѣихъ сихъ формъ. Бумажныя наши Государскія древнія Грамматы писывались на столбцахъ, а новѣйшія, особливо съ начала XVII вѣка, на большой Александрійской бумагѣ съ вензеловатою разрисовкою начальныхъ буквъ, а по полямъ иногда росписаны золотомъ, серебромъ и красками разные цвѣты и фигуры. Древнія начинались по большей части словами: *се язъ*, или отъ *Великаго Князя* N. — А со времени Великаго Князя Ивана Васильевича появилось употребленіе такъ называвшагося у насъ *Богословія*, т. е. съ именемъ Божіимъ; *Божіею милостію*, о чемъ ниже сказано будетъ.

(*) Gatterer. Elementa diplom. pars I, pag. 52.

Чернила въ сей Грамматѣ, по замѣчанію А. И. Ермолаева, были киноварныя, отъ древности уже пожелтѣвшія. На словахъ *и всено ватское*, приписанныхъ обыкновенными чернилами, очевидны слѣды накладной листовой позолоты, которою, по мнѣнію того же замѣчателя, покрыта была и вся сія Граммата; но золото якобы стерлось съ оной.

Если это замѣчаніе справедливо, то и по сему самому Граммата Мстиславова единственной рѣдкости въ нашей дипломатикѣ. Правда, искусство писать растворенным золотомъ извѣстно было на Востокѣ еще во времена Блаженнаго Іеронима, то есть въ IV вѣкѣ (*); но оно тогда употреблялось только для надписей и заглавныхъ буквъ въ книгахъ, какъ то было и въ нашихъ пергаменныхъ многихъ Евангеліяхъ и Апостолахъ, хранящихся въ Патріаршей и Софійской Новгород. Библіотекахъ. Въ средніе вѣки начали писать имъ и цѣлыя Священныя книги, особливо Псалтири и Евангелія, и сіе чаще у Грековъ, нежели у Западныхъ; а у насъ не извѣстно еще цѣлыхъ книгъ, писанныхъ золотомъ. Въ послѣдовавшіе уже вѣки, и притомъ рѣдко, писывались

(*) Aurum liquefcit in litteras, пишетъ Іеронимъ въ письмѣ къ Дѣвѣ Евстохіи около 384 года. О золотыхъ буквахъ упоминаетъ и Плиній H. N. libr. 35, c. 9, но о живописныхъ, а не о книжныхъ.

имѣ на Западѣ и важнѣйшіе Государственные акты (*). Но о Греческихъ золотыхъ грамматахъ дипломатики не упоминаютъ. Даже Императоры Греческіе имѣли исключительное право подписывать грамматы свои только пурпуровыми или багряными чернилами, дѣлавшимися для нихъ изъ крови нѣкоторыхъ раковинъ и называвшимися encauſtum sacrum. Обыкновенныя Государей нашихъ древнія грамматы всегда писывались черными чернилами и одинъ только донынѣ извѣстенъ намъ примѣръ, что Царь Іоаннъ Васильевичь письмо свое къ Гурію, Архіепископу Казанскому, въ 1555 году все написалъ киноварью (**). Въ сосѣдственной намъ Польщѣ золотыя письмена въ грамматахъ появились съ исхода XVI вѣка, и то въ прописи токмо Королевскихъ именъ (***). То же и у насъ вошло

(*) Henr. Gunth. Thulemarii *Tractatio ſeu commentarius de aurea Bulla Imperatoris Caroli IV. Anni* 1356, edit. Heidelberg. 1682 in 4, cap. 3.

(**) *Судебникъ* Царя Ивана Васильевича изд. съ примѣч. Татищ. Моск. 1786, стр. 231 и *Продолж. Древн. Росс. Вивліоѳики* Часть V, изд. С. П. Б. 1789, стр. 244.

(***) Ioan. Olrych. Szanecki Jctus Polonus de linguae Bohemicae ſ. Czechicae in Polonia uſu diplomatico et forensi, cum aliis quibuſdam notitiis, edit. in Miſcellaneis Cracovienſibus, fascic. 11 pag. 105. Шанецкій тамъ приводитъ во свидѣтельство грамматы 1593 г. Іюня 12, 1603 г. Октября 20 и 1649 Ноября 14.

въ употребленіе наипаче съ начала XVII вѣка, или съ царствованія Государя Михаила Ѳеодоровича. Въ сихъ грамматахъ сверхъ золотыхъ прописей царскихъ именъ и титуловъ первоначальныя вензеловатыя буквы и края около всѣхъ граммать разрисованы бывали также золотомъ, серебромъ, киноварью, зеленью, синевою и другими красками, съ изображеніемъ Государственныхъ гербовъ, звѣрей, птицъ, рыбъ, и проч. Но въ пергаменныхъ церковныхъ нашихъ книгахъ и особливо въ Евангеліяхъ, Апостолахъ и Псалтиряхъ гораздо древнѣе употребленіе разныхъ красокъ, иногда также съ золотомъ и серебромъ, въ заглавныхъ надъ книгами рисункахъ и первоначальныхъ вензловатыхъ буквахъ, которыя по большей части изображались въ видѣ животныхъ и насѣкомыхъ; а киноварь въ заглавіяхъ и начальныхъ буквахъ при главахъ и зачалахъ употреблялась почти во всѣхъ пергаменныхъ и бумажныхъ церковныхъ нашихъ книгахъ. Есть Псалтири и служебныя книги, въ коихъ даже при началѣ каждаго стиха первыя буквы писаны киноварью, или по крайней мѣрѣ сурикомъ.

IV. О почеркѣ буквъ и правописаніи, а также о строчныхъ и надстрочныхъ знакахъ при буквахъ.

Почеркъ письма въ сей Граммать есть совершенно *уставный*, у насъ такъ назы-

емый, а у Западныхъ дипломатиковъ litterae unciales, т. е. смѣшенный изъ заглавныхъ угловатыхъ и нѣкоторыхъ округлыхъ буквъ. Такимъ письмомъ писаны всѣ наши древнѣйшія пергаменныя книги XI, XII, XIII и частію XIV вѣка; ибо съ половины XIV вѣка началъ употребляться почеркъ полууставной, состоящій больше изъ округлыхъ, нежели прямолинейныхъ буквъ, а съ XV вѣка пришло къ намъ изъ Польши скорописное письмо. Слова всѣ по древнему же обыкновенію здѣсь писаны безъ разстановки одно отъ другаго, выключая развѣ гдѣ точкою отдѣлены.

Древнія наши рукописи въ каждомъ почти вѣкѣ имѣютъ нѣкоторыя отличныя буквы, а потому можно бы ихъ по примѣру Гаттererову (*) различить на классы; но есть также у насъ рукописи, даже бумажныя позднихъ вѣковъ, списыванныя со всею точностію въ буквахъ съ древнихъ пергаменныхъ. Въ сей Грамматѣ отличныя буквы, принадлежащія собственно XI, XII и XIII вѣку, суть во первыхъ связное двоегласное *ѥ*, употреблявшееся тамъ, гдѣ мы произносимъ букву *е* густо съ начала словъ и въ срединѣ послѣ гласныхъ, какъ на примѣръ въ словѣ *его* и *твоему*. Къ тѣмъ же вѣкамъ принадле-

(*) Gatterer. pag. 96 et sequ.

жатъ здѣсь встрѣчающіяся буквы: *Ѵ* (*Ч*) и-лообразная, *Н* вмѣсто нынѣшняго *И*, *И* вмѣсто *Н*, оу вмѣсто у, з съ отличны хвостомъ, *ЬІ*, и употребленіе вездѣ букв *и*, гдѣ слѣдовало бы быть *ї*, котораго въ сей Грамматѣ вовсе нѣтъ, кромѣ въ двоегласной ѥ; не видно также здѣсь буквы *юса*, которы есть въ Остромировѣ спискѣ Евангелія и Щербатовскомъ *Сборникѣ*, писанныхъ въ XI вѣкѣ; въ Новогородскихъ рукописяхъ Софійскаго Собора въ рѣдкихъ также она встрѣчается. Изъ сего можно заключить, что всеобщаго употребленія ея въ Россіи не было. Зизаній, въ своей Славенской Грамматикѣ замѣчаетъ, что оная употреблялась больше у Западныхъ Славянъ, Сербовъ и Волоховъ вмѣсто *у* и *ю*; по увѣренію же Мелетія Смотрицкаго въ его Грамматикѣ, *юсъ* имѣлъ въ древности только значеніе *ю*, а *ю* особое произношеніе какъ іо. Но въ Славенскомъ діалектѣ, говоритъ онъ, не обрѣтается слоговъ іо и потому начали употреблять *ю* вмѣсто *юса*, который писцами и оставленъ. А Тредьяковскій въ своемъ Разговорѣ объ *Ортографіи*, стр. 32, утверждаетъ, что буквы *ю* вовсе не было въ Кириловской первоначальной азбукѣ, и вмѣсто ея употреблялся только *юсъ*. По сему слѣдовало бы заключить, что буква *ю* вмѣсто *юса* выдумана уже въ позднѣйшія времена, какъ и другія нѣкоторыя Славянскія буквы, не находящіяся въ Кирилловой; или ру-

писи наши съ *юсами*, можетъ быть, писа-
я за Дунаемъ писцами Сербскими и проч.,
ибо учившимися у нихъ Руссами, либо въ
очности съ Сербскихъ подлинниковъ. Но
ослѣ и печатаны были нѣкоторыя книги съ
сами, какъ на пр. *Псалтирь*, изданная въ
ильнѣ 1575, *Послѣсловіе* при Служебникѣ
етра Могилы 1629 года, напеч. въ Кіевѣ, и
Служебникъ Львовскаго Епископа Гедеона
алабана 1604 года, напеч. въ Стрятинѣ. Въ
ихъ печатныхъ книгахъ *юсъ* употребленъ за
укву *у*, а не за *ю*; однакожъ есть тамъ и
уква *у* въ своемъ значеніи.

Правописаніе въ сей Грамматѣ не вездѣ по
динообразнымъ правиламъ и даже индѣ оши-
очно, какъ и во всѣхъ нашихъ древнихъ ру-
описяхъ, хотя при Великомъ Князѣ дипло-
иатическому писцу, кажется, надлежало быть
исправнѣйшему прочихъ. Изъ сего слѣдуетъ
заключить, что тогда не было еще посто-
янныхъ грамматическихъ правилъ правопи-
санія.

Изъ отрочнихъ препинательныхъ зна-
ковъ здѣсь писаны только точки и не все-
гда въ надлежащемъ мѣстѣ. Въ древнѣйшихъ
нашихъ пергаменныхъ, а часто и въ бумаж-
ныхъ, книгахъ и грамматахъ не употреблялось
другихъ, кромѣ сего, препинаній. Запятыя,
двоеточія и проч. показались уже съ XIV

вѣка. Даже въ завѣщаніи Преподобнаго Діонисія Глушицкаго, писанномъ около 1437 года на бумагѣ, ставлены только точки при каждомъ реченіи. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ, какъ и въ сей Грамматѣ, точки писались больше при срединѣ буквъ, а не при подошвѣ. У Римлянъ, по свидѣтельству Доната, писателя IV вѣка (*), мѣстоположеніе точки въ верху буквы значило нынѣшнюю нашу *точку*, въ низу буквы *запятую*, а въ срединѣ *двоеточіе*; но у насъ не было сего различія. Въ концѣ граммать и статей въ книгахъ писывалась не одна уже точка, но либо три, какъ въ сей Грамматѣ, либо двѣ, либо четыре, съ разными чертами, крестами, и проч.; въ концѣ строкъ при неоконченныхъ реченіяхъ у древнихъ не было также переносной черты, какъ и въ сей Грамматѣ нѣтъ оной.

Изъ надстрочныхъ знаковъ, кромѣ титлы и буквы *т* надъ *ω* здѣсь замѣчательны точки, а индѣ кавыка надъ нѣкоторыми гласными и двоегласными буквами, а надъ буквою *ω* по двѣ точки. Какое было у древнихъ нашихъ писцовъ правило въ употребленіи сихъ надстрочныхъ точекъ и кавыкъ, не извѣстно. Въ древнихъ нашихъ пергаменныхъ книгахъ видно великое въ семъ несходство.

(*) Gatterer. pag. 60.

Въ однихъ надъ всѣми двоегласными и надъ *u* и *e* въ началѣ, а также и въ срединѣ густо произносимыми, и надъ ї, когда оно употреблено вмѣсто краткаго *й*, ставлены по одной, либо по двѣ точки; въ другихъ часто и надъ тонкими гласными *а*, *о*, *ї* ставлены также по двѣ точки, а въ иныхъ только надъ буквою *о*, когда она писана въ предлогѣ *отъ*. Титла, заимствованныя отъ Грековъ, находятся во всѣхъ нашихъ древнихъ рукописяхъ. Но чѣмъ старѣе книги, тѣмъ ихъ меньше, и почти только надъ почетными именами. Ударенїй во всѣхъ древнѣйшихъ пергаменныхъ рукописяхъ не находится, какъ и въ сей Грамматѣ; они появились уже въ бумажныхъ.

V. О признакахъ удостовѣренїя данной Грамматы.

Въ дипломатикѣ признаками удостовѣренїя граммашъ вообще почитаются: 1) въ заглавїи надписи призыванїе имени Божїя, либо Хрїстова, либо Троицы, или Божїя Матери и проч., 2) кресты, 3) подписи рукоприкладственныя, 4) печати.

Надписи имени Божїя и проч., называвшїяся у насъ *Богословїемъ*, употребляться начали въ грамматахъ нашихъ уже въ позднїя времена, и первый изъ извѣстныхъ сему образецъ находится между бумагами Архива И. К.

въ Грамматѣ Великаго Князя Ивана Васильевича, писанной въ Кафу къ Жидовину Захарію въ 1484 году, и начинающейся словами: *Божіею милостію Великій Осподарь Руские земли Великій Князь Иванъ Васильевичь Царь всея Русіи Володимирскій и Московскій и Новгородскій и Псковскій и Югорскій и Вятскій и Пермскій и иныхъ* и проч. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ обыкновенно на переди писывалось: *во имя Святыя Живоначальныя Троицы* и проч., чему многіе примѣры *въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ и Продолженіи* оной. Въ одной грамматѣ, данной Глушицкому монастырю отъ Великаго Князя Василья Васильевича Темнаго, надписано: *Святыя дѣла Богородицы и честнаго ея Покрова се язъ Князь Великій* и пр.

Кресты между удостовѣрительными знаками гораздо древнѣе какъ въ иностранныхъ, такъ и въ нашихъ грамматахъ, и по замѣчанію Гаттерерову (*) встрѣчаются съ V вѣка. У насъ они часто употреблялись и въ новѣйшія времена при духовныхъ завѣщаніяхъ, при настольныхъ на духовные чины и при вкладныхъ монастырямъ грамматахъ. Ихъ писывали разнообразно, иногда въ началѣ первой строки грамматы, какъ въ сей Мстисла-

(*) Gatterer, pag. 187.

вовой четвероконечный крестъ; иногда въ средине текста, какъ здѣсь же предъ словами *и вено вотское*; иногда на полѣ, какъ въ завѣщаніи Преподобнаго Варлаама Хутынскаго, жившаго въ XII вѣкѣ, написанъ осмиконечный крестъ; иногда въ концѣ граммашъ при подписи именъ, какъ во многихъ духовныхъ завѣщаніяхъ; иногда и въ срединѣ самыхъ подписей рукоприкладственныхъ, какъ въ подписи Симона, Архіепископа Вологодскаго, подъ соборнымъ осужденіемъ Патріарха Никона (*). Начертаніе сіе знаменовало то же, что и призываніе имени Божія во свидѣтельство.

Рукоприкладственныхъ подписей въ древнѣйшихъ нашихъ Грамматахъ, какъ и въ сей Мстиславовой, не видно. Вмѣсто рукоприкладства служили вышеупомянутые кресты и печати; а въ позднѣйшихъ, особливо вкладныхъ и духовныхъ завѣщаніяхъ, замѣняли ихъ въ концѣ приписывавшіяся имена свидѣтелей, либо духовныхъ особъ, при томъ бывшихъ, или писавшаго оныя (**).

Гаттерерь замѣчаетъ, что кресты иногда приписывались собственноручно давате-

---

(*) *Житіе Патріарха Никона*, напеч. въ С. П. В. 1784, стр. 124.

(**) *Древняя Р. Вивл.* изд. 2, Част. 1, стр. 4 и слѣд. и Продолженіе *Древ. Росс. Вивліоѳики* Ч. III, стр. 80 и слѣд.

ями грамматъ, о чемъ и въ самыхъ грамматахъ упоминалось, какъ на примѣръ: concesſit iisdem monachis dona matris ſuae, faciendo crucem; или propria manu pro ignorantia litterarum ſignum venerabile sanctae crucis feci; или venerabili ſigno crucis antea haeredis manu praeposito; или ſignum crucis propriae manus meae ſcribere nescientis; или quia ab amiſsionem luminum ſcribere nequiui, manu propria ſignum crucis ſubterfirmaui, и проч. (*). Изъ сего видно, что крестами подписывались больше за неумѣніемъ граматѣ, или по невозможности, на прим. за слѣпотою и проч. У насъ въ старинныхъ записяхъ и обязательствахъ неумѣющіе писать прикладывали руки, омочивъ перстъ въ чернила и вытискивая струи онаго на бумагѣ. Но Гаттерерь говоритъ, что иногда и не считали за надобность подписываться собственноручно, и даже кресты часто писаны писцами, а не самимъ дателемъ грамматы. Сіе послѣднее можно замѣтить и въ нашихъ грамматахъ, въ коихъ чернила и почеркъ сходный съ письмомъ самыхъ грамматъ заставляютъ думать, что кресты писаны писцами, какъ и во сей Мстиславовой Грамматѣ. Есть однакожъ старыя Русскія грамматы, въ коихъ сверхъ крестовъ находятся и собственноручныя подписи;

(*) Gatterer pag. 192, 193 et 195.

жакъ на прим. въ духовномъ завѣщаніи Преподобнаго Варлаама Хутынскаго съ правой стороны креста подписано уставомъ: *Варлаамъ моею рукою;* а въ одной грамматѣ удѣльнаго Богмножскаго Князя, Семена Юрьевича, данной Вологодскому Глушицкому монастырю, въ концѣ грамматы приписано отличными чернилами и уставнымъ письмомъ, безъ сомнѣнія собственноручно: *далъ есмь*, но имени не написано. Съ XV вѣка мы находимъ уже на жалованныхъ грамматахъ, особливо Великокняжескимъ, по большей части подписи именъ ихъ на оборотѣ листа, на прим. *Князь Великій N. всея Руси;* но сіи подписи даже до XVIII вѣка были не собственноручныя, а писаны дьяками, какъ замѣтно изъ различнаго ихъ почерка на различныхъ грамматахъ того же Государя. Не у насъ однихъ былъ сей обычай предоставлять подписываться вмѣсто себя дьякамъ; Гаттерерь замѣтилъ сіе и въ другихъ Державахъ еще съ VI вѣка. Онъ говоритъ, что Императоры Іустинъ I въ VI и Карлъ Великій въ девятомъ вѣкѣ, даже за неумѣніемъ писать, клеймили чернильнымъ штемпелемъ (stampilla) на грамматахъ свой вензель, а иные прописывали оный перомъ сквозь прорѣзную дощечку (lamina interrasili), сдѣланную изъ золота, или другаго металла, либо изъ слоновой кости. Многіе и умѣвшіе писать, для скорости и легкости, такія же дѣлали

вѣ грамматахѣ рукоприкладства, и даже вмѣсто нихѣ клеймили оныя писмоводители. Сѣ XI вѣка, по замѣчанію Гаттдререру, совсѣмѣ вышли изѣ употребленія собственноручныя подписи, и самые Императоры Константинопольскіе сѣ тѣхѣ порѣ, вмѣсто имени своего, начали подписывать только мѣсяцѣ и индиктѣ; а Европейскіе Князья довольствовались приложеніемѣ печатей (*).

Печати вѣ дипломатикѣ раздѣляются на два класса: на металлическія, собственно называвшіяся *буллами* (bullae), и на мягкія, собственно называвшіяся *печатьми* (sigilla), дѣлавшіяся изѣ воску чистаго, либо смѣшаннаго сѣ красками, изѣ мѣлу, муки, или воскомастики (**). Вѣ нашихѣ Русскихѣ грамматахѣ тѣ и другія встрѣчаются; но есть подлинныя грамматы духовныя, договорныя и другія безѣ печатей. До VIII вѣка, говоритѣ Гаттерерѣ (***), печати считались необходимыми при всѣхѣ актахѣ; а сѣ VIII до половины XII прикла-

(*) Gatterer pag. 195, 216, 217, 221, 225, 227, 236 et 251, et Gartneri *Epitome* ejus pag. 105.

(**) Ibid. pag. 285.

(***) Ibid. pag. 272. Въ Договорѣ Великаго Князя Святослава сь Греками въ 971 мъ году упомянуто, что Славено-Руссы тогда съ своей стороны къ мирной записи приложили печать. См. *Несторову Лѣтоп.* по Кенигсбергскому списку издан. въ С. П. Б. 1767 стр. 6

дывались по произволенію, ибо часто замѣняли ихъ приписывавшіеся кресты, вензели и другіе знаки. Съ XII до XV вѣка опять вошли въ употребленіе печати, и всѣ Князья, Епископы, Настоятели монастырей, дворяне и многіе частные люди имѣли уже оныя у себя (*). Восковыя печати, можетъ быть, и у насъ, такъ какъ въ другихъ государствахъ на Востокѣ и Западѣ, были самыя древнѣйшія; но тлѣнность не допустила ихъ до нашихъ временъ. Воскъ для печатей въ древности употреблялся у Рускихъ обыкновеннѣе желтой и черной, а съ XV вѣка и красной. Мѣловыхъ, мучныхъ, или облатковыхъ и воскомастиковыхъ печатей, кажется, у насъ не было до новѣйшихъ вѣковъ; а сургучныя у насъ показались уже въ XVIII вѣкѣ: ибо сургучь и въ Европѣ изобрѣтенъ уже въ XVII вѣкѣ. Изъ металлическихъ замѣтны у насъ только свинцовыя, плотныя, а серебряныя внутри пустыя, и изъ нихъ употребительнѣе первыя у чино-

---

(*) Gatterer ibid. Образцы бывшихъ у насъ свинцовыхъ печатей частныхъ людей при завѣщательныхъ и купчихъ грамматахъ XIV вѣка, писанныхъ на пергаминѣ, можно видѣть въ IV Части Путешественныхъ *записокъ* Академика Лепехина стр. 428 и слѣд., а также *въ Собраніи государственныхъ Грамматъ и договоровъ*, изданномъ на иждив. Его Сіятельства Графа Н. П. Румянцева въ М. 1812 г. Часть 1.

вниковъ и бояръ, а послѣднія у Князей Великихъ и Всероссійскихъ Митрополитовъ. Тѣ и другія находимъ мы въ древнихъ грамматахъ Новгородскихъ, Великокняжескихъ, Епископскихъ и другихъ, иногда клейменыя на одной только сторонѣ, а иногда на обѣихъ (*). Чистыхъ золотыхъ печатей на древнихъ грамматахъ у насъ донынѣ еще не отыскано. Полидоръ Виргилій говоритъ, что изъ Римскихъ Императоровъ первый Карлъ Великій началъ прикладывать къ грамматамъ золотыя печати (**); но Гейнекцій относитъ и серебряныя позолоченныя къ классу золотыхъ (***); а непозолоченныя серебряныя печати Гаттереръ почитаетъ *рѣже бѣлыхъ вороновъ*; bullae argenteae albis coruis rariores, говоритъ онъ (****). Въ нашихъ Грамматахъ всѣ серебряныя печати встрѣчаются позолоченными.

Печать при сей Граммата круглая, величиною въ копейку, или малый грошевикъ,

(*) Смотри *Вѣстникъ Европы* 1811 года No 23 и 24 и грамматы, въ предыдущемъ примѣчаніи упомянутыя (*). Polydor. Virgilii *de rerum inuentoribus* libr. VIII, cap. 2. Но Гаттереръ въ Сокращеніи своей дипломатики, изданномъ Гертнеромъ pag. 149, употребленіе золотыхъ печатей приписываетъ еще Константинопольскимъ Императорамъ съ Іустиніана I въ VI, а изъ Западныхъ Императоровъ первому Карлу Плѣшивому въ IX вѣкѣ.

(****) Gatter. pag. 288.

(****) Pag. 287.

привѣшена была къ оставшейся еще внизу листа скважинѣ снуркомъ, сквозь внутреннюю пустоту самой печати продѣтымъ. Но снурокъ конечно отъ гнилости истребился, а потому ничего о немъ сказать не можно. Клеймо печати довольно ясно донынѣ. На одной сторонѣ изображенъ Спаситель, на Престолѣ сѣдящій и благословляющій, а на другой Архангелъ Михаилъ, поражающій копьемъ змія подъ своими ногами. Съ такимъ же клеймомъ многія Новгородскія Княжескія свинцовыя печати означены въ 1 й Части *Древней Россійской Вивліоѳики*. Но были печати у нашихъ Великихъ Князей и съ другими изображеніями, а также и другой фигуры, какъ напр. 1) печать серебряная позолоченная Великаго Князя Михаила Ярославича Тверскаго между 1305 и 1309 годами, круглая, величиною въ грошевикъ, на коей съ одной стороны изображеніе Архистратига Михаила, а на другой Св. Николая; съ таковымъ же клеймомъ и такой же величины есть его свинцовая печать 1312 года. 2) Съ такимъ же клеймомъ и такой же величины свинцовая печать Великаго Князя Тверскаго Александра Михайловича 1326 года. 3.) Печать серебряная позолоченная Великаго Князя Ивана Даниловича Калиты, между 1328 и 1341 годами, осміугольная, величиною въ грошевикъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя, а на другой Святаго Іоанна Предтечи;

вокругъ изображена по обѣимъ сторонамъ надпись: *печать Великаго Князя Ивано.* 4) Печать серебряная позолоченная Великаго Князя Симеона Іоанновича 1353 года, круглая, величиною въ грошевикъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Св. Симеона, а на другой подпись: *печать Князя Великаго Симеона всея Русi.* Есть восковыя таковыя же печати сего Великаго Князя около 1353 года. 5) Печать серебряная позолоченная Великаго Князя Ивана Ивановича между 1356 и 1359 годами, круглая, величиною въ грошевикъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Св. Іоанна съ надписаніемъ Греческимъ: *Ἁγιος Ἰω*, а на другой строчная подпись: *печать Князя Великаго Ивана Ивановича.* 6) Печать серебряная позолоченная Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго 1389 года, круглая, величиною такая же, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Св. Димитрія Селунскаго, а на другой строчная подпись: *печать Князя Великаго Дмитрія Ивановича всея Русіи.* Есть его таковыя же и восковыя печати между 1362 и 1389 годами. 7) Печать серебряная позолоченная Великаго Князя Василія Дмитріевича между 1392 и 1417 годами, круглая, величиною такая же, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Св. Василія Великаго, а на другой строчная подпись: *печать Князя Великаго Василіева Дмитріевича всея Русіи.* Есть его тако-

выя же и восковыя печати между 1389 и 1410 годами. 8) Того же Князя другая печать восковая около 1425 года, круглая, односторонняя, величиною такая же, съ изображенiемъ сидящаго на конѣ воина съ обнаженнымъ въ правой рукѣ мечемъ и съ надписью вокругъ его, которой однакожъ разобрать не можно. 9) Печать черная восковая Великаго Князя Василiя Васильевича около 1462 года, въ ширину продолговатая, съ изображенiемъ на одной сторонѣ льва, раздирающаго змiя, а на другой подпись, коей разобрать не можно. 10) Печать воску желтаго величиною въ грошевикъ Великаго Князя Тверскаго Михаила Борисовича около 1462 года, съ изображенiемъ на одной только сторонѣ Св. Георгiя на конѣ и подъ нимъ змiя, съ надписью: *печать Великаго Князя Михаила Борисовича.* 11) Печать желтаго же воску и такой же величины, осмiугольная, Великаго Князя Ивана Васильевича около 1462 и 1481 года, съ изображенiемъ на одной сторонѣ человѣка стоящаго съ мечемъ въ рукѣ противъ Ангела, держащаго въ рукѣ кольцо, и вкругъ ихъ надпись: *печать Великаго Князя Ивана Васильевича*, а на другой сторонѣ изображенъ левъ на заднихъ ногахъ сидящiй и въ переднихъ лапахъ держащiй змiю, съ тою же надписью. 12) Печать такого же воску и величины, круглая, односторонняя, Великаго Князя Ивана Васильевича 1473 года, съ изо-

браженіемъ двухъ полунагихъ человѣковъ, съ покрытыми головами и съ копьями въ рукахъ, а надъ ними надпись: *печать Вел. Князя Ивана Васильевича.* 13) Печать воску чернаго такой же величины, круглая, одностороння, того же Великаго Князя, около 1482 года, съ изображеніемъ двухъ всадниковъ, съ надписью: *печать Великаго Князя Ивана Васильевича.* 14) Печать восковая красная того же Великаго Князя 1497 года, круглая, величиною въ грошевикъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ сидящаго на конѣ Святаго Георгія и пронзающаго подъ ногами змія копіемъ, а на оборотѣ двуглавый орелъ съ распущенными крыльями и на головахъ съ двумя Княжескими коронами, но въ лапахъ ничего не имѣющій. Вкругъ обоихъ изображеній подпись, съ одной стороны: *Великій Князь Иванъ Божіею милостію Господарь всея Русіи;* а съ другой: *и Великы Князь Влад. и Мос. и Нов. и Пск. и Тве. и Уго. и Вят. и Пер. и Бол.* и ин. 15) Печать восковая красная Великаго Князя Василія Ивановича 15[illegible]1 года, круглая, величиною почти съ пятикопѣешникъ, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ такимъ же какъ предыдущая, съ подписью вокругъ, съ одной стороны: *Василій Божіею милостію Господарь всея Руси и Великій Князь,* а съ другой: *и Великій Князь Владим. и Моск. и Новг. и Тв. и Угор. и Вят. и Пер. и Бол.* 16) Печать воско-

вая красная Царя Ивана Васильевича Грознаго 1580 года, круглая, величиною какъ и предыдущая и съ такимъ же изображеніемъ на объихъ сторонахъ, съ надписью на одной сторонѣ: *Иванъ Божіею милостію Царь и Государь всея Руси*, а на другой: *и Вел. Князь Володимер. Моск. Новгор. и иныхъ.* А частныя грамматы или письма свои сей Государь печаталъ своимъ перстнемъ на красномъ и другихъ цвѣтовъ воску; но изображеніе разобрать трудно. 17) Печать восковая красная Царя Ѳедора Ивановича 1584 года, круглая, величиною какъ и предыдущая, и съ такими же изображеніями на обѣихъ сторонахъ, съ надписью на одной сторонѣ *Федоръ Божіею милостію Царь и Господарь всея Руси*, а на другой *и Вел. Князь Владимерскій, Московскій, Новгородскій и иныхъ.* 18) Другая таковая же печать того же Царя и того же 1584 года, съ надписью на одной сторонѣ; *Б. м. Царь Господарь всея Русіи Ѳеодоръ*, а на другой сторонѣ; *Ка. Астрах. и Великій Князь Владимірскій и Московскій и Новгородс.* 19) Большая Государственная печать Царя Михаила Ѳеодоровича 1617 года круглая, въ поперешникѣ два вершка, односторонняя, приклеенная къ низу Грамматы и тиснутая по наложенной на красной воскъ тонкой бумагѣ, съ изображеніемъ двуглаваго орла подъ двумя на головахъ Княжескими коронами; между шеями

орлиными водруженъ на подставѣ осмиконечный крестъ, а на груди орла щитъ шестиугольный съ изображеніемъ Св. Георгія на конѣ, копіемъ поражающаго въ челюсти крылатаго змія подъ конскими ногами. Въ лапахъ орлиныхъ распростертыхъ ничего не находится, а вкругъ всего герба по краямъ тремя строками подпись, въ первой крайней строкѣ, начиная съ головъ орла: ✝ *Божіею милостію Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Өеодоровичь всея Русіи Самодержецъ Владимірскій Московскій*; во второй средней строкѣ: ✝ *Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій и Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій Тверскій Югорскій*; въ третьей строкѣ внутренней: ✝ *Пермскій, Вятскій Болгарскій и иныхъ Государь и Великій Князь Новгорода Низовскія земли* Многія изъ сихъ словъ подъ титлами. 20) Печать сего же Царя Михаила Өеодоровича 1628 года круглая, краснаго воску, двусторонняя, величиною съ пятикопѣешникъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Св. Георгія, а на другой сторонѣ двуглаваго орла съ тремя уже Княжескими коронами, но въ лапахъ ничего также неимѣющаго. Вокругъ изображеній съ одной стороны надпись: *Божіею милостію Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Өеодоровичь*, а на

другой: *всея Русіи Самодержецъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель.* 21) Государственная печать Царя Алексѣя Михайловича 1672 года, односторонняя, круглая, въ поперешникѣ величиною въ два вершка, съ изображеніемъ двуглаваго орла подъ тремя коронами; въ срединѣ орла на щитѣ Св. Георгій, пронзающій подъ ногами крылатаго змія; въ лапахъ орлиныхъ скипетръ и держава, по сторонамъ орла гербы Государства, съ надписью вокругъ: *Божіею милостію Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ Государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ Отчичь и Дѣдичь и Наслѣдникъ и Государь и Обладатель;* въ низу подъ орломъ изображены военные люди. 22) Государь Царь Өеодоръ Алексѣевичь и Цари Іоаннъ Алексѣевичь и Петръ Алексѣевичь совокупно, а Петръ Алексѣевичь и одинъ въ началѣ царствованія своего употребляли точно такую же печать, какую Отецъ ихъ, съ разностію только въ именахъ надписи и въ титулѣ *всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы и многихъ Государствъ Государи и Обладатели.* Но потомъ 23) Государь Петръ Алексѣевичь съ 1712 года вокругъ Св. Георгія на щитѣ изобразилъ Орденъ Св. Апостола Андрея, а по

сторонамъ орла гербы подъ коронами шести Россійскихъ городовъ. Таковое клеймо Государственной печати безъ перемѣны, кромѣ титуловъ надписи, употреблялось до времени Императрицы Екатерины II. При семъ замѣчательно, что со временъ Царя Ѳеодора Іоанновича привѣшиваемыя къ граммашамъ Государскія печати красныя часто оклеиваемы были золотомъ листовымъ.

Изъ сего хронологическаго описанія Великокняжескихъ и Царскихъ печатей можно замѣтить постепенныя перемѣны вещества оныхъ, клеймъ, надписей и самыхъ титуловъ. Удѣльные Князья имѣли каждый свои особыя печати, клеймы и титулы; но донынѣ еще не извѣстно, употреблялиль они для печатей кромѣ свинцу и воску серебро, какъ Великіе Князья. Древнѣйшія Новогородскія Посадничьи и городовыя Граммашы, до насъ дошедшія, суть только свинцовыя; а знатнѣйшія духовныя особы употребляли не только свинцовыя и восковыя печати, но иногда и серебряныя, какъ наприм.: 1) Печать Новгородскаго Архіепископа Ѳеоктиста между 1305 и 1309 год. свинцовая, круглая, величиною въ грошевикъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ иконы Знаменія Пресвятыя Богородицы, а на другой строчная подпись: *Ѳеоктистъ Архіепископъ Новгородскій.* 2) Печать Новогородскаго Архіепископа Да-

вида, свинцовая же, круглая, такой же величины, между 1308 и 1317 годами, съ изображеніемъ на одной сторонѣ иконы Знаменія Богородицы, а на другой строчная подпись: *Давидъ Архіепископъ Новгородскій.* 3) Таковая же величиною свинцовая печать съ тѣмъ же изображеніемъ и съ именемъ Алексѣя, Архіепископа Новгородскаго, около 1360 года. 4) Печать серебряная, позолоченная, круглая, Московскаго Митрополита Алексѣя около 1376 года, величиною въ грошевикъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ иконы Знаменія Пресвятыя Богородицы, а на другой строчная подпись: *Милостію Божіею печать Алексѣя Митрополита всея Руси.* 5) Печать такой же величины круглая, восковая, черная, Московскаго Митрополита Өеодосія около 1462 года, съ изображеніемъ Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, сѣдящей въ креслахъ, а на другой подпись строчная: *Милостію Божіею смиренный Өеодосій Митрополитъ всея Руси.* 6) Таковая же величиною и фигурою восковая, черная печать, съ тѣмъ же изображеніемъ Московскаго Митрополита Геронтія около 1480 года, съ подписью строчною на оборотѣ: *Смиренный Геронтій Митрополитъ всея Руси.* 7) Таковая же величиною и съ тѣмъ же изображеніемъ черная восковая печать Московскаго Митрополита Симона около 1497 года, съ надписью

на другой сторонѣ: *Божiею милостiю смиренный Симонъ Митрополитъ всея Руси.* 8) Печать таковой же величины черная, восковая, Московскаго Митрополита Даніила около 1525 года, съ изображеніемъ на одной сторонѣ благословляющей руки съ подписью вокругъ оной: *рука Митрополита Даніила всея Русіи;* а на оборотѣ строчная подпись: *Божіею милостію смиренный Митрополитъ всея Русіи.* 9) Печать такой же величины краснаго воску односторонняя, пришитая къ бумагѣ, Новогородскаго Архіепископа Пимена 1562 года, съ изображеніемъ благословляющей руки, вкругъ которыя надпись, коей однако прочесть не можно. 10) Печать такой же величины краснаго воску Московскаго Митрополита Аѳанасія около 1566 года, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ своимъ, сѣдящей въ креслахъ, а на другой благословляющая рука съ надписью вокругъ въ два ряда *Божіею милостію смиренный Аѳанасій Митрополитъ всея Русіи.* Точно таковыя же печати на красномъ воску и послѣдовавшихъ Митрополитовъ и всегда были круглыя, величиною въ грошевикъ. Епархіальныхъ Архіереевъ печати были сперва также желтаго и чернаго, а потомъ краснаго воску, съ различными изображеніями, но по большей части на одной изъ сторонъ съ благословля-

ющею рукою (*). Патріаршія же печати всегда были краснаго воску на снурахъ, двусторонния, величиною въ пятикопѣешникъ или гораздо болѣе, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ своимъ сѣдящей въ креслахъ, а на другой благословляющая рука съ подписью вокругъ: имярекъ *Божіею милостію Святѣйшій Патріархъ царствующаго града Москвы и всея Россіи.*

Въ заключеніе при семъ можно еще замѣтить, что хотя Граммата Мстиславова, данная Юрьеву монастырю, писана отъ лица не одного его, но вмѣстѣ и отъ его сына, но печать къ ней приложена одна только. Напротивъ того у Новгородцевъ послѣдовавшихъ временъ былъ обычай въ грамматахъ, писанныхъ отъ многихъ лицъ, привѣшивать и многія печати; и на примѣръ при грамматахъ, дававшихся отъ всего Новагорода, прилагаема бывала печать отъ Архіепископа, отъ Посадника и Тысяцкаго и пять печатей отъ

(*) Описаніе всѣхъ сихъ Княжескихъ и Архіерейскихъ печатей почерпнуто частію *изъ Древней Россійской Вивліоѳики и Продолженія оной*, а частію съ самыхъ подлинныхъ печатей. О различіи же Епархіальныхъ печатей см. особенно *Продолж. Др. Росс. Вивліоѳики*, изданное въ С. П. Б. Часть VII, стр. 134 и 158. — Къ сему же смотр. Татищева *Росс. Истор.* Книг. I, Част. 2, гл. 46. No 15 и 16.

жители концовъ Новогородскихъ (*), а иногда и другіе знатнѣйшіе люди, бывшіе при таковыхъ договорахъ, прикладывали по печати, такъ что число оныхъ не рѣдко простиралось до десяти, двѣнадцати и болѣе. То же дѣлали и Великіе Князья Тверскіе, Московскіе и другіе при договорныхъ между собою грамматахъ; а такъ же духовныя власти при собственноручныхъ подписяхъ подъ соборными приговорами, какъ можно видѣть *въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ и Продолженіи оныя* (**).

(*) Смотри граммату, данную Соловецкому монастырю въ половинѣ XV вѣка отъ всего Новагорода, напечат. *въ Описаніи Бѣлаго моря* и во 2й Части *Исторіи Россійской Іерархіи* стр. 386 и слѣд.

(**) *Смотри Древ. Россійск. Вивліоѳику* изд. 2, Част. I, стран. 63, 87, 90, 99, 115, 120, 152, 180, 258, и проч. Част. II, стр. 60, 82, 93, 113, 132, 146, 157, 164 и проч. *Продолж. Древней Россійской Вивліоѳики* Часть III, стр. 91, 100, 178, 255, Част. IV стр. 1, 201, 256, Част. VII стр. 2 и особливо 158 и проч.; къ сему смотри Новгородскія грамматы, напеч. въ *Вѣстникѣ Европы* 1811 года No 23 и 24.

Прибавленія.

(А) *Elementa artis diplomaticae* Gatterеri, Goettingae 1765 pars I, in 4. pag. 13. *Валентій Скорходъ Майевскій*, Членъ Варшавскаго Ученаго Общества, въ Рѣчи своей *объ архивахъ*, читанной въ собраніи помянутаго Общества $\frac{18}{6}$ Сентября 1809 года и напечат. въ *Лѣтописяхъ* (*Roczniki*) онаго, Том. VIII, стр. 192 и слѣд., говоритъ также, что съ V вѣка едва примѣтны слѣды подлинныхъ памятниковъ, и то духовныхъ, въ Италіи; а гражданскіе тамъ извѣстны не старѣе VIII; въ Англіи также съ VIII или VII, въ Швеціи и Даніи съ XI и XII, во Франціи и Германіи съ XII и XIII вѣка. Но Польша, по увѣренію *Майевскаго*, имѣла якобы до 1795 года въ тайномъ своемъ архивѣ или секретной метрикѣ подлинники всѣхъ почти дипломовъ, трактатовъ и подобныхъ имъ памятниковъ съ XI вѣка даже до раздѣла сего Королевства.

(Б.) Въ концѣ *Остромирова* Евангелія находится слѣдующая приписка того же писца: „Слава тебѣ г҃и ц҃рю н҃бсьный. яко съподоби „мя написати Еѵ҃лие се. почахъ же е писати „въ лѣто ҂ЅФѮД (т. е. 1056) а оконьчахъ е въ „лѣтѣ ҂ЅФѮЕ. написахъ же еѵ҃лие се рабоу „бж҃ию нареченоу сущоу въ хр҃щении Иосифъ. „А мирьскы Остромиръ. Близокоу сущоу Изя„славу кънязоу. изяславоу же кънязоу тогда

„прѣдръжащоу обѣ власти. И о҃ца своего Ярослава. и брата своего Володимира. Самъ же Изяславъ кънязь правляаше столъ о҃ца своего Ярослава кыевѣ. а брата своего столъ поручи „правити близоноу своемоу остромироу Новѣгородѣ. мънога же лѣтъ. дароуи б҃ъ сънажавшоумоу е҃vлие се. на оутѣшение мъногамъ д҃шамъ кр҃стианьскамъ. даи емоу г҃ь „б҃ъ бл҃ние ст҃ыхъ еванг҃листъ Иіоана. Матѳеа. Лоукы. Марка и ст҃ыхъ праѡ҃цъ Авраама. „и Ісаака и Іякова. и самомоу емоу. и подроужию его Ѳеофанѣ. и чядомъ ею. и подроужиемъ „чадъ ею. създравъствоуите же мънога лѣтъ. „сдрьжяще пороученние свое. аминь.“

„Азъ Григории диаконъ написахъ е҃vлие. да иже горазнѣе сего напише. то же мозѣ зазърѣти мънѣ грѣшьникоу. почахъ же писати м҃ца ок҃тя ка҃. на памятъ иларионa. а оконъчахъ м҃ца. маия въ Ѳ҃і на па҃м. епифана :: молю же вьсѣхъ почитаіющихъ. не мозѣте кляти. нъ исправльше почитаите. такоже и с҃ты ап҃лъ паулъ г҃лете бл҃ше. а не кльнѣте. аминь.“

NB. Здѣсь буква *у* курзивъ въ подлинникѣ писана *юсомъ*. А въ концѣ *Сборника* написано слѣдующее: „конъчашася книгы сия роукою „грѣшьнаaго Иоана. избърано изъмъногъ книгъ кнѧжыхъ. идеже криво брашніе исправивъше чьтѣте. бл҃гсловите а не кльнѣте : аминь. Богу

„чахъ книжькы сия въ лѣ҃ ҂ЅФНД лѣто при
„с҃тославѣ князи Роусъкы земля. аминь.“

Здѣсь есть сомнѣніе, что въ лѣтосчисленіи буква *Н*, написанная по нынѣшнему перерву, подправлена изъ буквы *П*; ибо въ древнихъ Славянскихъ книгахъ, да и въ сей самой, буква *Н* писана съ косвенною черточкой. И потому надобно можетъ быть читать ҂ЅФПД, т. е. 1076. Сіе согласнѣе будетъ и съ временемъ Великаго Князя Святослава, который родился 1027 года, до 1073 княжилъ въ Черниговѣ, а на Велико-Княжескій престолъ вступилъ 1073, и въ 1076 году скончался.

Сказываютъ, недавно найденъ еще въ Московскомъ Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ *Сборникъ* или разныя выписки изъ Св. Писанія, составленный въ 1073 году повелѣніемъ Великаго Князя Святослава Ярославича, писанный въ большой листъ на тонкомъ, бѣломъ пергаминѣ въ два столбца, чистымъ уставнымъ письмомъ, и украшенный живописными картинами.

(В.) Въ самомъ концѣ перваго изъ сихъ Евангелій приписано: „г҃и б҃е о҃ць нашихъ,
„авраамовъ исаковъ іяковль, и сѣмене ихъ
„праведънааго, сподобивъıимя грѣшънааго раба
„своıего алексоу написаши сиіе еуангеліе бл҃говѣ-
„рьноуоумоу и хр҃столюбивоумоу и бг҃мъчьсти-
„моомоу князю Θеωдороу а мирскы мьсти-

„славоу. вънoукоу соущю въсеволожю а с҃нoу
„володимирю. князю новъгородьскоуомоу. иже
„съверши сие еу҃лiе на бл҃вние прѣс҃тѣи
„ч҃стѣи влад҃чци нашеи б҃ци. даиже iемоу г҃ь
„б҃ъ м҃лость свою и наслѣдие ц҃рства нб҃съваго
„идъл҃голѣтно княжение и съ всѣми своими
„аминь:

„Вы же братие почитающе въ сие еу҃лие.
„ащеk҃де криво налѣзете. то исправивъше чьтѣ-
„те же а не кльнѣте. азъ бо грѣшныи рабъ
„алекса написахъ сие еу҃лие с҃нъ лазоревъ про-
„зв҃терѣ ++++

„Ѡ г҃и сп҃си князя нашего ѳеѡдора мъного-
„лѣт. а миръскы мъстислава: ~ жадѣнъ
„пъсалъ: ~

„Азъ рабъ б҃жи и недостоинъ си ӏхоудин
„грѣшныи. съпъсахъ памяти дѣля ц҃ру наше-
„моу и лудемъ осъконьчань и еу҃г҃ие же бяше
„тъказалъ мъстиславъ кънязь хоудомоу насла-
„воу. и возивъ ц҃рю городоу ноучиниxъ хини-
„петъ. б҃же ею же волею възвратихъся и съ ц҃ря
„города исъправихъ въсе злато и сребро и дра-
„гыи камень. пришедъ кыиевоу и съкончася
„въсе дѣло. м҃ца августа въ к҃. цѣноу же еван-
„гелiя сего иединъ б҃ъ вѣдаиетъ. азъ же хоудин
„наславъ. много троуда подъяхъ и печали. нъ
„б҃ъ оутѣши мя добраaго кънязя м҃лтвою. и
„тако даи б҃ъ въсѣмъ людемъ оугодия иемоу
„творити. слышащемъ иего ц҃рствие пр-

„бывающе въ радости и въ веселии и въ любъ-
„ви и даи б҃ъ юего мл҃твоу въсѣмъ хрьстия-
„номъ имънѣ хоудомоу на славоу. правящи юего
„ороудия въ правдоу. и обрѣсти честь и ми-
„лость отъ б҃а и отъ своюего ц҃ря и отъ бра-
„тие вѣроующе въ с҃тоу тр҃цю о҃ца и с҃на и
с҃того д҃ха ныня и присно и въ вѣкы вѣкомъ
„аминь. : :

(Г.) Шлецеръ въ своемъ *Несторѣ*, во Введеніи, Рус. перевода стр. 110. — Здѣсь не упоминается о нумизматическихъ Русскихъ памятникахъ, изъ коихъ всѣ, доселѣ извѣстные, кажется, позже письменныхъ, хотя нѣкоторые изъ нашихъ любителей древности и ссылаются на существующія монеты Великаго Князя Игоря, Великой Княгини Ольги, Великаго Князя Владиміра, Князя Глѣба, Великаго Князя Ярослава и проч. См. *Сочиненія и переводы Рос. Академіи* Част. IV, стр. 156 и 204; *Вѣстникъ Европы* 1816 No 12, стр. 315; *Круговы Критическія розысканія о древнихъ Рус. монетахъ*, Рус. перев. 1807 года, стр. 201; *Письмо о камнѣ Тмутараканскомъ* 1806, стр. 28. По крайней мѣрѣ все сіе подлежитъ еще розысканію; но Тмутараканскій камень гораздо меньшему уже подверженъ сомнѣнію.

(Д.) *Русская Правда* § I—XIII; Tacit. de moribus Germanor. Cap. XII; Моусеевыхъ книгъ *Бытія* гл. IX, ст. 6; *Левит.* XXIV—19; *Второз.*

XIX и XXI; *Числ.* XXXV; *Iисус. Навин.* XX; Iосифа Флавія *Древности Iуд.* книг. IV, гл. 8; *А. Л.* Шлецеръ въ Neuveraendertes Russland, въ статьѣ *о происхожденіи и разныхъ перемѣнахъ Русскихъ законовъ*; Далина *Шведск. Истор.* Част. I, Русск. перевода, стр. 251 и слѣд.; Fortunati Durich *Bibliotheca Slavica*, Viennae 1795, pag. 226; *Литовскій Статутъ*, изданный на Польскомъ и Русскомъ языкѣ въ С. П. Бургѣ 1811 года, раздѣлъ XI и XII; Палласъ въ Sammlung historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften 1776 Petersb.

(Е.) Русская Правда § II. — *О вирѣ*, Владиміромъ отставленной, Несторъ по Лаврентіеву списку говоритъ: „живяше же Володимеръ „въ страсѣ божьи и умножишася разбоеве, и „рѣша Епископи Володимеру: се умножишася „разбойницы, почто не казниши ихъ? онъ же „рече имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: „ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, „а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити разбойники, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ *виры*, нача казнити разбойницы, и рѣша Епископы и старцы: рать „многа; оже *вира*, то на оружьи и на конихъ „буди. и рече Володимеръ: тако буди.“

Мессина.

(Въ 1806 году.)

Мессинскій портъ имѣетъ видъ круглаго бассейна. Каменный брустверъ, построенный на отмѣли, идучи отъ юга къ сѣверу и загибаясь къ западу, образуетъ обширную гавань съ единственнымъ входомъ шириною въ 200 сажень. Въ ней на глубинѣ 20 и 30 саженъ помѣщается до 200 кораблей, защищенныхъ отъ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ западныхъ, которые бываютъ такъ жестоки, что срываютъ корабли съ обоихъ канатовъ, коими они прикрѣпляются къ набережной. Цидатель, крѣпость *Санъ Салвадоръ* и брустверъ, вооруженный пушками, защищаютъ Мессину съ моря; съ сухаго же пути кромѣ развалившейся стѣны, и неисправной крѣпости на возвышеніи, не имѣетъ другой защиты. Карантинъ, находящійся на Моллѣ и сообщающійся съ землею двумя подъемными мостами, есть самый удобный. Ескадрѣ назначенъ былъ 16-дневный карантинъ; но по настоянію Адмирала правительство оный уничтожило.

Видъ гавани, наполненной кораблями всѣхъ торговыхъ государствъ, кромѣ Французскихъ, чрезвычайно занимателенъ. Множество мачтъ уподоблялось выросшему изъ воды густому лѣсу, украшенному собраніемъ всѣхъ цвѣтовъ

пестреющихъ на флагахъ и вымпелахъ. Корабли военные и купеческіе, тѣсно помѣщенные, одинъ за другой сцѣпившись реями и связавшись флагами, казалось, въ залогъ дружбы взаимно *обнимались*.

Не смотря на землетрясеніе въ 1783 году, разрушившее лучшую часть города вокругъ порта, Мессина и съ своими развалинами представляетъ съ моря видъ прекрасный. При подошвѣ горъ, на которыхъ расположенъ городъ на ровномъ мѣстѣ, домы новѣйшей архитектуры, на высотахъ же по уступамъ — готическаго вкуса; и сіи послѣдніе кажутся стоящими одинъ на другомъ. Главныя улицы широки и вымощены плитой; церкви и монастыри, которыхъ очень много, вообще хорошей наружности и внутри украшены великолѣпнымъ образомъ. Набережная съ военными кораблями, близь ея стоящими, съ кучами развалинъ, древнимъ круглымъ храмомъ, фонтанами и статуями, имѣетъ видъ отличной. *Палацата* или *Ла Калата*, славное произведеніе зодчества, въ половину развалившееся, заставляетъ сожалѣть, что до сихъ поръ не починиваютъ его.

Въ вечеру, когда набережная наполнилась гуляющими, вышли мы на берегъ. Черное тафтяное платье — обыкновенной нарядъ здѣшнихъ дамъ; множество молодой

въ бѣлыхъ, черныхъ и кофейныхъ рясахъ; одежды Турковъ, Грековъ, Славянъ, Италіянцовъ такую дѣлаютъ пестроту, какой рѣдко гдѣ видѣть можно. Красные мундиры Англійской пѣхоты, странная одежда Шотландскихъ горскихъ стрѣлковъ въ пестрыхъ юпочкахъ, мужественный видъ нашихъ гранодеръ въ прострѣленныхъ каскахъ съ надписью: *съ нами Богъ* — все сіе противуположностію своею занимаетъ зрителей пріятнымъ образомъ. Одушевленная веселость народа, забавляющагося кукольною комедіей и арлекиномъ, производитъ шумъ и необыкновенное движеніе. Мнѣ весьма пріятно было слышать, какъ усатые наши солдаты развязно и ласково разговаривали съ Италіянцами: ета черта способностей Рускаго скоро пріобрѣтаетъ ему любовь иностранцовъ. Вѣжливость и щедрость нравится искательнымъ Италіянцамъ; въ Италіи предпочтительно Рускому готовы возможныя услуги — за деньги; но гдѣ же что нибудь дѣлается безъ сего человѣческаго идола? Посмотрите на Италіянца, при полученіи имъ нѣсколькихъ карантанъ: восторгъ изображается на его лицѣ; онъ не столько радъ карантанѣ, какъ случаю, что могъ услужить Рускому. Французъ, Англичанинъ, если не обижаютъ бѣдняка, то по крайней мѣрѣ хотятъ казаться существомъ гораздо его благоразумнѣйшимъ; Руской не ищетъ сего преимущества и желаетъ быть ему

равнымъ. Вотъ немаловажныя причины, отъ чего Италіянская чернь кричитъ намъ: e viva Moscov! (да здравствуютъ Руские)! Въ Италіи, чтобъ казаться обыкновеннымъ иностранцемъ, надобно казаться не Рускимъ, и чтобъ быть покойнымъ, нужно скрываться; потому съѣзжаемъ мы на берегъ во фракахъ; въ мундирахъ же мы влекли бы за собою толпу народа.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда вся Италія во власти Французовъ, Мессина сдѣлалась весьма важнымъ торговымъ городомъ и убѣжищемъ многихъ добровольныхъ изгнанниковъ. На фабрикахъ дѣлаютъ гарнитуры, шелковые чулки и тафту, извѣстную у насъ подъ именемъ *ноблесъ*. Кромѣ плодовъ, особенно апельсиновъ, вина, масла и пшеницы, соль составляетъ главный торгъ.

Взявъ билеты для оперы, спросилъ я, когда начнется представленіе? — Въ два часа ночи. — Хотя и поздно, прихожу въ назначенное время; но театръ былъ запертъ, и тогда только я вспомнилъ, что въ Италіи часы ночи считаются отъ захожденія, а часы дня отъ восхожденія солнца.

Въ ночь 12 Января фрегатъ *Назаретъ* съ 4 Англійскими транспортами бросило на мѣль у Фаро, а бриггъ *Летунъ* на Мессин-

ской маякЪ. — КЪ счастію тишина продолжалась двое сутокЪ; фрегатЪ, бриггЪ и 3 транспорта посланными сЪ ескадры людьми сняты сЪ мѣли безЪ вреда; одинЪ же транспортЪ, проломившій дно, принуждены были оставить. 13 Егерскій полкЪ, находившійся на сихЪ судахЪ, размѣстили по карабълямЪ нашей ескадры, которая, бывЪ симЪ задержана, оставила Мессину 16 Января.

В. Броневскій.

Нѣчто о долгихЪ и короткихЪ слогахЪ, о РусскихЪ гекзаметрахЪ и ямбахЪ.

Утверждать, что вЪ РусскомЪ языкѣ всѣ слоги имѣютЪ равное протяженіе, было бы несправедливо. Сочинитель *Краткаго разсужденія о РусскомЪ стихосложеніи*, помѣщеннаго вЪ 15 и 16 NN Вѣстника Европы 1817 года, совсѣмЪ не то хотѣлЪ сказать; почтенный Издатель упомянутаго Журнала пояснилЪ мысль его, прибавивЪ вЪ примѣчаніи: „Долгіе и короткіе не составляютЪ сущности нашего стихосложенія.“

Если мы возмемЪ рядЪ слоговЪ *а*, *та*, *ста*, *стра*, *страхЪ*; то увидимЪ, что для произношенія послѣднихЪ потребно нѣсколько

болѣе времени нежели для произнощенія пер-
выхъ; при всемъ томъ, начиная со слага-
телей старинныхъ пѣсенъ и сказокъ, никому,
кромѣ сочинителей Славянскихъ Грамматикъ,
на мысль не приходило измѣрять наши сти-
хи долгими и короткими слогами: ибо не-
возможно съ точностію опредѣлить, кото-
рые именно слоги должно причислять к
первымъ и которые ко вторымъ.

До сихъ поръ всѣ утверждали, что сти-
хи Грековъ и Римлянъ располагались по дол-
гимъ и короткимъ слогамъ; г. Гнѣдичь, в
своихъ замѣчаніяхъ на Опытъ г. В. о Рус-
скомъ стихосложеніи, старается убѣдить в
противномъ: онъ говоритъ, что сущност
древняго стихосложенія, какъ нашего, со-
стоитъ въ удареніяхъ.

Если его мнѣніе справедливо, то спра-
шивается: для чего Греки называли свои сло-
ги долгими и короткими? Народъ, самъ для
своихъ понятій изобрѣтая слова, не имѣет
нужды употреблять несвойственныя. Толь-
тѣ, кои слѣпо подражаютъ другимъ, вводят
въ свой языкъ подобныя: называютъ *межд-
метіемъ*, отъ Латинскаго interjectio, ч-
стицу, выражающую необыкновенное дви-
ніе духа, не обращая на то вниманія, ч-
она въ Латинскомъ дѣйствительно по бол-
шей части въ срединѣ, между тѣмъ какъ

насъ въ началѣ періодовъ, поставляется. По той же самой причинѣ называютъ высокіе и низкіе слоги долгими и короткими!

Г. Гнѣдичу кажется странно, что у насъ есть слова, въ которыхъ слышно два ударенія; онъ прибавляетъ, что „ни въ какомъ языкѣ никто еще етаго не слыхивалъ,“ и ссылается на Присціана, который говоритъ: „*одно удареніе въ цѣльныхъ словахъ и одно въ сложныхъ.*“ Вѣрю Присціану, что такъ было въ Латинскомъ; но если бы, живучи въ наше время, онъ сталъ говорить то же о нѣкоторыхъ Русскихъ составныхъ словахъ, какъ на пр. *колѣнопреклоненье*, то я бы съ нимъ не согласился. Правда, въ прозѣ слово сіе можетъ быть и объ одномъ удареніи (хотя его такимъ образомъ трудно выговорить); но въ стихахъ оно всегда имѣетъ два.

Теперь возмемъ слѣдующій Латинскій стихъ:

Ill' inter sese magna vi brachia tollunt.

За исключеніемъ пятой стопы сей стихъ состоитъ все изъ спондеевъ. Если мы примемъ мнѣніе г. Гнѣдича, то на девяти сряду долгихъ слогахъ должны повышать голосъ. Возможно ли ето? Мольеровъ Мизантропъ сказалъ:

. . . . *Чтить весь мiръ есть тожъ, что ни-*
кого не чтить.

Повышать безпрестанно равномѣрно голосъ значитъ совершенно не повышать его. Если г. Гнѣдичь хочетъ испровергнуть наши понятiя о древнемъ стихосложенiи; то пусть докажетъ намъ, что древнiе не имѣли стопы *спондея*, состоящей изъ двухъ и *молосса* изъ трехъ долгихъ; не говорю о прочихъ: ибо по словамъ Квинтилiана, состоящiя болѣе нежели изъ трехъ составляютъ уже не одну стопу (*). Двухъ высокихъ сряду мы никакъ не можемъ выговорить, развѣ между ними будетъ остановка въ произношенiи; а какъ, выговаривая какое-либо слово, отдѣлять промежуткомъ времени одинъ слогъ отъ другаго? Возможность же протянуть нѣсколько слоговъ для насъ очень понятна.

Если считать за одно спондей съ хореемъ, то въ такомъ случаѣ къ чему было древнимъ употреблять два названiя? Св. Августинъ, на котораго г. Гнѣдичь столько ссылается, между прочимъ говоритъ: „Если послѣ дактиля слѣдуетъ трохей (хорей) и если недостающее время въ послѣднемъ его краткомъ слогѣ дополнится молчанiемъ, то слухъ принимаетъ его за долгой." И такъ,

(*) Inst. Orat. L. IX, c. 4, 80, 82.

чтобъ сдѣлать слогъ короткій равномѣрнымъ долгому, должно нѣсколько остановиться. Къ чему ета остановка? Не доказываетъ ли она двукременности долгихъ слоговъ? Приведемъ кстати слова Квинтиліана, опущенныя г. Гнѣдичемъ: „Даже мальчики знаютъ, что долгой слогъ выговаривается вдвое протяжнѣе, нежели короткой (*).“ Даже мальчики!.. Вотъ еще разительнѣйшее мѣсто изъ Цицерона (**): „Ежели одинъ слогъ будетъ произнесенъ нѣсколько длиннѣе или короче, то весь театръ поднимаетъ крикъ, хотя народъ не знаетъ ни стопъ, ни количественнаго размѣра (***), и не понимаетъ что ему именно не нравится, и почему. Сама Природа вложила въ слухъ нашъ сужденіе о всѣхъ долгихъ и краткихъ, высокихъ и низкихъ звукахъ въ словахъ (****).“ Положимъ, что Квинтиліанъ, *gloria Romanae togae*, подъ названіемъ *pueri* разумѣетъ учениковъ, а они по большей части слѣпо вѣрятъ своимъ учителямъ; но Цицеронъ, жившій въ самыя

(*) Inst. Orat. L. IX, c. 4, 47.
(**) Orator. c. 51.
(***) Nam rythmi, id est, numeri, spatio temporum constant. Quint. Inst. Orat. L. IX, c. 4, 46.
(****) Acutae gravesque voces (ударенія), высокіе и низкіе слоги. Такъ перевожу сообразно съ Гёрманомъ, сочинителемъ de metris Poet. Graec. et Roman. и съ г. Гнѣдичемъ.

цвѣтущія времена Латинской словесности, свидѣтельствуясь въ существованіи долгихъ и короткихъ слоговъ цѣлымъ народомъ, заслуживаетъ, кажется, всякое вѣроятіе. Въ приведенномъ мѣстѣ говорится и объ высокихъ и низкихъ; для чегожъ бы упоминать объ нихъ, еслибъ они были одно съ долгими и короткими?

„Евстаѳій, толкователь Гомера и авторъ Великаго Етимологикона, въ одномъ мѣстѣ свидѣтельствуетъ, что въ древнихъ экземплярахъ и правилахъ древнихъ грамматиковъ ударенія находятся совсѣмъ разныя отъ тѣхъ, какія употреблены послѣ.“ — Ни мало не удивительно. Душенька на пр. еще не такъ давно написана, а въ ней находимъ призра́къ вмѣсто при́зракъ; мы говоримъ *холма́мъ* и *хо́лмамъ* (*), *сча́стливый* и *счастли́вый* и пр. Въ нѣкоторыхъ словахъ, съ теченіемъ времени, особенно когда языкъ не получилъ еще твердыхъ правилъ, ударенія переносятся съ одного слога на другой, или становятся двоякими. Приводимое г. Гнѣдичемъ свидѣтельство ни мало не опровергаетъ стихосложенія количественнаго, но, кажется, еще подтверждаетъ его. Если стихи остаются стихами даже и тогда, когда перемѣнились ударенія въ словахъ; то должно думать, что не онѣ служили имъ основаніемъ.

(*) Перунъ по холмамъ грянулъ. *Жуковскій.*

Заставьте иностранца, не умѣющаго дѣлать удареній гдѣ должно, прочесть прекраснѣйшіе Русскіе стихи: что вы услышите?

„Греки и Римляне будто были птицы, и не говорили, а пѣли?“ — Увѣренъ, что Греки и Римляне были такіе же люди какъ и мы; но увѣренъ также, основываясь на свидѣтельствѣ древнихъ, что они читали стихи свои и рѣчи на распѣвъ. Кто слыхалъ Вятчанъ, для того это не покажется невѣроятнымъ; для того разрѣшится и другая задача: какимъ образомъ короткой слогъ бываетъ иногда съ удареніемъ. Я не думаю, чтобъ мнѣ возразили: „Вятчане (говоря о простомъ народѣ) необразованны.“ Языки составляются неучеными.

„Если количество было свойство Латинскаго языка, то какъ могло оно, не смотря на всѣ превратности вещей, какъ могло оно быть забыто людьми, когда языкъ Латинскій *выговаривается какъ пишется*, и когда не было промежутка времени, чтобъ языкъ сей не былъ языкомъ людей духовныхъ, государственныхъ и ученыхъ?“ — Римляне, по вѣроятнѣйшимъ догадкамъ, произносили букву свою *C* передъ *E*, *I* какъ *K*; мы и Нѣмцы выговариваемъ ее какъ *Ц*; Французы какъ *С*; Италіянцы какъ *Ч*: каждый народъ въ семъ случаѣ или сообразуется съ произношеніемъ

своего языка, или слѣдуетъ испорченному произношенію другихъ. Если самые звуки со временемъ такъ искажаются; то какъ сохраниться свойству древняго языка, которое новѣйшимъ было чуждо? Иначе, оно не казалось бы намъ страннымъ. Касательно же того, что Латинскій языкъ *выговаривается какъ пишется*, г-нъ Гнѣдичь, если не ошибаюсь, самъ себѣ противорѣчитъ: выше онъ приводитъ слова Велія Лонга: „Мы не подражаемъ Акцію, повторяющему гласныя въ долгомъ слогѣ; способъ писанія долженъ быть удобный." Извѣстно, что удвоеніе гласныхъ въ долгомъ слогѣ было совершенно оставлено. Въ позднѣйшія времена надлежало учиться произношенію Римлянъ изъ книгъ; а всякому извѣстно, каковы въ семъ случаѣ *самоучители*.

„Если протягивать долгіе слоги, стихъ будетъ крайне утомителенъ." — Да, онъ былъ бы таковъ, еслибъ онъ вѣчно состоялъ изъ однихъ долгихъ, не разнообразился короткими, пересѣченіями и удареніями. Искуснѣйшее расположеніе всѣхъ сихъ принадлежностей составляло, по моему мнѣнію, гармонію древняго стиха: и вотъ почему знаніе музыки (снова доказательство количества древнихъ языковъ) почиталось грамматиками столь необходимымъ.

Не спорю, что въ стихосложеніи древнихъ для насъ много темнаго, неразумительнаго; но не уже ли должно отказаться отъ слабаго свѣта, чтобъ перейти въ совершенный мракъ?

„Языки народовъ суть разныя нарѣчія одного языка Природы. Сія общая мать нѣжнѣе къ однимъ нежели къ другимъ, всѣмъ однакожъ своимъ дѣтямъ, въ драгоцѣнномъ дарѣ слова, законъ ею управляющій положила одинъ всѣмъ общій.“ — Такъ, во всякомъ языкѣ находятся гласныя и согласныя, находятся въ словахъ ударенія; но говоритъ ли народъ на распѣвъ или нѣтъ, симъ общій законъ языковъ не нарушается. Если мы необходимо должны имѣть такое же стихосложеніе какъ древніе, то почему Французы его имѣть не могутъ?

Но обратимся къ замѣчаніямъ г-на Гнѣдича о нашемъ гекзаметрѣ. . . Не станемъ повторять сказаннаго о немъ въ краткомъ разсужденіи о Русскомъ стихосложеніи: любопытные (если только такіе въ семъ случаѣ найдутся) могутъ заглянуть въ 15 и 16 No Вѣстника Европы 1817 го года.

„Въ сложеніи стиховъ, которые должно начинать союзами *и*, *но*, *чтобъ*, *да*, и проч. представляется неудобство. Союзы еще

краткія, и, по общей природѣ всѣхъ языковъ, также и долги." — Не знаю, каковы они по общей природѣ всѣхъ языковъ; но въ Русскомъ, если принимать долгіе и короткіе слоги за высокіе и низкіе, они всегда суть низкіе. Въ приведенныхъ примѣрахъ изъ Жуковскаго

И слова еще звучали.
И зефиры гласъ примчали.

я ничего болѣе не вижу, кромѣ вольности, позволительной въ ямбахъ и хореяхъ, ставить низкой слогъ вмѣсто высокаго. Начинать же такимъ образомъ стихъ дактилическій или дактило-хореическій едва позволительно: ссылаюсь на лучшихъ нашихъ писателей.

Ежели начать стихъ двумя низкими, говоритъ г. В., то „не будетъ выдержанъ дактило-хореическій размѣръ, а выйдетъ анапестическій." Г. Гнѣдичь возражаетъ: „но развѣ сочинитель думаетъ, что анапестическій риѳмъ противенъ дактилическому," и приводитъ въ свидѣтельство древнихъ и новыхъ, утверждавшихъ, что анапестъ можетъ мѣшаться съ дактилемъ. Положимъ, что такъ было у древнихъ; но у насъ едва ли сіе быть можетъ: дактиль по ходу своему совершенно противенъ анапесту. Если мы себѣ позволимъ это, то для чего же не мѣшать намъ,

скажутъ другіе, ямбы съ хореями. Допуская въ одномъ сочиненіи безъ разбора дактиль и анапестъ, мы, по правамъ нашего гекзаметра, не можемъ запретить въ ономъ употребленіе и дактило-хореическихъ и анапесто-ямбическихъ; а начавъ однимъ низкимъ включимъ и амфибрахическій. Но на что такіе стихи будутъ похожи?

Гекзаметръ стараются, говорятъ, ввести особенно потому, что нашъ шестистопный ямбическій стихъ весьма единообразенъ. Упрекъ не совсѣмъ справедливый. Составивъ таблицу измѣненій шестистопнаго ямба, увидимъ, что мужескій стихъ можетъ имѣть оныхъ 23; исключивъ изъ сего числа 10 стиховъ, хотя употребительныхъ, но вообще не очень пріятныхъ, въ которыхъ встрѣчается по пяти низкихъ сряду, останется 13; прибавьте къ нимъ такое же число стиховъ женскихъ, и послѣ произнесите сами, однообразны ли ямбы сами по себѣ.

Таковыми ихъ дѣлаетъ всегда одинакое пересѣченіе. Если бы вмѣсто того, чтобы вводить въ Русское стихосложеніе несвойственные размѣры, мы обратили свое вниманіе на ямбы, и стали бы писать ими съ различными разсѣченіями, въ такомъ случаѣ они совсѣмъ не казались бы намъ единообразными.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ сообщилъ мнѣ небольшой отрывокъ, написанной изъ такого рода стихами. Вотъ онъ; ето подражаніе одному мѣсту изъ Сен-Ламбера:

Увы! землѣ надежду ввѣривши свою,
Сколь часто пламени лучей твоихъ палящихъ
Поселянинъ, о солнце! трепеталъ. Но твой
Туманенъ ликъ; сгустились въ воздухѣ пары;
И се, какъ тихая роса летитъ съ небесъ
Весенній дождь: и око зритъ его едва,
И ухо чуть въ лѣсу его паденью внемлетъ,
Когда съ листа на листъ онъ падаетъ на землю.
Безпечно бродятъ по лугамъ стада овецъ,
Воловъ, и пѣсни соловья не умолкаютъ.

Не смотря на нѣкоторую небрежность, сей отрывокъ, кажется, не противенъ слуху (о прочемъ не берусь судить); не знаю, таковъ ли онъ покажется и читателямъ.

Д. Самсоновъ.

Казань.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

О Константинополѣ, настоящемъ состояніи Оттоманскаго Государства и нынѣ царствующемъ Султанѣ (*).

Выгодное положеніе мыса, на которомъ стоитъ нынѣ Константинополь, самою Природой предназначенный быть властелиномъ водъ и мѣстомъ для складки товаровъ Востока, побудило мореходца Визаса за 675 лѣтъ до Р. Х. основать на немъ городъ, назвавшійся по его имени Византіею. Римъ существовалъ уже цѣлое столѣтіе, не сдѣлавъ еще значительныхъ успѣховъ въ своемъ приращеніи; но онъ испыталъ уже силы свои въ войнахъ съ сосѣдами и положилъ первое основаніе своему владычеству надъ свѣтомъ. Западъ не представлялъ еще никакихъ достопамятныхъ происшествій. Выключая Италію, всѣ прочія онаго страны были покрыты озерами

(*) Изъ Voyage à l'ambouchure de la mer-noire, Paris, 1816. Сочин. Графа Андреосси, прежде бывшаго Французскаго посланника въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Константинополѣ.

и лѣсами, гдѣ обитали племена совершенно варварскія. Дѣятельность народная и просвѣщеніе тогда еще младенчествовали въ классической части Европы и Азіи, въ странахъ, богатыхъ вѣчно незабвенными воспоминаніями, заключающихъ въ себѣ столько драгоцѣнныхъ памятниковъ древности, а нынѣ покрытыхъ могилами и слѣдами повсемственнаго опустошенія. Обитавшіе около Евфрата Персы, содѣлавшись сильными отъ чрезмѣрнаго своего многолюдства, пожелали распространить далеко предѣлы своихъ владѣній. Греція была единственною землею, которая противопоставила преграды ихъ властолюбивымъ замысламъ, и на нее одну, подобно стремительному потоку, ринулись безчисленныя полчища изнѣженныхъ Азіятцевъ: Аѳины, стоя на безплодной почвѣ, малолюдный и по сему бѣдный военными силами городъ, умѣлъ противупоставить страшной многочисленности Персовъ порядокъ, мужество, дисциплину и знанія воинскія, любовь къ отечеству и свободѣ. Такимъ образомъ Греція освободилась отъ Дарія и отъ сына его Ксеркса, наслѣдника отцовскаго трона и мести отцовской ненависти ко Грекамъ.

Аѳины, восторжествовавши въ священномъ дѣлѣ за свою независимость, быстро вознеслись на высочайшую степень славы. Сыны Еллады стекались со всѣхъ сторонъ на ея празднества,

шумныя игры и позорища. Аѳины содѣлались средоточіемъ цѣлаго свѣта по своей образованности. Такой рѣдкой удѣлъ величія необходимо возбудилъ зависть въ сосѣдственныхъ республикахъ. Полудикая, но гордая Спарта возжгла Пелопонесскую войну, столь пагубную для Греціи — войну, бывшую несомнѣннымъ предзнаменованіемъ ея упадка.

Среди толикихъ движеній беззащитная Византія подпала могуществу Дарія. Іонійцы освободили ее; но при Ксерксѣ опять овладѣли ею Персы, и въ послѣдствіи времени она была попеременно опустошаема Спартанцами и Аѳинянами.

Симъ еще не кончилась бѣдственная участь Византіи: судьба предназначила ей испытать новые удары, которые готовился нанести могущественный народъ Запада. По разрушеніи Карѳагены, Римляне не знали предѣловъ своему властолюбію. Скоро не стало народа, котораго Римъ не считалъ бы своимъ данникомъ: весь Западъ покорился его законамъ. Въ то самое время, когда сіи потомки Марса, перешедъ море, напали на Карѳагену, Востокъ былъ уже театромъ ихъ оружія. Римскіе Императоры сдѣлали потомъ многія важныя завоеванія, проникли до странъ Пропонтиды и разрушили Византію (*). Одинъ

(*) Въ царствованіе Септимія Севера, въ 196 году по Р. Х., послѣ трехлѣтней осады.

Митридатъ долго и съ великимъ упорствомъ оспоривалъ у Римлянъ владычество надъ тѣми землями, для порабощенія которыхъ они притекли изъ дальнихъ странъ своего отечества; наконецъ и сей Государь палъ подъ ихъ мощными ударами, и страшный Римъ, восторжествовавъ надъ всѣми своими непріятелями, свободно предался отдохновенію посреди мирныхъ удовольствій. Но безпокойное желаніе славы и могущества бодрствовало и таилось въ сердцахъ его гражданъ. Слишкомъ великое распространеніе Римскихъ владѣній и чрезмѣрная отдаленность ихъ предѣловъ отъ центра правленія способствовали единственно тому, что честолюбивые замыслы частныхъ людей заступили мѣсто властолюбивыхъ предприятій самаго Рима. Тогда появилось множество отважныхъ совмѣстниковъ, которые оспоривали другъ у друга владычество надъ повелителемъ свѣта: они возвышались и падали попеременно, являлись во блескѣ царей и мгновенно исчезали, оставляя Римъ жертвою новыхъ гражданскихъ неустройствъ, до самаго времени вступленія Константина на престолъ Августовъ.

Съ царствованія Государя сего начинается достопамятная епоха и новый порядокъ дѣлъ въ Имперіи Римской. Побѣдитель Лицинія принялъ непремѣнное намѣреніе перемѣнить религію своего народа и основать новое цар-

ство. Римъ, взирая съ негодованіемъ на то предпочтеніе, которое отдавали религіи хрістіанской предъ его отечественными богами, не могъ сносить присутствія Государя, съ такимъ самовластіемъ измѣнившаго обычаи его и вѣру. Буйный народъ переходилъ отъ неудовольствій къ ропоту, отъ ропота къ безпокойствамъ, которыя смѣнялись явнымъ чувствомъ презрѣнія. Сего уже было довольно для Константина; сопротивленія Римлянъ въ его намѣреніяхъ послужили достаточнымъ предлогомъ оставить навсегда Римъ. Императоръ удалился изъ него и воздвигъ новую столицу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояла Византія. По очевидному соизволенію Небесъ, озаряемый таинственнымъ свѣтомъ откровенія, Государь сей положилъ твердое основаніе новому Риму (*). Съ сего времени градъ Константиновъ учинился столицею Римской Имперіи на Востокѣ и первѣйшимъ святилищемъ хрістіанской религіи. Но учрежденіе новаго царства, введеніе новыхъ законовъ и въ особенности богослуженія сопровождались весьма многими несчастными обстоятельствами. Константинъ рано окончилъ достохвальное поприще своей жизни; а преемники Государя сего небыли одушевлены его благими на-

(*) Pro commoditate urbis quam aeterno nomine, jubente Deo, donavimus. Cod. Theodos. Lib. XIII, tit 5. lex 7.

мѣреніями, не имѣли его духа. Тутъ возникли многія секты, которыя своими междоусобіями возмущали миръ церкви и государства. Несчастная столица Константинова содѣлалась жертвою всѣхъ ужасовъ и опустошеній, какія могли только удовлетворять черни, волнуемой набожнымъ фанатизмомъ. Городъ сей испыталъ въ послѣдствіи времени еще многія, несравненно сильнѣйшія потрясенія; но въ столь обширномъ планѣ, какой имѣлъ Константинъ, безъ сомнѣнія весьма трудно предусмотрѣть всѣ отдаленныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ всякаго благаго, общеполезнаго начала. Константинъ, можетъ статься, поступилъ нѣкоторымъ образомъ неосторожно, основавъ столицу свою на предѣлахъ земли, населенной народомъ варварскимъ, прежде нежели совершенно покорилъ его своей власти. Симъ нарушилъ онъ правила той благоразумной политики, которой въ подобныхъ случаяхъ слѣдовали Римляне, и которою съ такимъ успѣхомъ воспользовались послѣ Турки (*). Дикой народъ наносилъ Константину оскорбленія въ самой его столицѣ. Дерзость неукротимыхъ ордъ, которыя иногда удалялись, но никогда небыли побѣждены, возра-

(*) Турки взяли Константинополь тогда, какъ всѣ около лежащія земли были уже ими заняты. *Соч.*

стала отчасу болѣе при слабыхъ преемникахъ онаго великаго Государя, такъ что Греческая Имперія принуждена была отступить далѣе во внутренность полуострова и оградить себя проведенною между двумя морями стѣною, — ничтожная защита, служившая очевиднымъ признакомъ слабости правительства, которое само признавало свое безсиліе. Наружная часть полуострова по своему виду получила названіе Ѳракійской Дельты.

При всемъ томъ однакожъ Греческая Имперія, впрочемъ терзаемая несогласіями и раздорами, готовившими ея паденіе, озарялась время отъ времени лучами счастія и славы Въ царствованіе Юстиніана снова ожила она, и даже вознеслась на высокую степень благоденствія. Юстиніанъ былъ выше своего времени. Три знаменитые полководца, Велизарій, Нерсесъ и его племянникъ Германъ, прославили правленіе сего Государя. Съ помощію великихъ вождей сихъ отнявъ Италію у Готовъ, Африку у Вандаловъ, смиривъ Персидскаго Царя Козру, и чрезъ то водворивъ спокойствіе въ Имперіи, Юстиніанъ желалъ утвердить на прочномъ основаніи благо ея системою мудрыхъ, взаимно себѣ непротиворѣчащихъ законовъ. На многихъ изъ прежнихъ постановленій видны были признаки ветхости; Юстиніанъ замѣнилъ ихъ но-

рыми, болѣе согласующимися съ обстоятельствами своего времени. Сіи-то законы вмѣстѣ со старыми, удержавшими свою силу учрежденіями, составляли тотъ славный Кодексъ, который носитъ на себѣ имя своего виновника, и коего главныя положенія служили столько времени кормиломъ для половины Европы. Пандекты явились послѣ. Это безсмертное твореніе, которое по всей справедливости называютъ *сокровищемъ науки правовѣдѣнія*, содержитъ въ себѣ основанія строжайшей правоты, утвержденныя на самыхъ благоразумныхъ правилахъ. Наконецъ Институціи (institutiones) сего Императора, заключающія въ себѣ сущность и духъ законовъ, написаны систематически, съ такою точностію въ мысляхъ и исправностію въ способѣ изложенія, которыхъ даже вышеупомянутыя творенія неимѣютъ можетъ быть въ столь высокой степени.

Слава Имперіи померкла при наслѣдникахъ его престола. Истощеніе финансовъ, бѣдственное состояніе народа, ослабѣніе и недостатокъ дѣйствующихъ пружинъ во всей махинѣ государственнаго управленія, роскошь, усыпленіе древней воинской доблести Римлянъ, которую оживилъ было въ ихъ робкихъ сердцахъ великій духъ Велизарія, — безпрестанно умножающіяся наглыя покушенія варваровъ, внутренніе раздоры, убійства,

похищеніе власти, соблазнительныя пренія о вѣрѣ, которыхъ безполезныя тонкости навлекали сомнѣніе на святѣйшіе догматы ея и самую ее подвергали безпрестанно новымъ опасностямъ, — все сіе сильно потрясло въ самомъ основаніи то зданіе, которое поддерживалъ мудрымъ своимъ правленіемъ Юстиніанъ, но которое и въ его вѣкъ уже претерпѣло значительныя поврежденія въ частяхъ своихъ.

Между тѣмъ какъ Греческая Имперія клонилась къ упадку, Турки, народъ вышедшій изъ странъ прилежащихъ Каспійскому морю, утвердились въ самой срединѣ Малой Азіи. Османъ, ихъ главный предводитель, помогши Калифу Ала-Еддину возвратить назадъ отнятыя земли, самъ наслѣдовалъ послѣ него правленіе. Одушевленные страстію къ завоеваніямъ его преемники, пользовались всѣми случаями распространять свои владѣнія; страшная слава объ ихъ имени способствовала успѣхамъ предприятій. Они подступили къ главному городу Виѳиніи, овладѣли имъ и сдѣлали его вторымъ мѣстомъ своего пребыванія. Отсюда уже представлялась имъ вся возможная удобность переправиться по своему желанію черезъ Босфоръ, для нападенія на Константинополь, или черезъ Дарданеллы, дабы утвердиться въ Европѣ. Турки оставили на время Константинополь

въ покоѣ. Не имѣя мореходныхъ судовъ, они переплыли узкій Дарданелльскій проливъ на плотахъ, проникли во Ѳракію, и учинили Адріанополь третьей столицею своего Государя. Здѣсь-то Могаммедъ II положилъ твердое намѣреніе взятіемъ Константинополя довершить разрушеніе Греческой Имперіи. Осажденные, уступая усиліямъ Могаммеда, могли противопоставить одно благородное, отчаянное сопротивленіе, и 29 Мая 1453 года Константинополь, спустя 1123 года послѣ своего основанія, достался въ руки побѣдителей. Сіе достопамятное событіе имѣло весьма великое вліяніе на образованность равно Востока и Запада.

Въ то самое время какъ Юстиніанъ оказалъ незабвенныя заслуги по части законодательства, утвердивъ оное на прочномъ основаніи, трудамъ Прокла, учредителя школы въ Аѳинахъ, одолжены были въ VI столѣтіи философія и науки математическія своимъ возстановленіемъ въ Греціи. Многія важныя истины, относящіяся до наукъ основательныхъ, были уже извѣстны на Востокѣ, между тѣмъ какъ Западъ только съ XVII столѣтія началъ ихъ почитать своими открытіями.

Въ ближайшую къ намъ эпоху Европа получила неоцѣненное благо — главнѣйшую

основу своей образованности. Не прежде, какъ по совершеніи оныхъ знаменитыхъ походовъ въ отдаленныя страны, жители Запада познакомились съ науками и искусствами, и начали сами въ нихъ упражняться. Успѣхи ихъ были весьма медленны: долгое время Европа совсѣмъ не имѣла писателей, которые озарили бы ее славою своего имени; между тѣмъ Востокъ гордился уже своимъ *Сади* и *Джелалъ-Уддиномъ*, двумя знаменитыми учеными, соединявшими въ себѣ таланты стихотворцевъ и моралистовъ, которые могли бы даже занять отличнѣйшее мѣсто въ ряду писателей нашего вѣка. По взятіи Константинополя Турками, науки, изгнанныя изъ сей плачевной страны, прибѣгли подъ гостепріимный кровъ Италіи и съ сего времени все приняло новой видъ въ Европѣ. Западъ, казалось, помѣнялся судьбою съ Востокомъ: послѣдній погружается во мракъ невѣжества; первый, озаренный благотворными лучами просвѣщенія, возносится на такую степень нравственнаго величія, какой еще никогда недостигалъ умъ человѣческій. Такъ превратна судьба царствъ и народовъ, таковъ вѣчно неизмѣняемый законъ Природы! Совершенно новый порядокъ произошелъ и въ отношеніи къ дѣламъ политическимъ. Знамя Исламизма водрузилось въ странѣ, которая столько времени была непрестанно обуреваема бѣдствіями самыхъ необычайныхъ перево-

ротовъ. Могаммедъ вступаетъ въ Константинополь съ торжествомъ побѣдителя, отправляется въ Софійскую церковь для принесенія благодарственнаго моленія Богу; и посвящаетъ сей храмъ Христа служенію своего пророка. Бо́льшая часть другихъ церквей обращена въ мечети. Новый властелинъ Греціи предоставилъ побѣжденному народу свободное отправленіе религіи, и благоразумному примѣру сего Государя слѣдовали въ точности его преемники. Даже памятники искусствъ съ самаго начала были пощажены, и только съ теченіемъ времени учинились жертвою пожаровъ и презрѣнія къ нимъ правительства, которое видѣло, что они несогласуются ни съ религіею, ни съ нравами и обычаями націи завоевательной. Впрочемъ сіи художественныя произведенія древности, несмотря на всесокрушающую силу времени, несмотря на варварство людей, которое вмѣстѣ съ нимъ трудилось надъ ихъ истребленіемъ, и понынѣ могутъ еще служить достойными удивленія памятниками великолѣпія, окружавшаго царей Греческихъ. На Западѣ симъ роскошнымъ твореніямъ изящнаго вкуса, составлявшимъ красоту и богатство градовъ древнихъ, оказывали неболѣе уваженія. Многія изъ нихъ въ совершенномъ небреженіи согнили на той землѣ, гдѣ прежде возбуждали онѣ удивленіе въ зрителяхъ; слѣды же бытія другихъ сохранились только въ учебныхъ книгахъ. Превосход-

ныя произведенія зодчества, стоя нынѣ безъ всякаго общеполезнаго предназначенія, кажется, объяты сномъ мертвымъ; одно употребленіе, одна польза дѣлаютъ для насъ сего рода памятники, такъ сказать, живыми.

Могаммедъ, овладѣвъ Константинополемъ, продолжалъ свои завоеванія. Преемники Государя сего, подражая блистательному его примѣру, распространили свое владычество въ трехъ частяхъ древняго свѣта. Двукратно подступали они къ стѣнамъ Вѣны и грозили христіанамъ тяжкимъ игомъ своего Могаммеда. Турки, наши учители въ искусствѣ атаки и защищеніи крѣпостей, въ рытіи подкоповъ и уничтоженіи ихъ дѣйствія посредствомъ другихъ, особенно жъ въ искусствѣ управлять большими движеніями войска, или въ такъ называемой стратегіи (*), были уже близки къ цѣли блистательнаго своего счастія. Монтекукулли, тщательно наблюдавшій образъ веденной ими войны, первый научился побѣждать сихъ непріятелей. Сраженіе Сентъ-Готтардское, гдѣ Французы съ такимъ отличнымъ успѣхомъ дѣйствовали въ виду вспомогательныхъ войскъ, было предзнаменованіемъ тѣхъ безчисленныхъ выгодъ, которыя въ послѣдствіи времени подвигами Принца Евгенія доставлены Европѣ. Сей знаменитый

(*) Смотри записки Монтекукулли.

Герой освободилъ свое государство отъ наглыхъ притѣснителей, а церковь Христову оградилъ миромъ и безопасностію.

До царствованія Ахмеда III Султаны Турецкіе были вмѣстѣ и вождями своего войска; но съ сего времени, т. е. съ начала XVIII столѣтія, они перестали показываться на полѣ ратномъ. За военнымъ правленіемъ первыхъ Государей Османскихъ слѣдовалъ нѣкоторой родъ Ѳеократіи. Султаны сдѣлали великую политическую погрѣшность постановленіемъ Муфтія (*) и учрежденіемъ сословія Улемовъ (**): они отдѣлили власть верховнаго главы религіи отъ власти самодержца. Гораздо непростительнѣйшая ошибка ихъ состояла въ томъ, что они придали къ особѣ своей Визиря (***).

(*) Муфтіи, начальники Магометанскаго закона въ важнѣйшихъ городахъ государства. Муфтій Константинопольскій есть глава всего сословія Улемовъ; онъ преимущественно называется *Шейхъ-ул-Исламъ*, верховный начальникъ Исламской вѣры.

(**) Должность Улемовъ въ Турціи состоитъ въ толкованіи законовъ, въ отправленіи правосудія, и въ наставленіи юношества; слово сіе значитъ *ученые*.

(***) Симъ титломъ именуются одни трехбунчужные Паши. Слово же въ первообразномъ корнѣ своемъ значитъ *тяжесть*, потому что Визири обременены всею тяжестію дѣлъ го-

Сверхъ того Султаны подвергли всегдашнимъ опасностямъ спокойствіе Государства, даровавъ многія преимущества янычарамъ и допустивъ ихъ усилиться даже до невѣроятности. Сіе безсмѣнное войско, служившее сначала опорою престола, въ послѣдствіи времени нерѣдко обагряло оный кровію слабыхъ своихъ повелителей.

Посредствомъ раздѣленія власти правительственной, столько вреднаго для достоинства особы самодержавной, обьясняются снисходительные поступки ея съ безпокойнымъ народомъ, всегда ищущимъ своей свободы. — Слово *свободы*, употребленное въ семъ случаѣ, покажется, можетъ быть, для нѣкоторыхъ весьма страннымъ. Но надлежитъ знать, что Турецкій Государь неимѣетъ надъ всѣми своими подданными такой деспотической власти, которую можно было бы назвать совершенно самопроизвольною, какъ обыкновенно думаютъ въ Европѣ. Столь же неосновательно и то мнѣніе, будто онъ есть единственный наслѣдникъ имуществъ всѣхъ гражданъ; деспотическое право сіе простирается только на тѣхъ чиновниковъ, которые получаютъ отъ Государя своего жало-

---

сударственныхъ. *Везири-Аземъ* значитъ собственно Величайшій Визирь, котораго мы называемъ просто *Великимъ* Визиремъ.

ванье. Онъ приказываетъ брать подъ секвестръ (*) имѣніе осужденныхъ, и обращаетъ по произволенію въ свою собственность нѣкоторую часть онаго, смотря по тому донесенію, какое сдѣлаютъ ему о количествѣ всего имѣнія. Чиновники, коимъ ввѣрено управленіе, почитаются въ Константинополѣ піявицами, сосущими кровь государства; посему народъ съ великимъ удовольствіемъ смотритъ на воткнутыя при вратахъ Сераля головы тѣхъ изъ нихъ, которыхъ постигло правосудіе Султана. Напротивъ сей же самый народъ огорчается, дѣлается безпокойнымъ, даже бунтуетъ, какъ скоро видитъ, что самопроизвольно, вопреки постановленіямъ, наносится личная, либо чрезъ отнятіе собственности обида гражданину, хотя бы самому незначительному, но такому, который не пользуется отъ казны жалованьемъ, а живетъ наслѣдствомъ, собственною работою, ремесломъ, или торговлею. Въ такихъ случаяхъ самая жизнь Государя подвергается крайней опасности (**).

(*) Въ Турціи нѣтъ настоящей конфискаціи. Соч.

(**) Въ 1649 году Султанъ Ибрагимъ былъ сверженъ съ престола и въ слѣдствіе фетвы, или приговора Муфтіева, посаженъ въ темницу, за то единственно, что чиновники, подъ его именемъ, насильственно похищали деньги и товары изъ подваловъ на публичныхъ рынкахъ. По крайней мѣрѣ сей поступокъ былъ поводомъ къ возмущенію. Соч.

Въ Турціи всякой чиновникъ правительства есть безмолвный рабъ власти верховной; на немъ лежитъ все бремя деспотизма, и его съ перваго раза можно узнать по той безпокойной заботливости, которая обнаруживается въ его движеніяхъ. Стоитъ только посмотрѣть внимательно на человѣка сего званія, и вы въ немъ неошибетесь: голова его неподвижна; опытный глазъ его безпрестанно дѣйствуетъ и все замѣчаетъ; на лицѣ его невидно совершенно никакого выраженія внутренняго чувства; онъ говоритъ, но всегда тихо и въ полголоса. Мучительный страхъ заставляетъ его всякую минуту быть на стражѣ; смотря на его поступки, можно подумать, что око и ухо Государя слѣдуютъ за нимъ повсюду. Классъ гражданъ независимыхъ оказываетъ симъ людямъ совершенное презрѣніе; особливо женскій полъ поступаетъ съ ними безъ всякой пощады. Мало такихъ земель, гдѣ бы женщины даже передъ самимъ Государемъ говорили такъ свободно, какъ въ Константинополѣ. Сею вольностію, кажется, пользуются онѣ въ замѣну того удаленія отъ общества и пренебреженія, которыя достаются имъ въ удѣлъ общій. Не смотря однакожъ, что въ Турціи женщины обязаны проводить жизнь свою во внутренности Гарема (*), и что по види-

(*) Всѣмъ извѣстное слово, которымъ означается жилище женъ Турецкихъ; собственно же

мому не пользуются никакимъ уваженіемъ, онѣ умѣютъ въ заключеніи семъ столь же хорошо, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, употреблять въ свою пользу ту власть, которая дана ихъ полу отъ Природы. Въ Турціи, какъ и вездѣ, гдѣ только честолюбіе находитъ пути къ сердцу женщинъ, вліяніе сихъ послѣднихъ на дѣла общественныя бываетъ часто полезнымъ для Монарха и его подданныхъ, и на оборотъ причиняетъ иногда страшныя бѣдствія государству.

Турецкія жены суть большею частію покупныя невольницы. Если многоженство вредитъ народонаселенію, что еще не совсѣмъ доказано; то по крайней мѣрѣ оно способствуетъ сохраненію здоровья и красоты тѣлесной, которыя въ противномъ случаѣ отъ браковъ, основанныхъ на корысти или договорахъ, примѣтно повреждаются. Впрочемъ многоженство бываетъ иногда причиною значительныхъ безпокойствъ, особенно внутри сераля. Жены Султанскія называются Кадины (*). Онѣ предназначаются для размноже-

слово сіе значитъ *священное мѣсто*, куда никто неможетъ имѣть доступа. *Соч.*

(*) Кадина есть тоже, что госпожа или замужняя женщина (dame). Въ серали етимъ именемъ называютъ женъ Султана въ отличіе отъ его наложницъ. Кадины суть дѣйствительныя супруги его, ибо рожденныя отъ нихъ дѣ-

нія Царскаго рода; но не будучи соединены съ властелиномъ своимъ никакими торжественными узами брака, онѣ не могутъ именоваться Султаншами. Почетное титло сіе дѣлается обыкновенно принадлежностію той изъ нихъ, которой сынъ вступаетъ на Престолъ; въ такомъ случаѣ называютъ ее уже *Валида-Султанъ*, т. е. матерью Султана, и переводятъ изъ стараго сераля во Дворецъ Императорскій. Тогда, находясь близко своего сына, часто она имѣетъ на него и на все правительство опасное вліяніе. Султанъ, оставившій по себѣ малолѣтными дѣтей отъ многихъ женъ, открываетъ обширное поле для крамолъ и распрей, которыя не рѣдко бываютъ причиною великихъ неустройствъ въ Имперіи. Посему нѣтъ страны, гдѣ бы малолѣтство и регентство были столь страшны, какъ въ Константинополѣ.

предназначаются быть наслѣдниками престола. Но для возведенія ихъ въ сіе достоинство вѣроятно небываетъ ни законнаго акта, ни празднества. Впрочемъ онѣ, подобно супругамъ другихъ отличныхъ чиновниковъ, суть не что иное, какъ прекрасныя невольницы, купленныя за деньги, или полученныя въ подарокъ. Во время моровой язвы въ Константинополѣ, съ 1812 по 1814 годъ, Рейсъ-Ефенди (Министръ иностранныхъ дѣлъ) лишился одной изъ своихъ женъ, къ которой былъ весьма привязанъ. Я посылалъ по сему случаю изъявить ему мое соболѣзнованіе. Да, ска-

Не должно слишкомъ удивляться, что сіи столько вамъ чуждые обычаи имѣютъ вліяніе на ходъ дѣлъ въ Турціи; ибо еще и другія побудительныя причины приводятъ ихъ въ движеніе. Въ новѣйшія времена, особенно въ слабое царствованіе Селима III, духъ мятежа такъ сильно распространился по государству Османскому, что оно было наконецъ доведено до того состоянія, въ какомъ находились государства Европы во времена Феодальнаго правленія; т. е. оно учинилось добычею властолюбивыхъ Пашей, изъ коихъ каждый почиталъ себя неограниченнымъ Государемъ, велъ съ своими сосѣдами открытую войну и держалъ себя въ непрестанномъ возмутительномъ состояніи противу законнаго правительства. Достопамятное явленіе въ мірѣ политическомъ! Турецкая Имперія ощутила сильное потрясеніе отъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя столь долгое время препятствовали въ нашей Европѣ введенію и утвержденію единой самодержавной власти. Нынѣ царствующій Султанъ Магмудъ, Государь во цвѣтѣ лѣтъ (*), одаренный великимъ характеромъ, ревностно возстановилъ законныя права своей власти, приведши янычаръ (не

залъ онъ, я весьма жалѣю объ ея смерти; она стоила мнѣ пять тысячь піастровъ (около 5000 франковъ). Соч.

(*) Родился 1782, вступилъ на престолъ 1808 года.

болѣе какъ въ два года) мужественными поступками своими къ совершенной подчиненности, и отдѣливъ отъ сего войска сословіе Улемовъ, которые всегда дѣйствовали съ онымъ совокупно при всѣхъ великихъ возмущеніяхъ. Разсѣяніемъ Вехабитовъ онъ возобновилъ путешествія Музульманъ въ Мекку и тѣмъ самымъ снова присвоилъ себѣ права преемника Калифовъ. Онъ взялъ обратно крѣпость Виддинъ(*), для овладѣнія которою тщетны были всѣ покушенія знаменитаго Капитанъ - Паши. Онъ присоединилъ опять къ своимъ владѣніямъ Сервію, которую отторгли отъ оныхъ пятилѣтнія внутреннія безпокойства; всѣхъ возмутительныхъ Пашей, Агъ и Аяновъ, подчинилъ своей власти, и многихъ казнилъ смертію. Уничтоженіемъ наслѣдственнаго права на Пашилыки онъ учинилъ званіе Паши и Аги временными, зависящими отъ своего собственнаго произвола, и на мѣсто прежнихъ возвелъ въ сіе достоинство чиновниковъ своего сераля. Вѣдая, что безчестное мздоимство Министровъ Селима III было причиною свერженія съ престола и несчастной кончины сего Государя, Магмудъ избралъ себѣ въ Визири человѣка безъ всякихъ талантовъ и

(*) Важная крѣпость на правомъ берегу Дуная, противъ малой Валахіи. Ею долгое время владѣлъ знаменитый бунтовщикъ Пасванъ-Оглу, и послѣ него Молла-Паша, женившійся на вдовѣ своего предшественника.

ума весьма ограниченнаго. Съ необыкновенною бдительностію смотритъ онъ за всѣми поступками дивана и оставляетъ ему одну только тѣнь власти; всѣмъ движетъ и распоряжаетъ самъ силою своего слова; короче, одинъ составляетъ все правительство Турецкое. Получая всякаго рода свѣдѣнія вѣрнѣе и скорѣе отъ своихъ тайныхъ, весьма дѣятельныхъ агентовъ, чѣмъ отъ своихъ Министровъ, онъ принимаетъ уже касательно какого-либо дѣла надлежащія мѣры, прежде нежели Великій Визирь сдѣлаетъ ему объ ономъ донесеніе. Дѣятельный, трудолюбивый (*), непроницаемый въ своихъ тайнахъ, ревностный чтитель отечественной религіи, вѣрный своему слову (**), умѣренный, уважаю-

---

(*) Когда чиновникъ, отправлявшій должность кабинетнаго Секретаря при восшествіи Магмуда на престолъ, спустя нѣсколько времени умеръ; то мѣсто его, которое подавало поводъ ко многимъ вреднымъ проискамъ, Султанъ оставилъ празднымъ. Соч.

(**) Султанъ Магмудъ, принудивъ Пашу Моллу Виддинскаго уступить себѣ крѣпость, не только оставилъ жизнь побѣжденному, но и позволилъ ему взять съ собою всѣ сокровища и всѣхъ женъ его. Али-Паша, сей свирѣпый тиранъ Епирскій, услышавъ о семъ происшествіи, воскликнулъ: „Визирь этотъ былъ евнухъ, ни къ чему негодный человѣкъ! Я зналъ напередъ, что онъ отдастъ свой городъ и свою голову." — Несмотря на то, Молла-Паша проводилъ послѣ жизнь весьма

щій добрую нравственность, Султанъ Магмудъ имѣетъ, можетъ быть, большое право слыть человѣкомъ необыкновеннымъ, чудеснымъ въ отношеніи къ Турціи. Сей Государь сдѣлалъ только одну ошибку, которая однакожъ не зависѣла отъ его воли.... Но не станемъ заранѣе раскрывать книгу будущности; картина времени настоящаго для насъ гораздо поучительнѣе.

Индія стонаетъ подъ тягостнымъ игомъ варварства. Арабы, сей древнѣйшій народъ въ мірѣ, сохраняютъ независимость посреди неприступныхъ пустынь своихъ. Персія хотя наслаждается нынѣ миромъ; но въ нѣдрахъ своихъ заключаетъ сѣмя пагубныхъ раздоровъ: многіе искатели престола, которыхъ оставитъ по себѣ нынѣшній Государь ея, подвергнутъ сію, испытавшую столько переворотовъ, землю новымъ опасностямъ раздѣленія. Турція поддерживается силою гражданскихъ своихъ постановленій; но за ея предѣлами къ сѣверу и западу, которые суть также предѣлы Европы, обитаютъ народы, взаимно различающіеся религіею, нравами, обычаями и образомъ воеванія. Многія

спокойно въ Скутари, въ виду сераля Султанскаго, и не видалъ со стороны великодушнаго своего Государя ни малѣйшаго признака мщенія до самой своей смерти, случившейся въ 1812 году отъ моровой язвы. *Соч.*

государства Европы достигли равной степени совершенства во всѣхъ частяхъ искусства военнаго; имѣютъ одинакія основанія блага общественнаго и народнаго; науки и искусства у многихъ изъ нихъ обработываются съ великимъ успѣхомъ. Посему западъ можно почитать краемъ, достигшимъ цѣли своего образованія. Напротивъ всѣ источники благоденствія общественнаго на Востокѣ преграждены и остановлены; частный человѣкъ обладаетъ сокровищами, между тѣмъ какъ государство терпитъ бѣдность. Войско составляется тамъ изъ людей, въ скорости по жеребью набранныхъ, которые вовсе неимѣютъ ни познаній въ дѣлѣ военномъ, ниже понятія о славѣ народной. Успѣхъ сраженія почитаютъ сіи воины за благоволеніе Небесъ, а бѣгство свое отъ непріятеля за дѣйствіе судьбы непреоборимой.

Мало земель, гдѣ бы ненарушимость законнаго права собственности наблюдалась такъ строго, какъ въ Турціи. Дѣйствія тиранской власти худыхъ Государей и притѣсненія Пашей нимало недоказываютъ сему противнаго. Своевольные, дерзкіе поступки, стоившіе часто однимъ престола, другимъ жизни, прекратились; но фундаментальные законы, связывающіе Государя съ его подданными и ручающіеся за безопасность лицъ и имущества, донынѣ существуютъ. Весьма

много ошибаются тѣ, кои правительство Турецкое представляютъ себѣ образцемъ неограниченнаго деспотизма Надлежитъ сперва подумать, могла ли бы великая нація, бывшая на высшей степени славы и благоденствія, поддерживать политическое бытіе свое въ теченіе пяти вѣковъ, если бы образъ ея правленія исключалъ всѣ правила, всѣ законы положительные. Кромѣ постановленій государственныхъ общихъ, Турція имѣетъ еще весьма достопримѣчательныя узаконенія частныя. Между сими послѣдними заслуживаютъ особенное вниманіе узаконенія касательно отпуска на волю рабовъ, которыя превосходятъ даже въ семъ родѣ постановленія Римлянъ, нашихъ учителей въ наукѣ законодательства.

Для многихъ кажется очень страннымъ, что Турція къ симъ выгодамъ своего правленія неприсоединитъ той пользы, какую извлекаетъ для себя Западъ изъ быстрыхъ успѣховъ своихъ въ наукахъ естественныхъ. Сему препятствуютъ весьма важныя причины. Чрезвычайная нетерпимость религіи Магометанской остановила въ Турціи успѣхи гражданской образованности. Турція живетъ собственнымъ запасомъ, незаимствуя ничего отъ своихъ сосѣдей. Явное презрѣніе ко всему, что не слѣдуетъ ученію Пророка, лишило Турцію тѣхъ общеполезныхъ учрежденій, употребленію которыхъ могъ бы на-

учитъ ее Западъ. Отъ презрѣнія къ людямъ Турки переходятъ къ презрѣнію самыхъ вещей; по сему государство ихъ въ наше время дѣйствительно отстало весьма далеко отъ прочей Европы во многихъ отношеніяхъ. Но было бы весьма несправедливо почитать Турковъ за настоящихъ варваровъ; тотъ всегда ошибется въ етомъ народѣ, кто станетъ разсматривать его издалека и судить объ немъ по своему воображенію. Англія отдѣляется отъ Франціи каналомъ не болѣе семи часовъ ѣзды, и при всемъ томъ Французы имѣютъ едва поверхностное свѣдѣніе о сей близкой землѣ, куда столь многіе путешествовали, и о которой такъ много писали и говорили. Турки хорошіе хозяева, умѣренны, терпѣливы, набожны, гостепріимны. Они вообще одарены отъ природы здравымъ умомъ и проницательнымъ разсудкомъ, имѣютъ только самыя обыкновенныя понятія о вещахъ, и всегда средствами прямыми достигаютъ своей цѣли. Турки неполучаютъ отъ воспитанія никакихъ свѣдѣній, за то неимѣютъ и тѣхъ познаній поверхностныхъ, которыя бываютъ столько вредными для человѣка полуобразованнаго. Ихъ обвиняютъ въ изнѣженности и праздности; но надлежитъ знать, что вопреки обычаю Европейцевъ, которые любятъ быть въ движеніи, Турки вообще думаютъ, что наслажденіе состоитъ въ бездѣйствіи. Впрочемъ Оттоманское госу-

ропѣе обитаемо людьми дѣятельными и ѣпкими, которые способны переносить тяжѣ трупы и встрѣчать мужественно опасноии. Прежде фанатизмъ придавалъ Музульманамъ необыкновенныя силы и бодрость въ аженіяхъ; въ наше время сіе набожное изпупленіе Турковъ весьма уменьшилось. Оно ожетъ снова возродиться въ ихъ сердцахъ; я сомнѣваюсь, чтобы оно достигло той пепени енергіи, какою отличались *воите-н вѣры* въ счастливѣйшія времена Исламизма.

Турки, разрушивъ Имперію Греческую, ощадили народъ, который послѣ своихъ поѣдителей занялъ, такъ сказать, второе мѣто. Греки сохраняютъ еще нѣкоторыя искры того божественнаго огня, которому знаенитые предки ихъ обязаны были своею блиательною славою, своими успѣхами въ ауках и искусствахъ изящныхъ. Огромныя данія, надъ сооруженіемъ коихъ трудились они о препорученію Турковъ, если неотличаютя особенною правильностію вкуса, то по райней мѣрѣ имѣютъ много величія и той мѣлости въ исполненіи, которая столько войственна ихъ древнимъ памятникамъ. По ему мечети возбуждаютъ въ зрителѣ невольое удивленіе, а особливо при первомъ взглядѣ.

Между Турками и Греками замѣшался динъ неимѣющій умственнаго образо-

ѣанія, но весьма искусный въ денежныхъ р[…] счетахъ народъ, которой подъ простою и гр[…] бою наружностію скрываетъ чрезвычайно н[…] ное чувство: — ето Армяне. Будучи весь[…] близки къ Магометанамъ по строгому обы[…] чаю содержать своихъ женъ въ крѣпко[…] Гаремѣ и подъ *яхмакомъ* (*), они пользу[…] ются всею довѣренностію Турковъ. Отлича[…] ясь вѣрностію и покорностію къ прави[…] тельству, Армяне предоставляютъ Грека[…] Фанала (**) ихъ поиски для полученія н[…] управленіе Княжествъ (***), и дѣла заграничной торговли, тѣмъ болѣе, что они сами непро[…] изводятъ совсѣмъ торга внѣ Государства, а дер[…] жатся только представительныхъ законовъ су[…] щественнаго богатства. Отправляя должност[…] *саррафовъ* или банкировъ при государствен[…] ныхъ чиновникахъ и имѣя препорученія соста[…] влять слитки изъ золотыхъ и серебряныхъ мо[…] нетъ, Армяне собираютъ несмѣтныя сокровищ[…] Живущіе внѣ столицы небогаты, но такж[…] нетерпятъ нужды, и наслаждаются благосо[…] стояніемъ. Повсюду пользуются они уваже[…]

(*) Покрывало изъ бѣлой кисеи, которымъ жен[…] щины окутываютъ голову и шею, оставля[…] свободными одни глаза. *Соч.*

(**) Княжескія фамиліи Грековъ живутъ въ *Фе[…] налѣ*, предмѣстіи Константинополя при […] вани. *Соч.*

(***) Молдавіи и Валахіи.

мъ; но будучи просты въ нравахъ, недуютъ обращать онаго въ свою выгоду. Симъ ьма много отличаются они отъ Грековъ, юда легкомысленнаго, котораго безпреанно мучитъ ребяческое тщеславіе (?).

(Перев. У.)

IV. СМѢСЬ.

ыписка изъ письма къ Редактору.

Въ прошедшемъ году, въ Маѣ мѣсяцѣ, тая въ Вѣстникѣ Украинскомъ Рѣчь Директора Одесской Гимназіи и Благороднаго Инпитута на случай торжественнаго открыія Дѣвичьяго Училища, я наслаждался неизреннымъ удовольствіемъ; я живо представлялъ себѣ благородные порывы нашихъ сопчичей и быстрые успѣхи ихъ на пути проѣщенія.

Пользу сего новаго учебнаго заведенія раторъ изъяснилъ сими словами: „Отъ образованныхъ матерей проистекаетъ первое и едва ли не величайшее благо; отъ нихъ сѣмена благочестія въ юныя сердца младенцовъ

„впечатлѣваются; отъ нихъ научаются д[illegible]
„терпѣнію и кротости; отъ нихъ чер[illegible]
„маютъ они трудолюбіе, послушаніе, возд[illegible]
„жаніе и вѣжливость: кратко сказать, о[illegible]
„нихъ насаждаются сѣмена благонравія, с[illegible]
„мена высокихъ добродѣтелей, сближающ[illegible]
„человѣка со всевышнимъ Существомъ."

Читая сіе и восхищаясь столь очев[illegible]
ною пользою новаго заведенія, не могъ я в[illegible]
держаться отъ мысли о горестномъ полож[illegible]
ніи многихъ семействъ, страждущихъ еди[illegible]
ственно отъ того, что ихъ матери или [illegible]
все необразованы, или получили модное восп[illegible]
таніе, несообразное ни съ нашимъ состоян[illegible]
ніемъ, ни съ климатомъ, ни съ обычаями,
ниже съ религіею. Еслибъ спросить подъ пр[illegible]
сягою всѣхъ мужей, дѣтей, слугъ и служ[illegible]
нокъ; ахъ, сколько бы въ Россіи нашлос[illegible]
женъ, матерей семейства, нетрудолюбивыхъ,
невоздержныхъ, однимъ словомъ неимѣющихъ
тѣхъ добродѣтелей, которыя необходимо ну-
жны ихъ званію!

Одесское народное Дѣвичье Училище пред[illegible]
принимаетъ воспитывать будущихъ супругъ
дѣтямъ нашимъ, изъ коихъ для моего сын[illegible]
вѣрно недостанетъ. Это игра лотерейная:
надежда очень далека, хотя предпріятіе достой-
но всеобщей признательности. Мнѣ въ голову
пришла мысль приступить къ дѣлу съ другой
стороны, дабы существующее зло исторгнуть

корнемъ. Ибо чтожъ будетъ пользы изъ дѣвичьяго Училища, если ученицы, возвратясь изъ школы къ избалованнымъ матерямъ своимъ, станутъ слѣдовать домашнимъ примѣрамъ, а не нравственнымъ наставленіямъ учителя?

Недожидаясь отдаленныхъ выгодъ, приготовляемыхъ для нашего потомства, не можемъ ли и мы, нынѣ живущіе отцы семейства, хотя нѣсколько воспользоваться ими? Прошу имѣть терпѣніе: я вздумалъ предложить публикѣ объ учрежденіи по всѣмъ городамъ *особыхъ училищъ для замужнихъ женщинъ*, гдѣ могли бы любезныя наши подруги обучаться трудолюбію, послушанію, воздержанію, кротости и всѣмъ прочимъ добродѣтелямъ, необходимо нужнымъ для семейственнаго благополучія. Учрежденіе таковыхъ училищъ не можетъ быть отяготительнымъ для общества; ибо достаточные мужья охотно пожертвуютъ большими суммами для наученія своихъ женъ и для своего спокойствія; а на етотъ же счетъ можно будетъ неимущихъ обучать безденежно. Каждой богатой помѣщикъ, счастливой купецъ, зажиточной промышленникъ, оборотливой откупщикъ, отдастъ охотно годичной свой доходъ за выученіе сварливой, безпокойной, вѣтренной жены своей; сколькожъ на счетъ сихъ денегъ можно будетъ выучить еще и недостаточныхъ!

Учрежденіе таковыхъ училищъ, кромѣ настоящихъ семейственныхъ выгодъ, принесетъ неоспоримо и будущія. Упомянутой выше Витія оказалъ справедливо, что „отъ образованныхъ матерей проистекаетъ первое и едва ли не величайшее благо.“ По чему, ежели нынѣшнія матери семействъ получатъ приличное своему сану образованіе; то со временемъ вовсе будутъ не нужны дѣвичьи училища; ибо каждой домъ сдѣлается школою, въ которой мать семейства будетъ дѣтямъ своимъ, а особливо дочерямъ, учительницею и надзирательницею; а хорошіе примѣры добродѣтельной жизни ея подѣйствуютъ больше на воспитанницъ, нежели умнѣйшія превосходнѣйшихъ Профессоровъ уроки и наставленія.

Предвижу всю трудность управляться съ нѣкоторыми неугомонными женщинами; однакожъ неотчаеваюсь въ успѣхѣ, видя ежедневно примѣры, какъ безсловесные даже звѣри приучаются къ разнымъ упражненіямъ по волѣ наставника. Если медвѣдя можно выучить плясать; то почему бы злой жены не льзя приучить быть доброю?

Ещё одна мысль вертится въ головѣ моей. Вездѣ почти учреждаютъ особые домы для сумасшедшихъ; по какой же причинѣ безпокойныя и неугомонныя жены должны оста-

ваться безъ особаго благотворительнаго надзора, быть въ тягость несчастнымъ мужьямъ, и въ соблазнъ дѣтямъ? Я льщусь надеждою, что и сіе предложеніе со временемъ будетъ принято съ тѣмъ вниманіемъ, котораго оно достойно по всей справедливости.

Нѣжной, милой полъ! я былъ всегда и есмь твоимъ истиннымъ обожателемъ; не вооружайся противъ моего предложенія: оно, способствуя благополучію мущинъ, составитъ вѣрно твое благо и удовольствіе.

Сообща вамъ, милостивый государь, мою мысль, прошу объявить ее публикѣ въ вашемъ Вѣстникѣ. Если она заслужитъ благосклонное одобреніе; то я непремину вскорѣ доставить къ вамъ подробный планъ, которымъ заняться постараюсь. Имѣю честь быть и проч.

Семенъ Осиповъ сынъ Горемыковъ, отставной Титулярный Совѣт.

Астрахань.

Политическія происшествія.

Франція.

По всей Европѣ разнеслось извѣстіе объ открытомъ въ Парижѣ новомъ, такъ называемомъ, *бѣломъ* заговорѣ. Иностранныя вѣдомости, а особливо Англійскія, разсказываютъ о немъ различнымъ образомъ. Отъ чего такое несходство? Отъ того, что почти всѣ обстоятельства заговора покрыты непроницаемою завѣсою тайны. Вотъ что достовѣрно извѣстно: Полковникъ Сонжи, баталіонный Командиръ Ромильи, Генералъ-Маіоръ Шапделенъ, Жоанни, родственникъ Генерала Канюеля, взяты подъ арестъ и преданы суду, какъ участники; далѣе: начальники заговора Баронъ Витроль исключенъ изъ списка Министровъ и Членовъ Государственнаго Совѣта, а Генералъ-Лейтенантъ Канюель, скрывавшійся нѣсколько времени въ домѣ одного своего пріятеля, посаженъ въ тюрьму. А вотъ что можно принять за вѣроятное: фанатическія роялисты вознамѣрились было принудить Короля къ уничтоженію конституціонной хартіи, къ отрѣшенію нынѣшнихъ Министровъ, къ замѣщенію сихъ государственныхъ чиновниковъ старинными дворянами и аббатами. Къ томужъ еще на Канюеля сдѣланъ доносъ, что, начальствуя въ Ліонѣ, онъ усмирялъ мятежныхъ крестьянъ, которыхъ *самъ же напередъ подущалъ къ бунту*, дабы имѣть случай отличиться усердіемъ своимъ къ престолу. Все сіе должно объясниться въ непродолжительномъ времени.

Германія.

Еще въ минувшемъ Маѣ Министры четырехъ союзныхъ Державъ окруживши письмомъ

извѣстили посланниковъ, что Ихъ Величества, союзные Монархи, назначили имѣть личное свиданіе будущею осенью, дабы, въ силу 5й статьи Парижскаго трактата, совокупно съ Его Христіаннѣйшимъ Величествомъ разсмотрѣть внутреннее состояніе Франціи и потомъ рѣшить, можетъ ли быть прекращено, или должно еще продолжиться военное занятіе пограничныхъ провинцій сего Королевства. Чѣмъ ближе подходитъ срокъ свиданія Монарховъ въ Ахенѣ и освобожденія Франціи отъ чужестраннаго войска, тѣмъ съ большимъ тщаніемъ Правительства обезпечиваютъ Германію отъ всякаго нападенія. Пруссія укрѣпила Минденъ, надъ рѣкою Везеромъ; Люксембургъ, охраняемый Прусскимъ гарнизономъ, будетъ одною изъ первоклассныхъ крѣпостей въ Европѣ; Жюльякъ назначенъ быть хранилищемъ оружія; надъ Рейномъ возникли три новыя крѣпости отъ Голландіи до Бингена, а именно: Везель, Кельнъ и Кобленцъ. Еще упомянуть должно о Майнцѣ, Ландау, и о двухъ вновѣ заложенныхъ крѣпостяхъ на верхнемъ Рейнѣ.

— Посланники нѣкоторыхъ Союзныхъ Дворовъ Германскихъ, разсуждающіе о дѣлахъ Нѣмецко-Католической церкви, между прочимъ постановили, чтобы Правительство обязалось не позволять Іезуитамъ въѣзжать въ ихъ области.

Австрія.

Напечатанное въ разныхъ газетахъ извѣстіе о бывшемъ будто бы покушеніи на жизнь юнаго Герцога *Рейхштатскаго* (такъ титулуется теперь сынъ Герцогини Пармской Маріи Луизы), Франца Іосифа Карла, о нанесен-

помъ ему ударѣ и проч., оказывается совершенно ложнымъ. Герцогство Рейхштатское, котораго титулъ пожалованъ упомянутому Принцу, находится въ Богеміи, въ Юнгъ-Бунцлавскомъ повѣтѣ, въ двѣнадцати миляхъ отъ Праги. Въ столичномъ городѣ его Рейхштатѣ считается 250 дворовъ; слѣдственно уступаетъ онъ мѣстечку Цвикау, принадлежащему къ тому же владѣнію, и въ которомъ находится домовъ 330. Тамошніе жители упражняются въ шкацкомъ мастерствѣ и земледѣліи, отъ котораго однакожъ получаютъ мало выгодъ по причинѣ худой почвы.

Папская Область.

Французскій государственный Совѣтникъ, Графъ Порталисъ, сдѣлалъ предложеніе Папскому Двору, чтобы впредь, для избѣжанія духовныхъ юридическихъ споровъ, имѣлъ онъ во Франціи Посланника, а *не Нунція*.

Испанія.

По поводу происшествій въ Южной Америкѣ отъ Двора Его Католическаго Величества сообщена всѣмъ Союзнымъ Державамъ весьма любопытная нота, изъ которой явствуетъ: 1) Всѣмъ инсургентамъ, кои окажутъ себя покорными, объщается совершенное прощеніе. 2) Каждый Американецъ получитъ право на всѣ преимущества наравнѣ съ Европейскими Испанцами. 3) Торговыя сношенія между Америкой и чужестранными Державами будутъ основаны на свободныхъ правилахъ. 4) Его Величество изъявляетъ согласіе на принятіе средствъ приличныхъ, какія ему предложены будутъ Высокими Его Союзниками. Успѣхъ сей великодушной мѣры еще не извѣ-

стенъ. Между тѣмъ въ придворной Мадритской газетѣ объявляется оффиціально объ одержанной мятежническимъ полководцемъ Сенъ-Мартиномъ побѣдѣ надъ Королевскихъ, Испанскимъ Генераломъ Озорію по близости Маипо. Симъ кровопролитнымъ сраженіемъ судьба области Хили рѣшена въ пользу Инсургентовъ для которыхъ открылся теперь свободный путь и къ Перу.

— Инсургентскіе каперы разъѣзжаютъ безпрестанно у Португальскихъ и Испанскихъ береговъ. Они берутъ, грабятъ и сожигаютъ корабли всѣхъ націй.

Восточная Индія.

Остъ-Индская компанія положила, чтобы большая часть издѣлій впредь обработываема была въ Англіи, и чтобы одни только первоначальные матеріалы привозимы были изъ Остъ-Индіи въ Англію. Это весьма обрадуетъ голодныхъ работниковъ Англійскихъ, если только машины не лишатъ ихъ и сей послѣдней надежды.

— Намѣреніе уничтожить союзъ между Маратскими Князьями и разбойническими начальниками Пиндарисовъ, увѣнчано совершеннымъ успѣхомъ. *Пейшва*, *Синдея*, *Голькаръ* и *Бунславъ* вмѣстѣ съ *Байѳраномъ* совершенно побѣждены и обезсилены. Британскія Остъ-Индскія войска проникли въ самую внутренность владѣнія Пиндарисовъ, гдѣ *Щетту*, сильный начальникъ ихъ, совершенно разбитъ Сиромъ В. *Кейтомъ*. Желательно знать, также ли счастливо окончатся дѣла на островѣ Цейлонѣ, гдѣ Англичане встрѣчаютъ сильное со-

противленіе со стороны такъ называемыхъ мятежниковъ.

Сѣверная Америка.

Демонъ войны бросилъ яблоко раздора между Испаніею и Сѣверо-Американскою республикою. Джаксонъ, генералъ сей послѣдней державы, занялъ Пенсаколу, главный городъ западной Флориды. Онъ объявилъ въ особомъ манифестѣ, что Пенсакола будетъ удержана до тѣхъ поръ, пока Испанія не придетъ въ состояніе укрощать сосѣдственныхъ дикихъ народовъ и не приведетъ въ точное исполненіе существующихъ договоровъ. — Флорида была уступлена Великобританіею Испаніи за Гибралтаръ въ 1783 году. Англія владѣла ею съ 1763 года. — Испанскій посланникъ протестовалъ противъ сего насилія. Что то скажетъ Англія, которая и безъ того уже смотритъ косо на благосостояніе республики Соединенныхъ областей.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Всѣмъ извѣстны полезныя открытія и заслуги знаменитаго Шведа Кавалера *Линнея*; но можетъ быть немногіе знаютъ, чѣмъ вылѣчился онъ отъ подагры. Болѣзнь сію получилъ онъ на 43 году своей жизни (въ 1750), и столь сильно былъ мучимъ ею, что сряду семь дней и ночей не могъ ни уснуть, ни сдѣлать движенія ногами. Подагрическая матерія, говоритъ Докторъ Стоверъ въ жизнеописаніи сего великаго Ботаника, переходила изъ одной ноги въ другую, также въ руки и другія части тѣла. Въ сіе время Линнею никакая пища не была по вкусу. Долго перемѣняли разныя кушанья; наконецъ, единственно для прохлажденія, дали ему земляники. Больной покушалъ и заснулъ. Послѣ того приказалъ онъ подать себѣ еще болѣе етой же ягоды, и черезъ два дня всталъ съ постели здоровъ и веселъ. На слѣдующій годъ, въ бытность Линнея въ Дроттингольмѣ, снова посѣтила его подагра. Съ блѣднымъ и невеселымъ лицемъ является онъ во дворцѣ. Вдовствующая Королева спрашиваетъ, въ чемъ онъ имѣетъ нужду. Въ доброй порціи земляники, отвѣчаетъ нашъ подагрикъ. Принесена была ягода; и Линней на другой же день безъ малѣйшаго препятствія могъ за-

ниматься обыкновенною своею работою. Спустя три года, снова подагра начала изрѣдка навѣщать Ботаника; но ея нападенія были уже гораздо слабѣе, нежели прежде, и каждой разъ уступала она цѣлебной силѣ земляники. Съ того времени Линней не пропускалъ ежегодно пользоваться сею ягодой: кровь его очистилась, здоровье укрѣпилось, нравъ прояснился, и онъ прожилъ въ такомъ состояніи до 71 года, всегда свободный отъ мучительной подагры.

— Въ заграничныхъ листкахъ пишутъ слѣдующее о состояніи Англійскихъ колоній въ Африкѣ: „Января 3го числа нынѣшняго года минуло *десять* лѣтъ, какъ Сіерра-Леонская Компанія уступила сіи колоніи Англійскому правительству; съ того времени населеніе тамъ увеличилось, нравы исправились такъ, что нынѣ на одной недѣлѣ болѣе бываетъ свадебъ, нежели прежде въ продолженіе цѣлаго года. Въ 1807 году было совершено 14 браковъ. Теперь число однихъ только учениковъ во Фритовнѣ и другихъ селеніяхъ значительно превосходитъ всѣхъ число жителей упомянутаго выше 1807 года. И такъ смѣло утверждать можно, что въ три года колоніи Африканскія гораздо болѣе оказали успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія, нежели другія колоніи Англійскія же въ продолженіе гораздо большаго

времени. При бывшемъ публичномъ испытаніи въ Ланкастерскихъ школахъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ мѣстнаго правительства, ученики читали даже стихи на Англійскомъ языкѣ своего сочиненія. Въ городѣ Регентстовнѣ находится 1500 Англичанъ, людей отличающихся гражданскою образованностію — тамъ, гдѣ за три передъ симъ года было гнѣздилище дикихъ. Флагъ Англійскій развѣвается на вершинѣ церкви Св. Карла, въ 1816 году построенной на Западномъ берегѣ Африки, и нынѣ столько распространенной, что въ ней до 1,400 человѣкъ можетъ помѣститься. Всѣ домы весьма красивы; они построены отпущенными на волю Неграми подъ надзоромъ инженера и съ помощію нѣсколька солдатъ Англійскихъ. Въ городѣ Регентстовнѣ считается уже до 1700 Негровъ свободныхъ, совершенно ознакомленныхъ съ образованностію гражданскою.

— Г. *Белцонни*, по препорученію правительства Англійскаго отыскивающій древности въ Египтѣ, нашелъ въ Изамбулѣ, въ Нубіи, храмъ, который донынѣ еще не былъ описанъ ни однимъ Европейцомъ. Зданіе сіе имѣетъ въ длину 152 фута, заключаетъ въ себѣ 14 комнатъ и окружено обширнымъ дворомъ, гдѣ находится 8 статуй колоссальныхъ, вышиною каждая въ 30 футовъ; стѣ-

ни храма покрыты гіероглифами, совершенно уцѣлѣвшими. Въ Ѳивахъ нашелъ онъ колоссальную голову, большую Мемноновой; ибо мѣра въ ней отъ шеи до верха 10 футовъ. Она такъ чисто выглажена, что кажется теперь только вышедшею изъ рукъ художника. При тщательномъ разсматриваніи надгробныхъ памятниковъ Царей Египетскихъ г. Бельцони нашелъ гробницу *Аписа* и даже мумію быка, которая наполнена была смолою. Въ одной изъ гробницъ замѣтилъ онъ алебастровый камень, прозрачный, мѣрою въ длину 9, а въ ширину 3½ футовъ, звенящій какъ серебро и украшенный гіероглифами. Всѣ сіи древности будутъ отправлены въ Англію.

— Въ непродолжительномъ времени выдетъ въ свѣтъ первый *Еврейскій переводъ Гораціевыхъ писемъ*. Поводомъ къ сему предпріятію, которое по мнѣнію свѣдущихъ оріенталистовъ, и именно славнаго Ейхгорна, удалось наилучшимъ образомъ, была мысль одного ученаго мужа, утверждавшаго, будто бы Латинскихъ стиховъ не возможно перевести на Еврейскій языкъ.

— Въ Сѣверо-Американскихъ газетахъ города Филадельфіи пишутъ, что предводительствующій инсургентами, извѣстный Генералъ

оливаръ (которой неодинъ уже разъ былъ битъ), повѣшенъ, разбитъ, взятъ въ плѣнъ, пять отыскался въ Сенъ-Фернандесѣ съ корпусомъ Креоловъ и Мулаттовъ, и что дождливая погода остановила военныя его дѣйствія.

Къ благотворителямъ.

За нѣсколько дней передъ симъ я спѣшилъ къ одному мнѣ давно знакомому человѣку сказать ему, что нахожу для него мѣсто, въ которомъ онъ имѣлъ необходимую нужду, будучи бѣденъ и женатъ. Не застаю никого на квартирѣ; спрашиваю объ немъ, и мнѣ говорятъ, что онъ пятый день какъ — умеръ! — „А жена? а ребенокъ?“ — На кладбищѣ. — Я непремѣнно желалъ видѣть злополучную женщину и дождался ея возвращенія. Въ слезахъ, въ отчаяніи, съ младенцомъ у груди предстала она глазамъ моимъ. Рыданіе препятствовало ей говорить. Но я узналъ, что мужъ ея умеръ, въ короткое время, отъ жестокой простуды и — вѣроятно — отъ глубокой горести; что оставя жену и ребенка, не могъ оставить имъ ни пропитанія, ни пристанища, ни какой-либо надежды, кромѣ Бога, отца и утѣшителя несчастныхъ! Я сказалъ бѣдной женщинѣ, что пришелъ-было съ извѣстіемъ о мѣстѣ для покойника. — „Онъ уже *опредѣлился*!“ сказала она съ неизъяснимымъ выраженіемъ! . . . „Опредѣлился!“ повторилъ я невольно за нею — и никогда не позабуду сего слова.

Кто же былъ покойникъ? Онъ былъ очень хорошій дворянинъ, наидобрѣйшій человѣкъ; служилъ въ арміи Прапорщикомъ, и отставленъ тѣмъ же чиномъ; служилъ потомъ въ *милиціи* и *ополченіи* — вездѣ съ честію; имя его *Григорій Николаевичъ Севчинъ*. Дары сострадания и милосердія найдутъ печальную вдову (*) съ сиротою въ Пречистенской Части у Покрова въ Левшинѣ, въ домѣ дьячка.

Князь Шаликовъ.

2 Августа 1818 года.

Москва.

ПОПРАВКИ.

Въ № 14 *Вѣстника Европы* 1818 *должно быть: стран.* 94 *строк.* 5 *съ улыбкой; стран.* 112 *строк.* 20 *мѣлъ* (*вмѣсто мѣдь*).

КОНЕЦЪ С ЧАСТИ.

(*) Ее зовутъ Катериной Петровной.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стран.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

III. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

Стран.

IV. СМѢСЬ.

Къ сей книжкѣ прилагается картинка.